ВІЦЕБСКІ КРАЙ

2

ВІЦЕБСКІ КРАЙ

Да 385-годдзя выдання “Буквара” Спірыдона Собаля

2

ГАЛОЎНАЕ ЎПРАЎЛЕННЕ ІДЭАЛАГІЧНАЙ РАБОТЫ, КУЛЬТУРЫ
І ПА СПРАВАХ МОЛАДЗІ ВІЦЕБСКАГА АБЛВЫКАНКАМА

ДЗЯРЖАЎНАЯ ЎСТАНОВА
«ВІЦЕБСКАЯ АБЛАСНАЯ БІБЛІЯТЭКА ІМЯ У.І. ЛЕНІНА»

УСТАНОВА КУЛЬТУРЫ «ВІЦЕБСКІ АБЛАСНЫ КРАЯЗНАЎЧЫ МУЗЕЙ»

УСТАНОВА АДУКАЦЫІ «ВІЦЕБСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ІМЯ П.М. МАШЭРАВА»

КАФЕДРА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

ВІЦЕБСКІ КРАЙ

Т. 2

Матэрыялы II Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 385-годдзю выхаду ў свет «Буквара» Спірыдона Собаля

24 лістапада 2016 г., Віцебск

Мінск 2017

УДК 947 (Р476.5)
ББК 63.3 (4 Беи-Вит)5
В54

Рэцэнзенты:
дэкан гістарычнага факультэта ўстановы адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава»,
доктар гістарычных навук, прафесар В. А. Космач,

загадчык аддзела крыніцазнаўства і археаграфіі дзяржаўнай навуковай
установы «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»,
кандыдат гістарычных навук А. Б. Доўнар,

загадчык кафедры гісторыі Беларусі ўстановы адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава»,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт А. М. Дулаў

Рэдакцыйная калегія:
Т. М. Адамян (гал. рэд.), В. М. Камендантава, Л. І. Рагачова,
В. М. Аўсяннікава, А. М. Васілеўская, Н. В. Фенчанка

На вокладцы – царква Аршанскага Куцеінскага манастыра Магілёўскай губерні

Віцебскі край : матэрыялы II Міжнароднай навукова-практычнай
В54 канферэнцыі, прысвечанай 385-годдзю выхаду ў свет «Буквара» Спірыдона Собаля, 24 лістапада 2016 г., Віцебск / Галоўнае ўпраўленне ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Віцебскага аблвыканкама, Дзяржаўная ўстанова «Віцебская абласная бібліятэка імя У. І. Леніна», Установа культуры «Віцебскі абласны краязнаўчы музей», Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава», Кафедра гісторыі Беларусі ; [рэдкал.: Т. М. Адамян (гал. рэд.) і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2017. – Т. 2. – 336 с.
ISBN 978-985-7125-21-0

У т. 2 штогадовага выдання «Віцебскі край» увайшлі матэрыялы II Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 385-годдзю выхаду ў свет «Буквара» Спірыдона Собаля, якая адбылася 24 лістапада 2016 г. у ДУ «Віцебская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна».

Выданне адрасавана гісторыкам, музейным супрацоўнікам, архівістам, краязнаўцам, бібліятэкарам, педагогам, усім, хто цікавіцца гісторыяй роднага краю.

УДК 947 (Р476.5)
ББК 63.3 (4 Беи-Вит)5

ISBN 978-985-7125-21-0

© Дзяржаўная ўстанова «Віцебская абласная бібліятэка імя У. І. Леніна», 2017
© Дзяржаўная ўстанова «Нацыянальная бібліятэка Беларусі», 2017

ПРАДМОВА

24 лістапада 2016 г. у ДУ «Віцебская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна» адбылася II Міжнародная навукова-практычная канферэнцыя «Віцебскі край», прысвечаная 385-годдзю выхаду ў свет «Буквара» Спірыдона Собаля. Арганізатарамі мерапрыемства выступілі Віцебская абласная бібліятэка імя У.І. Леніна, Віцебскі абласны краязнаўчы музей і Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава.

Для ўдзелу ў канферэнцыі было пададзена больш за 60 заявак ад краязнаўцаў, гісторыкаў, супрацоўнікаў архіваў, музеяў, бібліятэк, вышэйшых навучальных устаноў з Беларусі, Расіі, Латвіі. Сярод беларускіх удзельнікаў мерапрыемства былі прадстаўнікі з Мінска, Віцебска, Брэста, Гомеля, Магілёва, Полацка, раённых цэнтраў Віцебскай і Брэсцкай абласцей. Каля 50 выступоўцаў прынялі ўдзел у рабоце наступных секцый: «Гістарычнае краязнаўства», «Літаратурнае краязнаўства і мастацкая культура», «Культурна-асветныя ўстановы ў сістэме сучаснага краязнаўства», «Рэлігійнае жыццё: гісторыя і сучаснасць». Шырокая тэматыка дакладаў закранала разнастайныя пытанні гісторыі Беларусі, гісторыі мастацтва і кнігадрукавання, літаратуразнаўства, краязнаўства.

У т. 2 штогадовага выдання «Віцебскі край» увайшлі матэрыялы II Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Яно адрасавана гісторыкам, музейным супрацоўнікам, архівістам, краязнаўцам, бібліятэкарам, педагогам, усім, хто цікавіцца гісторыяй роднага краю.

ГІСТАРЫЧНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА

Агееў А.Р. *(г. Магілёў)*

ДЗЕЙНАСЦЬ СПІРЫДОНА СОБАЛЯ Ў КАНТЭКСЦЕ БЕЛАРУСКА-ЎКРАІНСКІХ ШКОЛЬНЫХ СУВЯЗЕЙ КАНЦА XVI – XVII ст.

У XVI – пачатку XVII ст. на беларускіх землях фарміруецца сістэма асветы, адпаведная новаму часу: узнікаюць пратэстанцкія, каталіцкія і праваслаўныя школы. Яны ўсё шырэй адкрываюцца пры кляштарах, саборах, цэрквах і зборах. Аб дзейнасці першых навучальных устаноў на Магілёўшчыне засталося вельмі мала сведчанняў. Тым не менш гістарычныя дакументы відавочна сведчаць, што ў XVII–XVIII стст. украінскія і магілёўскія землі знаходзіліся ў адной культурнай прасторы, а іх узаемасувязі і ўзаемаўплывы ярка выявіліся ў галіне асветы і школьнай адукацыі, найперш праваслаўнай.

На ўсходніх землях Беларусі ў другой палове XVI – пачатку XVII ст. найбольш шырокае распаўсюджванне сярод пратэстанцкіх плыняў атрымаў кальвінізм. Менавіта кальвіністаў можна лічыць першапраходцамі новага этапу развіцця асветы і адукацыі на беларускіх землях, якія здолелі стварыць сваю школьную сетку. У 1570 г. у Беларусі налічваліся 163 кальвінісцкія зборы. На Магілёўшчыне яны дзейнічалі ў Магілёве, Оршы, Шклове [2, с. 141].

Каталіцкія навучальныя ўстановы на тэрыторыі Беларусі былі прадстаўлены саборнымі, кафедральнымі, манастырскімі, дыяцэзіяльнымі школамі. Станаўленню навукі, развіццю еўрапейскай сістэмы адукацыі ў Беларусі садзейнічала дзейнасць каталіцкай арганізацыі «Таварыства Езуса». У XVII ст. намаганнямі езуітаў школы і калегіумы былі створаны ў Оршы, Бабруйску, Магілёве, Мсціславе і іншых гарадах усходняй Беларусі [2, с. 119]. Невялікія школы існавалі пры езуіцкіх рэзідэнцыях і місіях у Клімавічах, Расне. З мэтай прыцягнення моладзі ў езуіцкія школы навучанне ў іх вялося не толькі на лацінскай, польскай мовах, але і на беларускай. У Магілёве езуіцкая рэзідэнцыя, заснаваная вядомым царкоўным дзеячам Я. Здановічам, дзейнічала з 1680 па 1779 г. Ёй падпарадкоўваліся езуіцкія місіі ў Гомелі, Фашчаве, Хальчы, Чачэрску і інш. Каля 1684 г. пры рэзідэнцыі была адкрыта музычная бурса, з 1691 г. працавала школа.

Праваслаўнае насельніцтва не жадала саступаць прадстаўнікам іншых веравызнанняў як у плане матэрыяльнага дабрабыту, так і ў духоўнай сферы. Развіццё пратэстанцкай і каталіцкай агульнадаступнай школьнай адукацыі мела відавочную празаходнюю арыентацыю і стала выклікам для праваслаўнай супольнасці, якая ўласнай адукацыйнай традыцыі яшчэ не выпрацавала. Але адказ патрабаванням часу быў дастаткова хутка знойдзены. У 1585 г. была

адкрыта брацкая школа ў Вільні, а ў 1586 г. пачала працаваць Львоўская школа, якая стала першай брацкай школай на ўкраінскіх землях. Пры падтрымцы праваслаўнай шляхты ў канцы XVI – пачатку XVII ст. у Вільні, Львове, Магілёве, Брэсце, Луцку, Галоўчыне, Кіеве, Мінску, Пінску, Слуцку, Крычаве, Мсціславе, Оршы, Шклове, Полацку і іншых беларускіх і ўкраінскіх гарадах утвараюцца буйныя праваслаўныя брацтвы. Гэтыя рэлігійна-нацыянальныя арганізацыі праваслаўнага гарадскога насельніцтва Беларусі і Украіны ў XVI–XVIII стст. арганізоўвалі свае брацкія школы. Да пачатку XVII ст. у Рэчы Паспалітай існавала ўжо каля 30 такіх школ.

Магілёў дазвол на стварэнне гарадской школы атрымаў разам з наданнем яму Стэфанам Баторыем магдэбургскага права ў 1577 г., але ва ўмовах Лівонскай вайны горад не здолеў ім скарыстацца. Толькі ў 1590–1592 гг. (але ў ліку першых на беларускіх землях) магілёўскія мяшчане стварылі брацтва і адкрылі брацкую школу пры Спаскім манастыры [2, с. 53]. У Магілёўскай, як і ў Віленскай школе, з самага пачатку выкладалі чатыры мовы – царкоўнаславянскую, «простую мову» (беларускую), латынь і польскую – а таксама вывучалі дыялектыку, рыторыку, арыфметыку, геаметрыю, астраномію, геаграфію. Навучанне вялося на царкоўнаславянскай і беларускай мовах [4, с. 22–23, 54]. Выкладанне лацінскай і польскай моў з моманту заснавання вылучае магілёўскую школу з ліку іншых брацкіх школ на тэрыторыі Беларусі. У гэты ж час узнікаюць брацкія школы ў Шклове, пры Баркалабаўскім манастыры, у Куцейне пад Оршай і Буйнічах пад Магілёвам. У брацкіх школах навучаліся дзеці розных слаёў гарадскога насельніцтва. У большасці школ акрамя моў вывучаліся дыялектыка, астраномія, арыфметыка, музыка, а гісторыя і геаграфія як асобныя прадметы не выкладаліся. Брацкія школы кіраваліся статутамі, у аснове якіх ляжалі педагагічныя прынцыпы, распрацаваныя і прадстаўленыя ў статуце Львоўскай брацкай школы. Гэты статут быў своеасаблівым узорам для магілёўскай школы. У статуце Магілёўскай брацкай школы 1597 г. так і гаворыцца: «…беручы прыклад з іншых мест», што хутчэй за ўсё ўказвае на запазычанне вучэбнай праграмы Львоўскай школы 1590 г. [5, с. 27–29; 6, с. 30].

Першымі настаўнікамі ў магілёўскай школе былі ў асноўным выхадцы з Кіева: Касовіч, «студэнт з Кіева», навучаў латыні, Цімафей Грыбач і Павел Іеўлеў – рускаму чытанню, Афанасій Стралецкі – «пачаткам латыні», Фёдар Тарасовіч – маральнасці. Вядомыя імёны настаўнікаў: Каткоўскі, Фама Тавбаровіч і Радко, Ігнат Іяўлевіч, Д. Макарэвіч, Васілеўскі, Сава Андрэевіч, які меў ступень магістра, а значыць вучыўся ў нейкім універсітэце [4, с. 56–57].

У 1624 г. будынак магілёўскай школы перайшоў да ўніятаў, аднак у 1633 г. выкладанне аднавілася. У 1654 г., пасля таго як рускія войскі занялі Магілёў, цар Аляксей Міхайлавіч дараваў брацкаму вучылішчу правы, роўныя з кіеўскай школай. Пасля вяртання ў 1667 г. горада ў склад Рэчы Паспалітай выкладанне ў школе па-ранейшаму адбывалася па праграме кіеўскай калегіі.

Брацкія друкарні Украіны і Беларусі выдалі вялікую колькасць вучэбных дапаможнікаў. Першыя ў Беларусі друкарні з'явіліся на ўсходзе краіны (у Буйнічах пад Магілёвам (1635), Бялынічах (1638–1653) і Куцейне пад Оршай) паралельна з друкарнямі ў Вільні, Брэсце і Нясвіжы. Асабліва актыўна мясцовае кнігадрукаванне пачало развівацца з пачатку XVII ст., калі ў 1616 г. была створана друкарня пры Магілёўскім брацтве, якая з перапынкамі працавала да 1773 г. Магілёў і Куцейна сталі галоўнымі цэнтрамі кірылічнага кнігадрукавання Беларусі з другой чвэрці XVII ст. Менавіта ў гэты час склалася Магілёўская школа гравюры. Яе стварэнню садзейнічалі кнігавыдаўцы Спірыдон Собаль і Фёдар Грышановіч, мастакі-гравёры Максім і Васіль Вашчанкі, Фёдар Ангілейка [1, с. 26]. Магілёўскія друкарні былі вядомы далёка за межамі нашага рэгіёна і надалей.

Сярод выбітных асоб асветы і школьнай адукацыі гэтага часу, спадчыну якіх немагчыма і непатрэбна дзяліць украінскаму і беларускаму народам, вылучаюцца Лаўрэнцій Зізаній, Мялецій Сматрыцкі, Спірыдон Собаль. На мяжы XVI–XVII стст. у Буйнічах пад Магілёвам настаўнічаў беларускі і ўкраінскі асветнік, педагог, царкоўны дзеяч Лаўрэнцій Зізаній. Ён працаваў выкладчыкам брацкіх школ у Львове (да 1592 г.), Брэсце (1592–1595), Вільні (1595–1597), хатнім настаўнікам сына крычаўскага старасты Б. Саламярэцкага (1597–1600) і дзяцей князя А.К. Астрожскага (1600–1602), пасля ў князя Я. Карэцкага на Валыні (да 1618 г.). У 1596 г. у Вільні Лаўрэнцій Зізаній першым у Беларусі і Украіне надрукаваў азбуку «Наука ку читаню и розуменю писма словенскаго» з малюнкамі. У гэтым жа годзе ім была выдадзена «Грамматіка словенска съвершеннаго искуства осми частій слова». Буквар і граматыка Зізанія мелі значны ўплыў на развіццё мовазнаўчай навукі ўсходніх і паўднёвых славян. Свой унёсак у развіццё брацкіх школ Беларусі зрабіў аўтар вядомай «Граматыкі славенскай…» беларускі і ўкраінскі асветнік, пісьменнік-палеміст, царкоўны і грамадскі дзеяч Мялецій Сматрыцкі. З 1600 г. ён жыў у князя Б. Саламярэцкага ў в. Баркулабава на Магілёўшчыне (па іншых звестках, у Буйнічах).

Біяграфія буйнейшага беларускага асветніка XVII ст. Спірыдона Собаля з'яўляецца яскравым прыкладам сувязей і ўзаемаўзбагачэння школьных сістэм Магілёўшчыны і Кіеўшчыны. Будучы рэктар Магілёўскай і Кіеўскай брацкіх школ нарадзіўся ў Магілёве ў сям'і магілёўскага бурмістра Б.І. Собаля ў канцы XVI ст. Напэўна, адукацыю атрымаў у Кіеве. У Магілёўскай брацкай школе пачаў працаваць настаўнікам, а затым стаў яе рэктарам. З 1624 г. пачынаецца настаўніцкая праца ў Кіеўскай брацкай школе, дзе ў 1626 г. яго выбіраюць рэктарам.

Значна лепш нам вядомы друкарскі перыяд у жыцці асветніка. У 1628–1630 гг. у Кіеве каля Уваскрасенскай царквы на Падоле Спірыдон Собаль друкаваў кнігі ў доме мітрапаліта Іова Барэцкага, пасля смерці якога вярнуўся ў Беларусь. З 1630 г. у Куцейне пад Оршай і затым у Буйнічах пад Магілёвам

(каля 1635) ён прымаў удзел у заснаванні друкарань, дзе працягваў выдаваць кнігі. Акрамя кніг для царквы Спірыдон Собаль выдаў кнігі для хатняй малітвы, кнігі маральна-павучальнага зместу, пераклады з грэчаскай мовы і буквары. Менавіта дзякуючы апошнім ён найбольш вядомы.

На сённяшні дзень адзіны вядомы экзэмпляр першага «Буквара…» Спірыдона Собаля захоўваецца ў Львове ў Музеі ўкраінскага мастацтва. Яго можна лічыць першым беларускім спецыялізаваным падручнікам. Спірыдон Собаль не толькі надрукаваў першы «Буквар…», але і ўпершыню ўвёў ва ўжытак само слова «буквар», якое пазней замацавалася як назва першага падручніка, па якім дзеці пачынаюць вучыцца чытаць і пісаць. «Букварь сиречъ, начало ученіа детем начинающим чтенію извыкати» быў выдадзены ў Куцейне ў 1631 і 1636 гг., а ў Магілёўскай брацкай друкарні ў 1636 г. – «Букварь языка славеньска».

Куцеінскі «Буквар…» утрымліваў першапачатковыя веды па граматыцы, якія давалі магчымасць авалодаць тэхнікай пісьма і чытання. Кніга мела 40 аркушаў. Яна стала шырока вядома ва Украіне, ВКЛ і Масковіі. 44 літары алфавіта, вялікія і маленькія, спачатку друкаваліся ў звычайным, а затым у зваротным парадку. Пасля ішлі двухлітарныя і трохлітарныя склады, многія – як самастойныя словы: «рай», «май», «мне»… Далей навучэнцам прапаноўваліся словы на асобныя літары. У буквары ўтрымліваюцца звесткі аб націску, знаках прыпынку, скланенні назоўнікаў, прыметнікаў, дзеепрыметнікаў. Пад назвай «Парадеігмата» была прадстаўлена табліца пяці скланенняў старославянскай мовы. Спецыяльны раздзел чытанкі прысвечаны хрысціянскім запаведзям, накіраваным на фарміраванне высокіх маральных якасцей.

У Магілёўскай брацкай школе ў 20-я гг. XVII ст. вучыліся вядомыя праваслаўныя дзеячы Ігнат і Фама Іяўлевічы, што дазволіла ім паступіць адпаведна ў Замойскую і Кракаўскую акадэміі. Фама Якаўлевіч Іяўлевіч (Еўлевіч), – культурны і рэлігійны дзеяч Рэчы Паспалітай, польскамоўны паэт, гуманіст, нарадзіўся ў Магілёве, у 1628–1631 гг. быў рэктарам Кіеўскай брацкай школы. Пасля ўтварэння Кіева-Магілянскага калегіума вярнуўся ў Магілёў.

Такім чынам, плённасць украінска-беларускіх культурных кантактаў засведчана часам. Узорам для брацкіх школ быў статут Львоўскай брацкай школы, а пазней праграмы кіеўскага калегіума. Для праваслаўнай школьнай адукацыі XVII–XVIII стст. цэнтрам падрыхтоўкі школьных кадраў з'яўляўся Кіеў. Назіралася ўзаемная ратацыя настаўнікаў, пры гэтым пераважаў рух настаўнікаў з Кіева на Магілёўшчыну. Беларускія і ўкраінскія брацкія школы з пункта гледжання агульнаеўрапейскіх працэсаў можна разглядаць у кантэксце станаўлення гарадскіх і цэхавых школ Еўропы. У выданні вучэбных дапаможнікаў вялікую ролю адыгралі магілёўскія друкары, сярод якіх адным з самых вядомых і плённых лічыцца Спірыдон Собаль.

ЛІТАРАТУРА

1. **Агеев, А. Г.** Перекрестки могилевской истории / А. Г. Агеев, Я. И. Климуть, И. А. Пушкин. – Минск : Туринфо, 2004. – 216 с. : ил.

2. **Асвета** і педагагічная думка ў Беларусі : са старажыт. часоў да 1917 г. / [М. М. Абраменка і інш. ; рэдкал.: М. А. Лазарук (адк. рэд.) і інш.]. – Мінск : Народная асвета, 1985. – 464 с.

3. **Блинова, Т. Б.** Иезуиты в Беларуси. Роль иезуитов в организации образования и просвещения / Т. Б. Блинова. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 425 с.

4. **Жудро, Ф. А.** История могилевского Богоявленского братства / Ф. А. Жудро. – Могилев на Днепре : Скоропечатня и литография Ш. Фридманда, 1890. – 112 с.

5. **Науменко, В. В.** Очерки истории образования Могилевщины / В. В. Науменко, В. С. Богданов, А. Р. Агеев ; под общ. ред. Л. С. Смотрицкого. – Могилев : МГОИРО, 2012. – 504 с. : ил.

6. **Самусік, А. Ф.** Магілёўская брацкая школа ў святле эвалюцыі агульнаеўрапейскай гуманістычнай сістэмы педагогікі XVI–XVII стагоддзяў / А. Ф. Самусік // Гістарычнае і сацыякультурнае развіццё Магілёва : зб. навук. прац / уклад. І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. – Магілёў, 2007. – С. 27–33.

Анисяев М.А. *(г. Минск)*

ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЬБЫ С ДЕЗЕРТИРСТВОМ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В 1919–1920 гг.

Первые бои между частями Западного фронта и польскими легионерами в марте 1919 г. показали слабую обученность соединений Красной Армии, что явилось результатом формирования их в походных условиях. Особенностью Западного фронта было и то, что его части и соединения создавались как национальные формирования из населения Беларуси и советских прибалтийских республик, образовавшихся в этот период. Это создавало благодатную почву для проявления элементов сепаратизма и местничества. Стремление некоторых военных руководителей этих республик обособить воинские соединения, изъять управление ими из подчинения командования Западного фронта способствовало нарушению единства управления частями фронта [1, с. 68]. Красная Армия отступала, над Беларусью нависла угроза оккупации войсками Польши.

Чрезвычайно сложной была и политическая обстановка в районе боевых действий. Националисты настраивали население прифронтовой полосы против советской власти, в тылу войск действовала польская агентура. Контрреволюционными элементами проводилась идеологическая обработка личного состава Красной Армии. В то же время в частях политическая работа среди красноармейцев находилась не на должном уровне, имели место недостатки в снабжении частей продовольствием, денежным довольствием и

обмундированием – все это не могло не оказать влияния на наименее устойчивую часть красноармейцев, особенно из среды местного населения. Участились случаи массового отказа от исполнения приказов, боевые позиции самовольно покидали иногда целые подразделения.

Уклонение от мобилизации и дезертирство наносили огромный вред Красной Армии. Они не только уменьшали ее численность, но в ряде случаев усиливали банды, деморализующе влияли на неустойчивые в идейном и моральном отношении красноармейцев. В тылу войск действовали многочисленные банды, численность которых доходила до нескольких сотен. По данным председателя Минской губернской комиссии по борьбе с дезертирством, на июль 1919 г. только в семи уездах губернии уклонялось от призыва «самое меньшее» 28–35 тыс. человек [4].

Борьба с дезертирством была возложена на созданные при военных комиссариатах губернские и уездные (тыловые) комиссии, работой которых руководила Центральная комиссия, и поэтому она в прямые задачи особых отделов (военной контрразведки) не входила. Первоначально особым отделам отводилась пассивная роль – при обнаружении уклоняющихся от воинской повинности лиц передавать их в распоряжение местных комиссий по борьбе с дезертирством. В мае 1919 г. в результате непрекращающегося дезертирства и активных боевых действий со стороны Польши сложилась напряженная обстановка на Западном фронте. Эти обстоятельства заставили военно-политическое руководство страны принять срочные меры по укреплению боеспособности армии и тыла. С целью организации действий по ликвидации вооруженных дезертиров создавались оперативные тройки в составе председателя губернской комиссии по борьбе с дезертирством, представителей губернского партийного комитета и Губчека. На них возлагались координирующие действия, а вся ответственность за борьбу с дезертирством в губернии оставалась за губернской комиссией по борьбе с дезертирством.

Однако жизнь очень скоро показала недостаточность деятельности губернских оперативных троек. Учитывая это, 6 июля 1919 г. в Смоленске Реввоенсовет Республики (РВСР) организовал Оперативный штаб по борьбе с дезертирством. Тем самым РВСР сделал попытку объединить и скоординировать усилия оперативных троек на территории Западного фронта в борьбе с дезертирством и по укреплению общественного порядка на местах.

По мнению автора, указанные меры не могли устранить данную проблему, так как решали только частные задачи; основные условия возникновения дезертирства как явления не устранялись, поэтому оно оставалось на высоком уровне. Видя такое положение, РВСР выразил обеспокоенность тем, что «работа существующих органов не дает положительных результатов, бандитизм получает все большее и большее распространение» [6]. Реагируя на это беспокойство, РВС Западного фронта по своей инициативе в ноябре

1919 г. разработал Положение о чрезвычайной тройке по борьбе с дезертирством и бандитизмом в пределах фронта. Необходимость реорганизации и упорядочения деятельности органов, ведущих борьбу с дезертирством, была очевидна. В этой связи РВСР приказом № 1927 от 17 ноября 1919 г. предписал образовать полевые комиссии по борьбе с дезертирством и при реввоенсоветах фронтов, армий и при штабах дивизий в составе трех членов: комиссара штаба, представителей политотдела и особого отдела. Председателем комиссии назначался комиссар штаба. На эти комиссии возлагалась вся борьба с дезертирством во фронтовой и прилегающей к фронту полосе. В соответствии с этим приказом РВСР Западного фронта 23 декабря 1919 г. образовал полевую комиссию в составе военного комиссара штаба фронта, сотрудника политотдела и военного следователя особого отдела Павульсона [7]. Процесс создания полевых комиссий по борьбе с дезертирством на Западном фронте затянулся до весны 1920 г.

Летом 1920 г. Западный фронт готовился к решительным боям с войсками Польши. 15-я армия Западного фронта по условиям стратегической обстановки имела задачу нанести главный удар по противнику на территории Витебской губернии. Однако там с наступлением теплого времени появилась банда дезертиров, причем деятельность ее имела очень активный характер [8]. РВСР потребовал, чтобы в течение ближайших трех недель уклонение от явок, незаконные отлучки и дезертирство были «вырваны с корнем» [9]. Борьба с дезертирством велась как путем широкой агитации, так и карательными мерами: облавами, арестами и конфискацией имущества у дезертиров и их укрывателей; к наиболее злостным дезертирам применяли расстрел [2, с. 4]. При ликвидации вооруженных банд полевые комиссии в качестве основной силы для облав, создания заградительных отрядов использовались отдельные роты и полки особого назначения при реввоенсоветах армии, а с июня 1920 г. – отряды особого назначения при особых отделах. От умелого их применения зависел успех борьбы с дезертирством. Так, три отдельные роты, находящиеся в Сураже и Велиже, своим присутствием сорвали попытку дезорганизовать бандитами сплав леса по Западной Двине.

В этот же период СТО своим постановлением от 12 мая 1920 г. установил неделю добровольной явки, освобождающей дезертиров от ответственности. Выполняя это постановление, партийные организации и ревкомы Витебской и Гомельской губерний провели широкую разъяснительную работу среди населения о добровольной явке дезертиров. Эта кампания ожидаемых результатов не дала [10]. Количество дезертиров к маю 1920 г. превысило 400 тыс. Этому способствовало крайне негативное отношение крестьянства к продразверстке и всякого рода реквизициям [10]. Однако мер к более активной борьбе с бандитизмом и действительному их искоренению почти не принималось.

Командование Западного фронта, учитывая предстоящее общее наступление, в целях обеспечения безопасности тыла Красной Армии, борьбы с польским шпионажем и бандитизмом решило провести генеральную чистку тыла от дезертиров и «вредного элемента» путем ликвидации банд и выселения за тыловую линию лиц польской национальности.

Для организации этих мероприятий на основании приказа РВС Западного фронта были созданы Особые комиссии по очистке прифронтовой полосы от «вредного элемента» [11]. Особые отделы входили в состав этих комиссий. Однако единого мнения о категории выселяемых не было. Так, 10 мая 1920 г. в Витебске комиссия в составе заместителя начальника особого отдела 15-й армии С.С. Турло, заместителя заведующего секретным отделом Витебской губернии Губчека Громова и начальника гарнизона Масена обсудила вопрос об очистке прифронтовой полосы, в частности Витебска и губернии, от подозрительного и «вредного элемента». Комиссия предложила произвести регистрацию лиц обоего пола польской национальности от 16 до 60 лет по особой анкете [12]. Однако присутствующий представитель Особого отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) Маковский категорически настаивал на регистрации и литовцев. Для получения санкции председатель комиссии С.С. Турло по прямому проводу в тот же день переговорил с членом РВС Западного фронта Н.С. Тихменевым, который и предложил вопрос о регистрации литовцев пока оставить открытым, так как указаний о регистрации лиц литовской национальности не было. На следующий день пришла телеграмма ВЧК о регистрации только поляков.

12 мая 1920 г. был разработан и опубликован в газете приказ, согласно которому предписывалось «всем гражданам польской национальности обоего пола, проживающим в г. Витебске и уезде, в возрасте с 16 до 60 лет зарегистрироваться в помещении особого отдела... Лица, не зарегистрировавшиеся до 16 мая с. г., будут считаться белогвардейскими шпионами и караться по законам военного времени... Лица, укрывшие шпиона или содействующие укрывательству таковых, будут караться наравне со шпионами» [13]. Однако на регистрацию начали являться не только поляки, но и белорусы, литовцы и другие, исповедовавшие римско-католическую веру [14], поскольку по обычаю считали себя поляками. В связи с чем 13 мая 1920 г. был опубликован дополнительный приказ, согласно которому регистрации подлежали лишь лица польской национальности, независимо от вероисповедания [15].

27 июня 1920 г. РВС Западного фронта ужесточил меры и издал приказ № 1393 о выселении из боевой зоны всех поляков в возрасте от 16 до 55 лет. Коменданты штабов дивизий, бригад и полков при содействии особого отдела начали выселение из боевой зоны за тыловую линию всех поляков по их бывшему социальному положению и прошлому, представлявших враждебный советскому строю элемент:

– бывших помещиков, владельцев крупных предприятий, торговцев, директоров фабрик, заводов, банков, управляющих имениями, заводами и предприятиями;

– лиц подозрительных, против которых не было достаточных улик для привлечения к судебной ответственности;

– состоятельных крестьян, которые привлекали других лиц для обработки земли;

– лиц свободных профессий, которые нелояльно относились к советскому строю;

– лиц, не имеющих определенных занятий и источников к существованию [16].

Выселению не подлежали поляки – члены РКП(б) и трудовое население. Ответственность за выселение вышеперечисленных категорий в глубь России возлагалась на губернские ЧК, которые осуществляли это через губернские, уездные и волостные ревкомы и исполкомы. В первую очередь выселяли мужчин, во вторую подозрительных женщин. Семьи тех и других оставались на месте. Одновременно РВС Западного фронта ужесточил репрессии, издал приказ о конфискации имущества как у дезертиров, так и их укрывателей [5, с. 104]. Июнь кульминационный в развитии репрессий: караются не только дезертиры, но и те, кто их укрывает. В результате организационно-массовой, политико-воспитательной работы и в основном карательных мер тыл Западного фронта был в значительной мере очищен от дезертиров, бандитов и враждебного элемента [17].

По мнению автора, огульный подход к выселению по национальному признаку, необоснованные конфискации привели к нарушению законности. Это озлобляло людей. Чтобы избежать высылки, многие переходили на нелегальное положение и в конечном итоге составляли основное ядро бандитских формирований, с которыми приходилось впоследствии (вплоть до июля 1922 г.) бороться [3, с. 102]. Положение в Беларуси продолжало оставаться напряженным.

Первоначальная недооценка командованием серьезности предстоящей борьбы с дезертирством и, как следствие, отсутствие выработки соответствующей системы мер впоследствии привели к росту такового. Применение же в основном карательных мер, которые подрывали престиж советской власти, доверие к ней, давало организаторам антисоветских выступлений дополнительные аргументы. Особые отделы в этой борьбе использовались как вспомогательные органы. Когда дезертирство начало перерастать в бандитизм, наносящий непосредственный ущерб армии, командование поменяло тактику борьбы: особые отделы стали привлекаться к разработке чекистско-войсковых операций, для которых потребовалось их основное оружие – негласный аппарат.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бобылев, П. Н.** На защите Советской республики / П. Н. Бобылев. – Москва : Наука, 1981. – 151 с.

2. **Карасев, А.** Юность чекиста / А. Карасев // Советская Белоруссия. – 1999. – 30 апр.

3. **Майданов, И. И.** Из истории деятельности советской спецслужбы 1921–1929 гг. : на материалах Белорусской ССР / И. И. Майданов. – Москва : МГО–ПУ, 1995. – 130 с.

4. **Национальный** архив Республики Беларусь. – Фонд 200. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 40 об.

5. **Петриков, П. Т.** Ревкомы Белоруссии / П. Т. Петриков. – Минск : Наука и техника, 1975. – 285, [2] с.

6. **Российский** государственный военный архив (РГВА). – Фонд 104. – Оп. 5. – Д. 12. – Л. 141.

7. **РГВА.** – Фонд 104. – Оп. 4. – Д. 18. – Л. 813.

8. **РГВА.** – Фонд 201. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 15 об.

9. **РГВА.** – Фонд 104. – Оп. 5. – Д. 6. – Л. 175.

10. **РГВА.** – Фонд 200. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 49.

11. **РГВА.** – Фонд 104. – Оп. 4. – Д. 2626. – Л. 524.

12. **РГВА.** – Фонд 200. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 31.

13. **РГВА.** – Фонд 200. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 36.

14. **РГВА.** – Л. 33.

15. **РГВА.** – Фонд 200. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 32.

16. **РГВА.** – Фонд 104. – Оп. 4. – Д. 2626. – Л. 524.

17. **РГВА.** – Фонд 201. – Оп. 2. – Ед. хр. 760. – Л. 13.

Арлова А.Г. *(агр. Бачэйкава, Бешанковіцкі раён)*

АДЛЮСТРАВАННЕ ГІСТАРЫЧНАГА І КУЛЬТУРНАГА МІНУЛАГА в. БАЧЭЙКАВА Ў МАСТАЦКІМ ФІЛЬМЕ «ДЖЭНТЛЬМЕН І ПЕВЕНЬ» (1928 г.)

Аграгарадок Бачэйкава Бешанковіцкага раёна (раней вёска) знаходзіцца на скрыжаванні шашэйных дарог па абодва бакі р. Ула за 21 км ад г. п. Бешанковічы і за 72 км ад Віцебска. Годам заснавання лічыцца 1460 г., таму што ў Літоўскай метрыцы вёска ўпамінаецца менавіта пад гэтай датай.

Пра далёкае мінулае Бачэйкава і Бачэйкаўскага парку апавядаюць кнігі В.П. Цеханавецкага «Хроника одного поместья. Бочейково» (1905) і Р. Афтаназі «Гісторыя старых рэзідэнцый» (1991). Гэта першакрыніцы нашых ведаў аб тым як жылі, чым займаліся ўладары маёнтка і простыя сяляне. Але мясцовыя жыхары, старажылы вёскі захавалі ў памяці той момант, калі ў Бачэйкаве ў 1928 г. здымаўся мастацкі фільм «Джэнтльмен і певень».

Пра гэты факт мы не знайшлі друкаваных крыніц, нават кінагісторыкі не валодалі такой інфармацыяй. З 65 фільмаў (з іх – 45 нямых), выпушчаных студыяй Белдзяржкіно, «Джэнтльмен і певень» займае восьмы радок у спісе. Доўгія гады мы не маглі паглядзець гэтую стужку поўнасцю, у нашым распараджэнні былі толькі тры першыя часткі з субцітрамі на ўкраінскай мове. Былы Дзяржфільмафонд СССР (зараз Дзяржфільмафонд Расіі) знаходзіцца ў Расійскай Федэрацыі (г. Дамадзедава, Маскоўская вобл.). У Беларусі няма большасці іграваых стужак савецкага перыяду. Супрацоўнікі Дзяржфільмафонду Расіі згадзіліся на платнай аснове адрэстаўрываць і перадаць у Музей гісторыі беларускага кіно частку фільмаў, але сродкаў на набыццё фільмакопій выдзялялася мала. Таму ў 2011 г. Міхаіл Генадзьевіч Высоцкі *(брат аўтара артыкула – склад.)* аказаў Музею гісторыі беларускага кіно спонсарскую дапамогу – за яго грошы была набыта копія фільма «Джэнтльмен і певень». Такім чынам, да гістарычнага матэрыялу пра в. Бачэйкава далучыўся яшчэ адзін фільм.

Старажылы вёскі расказваюць, што летам 1928 г. здымачная група ехала па дарозе з Мінска ў пошуках месца для здымак. З левага боку адкрыўся прыгожы, увесь у кветках луг і цудоўны двухпавярховы палац, які тануў у зелені старасвецкіх дубоў. Адразу было вырашана тут спыніцца. У той час у палацы быў размешчаны дзіцячы дом, вакол якога было шмат будынкаў рознага прызначэння. Кінаэкспедыцыя заставалася тут жыць да канца здымак.

Былы настаўнік Бачэйкаўскай школы Мікалай Іванавіч Талстой успамінае: «У гэтым фільме ў так званых “масоўках” здымаліся мой бацька Талстой Іван Васільевіч, 1911 года нараджэння, і яго малодшы брат Талстой Гурый Васільевіч. Быў наладжаны адбор жадаючых, таму што іх было шмат. Яшчэ трэба было насіць сафіты, якія працавалі ад паравога генератара, трымаць іх у руках у час здымак. За гэта вельмі добра плацілі. За дзень працы бачэйкаўцы атрымлівалі паўрубля. У той час гэта было вельмі многа. У “масоўках” прымалі ўдзел таксама і выхаванцы дзіцячага дома».

Спачатку фільм назвалі «Пеўні пераклікаюцца», але ў канчатковым варыянце ён атрымаў назву «Джэнтльмен і певень». Джэнтльмен – гэта асоба высакароднага паходжання, у пераносным сэнсе – добра выхаваны чалавек. Але ж фільм – сатырычная камедыя, таму аўтары, якія прытрымліваліся жанру, не проста крытыкуюць графа Бадзецкага, а высмейваюць яго, з гратэскам прадстаўляюць як варожы элемент, чужы новаму сацыялістычнаму грамадству. Тэма ідэалагічнага супрацьстаяння была вельмі актуальнай у даваенным кінематографе. Дарэчы, у 1937 г. гэты фільм трапіў у «чорны спіс», таму што галоўным героем быў вораг народа.

Кінастужка пачынаецца цітрам «Устаноўленая Рыжскім мірным дагаворам 1921 г. мяжа паміж панскай Польшчай і Савецкай Беларуссю прайшла праз памесце польскага графа Бадзецкага». На савецкай тэрыторыі засталася лепшая частка памесця з палацам. Там гаспадарыць вясёлы піянерскі атрад.

Пеўні, якія пераклікаюцца па розныя бакі мяжы, напамінаюць графу пра тое, як аднойчы раніцай пад іх крык у яго палац уварваліся сяляне-бунтаўшчыкі. Таму граф Бадзецкі адчувае панічны страх кожны раз, калі чуе «ку-ка-рэ-ку!». Ён страляе па іх, загадвае слугам знішчыць усіх пеўняў. На савецкі бок уцякае карова Манька. За ёй следам ідзе пастух Васіль. Ён застаецца ў БССР, бо тут у яго з'яўляецца магчымасць вучыцца.

На тэрыторыі БССР рыхтуюцца да свята, а на польскім баку адзначаюць імяніны графіні. Васіль перадае запіску сваёй каханай Ядзі, а графу – карыкатуру на яго. Заканчваецца трэцяя частка стралянінай графа па пеўнях.

У тых частках, якія ў нас не захаваліся, расказваецца пра тое, што граф Бадзецкі ўбачыў на служанцы чырвоную хустачку і кінуўся на яе. Ядзя ўцякла цераз мяжу да свайго Васіля. Фільм заканчваецца на аптымістычнай ноце, што характэрна для стужак таго часу.

У.У. Балюзек (1881–1957) быў не толькі рэжысёрам фільма «Джэнтльмен і певень», але і мастаком. Сцэнарыстамі кінастужкі з'яўляюцца І. Далгапольскі і Л. Іерыхонаў, аператарамі – М. Казлоўскі, А. Кальцаты, мастакамі – У. Балюзек і У. Ягораў. Вобраз графа Бадзецкага стварыў акцёр Леў Дабраволькі. Гэта быў пяты фільм з яго ўдзелам. Ядзю сыграла артыстка В.Г. Баранава, акцёр К.А. Гун – ролю вахмістра Янэка і целаахоўніка графа. У кіно ён пачаў здымацца з 1927 г. Працаваў у ленінградскіх тэатрах. Памёр у 1983 г. Пастуха Васю сыграў С.Л. Кузняцоў (1879–1932), які яшчэ ў 1925 г. атрымаў званне заслужанага артыста савецкіх тэатраў рэспублікі, а ў 1929 г. – званне народнага артыста рэспублікі. Свае ролі артысты сыгралі цудоўна. Гэта было нямое кіно, і кінаакцёры выкарыстоўвалі міміку для таго, каб глядач мог зразумець усе пачуцці. Таму артыстаў здымалі буйным планам. Такім чынам, фільм цікавы не толькі тым, што адкрывае новую старонку гісторыі в. Бачэйкава, але і дэманструе асаблівасці кінематографа таго часу.

Здымкі фільма праходзілі на вуліцы і ў самім палацы. У першай частцы кінастужкі можна бачыць сам палац, які з'яўляўся ўзорам прафесіянальнага дойлідства (Дадатак 1, фота 1, 2, 3). Будынак зроблены з улікам тагачасных тэндэнцый у архітэктуры і густу заказчыка. Ён прамавугольнай формы, складаецца з паўпаверха, другога паверха і мансардавага жылога паверха. Гэта заходні паркавы фасад. Да 1908 г. мансардавага паверха не было, што можна вызначыць па здымках ранейшага часу. Для павелічэння жылой плошчы зрабілі мансарды, і былы дах стаў вышэйшым. За кошт схілу рэльефу будынак маштабна павялічыўся і меў манументальны палацавы характар. Фасад упрыгожваў сярэдні паўкруглы крапаваны пілястрамі эркер з трыма арачнымі вокнамі пад сплюшчаным купалам. Да эркера прылягала абшырная паўкруглая тэраса з двухбаковым лесвічным каскадам з балюстраднай агароджай, якая вяла ў парк. Пад тэрасай знаходзіўся ўваход у жылы скляпеністы паўпаверх. Вокны паркавага боку мелі такія ж прамаву-

гольныя праёмы і памеры як і на ўсходнім фасадзе. Частыя шыбы ў вокнах вытрыманы ў стылі XVIII ст. Дах на палацы двухспадовы. Ён упрыгожаны авальнымі люкарнямі (невялікімі аконнымі праёмамі на даху).

Яшчэ ў першай частцы фільма можна бачыць будынак, куды служанка Ядзя нясе ваду. Тут з садовага боку жыла чэлядзь, размяшчаліся гаспадарчыя памяшканні. Гэтыя будынкі да нашага часу не захаваліся.

У другой частцы фільма здымкі адбываюцца на лузе, дзе пасвяцца каровы. У Бачэйкаве яго завуць Карнёвым лугам. З боку лугу, на захад ад палаца, бачны вул. Ульская, р. Ула з яе стромкім берагам, з высокімі старымі дрэвамі. У наш час луг зарос дрэвамі і кустоўем. Калі яго здымалі са статкам кароў, то ў кадр трапіў будынак аранжарэі, у якой раслі пальмы, абрыкосы, кіпарыс, ружы, хрызантэмы (Дадатак 1, фота 4). З 1972 да 1993 г. ён выкарыстоўваўся ў якасці бальніцы, пакуль не пабудавалі новую. Будынак знаходзіўся ў аварыйным стане: лесвіцы, што вялі на другі паверх, згнілі, дах пацёк, таму былую аранжарэю разабралі. Яшчэ ў кінастужцы можна бачыць будынак флігеля, які захаваўся да нашага часу. Трапілі ў кадр і выхаванцы дзіцячага дома, які існаваў тут з 1925 г. (Дадатак 1, фота 5).

У трэцяй частцы фільма мы бачым будынак палаца з боку заезду. Аднак ён выглядае не так, як на фотаздымку з архіва А. Цеханавецкага, бо ў 1908 г. быў убраны шчыпец порціка (на яго месцы зрабілі балкон). Раней па галоўнай восі размяшчаўся невялікі чатырохкалонны порцік. У пакатым трохвугольным франтоне была прарэзана акруглая люкарня. У фільме мы бачым двухпавярховы будынак з драўляным другім паверхам.

Такім чынам, у фільме «Джэнтльмен і певень» можна ўбачыць як выглядаў палац Цеханавецкіх і яго ваколіцы ў 1928 г. А. Мальдзіс у артыкуле «Три вагона ценностей, вывезенных в Москву» пісаў, што сёння «ад сядзібы захаваліся асобныя каменныя будынкі – флігель і домік лоўчага, якія маюць гістарычную і архітэктурную каштоўнасць». Фільм «Джэнтльмен і певень» ажывіў старонкі гісторыі в. Бачэйкава і праілюстраваў творчы патэнцыял беларускіх майстроў. Кадры фільма з яе выявамі далучаюць нас да вечных катэгорый прыгожага, даюць жывое адчуванне гістарычнага развіцця, выхоўваюць і ўзмацняюць павагу да роднага краю.

Вывучаны матэрыял дапоўніў нашы веды з першакрыніц пра далёкае мінулае Бачэйкава. Параўнаўшы кадры з фотаздымкамі з архіва А. Цеханавецкага, мы ўбачылі якія змены зведаў будынак у канцы XIX ст.

Гісторыя стварэння фільма адкрыла новую старонку кінематографа Беларусі – Белдзяржкіно. Пасля таго, як кінастужка была набыта, М.Г. Высоцкі адправіў яго копію графу А. Цеханавецкаму ў Лондан. 16 хвілін фільма размешчаны на сайце «БССР-online».

Гэты фільм адкрывае новую старонку гісторыі і культуры нашай вёскі, спрыяе духоўнаму сталенню асобы і больш глыбокаму ўспрыманню нацыянальных каштоўнасцей.

ЛІТАРАТУРА

1. **Мальдис, А.** Последний из князей Мстиславских и Заславских / А. Мальдис // СБ. Беларусь сегодня. – 2009. – 13 июня. – С. 20.

2. **Цехановецкий, В. П.** Хроника одного поместья. Бочейково / В. П. Цехановецкий. – Витебск : Губерн. Типо-Литография, 1905. – 43 с.

Базарэвіч Г.Х. *(г. Віцебск)*

КУЛЬТУРНА-АДУКАЦЫЙНЫЯ І ЗАБАЎЛЯЛЬНЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ ВІЦЕБСКА ЯК КРЫНІЦА ДАХОДАЎ ДЛЯ ГАЛАДАЮЧЫХ ПАВОЛЖА Ў 1921–1923 гг.

Голад у Паволжы, які пачаўся ў 1921 г., вымусіў шукаць крыніцы сродкаў для выратавання пацярпелых ва ўвядзенні падаткаў на культурна-адукацыйныя і забаўляльныя мерапрыемствы. Арганізацыяй такіх падзей у Віцебску займаліся не толькі прафесійныя ўстановы, але і самадзейныя калектывы, прыватныя ініцыятывы. Далучаліся да такіх мер і гурты самадзейнасці пры прафесійных саюзах і вайсковых частках, а таксама вучэбныя калектывы. Забаўляльныя мерапрыемствы ў большасці сваёй былі аднатыпныя: спектакль альбо канцэрт, танцы ці латарэя [1, арк. 20].

З пачатку кампаніі па аказанні дапамогі насельніцтву Паволжа, якое галадала, у 1921 г. уводзілася 25% адлічэнне з даходу ад продажу квіткоў на мерапрыемства. З улікам таго факта, што мастацкія ўстановы знаходзіліся ў цяжкай эканамічнай сітуацыі, спагнанне гэтага падатку яшчэ больш ускладняла становішча. Часта праводзіліся спектаклі і канцэрты для паляпшэння стану ўласнага калектыву, але пасля ўвядзення «галодных» падаткаў амаль цалкам былі пазбаўлены такой магчымасці.

Самадзейныя суполкі пры прафесійных калектывах таксама маглі падтрымаць і палепшыць стан сваіх супрацоўнікаў арганізацыяй мерапрыемстваў, адным словам – зарабіць грошы. Але пасля ўвядзення адлічэнняў на карысць галадаючых гэтым планам не наканавана было спраўдзіцца. Напрыклад, пажарная ахова Віцебска ладзіла рэгулярныя катанні на параходзе з духавым аркестрам. Адна з такіх акцый пасля аплаты выдаткаў з выручаных грошай і падатку на дапамогу павалжанам прывяла не да прыбытку, а, наадварот, да дэфіцыту [3, арк. 79]. У такіх выпадках губернская камісія прымала рашэнне аб вызваленні ад падатковых плацяжоў.

Школы, што ладзілі забаўляльныя мерапрыемствы, ад якіх паступалі сродкі, павінны былі здзейсніць унёсак на карысць галадаючых. Але існавала магчымасць гэтага пазбегнуць, для чаго культкамісіі школы звярталіся ў губернскую камісію па аказанні дапамогі галадаючым (губкамдапгал) і ат-

рымлівалі вызваленне ад падатку. Звычайна прычынай для гэтага служыла неабходнасць узмацніць унутраныя сродкі навучальнай установы [2, арк. 2].

Актыўнай арганізацыяй лекцыйна-дыскусійных вечароў займаўся латышскі культурна-асветніцкі клуб [2, арк. 4]. Аналіз каштарысных даных сведчыць аб тым, што памер выдаткаў на арганізацыю мерапрыемстваў і даходаў часта быў калі не аднолькавы, то амаль што роўны. Пры ўстаноўленай фіксаванай стаўцы 30% ад чыстага даходу сумы, што заставаліся ўстанове, былі мізэрныя. Разгледзім канкрэтны прыклад, калі выдаткі на арганізацыю мерапрыемства амаль цалкам адпавядалі прыбытку. Вядомы мастак К. Малевіч ад правядзення ў латышскім клубе адкрытай лекцыі «Новое доказательство в искусстве» (лекцыя была прысвечана развагам мастака аб неабходнасці новаўвядзення ў мастацтве), пасля адлічэння 40% на карысць галадаючых, 15% за арэнду памяшкання і 20% за рэкламу, мусіў атрымаць толькі 25% ад збору [4, арк. 186]. Пасля звароту ў губернскую камісію мастацкага аб'яднання «УНОВИС» («Утвердители нового искусства») памер унёску паменшылі да 15% [4, арк. 187]. У фондах Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці захоўваюцца афіша да лекцыі і пісьмовая ўмова яе аўтара – мастака М. Векслера – да К. Малевіча аб памеры аплаты за рэкламу.

Адлічэнні праводзіліся і з даходу ад продажу квіткоў на спектаклі, якія праводзіліся ў клубе імя Кастрычніцкай рэвалюцыі, клубе народнай сувязі, чыгуначным тэатры і інш. Сродкі ўносіліся ў губфінаддзел на бягучы рахунак губкамдапамгала [2, арк. 7]. 15% збор уводзіўся з кінапаказаў, такія ж адлічэнні рабіліся з папулярных баляў-маскарадаў [2, арк. 24]. З красавіка 1922 г. была прынята пастанова, адпаведна якой прыватныя і грамадскія ўстановы, а таксама воінскія часткі павінны былі ўнесці 40% ад збору [3, арк. 67].

Для рэгіянальных устаноў гэта стала вострай праблемай, якая ставіла пад пагрозу існаванне аматарскіх калектываў. Таму ў губернскую камісію пачалі прыходзіць звароты аб памяншэнні ці зняцці падатку [1, арк. 70]. Такое было магчыма толькі пры ўмове, што падчас арганізацыі мерапрыемства не будзе ніякіх выдаткаў, а даход пойдзе на культурна-асветніцкія патрэбы [3, арк. 68].

І зноў жа сума адлічэнняў спаганялася з чыстага даходу. Гэта азначала, што толькі пасля ўсіх выдаткаў: аплаты працы тэхнічнага персаналу, дэкаратараў, музыкантаў, на набыццё пачастункаў, канцылярскіх тавараў, праводзіўся разлік, падчас якога адлічаліся грошы на карысць галадаючых Паволжа. Найбольшы расход сродкаў заўжды быў у самадзейных калектывах. Гэта было абумоўлена адсутнасцю базы (касцюмаў, грыма, дэкарацый) для арганізацыі вечарын, спектакляў, баляў. 12 мая 1922 г. віцебскім аддзяленнем «Культур-Лігі» ў Паказтэатры быў арганізаваны літаратурна-музычны вечар, прысвечаны творчасці пісьменніка Шолам-Алейхема. Валавы збор склаў 25 750 руб., выдаткі – 19 400 руб., астача – 6350 руб. [3, арк. 73].

На просьбу «Культур-Лігі» аб памяншэнні ўнёску з 40% да 10% па той прычыне, што гэта першы вечар установы, якая не мае аніякіх сродкаў, губкамдапамгал адказаў адмоўна.

Спектаклі і канцэрты ставіліся не толькі прафесійнымі калектывамі, але і аматарамі, суполкамі мастацкай самадзейнасці пры прафесійных саюзах і вучэбных калектывах. Такія ініцыятывы ўхваляліся, і вышэйстаячыя ўстановы садзейнічалі вылучэнню памяшкання – часта гэта былі залы тэатраў, клуба імя Хайкіна, польскага і латышскага клубаў. Калі арганізатары мерапрыемства заяўлялі аб тым, што даход пойдзе на падтрымку галадаючых, то вызваляліся ад падаткаў на карысць пацярпелых павалжан [3, арк. 11].

Справаздачныя матэрыялы дазваляюць часткова прасачыць і рэпертуар пастановак. Так, напрыклад, у чыгуначным тэатры ў пачатку 1922 г. ставіліся п'есы «Пецярбургскія трушчобы», «На бойкім месцы», «Двайнік», «Кацюша Маслава», «Невядомая», «Дачка вуліцы», «Дарога ў пекла», «Ноч», «Сцяпны асілак» [2, арк. 48, 49, 50, 106]. Праводзіліся вечары гумару і смеху [2, арк. 51].

Кантроль за выкананнем распараджэння аб адлічэннях праводзіўся штодзённа. Праўленне Саюза работнікаў асветы і мастацтваў абавязана было прадастаўляць штодзённую справаздачу аб колькасці рэалізаваных квіткоў і суме, якая прызначалася для падтрымкі пацярпелых [2, арк. 31].

Спагнанне адлічэнняў не з'яўлялася выключэннем і для калектываў, якія гастраліравалі. З улікам таго, што кошты на прыезджых выканаўцаў былі вышэйшыя, то і даход ад такіх мерапрыемстваў быў большы ў параўнанні з мясцовымі. Некаторыя артысты давалі паказы і канцэрты цалкам бясплатна, тады ўвесь прыбытак ішоў у фонд дапамогі галадаючым. Канешне, прымаючы бок нёс адпаведныя выдаткі – гэта і абслугоўванне памяшканняў, клопат пра артыстаў, садзейнічанне ў бясплатным ці льготным праездзе. Так, напрыклад, вядомая эстрадная расійская і савецкая спявачка Н.В. Дулькевіч 1 мая 1922 г. дала ў Віцебску дабрачынны канцэрт [3, арк. 47]. Такім жа чынам весяліў народ Петраградскі цырк Чынізэлі. Сярод жаданых гасцей быў і У. Маякоўскі. Планавалася арганізаваць літаратурны вечар з яго ўдзелам [5, арк. 1]. Вядома, што Віцебск паэт наведаў толькі ў 1927 г.

Здараліся і досыць кур'ёзныя выпадкі, апісанне якіх можна знайсці ў рапартах асобага кантралёра У. Цінькова. Напрыклад, Мінская яўрэйская трупа, што арганізоўвала ў Віцебску спектакль, быццам бы наўмысна не ўнесла 15% на карысць галадаючых, што складала 113 750 руб. Пра гэта камісія дапамогі галадаючым паведаміла ў Мінск і патрабавала выкарыстаць меры па спагнанні грошай і прыцягненні да адказнасці арганізатараў [2, арк. 44]. Змест рапарта У. Цінькова вылучаецца сваім эмацыянальным стылем: «Приезжая Еврейская труппа авантюристов из гор. Минска уехала в гор. Минск и увезла с собой зарегистрированные билеты не отдавши нам 15%», таксама паведамляецца, што: «…с большим трудом вырвали свои деньги за помещение» [2, арк. 46 зв.].

Не выключаны былі выпадкі спекуляцыі, якой не ўдалося пазбегнуць нават пры строгім кантролі. На мерапрыемствы было дазволена прадаваць толькі зарэгістраваныя квіткі, улік карашкоў дазваляў высветліць памеры збору. Здараліся сітуацыі, калі на мерапрыемствы прадаваліся незарэгістраваныя квіткі, а гэта азначала, што даход, які быў атрыманы, не абкладаўся падаткам і ўвогуле нідзе не фіксаваўся [3, арк. 20].

Вядома, што пры воінскіх частках таксама існавалі вайсковыя камісіі дапамогі галадаючым, якія арганізоўвалі спектаклі і канцэрты. Аднак яны не неслі справаздачы ў губкамдапамгал, аргументавалі гэта тым, што падпарадкаваныя франтавой камісіі дапамогі пацярпелым. Тым не менш, па ацэнцы кіраўніцтва губернскай камісіі, усе мерапрыемствы, што ладзіліся з мэтай дапамагчы павалжанам, рэальнай дапамогі не давалі. Шматлікія праверкі паказалі, што пад дэвізам дапамогі спраўляліся балі, вечарыны і танцы, якія мелі адмоўны ўплыў. Больш за тое, з мэтай утойвання грошай прадаваліся незарэгістраваныя квіткі. Маральны аспект таксама трымалі пад кантролем, рэзка асуджаліся «танцы до потери сознания», якія пад шыльдай аказання дапамогі галадаючым ладзілі ў 44-м стралковым палку [3, арк. 42].

Па гэтай прычыне пленум губкамдапамгала вырашыў абавязаць воінскія камісіі, што займаюцца арганізацыяй падобных мерапрыемстваў, рэгістраваць квіткі і ўносіць 40% ад прыбытку. Аднак камісія па аказанні дапамогі галадаючым пры Заходнім фронце паведаміла, што ўсе паступленні і так накіроўваюцца ў фонд франтавой камісіі [3, арк 58]. Такім чынам, ніякіх іншых адлічэнняў не прадугледжвалася, таму што сродкі і так ішлі на карысць галадаючых. Акрамя гэтага, пры вайсковых фарміраваннях адчыняліся дзіцячыя дамы, у якіх утрымліваліся дзеці Паволжа.

Праз тры гады пасля вынаходніцтва Льва Сяргеевіча Тэрмена па ініцыятыве губернскай камісіі па барацьбе з наступствамі голаду ў Віцебску адбыліся два канцэрты радыё-электра музыкі. Рэалізацыю квіткоў узяла на сябе таксама камісія праз сваю кавярню «Сальвэ» і вінна-гастранамічную краму па Смаленскай вуліцы [5, арк. 15]. Дэманстрацыя дасягненняў навукі ў вобласці мастацтва моцна ўразілі публіку. У Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці захоўваецца ліст падзякі, які адрасаваны Л.С. Тэрмену ад Віцгубкампаследгала і касы ўзаемадапамогі студэнтаў-электрыкаў [5, арк. 31].

Такім чынам, можна падсумаваць, што ўвядзенне «галоднага» падатку на культурна-адукацыйныя і забаўляльныя мерапрыемствы Віцебска ў 1921–1923 гг. не давалі значнага даходу. З-за гэтага памер чыстага збору значна памяншаўся, што прыводзіла да парушэнняў з боку арганізатараў. Часта такія вечарыны, як «танцулькі» і балі-маскарады насілі кампраметуючы характар і выклікалі асуджэнне. Але дзякуючы ініцыятыве Віцебскай губкамдапамгал, горад наведвалі вядомыя артысты і калектывы, якія пашыралі мастацкі досвед віцебскай публікі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 570. – Воп. 1. – Спр. 15. Протокол заседания культкомиссии Витебской военной гарнизонной хлебопекарни от 20 августа 1921 г. о сборе средств в помощь голодающим Поволжья.

2. **ДАВВ.** – Фонд 570. – Воп. 1. – Спр. 70. Отчеты культурно-просветительных учреждений г. Витебска об отчислении 15% от сборов со спектаклей в пользу голодающих за 1922 г.

3. **ДАВВ.** – Фонд 570. – Воп. 1. – Спр. 86. Переписка с администрацией культурно-просветительных учреждений г. Витебска о постановке спектаклей, устройстве вечеров отдыха и перечислении вырученных денег в пользу голодающих.

4. **ДАВВ.** – Фонд 570. – Воп. 1. – Спр. 89. Переписка с учреждениями и организациями г. Витебска об организации субботников и воскресников в пользу голодающих, о товарообмене и отправке хлеба голодающим и др.

5. **ДАВВ.** – Фонд 570. – Воп. 2. – Спр. 19. Дело об организации и проведении концертов музыки, спектаклей, киносеансов для отчисления в фонд голодающих на борьбу с последствиями голода.

Бараноўскі А.В. *(г. Віцебск)*

МАТРУНА МАРКЕВІЧ – АЎТАР УЗОРУ, УЗЯТАГА ЗА АСНОВУ АРНАМЕНТУ НА ДЗЯРЖАЎНЫМ СЦЯГУ БЕЛАРУСІ

Кожная дзяржава мае свае сімвалы, якія выражаюць яе палітычную самастойнасць і незалежнасць, гісторыю станаўлення і развіцця, нацыянальную самабытнасць. Дзяржаўны сцяг Рэспублікі Беларусь уяўляе сабой прамавугольнае палотнішча, якое складаецца з дзвюх каляровых палос, што размешчаны гарызантальна: верхняй – чырвонага колеру і ніжняй – зялёнага. Каля дрэўка па вертыкалі – беларускі нацыянальны арнамент чырвонага колеру на белым полі. Аўтарам узору, які быў узяты за аснову арнаменту на дзяржаўным сцягу, з'яўляецца Маркевіч (Кацар) Матруна Сяргееўна (Дадатак 2).

Яна нарадзілася ў 1886 г. у в. Клімавічы. На надмагільным помніку памылкова ўказаны 1892 год нараджэння. На карысць гэтага сведчыць інфармацыя, якая змяшчаецца ў пенсійным пасведчанні Матруны Маркевіч, што было выдадзена пры жыцці. У ім датай нараджэння значыцца 1886 г.

Сям'я была вялікая – сямёра дзяцей, якіх змалку прывучалі да працы. Дзякуючы маці Матруна навучылася вышываць, вязаць, прасці, ткаць.

У 1925 г. у сям'і Кацараў пэўны час жыў пісьменнік Максім Гарэцкі, які цікавіўся народным мастацтвам. З вялікай увагай і захапленнем разглядаў Гарэцкі посцілкі і ручнікі, вытканыя Матрунай і яе маці – Фядоссяй Аляксандраўнай [3].

Матруна выйшла замуж за Аляксея Маркевіча і пераехала ў в. Касцялішча (сёння не існуе). Яна нарадзіла шасцёра дзяцей, двое з якіх памерлі ў маленстве ад тыфу. У 1933 г. сям'ю раскулачылі, мужа забралі, і больш дадому ён не вярнуўся. Жанчына засталася адна з дзецьмі, неўзабаве ўступіла ў калгас. Становішча сям'і было цяжкім, Матруну не прызнавалі, калгаснікі лічылі яе «кулачкай». У Вялікую Айчынную вайну яна страціла старэйшага сына. Усё сямейства ледзьве не расстралялі з-за сувязі з партызанамі, для якіх Матруна Маркевіч пякла хлеб.

Свой адметны ручнік, які ўвайшоў у гісторыю, Матруна выткала ў 1917 г. Дзякуючы роднаму брату Міхаілу знакаміты ручнік трапіў у якасці ўзору ў сістэму прамысловай кааперацыі і захоўваўся ў Мінску ў фондах Белпрамсавета. Там яго знайшоў мастак Міхаіл Гусеў у час працы над падрыхтоўкай арнаменту Дзяржаўнага сцяга БССР.

Беларусь была адной з першых краін, якая выкарыстала нацыянальны арнамент як элемент дзяржаўнага сцяга. «Узыходзячае сонца» – менавіта так трактуецца ўзор, які быў вытканы Матрунай Маркевіч. Цэнтральнае месца ў ім займае выцягнуты па вертыкалі ромб, ад якога зверху і знізу адыходзяць загнутыя лініі, якія нагадваюць рогі. На працягу тысячагоддзяў ён увасабляў матчын, жаночы пачатак і звязаную з ім ідэю ўрадлівасці зямлі. У цэнтры галоўнага ромба – дзве крыжападобна перасечаныя лініі з чатырма кропкамі паміж імі. У старажытных земляробаў ромб з такой фігурай сімвалізаваў засеянае поле. Яго таксама асэнсоўваюць як «ключ да шчасця», магічнае пажаданне спрыяльнага развіцця падзей. Парамі злучаныя ромбы ўверсе і ўнізе арнаменту адлюстроўваюць ідэю працягу жыцця, аднаўляльнай збажыны. Увесь узор пранізваюць ідэі дабра, надзеі на лепшае, пажаданне ўрадлівасці і будучага росквіту [5].

Пры аздабленні розных архітэктурных і дэкаратыўных формаў стаў шырока выкарыстоўвацца арнамент. Напрыклад, у 1952 г. у Мінску быў урачыста адкрыты помнік Сталіну з адпаведным арнаментам на пастаменце.

Трэба адзначыць, што на сцягу савецкага ўзору 1950 г. арнамент быў белы на чырвоным фоне, а на сцягу 1995 г. быў адноўлены правільны – чырвоны колер арнаменту на белым фоне.

Мастацкія тканыя вырабы Матруны Маркевіч карысталіся вялікім попытам на рынку ў Сянно. На жаль, у час Вялікай Айчыннай вайны карнікі абрабавалі маёмасць Маркевічаў, а в. Касцялішча спалілі [4]. Пасля вайны Матруна працягвала працаваць у калгасе. Не закінула яна і сваю любімую справу: вышывала, вязала, прала.

Апошнія гады свайго жыцця Матруна Сяргееўна жыла ў сваёй дачкі Зінаіды ў в. Рыбакоўшчына. Памерла Матруна Маркевіч у 1957 г. Пахавана на могілках былой в. Касцялішча [1].

Радзіма ганарыцца сваёй зямлячкай. 3 ліпеня 2015 г. у скверы, што прылягае да цэнтральнай плошчы г. Сянно, быў устаноўлены памятны знак «Родны край» у гонар Матруны Сяргееўны Маркевіч.

ЛІТАРАТУРА

1. **Бандарэвіч, В.** Як узор з сялянскага ручніка стаў нацыянальным здабыткам / В. Бандарэвіч // Голас Сенненшчыны. – 2015. – 9 мая. – С. 4.

2. **Быньковў, А.** Сенненскі след дзяржаўнай сімволікі / А. Быньковў // Витебские вести. – 2013. – 17 окт. – С. 21.

3. **Кацар, М. С.** Беларускі арнамент : ткацтва, вышыўка / М. С. Кацар. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – 224 с.

4. **Памяць** : гісторыка-дакументальная хроніка Сенненскага раёна / уклад. С. В. Шайко ; мастак Э. Э. Жакевіч. – Мінск, 2003. – С. 551–552.

5. **Шпакоўская, Г.** Віцебскі «след» беларускай сімволікі / Г. Шпакоўская // Народнае слова. – 2009. – 22 жн. – С. 6.

Барановский А.Л. *(г. Минск)*

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ВОЕННОМ ГОРОДКЕ БОРОВКА ЛЕПЕЛЬСКОГО РАЙОНА: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К настоящему времени документов, освещающих постройку и функционирование железнодорожного пути-ответвления участка Лепель – Орша маршрутом Лазовики – Боровка в Лепельском районе в архивах не обнаружено. Впервые в печатных источниках о нем упоминается в 2007 г. [2]. Исследование является попыткой реконструкции истории постройки, использования и демонтажа данной дороги на основе воспоминаний местных жителей, полевых материалов автора и сведений из опубликованных источников.

Как известно, железную дорогу на участке Орша – Лепель построили к ноябрю 1925 г. Немаловажную роль при проектировании сыграли военно-стратегические планы советского руководства по размещению в Лепеле подразделений будущей Лепельской базы (группы войск) 3-й армии: 79-го стрелкового полка и 55-го отдельного конного транспорта 27-й стрелковой дивизии. Недаром первым высокопоставленным пассажиром стал начальник Штаба РККА (фактически главнокомандующий) командарм М.Н. Тухачевский. Железная дорога Орша – Лепель с прилегающими ответвлениями (на 116 км, Боровно, Боровку) составляли рокаду, транспортную артерию, проходящую вдоль линии фронта, которая была задумана и выполняла важную военно-стратегическую задачу в отношении старой (до сентября 1939 г.) границы Страны Советов с буржуазной Польшей.

Через десять лет, в связи со строительством военных городков (в/г) 116 км и Боровка, возникла необходимость прокладки железнодорожного пути и к этим важным объектам. Со второй половины 1930-х гг. на 116 км

размещались 24-я кавалерийская дивизия и артсклад № 591 (наполняемость на 03.07.1941 г. – 215 вагонов со снарядами) [13]. В Боровке дислоцировались артсклад № 391, 16-я мехбригада БВО, 360-й гаубичный артполк Артиллерии РГК. Для подвоза боеприпасов и военного снаряжения в первую из этих частей (наполняемость на 03.07.1941 г. – 550 вагонов со снарядами) [13] была подведена железнодорожная ветка: 3-я площадка (артбаза, Боровка) – д. Константиново – д. Залучино – д. Старое Лядно – д. Слободка – д. Большое Жежлино – д. Малое Жежлино – д. Зорницы – ст. Лазовики (д. Лозовцы). Отметим, что первым на данном участке железной дороги близ д. Боровно дислоцировался еще один военный объект – окружной продсклад № 393 (наполняемость на 03.07.1941 г. – 643 вагона с продовольствием) [13]. Предположительно, в строительстве были задействованы 5-й железнодорожный полк (Витебск), 8-й узкоколейный железнодорожный батальон (Полоцк); эксплуатация хозяйства в регионе в предвоенный период была возложена на 4-й отдельный эксплуатационный железнодорожный батальон 6-й железнодорожной бригады (Полоцк) [1; 4; 11].

В своих воспоминаниях супруга белорусского писателя Л.Я. Прокши (проходил срочную службу в Боровке в 1935–1938 гг.) И.А. Прокша (запись от 28.11.2010 г.) утверждает: *«Первое наше свидание в Боровке состоялось в 1936 г., добиралась я из Витебска через Оршу на поезде, но вот конечной станции не помню. Леонид меня встретил и мы пешком пошли в военный городок…»* [6]. Вряд ли они шли из Лепеля, если не более чем через полчаса были в в/г Боровке.

Противоречивы сведения о дате начала строительства (1925, 1935, 1941 гг.), пуска линии (1935, 1939, 1941 гг.), типе моста через р. Уллу (деревянный, железобетонный), функционировала дорога или была полностью разрушена во время войны [2; 9; 10].

Первостроитель в/г Боровка Лепельского района У.Ф. Филипьева (запись от 27.07.2010 г.) вспоминает: *«…в 1941 г. перед войной для подвоза боеприпасов и др. нужд военных была проложена только одна ж/д узкоколейка, связавшая Боровку и ж/д Лепель – Орша: артбаза – д. Константиново – ст. Лазовики, все остальные построили немцы во время войны. В д. Константиново была небольшая ст. – специальный домик и часовой, красноармеец с ружьем. Я слышала, что вот-вот должны были пустить поезд, но началась война…»* [7].

Кольцевую узкоколейку маршрутом Боровка (артбаза) – Боровка (жилой городок) – склады боеприпасов и амуниции (в/г танкистов) – склады боеприпасов на юго-восточном берегу оз. Мухно – Боровка (артбаза) проложили немцы в 1941–1944 гг. Это было предпринято для логистического сопровождения и обеспечения безопасности рассредоточенных ими складов амуниции и боеприпасов 3-й танковой армии в оперативном тылу ГА «Центр» вермахта в сосновом лесу между Боровкой и оз. Мухно. Их составной частью стали бывшие

склады Красной Армии. По нашим подсчетам, во время оккупации на территории армейского опорного пункта снабжения «Боровка» дислоцировалось около 12 немецких и 5 коллаборационистских воинских частей, численность гарнизона достигала 2500 человек (наибольшая в Беларуси, исключая областные города). 28 немецких складов представляли собой отдельно расположенные деревянные капониры. На хранении находились боеприпасы СССР, Германии, Франции, Бельгии, Румынии – от пороховых зарядов и пистолетных патронов до 152-миллиметровых гаубичных снарядов, которые использовались войсками вермахта, полицией и коллаборационистскими формированиями. Протяженность дороги от артбазы по кольцу с возвратом на артбазу составляла 9 км, участок от артбазы до д. Старое Лядно – 2,6 км, от д. Старое Лядно до ст. Лозовцы – 11 км. В настоящее время капониры представляют собой поросшие кустарником и деревьями ямы глубиной 1,5–3,5 м с насыпными валами по периметру шириной и высотой до 2 м [1; 4; 5; 11].

По сведениям из сетевых источников, «…перед войной… два года курсировал поезд по проложенной “железке” от ст. “116-й км” до пос. Боровка… Во время Великой Отечественной войны ж/д Орша – Лепель сыграла огромную роль в нашей победе. Тем, что… не работала!.. За всю войну только иногда фашистам удавалось организовать движение грузовиков на рельсовом ходу по короткому участку дороги Лепель – Чашники…» [15].

Вспоминает житель д. Боровно Лепельского района И.Д. Тухто (записано В.К. Шушкевичем в 2010 г.): *«Ветку Лазовики – Боровка положили одновременно со строительством ж/д Орша – Лепель в 1925 г... В 1942 г. деревянный мост сожгли партизаны. Немцы построили металлический и заменили колею на более узкую... Партизаны подорвали и этот мост. Но рухнула только проезжая часть, а надстроечные фермы остались висеть...»* [12].

Из воспоминаний уроженки д. Горки Лепельского района М. Семенько (записано В.К. Шушкевичем в 1999 г.): *«Немцы захватили деревню. Согнали людей в лагеря, а затем заставили строить узкоколейку из Горок в Боровку... Это были худшие дни в моей жизни. Больше всего запомнились голод и холод именно того периода. Главным рабочим инструментом была лопата. Копали оборонительные рвы, формировали насыпь. Мозоли на руках лопались. Защитных рукавиц не давали, поэтому черенки лопат были покрашены кровью, будто краской. А ведь нужно было еще шпалы на себе таскать на большие расстояния... Все жители Горок и окрестных деревень изматывались на проклятой узкоколейке, от которой теперь лишь фрагменты железного моста в Улле валяются. Насыпь сохранилась. Бором поросла...»* [14].

Из воспоминаний жителя г. Лепеля А.С. Хоняка (запись от 14.11.2010 г.): *«...довоенный участок ж/д в/г Боровка – д. Лазовики был не узкоколейкой, а настоящей ж/д с соответствующей инфраструктурой и атрибутикой. Грузы специального назначения со ст. Орша и ст. Оболь Витебской обл. беспрепятственно доставлялись в в/г Боровка и в/г 116 км. В связи с тем,*

что партизаны Полоцко-Лепельской зоны вместе с местными жителями разобрали ж/д Лепель – Орша, и она во время оккупации практически бездействовала, то и участок Боровка – Лазовики не работал. Данный участок никогда не фигурировал в партизанских оперативно-тактических разработках, в этом р-не немцы больше не строили узкоколеек...» [8].

Из воспоминаний уроженца д. Старое Лядно И.И. Пахомовича (запись от 28.02.2011 г.): *«...ж/д Боровка (артбаза) – д. Константиново – д. Залучино – д. Старое Лядно – ст. Лазовики начали строить в 1939 г. "грабари" – украинцы. Грабари – возчики подвод, на которых возили песок, камни и пр. строительный материал. Позже некоторые из них осели в Старом Лядно. На горке над рекой, вытекающей из оз. Лядно, установили семафор – в 100 м от шоссе, а в д. Константиново построили небольшую деревянную казарму, во время войны немцы перевезут ее в д. Старое Лядно под жилье для какого-то своего важного "шефа" – помню, именно так они его называли. Здесь же в Константиново рядом с казармой была устроена развилка на три пути, так как дорога была на всем протяжении односторонняя... До войны ходили военные составы, но не часто. Мы пацанами любили положить на рельсы монетки-пятаки и наблюдать из укрытия, как их расплющивают огромные тяжелые колеса. Пришли немцы, переделали ее на узкоколейку, но ходил не поезд, а большой грузовик на рельсовом ходу* (LKW – Lastkraftwagen (нем. грузовик). – автор), *которому перед этим всякий раз меняли резиновые колеса на ж/д. Я хорошо помню, что немцы всякий раз довольно быстро проделывали эту операцию прямо на шоссе – в том месте, где ж/д пересекает его – рядом с нынешним магазином. Грузовики приезжали со стороны Лепеля и Боровки... Кроме этой линии немцы построили еще две – для складов боеприпасов, расположенных в лесу на высоком берегу оз. Мухно. Одна выходила с технической территории артбазы, шла в лесу вдоль шоссе в сторону Камня, пересекала большак за танковыми боксами и далее пролегала по лесу до северо-западного берега оз. Мухно – почти до х. Смолярна* (не существует. – *Авт.*). *Вторая линия выходила также с техтерритории, со стороны пожарной части артбазы, пересекала жилую зону, шоссе, шла через жилой городок Боровку вдоль поляны, между фасадом Дома офицеров и торцами ближайших досов, далее по лесу к Мухно. После войны, осенью 1947 г. из Западной Белоруссии в д. Старое Лядно прибыло воинское подразделение, род войск не помню, которое примерно за три месяца ликвидировало перегон Боровка – Старое Лядно. Четыре солдата остановились на постой в нашей хате, помню фамилии двоих – Козловский и Лебедок... Военные энергичными темпами убрали с путей вагоны, шпалы, семафор, порезали на металлолом рельсы и все это хозяйство вывезли, а вот насыпь так и осталась практически по всей длине нетронутой...»* [3].

Насыпь, поросшая молодым сосняком, следы от шпал узкоколейки на участке от шоссе Лепель – Витебск до Дома офицеров оставались до конца

1950-х гг., полусгнившие шпалы лежали в лесу до конца 1960-х гг., а отдельные участки насыпи от шоссе до бывшей «танковой дороги» сохранились до наших дней. В период 2011–2016 гг. нами была обследована дорога на территории Боровки и до д. Старое Лядно, локализованы спорные участки, проведены замеры и фотосъемка. Подтверждаются данные о границах широкой/узкой полос. Наиболее сохранившиеся участки: от пожарной части 3609-го артсклада боеприпасов (здесь имеется глубоко вкопанная в землю стрелка) в сторону д. Старое Лядно (1,6 км), за зданием универсама Военсервиса (15 м), от дороги на «запретку» до шоссе Лепель – Витебск (500 м), в лесу у бывшей «танковой дороги» на северо-восточном берегу оз. Щибот за вторым островом (20 м) [1; 4].

Таким образом, можно сделать выводы, что железная дорога в районе в/г Боровка со второй половины 1930 по 1947 г. играла важную роль как во время строительства городка и обеспечения жизнедеятельности формируемых здесь советских воинских частей, так и в оккупационный период, когда немецко-фашистские захватчики использовали и развивали ее инфраструктуру. Дальнейшие архивные разыскания позволят не только уточнить детали ее постройки и функционирования, но и ответить на главный по нашему мнению вопрос – почему ее посчитали ненужной к концу 1940-х гг., если Боровка в планах высшего военного командования оставалась важным и перспективным объектом и в послевоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Барановский, А. Л.** Из истории военных городков Беларуси. Боровка [Рукопись] / А. Л. Барановский. – Боровка ; Минск, 2016.

2. **Кульга, Е.** Железнодорожная эпопея / Е. Кульга // Лепельскі край. – 2007. – 21 снеж. – С. 2.

3. **Пахомович, И. И.** Воспоминания о Боровке / И. И. Пахомович // Личный архив автора.

4. **Полевые** материалы автора (2011–2016 гг.).

5. **Праскура, Г. Г.** Воспоминания о Боровке / Г. Г. Праскура // Личный архив автора.

6. **Прокша, И. А.** Воспоминания о Боровке / И. А. Прокша // Личный архив автора.

7. **Филипьева, У. Ф.** Воспоминания о Боровке / У. Ф. Филипьева // Личный архив автора.

8. **Хоняк, А. С.** Воспоминания о Боровке / А. С. Хоняк // Личный архив автора.

9. **Шлег, Т. П.** Железнодорожное строительство на Лепельщине / Т. П. Шлег // Нарысы гісторыі Лепельшчыны : зборнік артыкулаў / Лепельскі РВК, УК «Лепельскі раённы краязнаўчы музей» ; пад рэд. Я. А. Грэбеня, А. У. Стэльмах. – Віцебск, 2012. – С. 84.

10. **Шушкевіч, У.** Чыгунка Лазовікі – Бароўка : сцежкамі роднага краю / У. Шушкевіч // Лепельскі край. – 2010. – 24 жн. – С. 4.

11. **N-35-46-Б** : (Лососница) : карта / Белорусская ССР // Топографические карты / Генеральный штаб РККА ; Упр. военных топографов РККА ; Харьковская картографическая часть. – [Москва], 1936. – 1 л.

12. **Валацуга.** Железные дороги. Таинственная ветка Лозовики–Боровка / Валацуга (Валадар Шушкевич) // Lepel.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lepel.by/news_646.html. – Дата доступа: 12.11.2016.

13. **Донесение** делегата связи Лепельского минометного училища майора Ильина : 03.07.1941 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://podvignaroda.mil.ru/podvig-flash/. – Дата доступа: 12.11.2016.

14. **Семенько, М.** По жизни на изнурительной работе / М. Семенько // Lepel.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://blukach.lepel.by/post/706. – Дата доступа: 12.11.2016.

15. **Форум** Поисковых Движений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=31579.1420. – Дата доступа: 12.11.2016.

Белюков Д.А. *(г. Великие Луки, Россия)*

ИЗ ИСТОРИИ КРАЕВЕДЕНИЯ: И.М. ПУЛЬХЕРОВ – СВЯЩЕННИК, ПРОСВЕТИТЕЛЬ, КРАЕВЕД

Иван Михайлович Пульхеров оставил заметный след в истории Великих Лук и Псковской губернии, хотя известен был и за ее пределами. Краткие сведения о нем содержатся в «Русском биографическом словаре», издававшемся Императорским Русским историческим обществом, а биографический портрет протоиерея И.М. Пульхерова разместил его сын А.И. Пульхеров в качестве приложения к своей книге «Образование и образовательные средства в Великих Луках и его уезде. Историко-статистический очерк» (Псков, 1893 г.), там же размещена фотография И.М. Пульхерова. Ряд новых подробностей о семье Пульхеровых, в том числе и о И.М. Пульхерове, удалось найти псковскому краеведу Н.Ф. Левину и исследователю из Москвы А.А. Шумкову. Эти сведения содержатся в их статье «Пульхеровы, Рудаковы, Василёвы», которая опубликована в первом номере журнала «Псковские архивы» (2013 г.).

Иван Михайлович Пульхеров являлся одним из родоначальников великолукского краеведения. Он занимался историей великолукских церквей и монастырей, собирал местный фольклор, опубликовал несколько произведений по результатам своих исследований. Неслучайно его имя все чаще привлекает внимание краеведов и историков. Поэтому обратимся к страницам биографии и расскажем о деятельности этого замечательного человека.

11 октября 1826 г. в семье священника древней Успенской церкви Михайлова погоста Великолукского уезда Михаила Леонтьевича Рудакова родился сын, названный Иваном. В 1835 г. Иван поступил в Великолукское при-

ходское училище, где он, скорее всего, и получил прозвание Пульхеров, что в переводе с греческого означает «красивый, прекрасный». В 1847 г. Иван Михайлович закончил Псковскую семинарию с аттестатом первого разряда и женился на Екатерине, дочери священника Псковского кафедрального собора Ивана Дмитриевича Василёва.

В 1848 г. Михаил Рудаков в связи с болезнью по собственному прошению был уволен, и его место было передано сыну. 22 февраля 1848 г. Иоанна Пульхерова посвятили в сан священника Успенской церкви г. Великие Луки [2].

Так началась его служба священником, длившаяся на протяжении 37 лет – до конца жизни. Вся деятельность этого пастыря выделялась в то время своими плодотворными начинаниями и высоким пониманием долга. Отец Иоанн прежде всего обратил внимание на обустройство храма, требовавшего обновления. Скудные средства церкви и прихода, преимущественно сельского, не давали такой возможности. Тут проявились энергия и умение молодого пастыря, который расположил паству к храму и привлек жертвователей. Стечение народа в церковные праздники доходило до 5000 человек. Увеличившиеся таким путем средства храма дали возможность в 1859 г. устроить в главной церкви новый резной золоченый иконостас с иконами хорошей кисти, а стены храма украсить картинами из священной истории. Стены церквей были украшены живописью, на многие иконы сделаны серебряные массивные ризы, в главной церкви опущен пол, а в алтаре и перед ним сделан паркет, поэтому иконостас обрел более величественный вид. Наряду с заботами о внутреннем устройстве храма не забывалось и о наружном его состоянии: наружные стены и каменная ограда кладбища всегда поддерживались в порядке, крыши красились, подсаживались деревья на кладбище, были разбиты две кленовые аллеи. Кроме того, отец Иоанн устроил хор певчих из учениц своей школы, который принимал участие в богослужении Успенской церкви и придавал богослужению больше торжественности и гармонии.

Конечно, его активная деятельность объяснялась личными качествами священника, энергией, природным вкусом, распорядительностью, умением отыскать мастеров и вообще хозяйственными способностями. Кроме того, пастырь проповедовал слово Божие прихожанам в церкви, а в последнее время своей жизни (с 1881 г.) стал устраивать духовные беседы в деревнях, когда ездил туда для исполнения церковных треб. Такой способ донесения слова Божия имел некоторые преимущества пред проповедями в церквях, потому что вызывал обмен мыслями между прихожанами и пастырем и указывал последнему, насколько понятны его слова и где требуются пояснения.

В 1865 г. отец Иоанн был избран уездным благочинным, и ему пришлось ближе познакомиться с бытом сельского духовенства. Раболепие и темнота последних поразили Ивана Михайловича, и он делал, что мог, для уменьшения этих недостатков. Своим мягким и добрым обращением, увещеваниями

побольше читать и настоянием выписывать духовные журналы и газеты, он достигает немногого, потому что трудно бороться с тем, что накапливалось веками. Видя бедность духовенства, отец Иоанн не раз выручал нуждавшихся в деньгах. Такого рода действиями и своей справедливостью он снискал к себе всеобщее расположение.

Отец Иоанн много сделал для устройства школы для крестьянских девочек своего прихода и библиотеки при ней. По прошению настоятеля Успенской церкви управляющий Псковской палатой государственных имуществ коллежский советник Алексей Гаврилович Казначеев 7 октября 1860 г. разрешил ему открыть в своем доме школу для 18 крестьянских девочек. Иван Михайлович обеспечил их учебными пособиями и книгами, учил чтению и письму, четырем действиям арифметики и Закону Божию. Это было первое женское учебное заведение в Великих Луках и уезде. Архипастырская благодарность за открытие школы была объявлена отцу Иоанну 31 января 1861 г. [7].

Кроме наставничества в своей школе протоиерей шесть лет состоял законоучителем (так тогда называли преподавателей) в городском трехклассном училище (1874–1880) и три года в реальном училище (1877–1880). Как в том, так и в другом училищах своими личными качествами он снискал уважение учеников и учителей. О том, что отец Иоанн высоко ценил образование, свидетельствует и тот факт, что его сыновья Леонид, Николай и Александр учились в высших учебных заведениях, а все дочери окончили курс в гимназиях [4].

Отец Иоанн был проникнут духом миролюбия и веротерпимости. К другим вероисповеданиям он относился с уважением, за что и пользовался почтением со стороны представителей других конфессий. В 1883 г. протоиерей с удовольствием принял приглашение немецкой общины освятить закладку их молитвенного дома. В своей речи по этому случаю, отдавая должное энергии немногочисленного немецкого общества, которое, несмотря на различные препятствия и недостаточность средств, сооружает дом молитвы, отец Иоанн призывал благословение Божие на возводимое здание.

Отец Иоанн выполнял самые разные обязанности: состоял гласным земства, благочинным над монастырями, членом статистического комитета и училищного совета. Можно с уверенностью сказать, что Иван Михайлович Пульхеров являлся выдающимся деятелем великолукского духовенства.

Последние годы жизни Ивана Михайловича были омрачены печальными для него событиями. В 1882 г. он протестовал против крестьянского выбора в церковные старосты человека, хотя и занимавшего видное положение – члена земской управы, – но имевшего сомнительную репутацию. Отцу Иоанну удалось доказать подложность крестьянского решения о выборе, в котором значились имена крестьян, давно уже умерших, и устранить нежелательного кандидата, но в то же время ему пришлось попасть под следствие. Устраненный подговорил крестьян и их волостное начальство:

на протоиерея был написан донос, направленный через губернатора на имя архиерея. На следствии ни одно обвинение не подтвердилось, а выяснилось только жалкое состояние крестьян, находящихся в полной зависимости от своих волостных воротил. Другое удручающее обстоятельство укоротило жизнь Ивана Михайловича: в 1885 г. он был избран депутатом в Псков на съезд духовенства и во время путешествия повредил себе ногу так, что последние дни ходил на костылях. После перелома ноги от воспаления Иван Михайлович умер. Это произошло 23 ноября 1885 г. Его похоронили в склепе на Успенском кладбище… [2; 7].

Несмотря на свои многочисленные труды и обязанности, протоиерей находил время для историко-краеведческой работы. Еще в 1867 г. по совету уездного стряпчего Пульхеров взялся за изучение упраздненных архивов местного суда и магистрата перед их отправкой в Москву. Через три года, с 29 августа по 26 сентября 1870 г., в пяти номерах еженедельных «Псковских губернских ведомостей» было напечатано его историко-статистическое обозрение «Великолуцкий Троице-Сергиев мужской третьеклассный монастырь». Тогда же типография губернского правления выпустила оттиск газетной публикации (31 страница). И хотя после смерти архимандрита Макария (Михаила Рудакова), управлявшего монастырем последнее десятилетие, прошло лишь семь месяцев, в брошюре не было сказано, что она посвящена памяти отца автора [6].

Еще скромнее Иван Михайлович был при издании в 1879 г. новой книги «Великолуцкая Успенская кладбищенская церковь и ее приход». Книга печаталась в известной псковской Славянской типографии священника единоверческой церкви Константина Голубева. В книге не говорилось, что священник Михаил Рудаков, служивший в этой церкви 14 лет, был отцом автора, а о себе Пульхеров вообще не поместил биографических сведений. Тем не менее, из книги можно извлечь немало фактов, отражающих его разнообразную деятельность [5].

Еще одна краеведческая работа Ивана Михайловича была опубликована только в 1896 г. С 3 по 24 марта в № 17, 19, 22 и 23 «Псковского городского листка» печатались его очерк «Свадебный обряд у крестьян Великолуцкого уезда», составленный еще в 1875 г., а также собранные им местные пословицы и поговорки [8].

Эти три произведения Ивана Михайловича Пульхерова представляют большой интерес для изучающих историю Великих Лук и заслуживают быть переизданными.

Увлечение историей родного края передалось его младшему сыну Александру, который внес заметный вклад в великолукское краеведение [1]. Он стал автором двух замечательных произведений: «Великолукское городское общественное управление 1785–1891 гг. Историческое обозрение» (1892) и «Образование и образовательные средства в г. Великие Луки и его уезде. Исто-

рико-статистический очерк» (1893). В 2012 г. они были переизданы в рамках муниципального книгоиздательского проекта «Великолукская книга» [3; 4; 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Белюков, Д. А.** А. И. Пульхеров и истоки великолукского краеведения / Д. А. Белюков // Великолукский вестник : краевед. альманах. – Великие Луки, 2013. – № 3. – С. 10–12.

2. **Левин, Н. Ф.** Пульхеровы, Рудаковы и Василёвы / Н. Ф. Левин, А. А. Шумков // Псковские архивы : науч.-практ., ист.-краевед. журн. – Псков, 2013. – № 1. – С. 12–23.

3. **Пульхеров, А. И.** Великолукское городское общественное управление 1785–1891 гг. : ист. обозрение / А. И. Пульхеров. – Псков : Изд. Псков. Губерн. стат. ком., 1892.

4. **Пульхеров, А. И.** Великолукское городское общественное управление 1785–1891 гг. : ист. обозрение ; Образование и образовательные средства в г. Великие Луки и его уезде : ист.-стат. очерк / под ред., предисл. Д. А. Белюкова, Г. Т. Трофимовой. – Великие Луки, 2012.

5. **Пульхеров, И. М.** Великолуцкий Троице-Сергиев мужской третьеклассный монастырь / И. М. Пульхеров. – Псков : Тип. Губерн. правления, 1870.

6. **Пульхеров, И. М.** Великолуцкая Успенская кладбищенская церковь и ее приход / И. М. Пульхеров. – Псков : Славянская тип., 1879.

7. **Пульхеров, А. И.** Образование и образовательные средства в г. Великие Луки и его уезде : ист.-стат. очерк / А. И. Пульхеров. – Псков : Изд. Псков. Губерн. стат. ком., 1893.

8. **Пульхеров, И. М.** Свадебный обряд у крестьян Великолуцкого уезда. Пословицы и поговорки у крестьян Великолуцкого уезда и смежных ему / И. М. Пульхеров // Псковский городской листок. – 1896. – № 17, 19, 22, 23.

Валаханович И.А. *(г. Минск)*

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОПЕРАТИВНО-ЧЕКИСТСКОЙ ГРУППЫ НКВД

К началу сентября 1941 г. после оккупации Белорусской ССР немецко-фашистскими войсками Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) БССР был расформирован, а личный состав передан для прохождения дальнейшей службы в распоряжение особых отделов НКВД СССР или направлен в регулярную армию. Однако после разгрома германских войск под Москвой и успешного контрудара Красной Армии, когда в начале 1942 г. советские войска вплотную приблизились к границе Белорусской ССР, оперативная ситуация кардинально изменилась. В ходе Торопецко-Холмской операции (январь – февраль 1942 г.) войска 4-й ударной армии Калининского фронта образовали 40-километровый пролом в линии фронта на стыке германских групп армий «Север» и «Центр» между Велижем и Усвятами. Одновременно

советские партизанские отряды М.Ф. Бирюлина, М.И. Дьячкова, М.Ф. Шмырёва, Я.З. Захарова освободили ряд прифронтовых белорусских районов. В результате образовались так называемые Витебские (Суражские) «ворота», которые удерживались с февраля по сентябрь 1942 г. 4-й ударной армией, а также 1-й и 2-й Белорусскими партизанскими бригадами.

В Ставке Верховного Главнокомандования и Генеральном штабе Красной Армии началось планирование операции по полному разгрому германской группы армии «Центр». Это требовало активизации разведывательно-диверсионной деятельности в тылу германских войск и, главным образом, на захваченной противником территории Беларуси. Образование пролома в советско-германском фронте дало уникальную возможность направить в тыл врага партизанские отряды, разведывательно-диверсионные группы, переправить оружие, боеприпасы, медикаменты, а также вывести из-за линии фронта для отдыха и переформирования партизанские отряды и группы, выполнившие задания.

В итоге, для проведения оперативной работы и активизации разведывательно-диверсионной деятельности на оккупированной территории республики в январе 1942 г. была создана Центральная оперативно-чекистская группа (ОЧГ) НКВД по БССР общей численностью 179 человек, включавшая в свой состав 5 областных групп: Витебскую, Гомельскую, Минскую, Могилевскую и Полесскую. Витебская областная ОЧГ стала самой многочисленной по составу и первоначально состояла из 54 оперативных сотрудников органов государственной безопасности и внутренних дел [2, с. 138].

В апреле 1942 г. из НКВД СССР в распоряжение ОЧГ НКВД по БССР было откомандировано 356 человек из межкраевых школ и тыловых управлений НКВД, а также 253 милицейских работника. Большинство откомандированных сотрудников (75 оперработников и 176 сотрудников милиции) было распределено в Витебскую ОЧГ. В их числе был и будущий нарком внутренних дел БССР майор госбезопасности С.С. Бельченко [3, с. 119–120].

В феврале 1942 г. Витебская ОЧГ под руководством капитана госбезопасности С.В. Юрина прибыла в район расположения 3-й ударной армии Калининского фронта и приступила к развертыванию своей деятельности. Такая дислокация давала возможность областной ОЧГ проводить фильтрационную проверку советских военнослужащих, вышедших из-за линии фронта, собирать разведданные о положении на оккупированной территории области, устанавливать районы базирования и действия советских партизанских отрядов, подпольных организаций и групп. Из числа лиц, прошедших фильтрационную проверку, подбирались и засылались в тыл противника разведчики и диверсанты, формировались и направлялись за линию фронта специальные разведывательные и диверсионные группы [1, с. 96–97].

Фактически Витебская, как и другие областные ОЧГ, стала региональным центром по подготовке и проведению оперативной и разведывательно-

диверсионной работы, а также координации действий на оккупированной территории области партизанских отрядов, подпольных организаций, с одной стороны, и спецгрупп НКВД – с другой.

Для укрепления оперативных позиций Витебской областной ОЧГ НКВД по БССР перебросил для действий в районе Смоленск – Орша – Витебск хорошо подготовленный и экипированный чекистский партизанский отряд численностью 87 человек. В квадрат Полоцк – Витебск – Орша – Лепель для проведения диверсий на коммуникациях противника был направлен отряд, состоявший из 50 добровольцев. Со своей стороны, Витебская ОЧГ восстановила связь с организованным еще в 1941 г. партизанским отрядом численностью 130 человек под командованием бывшего начальника Суражского РО НКВД младшего лейтенанта госбезопасности Г.Г. Цаплина [5, с. 99–100].

После изучения возможностей организации ОЧГ в тылу врага в мае 1942 г. под руководством опытных оперативных сотрудников органов госбезопасности было создано 9 районных оперативно-чекистских групп общей численностью 63 человека, которые были направлены в Витебскую область. Районные ОЧГ должны были организовывать диверсии на основных коммуникациях и базах противника, проводить теракты в отношении предателей, изменников и представителей оккупационной администрации, непосредственно руководить разведывательно-диверсионными отрядами и группами, направленными в тыл неприятеля по линии ОЧГ НКВД по БССР, защищать партизанские соединения от проникновения в них вражеской агентуры [3, с. 121].

В мае – сентябре 1942 г. в районе Смоленск – Орша – Витебск успешно действовал отряд особого назначения под командованием старшего лейтенанта госбезопасности Я.И. Шпилевого (спецотряд «Шпилевой»). На железных дорогах Орша – Смоленск и Орша – Витебск бойцы отряда взорвали 8 вражеских эшелонов. Противник потерял 10 танков, 12 пушек, 977 солдат и офицеров. На шоссе Орша – Витебск и Орша – Смоленск «Шпилевой» вывел из строя 39 автомобилей и уничтожил 277 германских солдат и офицеров. Кроме того, бойцы отряда разгромили 4 полицейские управы, уничтожив при этом более 100 полицейских. Спецотряд потерь не понес. По указанию ОЧГ НКВД по БССР из личного состава «Шпилевого» были сформированы спецгруппы «Вторые», «Земляки», «Майские», «Отважные», «Соседи», «Третьи», «Ходжисмела» и «Четвертые», действовавшие в дальнейшем не только в Витебской области, но и Могилевской, Гомельской, Минской [2, с. 140–141; 5, с. 102].

В мае 1942 г. в район Орша – Витебск – Смоленск Витебская ОЧГ направила диверсионно-разведывательный отряд в количестве 25 человек под командованием бывшего командира взвода Красной Армии Соколова. В том же месяце чекистская спецгруппа совместно с партизанским отрядом Садчикова разгромила полицейский гарнизон в д. Сентюри, уничтожив при этом 24 солдата и 1 офицера неприятеля. В июле 1942 г. отряд Соколова взор-

вал эшелон у ст. Осиновка на железной дороге Орша–Смоленск. В результате крушения был разбит паровоз и 7 вагонов с живой силой противника. В августе 1942 г. в результате диверсии по подрыву вражеских машин на шоссе в районе м. Любавичи фашисты потеряли 19 человек убитыми. В сентябре 1942 г. на железной дороге Орша – Смоленск восточнее ст. Горяны диверсионно-разведывательная группа взорвала эшелон со снарядами. Всего за время нахождения в тылу врага бойцы группы пустили под откос 8 поездов. После успешного выполнения задания в ноябре 1942 г. спецгруппа Соколова вышла из-за линии фронта [1, с. 98].

В июле 1942 г. Витебская ОЧГ направила во вражеский тыл диверсионно-разведывательную группу под командованием Ф.И. Новикова в составе 12 человек (спецгруппа «Невского»). В сентябре 1942 г. у д. Сувалки в районе Полоцка группа взорвала эшелон с вооружением и боеприпасами. Противник потерял паровоз и 46 вагонов, движение на железной дороге прервалось на двое суток. Кроме того, спецгруппа провела успешную разведку военных гарнизонов в Полоцке, а также на станциях Горяны, Оболь, Струпы [4, с. 184; 2, с. 142].

После непродолжительного отдыха в октябре 1942 г. спецгруппа «Невского» вновь была направлена в район Витебск – Полоцк. В ноябре 1942 г. между станциями Сиротино и Язвино отряд Новикова взорвал вражеский эшелон с живой силой. В результате диверсии было убито около 400 и ранено около 600 солдат противника. Движение на железной дороге было прервано на 18 часов. В том же месяце спецгруппа совершила диверсию на железной дороге между станциями Оболь и Глушаничи, в результате которой были разбиты паровоз, 18 вагонов, 9 платформ с танками и боеприпасами, убито около 100 и ранено около 400 гитлеровцев. Движение по железной дороге остановилось на 16 часов.

Всего за время нахождения в тылу диверсионно-разведывательной группой под руководством Новикова было взорвано 5 эшелонов, разбито 4 паровоза, 109 вагонов, 59 платформ, уничтожено 27 танков, 31 автомашина, убито около 700 и ранено более тысячи вражеских военнослужащих. Израсходовав взрывчатку, в декабре 1942 г. спецгруппа вышла из-за линии фронта [1, с. 98–99].

В октябре 1942 г. Витебская ОЧГ перебросила в район Витебск – Полоцк спецгруппу под командованием Н.П. Скробова в количестве 16 бойцов (спецгруппа «Яблокова»). В ноябре группа Скробова разгромила полицейский отряд в д. Грунты Сиротинского района. В том же месяце бойцы спецгруппы совершили диверсию на железной дороге в районе ст. Ловжа, в результате которой потерпел крушение военный эшелон с живой силой. Движение по железной дороге отсутствовало сутки. Всего чекистским отрядом было взорвано 3 эшелона, разбито 3 паровоза, уничтожено и повреждено 122 вагона, убито и ранено около 800 гитлеровцев. В январе 1943 г. спецгруппа «Яблокова» вышла из-за линии фронта [3, с. 124].

Деятельности Витебской областной ОЧГ сопутствовали не только успехи, но и неудачи, имевшие в своей основе как объективные, так и субъективные причины. Несмотря на принимаемые руководством ОЧГ меры, сказывался недостаток вооружения, взрывчатки, средств связи, продовольствия, зимнего обмундирования. Имели место случаи предательства со стороны местных жителей. Так, направленная повторно во вражеский тыл для действий в Сиротинском и Бешенковичском районах Витебской области спецгруппа «Яблокова», в феврале 1943 г. из-за предательства была окружена карателями в д. Синяки. В ходе завязавшегося боя практически все бойцы отряда погибли [4, с. 199].

Созданная Витебской областной ОЧГ в августе 1942 г. спецгруппа под руководством П.М. Зайцева в конце 1942 г. попала в засаду фашистов в районе ст. Бычиха в Полоцком районе. В бою с карателями командир группы получил тяжелое ранение. Однако его заместителю Т.И. Тушкину удалось вывести бойцов на базу Витебской областной ОЧГ, а затем и за линию фронта [4, с. 179–180].

Однако, несмотря на объективные и субъективные трудности, Витебская областная ОЧГ в 1942–1943 гг. смогла успешно реализовать поставленные перед ней задачи. Специальные отряды и группы, организованные Витебской областной ОЧГ, сумели развернуть широкомасштабную разведывательно-диверсионную, оперативную и боевую деятельность не только на оккупированной территории региона, но и республики в целом. Тем самым был внесен значительный вклад в срыв вражеской стратегии «молниеносной войны».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Валаханович, И. А.** Крушение гитлеровского блицкрига : органы государственной безопасности Белорусской ССР в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) / И. А. Валаханович // Немига литературная. – 2005. – № 2. – С. 90–101.

2. **Валаханович, И. А.** Легион отважных : оперативно-чекистская группа НКВД БССР в 1942–1943 гг. / И. А. Валаханович // Щит и меч Отечества / под ред. В. И. Дементея [и др.]. – Минск, 2006. – С. 138–143.

3. **Валаханович, И. А.** Оперативно-чекистская группа народного комиссариата внутренних дел по Белорусской ССР (1942–1943 гг.) / И. А. Валаханович // Труды БГТУ. Серия V, Политология, философия, история, филология. – Минск, 2004. – Вып. XII. – С. 119–126.

4. **Соловьев, А. К.** Они действовали под разными псевдонимами / А. К. Соловьев ; под ред. С. М. Симонова. – Минск : Навука і тэхніка, 1994. – 200 с.

5. **Шарков, А. В.** НКВД Беларуси в вооруженной борьбе с нацистским агрессором и националистическим подпольем в годы Великой Отечественной войны : [монография] / А. В. Шарков ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь – Минск : Акад. МВД, 2012. – 279 с.

Иванова Т.П. *(г. Витебск)*

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ И РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

В инструктивно-методическом письме Министерства образования Республики Беларусь «Особенности организации социальной, воспитательной и идеологической работы в учреждениях общего среднего образования в 2016/2017 учебном году» названы современные подходы к организации социальной, воспитательной и идеологической работы: гражданское и патриотическое воспитание; совершенствование системы взаимодействия учреждения образования с семьей; формирование здорового образа жизни, ответственного и безопасного поведения; профилактика противоправного поведения детей и учащейся молодежи; правовое и нравственное воспитание; трудовое воспитание, профориентационная работа; совершенствование работы учреждений общего среднего образования в шестой школьный день. Обратим внимание на то, что гражданское и патриотическое воспитание в этом перечне занимает ведущую позицию.

Историческое краеведение сочетает в себе научно-популяризаторскую деятельность как способ освоения исторического наследия, приобретение разносторонних знаний по истории своего края и созидательную деятельность, направленную на сохранение памятников истории в крае. Историческое краеведение – один из элементов исторического образования и одна из важнейших отраслей школьного краеведения. Оно же является важным средством связи школы с жизнью, средством формирования гражданских понятий и качеств. Главная задача учителя истории – заинтересовать школьников процессом исторического познания. Там, где зародился живой интерес, дело заключается лишь в том, чтобы направить этот интерес в нужное русло.

Важная составляющая системы исторического краеведения в школе – содержание краеведческих знаний по истории. Можно условно говорить о концентрах (кругах) этих знаний, которые можно образно представить в следующем виде:

1. Моя семья. Предполагает изучение родословной семьи, истории происхождения фамилий и имен членов семьи, ближайших и дальних родственников, основоположников семейного древа, их социального происхождения и т. д.

2. Родная школа. Изучение истории и традиций образовательного учреждения, биографий известных выпускников и учителей школы, педагогических династий, достижений учеников школы или лицея.

3. Мое село (город): прошлое, настоящее, перспективы развития; история названия населенного пункта, известные односельчане (горожане), история промышленных предприятий и культурно-просветительных центров.

4. История района (микрорайона). Историческое прошлое, история возникновения, особенности становления и развития промышленности (сельского хозяйства, животноводства и т. д.), народного творчества и прикладного искусства, образования и культуры.

5. История области.

Выделяют три уровня в организации краеведческой работы. На первом уровне происходит получение учащимися «готовых» знаний о крае со слов учителя, из учебных пособий и сообщений средств массовой информации.

Второй уровень – самостоятельное приобретение знаний, обеспечивающее условия для более активной познавательной работы учащихся (когда они в процессе исследования делают открытия для себя, то есть фактически «переоткрывают» уже известные факты и события прошлого, явления и закономерности окружающей жизни). Источниками таких знаний могут быть, кроме учебных пособий, научно-популярная литература, публикации в местной и центральной периодической печати, материалы школьных и государственных музеев, ресурсы Интернета.

Третий уровень – изучение школьниками истории родного края в ходе углубленного исследовательского поиска, представляющего научный интерес. В этом случае ученики фактически выступают в роли юных ученых-исследователей. Обычно это члены краеведческих кружков и ученических научных обществ, слушатели факультативов.

При отборе учебного содержания краеведения нужно руководствоваться определенными принципами:

1. Принцип диалектической взаимосвязи с курсами отечественной и всеобщей истории. Материал отражает исторические и культурные тенденции, характерные для всех регионов Беларуси и, возможно, для всего мира.

2. Принцип интегративности. Краеведение дает учащимся целостное представление о человеке, живущем на определенной территории. Интегративность заключается в том, что для уроков берутся сведения и археологии, и географии, и этнографии, и экономики, и литературы, и истории.

3. Принцип поликультурной толерантности. Сведения из местной истории еще раз подчеркивают, что мы живём в обществе, где много различных наций, что каждый народ имеет свой язык, веру, обычаи, менталитет, но при этом необходимо помнить: все люди равны и интересны и мы должны уметь жить в мире с окружающими.

4. Антропологический принцип. Человек является центром изучения краеведения, его духовно-практического опыта, а политическая и экономическая история рассматриваются лишь как условия развития человека.

5. Принцип практической направленности курса. «Этот принцип требует разрабатывать содержание, ориентируясь на существующую педагогическую реальность, учитывать имеющиеся методы, закономерности, принципы и возможности обучения в целом» [3, с. 31].

Значительный опыт развития исторического краеведения накоплен в Российской Федерации. Примерный спектр используемых технологий: личностно-ориентированный подход, исследовательские технологии, игровые технологии. Игровые технологии, здоровьесберегающие технологии, проектные технологии, технология развивающего обучения, технология критического мышления, технология «французских мастерских» [2, с. 16].

Обращаясь к опыту Украины, к основным источникам туристического краеведения отнесем: краеведческую библиографию; картографические источники (архивы музеев, государственные архивы); устные источники (устное народное творчество: сказки, легенды, думы, песни, пословицы и поговорки и т. п.); статистические источники; наблюдение за объектами и процессами природы; печатные источники (учебники, справочники, энциклопедии, путеводители, карты, журналы, газеты и т. п.); памятники истории и культуры, связанные с историческими событиями в жизни края, развитием общества и государства, а также произведения материальной и духовной культуры, которые имеют историческую, научную, художественную и иную культурную ценность.

В ученическо-студенческой туристско-краеведческой работе в Украине выделяют стационарные и производные формы. Стационарные формы: работа на географической площадке, фенологические наблюдения, встречи со знаменитыми земляками, воображаемые путешествия по краю, краеведческие олимпиады, конференции, лектории, школьные краеведческие эстафеты, конкурсы, выставки, викторины, выпуск краеведческого журнала, радио- и стенная газета, переписка и обмен краеведческой литературой, издание альманахов и другие мероприятия, проводимые на местности и в условиях школы, вуза, населенного пункта. Производные формы: прогулки, экскурсии, однодневные и многодневные походы, путешествия на различных видах транспорта, экспедиции, туристские слеты и т. д. [6].

В соответствии с опытом Беларуси, краеведение рассматривается как метод комплексного изучения определенной территории [8, с. 4]. Целью краеведения является всестороннее изучение определенного региона страны. Задача краеведения как исследовательской деятельности состоит в поиске научных материалов на местах, фиксации исчезающих объектов. Источниками краеведческого исследования являются материалы музеев, архивов, экспедиций, краеведческая литература, воспоминания очевидцев исторических событий. В школьном краеведении выделяют учебное и внепрограммное краеведение.

Популярными формами краеведческой работы в белорусских школах являются походы, экскурсии, слеты, экспедиции, организация краеведческих музеев, уголков, выставок, создание атласов и видеофильмов, ведение летописей, проведение краеведческих вечеров, конференций, викторин, подготовка материалов для СМИ.

Работа историко-краеведческих кружков осуществляется в двух направлениях: теоретическом (лекции, беседы) и практическом (экскурсии, походы). В программе работы кружка важно выделить два момента: единство истории края, его частей с историей страны в целом и особенностями исторического развития края.

Историко-краеведческие кружки по мере их развития и увеличения нередко перерастают в школьные ученические общества, а затем в клубы. Общество и клуб являются высшей формой внеклассной краеведческой работы в школе. Одна из форм знакомства с краем – краеведческая экскурсия. Основной принцип экскурсии – показ и рассказ дают экскурсантам возможность получить информацию, зрительно воспринять особенности и достопримечательности края. Основная цель исторических экскурсий – воссоздание героического прошлого, его связи с настоящим. Знание истории своего народа воспитывает патриотические чувства, помогает оценивать современные достижения, способствует более глубокому усвоению лучших традиций и культурного наследия прошлого, ведет к развитию новых традиций и культуры. Использование краеведческого материала в исторических экскурсиях – обязательное условие [4, с. 145].

Краеведение, по существу, отличается от «большой» науки только территориальным аспектом. И все же краеведение может иметь свои особенности как общественное движение. В этом случае на первый план выступает задача не узкой специализации лиц, занимающихся, например, историческим краеведением, а привлечение как можно большего числа местных жителей к познанию и сохранению истории края. Главной задачей краеведения и, соответственно, краеведов становится собирание и фиксация материалов на местах, их первичная обработка и изучение. Для серьезной исследовательской работы необходима научная база, в качестве которой по отношению к краеведам и краеведческим объединениям на местах могут выступать музеи, научно-исследовательские учреждения, вузы, а также различные общества и их отделения. В качестве задач исторического краеведения можно назвать следующие: собирание и фиксация местной топонимии; собирание предметов быта и народного искусства; запись местных диалектов и фольклора; фиксация местных преданий, воспоминаний старожилов; собирание и фиксация сведений о памятниках истории, людях, материалах, с ними связанных.

Особенность школьных музеев состоит в том, что их собрания комплектуются, экспонируются и используются в соответствии с учебно-педагогическими и воспитательными задачами школы. Школьные музеи могут, так же как и государственные, иметь различный профиль: краеведческий, исторический, художественный и т. п. Часто школьными музеями называют комнаты, уголки, выставки, в которых представлены фотокопии документов, репродукции произведений искусства, копии музейных экспонатов, таблицы,

схемы и т. п. Такие выставки нельзя назвать музеями, ибо здесь отсутствуют подлинные музейные предметы [5, с. 101].

Не следует забывать и о необходимости развития навыков практической работы с ветеранами войны и труда. Сейчас во многих школах создаются музеи боевой и трудовой славы, большей частью специализированные, посвященные какому-то роду войск или какой-то определенной тематике. При создании таких музеев учащиеся не должны забывать о конкретных ветеранах войны и труда своего микрорайона, которые нуждаются в помощи. Оказание такой помощи особенно хорошо воспитывает учащихся.

Большое значение для совершенствования исторического краеведения и в целом исторического образования в школе имеют новые труды по истории.

Большой вклад в развитие историографии и источниковедения региональной истории, вносят университетские конференции, именные чтения. В Москве – Забелинские, Барановские, Елизаветинские, Куракинские; в Санкт-Петербурге – Анциферовские; в Вятке (Кирове) – Петряевские; в Екатеринбурге – Татищевские; в Котласе – Стефановские; в Липецке – Бартеневские; в Можайске – Макариевские; в Муроме – Уваровские; в Мурманске – Ушаковские; в Мышкине – Опочининские; в Омске – Макушинские; в Перми – Смышляевские; в Рязани – Яхонтовские; в Уссурийске – Арсеньевские; в Челябинске – Бирюковские, в Ярославле – Тихомировские. И это далеко не полный список именных чтений с участием краеведов, деятелей науки и культуры. В Беларуси, в частности в Витебском регионе, это Сапуновские, Машеровские, Браславские и другие чтения.

Музеи – одна из форм патриотического воспитания школьников.

Практическая культурно-образовательная деятельность школьного музея – это:

1. *Информирование.* Первичное получение сведений о музее, составе и содержании его коллекций или об отдельных экспонатах. Создание электронных презентаций, электронных архивов-описей документов, информационных справок об отдельных экспонатах на уроках истории, литературы, географии, создание информационного киоска на страничке сайта школы.

2. *Обучение.* Передача и усвоение знаний, приобретенных умений и навыков. Обязательный фактор – неформальность и добровольность. Обучение осуществляется в форме экскурсий, уроков, занятий кружка, проектных работ. Возможно привлечение уроков истории, литературы, географии, технологии.

3. *Творчество.* Создание условий для стимулирования творческого процесса. Это направление реализуется с помощью педагогов дополнительного образования, проектной деятельности, викторин, исторических игр, фестивалей и встреч.

4. *Общение.* Встречи с целью знакомства и общения с художниками, писателями и поэтами, ветеранами, первостроителями города.

5. *Отдых.* Организация свободного времени учащихся и взрослых. Дни открытых дверей (1 раз в четверть), концерты, чаепития для ветеранов и гостей школы.

Музейная педагогика дает возможность: осуществлять нетрадиционный подход к образованию, основанный на интересе детей к исследовательской деятельности и компьютерному обучению; сочетать эмоциональные и интеллектуальные воздействия на учеников; раскрыть значимость и практический смысл изучаемого материала; попробовать собственные силы и самореализоваться каждому ребенку; объяснить сложный материал на простых и наглядных примерах; организовать интересные уроки и дополнительные, факультативные и внеклассные занятия, исследовательскую работу в школьном музее и школе.

Прогнозируемые результаты: более глубокое усвоение исторических знаний, воспитание чувства гордости за достижения прошлого, привитие навыков самостоятельной работы, развитие уровня социальной адаптации, развитие творческого потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Историческое** краеведение : учеб.-метод. комплекс / сост. П. Ф. Назыров. – Челябинск : Челябин. гос. ун-т. – 2008. – 15 с.

2. **Историческое** краеведение и музееведение в дополнительном образовании учащихся : сб. ст. / редкол.: О. А. Казанцева (и др.). – Ижевск : Удмурд. ун-т, 2011. – 81 с.

3. **Кацюба, Д. В.** Внеклассная работа по истории (краеведение) : пособие для учителей / Д. В. Кацюба. – Москва : Просвещение, 1975. – 192 с.

4. **Лукина, И. Е.** Историческое краеведение : учеб. пособие / И. Е. Лукина. – Томск : Томск. политехн. ин-т, 2003. – 156 с.

5. **Матюшин, Г. Н.** Историческое краеведение / Г. Н. Матюшин. – Москва : Просвещение. – 1987. – 207 с.

6. **Петранивський, В. Л.** Туристическое краеведение : 24 источника национального краеведения / В. Л. Петранивський // Uchebniki Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://uchebnikionline.com/turizm/turistichne_krayeznavstvo-petranivskiy_vl/dzherela_natsionalnogo_krayeznavstva.htm. – Дата доступа: 06.11.2016.

7. **Филимонов, С. В.** Историческое краеведение в России и документальные памятники (1917–1929 гг.) : автореф. … д-ра ист. наук / С. В. Филимонов. – Москва, 1992. – 220 с.

8. **Шидловский, С. О.** Краеведение : учеб.-метод. комплекс / С. О. Шидловский. – Новополоцк : ПГУ,– 2011. – 172 с.

Каплиев А.А. *(г. Минск)*

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛУЖБЫ СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ГОРОДЕ ВИТЕБСКЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ

В исторической перспективе социально-экономического, политического и культурного развития Беларуси определяющее значение традиционно имел Витебский регион. Не стала исключением и сфера здравоохранения, важное место в которой с наступлением эпохи новейшего времени заняла служба скорой медицинской помощи (СМП). Комплексного исследования организации СМП на территории Витебщины ранее не проводилось, имели место лишь краткие упоминания в работах отечественных историков медицины, а также в справочных и энциклопедических изданиях [1; 2; 17]. Представленное сообщение, основанное на архивных материалах, посвящено выявлению условий и причин создания регулярной службы СМП в г. Витебске в первой четверти XX в.

Несмотря на определенные успехи в развитии здравоохранения Витебщины в начале XX в., оставались серьезные проблемы в организации медицинского обслуживания населения: отчет Витебской санитарной комиссии за 1908 г. констатирует отсутствие достаточной и доступной для населения врачебной помощи [18, с. 49]. Поэтому уже в 1908 г. городская дума начала выдавать субсидию губернской земской больнице и амбулатории еврейской больницы с целью оказания в них бесплатной врачебной помощи с выдачей лекарств всем бедным городским жителям. К 1908 г. также относится и введение первой структуры СМП: 23 сентября на средства, выданные городской думой, были устроены ночные дежурства врачей при аптеке Общества пособия бедным больным евреям, предоставившей для этого подходящее помещение на Суворовской улице [18, с. 50]. Ночные дежурства предусматривали оказание экстренной медпомощи как на пункте дежурства, так и на дому пациента или на месте несчастного случая. Из 50 проживавших в городе врачей 25 согласились нести ночные дежурства при окладе 3 рубля за смену, при этом большинство вызовов обслуживалось бесплатно [16, с. 70; 18, с. 51]. С 23 сентября и до конца 1908 г. зафиксировано 231 обращение в ночные дежурства, из них 178 – в экстренных случаях [18, с. 51]. В следующем году популярность ночных дежурств значительно возросла, а население города даже стало злоупотреблять услугами ночных врачей: отмечалось, что около 1/3 вызовов относились к случаям, не требовавшим экстренной медпомощи. Особенно интенсивной работа дежурантов становилась во время холерных эпидемий, когда количество вызовов доходило до 18 за ночь [19, с. 41]. Всего за 1909 г. было обслужено 1090 обращений [19, с. 48–49]. В дальнейшем популярность оказания медпомощи по ночам оставалась на сравнительно высоком уровне: например, за 1910 г. зафиксировано 1215 обращений, в среднем –

по 3,3 за ночь. Следует отметить, что для самих врачей служба по ночам не считалась престижной, а некоторые медработники, изначально согласившиеся на дежурства, позже от них отказались [16, с. 70]. С началом Первой мировой войны институты СМП на территории Беларуси были свернуты либо интегрированы в армейскую медслужбу.

С установлением в Витебске советской власти коренной перестройки системы здравоохранения не произошло. Начало 1918 г. было периодом, когда, по выражению Витебского отдела народного здравоохранения, «приходилось не помышляя об улучшениях и нововведениях, – только сохранять и поддерживать все то, что было разумного и полезного в наследстве старого земства и что было склонно к разрушению» [15, л. 1]. Больницы фактически не работали, амбулатории с трудом принимали больных, взимая по 50 копеек с каждого и отпуская «примитивные лекарства» [15, л. 21]. Разъезды на дом к пациентам производились редко из-за отсутствия транспортных средств, и персонал выезжал лишь когда родственники заболевших прибывали со своими лошадьми.

В годы революционных потрясений Витебщина, как и большая часть территории Беларуси, столкнулась с одной из крупнейших в своей истории эпидемией инфекционных болезней. Вспышка инфекции была обусловлена многими факторами: антисанитарией в условиях многолетних военных действий, разрушением медико-санитарной сети, присутствием в крупных городах различных воинских формирований, военнопленных и беженцев. Для борьбы с эпидемией уже в 1920 г. некоторым витебским врачам для разъездов по домам зараженных предоставлялась лошадь [4, л. 45]. В самом начале 1920 г. стали появляться и зачатки организованной службы СМП: приказом заведующего Витебским губернским отделом здравоохранения (губздравом) от 30 января 1920 г. предписывалось «организовать в срочном порядке подачу скорой медицинской помощи на местах работы по очистке снега» [5, л. 29]. Также был реорганизован пункт СМП при комитете по борьбе с безработицей (ноябрь 1920 г.) [3, л. 7].

Развитие СМП стимулировалось из центральных управленческих структур: циркуляр Народного комиссариата здравоохранения (наркомздрава) от 20 мая 1921 г. предписывал всем губернским, городским и уездным отделам здравоохранения обратить особое внимание на развитие внебольничной помощи, сделав ее центром амбулатории [6, л. 143 об.]. На протяжении 1921 г. в документообороте Витебского губздрава встречаются упоминания проектов организации ночных дежурств врачей, и уже к августу 1921 г. в центральной и 3-й районной амбулаториях имелись «сквозные суточные дежурства» [7, л. 9; 9, л. 38–39]. Наконец, в конце декабря 1921 г. для дежурных врачей были составлены служебные инструкции, а с 1 января 1922 г. учреждено ночное дежурство врачей с 22:00 до 9:00 при центральной амбулатории [8, л. 328, 336]. Следует отметить указание в инструкциях о том, что «врачи дежурят

при Амбулатории для оказания скорой помощи». Для разъездов дежурных врачей была выделена лошадь с повозкой и кучером, а в целях предупреждения необоснованных вызовов планировалось добиться введения ответственности за подобные нарушения [8, л. 328, 336].

Создание регулярной службы СМП в Витебске произошло годом позже ночных дежурств. В ночь с 5 на 6 октября 1922 г. неизвестное лицо, назвавшееся «народным следователем», угрожая судом, учинило скандал в бывшей больнице Красного Креста [11, л. 130]. «Следователь» (оказавшийся народным судьей Либерисом) пытался организовать оказание медпомощи нескольким обожженным, для чего обращался и получал отказы в самых различных медучреждениях города. В связи с этим случаем заведующим лечебным подотделом губздрава доктором Лившицом был разработан проект организации СМП, предусматривавший учреждение круглосуточного дежурства врача при дезинфекционном отряде или другом учреждении, имевшем транспортные средства. В распоряжение врача, обязанного выезжать по первому требованию, планировалось предоставить перевязочные материалы и медикаменты. Кроме того, в центральной амбулатории и бывшей амбулатории Водного транспорта предполагалось учреждение круглосуточных дежурств фельдшеров, которые оказывали бы СМП пациентам, доставляемым в эти амбулатории [11, л. 130].

Решением заседания коллегии Витебского губздрава от 1 ноября 1922 г. при бывшей больнице Красного Креста организовывались круглосуточные дежурства врачей для оказания СМП, начавшие свою работу с 7 ноября [11, л. 137]. Позже, ввиду торжественного открытия больницы и учреждения дежурств СМП, лечебнице было ассигновано 100 млн рублей [11, л. 138]. В течение ноября 1922 г. дежурному врачу СМП были приданы санитар для ответов на телефонные вызовы и контроля приходящих на прием граждан, а также лошадь для разъездов. После некоторых колебаний руководство здравоохранения санкционировало даже выдачу дежурным врачам бесплатных обедов во время смены [11, л. 139, 145]. В дополнение к центральному пункту СМП предполагалось создать сеть из 7 пунктов СМП при предприятиях уезда и города, на что требовалось 1,5 млрд рублей [12, л. 33].

Следует отметить, что создание СМП в Витебске происходило на фоне крупнейших в истории советской медицины сокращений персонала и лечебных учреждений, связанных с введением новой экономической политики (НЭП). Несмотря на снижение расходов путем редуцирования больничной сети и персонала, здравоохранение региона, как и всей страны в целом, находилось в тяжелейшем финансовом кризисе – к моменту создания СМП (ноябрь 1922 г.) Витебский губздрав уже 4 месяца находился без финансирования, что толкало к нарушению принципа бесплатности советской медицины [11, л. 138]. В условиях введения платности медобслуживания многие граждане не могли себе позволить использование всех возможностей сети

витебских клиник, поэтому создание СМП в качестве доступной и срочной лечебной службы стало жизненно необходимым.

Учрежденные дежурства СМП носили круглосуточный характер и специализировались на оказании как амбулаторной, так и выездной помощи в экстренных случаях, дежурные врачи вызывались по телефонному номеру больницы Красного Креста – 54 [13, л. 170]. История сохранила имена первых врачей, работавших на пункте СМП г. Витебска: Боровик, Дешалыт, Конович, Корольков, Куплянский, Малаховский, Миролюбов, Митрошенко, Рабинович [10, л. 37 об.]. Заведовал пунктом СМП главный врач больницы Л. Беккер [14, л. 27].

Таким образом, создание института СМП в Витебске началось еще в дореволюционный период с учреждения института ночных дежурств врачей. После окончания Первой мировой войны и революции общий упадок здравоохранения, эпидемии начала 1920-х гг. и сокращения медицинской организации в период НЭПа требовали обеспечения населения хотя бы экстренной медпомощью, что обусловило развитие института СМП. От появления отдельных пунктов СМП при различных учреждениях и создания ночных дежурств экстренная медслужба Витебска к концу 1922 г. эволюционировала до организованного пункта СМП при бывшей больнице Красного Креста (позже – Рабочей больнице им. Калинина), с которым было связано дальнейшее развитие экстренной медицины на протяжении всего межвоенного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Белов, С. И.** Становление советского здравоохранения Витебской области (1918–1923) / С. И. Белов // Здравоохранение Белоруссии. – 1968. – № 12. – С. 20–24.

2. **Витебск** : энциклопедический справочник / гл. ред. И. П. Шамякин. – Минск : БелСЭ им. П. Бровки, 1988. – 408 с.

3. **Государственный** архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 187.

4. **ГАВО.** – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 200.

5. **ГАВО.** – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 212.

6. **ГАВО.** – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 254.

7. **ГАВО.** – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 277.

8. **ГАВО.** – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 319.

9. **ГАВО.** – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 319 а.

10. **ГАВО.** – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 429.

11. **ГАВО.** – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 438.

12. **ГАВО.** – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 443.

13. **ГАВО.** – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 455.

14. **ГАВО.** – Фонд 64. – Оп. 1. – Д. 670.

15. **ГАВО.** – Фонд 984. – Оп. 1. – Д. 3.

16. **Жбанков, Д. Н.** Сборник по городскому врачебно-санитарному делу в России / Д. Н. Жбанков. – Москва : Типо-литография В. Рихтер, 1915. – 552 с.

17. **Моторова, Л. А.** Медицинское обслуживание и здравоохранение населения Витебской губернии / Л. А. Моторова, Н. С. Моторова // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2006. – № 3. – С. 10–13.

18. **Отчет** Витебской городской санитарной комиссии за 1908 год. – Витебск : Типо-литография П. Подземского, 1910. – 56 с.

19. **Отчет** Витебской городской санитарной комиссии за 1909 год. – Витебск : Типо-литография П. Подземского, 1911. – 87 с.

Кобринец В.А. *(г. Пинск)*

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПОСТУПЛЕНИЯ РУССКИХ МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИЮ БЕЛАРУСИ

В XVI – первой четверти XVIII в. одним из составляющих элементов денежного обращения белорусских земель были монеты Русского государства. Их постоянным источником поступления на территорию Беларуси были торговые контакты. Как белорусские, так и русские купцы торговали преимущественно в пограничных городах. Белорусы ездили в Великие Луки, Вязьму, Дорогобуж, Можайск, Смоленск, Торопец, Ржев и Москву. В свою очередь, русские приезжали в Вильно, Витебск, Могилев, Полоцк и Оршу. Наиболее тесно экономическими интересами с регионами Русского царства были связаны такие приграничные города, как Могилев, Орша, Полоцк, Витебск. В источниках сохранились сведения о поездках в Россию жителей более отдаленных городов, например, Минска [1, с. 11–12; 18, с. 749–762; 12, л. 250–252, 304].

Как свидетельствуют документы магистрата Могилева, уже к последней четверти XVI в. в этом белорусском городе сформировалась специальная группа купцов, занятая торговлей исключительно на восточном направлении. 5 сентября 1588 г. многие из них названы арендатором «мыт пограничных» Афрашем Рахмайловичем: Овсей Максимович, Афанас Яковлевич, Аксен Оверкович, Иван Тарасович, Андрей Отрошкович, Федор Михайлович, Иван Иванович, Иван Овхимович, Нефед Дронин, Васко Романович, Иван Жданович, Васко Левонович, Митько Васильевич, Карпуша Иванович [12, л. 360 об.].

Белорусские купцы закупали в России главным образом пушнину (соболиные, горностаевые, лисьи, песцовые и беличьи меха), шкуры крупного и мелкого скота различной степени обработки, некоторые виды изделий из кожи и железа, отдельные виды рыб, пеньку, мед. Предметами же импорта из Беларуси были различные виды тканей, сукон и изделия из них, предметы роскоши (в том числе, драгоценные камни, стекло), приправы, нитки

серебряные и золотые, благородные металлы и изделия из них, кожевенные товары, соль, сало и воск [1, с. 22–24].

Непосредственной реализации товаров купцами Великого княжества Литовского (с 1569 г. – в составе Речи Посполитой) и Русского царства на более далекой территории сильно препятствовало «право склада». Они были вынуждены осуществлять свою деятельность в специально отведенных местах, жить строго на гостиных дворах и хранить товар только на предназначенных для этого складах. За соблюдением принятых правил торговли строго следили. Санкции и штрафы в случае их нарушения могли быть очень значительными. Об этом свидетельствует эпизод, произошедший в 1598 г. на землях Русского царства. 14 апреля по пути из Смоленска в Оршу на некоторое время житель Орши Игнат Иванович и могилевчанин Яцко Конашевич остановились недалеко от Смоленска в некоем русском селе. Там ночью, втайне от своего компаньона, Игнат Иванович пошел для скупки ржи по деревням, за что был наказан не только он сам, но и его напарник. Какие-то пятеро «москалев»[1] обнаружили скупленное зерно в челнах и конфисковали его, а также забрали у Конашевича 3 руб. «денгами», копу[2] литовских грошей и 4 куньих шкурки [13, л. 428 об. – 430].

В XVI – первой четверти XVIII в. военные действия прерывали торговые контакты между Речью Посполитой и Русским царством, но существенно активизировали другие способы проникновения русских монет на белорусские земли. Во время Ливонской войны (1558–1583) на территории северо-восточной части Беларуси (район Полоцка и прилегающих территорий) находились базы русских войск. В настоящее время мы не располагаем непосредственными сведениями о выплатах им денежного содержания. Тем не менее, о такой возможности свидетельствуют косвенные данные. В границах этого региона прослеживается концентрация единичных находок монет русского царя Ивана IV Грозного [10, с. 119–120, 123–125]. К тому же в источниках зафиксирована информация о выделении денежных средств русским войскам в Прибалтике. В 1578 г. из государевой казны в Ругодиве (Нарве) боярский сын Василий Павлович Соломонидин должен был развезти в разные ливонские города на жалование 559,03 руб. [5, с. 306–307]. В 1578 г. в Кукейнойсе наибольшее государево денежное жалование получал «толмач и переводчик» (15 руб.), а наименьшее – ямской дворник (1 руб.). Кроме того, русские деньги шли разным категориям священнослужителей, пушкарям, десятникам и часовщикам, воротникам, житничным, казенным и тюремным сторожам, плотникам, каменщикам, переводчикам и ямским дворникам [5, с. 308–309].

---

[1] Лица неустановленной должности, которые, по всей видимости, должны были следить за соблюдением иноземцами правил торговли в России. – *В. К.*

[2] Копа грошей – 60 литовских грошей.

Во время Ливонской войны одним из временных способов появления русских монет на белорусских землях мог быть выкуп пленных. Так, в 1580 г. сын боярский Айда Сатин привез в Смоленск за себя и за некоего Гаврилку Одоевцова выкупа 250 руб. и шкурки меха 40 куниц, лисицы и 2 бобров [2, с. 255].

Места распределения кладов с русскими монетами первой половины XVII в. на территории Беларуси тяготеют к трем направлениям: 1) через Центральную Беларусь; 2) вдоль Западной Двины; 3) вниз по Днепру. Из 36 кладов этого времени 14 находок датируется 1606–1618 гг. На это время приходятся такие крупные военно-политические потрясения, как Смутное время в России (1598–1613) и русско-польская война (1609–1618). В них активное участие принимают западноевропейские наемники, среди которых многие были жителями Речи Посполитой [8].

Добровольный переход под руку русского государя во время войны 1654–1667 гг. породил у части населения надежду на беспошлинную торговлю на огромной территории Русского царства. Особенно заинтересованы в этом были жители Могилева и Шклова [1, с. 40; 16, с. 305, 316]. Хоть эти надежды и не оправдались, но нахождение в составе Русского царства увеличило количество русских монет на землях Беларуси, которые начали более широко использоваться в различных торговых операциях. Во второй половине XVII в. были сокрыты известные в настоящее время 28 кладов с серебряными копейками, 23 находки «ефимков с признаками» (из них 12 кладов) и не менее 30 единичных находок медных монет. Из всех этих артефактов непосредственно с событиями войны между Россией и Речью Посполитой (1654–1667) могут быть соотнесены 19 кладов с серебряными копейками, все известные находки «ефимков с признаками» и монетной меди Алексея Михайловича. Основной ареал их распространения приходится на восточную часть Беларуси, которая находилась в непосредственном подчинении русских властей [9].

На территории Беларуси регионом наибольшей концентрации находок «ефимков с признаками» является территория Могилевской области (8 из 23 известных находок). Их основной ареал близок к границам размещения на белорусских землях баз казацкой конницы нежинского полковника и наказного гетмана Войска Запорожского Ивана Никифоровича Золотаренко. В 1655 г. за заслуги во время боевых действий 1654–1655 гг. царь Алексей Михайлович передал наказному гетману Быховское и Кричевское староства. С этого времени казацкие формирования постоянно размещались на землях с такими центрами, как Могилев, Мстиславль, Кричев, Чаусы, Чериков [17, с. 38–39]. Казаки могли содействовать распространению «ефимков с признаками» на занятой территории, поскольку вместе с рейтарами и драгунами получали этими монетами денежное содержание из царской казны.

Война 1654–1667 гг. значительно расширила источники поступления монет России на рынки Беларуси. Одним из них стали царские пожалования.

К примеру, в июле 1654 г. царь Алексей Михайлович раздавал награды, в том числе и деньгами, своим сторонникам из числа жителей Беларуси. Могилевский шляхтич Константин Поклонский получил чин полковника и «денег 50 рублев», его люди – от рубля до десяти. Тогда известны выдачи жителям Невеля и Орши из царской казны на эти же цели. Также в августе 1654 г. царем выделены 50 руб. монахам Мстиславского Духова монастыря на «милостину» и на монастырское строение [4, с. 185–187, 207–208, 224, 242].

Продукция русских денежных дворов поступала на рынки Беларуси и через вывоз ее жителей, преимущественно квалифицированных мастеров, в Россию. Так, 12 января 1659 г. из государевой казны стольнику Ивану Васильевичу Бутурлину были выданы 11,5 руб. Эти деньги некий Петр Болотников взял у него в Могилеве на подъем мастерам, «которыя взяты ис польских (белорусских. – *В. К.*) городов» [16, с. 408].

Одним из источников включения копеек в денежное обращение белорусских земель были неудачи русских войск. Исторические документы сообщают, что в 1660-е гг. среди военной добычи войск Речи Посполитой оказалась и «государева денежная казна» [3, с. 124, 455]. Во время Северной войны (1700–1721), в мае 1707 г., подчиненными администратора Могилевской экономии Кристофора Синицкого по дороге из Борисова была захвачена царская казна (от 11 до 19 бочонков коп., или до 40 тыс. руб.), что «везли к русским полкам на оплату жалованья». Добыча была перевезена в Быховский замок. В июне русские войска овладевают Быховом и отправляют мятежников в Москву и Азов [6, с. 293–294; 7, с. 197–198, 204; 14, с. 264–265, 268].

В ходе Северной войны русские войска с 1704 г. постоянно присутствовали на территории Беларуси. На это время приходится 26 известных кладов, в которых присутствуют «проволочные» копейки [10, с. 226, 230–233].

Об еще одном способе появления русских монет на территории Беларуси сообщает «Могилевская хроника». В феврале 1706 г. русский царь Петр Алексеевич посетил Оршу. Во время его пребывания там к нему пришли два монаха бернардинского ордена с просьбой о милостыне, поскольку не имели средств к существованию. Узнав, что их всего шестеро, царь, не стесняясь в выражениях, достал из кармана горсть копеек и дал их монахам, сопроводив свои действия словами: «Поди к черту!» [14, с. 261; 15, с. 253–254].

Рассмотренный материал позволяет сделать несколько выводов. Постоянным источником поступления русских монет на территорию Беларуси была торговля. В этот процесс большой вклад внесли купцы приграничных белорусских городов. Динамика распределения кладов с русскими монетами на территории Беларуси показывает, что в XVI – первой четверти XVIII в. на поступление этих монет в местное денежное обращение оказывало влияние присутствие московских войск и их союзников. Одним из источников поступления русских монет были выплаты им денежного содержания. В первой половине XVII в. не менее значимое влияние на приток русских монет

на белорусские земли оказало возвращение западноевропейских наемников из Русского царства в период Смутного времени и русско-польской войны 1609–1618 гг. Эпизодически источниками поступления русских монет были поражения русских войск и выдача милостыни монахам.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абецедарский, Л. С.** Белоруссия и Россия : очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII в. / Л. С. Абецедарский. – Минск : Выш. шк., 1978. – 256 с.

2. **Акты,** относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 5 т. / под общ. ред. И. И. Григоровича. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Паца, 1848. – Т. 3. – 317 с.

3. **Акты** Московского государства, изданные императорскою Академиею наук : в 3 т. / под ред. Д. Я. Самоквасова. – Санкт-Петербург : Тип. Император. Акад. наук, 1901. – Т. 3. – 674 с.

4. **Акты,** относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею : в 15 т. / под ред. Г. Ф. Карпова. – Санкт-Петербург : Тип. Ф. Елеонского, 1889. – Т. 14. – 902 с.

5. **Археографический** ежегодник за 1964 год / под ред. М. Н. Тихомирова. – Москва : Наука, 1965. – 395 с.

6. **Голиков, И. И.** Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам : в 15 т. / И. И. Голиков. – 2-е изд. – Москва : Тип. Н. Степанова, 1837. – Т. 2. – 542 с.

7. **Голиков, И. И.** Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам : в 15 т. / И. И. Голиков. – 2-е изд. – Москва : Тип. Н. Степанова. – Т. 3. – 436 с.

8. **Кабрынец, В. А.** Адлюстраванне падзей Смутнага часу ў Расіі ў скарбах Беларусі / В. А. Кабрынец // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 11. – С. 20–26.

9. **Кобринец, В. А.** О находках проволочных монет на территории Беларуси в контексте событий войны 1654–1667 гг. / В. А. Кобринец // Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки : тези доповідей IV Міжнар. наук.-практ. конф., 22–23 черв. 2016 р. – Кіровоград ; Київ ; Переяслав-Хмельницький, 2016. – С. 67–68.

10. **Кобринец, В. А.** «Проволочные» копейки Петра I Алексеевича в кладах Беларуси первой четверти XVIII в. / В. А. Кобринец // Pieniądz i systemy monetarne wspólne dziedzictwo Europy : studia i materiały. – Augustów ; Warszawa, 2012. – S. 224–236.

11. **Малежик, В. А.** Фиксация и перспективы анализа единичных находок русских монет XV–XVII веков на территории Беларуси / В. А. Малежик // Pieniądz, symbol, władza, wojna wspólne dziedzictwo Europy. Augustów, 8–11 września 2010 : studia i materialy. – Augustów ; Warszawa, 2008. – S. 115–131.

12. **Национальный** исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 3.

13. **НИАБ.** – Фонд 1817. – Оп. 1. – Д. 4.

14. **Полное** собрание русских летописей. – Москва : Наука, 1980. – Т. 35. – 306 с.

15. **Рябцевич, В. Н.** Нумизматика Беларуси / В. Н. Рябцевич. – Минск : Полымя, 1995. – 686 с.

16. **Русско**-белорусские связи : (1570–1667 гг.) : сб. док. / отв. ред.: Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков. – Минск : Высш. шк., 1963. – 534 с.

17. **Сагановіч, Г. М.** Невядомая вайна : 1654–1667 / Г. М. Сагановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 144 с.

18. **Сборник** Императорского Русского Исторического Общества : в 148 т. / под ред. Г. Ф. Карпова. – Санкт-Петербург : Тип. А. Л. Катанского, 1892. – Т. 71. – 929 с.

Корсак О.В. *(г. Минск)*

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИТЕБСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА (60–80-е гг. XIX в.)

В 30-е гг. XIX в. в Российской империи были созданы губернские статистические комитеты, которые, помимо выполнения основных обязанностей по сбору и анализу статистических данных, занимались изучением истории, археологии и этнографии края.

Витебский губернский статистический комитет (СК) был создан 4 мая 1835 г. [3, л. 15]. После образования комитета было проведено несколько заседаний, распределены обязанности среди членов и предприняты попытки сбора сведений о статистике губернии. Однако после смены губернатора деятельность комитета прекратилась, и о его существовании забыли [14, с. 4–5]. Повторно Витебский губернский СК был открыт 15 апреля 1853 г. [6, л. 5–6]. Как отмечается в предисловии к «Памятной книжке Витебской губернии на 1862 г.», вновь открытый комитет занялся сбором сведений о пространстве земель и народонаселении губернии, после чего фактически бездействовал до 1859 г. [13, с. 8]. Кроме того, наблюдалась частая смена его делопроизводителей.

Реорганизация Витебского губернского СК на основе Положения о губернских и областных статистических комитетах (1860) произошла на заседании 22 сентября 1863 г. Секретарем комитета стал А.М. Сементовский [3, л. 15]. С этого момента Витебский губернский СК развернул активную деятельность по изучению края. В 1869 г. в «Виленском вестнике» было отмечено, что благодаря деятельности А.М. Сементовского и содействию местных историков и краеведов, Витебскому губернскому СК принадлежит первое место в Северо-Западном крае и одно из видных мест среди других комитетов по всей империи [15, с. 451]. Членами Витебского губернского СК в разное время были такие историки и краеведы, как А.С. Бялыницкий-Бируля, М.Л. Веревкин, К.А. Говорский, Д.И. Довгялло, М.Ф. Кусцинский, А.М. Сазонов, А.П. Сапунов, Н.Я. Никифоровский.

В краеведческой деятельности Витебского губернского СК можно выделить такие направления, как изучение этнографии края, проведение археологических изысканий, написание статей краеведческого характера, а также принятие участия в различных выставках и съездах. При нем также существовали музей и библиотека.

Следует отметить, что краеведческое направление в деятельности Витебского губернского СК инициировалось научными обществами (Русским географическим обществом, Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Московским археологическим обществом, Императорской археологической комиссией и др.).

В рамках изучения археологических памятников члены Витебского губернского СК проводили раскопки в губернии. Например, действительный член В.О. Дуве по поручению А.М. Сементовского исследовал курганы в Полоцком уезде [2, л. 3–3 об.]. Члены комитета участвовали в археологических съездах, организуемых Московским археологическим обществом. Так, на одном из заседаний Первого археологического съезда (1869) был заслушан доклад действительного члена М.Ф. Кусцинского под названием «Двинские камни» [4, л. 9–12]. Результаты археологических изысканий членов Витебского губернского СК публиковались в памятных книжках. Например, «Памятная книжка Витебской губернии на 1867 г.» содержит работу А.М. Сементовского «Памятники старины Витебской губернии» [12, с. 143–205], приложением к которой служит археологическая карта с обозначением памятников древности, расположенных на территории губернии.

Витебский губернский СК собирал этнографические сведения о губернии, а также принимал участие в выставках. Так, на Первой этнографической выставке (1867), проходившей в Москве, комитетом были представлены костюмы латышей, проживающих на территории губернии (собрал Н.В. Лилье), наряд панцирных бояр (В.О. Дуве), этнографические фотографии и коллекция древних каменных орудий и бронзовых украшений, найденных на территории губернии (М.Ф. Кусцинский), ядро и пули времен Стефана Батория (А.М. Сементовский). За участие в выставке его члены были удостоены медалей [7, с. 12–13]. Помимо этого, в изданиях комитета помещались статьи членов на этнографическую тематику. В частности, в памятных книжках Витебской губернии на 1865 и 1867 г. имеется этнографический раздел, в котором представлены статьи члена комитета Ф. Серебренникова «Обычаи и обряды крестьян Себежского уезда при крестинах, свадьбах и похоронах» [10, с. 75–90] и «О народных праздниках Себежского уезда» [12, с. 209–254].

Следует подчеркнуть, что памятные книжки Витебской губернии на 1864–1876 гг., подготовленные А.М. Сементовским, содержат большой объем историко-краеведческих работ, среди которых можно назвать следующие: «Велижское благочиние (историко-статистическое описание)» [11, с. 77–98]

М. Красавицкого, «О волнении помещичьих крестьян Витебской губернии в 1847 г.» [11, с. 99–117] Ф.Л. Слупского, «Витебск. Исторический очерк» [9, с. 43–116] А.М. Сементовского, «Исторические судьбы Витебской губернии» [11, с. 3–37] и «Исторические судьбы Витебской губернии с конца XII до начала XVI в.» [10, с. 3–98] П.Л. Дружиловского и др.

В результате накопления материала в рамках краеведческих исследований при Витебском губернском СК в 1868 г. был создан музей [1, с. 54–59]. Он был образован на основе предметов, переданных в дар секретарем А.М. Сементовским [1, с. 56], действительными членами А.П. Сапуновым, Е.Р. Романовым, М.Ф. Кусцинским, помещиком Динабургского уезда А.А. Крузе [8, с. 14–15], а также клада, найденного в Лепельском уезде [5, л. 1], и др.

Таким образом, в рамках краеведческой деятельности Витебского губернского СК можно выделить такие направления, как изучение этнографии края, проведение археологических изысканий, написание статей краеведческого характера, а также принятие участия в различных выставках и съездах, организация музея и библиотеки. Данное направление работы инициировалось научными обществами и зависело от интересов секретаря и членов комитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Грабянчук, І. В.** Музеі пры губернскіх статыстычных камітэтах у Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / І. В. Грабянчук // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2009. – № 1. – С. 54–61.

2. **Национальный** исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2502. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 3–3 об.

3. **НИАБ.** – Фонд 2502. – Д. 48. – Л. 15.

4. **НИАБ.** – Фонд 2502. – Оп. 1. – Д. 105. – Л. 9–12.

5. **НИАБ.** – Фонд 2502. – Оп. 1. – Д. 166. – Л. 1.

6. **НИАБ.** – Фонд 2502. – Оп. 1. – Д. 407. – Л. 5–6.

7. **Отчет** о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1867 год. – Витебск : Тип. Губерн. правления, 1868. – 18 с.

8. **Отчет** о действиях и занятиях Витебского губернского статистического комитета за 1890 год. – Витебск : Тип. Губерн. правления, 1891. – 17 с.

9. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1864 год : с тринадцатью политипажами в тексте и портретом архиепископа Полоцкого и Витебского Василия / издана Витеб. Губерн. стат. комитетом ; под ред. А. М. Сементовского. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вульфа, 1864. – VIII, 415 с. : [1] л. портр. : ил.

10. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1865 год : с портретом почетного члена комитета Михаила Николаевича Муравьева, тринадцатью политипажами и планом г. Витебска / издана Витеб. Губерн. стат. комитетом ; под ред. А. М. Сементовского. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вульфа, 1865. – VIII, 376, 128, 7 с., [1] л. портр., [1] л. ил. : ил., табл.

11. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1866 год / издана Витеб. Губерн. стат. комитетом ; под ред. А. М. Сементовского. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вульфа, 1866. – VII, 218, 144 с., [3] л. ил. : ил., табл.

12. **Памятная** книжка Витебской губернии на 1867 год : [с археологическою картою Витеб. губерн.] / издана Витеб. Губерн. стат. комитетом ; под ред. А. М. Сементовского. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вульфа, 1867. – VIII, 319, 118 с., [1] л. карты : ил., табл.

13. **Предисловие** // Памятная книжка Витебской губернии на 1862 год : состояние чинов и должностей показано по 1-е января 1862 года. – Витебск : Тип. Губерн. правления, [б. г.]. – [378] с. разд. паг., [6] л. табл. – С. 7–11.

14. **Сапунов, А. П.** Исторический очерк 50-летия Витебского Губернского статистического комитета / А. П. Сапунов // Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год / издание Витеб. Губерн. стат. комитета. – Витебск : Губерн. тип., 1914. – VIII, 280, LXX, 42 с., [3] л. портр. – С. 1–30.

15. **Сементовский, К.** А. М. Сементовский / К. Сементовский // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко : [юбилейный сб.]. – Санкт-Петербург, 1881. – С. 449–452.

Косов А.П. *(г. Витебск)*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ ВИТЕБЩИНЫ В 2000-е гг. В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ[1]

С начала 1990-х гг. Витебщина стала активно развивать деловые и культурные связи со многими странами и регионами мира. С каждым годом этот процесс набирал обороты, несмотря на определенные сложности, связанные с непростой социально-экономической ситуацией в стране и мире. В наступившем XXI в. большое значение придается развитию партнерства в сфере международных экономических, научно-технических и культурных связей, укреплению доверия, взаимопонимания и дружбы между Придвинским краем и зарубежными странами. На сегодняшний день Витебская область поддерживает торговые и международные отношения примерно с 100 государствами мира.

Можно отметить, что международное сотрудничество развивается на нескольких уровнях. Здесь необходимо назвать развитие дружествен-

[1] Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (научный руководитель член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (научный руководитель кандидат исторических наук, доцент В.В. Данилович) по заданию 1.1.04 «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (научный руководитель кандидат исторических наук, доцент А.П. Косов).

ных связей городов Витебщины с различными городами мира. Например, Витебск поддерживает партнерство с такими городами-побратимами, как Франкфурт-на-Одере, Нинбург, Хасково, Даугавпилс, Резекне, Смоленск, Псков, Самара, Бэлць, Зелена Гура, Цзинань (провинция Шаньдунь) и др. Процесс побратимства способствует установлению более тесных отношений между названными городами, позволяет развивать деловое и культурное сотрудничество, лучше узнавать друг друга, историю и современность путем обмена делегациями, нанесения дружеских визитов, развития туризма и т. д.

Кроме этого, Витебщина осуществляет сотрудничество и на региональном уровне. В современном мире региональная интеграция играет достаточно важную роль в развитии государств-соседей [1]. Как правило, данные международные контакты основываются на двусторонних соглашениях, заключаемых с администрациями регионов России, Прибалтики, Украины, Польши, Германии и других стран. На межрегиональном уровне установлены и поддерживаются связи с 50 регионами и городами России, Украины, Литвы, Латвии, Польши, Германии, Швеции, Китая. Например, на начало 2009 г. Витебской областью были заключены обоюдные договоренности с 22 регионами России, 6 регионами Украины, с молдавским уездом Бэлць, Каунасским уездом Литвы и польским воеводством Лодзь и т. д.

Особенно успешно (хотя и не без проблем) у Витебщины налажено сотрудничество с российскими регионами [2]. В частности, динамично развиваются контакты с ближайшими соседями (Смоленской и Псковской областями России), а также с Москвой (на базе префектуры Северного округа российской столицы). В этом плане справедливыми являются слова посла России в Беларуси А.А. Сурикова о том, что важнейшим направлением взаимодействия в рамках Союзного государства России и Беларуси объективно является межрегиональное сотрудничество: «Именно от развития региональных партнерских связей зависит переход союзной интеграции в качественно новое состояние – тотального взаимодействия на всех уровнях» [4, с. 3].

Договоры и соглашения о соучастии установлены по линии торгово-промышленных палат, советов промышленников и предпринимателей, центров поддержки предпринимательства, что позволяет вовлечь в сферу международных связей широкий круг общественных организаций. В отношениях большое значение придается установлению и расширению торгово-экономических связей с хозяйствующими субъектами зарубежных партнеров.

Безусловно, основной акцент делается именно на торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество. Сегодня основными торгово-экономическими компаньонами Витебщины являются Россия, Великобритания, Дания, Нидерланды, Латвия, Украина, Германия, Литва, США, Польша. В последнее время активизировались поставки витебской продукции в Эсто-

нию, Францию, Финляндию, Иран, Турцию и некоторые другие государства мира.

В целом экономика региона имеет хороший экспортный потенциал. Доля Витебской области во внешней торговле Беларуси составляет около 11%. Торговля поддерживается более чем с 100 государствами дальнего (63% всего товарооборота) и ближнего зарубежья.

В целом согласно данным официальной статистики на регионы стран вне СНГ приходится около 50% взаимных поставок продукции, на Россию – 44%, остальные страны СНГ – порядка 4%.

В товарной структуре экспорта Витебской области преобладают нефтепродукты – это где-то 56% продаж. Доля экспорта полиэтилена составляет примерно 5%, акриловых волокон – 5%, обуви – 6%, текстильных изделий – 9%, стеклоткани – 4%, также в перечне основных экспортных товаров нашего региона можно назвать телевизоры, ковры, стройматериалы (кирпич, керамзит, плиты ДВП), чулочно-носочные и мясо-молочные изделия, пищевые товары.

Основная импортируемая продукция Витебщины состоит из углеводородов (около 70% всего импорта), оборудования (15%), зерновых и белковых кормов, металлопроката, кожевенного и текстильного сырья.

В среднем около половины выпускаемой промышленной продукции и товаров народного потребления поставляется на экспорт. Доля предприятий области в экспорте Беларуси составляет около 9%, в импорте – 7–8%.

Согласно официальным данным ежегодный товарооборот Придвинья превышает сумму в 4,3 млрд долларов, из них экспорт составляет 2,8 млрд. На протяжении последних трех лет отмечается прирост экспортных поставок на 18–20%. На страны вне СНГ приходится более 70% всех продаж за рубеж, в Россию поставляется около 25% продукции.

Среди регионов России наибольший объем продаж сохраняется с Москвой (36% всего экспорта области), Санкт-Петербургом (12%), Смоленской (6%), Московской и Тульской (по 4,5%), Нижегородской, Курской, Ярославской (по 3%) областями.

За год в среднем по области привлекаются 60–90 млн долларов иностранных инвестиций в виде кредитов, займов, товарных кредитов под гарантии иностранных партнеров и банков.

В Витебске уже несколько лет действует свободная экономическая зона (СЭЗ), которая может быть привлекательной для наших деловых партнеров из-за рубежа. СЭЗ «Витебск» – это часть территории Беларуси с точно определенными границами, на которой действует специальный льготный правовой режим налогообложения, валютного, таможенного регулирования для ведения бизнеса. За время существования СЭЗ «Витебск» на ее территории зарегистрировано более 30 предприятий с участием капитала из Германии, Польши, Канады, США, Чехии, России, Болгарии, Латвии, Литвы, Эстонии,

Беларуси и т. д. В настоящее время на территории СЭЗ «Витебск» реализуется более 30 инвестиционных проектов с участием капитала из 13 стран по следующим производственным направлениям: деревообработка; производство продуктов питания; производство оптико-волоконного кабеля; переработка нефтепродуктов; электроника; швейное производство; производство изделий из меха; производство ветеринарных препаратов и химикатов для аграрного сектора; производство станций обезжелезивания и водоочистки для производственных комплексов, систем городского хозяйства, индивидуальных граждан. Суммарный объем вложенных инвесторами финансовых ресурсов в основной капитал составляет более 73 млн долларов, а всего инвестиций – более 100 млн долларов [3].

Однако в целом торгово-экономическому, инвестиционному и межрегиональному взаимодействию Витебщины с зарубежными партнерами в 2000-е гг. не хватало динамизма. Область крайне нуждалась в расширении разносторонних связей с представителями иностранных государств. Особенно острая необходимость в этом возникла после наступления мирового экономического кризиса в конце первого десятилетия XXI в.

В 2000-е гг. большое значение как в республике в целом, так и в области в частности стали придавать развитию туризма. Следует отметить, что у Витебской области в этом плане имелся значительный и пока еще не раскрытый потенциал. Очевидно, что Витебск и ряд других городов области имеют выгодное географическое положение, поскольку расположены на путях из России в Прибалтику, из Прибалтики в Украину и на Кавказ, в страны Европы. Наличие развитой транспортной инфраструктуры и туристического сервиса (дороги, гостиницы, кемпинги, базы отдыха, культурно-исторические комплексы и пр.) позволяло начать работу по привлечению большего количества иностранных граждан в нашу область. Однако в этом плане хватало достаточно проблем. Приблизительные данные свидетельствовали о том, что приезжающих на Витебщину было в несколько раз меньше в сравнении с выезжающими гражданами области за ее пределы с целью отдыха и развлечений. Так, среднегодовая численность туристов, прибывавших в регион в 2000-е гг., составляла где-то около 8 тыс. человек, выезжающих же из региона – более 20 тыс. Не снята с повестки дня данная проблема и теперь. По-прежнему необходимо, чтобы жители других стран владели максимальной информацией о туристско-экскурсионном потенциале Придвинья.

Таким образом, в начале XXI в. Витебская область значительно активизировала разноуровневое международное сотрудничество со своими партнерами. При этом наибольшие успехи были достигнуты на российском направлении, чему способствовало развитие интеграционных процессов в рамках строительства Союзного государства России и Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Косов, А. П.** Региональная интеграция в условиях глобализации / А. П. Косов // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27 мая 2011 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2011. – С. 81–83.

2. **Косов, А. П.** Состояние и перспективы приграничного сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации / А. П. Косов // Состояние и перспективы развития белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 26 нояб. 2013 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа [и др.]. – Витебск, 2013. – С. 70–72.

3. **Свободная** экономическая зона «Витебск» // Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2009–2010. – Режим доступа: http://www.embassybel.ru/trade-relations/free-economic-zones/vitebsk.html. – Дата доступа: 17.02.2011.

4. **Суриков, А.** Дипломатия городов – эффективный путь региональной интеграции не только Союзного государства, но и Евразийского экономического союза / А. Суриков // Беларусь – Россия: дипломатия городов : информ.-интеграц. проект / сост., интервьюирование : Б. Залесский, М. Вальковский, А. Мостовой. – Минск, 2013. – С. 3–6.

Коц А.Л. *(г. Полацк)*

ДА ПЫТАННЯ АБ ЗАБУДОВЕ ПОЛАЦКАГА ЗАПАЛОЦКАГА ПАСАДА Ў XI–XII стст. (па матэрыялах археалагічных раскопак 2012–2013 і 2015–2016 гг.)

Характар забудовы Полацка на перыяд XI–XII стст. да апошняга часу вызначаецца толькі па археалагічных матэрыялах Верхняга замка і Вялікага пасада. Але даследаванні апошніх гадоў у заходняй частцы Запалоцкага пасада далі ўнікальны матэрыял аб сядзібнай структуры горада, якая сфарміравалася тут.

У XI–XII стст. Полацк актыўна развіваўся. На перыяд XII ст. ён дасягае свайго максімальнага пашырэння ў тэрытарыяльным вымярэнні. Плошча горада магла дасягаць 150 га (а магчыма, і перавышаць гэтую адзнаку). Такім чынам, у азначаны перыяд Полацк, напэўна, перавышае плошчу іншых буйнейшых усходнееўрапейскіх цэнтраў – Кіева і Ноўгарада. Суадносна разрастанню горада рэзка павялічваецца і колькасць яго насельніцтва. Усё гэта вызначае развіццё сядзібнай структуры Полацка.

Пляцоўка за 120–170 м на паўночны захад ад перакрыжавання сучасных вуліц Гастэлы і Краснова на заходняй ускраіне прыватнага сектара Запалоцкага пасада даследуецца ўжо на працягу чатырох археалагічных сезонаў (Да-

датак 3, мал. 1). Першапачаткова (у 2012 г.) раскопкі былі абумоўлены пільнай патрэбай у вывучэнні тэрыторыі, якая стала аб'ектам гаспадарчай дзейнасці. Культурны пласт актыўна разбураўся шляхам вывазу зямлі на прыватныя надзелы і будаўнічыя патрэбы, а таксама ў сувязі з арганізацыяй тут мясцовага сметніка жыллёва-гаспадарчай службай. Распрацоўка кар'ера працягвалася ў наступныя гады, што прывяло да паўторных захадаў па затрыманні парушальнікаў і выратаванні культурнага пласта шляхам яго вывучэння. На сённяшні дзень распрацоўка кар'ера і знішчэнне археалагічнага помніка спынены.

У 2012 г. на азначанай пляцоўцы былі закладзены 4 раскопы. Раскопы 1 і 3 маюць сумарную плошчу 108 м^2 (кіраўнік Д.У. Дук). Раскопы 2 і 4 плошчай 24 і 16 м^2 суадносна разбіраліся пад кіраўніцтвам А.Л. Коца Яны былі прывязаны да зон максімальнага пашкоджання культурнага слоя і размяшчаліся ў хаатычным парадку [1, с. 4]. Усе раскопы маюць уласную нумарацыю квадратаў з лічбава-літараным або лічбавым значэннем. У 2013 г. закладзены раскоп 5. Ён быў працягам у паўночны бок раскопу 3. Плошча раскопу склала 80 м^2. Нумарацыя квадратаў раскопу 5 пашырана з раскопу 3: па лініі поўдзень – поўнач ад літары «Г» да літары «Ж», па лініі захад – усход пад лічбамі 1' і 1–4 [4, с. 4–5]. Таксама ў 2013 г. у паўночнай частцы Запалоцкага пасада была даследавана ювелірная майстэрня ў раскопе 6. Матэрыялы раскопак шырока прадстаўлены ў публікацыях [6, с. 18–27; 7, с. 98–100]. На ўсход ад раскопу 5 у 2015 г. быў закладзены раскоп 7 плошчай 22 м^2 з нумарацыяй квадратаў па лініі поўдзень – поўнач ад літары «Д» да літары «Ж», па лініі захад – усход пад лічбамі 5 і 6 [5, с. 4–6]. Асноўнай мэтай раскопаў 3, 5 і 7 было вывучэнне вялікай мацерыковай ямы выцягнутай формы. У 2016 г. на ўсход і поўдзень зроблена прырэзка да раскопу 7. Яна атрымала шыфр – раскоп 8 (Р-8). Раскоп меў Г-падобную форму плошчай 16 м^2 з нумарацыяй квадратаў Г5, Г6, Е6 і Д6. Мэта раскопу заключалася ў тым, каб прасачыць характар выяўленага ў 2015 г. (Р-7) жыллёва-гаспадарчага комплексу. За 5,7–5,8 м на ўсход ад Р-8 быў закладзены раскоп 9 з мэтай вывучэння мацерыковай паверхні на наяўнасць мацерыковых ям. Ён быў закладзены на пляцоўцы, дзе культурны слой амаль цалкам быў знішчаны тэхнікай у 2012 г. Плошча раскопу складала 24 м^2 і нумарацыя вызначалася ад літары «А» да літары «В» па лініі поўдзень – поўнач і ад 1 да 2 па лініі захад – усход. Акрамя таго, каля ўсіх азначаных раскопаў на працягу чатырох сезонаў былі закладзены 4 шурфы, якія таксама дазволілі ўдакладніць тапаграфію асобных аб'ектаў помніка. Такім чынам, сумарная ўскрытая плошча ў 2016 г. на акрэсленай пляцоўцы дасягнула 292 м^2 (Дадатак 3, мал. 1).

У заходняй частцы Запалоцкага пасада зафіксаваны асобныя парушэнні культурнага слоя «чорнымі капацелямі». Цікавым аб'ектам з'яўляюцца сляды гаспадарчай ямы ў мацерыку.

Ва ўсіх азначаных раскопах быў зафіксаваны шэраг мацерыковых ям і траншэй, а таксама асобныя праслойкі зямлі, якія раскрываюць дэталі забудовы і тапаграфіі заходняй часткі Запалоцкага пасада ў XI–XII стст.

У раскопах 5, 7 і 8 (2013, 2015–2016 гг.) выяўлены сляды аднаго сядзібнага комплексу. Яго паўночную і ўсходнюю межы вызначаюць мацерыковыя ямы траншэепадобнай формы. У Р-5 гэта мацерыковыя ямы 5 і 6, у раскопе 8 – мацерыковыя ямы 3 і 7 (Дадатак 3, мал. 2).

Яма 5 мае форму траншэі. Прасочваецца ад узроўню другога стратыграфічнага гарызонту. Яма перасякае раскоп з усходу на захад праз лінію квадратаў Е. Шырыня ямы 5 – 0,2–0,3 м. Сценкі яе вертыкальныя, дно плоскае. У двух месцах у квадратах Е1 і Е2 на дне зафіксаваны акруглыя паглыбленні на 0,1–0,15 м. Агульная глыбіня ямы (з улікам культурных напластаванняў) – 0,3 м. Запоўнена аднароднай цёмна-шэрай зямлёй, у верхняй частцы гумусам чорнага насычанага колеру. Знаходкі прадстаўлены вянцом і сценкамі гаршкоў XI–XII стст. [4, с. 9].

Яма 6 мае форму траншэі і пралягае паралельна яме 5 за 0,6–0,7 м на поўнач ад яе. Прасочваецца яна ад узроўню другога стратыграфічнага гарызонту. Яма перасякае раскоп з усходу на захад праз лінію квадратаў Е1, Е2, Е3, Е4. На ўзроўні другога стратыграфічнага гарызонту ў квадраце Е1’ яма 6 мела выгін на поўнач, і такім чынам акаляла межы ямы 14. Шырыня яе – 0,4 м. Сценкі ямы вертыкальныя, дно плоскае. Агульная глыбіня ямы (з улікам культурных напластаванняў) – 0,25–0,3 м. Запоўнена яна аднароднай цёмна-шэрай зямлёй, у верхняй частцы гумусам чорнага насычанага колеру з украпінамі вугалю. Знаходкі прадстаўлены фрагментамі керамікі XI–XII стст. і косткай жывёлы [4, с. 9].

За 0,1–0,2 м на поўнач ад мацерыковай ямы 6 (паралельна ёй) выяўлены сляды частакола. У палявой дакументацыі яны пазначаны як мацерыковая яма 15. Частакол фіксуецца па шэрагу дробных ямак, якія перасякаюць раскоп па лініі квадратаў Е1, Е2, Е3. На ўзроўні трэцяга стратыграфічнага гарызонту прасочваюцца сляды частакола і ў квадраце Е1’. Дыяметр ямак – да 0,07 м. Глыбіня – у сярэднім каля 0,1–0,12 м. Зафіксаваны сляды 32 ямак ад частакола. Запоўнены ямкі цёмна-шэрай зямлёй [4, с. 10].

На адлегласці 2–2,5 м на поўнач ад мацерыковай ямы 6 (паралельна ёй) выяўлены рэшткі яшчэ адной мацерыковай ямы (8) траншэепадобнай формы. Яна перасякае раскоп з усходу на захад праз лінію квадратаў Ж. У квадратах Ж1’ і Ж1 яма робіць нязначны выгін і мае адхіленне ў паўночны бок. Яе шырыня – 0,45–0,5 м. Сценкі ямы вертыкальныя, у некаторых месцах пакатыя, дно плоскае. Агульная яе глыбіня – 0,15–0,3 м. Запоўнена чорнай зямлёй з украпінамі вугалю і гліны. Знаходкі прадстаўлены фрагментамі керамікі XI–XII стст. [4, с. 9].

У раскопе 7 (2015 г.) фіксуецца толькі працяг мацерыковай ямы 8 у квадраце Ж5. Цэнтральная частка раскопу пашкоджана іншымі мацерыковымі ямамі, таму працяг мацерыковых ям 5 і 6 з раскопу 5 не зафіксаваны.

У раскопе 8 (2016 г.) выяўлены дзве траншэепадобныя мацерыковыя ямы 3 і 7. Яма 7 мае форму траншэі і перасякае раскоп з усходу на захад

праз квадрат Е7. Яна пралягае па адной лініі з мацерыковай ямай 6 (раскоп 5) (Дадатак 3, мал. 2). Сляды ямы прасочваюцца ад узроўню другога стратыграфічнага гарызонту. Шырыня траншэі на ўзроўні мацерыка – 0,4 м, сценкі вертыкальныя, дно плоскае. Агульная глыбіня ямы (з улікам культурных напластаванняў) – 0,2 м. Запоўнена аднародным чорным слоем зямлі з камянямі.

Мацерыковая яма 3 выяўлена па лініі квадратаў Г7, Д7, Е7. Агульны яе кірунак – па лініі поўнач – поўдзень. Яма пракладзена перпендыкулярна мацерыковай яме 7. Шырыня мацерыковай ямы 3 – 0,2–0,3 м, глыбіня – 0,2 м. Запоўнена слоем светла-карычневага колеру. На мяжы квадратаў Г7 і Д7 мацерыковая яма робіць нязначны выгін на ўсход. Ён быў зроблены для таго, каб выгарадзіць жылую пабудову, якая знаходзілася па заходні бок ад агароджы. Сама траншэя завершана за 0,4 м ад мацерыковай ямы 7. На гэтым прамежку зафіксаваны сляды трох ямак ад частакола.

Мацерыковыя ямы 5, 6 (раскоп 5) і 7 (раскоп 8) можна інтэрпрэтаваць як сляды агароджы. Яны вызначаюць паўночную мяжу сядзібы (Дадатак 3, мал. 2). Мацерыковая яма 3 (раскоп 8) з'яўляецца ўсходняй мяжой сядзібы (Дадатак 3, мал. 2). Відавочна, што гэта быў магутны плот, які ўзведзены са слупоў дыяметрам 0,1–0,15 м. Магчыма, ніжнія канцы слупоў былі не завостраны, а мелі зрэз. Яны ўкапаны ў культурны слой і нават заглыблены ў мацерыковую паверхню. Падобная тэхніка будаўніцтва платоў з частакола была выяўлена на Верхнім замку ў будаўнічым гарызонце XII ст. [9, с. 48]. Таксама яна зафіксавана на Вялікім пасадзе ў Полацку ў слаях XII ст. [8, с. 9] і Ноўгарадзе [2, с. 45].

Дзве лініі траншэй (у раскопе 5) вызначаюць два этапы існавання агароджы. Магчыма, кавалак агароджы (па лініі мацерыковай ямы 6) быў пашкоджаны або знішчаны, што вымусіла гаспадароў сядзібы часова загарадзіць разбураны прасценак плота частаколам, ад якога захаваліся сляды калочкаў у мацерыку. Прамежак на 0,4 м паміж агароджамі (па лініі мацерыковых ям 3 і 7 у раскопе 8) з'яўляецца прыкметай недабудаванага плота. Па нейкіх прычынах ён быў незавершаны, але пакінутая дзірка застаўлена трыма калкамі, забітымі ў зямлю. Плот па ўсходняй мяжы сядзібы мае нязначны выгін на ўсход. Ён зроблены для таго, каб выгарадзіць жылую пабудову, якая знаходзілася па заходні бок ад агароджы. Відавочна, што спачатку ўзведзена жылая пабудова на сядзібе, а потым яна была выгараджана плотам (Дадатак 3, мал. 2).

Такім чынам, перакрыжаванне дзвюх ліній агароджы вызначае паўночна-ўсходні кут сядзібы.

Сляды агароджы па лініі мацерыковых ям 5, 6 (раскоп 5) і 7 (раскоп 8) зафіксаваны і ў раскопах і шурфах на захад ад апісанага ўчастка (Дадатак 3, мал. 3).

У раскопе 1 (2012 г.) у перадмацерыковым слоі былі зафіксаваны дзве лінзы пяску з чорнай зямлёй, якія перасякалі раскоп з захаду на ўсход (адна –

па лініі квадратаў I, другая – па лініі квадратаў З) [1] (Дадатак 3, фота 4). Яны ўяўляюць сабой траншэепадобныя паглыбленні ў ніжнім стратыграфічным гарызонце. Глыбіня залягання – каля 0,2 м. Яны размяшчаліся на адлегласці каля 2 м адна ад другой і не зафіксаваны ў мацерыковым пяску. Відавочна, што гэта рэшткі агароджы-плота сядзібы. Сляды паўднёвай траншэі (па лініі квадратаў З) у квадратах З2 і З3 маюць размытыя контуры. Траншэя па лініі квадратаў I прасочваецца ў раскопе 2 (2012 г.). На глыбіні 0,7–0,9 м ад дзённай паверхні ўздоўж паўднёвай сценкі раскопу 2 зафіксавана выцягнутая лінза зямлі з пяском светла-шэрага колеру (з заходняга боку на адлегласці 0,25 м ад паўднёвай сценкі і бліжэй да ўсходняга профілю па дыяганалі прымыкае да паўднёва-ўсходняга кута раскопу). Яе шырыня – 0,2–0,3 м [1, с. 7].

Паміж раскопамі 1 і 2 (2012 г.) у 2016 г. быў закладзены шурф 1[1] (Дадатак 3, мал. 1). У межах дадзенага шурфа на ўзроўні мацерыковай паверхні выяўлена мацерыковая яма 1 траншэепадобнай формы даўжынёй 4 м. Яна выцягнута з поўначы на поўдзень з невялікім выгінам. Шырыня траншэі дасягае 0,4 м, глыбіня – 0,2–0,35 м. Запоўнена цёмна-шэрай зямлёй з рэдкімі ўкрапінамі вугалю. Сляды мацерыковай ямы 1 прасочваюцца на адлегласці 5 м па адной лініі на поўдзень ад шурфа 1. Выяўлена, што яна працягваецца і на поўнач на 3 м ад шурфа – да перасячэння з траншэяй, што выцягнута па лініі захад – усход (Дадатак 3, мал. 3). Усе азначаныя траншэі і лінзы зямлі вызначаюць сляды сядзібных агароджаў, якія размяшчаюцца ў адну лінію з вышэйапісанымі сядзібамі (у раскопах 5, 7, 8). Відавочна, што тэхніка ўзвядзення платоў на даследаванай пляцоўцы аднолькавая.

Планіровачную структуру сядзіб вызначае іх паўночная мяжа па лініі зафіксаванай агароджы (Дадатак 3, мал. 3). Фарміраванне забудовы ў адзін рад прасочваецца на адлегласці 85 м. Магчыма, мяжа магла сфарміравацца пад уздзеяннем знешніх фактараў, адным з якіх можа выступаць вуліца або завулак, што, напэўна, праходзіў на поўнач ад вызначанай лініі забудовы. У раскопе 5 умоўна можна вызначыць, што адна лінія агароджы (па лініі мацерыковых ям 5 і 6) узведзена на поўдзень ад вуліцы, а другая (па лініі мацерыковай ямы 8) праходзіла з паўночнага боку вуліцы. Такім чынам, шырыня яе магла дасягаць 2–2,5 м. Вуліца ці завулак шырынёй каля 2 м была выяўлена падчас раскопак на Верхнім замку і датавана XIII ст. [9, с. 39].

Забудова сядзібных надзелаў зафіксавана толькі ў асобных выпадках.

У раскопах 7 і 8 (2015 і 2016 гг.) (у паўночна-ўсходнім куце сядзібы), выяўлены рэшткі жылой пабудовы з печчу і падклетам (Дадатак 3, мал. 2).

[1] Месца размяшчэння раскопаў 2012 г. на сённяшні дзень візуальна не фіксуецца па прычыне моцнага пашкоджання культурнага слоя пры несанкцыянаваных працах. У некаторых месцах культурны слой разбураны да мецерыковага пяску. На адной з такіх пляцовак быў закладзены шурф 1.

У раскопах зафіксаваны глыбокая мацерыковая яма 2 і праслойкі правільнай формы ў верхніх напластаваннях. Дом пастаўлены па баках свету з невялікім адхіленнем на паўночны захад. Пад домам размяшчаўся глыбокі склеп. Максімальны памер дома мог раўняцца 4х3 м. Пабудова праіснавала працяглы час. Магчыма, яна згарэла і пасля была адноўлена прыблізна на гэтым жа месцы, аб чым сведчаць выяўленыя побач рэшткі яшчэ аднаго агнішча ў верхніх слаях [3, с. 151].

У раскопе 5 у перадмацерыковым слоі каля заходняй сценкі раскопу зафіксавана лінза зямлі цёмна-шэрага колеру з формай, прыбліжанай да прамавугольніка (Дадатак 3, мал. 2). Цэнтр яе запоўнены светла-шэрай зямлёй. Магчыма, дадзеныя праслойкі можна вызначыць як рэшткі гаспадарчай пабудовы. Яе памер мог дасягаць 2х3 м [4, с. 124].

У раскопе 8 на ўсход ад агароджы выяўлены дзве мацерыковыя ямы (4 і 5) акруглай формы. Яны запоўнены слоем вугалю. Ямы вызначаюць сляды слупавой канструкцыі (Дадатак 3, мал. 2). Яе шырыня дасягала 1,5–1,6 м. Прызначэнне пабудовы нявызначана, але на месцы канструкцыі зафіксавана канцэнтрацыя рэшткаў керамічнага посуду.

За 42 м на захад ад шурфа 1 (2016 г.) і за 90–95 м на захад ад раскопу 5 (2013 г.) зафіксавана гаспадарчая яма (Дадатак 3, мал. 1). Яна ўяўляе сабой комплекс археалагічных знаходак у мацерыковай яме, глыбіня якой дасягае 0,6–1 м. Знаходкі прадстаўлена рэшткамі керамічных начынняў. Відавочна, што багаты збор знаходак з каляровых металаў быў выбраны «чорнымі капацелямі». Стратыграфія мацерыковай ямы прадстаўлена напластаваннямі чорнай і шэрай зямлі, якія перамяжоўваюцца з вугальнымі праслойкамі. Магчыма, дадзены комплекс з'яўляецца рэшткамі жылой пабудовы на сядзібе, якая знаходзілася на адной лініі з сядзібамі, выяўленымі падчас раскопак 2012–2016 гг.

У раскопе 4 (2012 г.) знойдзена пабудова, якая ўяўляе сабой рэшткі зрубнага жылога драўлянага дома з печчу (Дадатак 3, мал. 3). Гэта быў прамавугольны зруб (зафіксаваны памер 1,6х≥2,6 м). У паўднёва-заходнім куце дома размешчана печ, якая пастаўлена на гліняную падушку. Аснова печы заглыблена ніжэй за ўзровень падлогі і ўтварыла мацерыковую яму. Выяўленыя рэчы характарызуюць гаспадарчую дзейнасць жыхароў. Відавочна, што дадзеная пабудова загінула ў агні. Аналіз усіх выяўленых знаходак дае падставы выказаць меркаванне аб існаванні комплексу ў XI–XII ст. Хутчэй за ўсё, пабудова з'яўляецца часткай асобнага сядзібнага комплексу, які мог размяшчацца па іншы бок вуліцы [3, с. 148].

На сённяшні дзень у межах акрэсленых раскопак зафіксаваны пяць пабудоў. Дзве з іх характарызуюцца як жылыя[2], дзве – гаспадарчага прыз-

[2] Асноўнымі крытэрыямі вызначэння жылых пабудоў выступаюць наяўнасць рэштак печы і вялікая колькасць керамікі.

начэння, адна вызначана ўмоўна па слядах вялікай мацерыковай ямы. Дзве пабудовы належаць да аднаго сядзібнага комплексу, але на дадзены момант нельга вызначыць планіроўку надзелу. Астатнія пабудовы належаць да розных сядзіб.

Такім чынам, на сённяшні дзень на тэрыторыі Запалоцкага пасада выразна прасочваецца адна лінія сядзібнай забудовы. Яна выцягнута з захаду на ўсход і вызначае паўночную мяжу сядзібных комплексаў. У асобных раскопах зафіксаваны два будаўнічыя этапы ўзвядзення агароджаў і сляды іх рамонту. Магчыма, уздоўж паўночнай мяжы сядзіб пралягала вуліца або завулак. Таксама зафіксаваны межы або асобныя пабудовы шасці сядзіб. Пляцоўка адной сядзібы перавышала плошчу 200 м^2. У дадзены сядзібны комплекс уваходзілі жылы дом, адна гаспадарчая пабудова і шэраг мацерыковых ям. Агулам за чатыры палявыя сезоны зафіксаваны сляды пяці пабудоў: дзве з іх характарызуюцца як жылыя, дзве – гаспадарчага прызначэння, адна вызначана ўмоўна. Сумяшчэнне планаў усіх раскопаў дазваляе ўявіць характар забудовы пасада на даследаванай тэрыторыі (Дадатак 3, мал. 3). Паводле археалагічных знаходак сядзібную забудову можна датаваць у межах XII ст.

ЛІТАРАТУРА

1. **Дук, Д. У.** Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі Запалоцкага пасада г. Полацка ў 2012 г. / Д. У. Дук // Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага навуковага архіва НАН Беларусі. – Спр. № 3105.

2. **Засурцев, П. И.** Усадьбы и постройки Древнего Новгорода / П. И. Засурцев // Труды Новгородской археологической экспедиции : материалы и исслед. по археологии СССР. – Москва : Академия наук СССР, 1963. – Т. 4 : Жилища древнего Новгорода. № 123. – С. 5–165.

3. **Коц, А. Л.** Жыллёва-гаспадарчыя комплексы XI–XVI стст. на тэрыторыі Запалоцкага пасада старажытнага Полацка / А. Л. Коц // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. III Міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г. : у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т ; пад агул. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, А. І. Корсак. – Наваполацк, 2016. – Ч. 1. – С. 147–154.

4. **Коц, А. Л.** Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі Запалоцкага пасада г. Полацка ў 2013 г. / А. Л. Коц // Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага навуковага архіва НАН Беларусі. – Спр. № 3099.

5. **Коц, А. Л.** Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі Запалоцкага пасада г. Полацка ў 2015 г. / А. Л. Коц // Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага навуковага архіва НАН Беларусі. – (Не зацверджана палявым камітэтам).

6. **Коц, А. Л.** Ювелірная майстэрня XII ст. на Запалоцкім пасадзе старажытнага Полацка (па матэрыялах археалагічных раскопак 2013 г.) / А. Л. Коц // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитаные науки. – 2015. – № 1. – С. 18–27.

7. **Магалінскі, І. У.** Вынікі даследавання хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў з ювелірнай майстэрні XII ст. з тэрыторыі Запалоцкага пасада Полацка / І. У. Магалінскі, М. В. Бялькоў, А. У. Шабуня-Клячкоўская // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. III Міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г. : у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т ; пад агул. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, А. І. Корсак. – Наваполацк, 2016. – Ч. 1. – С. 98–100.

8. **Тарасов, С. В.** Отчёт о раскопках в г. Полоцке в 1987 г. / С. В. Тарасов // Фонд археологической научной документации Центрального научного архива НАН Беларуси. – Д. 1014.

9. **Штыхов, Г. В.** Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Минск : Наука и техника, 1975. – 136 с.

Краско Г.Г. *(г. Минск)*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НКГБ – МГБ СРЕДИ РЕПАТРИАНТОВ

За годы Великой Отечественной войны сотни тысяч жителей Белорусской ССР (БССР) оказались за пределами Советского Союза: одни – в качестве военнопленных, другие были угнаны на работы в рейх, третьи покинули оккупированную территорию по собственному желанию в поисках лучшей жизни или выехали на Запад вместе с отступающими войсками вермахта. В обеспечении процесса их возвращения на Родину принимали участие различные государственные институты, в том числе органы государственной безопасности. Однако в советской и белорусской историографии специализированных исследований данного направления контрразведывательной деятельности органов государственной безопасности на территории БССР не проводилось. Кроме того, отсутствие объективной информации приводило в отдельных случаях к появлению публикаций, искажающих историческую реальность, в том числе иностранных авторов [1; 2].

Участие органов государственной безопасности в репатриации заключалось в контрразведывательном сопровождении этого процесса и выступало в качестве одного из основных направлений их деятельности на протяжении первых послевоенных лет. Целью данной работы было выявление среди репатриантов агентов иностранных разведок, изменников, предателей и пособников немецких оккупантов, а также иных категорий граждан, представлявших интерес для советской спецслужбы.

Наступление советских войск позволило уже в 1944 г. начать репатриацию граждан СССР на Родину. Ее организационные основы были заложены постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) СССР от 24 августа 1944 г. «Об организации приема возвращающихся на родину

советских граждан, насильственно уведенных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей». Из содержания этого документа вытекало, что политика советского руководства в данном вопросе предельно ясная: все эти люди должны быть возвращены в СССР. В дальнейшем ГКО принял ряд иных постановлений, регулировавших порядок возвращения советских граждан. Основная масса репатриантов проходила проверку во фронтовых и армейских лагерях, сборно-пересыльных пунктах Наркомата обороны и проверочно-фильтрационных лагерях и пунктах НКВД, которые в БССР начали создаваться вдоль границ уже в сентябре 1944 г. В свою очередь в республиканских органах власти учреждались специальные подразделения. Так, в БССР при Совнаркоме был создан отдел по приему и устройству граждан, возвращавшихся из немецкой неволи (с 22 января 1946 г. – отдел переселения и репатриации), позже соответствующие отделы были образованы при облисполкомах [3, с. 172–173].

Автор полагает, что интерес к репатриантам со стороны органов государственной безопасности предопределили, прежде всего, следующие факторы: потенциальная угроза использования канала репатриации с учетом массового характера перемещений, происходивших после окончания войны, иностранными спецслужбами и подконтрольными им организациями для причинения ущерба интересам Советского государства (путем направления на территорию СССР своей агентуры); прибытие репатриантов, совершивших ранее уголовно наказуемые деяния, под чужими установочными данными (изменников Родины, предателей и пособников немецких оккупантов, находившихся в розыске, в том числе причастных к работе или сотрудничеству с нацистскими разведывательными, контрразведывательными и карательными органами) с целью легализации на территории СССР; возможное негативное влияние репатриантов на внутриполитическую обстановку (путем распространения слухов, антисоветской агитации, пораженческих настроений, восхваления западных ценностей и образа жизни и др.).

О реальном характере угроз, исходивших от использования заинтересованными лицами и организациями канала репатриации, может свидетельствовать следующий пример. Управлением Министерства государственной безопасности (МГБ) по Полоцкой области в 1949 г. был арестован один из активных участников антисоветского вооруженного подполья. Проведенные следственные мероприятия позволили определить его подлинные установочные данные (с 1945 г. использовал фиктивные документы) и вскрыть факты противоправной деятельности. В частности, было установлено, что «Б», проживая на оккупированной территории, добровольно поступил на службу в Шарковщинскую полицию, где служил до июля 1944 г. Затем, опасаясь ответственности, вместе с немецкими войсками бежал в Восточную Прус-

сию, где уже в сентябре был завербован немецкой разведкой и направлен на учебу в Дальвитскую разведывательно-диверсионную школу. На протяжении двух месяцев «Б» проходил специальную подготовку (готовился к переброске в советский тыл для проведения разведывательной и диверсионной работы как агент-диверсант). Однако стремительное наступление советских войск внесло свои коррективы в его судьбу. Распоряжением президента Белорусской центральной рады (структура белорусских коллаборационистов) Р. Островского «Б» зачислили на службу в так называемую 1-ю белорусскую дивизию СС, где он служил до апреля 1945 г., когда перешел на сторону американских войск. После окончания войны «Б» под видом репатрианта вернулся в СССР под чужими установочными данными. Однако за нелегальный переход государственной границы был арестован и приговорен к трем годам лишения свободы. Вместе с тем фиктивные документы не позволили идентифицировать его личность и привлечь к ответственности за преступления военного периода. После отбытия наказания «Б» «отсиделся» в приграничном с БССР районе Литвы и вступил в ряды антисоветской вооруженной группы, которая оперировала на территории Шарковщинского, Глубокского, Плисского, Дисненского районов Полоцкой области. В ее составе он принимал личное участие в ограблении магазинов, сожжении хутора в Шарковщинском районе, вооруженном нападении на деревни Глубокского района, представителей органов власти, милиции и партийно-советского актива [4, л. 170, 180–182].

По каналу репатриации в Советский Союз проникали не только граждане, прошедшие специальную подготовку в нацистских разведывательно-диверсионных школах, но и уже обученные сотрудниками спецслужб США, Англии и других западных стран [5, с. 14].

Напряженность между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции привела к активизации и информационно-пропагандистской деятельности. Например, уже в 1944 г. английские и американские источники сообщали о том, что большинство советских военнопленных враждебно настроены по отношению к советской власти и не желают возвращаться в СССР. Однако, по данным советских разведывательных органов, большинство военнопленных и интернированных гражданских лиц, являясь выходцами из рабочих и крестьян, оставались просоветски настроенными и желали возвращения в Советский Союз [6, с. 246–247].

По мнению автора, работа органов НКГБ – МГБ среди репатриантов была сведена к следующим мероприятиям:

1. Учет всех граждан, оказавшихся за пределами СССР в период Великой Отечественной войны (военнопленные, гражданские лица, угнанные на принудительные работы в Германию и другие страны, а также добровольно отступившие вместе с гитлеровцами), а также эмигрантов, изъявивших желание вернуться в СССР.

2. Проверка репатриантов в проверочно-фильтрационных лагерях и пунктах.

3. Наблюдение за репатриантами по месту их постоянного жительства.

Основной целью участия органов государственной безопасности в репатриации было выявление среди перемещенных лиц: военных преступников, сотрудничавших с оккупантами; сотрудников и агентов нацистских разведывательных, контрразведывательных, полицейских и карательных органов; участников вооруженных формирований, созданных немцами из числа советских граждан и эмигрантских антисоветских организаций; агентов иностранных спецслужб, завербованных в послевоенный период.

В целом органы государственной безопасности, осуществляя контрразведывательное сопровождение репатриации на территории БССР, решали свойственные им задачи по защите интересов государства. Работа органов НКГБ – МГБ сводилась не только к выявлению агентов иностранных специальных служб, но и получению информации о формах и методах их работы, организациях и лицах, причастных к деятельности, направленной на причинение ущерба интересам СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Архив** управления КГБ Республики Беларусь по Витебской области. – Следственное дело № 43424 (несекретно).

2. **Белорусские** остарбайтеры : историко-аналитическое исследование / [Г. Д. Кнатько [и др.] ; Нац. арх. Респ. Беларусь, Белорус. респ. фонд «Взаимопонимание и примирение»]. – Минск : НАРБ, 2001. – 335 с.

3. **Геллер, М.** Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 года до наших дней / М. Геллер, А. Некрич. – 2-е изд., испр. и доп. – London, 1986. – С. 498.

4. **Земсков, В. Н.** Возвращение советских перемещенных лиц в СССР: 1944–1952 гг. / В. Н. Земсков // Труды Института российской истории / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; [отв. ред. Ю. А. Петров]. – Москва, 2013. – Вып. 11. – С. 244–285.

5. **Лазарев, В. И.** Деятельность органов государственной безопасности СССР в послевоенный период (1945–1954) / В. И. Лазарев // Исторические чтения на Лубянке, 2001 год / Федер. служба безопасности Рос. Федерации ; [редкол. А. А. Зданович и др.]. – Москва ; Великий Новгород, 2002. – С. 3–19.

6. **Tolstoi, N.** Victim of Yalta / N. Tolstoi. – London : Hodder and Stoughton, 1977. – 496 p.

Кулинок С.В. *(г. Минск)*

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПАРТИЗАНАМИ ВИТЕБЩИНЫ НЕМЕЦКОЙ АГЕНТУРЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Одной из форм борьбы немецких оккупантов с партизанским движением в годы Великой Отечественной войны была подготовка разведывательно-диверсионной агентуры с последующей засылкой в партизанские отряды с задачами шпионского и террористического характера. Массовое и хорошо организованное партизанское движение на территории Витебской области вынудило немецкие спецслужбы перейти фактически к конвейерным методам подготовки агентуры в специально создаваемых для этой цели школах.

В отчете начальника Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) П. Калинина от 22 июля 1943 г. о количестве разоблаченной агентуры указывалось, что по далеко не полным данным «на протяжении 1942–1943 гг. партизанами разоблачено и расстреляно 944 агента гестапо», из них на территории Витебской области – 298. Это больше, чем на территории любого другого региона. Например, в Барановичской области за этот период было разоблачено 17 агентов, Вилейской – 27, Гомельской – 76 [6, л. 18–19].

Одной из важнейших задач оккупационного нацистского режима была борьба с сопротивлением на оккупированной территории (партизанским и подпольным движением), а одной из форм этой борьбы – подготовка разведывательно-диверсионной агентуры для засылки в партизанские формирования. Отметим, что социальная база вербуемой агентуры была достаточно широкой и касалась практически всех слоев населения и различных половозрастных и национальных групп. В первую очередь к разведывательно-диверсионной работе стали привлекать тех граждан, которые в разное время оказались обижены советской властью: репрессированных, уголовников, кулаков и т. д. В Материалах по агентурной обстановке на территории СССР, временно оккупированной немцами от 1 февраля 1942 г. указывалось, что «немцы продолжают массовую засылку своих агентов на нашу территорию. База для их вербовки – это наши пленные, местные жители из числа настроенных антисоветски и уголовные и аморальные элементы. Посылают этих агентов как с целями диверсионного порядка, так и с целями чисто разведывательного характера…» [10, л. 93–95].

Значительное количество агентов отбиралось из числа военнопленных, часто непосредственно на территории лагеря. При вербовке использовались в первую очередь тяжелые условия содержания пленных – голод, болезни, постоянная угроза смерти. В основном подбирались агенты из перебежчиков, лиц, давших при опросе ценные разведывательные сведения о Красной Армии. В расчет принимались также профессия и личные качества кандидата, при этом преимущество отдавалось радистам, связистам, саперам

и лицам, имевшим достаточный кругозор. Активно привлекались к разведывательно-диверсионной работе и пособники оккупантов – полицейские, «власовцы» и «народники». Отметим, что к разведывательной работе деятельно приобщались и семьи изменников. Так, «для разведки партизанских отрядов в лесах в м. Сенно гестапо были организованы курсы разведчиков, на которых было до 140 человек, в основном жены полицейских, их дети до 14 лет» [2, л. 13]. Эти сведения были переданы партизанами Витебщины и помещены в итоговую разведывательную сводку БШПД.

Активно привлекалось к разведывательно-диверсионной работе и местное невоенное гражданское население: молодые девушки, женщины, дети-подростки, старики. В одном из отчетов Особого отдела за май 1943 г. сообщалось: «Вербовку в шпионаж гестаповцы проводят среди жен военнослужащих, беженцев и переселенцев… молодых красивых девушек, детей-подростков, обещая им за это хорошую жизнь, некоторым выдают материальную помощь, а лица, не соглашающиеся на все эти обещания, запугиваются высылкой в Германию в трудовые лагеря или отнятием от них детей и прочее» [8, л. 137–137 об.].

Малоизученной проблемой истории Великой Отечественной войны является использование немецкими спецслужбами несовершеннолетних детей и подростков в шпионско-диверсионной работе. В рекомендациях для немецких солдат «Тактика борьбы с партизанами» указывалось, «при этом важно разведчикам, работающим среди населения, использовать, по возможности, женщин и детей младшего возраста 7–10 лет. Практика показала, что дети такого возраста, при умелом подходе к ним, могут быть очень полезны» [5, л. 278]. Так, в оперативно-разведывательной сводке представительства БШПД на Калининском фронте указывалось, что «…в последнее время отмечены факты засылки противником в районы действий партизан детей местного населения в возрасте 8–15 лет, подготовленных к производству террористических актов против партизан. 07.04.1943 партизанской бригадой Бирюлина в д. Михалково, что западнее деревни Курино, пойман 8-летний мальчик с пистолетом и ОВ в порошке, имевший задачу: убийство и отравление комсостава. Из немецкого гарнизона Заполье Суражского района направлено в Суражскую зону 4 группы малолетних диверсантов по 2–3 человека в каждой группе» [3, л. 201].

В такой ситуации разоблачение и выявление вражеской агентуры представлялось одной из важнейших задач для органов партизанской контрразведки. Школа в Витебске была первой, обнаруженной на территории области. Партизанам из отряда «Крепость» в ноябре 1942 г. удалось получить ценные сведения от своего агента Зинаиды Саханенко, которая вошла в контакт с курсантом школы Борисом. В частности, она сообщила, что в Витебске обучаются 17 человек военнопленных, взятых из разных лагерей. К занятиям приступили в начале октября 1942 г. Некоторое время школа располага-

лась по ул. Свердлова, 1. К концу ноября 1942 г. обучение было закончено (то есть продолжительность – два месяца). Ее деятельность тщательно легендировалась и скрывалась. Так, за три месяца своей работы школа поменяла восемь мест дислокации. Эти данные были переданы в БШПД, а затем – в вышестоящие органы НКВД – НКГБ [4, л. 155–156]. Летом 1943 г. 1-я Белорусская партизанская бригада Захарова отчитывалась о том, что «шпионская школа с небольшим объемом подготовки находится в Витебске. В школе занимаются небольшими группами, и группы находятся в строгой изоляции одна от одной» [9, л. 64 об. – 66 об.].

Как минимум с осени 1942 г. чекистам и белорусским партизанам было известно о деятельности спецшколы в Полоцке. Отчитываясь о проделанной работе за первый квартал 1943 г., Витебская оперативно-чекистская группа сообщала, что 24 января 1943 г. на территории Дриссенского района был задержан Константин Кабак (Кабанов), который до сентября 1942 г. состоял в одном из партизанских отрядов, а затем перебежал к немцам. 25 октября 1942 г. он был завербован и «направлен в Полоцкую школу гестапо, по окончании которой был переброшен в партизанский район с задачей: осесть в Дриссенском районе, создать резидентуру, через которую распространять провокационные слухи об окружении партизан, сеять вражду между партизанами и населением, сжигать или отравлять партизанские склады, заражать бактериями скот». Школа размещалась по ул. Замковой в бывшей больнице им. Ленина. Руководителем учебного заведения был Карл Кризер, преподавателями – Фриц Альберт и Карл Гофман [11, л. 166–167]. В январе 1943 г. в партизанские формирования Россонского района была разослана ориентировка, в которой передавались данные о 18 агентах, выпущенных полоцкой шпионской школой [1, л. 1]. Деятельность этого учреждения продолжалась и в последующие годы. Так, в июле 1943 г. в районе д. Липники была задержана женщина, которая ходила по лагерям и агитировала за то, чтобы все выходили из леса, спрашивала про партизан. После задержания и допроса было установлено, что она являлась немецкой шпионкой и направлялась с задачей установить количество партизан. При себе имела немецкий пароль, написанный на клочке бумаги «Дневной пост Шариково». Кроме этого, 8 узелков ниток, 4 разные фотографии, 12 штук крышек от немецких сигаретных коробок, одинаковых по своей форме, на которых женщина по краям делала надрезы ножом, если ей удавалось установить партизан. При опросе она заявила, что «окончила 3-месячные курсы в г. Полоцке, где было выпущено 100 женщин и мужчин. Все они заброшены в партизанские районы» [10, л. 80 об. – 81].

Для подготовки детей-диверсантов открывались также специальные школы и курсы. В разведывательной сводке БШПД от 25 декабря 1942 г. указывалось, что «на станции Шумилино (железная дорога Витебск – Полоцк) работает гестаповская школа по подготовке шпионов и террористов

для засылки в партизанские отряды. В начале декабря 1942 г. было выпущено 40 человек подростков, прошедших подготовку в школе, которым было дано задание направиться в район Витебска, Полоцка, Орши: собрать разведданные о расположении партизанских отрядов, производить теракты против командного состава отрядов» [4, л. 59]. Было разоблачено двое мальчишек, которые бродили недалеко от лагеря партизан в оборванных одеждах. Они выслеживали стоянки партизан и через шпионку, прятавшую рацию в подвале сожженного дома, передавали сведения немцам. Вторая такая школа в этот период времени действовала в Городке. Ее руководителем был некто Стрелецкий. Партизаны получили установочные данные на 25 детей-агентов, подготовленных для заброски в партизанские соединения [4, л. 110 об.].

К весне 1943 г. активно действовала школа по подготовке разведчиков и диверсантов в Глубоком. Была выявлена специальная группа из 12 человек, предназначенная для заброски в советский тыл для проведения индивидуального террора в отношении военных и государственных деятелей. Из архивных документов известно, что школу в Глубоком «возглавляли князь Галицкий, граф Кочубей и эмигрант Садовский» [3, л. 123].

Наиболее крупной на территории Витебской области была разведывательно-диверсионная школа в Орше, которая действовала при 723-й группе тайной полевой полиции (ГФП) (часть № 09358) и располагалась на территории льнокомбината. В августе 1943 г. начальник оперативной группы ЦК КП(б)Б и БШПД на Западном фронте сообщал начальнику в штаб партизанского движения о том, что «при Оршанской школе гестапо обучаются три группы в составе 260, 150 и 135 человек со сроком обучения 6 месяцев. Занятия начались с первого мая 1943 г. В состав обучающихся входят только одиночные и групповые перебежчики на сторону немцев, кадровой службы в РККА… 31 июля 1943 г. из Оршанской школы произведен досрочный выпуск 25 слушателей группы, состоящей из 150 человек, которые направлены со шпионско-диверсионными заданиями» [7, л. 1–3]. Подбор в спецшколу производился из лиц обоего пола и различного возраста. От разоблаченных шпионов партизаны узнали установочные данные на более чем 60 агентов, засланных как в советский тыл, так и в партизанские соединения. Так, из 35 отличников, досрочно окончивших школу, 15 агентов «направлены в восточные районы Могилевской области, 20 человек – в район Бобруйска и Березино с целью организации террористических актов в отрядах. Для этой цели последние снабжены отравляющими веществами в жидком и порошкообразном виде, а также же имеют отравленный табак, папиросы марки “Киев”, сигареты, конфеты. Вооружены венгерскими пистолетами системы маузер-наган. Одеты в форму военнопленных без белья» [2, л. 250]. Кроме того, партизанам Витебщины было известно о деятельности немецких школ в м. Осинторф [7, л. 197–199], а также в Лепеле [7, л. 177–177 об.].

Подводя итог, необходимо отметить, что в период оккупации на территории Витебской области белорусские партизаны выявили девять разведывательно-диверсионных школ (курсов), в которых, по неполным данным, было подготовлено более 1000 агентов различной специализации для засылки как на территорию Советского Союза, так и для отправки в партизанские формирования (приоритетное направление).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Национальный** архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1403. – Оп. 1. – Д. 450.
2. **НАРБ.** – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 4.
3. **НАРБ.** – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 5.
4. **НАРБ.** – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 887.
5. **НАРБ.** – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 888.
6. **НАРБ.** – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 53.
7. **НАРБ.** – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 56.
8. **НАРБ.** – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 60.
9. **НАРБ.** – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1311.
10. **НАРБ.** – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1329.
11. **НАРБ.** – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д. 411.

Марціновіч С.В. *(г. Віцебск)*

З ГІСТОРЫІ КІНАФІКАЦЫІ ВІЦЕБСКАГА І СУРАЖСКАГА РАЁНАЎ У 1920–30-я гг.

З дакументальных крыніц вядома, што першы кінасеанс адбыўся ў Віцебску ў 1898 г., і на пачатку XX ст. у горадзе дзейнічала некалькі кінатэатраў. Але жыхарам віцебскіх ваколіц кінамастацтва да Кастрычніцкай рэвалюцыі было ўвогуле невядома. Нават у 1922 г. уся культурна-асветніцкая работа ў Суражы праводзілася выключна на сродкі бібліятэк-чытальняў і школ. Не лепей былі справы і ў Янавічах. То былі мястэчкі, а што ж гаварыць пра вёскі!

Першай кінаўстаноўкай на Суражчыне было кіно пры шклозаводзе ў Ноўцы (зараз вёска ў Гарадоцкім раёне). У дакументах яна згадваецца пачынаючы з 1923 г. [10, арк. 280]. Знаходзілася кінаўстаноўка на балансе прафсаюза, якім, верагодна, і была створана.

17 снежня 1924 г. быў заснаваны трэст «Белдзяржкіно», які атрымаў манапольнае права на вытворчасць і пракат кінафільмаў на тэрыторыі БССР. Трэсту былі перададзены два кінатэатры ў Мінску і адзін – у Віцебску [17, с. 14–15]. На пачатку 1925 г. было створана Віцебскае акруговае аддзяленне Белдзяржкіно. З гэтага часу і пачалася кінафікацыя Віцебшчыны і Суражчыны. Кіраўніцтва

Белдзяржкіно асабліва падкрэслівала неабходнасць дэманстравання кінастужак па клубных установах Віцебска і наваколлях «як мага шырэй» [8, арк. 25].

З пачатку 1926 г. дзейнічае кінаўстаноўка пры клубе кардоннай фабрыкі імя Вароўскага ў вёсцы Пудаць, а таксама кінаперасоўка пры Народным доме ў Суражы. Спачатку кінасеансы былі вельмі нерэгулярнымі. Віцебскае Белдзяржкіно адсылала кінастужкі ад выпадку да выпадку. Але ў хуткім часе была наладжана рэгулярная сетка кінапракату. У 1928 г. Віцебскі і Суражскі раёны абслугоўвалі ўжо пяць кінаўстановак – у Ноўцы, Пудаці, Суражы, Сасноўцы і пры Віцебскім Доме селяніна.

Цікава прасачыць за рэпертуарам кіно Віцебшчыны ў 1920-я гг.

У клубе шклозавода «Ноўка» Суражскага раёна ў 1926 г. дэманстраваліся наступныя фільмы: «Грымасы правасуддзя» (21 лютага), «Каты» (21 сакавіка), «Капітан Дункан» (17 кастрычніка), у 1927 г. – «Паспешнае вяселле» (8 студзеня), «Нашчадак араба» (5 лютага), «У тыле белых» (13 лютага), «Тарко» (18 лютага), «Хатка на Байкале» (27 лютага), «Глуш Паволжская» (6 сакавіка), «У чырвоным коле» (12 сакавіка), «Памылка Марыі Клер» (20 сакавіка), «Дзіна-Дза-Дзу» (3 красавіка), «Каштанка» (16 красавіка), «Сінабар», у 2-х серыях (17 красавіка), «Сінабар», 3-я серыя (1 мая), «Тры эпохі» (8 мая), «Пад страхам смерці» (13 чэрвеня), «Браненосец “Пацёмкін”» (18 чэрвеня), «Цяжкія гады» (25 чэрвеня), «Мамут і Айшэ» (7 жніўня), «Мядзведжае вяселле» (18 верасня), «Калежскі рэгістратар» (9 кастрычніка), «Дзіця Дзяржцырка» (16 кастрычніка), «Час – грошы» (23 кастрычніка), «Яўрэйскае шчасце» (28 кастрычніка), «Закон мора» (20 лістапада), «Коннік з Уайльд-Веста», у 2 серыях (5 і 20 лістапада), «Сюркуф» (12 лістапада), «Сюзанна» (10 снежня), «Цэглікі» (17 снежня), «Спадары Скацініны» (25 снежня) [6, арк. 27, 181, 202, 226, 288, 321, 362–362 зв., 363, 364, 364 зв., 365, 366, 366 зв., 367, 367 зв., 368, 369–369 зв., 370, 410; 8, арк. 40, 49; 9, арк. 74 зв., 75, 75 зв., 77, 77 зв., 78, 79, 80].

У Пудацкім клубе фабрыкі імя Вароўскага з глядзельнай залай на 168 месцаў кінасеансы пачаліся з 1 мая 1926 г. паказам фільма «Двухногія шакалы» [8, арк. 68]. У 1926 г. у Пудаці дэманстраваліся фільмы: «Павукі і мухі» (12 чэрвеня), «Вока за вока», «Мінарэт смерці», «Чыгуначны кароль» (ліпень – верасень), «Джэк Бясстрашны» (10 кастрычніка), «Стрэл у лесе» (17 кастрычніка), «Бязрадасная вуліца» (30 кастрычніка), «Ён, яна і Гамлет» (7 лістапада), «1905 год» (14 лістапада), «Чорт у горадзе» (5 і 17 снежня), «З-за ружы» (12 снежня), у 1927 годзе – «Сын правадыра», 1-я серыя (15 студзеня), «Сын правадыра», 2-я серыя (23 студзеня), «Тарко» (30 студзеня), «Дзявяты вал» (6 лютага), «Нашчадак араба» (13 лютага), «У тыле белых» (20 лютага), «Хатка на Байкале» (6 сакавіка), «У чырвоным коле» (19 сакавіка), «Каштанка» (3 красавіка), «Сінабар», у 3 серыях (17 красавіка, 29 мая і 17 чэрвеня), «Знатны замежнік» (21 красавіка), «Касец Пятро» (1 мая), «Пад страхам смерці» (17 чэрвеня) [6, арк. 18, 26 зв., 27–27 зв., 33, 105, 124, 148, 202, 226, 288, 362–362 зв., 363, 364–364 зв., 366, 367 зв., 370; 8, арк. 130, 200].

У Суражскім Народным доме ў 1926–1927 гг. ішлі карціны «Мусульманка», «Святло ў цемры», «Апошні іспыт», «Два прэтэндэнты», «Міс Туці-Фруці», «Дзяўчына з правінцыі», «Яўрэйскае шчасце» [7, арк. 102, 200; 9, арк. 23].

У клубах завода «Ноўка» і фабрыкі імя Вароўскага кіно дэманстравалася адзін раз на тыдзень па нядзелях, у Суражскім Народным доме – 2 разы на тыдзень (па суботах і нядзелях) [7, арк. 104].

Як бачна, асноўная частка фільмаў спачатку была замежнай вытворчасці з прыкметнымі, сенсацыйнымі назвамі. Сярод іх былі і знакамітыя шэдэўры сусветнага кінематографа, такія, як «Бязрадасная вуліца». Аднак ужо з 1927 г. фільмы айчыннай вытворчасці пачынаюць пераважаць. Напрыклад, з 1 чэрвеня па 1 верасня 1927 г. на экранах Віцебскага і Суражскага раёнаў з 10 паказаных фільмаў толькі тры былі замежнымі [9, арк. 23–23 зв.]. З пачатку 1928 г. пачынаецца дэманстраванне першых беларускіх фільмаў – дакументальнага «Беларусь» і гульнявога «Прастытутка» [9, арк. 81, 129].

Глядач, асабліва працоўны, жадаў бачыць на экране самога сябе, сваё жыццё, праблемы, барацьбу за лепшы лад. Напрыклад, добрае ўражанне на гледачоў Пудаці пакінуў савецкі фільм «Напалеон-газ», які прапаноўваўся ўвазе ў ліпені 1926 г. [7, арк. 174]. Пра фільм «Чыгуначны кароль» у верасні 1926 г. фабкам фабрыкі імя Вароўскага адгукаўся як аб поўным глыбокага сэнсу і змястоўнасці. У лісце да Віцебскага Белдзяржкіно падкрэслівалася, што фабрыка жадае і ў далейшым мець такія ж карціны [7, арк. 235]. Згодна з праведзеным у 1926 годзе анкетаваннем, фабрыка імя Вароўскага і завод «Ноўка» аддавалі перавагу рэпертуару фільмаў рэвалюцыйнага зместу, Суражскі Нардом (які абслугоўваў у асноўным сялян з навакольных вёсак) – «змяшанаму» [7, арк. 104]. Кінасеансы часта прымяркоўваліся да рэвалюцыйных свят – 1 мая і 7 лістапада, адпаведным павінен быў быць і рэпертуар [9, арк. 43].

Білет на сеанс у канцы 1920-х гг. каштаваў 15–20 кап., члены прафсаюзаў мелі 50% зніжкі [8, арк. 83–84]. Віцебскае аддзяленне мела з аднаго кінасеанса прыбытак у 10 руб. з фабрыкі ў Пудаці, 12 руб. – з завода «Ноўка», 5–6 руб. – з Суражскага Нардома. Апошняе тлумачылася дрэннымі ўмовамі працы кінаўстаноўкі і немагчымасцю браць за білет звыш за 20 кап. [8, арк. 81–82].

Фільмы дастаўляліся з Віцебска параходам да Суража ці Курына [7, арк. 104], адтуль на гужавым транспарце – да Ноўкі і Пудаці. Гэта выклікала шмат нараканняў, асабліва па тэрмінах дастаўкі. Практыкавалася і высылка па пошце, але карціны прыходзілі ў хаатычным стане [7, арк. 201].

Якасць дэманстравання кінафільмаў у Віцебскім і Суражскім раёнах у 1920-я гг. была вельмі дрэннай. З боку Віцебскага Белдзяржкіно частымі былі скаргі на псаванне стужкі – збіванне перфарацыі, дрэнную намотку, разрывы стужкі, забруджанне алеем і г. д. Гэта было вынікам нездавальняючай работы кінаапаратаў, а таксама нявопытнасці кінамеханікаў, некаторыя з якіх увогуле былі незнаёмыя з прынцыпамі работы кінаапаратуры. Стужкі

страчвалі да 50% якасці, што ацэньвалася ў 1000 руб. [9, арк. 122]. Падобныя выдаткі прымушалі Віцебскае Белдзяржкіно некалькі разоў спыняць высылку фільмаў у Пудаць і Ноўку, больш за тое – звяртацца ў грамадзянскія суды [7, арк. 70]. Згодна з рэзалюцыяй Віцебскага Белдзяржкіно ад 20 жніўня 1927 г., водпуск карцін мог быць ажыццёўлены толькі пры ўмовах работы кваліфікаванага механіка, які мусіў прайсці эксперную камісію Белдзяржкіно ў Віцебску [8, арк. 122]. Але гэта амаль не змяніла сітуацыі.

Другой падставай для скарг гледачоў была адсутнасць раскладаў пастаноўкі карцін, высылка фільмаў у самы апошні момант і адной і той жа карціны па некалькі разоў [16].

У пачатку 1930-х гг. назіраецца рост колькасці кінаўстановак на тэрыторыі Віцебскага і Суражскага раёнаў. Так, на 1 красавіка 1932 г. меліся кіназалы пры Янавіцкім Нардоме (150 месцаў), прыстані воднікаў у Суражы (150 месцаў), кардоннай фабрыцы імя Вароўскага ў Пудаці (130 месцаў), шклозаводзе «Ноўка» (216 месцаў), Лужаснянскім ільнаводчым тэхнікуме, літоўскай школе ў Дыманове, школе імя Калініна ў Сялютах [14, арк. 29–32].

У сярэдзіне 1930-х гг. у кіно Віцебскага і Суражскага раёнаў прыйшоў гук. 1 мая 1935 г. быў адкрыты гукавы кіназал пры Народным доме ў Суражы. На яго абсталяванне было выдаткавана 14 тыс. руб. [18]. У 1938 г. гукавое кіно было наладжана пры Доме чырвоных партызан у в. Сялюты [11].

Аднак і нямы кінематограф не здаваў сваіх пазіцый. Да пачатку Вялікай Айчыннай вайны гукафікацыя кінастацыянараў і кінаперасовак у Віцебскім раёне не была завершана. Гэтаму перашкаджала, акрамя іншага, і адсутнасць у многіх населеных пунктах электрычнасці. Нават у адным з апошніх перадваенных нумароў (ад 21 чэрвеня 1941 г.) газета «Віцебскі рабочы» паведамляла аб наборы на месячныя курсы механікаў негукавых кінаперасовак, заняткі на якіх павінны былі пачацца 1 ліпеня 1941 г. [4].

У канцы 1930-х гг. кінематограф трывала ўвайшоў у побыт жыхароў Віцебшчыны і Суражчыны. Уводзіліся новыя формы працы, такія, як арганізацыя раённых кінафестываляў. Першы такі фестываль адбыўся ў чэрвені – ліпені 1939 г. як водгук на зварот сельскай інтэлігенцыі і калгаснага актыва Дукорскага сельсавета Рудзенскага раёна Мінскай вобласці. У 10 раёнах Віцебскай вобласці (у тым ліку і ў Суражскім – у Янавічах) было праведзена 19 сеансаў, больш за 3500 чалавек прагледзелі карціны «Ленін у Кастрычніку», «Ленін у 1918 годзе», «Вялікае зарава», «Прафесар Мамлок», «Балотныя салдаты», «Вялікі грамадзянін», трылогію аб Максіме [3]. Кінасправа вылучала і сваіх ударнікаў. Так, кінамеханік гукавой перасоўкі Віцебскага раёна С.П. Лінкевіч правёў у маі 1939 г. 48 сеансаў замест запланаванага 21, абслужыў больш за 5,5 тыс. калгаснікаў. Заробак кінамеханіка-ўдарніка склаў 800 руб. Усесаюзны камітэт па справах кінематаграфіі ўзнагародзіў Лінкевіча знакам «Ганароваму кінематаграфісту» [12].

Меліся, аднак, і шматлікія недахопы ў кінафікацыі. Аб непісьменных шыльдах з анонсамі фільмаў, безбілетніках-«зайцах», п'янстве кінамеханікаў і кантралёраў, сапсаваўшых дэманстрацыю фільма ў Суражы, пісалі ў жніўні 1936 г. карэспандэнты газеты «Ударнік» Васіль Нёман і Эль Кудравы [15]. Рабочы Янавіцкай пякарні М.Н. Сетаў скардзіўся падчас раённага кінафестывалю 1939 г. на тое, што працоўныя Янавіч не бачылі такіх фільмаў, як «Выбаргскі край», «Ленін у Кастрычніку», «Аляксандр Неўскі» [1].

У 1939 г. у Віцебскім раёне мелася восем кінаўстановак пры клубах [13, с. 56]. У 1940 г. іх было ўжо 14 (13 стацыянарных і 1 перасоўка), у тым ліку – тры нямыя [2, с. 248]. У Суражскім раёне ў той жа час меліся тры стацыянарныя ўстаноўкі (усе гукавыя) [13, с. 64]. Але гэтыя лічбы нельга лічыць дакладнымі. У «Пашпарце Віцебскага сельскага раёна Віцебскай вобласці» ўказаны толькі чатыры кінаўстаноўкі – Сасноўская, Сялюцкая, Старасельская, Бараўлянская [5, арк. 167]. Гэта дазваляе меркаваць, што некаторыя кінаўстаноўкі існавалі толькі на паперы.

Такім чынам, у 1920–30-я гг. былі зроблены першыя крокі кінафікацыі Віцебшчыны. Хоць і не без цяжкасцей, кінематограф знаходзіў у той складаны час шляхі да душ і сэрцаў простых людзей.

ЛІТАРАТУРА

1. **Алан, В.** Магутны сродак коммуністычнага выхавання / В. Алан // Віцебскі рабочы. – 1939. – 10 чэрв. – С. 3.

2. **Витебская** область : экономико-статистический справочник. – Витебск, 1940. – 264 с.

3. **Віктараў, Г.** Абласны кіно-фестываль / Г. Віктараў // Віцебскі рабочы. – 1939. – 17 ліп. – С. 2.

4. **Віцебскі** рабочы. – 1941. – 21 чэрв. – С. 4.

5. **Дапамога** пенсіянерам // Віцебскі рабочы. – 1938. – 17 ліп. – С. 1.

6. **Дасягненні** кіномеханікаў // Віцебскі рабочы. – 1939. – 6 лют. – С. 4.

7. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 1-п. – Воп. 1. – Спр. 266.

8. **ДАВВ.** – Фонд 366. – Воп. 1. – Спр. 2.

9. **ДАВВ.** – Фонд 366. – Воп. 1. – Спр. 3.

10. **ДАВВ.** – Фонд 366. – Воп. 1. – Спр. 4.

11. **ДАВВ.** – Фонд 366. – Воп. 1. – Спр. 11.

12. **ДАВВ.** – Фонд 1319. – Воп. 1. – Спр. 1.

13. **Культурное** строительство БССР / Упр. народохозяйственного учета Белорусской ССР. – Минск : Изд. УНХУ БССР, 1940. – 112 с.

14. **Национальный** архив Республики Беларусь. – Фонд 246. – Воп. 1. – Спр. 436.

15. **Нёман, В.** Чаму ў Суражы сумна / В. Нёман, Э. Кудравы // Ударнік (Суражскі раён). – 1936. – 4 жн. – С. 2.

16. **Па некалькі** раз прысылаюць адну кіналенту // Віцебскі пралетарый. – 1930. – 30 верас. – С. 4.

17. **Собрание** узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства БССР № 7. Отдел первый. – 1925. – 3 марта.

18. **У Суражы** будзе гукавое кіно // Ударнік (Суражскі раён). – 1935. – 16 крас. – С. 1.

Марціновіч С.В., Ліпава Г.В. *(агр. Акцябрская, Віцебскі раён)*

З ГІСТОРЫІ КАЛГАСА ІМЯ ЛАНЦУЦКАГА І в. АГАРОДНІКІ ВІЦЕБСКАГА РАЁНА

Вёска Агароднікі зараз – невялікі населены пункт у складзе Тулаўскага сельсавета Віцебскага раёна. Гарадская мяжа Віцебска амаль ушчыльную падыйшла да вёскі. Сёння ўсе навакольныя землі належаць камунальнаму ўнітарнаму сельскагаспадарчаму прадпрыемству (КУСГП) «Эксперыментальная база “Тулава”» [12, с. 726], а перад Вялікай Айчыннай вайной тут меўся асобны калгас імя Станіслава Ланцуцкага – адна з перадавых гаспадарак раёна на той час [8, арк. 52].

Упершыню Агароднікі згадваюцца ў дакументах пад 1628 г. У Літоўскім межавым дакуменце пры акрэсленні межаў маёнтка Тулава населены пункт быў згаданы як уласнасць зямяніна Восіпа Васілевіча [12, с. 726]. За некалькі стагоддзяў аб маленькай вёсцы амаль не захавалася звестак. Да Вялікай Кастрычніцкай рэвалюцыі сяляне, яе жыхары, працавалі на памешчыкаў Енькаў, Прэйсаў, Старажылеўскіх, Стружымецкіх, Стрылецкіх, Фруцкіх, Саенкаў. У 1917 г. згодна з ленінскім «Дэкрэтам аб зямлі», сяляне-працаўнікі атрымалі зямлю ва ўласнае карыстанне. Але зямлі – галоўнага сродку вытворчасці для селяніна – на ўсіх не хапала. Гэта выклікала жудасныя трагедыі. У 1927 г. селянін вёскі Кацярыніна (каля Агароднікаў) Іван Іваноў зарэзаў касой роднага брата Андрэя – не падзялілі бацькоўскую зямлю [13].

17 снежня 1929 г. у Агародніках была створана калектыўная гаспадарка – першая ў Рудніцкім сельсавеце [11]. У наступным 1930 г. калгасу было нададзена імя польскага рэвалюцыянера Станіслава Ланцуцкага [1].

Сённяшняму пакаленню амаль невядома гэта імя, але ў канцы 1920-х – пачатку 1930-х гг. польскі рэвалюцыянер Станіслаў Ланцуцкі быў добра вядомы ў працоўных масах Савецкага Саюза. Яго называлі «адным з устойлівых змагароў польскага пралетарыята» [10, с. 5]. Таму трэба сказаць некалькі слоў пра гістарычную асобу, імя якой насіў калгас у Віцебскім раёне.

Станіслаў Ланцуцкі нарадзіўся ў 1882 г. у Польшчы ў працоўнай сям’і. Працаваў на чыгунцы і прадпрыемствах Перамышля, Кракава, у Вітковіцах. Прымаў удзел у рэвалюцыйным руху, быў членам сацыял-дэмакратычнай, потым камуністычнай партыі Польшчы. У 1922 г. Станістава Ланцуцкага абралі ў польскі сейм ад Саюза пралетарыяту горада і вёскі. Але ўжо ў 1924 г. Ланцуцкага пазбавілі дэпутацкай недатыкальнасці і ў хуткім часе арыштавалі. Падставай для арышту была прамова Ланцуцкага ад 19 ліпеня 1924 г., якая быццам бы насіла супрацьдзяржаўны характар [10, с. 92]. Рэвалюцыянера трымалі ў турмах Мокатава, Перамышля і іншых, нават нягледзячы на апраўдальны прысуд. Да трох гадоў турмы Ланцуцкаму дадалі яшчэ тры гады катаргі. І толькі дзякуючы амністыі 1928 г. ён быў выпушчаны на волю, а ў 1929 г. пераехаў у СССР.

Станіслаў Ланцуцкі напісаў некалькі кніг успамінаў, выдадзеных на рускай мове – «З турэмнага дзённіка», «Аповесць аб турэмных днях» (1930), «Успаміны» (1931). Таксама ЦК Міжнароднай арганізацыі дапамогі змагарам рэвалюцыі выдаваў інфармацыйныя бюлетэні, прысвечаныя Ланцуцкаму. Польскі рэвалюцыянер жыў і працаваў у Маскве, з'яўляўся персанальным пенсіянерам, быў узнагароджаны ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга.

14 ліпеня 1937 г. Станіслаў Ланцуцкі быў беспадстаўна арыштаваны органамі Народнага камісарыяту ўнутраных спраў (НКУС) за ўдзел у «польскай тэрарыстычнай арганізацыі» і 20 верасня 1937 г. расстраляны. Пасля гэтага імя Ланцуцкага было выкрэслена з гісторыі, нягледзячы на тое, што 29 красавіка 1955 г. яго рэабілітавалі «за адсутнасцю складу злачынства» [9].

Верагодна, імя Ланцуцкага было дадзена калгасу ў Рудніцкім сельсавеце Віцебскага раёна таму, што ў Агародніках і навакольных вёсках жыло шмат палякаў.

Як ужо было адзначана, 17 снежня 1929 г. у былым маёнтку пана Прэйса ў Агародніках група актывістаў – батракоў і беднякоў – стварыла калгас. Спачатку ён аб'ядноўваў усяго 11 гаспадарак [11]. Першымі калгаснікамі былі Закржэўскі Іван Станіслававіч, Міхееў Макар Усцінавіч, Арлоў В., Пржэвальскі Станіслаў, Бейнаровіч С., Хаванскі, Сцяпанаў, Цвяткоў Васіль (старэйшы працаўнік калгаса, якому было 72 гады) [2].

У першыя гады існавання калгаса імя Ланцуцкага жыццё яго працаўнікоў было вельмі цяжкім. У 1929–1930 гг. у калгасе было 11 гаспадарак, 60 га ворнай зямлі, 52 га сенажацей, 27 коней, 8 кароў. Са складаных машын была толькі адна жняярка і адна касілка. Дзяржаве ў той час калгас здаваў па загатоўках хлеба 20 ц зерневых. Хлеб размяркоўваўся паміж калгаснікамі на едака, штомесячна па 36 фунтаў на душу (каля 14,4 кг). Улік працы быў вельмі заблытаны. Тры калгасныя гаспадаркі не мелі ўласных кароў [11]. У першы год было абагульнена ўсё, нават птушка. Прыбавілася маёмасць, канфіскаваная ў высланых кулакоў. Наспех скалачвалі ў хлявах, пунях парканы для абагульнення жывёлы. Дысцыпліна была расхістана [1].

Па акрузе распаўсюджваліся чуткі аб тым, што калгасы ў хуткім часе разваляцца. Жанчын пужалі «100-мятровымі коўдрамі» і «абагульненнем жонак». Некаторыя з калгасніц патрабавалі ад мужоў выхаду з калгаса, пагражаючы разводам. Мужчын таксама запалохвалі хуткай вайной і прыходам з Польшчы «пілсудчыкаў». Старшыні калгаса і актывістам пагражалі забойствамі. Асабліва шмат гаспадарак пакінула калгас пасля артыкула Сталіна «Галавакружэнне ад поспехаў» у сакавіку 1930 г. [1].

Але ў наступным 1931 г. у калгас імя Ланцуцкага ўвайшлі 37 гаспадарак беднякоў і сярэднякоў. На 100 га пашырылася пасяўная плошча, на 98 га – сенажаці. Колькасць коней дасягнула 49, рагатай жывёлы – 60 галоў. Калгас закупіў адну жняярку і адну касілку, былі пабудаваны два амбары для захоўвання збожжа. Дзяржаве былі здадзены 110 ц зерневых і 2 т бульбы.

Было ліквідавана размеркаванне хлеба «па едаках», уведзены працадні, на якіх калгаснікі атрымлівалі па 1500 г зерневых [11].

У 1932 г. калгас узрос яшчэ на 30 гаспадарак (усяго 75 двароў, 338 жыхароў), было далучана 140 га ворыўнай зямлі, 50 га сенажацей, на 11 галоў павялічылася колькасць працоўнай жывёлы, на 48 галоў – рагатай. Былі закуплены 2 новыя жняяркі, 1 малатарня, пабудавана 12 сховішчаў для агародніны, 2 авіны. Адным з першых калгас імя Ланцуцкага правёў электрычнасць. Была пабудавана трансфарматарная будка, электрыфікавана праўленне, 2 гаспадаркі (у тым ліку – лепшага ўдарніка Сцяпанава Сяргея Іванавіча), скотнікі, стайні, амбары, арганізавана электрамалацьба. Па загатоўках калгас здаў дзяржаве 200 ц зерня, што лічылася вялікай лічбай. На працадзень калгаснік атрымліваў 1,5 кг зерневых, 2,8 кг бульбы, 0,5 кг агародніны, 65 кап. грошай. Але і ў гэты час пяць гаспадарак заставаліся бескароўнымі [11].

У 1932 г. адбылася важная падзея ў жыцці калгаса – адчыніла свае дзверы Рудніцкая школа-сямігодка. Для яе быў вылучаны былы кулацкі дом, а потым – яшчэ тры будынкі. У школе вучыліся 220 дзяцей, з іх 150 – дзеці працаўнікоў калгаса імя Ланцуцкага. Школа была электрыфікавана, пры ёй былі абсталяваны сталярная і слясарная майстэрні [4].

У 1933 г. у калгас імя Ланцуцкага ўваходзілі ўжо 88 сялянскіх гаспадарак, мелася 400 га ворыўнай зямлі, 230 га сенажаці, 70 коней, 145 галоў рагатай жывёлы. Былі закуплены 3 сенакасілкі, 2 сартыроўкі, 14 камплектаў баронаў «зігзаг», 5 парных плугоў, 5 акучнікаў. Пабудаваны скотнік на 100 галоў, 6 калгасных гаспадарак было надзелена цялятамі. На працадзень калгасніку выдавалася 1,8 кг зерневых, 2,7 кг бульбы, 0,5 кг агародніны, 20 кап. грошай [11].

У 1934 г. калгас імя Ланцуцкага сабраў добры ўраджай, таму на працадзень калгаснікі атрымалі ўжо па 2,7 кг зерневых, 5 кг бульбы, 0,6 кг агародніны, 20 кап. грошай. У калгас уступіла 11 аднаасобных гаспадарак, пасяўная плошча павялічалася на 40 га, сенажаць – на 60 га, пагалоўе працоўнай жывёлы – на 18 галоў, рагатай – на 35 галоў. Калгас закупіў 3 новыя жняяркі, пабудаваў новую стайню, электрыфікаваў 10 гаспадарак, скотнік, амбары, стварыў 2 малацільныя пункты, хату-лабараторыю, бібліятэку, гурткі на ліквідацыі непісьменнасці і вывучэнні агратэхнікі. Дзве калгасныя гаспадаркі атрымалі цялят [11].

У 1935 г. у калгасе імя Ланцуцкага жылі 115 сямей, мелася 500 га ворыўнай зямлі, 300 га сенажаці, 80 га канюшыны, 89 галоў працоўнай жывёлы, 219 галоў рагатай жывёлы. Калгаснікі пабудавалі амбар на 100 тон збожжа, стайню на 30 галоў, цялятнік на 80 галоў. Было закуплена 2 трыеры. Калгасны працадзень каштаваў 2,75 кг зерневых, 6,4 кг бульбы, 0,5 кг агародніны, 35 кап. грошай. У калгасе мелася свая насценгазета «За тэмпы» [11].

Такім чынам, у сярэдзіне 1930-х гг. калгас імя Ланцуцкага Рудніцкага сельсавета лічыўся адной з самых заможных і культурных гаспадарак

Віцебскага раёна. Старшынёй калгаса з 1932 г. быў Іван Станіслававіч Закржэўскі, член Камуністычнай партыі з 1932 г. Лепшымі працаўнікамі лічыліся Фёдар Усцінавіч Рыжыкаў (брыгадзір 4-й паляводчай брыгады), Сямён Васільевіч Цвяткоў (брыгадзір 3-й паляводчай брыгады), машыністы Г. Вінаградаў, Г. Леўшын, С. Дубянкоў, Б. Пазнякоў, Д. Дабравольскі, А. Старыковіч, І. Рыжыкаў, У. Пазнякоў, І. Старыковіч, І. Еленскі, скотніца Фруза Максімава і іншыя [13].

18 верасня 1935 г. калгас імя Ланцуцкага, першы ў Віцебскім раёне, атрымаў Дзяржаўны акт на вечнае карыстанне зямлёй. З гэтай нагоды адбылося агульнакалгаснае свята. На ім прысутнічалі таксама калгаснікі з Міхалёўскага, Шумнянскага, Заронаўскага і Сялюцкага сельсаветаў, працоўныя фабрыкі «Сцяг Індустрыялізацыі» (арганізавалі святочны канцэрт), завода «Чырвоны металіст». Нават Віцебскі аэраклуб паслаў свой самалёт. На свяце прысутнічаў Нарком земляробства БССР Бенек, сакратар Віцебскага гаркама КП(б)Б Жураўлёў. Акт на вечнае карыстанне зямлёй быў уручаны калгасу старшынёй Віцебскага гарсавета Аверыным [3].

У 1937 г., пасля расстрэлу Станіслава Ланцуцкага, калгас яго імя быў перайменаваны. На карце Віцебскага раёна 1939 г. гаспадарка пазначана як калгас імя Леніна [5, арк. 2]. У тым жа 1939 г. у вёску Агароднікі было сселена насельніцтва вёсак Волкава, Храноўшчына, Асінаўка-2, Кацярыніна (да гэтага, у 1936 г. – Скуратава, Асінаўка-1, Заходнікі, Жабчына). На пачатку 1941 г. у Агародніках мелася 93 двары, пражывала 398 чалавек [12, с. 726].

У гады Вялікай Айчыннай вайны нямецка-фашысцкія захопнікі знішчылі ў Агародніках усе 93 двары і забілі 14 мірных жыхароў. У Германію на катаржныя работы было вывезена 38 чалавек, вярнулася назад 28. На фронце загінула 20 вяскоўцаў, у партызанах – 7 [12, с. 726].

Пасля вайны былы калгас у Агародніках адрадзіўся пад назвай «калгас імя Леніна». У сакавіку 1950 г. калгасы імя Леніна і імя Мархлеўскага былі аб'яднаны ў адну гаспадарку – калгас імя Леніна з цэнтрам у вёсцы Агароднікі [7, арк. 12]. Новы калгас знаходзіўся ў вельмі складаным фінансавым становішчы, не мог выплаціць кошт набытай тэхнікі [6, арк. 8].

4 сакавіка 1959 г. агульны сход калгаснікаў гаспадарак «Уперад да камунізму», «Віцебскі» Акцябрскага сельсавета, імя Дзяржынскага і імя Леніна Варонаўскага сельсавета прынялі рашэнне аб аб'яднанні ў адзіны саўгас «Сялюты». 6 сакавіка 1959 г. Рашеннем № 58 Віцебскага райвыканкама калгас імя Леніна Варонаўскага сельсавета быў ліквідаваны. Яго землі і маёмасць увайшлі ў новы саўгас «Сялюты» [6, арк. 14–15]. Зараз в. Агароднікі адносіцца да КУСГП «Эксперыментальная база "Тулава"».

Віцебскі раённы гісторыка-краязнаўчы музей працягвае збор матэрыялаў па гісторыі калгасаў Віцебскага раёна, у тым ліку калгаса імя Ланцуцкага, у мэтах дапаўнення музейнай экспазіцыі «Чалавек слаўны працай».

ЛІТАРАТУРА

1. **Азаронак.** Нараджэнне калгаса / Азаронак // Віцебскі пралетарый. – 1935. – 20 верас. – С. 2.

2. **Аллан, Д.** Жыццё Васіля Цвяткова / Д. Аллан // Віцебскі пралетарый. – 1935. – 18 верас. – С. 2.

3. **Аллан, Д.** Вялікае калгаснае свята / Д. Аллан, А. Сіпко // Віцебскі пралетарый. – 1935. – 20 верас. – С. 1.

4. **Брыскін, А.** Бацькі і дзеці / А. Брыскін // Віцебскі пралетарый. – 1935. – 18 верас. – С. 3.

5. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 1-п. – Воп. 1. – Спр. 16.

6. **ДАВВ.** – Фонд 571. – Воп. 2. – Спр. 429.

7. **ДАВВ.** – Фонд 1967. – Воп. 1. – Спр. 116.

8. **ДАВВ.** – Фонд 10058-п. – Воп. 1. – Спр. 322.

9. **Ланцуцкий, С.** Повесть о тюремных днях (из дневника) / С. Ланцуцкий. – Москва : ЦК МОПР СССР, 1930. – 96 с.

10. **Ланцуцкий Станислав Францевич** // Память о бесправии. Мартиролог расстрелянных в Москве и Московской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=10226. – Дата доступа: 23.09.2016.

11. **Лічбы** перамог // Віцебскі пралетарый. – 1935. – 18 верас. – С. 2.

12. **Памяць** : Віцебскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. У. І. Мезенцаў ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2004. – 772 с. : іл.

13. **Сіпко, А.** Рост / А. Сіпко // Віцебскі пралетарый. – 1935. – 18 верас. – С. 2.

Махиня О.В. *(г. Витебск)*

КРАЕВЕДЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В Послании Президента белорусскому народу и Национальному собранию отмечается, что «движущей силой прогресса являются не материальные блага, а патриотизм».

Патриотическое воспитание – одна из главных задач, конечная цель которой – формирование личности гражданина, патриота, труженика, семьянина.

Патриотическое воспитание – это систематическая и целенаправленная деятельность учреждений образования и общественных организаций по формированию у молодежи высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Патриотическое воспитание должно проявляться не в словах и лозунгах, а в жизненной позиции молодого человека и реализовываться в единстве учебного и воспитательного процесса.

В системе образования воспитанию патриотизма всегда уделялось значительное внимание. Развитие общества, изменения в духовной, политической сферах приводят к трансформации понимания патриотизма, требуют поиска новых форм и средств патриотического воспитания, одним из которых является краеведение. Исследователи отмечают педагогические возможности средств краеведения в процессе формирования патриотизма [4].

Краеведение способно формировать культуру межнациональных отношений, воспитывать терпимость и уважение к истории, традициям, обрядам, культуре, языку наций и народностей [1, с. 35].

Историческое краеведение решает и актуальную во все времена задачу сохранения культурного и духовного наследия родного края, учит не только любить свои родные места, но и знать их, приучает интересоваться историей, искусством, литературой, повышать свой культурный уровень. Любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой может осуществляться процесс воспитания патриотизма учащихся.

В связи с этим возрастает роль краеведения, призванного воспитать в человеке чувства гражданственности, национального самосознания, собственного достоинства, положительных качеств личности. Краеведческая работа – это знания о своем народе, об особенностях быта и трудовой деятельности, национальном характере, психологии, мировоззрении, культуре, а также о семье, своей родословной, о родном крае и всем, что связано с ним. Краеведческая работа способствует развитию интереса к своему краю, малой родине, расширяет объем знаний по смежным областям, повышает мотивацию учения [3].

Краеведческая работа является составляющей учебно-воспитательного процесса в вузе. На базе исторического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова на протяжении 10 лет работают клубы, которые занимаются гражданско-патриотическим воспитанием: краеведческую и поисковую деятельность ведет клуб «Краевед»; экскурсионно-туристическую, направленную на воспитание потребности в изучении истории родного края, отечественной и мировой культуры, разработку новых туристических маршрутов – клуб «Наследие»; привитием общечеловеческих ценностей и потребности в нравственном самоусовершенствовании – волонтерский клуб «Истоки милосердия». Содержание работы клуба «Краевед» включает историко-краеведческие исследования, туристско-экскурсионные, популяризаторские. Основными видами деятельности участников клуба являются научно-исследовательская работа студентов в области краеведения; выступления с докладами на заседаниях клуба и научных конференциях и семинарах; публикации итогов иссле-

дований в научных сборниках; участие в мероприятиях в области охраны историко-культурного наследия; организация экскурсий и походов по историческим местам Витебщины и Беларуси; проведение встреч с ведущими краеведами и исследователями; популяризация историко-культурного наследия Витебщины в СМИ.

В год 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне студенты клуба «Краевед» совместно с Витебским областным музеем имени Героя Советского Союза М.Ф. Шмырёва приняли участие в реализации социального проекта «Мы не забудем ваши имена», сущность которого заключалась в поисковой работе. Работа по составлению данных о воинах, погибших на территории Витебской области, ведется клубом с сентября 2013 г. За период с 2013 по сентябрь 2014 г. студенты исторического факультета отработали более 5 тыс. фамилий погибших воинов по городу Витебску и Витебской области. Члены клубов «Краевед», «Наследие» и «Истоки милосердия» приняли участие в международном проекте «Социальное партнерство в интересах бывших узников – пострадавших от национал-фашизма», целью которого было организовать работу с бывшими узниками фашизма по решению проблем одиночества путем расширения круга общения с молодежью и налаживание диалога между поколениями; привлечь внимание к социальному положению пожилых людей; создать электронный сборник воспоминаний жертв национал-фашизма. Результатом этого проекта стал электронный сборник воспоминаний узников, который содержит 60 статей, собранных студентами исторического факультета.

Клуб «Краевед» принимает участие в подготовке и проведении совместных мероприятий с Витебским областным музеем Героя Советского Союза М.Ф. Шмырёва. Члены клуба проводят историко-познавательную игру для студентов и школьников «Страницы военной истории», а также принимают участие в музейных акциях «Ночь в музее», «Партизанская елка», «Партизанская свадьба», «Партизанский костер».

Работа клуба «Наследие» осуществляется в трех направлениях: «Культура и искусство» – дает возможность познавать культурные традиции нашей республики и мировые тенденции; «Театральная гостиная» – помогает ориентироваться в культурной жизни города, синтезирует различные формы профессиональных знаний и интеллектуального отдыха; «Витебщина туристическая» – занимается созданием мультимедийных проектов, популяризирующих памятники историко-культурного наследия нашей области.

Целями и задачами клуба являются воспитание и развитие всесторонне-развитой личности студента, его приобщение к мировой и национальной культуре; создание в рамках получения гуманитарных знаний возможности для проявления практико-творческих способностей; общение с деятелями культуры нашего региона; повышение уровня собственных профессиональных знаний.

Деятельность клуба включает посещение культурно-познавательных мероприятий города Витебска и области; участие в культурно-общественной жизни университета и города; создание туристических, культурно-просветительских проектов (видео-ролики, презентации, стенгазеты); участие в научно-исследовательской деятельности (конференции, публикации, конкурсы); организация встреч с творческими личностями города и области; популяризация культурно-искусствоведческих знаний; осуществление экскурсионно-познавательных поездок по достопримечательностям Беларуси и за ее пределами.

Студенческий клуб «Контраверза» является дискуссионным клубом, в котором обсуждаются проблемы глобализирующегося мира и самоопределения нации; исторической памяти и интерпретации исторического прошлого; роли вуза в гражданско-патриотическом и нравственном становлении студентов; проблемы смысла жизни в философии.

Исследования авторов, занимающихся разработкой критериев готовности студентов к патриотическому воспитанию средствами краеведения [4] позволяет констатировать, что участники клубов «Краевед» и «Наследие» имеют эвристический уровень готовности, характеризующийся развитым чувством патриотизма, осознанием необходимости осуществления патриотического воспитания в будущей профессиональной деятельности подрастающего поколения, предполагают личную ответственность за развитие подрастающего поколения и будущее страны. Студенты с эвристическим уровнем готовности положительно относятся к педагогической деятельности по патриотическому воспитанию своих будущих учеников и мотивированы привлекать краеведение для будущей работы в школе. Система знаний о родном крае является достаточно полной и глубокой, охватывает разные разделы краеведения, что позволит в будущей профессиональной деятельности успешно осуществлять патриотическое воспитание учащихся средствами краеведческой работы. Развитая в процессе клубной деятельности гражданская позиция позволит осуществлять защиту собственных интересов и интересов государства, придавать поведению патриотическую направленность, участвовать в общественно-значимых мероприятиях, патриотических акциях. Стремление к самообразованию и саморазвитию у данных студентов позволяет более тщательно осуществлять подбор краеведческого материала, имеющего патриотическое содержание, продумывать способы его применения в воспитании будущих граждан, самостоятельно готовить и проводить воспитательные мероприятия [4].

Результатом участия студентов в работе клубов является формирование национального самосознания; уважение к родному языку, культуре и истории Беларуси; готовность к участию в созидательной деятельности на благо своей родины; расширение социально-культурного кругозора, особенно в понимании глобальных исторических и интеграционных процессов нашего

общества; проявление активности и инициативы в учебной и общественной деятельности, что позволило повысить качество успеваемости по истории и сформировать устойчивый интерес к гражданско-патриотической деятельности; осознание смысла того, что значит быть гражданином, иметь гражданскую позицию.

Опыт работы клубов «Краевед» и «Наследие» еще раз подтвердил потенциальные возможности туристско-краеведческой деятельности для всестороннего гармоничного развития студентов и их гражданско-патриотического становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Деев, А. Л.** Краеведение как средство формирования гражданственности школьников / А. Л. Деев // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 4. – С. 35.

2. **Программа** непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2016–2020 гг. : постановление Министерства образования Республики Беларусь, 22 февр. 2016 г., № 9 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. **Состояние**, проблемы и перспективы детско-юношеского и социального туризма : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Роль и задачи массового туристско-краеведческого движения в воспитании и оздоровлении населения», 1 дек. 2013 г. / сост. И. А. Дрогов, Ю. С. Константинов, Д. В. Смирнов. – Москва : МосгорСЮТур, 2013. – 306 с.

4. **Шабалина, О. Л.** Формирование готовности выпускников педагогических специальностей к патриотическому воспитанию учащихся средствами краеведения / О. Л. Шабалина, А. В. Рыбаков // Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. – 2014. – № 1. – Режим доступа: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12172. – Дата доступа: 15.10.2016.

Нікіціна Л.К. *(в. Заронава, Віцебскі раён)*

ШКОЛЬНАЯ АДУКАЦЫЯ Ў ЗАРОНАЎСКІМ КРАІ Ў XIX – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XX ст.

Заронава – вёска, якая знаходзіцца на старой полацкай дарозе ў 16 км ад Віцебска. Першая згадка ў летапісных дакументах датуецца 1533 г. Падзеі, людзі праславілі наша мястэчка. Сёння варта згадаць школьнае жыццё. Кожная школа, як і чалавек, мае сваю гісторыю, сваю біяграфію. І чым больш ёй гадоў, тым яна багацейшая. У в. Заронава ў 1865 г. працавала валасное народнае вучылішча сялян-уласнікаў, у якім навучэнцамі былі 12 хлопчыкаў і вучыў іх настаўнік-мужчына.

У 1862 г. быў выдадзены царскі ўказ аб адкрыцці пачатковых школ – народных вучылішчаў у заходніх губернях Расіі. У «Памятнай кніжцы Віцебскай губерні» за 1900 г. напісана: «Народнае вучылішча ў в. Заронава Жарабычскай воласці было адкрыта ў 1867 годзе. Настаўнік – Дзмітрый Максімавіч Вішнеўскі, святар – Мікалай Міхайлавіч Папоў». У 1889 г. у гэтым жа вучылішчы працаваў Аляксандр Мікалаевіч Івашнёў, які скончыў Полацкую настаўніцкую семінарыю, меў жалаванне 150 руб. Вучылася ў яго 37 хлопчыкаў. Яшчэ цікавая інфармацыя, датаваная 1887 г., – на ўтрыманне настаўніка з дзяржаўнай казны траціласся 75 руб., а 462 рублі выдаткоўвала грамадства, значыць, бацькі. Вучылася на гэты час 40 хлопчыкаў і 2 дзяўчынкі.

У «Полацкіх епархіяльных ведамасцях» за 15.02.1896 г. знаходзім: «У Заронаве адкрыта царкоўна-прыходская школа ў 1893 годзе». Архіўныя дакументы па Жарабычскай воласці за 1927 г. інфармуюць: «Заронаўская беларуская школа адкрыта ў 1894 годзе. Наша Заронава было цэнтрам «уездного благочиния». Царква святога Ануфрыя аб'ядноўвала 11 прыходаў Жарабычскай воласці.

З прыходам савецкай улады царкоўна-прыходская школа была зачынена, на змену прыйшлі школы I і II ступеняў. Што адметна: у Заронаве адукацыя не перапынялася. І зразумела, што школа трапіла пад уладу сельсаветаў. Мы знайшлі ў архіве, што пры Заронаўскім сельсавеце былі наступныя школы: Заронаўская, Клюеўская, Міхалеўская, Варашыльская, Іванаўская, Мядзелінская, Касцюкоўская. У 1926 г. яны праводзілі выпускны калёквіум. Архіўны дакумент за 1920 г. інфармуе, што загадчык Жарабычскага аддзела народнай адукацыі Бутроў Фёдар Іванавіч назначыў Дарагую Лідзію Аляксандраўну работніцай Заронаўскай школы I і II ступеняў. Цвяткову Анастасію Лаўраўну і Палтарацкага Івана таксама, а вось Высоцкую Аляксандру і Беліза Ганну перавёў у Язвінскую і Княжыцкую школы. У гэтым жа фондзе за 1920/21 навучальны год чытаем: «Заронаўская школа I ступені: Воранаў Раман Ф. – старшыня савета, Дарагая Лідзія – бібліятэкар савета, Воранава Надзея – сакратар савета, Высоцкая Аляксандра – школьны работнік, Беліза Ганна М. – таварыш старшыні савета, Воранава Ганна – школьная служачая, Лахноў Рыгор. Заронаўская школа II ступені: Папова Марфа – школьны работнік. У 1926 годзе, 28 лютага, быў назначаны загадчыкам Заронаўскай школы Цвяткоў Паўла, 1889 года нараджэння, у 1904 годзе закончыў педтэхнікум». Павел Іванавіч разам з жонкай Анастасіяй Лаўраўнай да 1930 г. працавалі ў нас. Як успамінае іх сын Міхаіл, маці атрымлівала зарплату ад мясцовага землеўладальніка Забэлы дзесяцірублёвымі залатоўкамі.

Пра 20-я гг. XX ст. зацікавіла наступная інфармацыя: «1920 год. Ва ўсіх школах створаны сельскагаспадарчыя аб'яднанні. Віцебская Усельгаскамісія размеркавала семена маркоўкі і капусты. На кожную школу 1 і 2 ступеняў па

аднаму залатніку сямян (1 залатнік – 4,26 г.). За Жарабычскае валаб'яднанне пад распіску семена атрымаў школьны работнік Воранаў. 23.08.1920 года. Валасны аддзел народнай адукацыі паведамляе, што для школ воласці неабходна пакінуць для паказальных і навуковых мэт уліковыя сады: Заронаўскі для Заронаўскай школы 2 ступені. Загадчык аддзела Бутроў Ф. Са справаздачы Вітупалітпрасвета з 15.09. па 01.10.1921 года. Заронаўскі нардом перададзены школьнаму савету Заронаўскай школы».

Легендай Заронаўскай школы з'яўляецца Дарагая Лідзія Аляксандраўна. Нарадзілася яна ў 1876 г. Пасля заканчэння Марыінскай гімназіі (1896) прыехала працаваць у Заронава. Па дакументах відаць, што працавала яна ў школе I і II ступеняў. Сям'і сваёй у яе не было, і ўвесь вольны час яна аддавала дзецям. З імі пасадзіла сад (які, дарэчы, вымерз зімой 1940 г.), праводзіла розныя мерапрыемствы. Іграла на многіх музычных інструментах. Высокаэрудыраваная асоба, патрыёт, яе і сёння помняць заронаўцы. Помняць пра яе метады работы, пра яе строгасць і патрабавальнасць. Помняць і пра такі цікавы факт. З Дарагой Лідзіяй Александраўнай апошні час жыў нейкі дзядок (магчыма, радня). Ён змайстраваў свой барометр. У франтоне хаты адчыняліся дзверцы, і адтуль выязджаў манах. Калі надвор'е было добрае – скідаў клаабук з галавы, а калі непагадзь – накідваў на галаву і хаваўся за дзвярыма. Нам стала вядома, што ў 1936 годзе ў раёне святкавалі 60-годдзе з дня яе нараджэння і 40-годдзе педагагічнай дзейнасці. Аб гэтым пісала абласная газета «Віцебскі пралетарый».

Працавала школа і ў акупацыю. Вось што нам расказаў Алейнікаў Савелій Пятровіч, былы вучань Лідзіі Аляксандраўны: «Заўсёды на ўроку на апошняй парце сядзеў паліцай. Але настаўніца не баялася яго. Мы ёй расказвалі розныя вершы. Адзін я помню і сёння. Называецца ён "Пагранічнік". Немцы прапанавалі Лідзіі Аляксандраўне супрацоўнічаць (яна добра валодала нямецкай мовай), але настаўніца адмовілася». Загінула ў лагеры смерці «5-ы полк». Праўда, аб яе гібелі ў нас недакладная інфармацыя. Тут нам яшчэ трэба папрацаваць, каб знайсці хоць які дакумент.

Падчас працы па тэме мы сустрэліся з Івановай Пашай Максімаўнай, якая працавала да вайны піянерважатай, настаўнікам. Яна нам распавядала пра цікавае жыццё школы. Пра мастацкую самадзейнасць, спартыўныя спаборніцтвы. Сярод школьных актывістаў Паша Максімаўна назвала Кузьміна Мікалая. Як высветлілі мы пазней: Кузьмін Мікалай Назаравіч родам з вёскі Машкіна, удзельнік Вялікай Айчыннай вайны. Пасля вайны працаваў выкладчыкам фізкультуры ў Віцебскім медінстытуце. Сям'я Кузьміных увайшла ў гісторыю нашай мясцовасці тым, што выратавала яўрэйскага хлопчыка Лёву Верабейчыка ў гады акупацыі.

Цікавыя матэрыялы знойдзены і пра Заронаўскі дзіцячы дом імя 1 Мая. У 30-я гг. дырэктарам быў Руднік Рувім Маісеевіч, яго расстралялі немцы. У дзіцячым доме былі дашкольнікі, толькі перад вайной стаў 1 клас. У

1936 г. выхавальніцай была назначана Кацярына Рыгораўна Мяжэвіч. Калі пачалася вайна, яе назначылі дырэктарам, і дзіцячы дом, пераіменаваны ў Навікоўскі, паехаў у Тамбоўскую вобласць. На руках 23-гадовай дзяўчыны быў 151 выхаванец. Пісьмы былых дзетдомаўцаў, якія ёсць у музеі, кранаюць сваёй шчырасцю, дзіцячай удзячнасцю. Удалося знайсці былую дзетдомаўку Олю Манько (Вольга Уладзіміраўна), якая жыла ў Санкт-Пецярбурзе. Вольга Уладзіміраўна выхоўвалася ў Заронаве з 1934 г. Помніць многіх дзетдомаўцаў. Вось яны: Коля Маеўскі, Каця Харына, Хана Гофман, Оля Крыцкая, Валя Трабухіна, Ніна Салаўёва, Валя Мацюшкава, Надзя Давыдзенка, Паліна Крэйніна. Успомніла і тых, хто працаваў. Гэта Левіт Міхаіл, жонка яго Соня, Асташэвіч Вацлаў Антонавіч, яго жонка Раіса Васільеўна, Гарэлік Рыва Маісееўна, Быкаў Рыгор Карпавіч і яго жонка Вольга Міканораўна, Бабічава Лідзія Рыгораўна, Нюра Пясоцкая

У гады вайны былыя вучні і настаўнікі арганізавалі сваю падпольную групу. Настаўнік Шпакаў Ісідор Ільіч да вайны сядзеў у турме, і немцы прапанавалі яму супрацоўнічаць. Гэта выкарысталі і падпольшчыкі, яны ўгаварылі Ісідора Ільіча стаць бургамістрам. Доўгі час удача спадарожнічала нашым патрыётам, але... Здраднік выдаў іх. Арлоўскую Ганну Авяр'янаўну, Бараноўскага Станіслава Карпавіча расстралялі ў Наваболецку Гарадоцкага раёна, Залескую Ніну Васільеўну – на Кабыляцкай гары ля Оршы. Шпакава Ісідора Ільіча расстралялі ў Багушэўску. Таксама нашы выпускнікі змагаліся на фронце і ў партызанскіх атрадах.

Наша школа перарывала заняткі толькі з канца 1943 па чэрвень 1944 г. Калі стаў фронт у нашай мясцовасці, то насельніцтва пайшло ў эвакуацыю. Дамоў вярнуліся летам 1944 г. А ўжо першага верасня пачала працаваць у Заронаве школа. Было ўсяго 4 класы, навучанне вялося ў зямлянцы. Вось як апавядае пра свой першы клас Аліна Васільеўна Бастава: «Мама з плашч-палаткі пашыла сумку, а сшытак збрашуравала з плотнага кардону, які знайшла ў скрынях з-пад снарадаў. За прададзенае малако (бабуліна карова ўцалела) купілі некалькі алоўкаў, адзенне сшылі з ласкуткоў гімнасцёрак і шынялёў, што знайшлі ў акопах і траншэях. У штабной зямлянцы, якая знаходзілася непадалёку ад Заронаўскага возера, размясцілася школа. Сцены былі абкладзены альховымі жэрдкамі, справа пад столлю было два акны ў рамах. На супрацьлеглым баку вісела доўгая чорная дошка. Каб убачыць, што напісана на ёй, трэба было галаву павярнуць на 90 градусаў. Недзе з паўметра ад дошкі стаялі сталы ў дзве шырокія дошкі. Сталоў было чатыры, на кожны клас. Усё памяшканне было падзелена на дзве няроўныя палавіны. У закуточку жыла настаўніца Ганна Аляксандраўна Марыноўская з сынам і дачкою. Цяпло ў зямлянцы даваў шчыток, які стаяў на мяжы двух пакояў. Асвятляла пакой лямпа, зробленая з гільзы снарада. Настаўніца зачаравала сваіх вучняў тым, што шмат ведала. Заняткі ішлі адначасова ва ўсіх чатырох класах. Буквар у першым класе быў адзін на 11 чалавек. Дамоў вучням

яго давалі па чарзе. Толькі не аднаму вучню, а ўсёй вёсцы: адзін дзень – сімонаўскім вучням, другі дзень – тапорынскім, трэці – заронаўскім». Як успамінае Аліна Бастава, маці перапісвала старонкі буквара на плотную жоўтую паперу чарніламі з чырвоных буракоў.

Вясной у Заронаве пабудавалі першы дом, дзе размясціўся сельсавет. Там жа выдзелілі куток для бібліятэкі. І хоць яшчэ ішла вайна, а калгас ужо працаваў, вёска будавалася. (Яшчэ ў 1948 г. людзі жылі ў зямлянках – марудна ішло будаўніцтва). Цікава было пачуць, што вучні пасля алоўка перайшлі на пісьмо ручкамі з пяром. Да палачкі прыкручвалі пяро ніткай. А вось чарніла з чаго толькі не гатавалі! З чырвоных буракоў. Але яны хутка гусцелі. Спрабавалі з сажы, але вучні пасля пісання ператвараліся ў трубачыстаў. Нарэшце, удалося купіць парашок на базары, і такім чынам сталі пісаць фіялетавымі чарніламі. Уразіла яшчэ, як дзеці харчаваліся. Хлеба не было. Мамы сваім дзецям клалі ў сумкі моркву, кавалак бруквы, вараны боб. Трэба помніць і пра тое, што пасля школы ўсе вучні працавалі разам з дарослымі на сваіх агародах, займаліся будаўніцтвам. У Заронаве яшчэ і сёння стаіць хата, пабудаваная чатырнаццацігадовым Святазарам Сіўцовым у 1947 г. Бацька памёр, брат Марк падарваўся на міне. Вымушаны быў школьнік сам займацца будаўніцтвам. А ён не адзін такі быў. Працуючы з краязнаўчым матэрыялам раённай газеты «Калгасная трыбуна» за 17.08.1950 г., прачытала: «Актыўную дапамогу ў рабоце калгасу імя Жданава Заронаўскага сельсавета аказваюць вучні Заронаўскай сямігадовай школы. Вучань 5 класа Янкоў Мікалай, працуючы на звозцы снапоў, штодзённа выконвае па паўтары нормы. Многія вучні добрасумленна працуюць на падграбанні каласоў і на іншых работах». Значыць, нашы вучні актыўна дапамагалі на палях калгасаў. Яшчэ адзін кірунак майго даследавання – кіраўнікі нашай школы. Мы знайшлі ў дакументах інфармацыю пра наступных дырэктараў.

1. Скітовіч Нічыпар Маркавіч – 1900 года нараджэння, у 1918 г. скончыў настаўніцкую семінарыю;
2. Цвяткова Анастасія Лаўраўна;
3. Цвяткоў Павел Іванавіч – з 1926 па 1930 г.;
4. Пляшкоў Лаўрэнцій Сцяпанавіч;
5. Каралёў Аляксей Пятровіч;
6. Гарбулька Кузьма Прохаравіч;
7. Шапавалаў;
8. Прыстромаў Гаўрыіл Яфімавіч;
9. Гайдукоў Іван Раманавіч;
10. Быкаў Рыгор Карпавіч;
11. Золатаў Дзмітрый Парфенавіч;
12. Марыноўская Ганна Аляксандраўна – да 1948 г.;
13. Фішман Мікалай Захаравіч – да 1952 г.;
14. Машэра Пётр Дзмітрыевіч;

15. Алепкін Васіль Іванавіч (пару месяцаў);

16. Балашоў Васіль Іванавіч.

Да 1956 года дырэктары мяняліся вельмі часта, а з 1956 г. кіраваць школай стаў Гушчанка Аляксандр Якімавіч (1956–1993).

Як вышэй гаварылася, школьны будынак таксама часта мяняўся: то асобны будынак, то зямлянка, то наёмнае памяшканне. І толькі ў 1960 г. пабудаваны быў тыповы школьны будынак, у якім школа працавала да свайго закрыцця ў 2010 г.

ЛІТАРАТУРА

1. **Памяць** : Віцебскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. У. І. Мезенцаў ; мастак Э. Э. Жакевіч. – Мінск, 2004. – С. 187–189, 209, 359, 439–447.

2. **Адкрыты** ўрок / уклад. А. Шульман, В. Разанава // Віцебск. – 2015. – С. 16–51.

3. **Адукацыя** на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., г. Віцебск, 30–31 сак. 2010 г. / рэдкал.: В. У. Акуневіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2010. – 255 с.

4. **Гушчанка, А.** З гісторыі Заронаўскай школы / А. Гушчанка. – Наваполацк : Выдавец А. У. Маладзечкін, 2015.

5. **Нікіціна, Л. К.** Мой любы край, маё Заронава / Л. К. Нікіціна. – Наваполацк : Выдавец А. У. Маладзечкін, 2016. – 152 с. – (Краязнаўцы Віцебшчыны аб любімым краі ; вып. 5).

6. **Фонды** музея «Гісторыя Заронаўскага краю».

Огородников А.А. *(г. Новополоцк)*

МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В 1917–1941 гг. (НА ПРИМЕРЕ ПОЛОЦКА)

Октябрьская революция 1917 г. предопределила не только коренное изменение социально-экономических основ жизни, но также и радикальное преобразование культурных и ментальных ценностей граждан бывшей Российской империи.

Частью политики большевиков по кардинальному переустройству повседневности являлось строительство «социалистического города», формирование новой городской среды. В связи с этим встал вопрос о политике в отношении памятников истории и культуры, являющихся неотъемлемой частью городского пространства. На протяжении 1920-х гг. политическая линия партии в этом вопросе была выработана, а вытекающие из нее мероприятия были реализованы на практике позже.

Политика большевиков в период 1917–1941 гг. в отношении памятников истории и культуры, составлявших часть городской среды, строилась по следующему принципу: если культурный объект признавался идеологически чуждым и неприемлемым, он десакрализовался, а затем использовался в утилитарных целях или же вообще разрушался.

Так, одним из наиболее примечательных мемориальных свидетельств царской эпохи в Полоцке, по мнению большевиков, был памятник героям Отечественной войны 1812 г., установленный в 1850 г. перед Свято-Николаевским собором.

Монумент был определен советской властью как «буржуазный пережиток», и в 1932 г. памятник был снесен якобы «на металл для нужд первой пятилетки». Его снос стал технически трудной задачей. Первая попытка была осуществлена с использованием тракторов, однако она не увенчалась успехом – пришлось прибегнуть к помощи автогенщиков и резать памятник на части, а затем разбирать фундамент [9].

Затраты на снос и вывоз материалов, оставшихся после демонтажа монумента, превзошли полученную прибыль от переплавки цветных металлов. Акция по сносу памятника героям Отечественной войны 1812 г. не сыграла какой-либо значительной роли в выполнении планов первой пятилетки и имела сугубо идеологический, а не экономический характер.

На всем протяжении довоенных лет большевики вели борьбу с «религиозным дурманом». Важным элементом этой борьбы в Полоцке была десакрализация религиозных ценностей и культовых зданий.

Так, 13 мая 1922 г. состоялось вскрытие мощей преподобной Евфросинии Полоцкой. При этом «атеисты прилюдно на улицах города разбрасывали бинты и кости мумии, не заботясь о том, что тем самым глубоко оскорбляют чувства верующих» [6, с. 288]. После вскрытия «останки Евфросинии были сданы в Витебский губернский краеведческий музей» [9].

23 июня 1922 г. в Полоцке состоялось раскрытие мощей святого Андрея Баболи [10, с. 62]. Его останки «были отправлены в Москву в музей здравоохранения. По некоторым источникам известно, что они попали в Рим, в обмен на политзаключенных» [9].

Весной 1922 г. органы Государственного политического управления (ГПУ) провели в Полоцке операцию «Боевик» по изъятию церковных ценностей с официальным объяснением, что все изъятое будет обращено на помощь голодающим Поволжья. В телеграмме Витебского губотдела ГПУ полоцким властям устанавливалось, что эта операция «имеет политическое значение и должна проводиться железной рукой... Придается большое значение всяким репрессивным мерам, которые должны сломить злую волю духовенства» [3].

В акте об изъятии церковных ценностей из Спасо-Евфросиниевского монастыря от 10 мая 1922 г. отмечалось, что всего было изъято «весом чистого серебра: восемь пудов, двадцать девять фунтов» [4].

Из Свято-Николаевского собора было изъято более 30 фунтов серебра, из Софийского собора – почти 13 фунтов серебра, из костела – более 21 фунта серебра, из Свято-Богоявленского собора – почти 30 фунтов серебра. Всего из семи полоцких храмов было изъято 12 пудов серебра и 1 золотник [10, с. 61].

В рамках борьбы с религией полоцкие власти проводили кампанию закрытия культовых зданий и приспособления их к утилитарным нуждам советской власти. К 1925 г. в Полоцке были закрыты Спасский и Борисоглебский монастыри, Софийский и Свято-Николаевский соборы, католический костел и ряд синагог, кирха, все домовые церкви.

В Софийском соборе в 1926 г. был открыт краеведческий музей, который с 1937 г. был переведен в здание бывшей лютеранской кирхи, впоследствии собор использовался «под засыпку зерна» [9].

В 1936 г. в закрытом Свято-Николаевском соборе были разобраны два верхних яруса обеих колоколен храма, при этом были уничтожены уникальные часы работы виленского мастера Густава Мудни [7, с. 42]. Подвалы собора стали использоваться под овощехранилище, а сам собор под склад [9].

На 1937 г. было запланировано выделить 100 тыс. рублей на переоборудование Свято-Николаевского собора под физкультурный клуб [5].

В начале 1930-х гг. городские власти организовали «обезглавление» полоцких соборов. Самым крупным колоколом, снятым с храмов, был колокол Свято-Николаевского собора, весивший около 15 тонн. Он был снят и отправлен на переплавку в «фонд первой пятилетки» [9].

Закрытие культовых зданий сопровождалось их полной десакрализацией. Так, в мае 1925 г. власти дали разрешение Полоцкому районному кредитному товариществу «открыть столовую-пивную для продажи пива в помещении, расположенном… в Спасском монастыре» [2].

Для максимального использования памятников историко-культурного наследия в утилитарных целях городские власти проводили в 1920-х гг. работу по их инвентаризации.

В июле 1920 г. была организована Полоцкая уездная комиссия по охране памятников древности и искусства [8, с. 359]. Она провела большую работу по обследованию состояния и описанию Софийского и Свято-Николаевского соборов, Спасо-Евфросиниевской церкви, ряда других культовых зданий.

К тому времени многие памятники истории и культуры в Полоцке находились в удручающем состоянии. Так, обследование Борисоглебского монастыря летом 1925 г. привело к следующим выводам: «от всего здания осталось только часть стен… принятие мер к сохранению от дальнейшего разрушения излишни, так как ничего не осталось» [1].

В результате в 1932 г. Полоцкий горсовет принял «решение о сносе церквей Борисоглебского монастыря, якобы на кирпич. Была снесена церковь XII века Параскевы Пятницы и Бориса и Глеба… Кирпича горсовет не добыл, но древнейшие памятники были ликвидированы» [9].

Также целям создания новой городской среды служила реализация в Полоцке программы монументальной пропаганды. В рамках ее осуществления 18 ноября 1935 г. в городе на площади Свободы состоялось торжественное открытие памятника В.И. Ленину [11, с. 63].

Композиционно к памятнику примыкали скульптурные фигуры красноармейца и матроса. Фигура В.И. Ленина находилась «на высоком постаменте и внизу постамента была сделана трибуна для ораторов и принимающих парад» [9].

Таким образом, на протяжении 1917–1941 гг. советская власть в Полоцке последовательно проводила политику по формированию новой, социалистической городской среды. В рамках ее реализации часть памятников историко-культурного наследия города подверглась разрушению, другая – десакрализована и стала использоваться в сугубо утилитарных, преимущественно хозяйственных целях, а также для реализации целей социалистической «культурной революции».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Зональный** государственный архив г. Полоцка (ЗГАП). – Фонд 104. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 4.

2. **ЗГАП.** – Фонд 104. – Оп. 1. – Д. 87а. – Л. 93.

3. **ЗГАП.** – Фонд 51. – Оп. 1. – Д. 108. – Л. 21 об.

4. **ЗГАП.** – Фонд 51. – Оп. 1. – Д. 108. – Л. 54.

5. **ЗГАП.** – Фонд 104. – Оп. 1. – Д. 177. – Л. 85.

6. **Иванова, Т. П.** Регламентация деятельности религиозных общин на Полотчине в первые годы Советской власти / Т. П. Иванова // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., (г. Полацк, 22–23 мая 2012 г.) / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 287–295.

7. **Иезуиты** в Полоцке: 1580–1820 гг. : в 2 ч. / сост.: Л. Ф. Данько, А. И. Судник. – Полоцк : А. И. Судник, 2005. – Ч. 2. – 48 с.

8. **Маніс, М. А.** Аднаўленне і развіццё народнай гаспадаркі / М. А. Маніс, С. С. Чарняўская // Памяць : гісторыка-дакументальная хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 358–362.

9. **ПИАЗ.** – Фонд КП. – Оп. 5–2774.

10. **Сяргеенка, Н. А.** Аперацыя «Баевік» : мерапрыемствы савецкай улады па канфіскацыі царкоўных каштоўнасцей і ліквідацыі мошчаў святых на Полаччыне напачатку 1920-х гг. / Н. А. Сяргеенка // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы ў 2003 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк, 2004. – С. 58–63.

11. **Шамов, В. П.** Полоцк – город древний : историко-экономический очерк / В. П. Шамов. – Минск : Полымя, 1987. – 107 с.

Петренко А.В. *(г. Витебск)*

ИЗМЕНЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ АРМИЙ ЗАПАДНОГО ФРОНТА В 1915–1917 гг. НА ПРИМЕРЕ 10-й АРМИИ

Изучение структуры управления армий Западного фронта позволяет дать оценку возможностям оперативного и стратегического управления фронтом, отдельными армиями и корпусами при планировании боевых операций.

В историографии вопросы структуры штабного фронтового управления не получили системного исследования. Анализ военно-стратегических предпосылок формирования армий Западного фронта содержится в «Стратегическом очерке войны 1914–1918 гг. Часть IV», подготовленном А.В. Незнамовым в 1922 г. [5], и в работе А.М. Зайончковского «Мировая война 1914–1918» [1]. Исследование С.Н. Красильникова «Организация крупных общевойсковых соединений» характеризует процессы организации управления фронтовыми соединениями, отдельными армиями и корпусами [4].

К числу источников, использованных в работе, следует отнести мемуарную литературу, созданную командующими армий и фронтами Первой мировой войны: А.И. Деникина [2], А.А. Брусилова [3] и описи фондов Российского государственного военно-исторического архива.

Полевые управления армий Западного фронта формировались при штабах военного округа в июле 1914 г. В частности, полевое управление 10-й армии было сформировано при штабе Виленского военного округа [2, с. 116].

Структура армейского полевого управления формировалась в строгом соответствии с «Положением о полевом управлении войск в военное время». На примере формирования штабной структуры руководства 10-й армией можно рассмотреть типичный состав армейского полевого управления.

Штаб 10-й армии составили отделы генерал-квартирмейстера, дежурного генерала и этапно-хозяйственный отдел. В состав штаба вошли управления полевого контролера и полевого казначейства, находившиеся в непосредственном подчинении начальника штаба 10-й армии Западного фронта [4, с. 77].

Отдел генерал-квартирмейстера составили:

– оперативное отделение (с основными функциями сбора сведений о боевых действиях для штаба армии и фронта, формирования управленческих связей между главнокомандующим фронтом и штабом армии, штабами отдельных корпусов);

– общее отделение (основной задачей отделения стало решение административно-хозяйственных вопросов комплектования, расквартировки и перевозки личного состава 10-й армии);

– разведывательное отделение (занималось сбором и анализом сведений, поступавших от штабов дивизий и корпусов);

– военно-политическое отделение (к непосредственным задачам которого было отнесено создание боевой агитационной группы и ведение судебной практики полковых судов);

– военно-цензурное и особое отделение (занималось сбором сведений о деятельности в районе расположения армии общественно-политических организаций, контролировало переписку и сообщения в местной печати о действиях армии) [6].

Таким образом, деятельность отдела генерал-квартирмейстера армии была логичным продолжением деятельности управления генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта, выстраивая строгую соподчиненную систему управления [1, с. 214].

Отдел дежурного генерала при штабе 10-й армии состоял из инспекторского, общего и наградного отделений. Задачами инспекторского отделения были сбор и анализ сведений об укомплектовании корпусов и дивизий, состоянии пополнений и запасных частей. Функции общего отдела заключались в обработке данных о количестве пленных и потерь противника, описи трофейного имущества. [8].

Важнейшую роль в материально-техническом обеспечении частей 10-й армии выполнял этапно-хозяйственный отдел. В его состав входили канцелярия, этапно-транспортная, артиллерийская, инженерная, интендантская и ветеринарная части. Следует отметить, что этапно-хозяйственный отдел штаба армии выполнял локальные задачи хозяйственного отдела штаба Западного фронта, являясь его структурно-подотчетной единицей.

На основе изучения структуры управления 1-м Сибирским армейским корпусом, входившим в состав 10-й армии, можно проследить вертикаль штабного управления Западным фронтом российской армии. В состав полевого управления 1-м Сибирским армейским корпусом входили штаб, управление инспектора артиллерии корпуса, управление корпусного интенданта, управление корпусного контролера. Непосредственными задачами штаба корпуса стали сбор донесений штабов подчиненных частей, оперативная переписка со штабами армий и фронтов, сбор и анализ боевых сводок, анализ сводок сведений о противнике, предоставляемых Главным управлением Генерального штаба. Основные задачи оперативной коммуникации были возложены на управление корпусного контролера, непосредственно связанное с управлением корпусного контролера войск Западного фронта [7]. Штаб корпуса являлся локальной частью штабной структуры фронта, создавая условия для оперативного и стратегического управления, включенного в состав общего полевого управления фронтом.

Штабы армий создавались на основе штабов военных округов Российской империи. Исследование задач управлений штабов фронта, армий и

корпусов позволяет сделать вывод о выстраивании четкой вертикали штабного управления фронтом в соответствии с российским военным законодательством. Хозяйственные, оперативно-управленческие, разведывательные функции выполнялись полевыми управления корпуса, армии, фронта, позволяя расширять стратегическое представление командования о театре боевых действий, решать задачи комплектования боевых и тыловых частей, организации материально-технического обеспечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Брусилов, А. А.** Мои воспоминания / А. А. Брусилов. – Москва : Воениздат, 1983. – 256 с.

2. **Деникин, А. И.** Путь русского офицера / А. И. Деникин. – Москва : Вече, 2016. – 320 с.

3. **Зайончковский, А. М.** Мировая война 1914–1918 гг. / А. М. Зайончковский. – Москва : Воениздат, 1939. – 382 с.

4. **Красильников, С. Н.** Организация крупных общевойсковых соединений / С. Н. Красильников. – Москва : Воениздат, 1933. – 87 с.

5. **Незнамов, А. В.** Стратегический очерк войны / А. В. Незнамов. – Москва : Воениздат, 1922. – Ч. IV. – 133 с.

6. **Российский** государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Фонд 2048. Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта. – Оп. 1.

7. **РГВИА.** – Фонд 2048. Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта. – Оп. 2.

8. **РГВИА.** – Фонд 2057. Управление главного полевого контролера войск Западного фронта. – Оп. 1.

Пятрэнка Н.А. *(г. Віцебск)*

СЕМ УЗГОРКАЎ ВІЦЕБСКА

Вывучэнне гістарычнага рельефу Віцебска стварае ўмовы для больш дасканалага асэнсавання гістарычнага мінулага і развіцця краязнаўчага кругагляду. Прадметам даследавання вылучана гісторыя ўзгоркаў і ўзвышшаў горада. Асноўнай задачай з'явілася вызначэнне іх месцазнаходжання і рэтраспектыўны аналіз гістарычнага лёсу.

Замкавая гара (Ламіха, Ваксал-гара) – натуральнае ўзвышша ў цэнтры Віцебска, якое існавала ў сваім першапачатковым выглядзе да канца XIX ст. на тэрыторыі паміж сучаснымі вуліцамі Леніна, Замкавай, Пушкіна і ракой Віцьбай.

Дадзеная мясцовасць з'яўляецца помнікам археалогіі і месцам, адкуль пачынаўся Віцебск. Па даных археалогіі спачатку на ўзгорку ўзнікла гара-

дзішча днепра-дзвінскай культуры, якая пазней змянілася на тушамлянскую (банцараўскую) культуру. Калі на гары з'явіліся крывічы, то па яе баках быў адбудаваны абарончы земляны вал. Менавіта тады ўзвышша і сталі называць Ламіхай. Акрамя гары Ламіхі побач існавала Дзвінскае ўзвышша, але ў пачатку XII ст. тут утварылася адзіная плошча [1].

У X ст. на аснове гарадзішча сфарміраваўся дзяцінец – ядро старажытнага Віцебска. Тут знаходзілася княжацкая рэзідэнцыя, і пазней замак стаў звацца Верхнім (Вышнім), а ўзвышша сталі называць Замкавай гарой. У XIV ст. князь Альгерд умацаваў замак каменнымі сценамі і вежамі. Віцебскія замкі былі аднымі з самых магутных у сваім рэгіёне, але з XVII ст. пачаўся перыяд бясконцых войнаў з маскоўскімі войскамі, і ўжо праз стагоддзе замкі канчаткова зніклі [3].

У першай палове XIX ст. на гары знаходзіўся так званы Ваксал (Вакзал) – летняя забаўляльная ўстанова, дзе праходзілі танцавальныя вечары. Замкавую гару тады сталі зваць Ваксал-гарой, але ўжо ў канцы стагоддзя ад Ваксала засталіся толькі ўспаміны [5].

У канцы 1870-х – пачатку 1880-х гг. вялікая частка гары была скапана пры ўзвядзенні будынкаў Аляксандраўскай гімназіі і акруговага суда, зараз на яго месцы знаходзіцца Мастацкі музей. Знакамітым месцам быў і гарадскі асабняк, пабудаваны ў 1910-я гг., сёння ў ім размешчаны Беларускі тэатр «Лялька».

Канчаткова рэшткі гары былі скапаны ў 1950–60-х гг., а яе назва стала паступова выходзіць з выкарыстання. Распазнаецца найменне жыхарамі толькі дзякуючы вуліцы, якую называюць Замкавай, а адзіны напамін славутай абарончай гісторыі – малюнак замкаў на ўзгорку ракі Віцьбы.

Духаўская гара (Свята-Духава гара) – узвышша ў цэнтральнай частцы Віцебска. З поўначы абмежавана ручаём Дунаем, з усходу Гапеевым ручаём. З захаду (ад вул. Леніна) на ўзвышша ідзе вул. Гогаля. Назву гара атрымала ад Свята-Духава жаночага манастыра, заснаванага тут у канцы XIV ст. княгіняй Іўліянай Аляксандраўнай, другой жонкай князя Альгерда, і Свята-Духаўскай царквы, пабудаванай Альгердам [6].

Да XX ст. тут існаваў манастырскі комплекс, у якім у розныя часы знаходзіліся турма, Полацкая жаночая епархіяльная вучэльня, губернскі статыстычны камітэт. Акрамя Свята-Духаўскай пры манастыры была таксама цёплая царква ў гонар Покрыва Прасвятой Багародзіцы. Падчас Першай сусветнай вайны ў будынку вучэльні знаходзіўся ваенны шпіталь, а ў 1930-я гг. – штаб Віцебскай авіябрыгады. З савецкіх часоў у будынку вучэльні размяшчаўся Віцебскі абласны выканаўчы камітэт [2]. Трэба адзначыць, што і на сённяшні дзень ён па-ранейшаму знаходзіцца на Духаўскай гары, там жа існуе і будынак Віцебскай абласной рады дэпутатаў, з якога ўзвышаецца над горадам гадзіннікавая вежа. Паўночны і ўсходні схілы гары пакрыты расліннасцю. Назва ўзвышша перастала выкарыстоўвацца ў

паўсядзённым жыцці, нягледзячы на наяўнасць насупраць гары выставачнай залы «Духаўскі круглік».

Кстоўская гара (Кстова) – гістарычны мікрараён і ўзвышша ў цэнтры Віцебска на левым беразе ракі Віцьбы, раён 1-й і 2-й вуліц Даватара, часткі парку імя Фрунзэ, канцэртнай залы «Віцебск». Шэраг версій звязвае назву з крыжам, бо да засялення на гары знаходзіўся курганны магільнік (валатоўкі). Пасля мясцовасць стала засяляцца і ўвайшла ў Задунаўскую слабаду. Тут знаходзілася Мікалаеўская (Завіцьбенская) царква і могілкі, а таксама капліца і царква Іаана Прадцечы (Пакроўская). Царква была разбурана ў XX ст., зараз на гэтым месцы знаходзіцца рэстаран «Сядзіба».

Адной са значных пабудоў на Кстоўскай гары, якія зберагліся да нашых дзён, быў будынак былога пазямельна-сялянскага банка, дзе зараз размяшчаецца галоўны корпус Віцебскай дзяржаўнай акадэміі ветэрынарнай медыцыны. Гару абмінае Парк культуры і адпачынку імя Фрунзэ, размешчаны на берагах ракі Віцьбы і ручая Дуная, займае плошчу 15 га. Парк быў закладзены ў сярэдзіне XIX ст. як архірэйскі сад, агульнадаступным ён стаў толькі пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі. Адносна новай пабудовай з'яўляецца канцэртная зала «Віцебск», якая размясцілася ў 1988 г. на высокім беразе ракі Віцьбы [2].

Кстоўская гара, хоць і называецца сталымі мясцовымі жыхарамі «Кстоўе», фактычна страціла сваю гістарычную назву.

Вострa-Спаская гара (Вострая Магіла) – гістарычнае месца ў Віцебску, размешчанае на левым беразе Заходняй Дзвіны, на тэрыторыі Успенскай гары паміж сучаснымі вуліцамі Янкі Купалы і Савецкай. Спачатку на ўзвышшы знаходзіўся курганны насып, з-за якога ўзгорак і сталі называць Вострай Магілай. З XV ст. на ўзвышшы была пабудавана драўляная на каменным падмурку Спаская (Спаса-Праабражэнская) царква. Менавіта тады пачалі называць узвышша Вострa-Спаскай гарой. Спаская царква стала вядомай усяму свету, бо яна неаднаразова сустракаецца на карцінах Марка Шагала.

У канцы XVIII ст. тут быў пабудаваны асабняк шляхціцаў Кудзіновічаў, знаёмы сёння як палац генерал-губернатара. У 1806 г. ён стаў рэзідэнцыяй Віцебскага і Магілёўскага генерал-губернатарства і губернатараў Віцебскай губерні. 16 ліпеня 1812 г. у палацы пражываў імператар Францыі Напалеон I Банапарт. Зараз будынак займае абласное ўпраўленне КДБ, але ў ім плануецца зрабіць музей. У 1912 г. насупраць палаца быў усталяваны помнік героям вайны 1812 г. З заходняга боку размешчаны невялікія могілкі часоў Вялікай Айчыннай вайны. На гэтым месцы пахаваны 15 герояў, у тым ліку і Мінай Філіпавіч Шмыроў. Поруч знаходзіцца Арт-цэнтр Марка Шагала [2].

Назва ўзвышша сёння стала амаль невядомай жыхарам горада, толькі краязнаўцы і гісторыкі ведаюць яе. Назва «Вострa-Спаская» для гары стала неактуальнай пасля яе зліцця з Успенскай і знішчэннем Спаскай царквы.

Плоская гара (Багаслоўскі пасад) – гістарычнае месца ў цэнтральнай частцы горада на высокім правым беразе ракі Віцьбы, раён поруч са скрыжаваннем сучасных Камуністычнай і Савецкай вуліц. Сваю назву гара атрымала ад даволі роўнага выгляду, бо раней яна знаходзілася за горадам – «на полі за месцам». Багаслоўскім пасадам мясцовасць стала называцца з-за царквы Іаана Багаслова, якая была разбурана ў 1852 г. Пазней на гары пабудавалі новы храм Успення Прасвятой Багародзіцы, які захаваўся да нашых дзён [4].

У будынку на самым беразе ракі Віцьбы знаходзіцца кафедра ветэрынарна-санітарнай экспертызы імя акадэміка Х.С. Гарагляда Віцебскай акадэміі ветэрынарнай медыцыны. У доме № 5 на вул. Савецкай з 1890 па 1926 г. жыў вучоны-энтамолаг В.А. Плюшчэўскі-Плюшчык. Далей на вул. Камуністычнай размешчаны Батанічны сад Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, які быў заснаваны ў 1797 г. І.І. Вераб'ёвым і першапачаткова называўся Вераб'ёўскім. Пазней ён стаў называцца Слянцоўскім па прозвішчы новага ўладальніка – С.О. Слянца, які ў 1858 г. пабудаваў у садзе араторыум. Сёння сад мае другую па велічыні калекцыю жывых раслін у Беларусі [2].

У наш час назва гары перастала выкарыстоўвацца з-за шчыльнай забудовы. На змену ёй прыйшлі назвы вул. Камуністычная і Савецкая.

Успенская гара (Лысая гара, Прачысценская гара) – гістарычнае месца ў цэнтры горада, натуральнае ўзвышша на левым беразе Заходняй Дзвіны на тэрыторыі мінулага Узгорскага замка. З поўдня ўзвышша абмяжоўвалася ракой Віцьбай, з поўначы, у раёне сучаснай вуліцы Янкі Купалы, узгоркам Вострая Магіла. Гэтыя два ўзвышшы падзяляліся ярам, які пазней быў засыпаны. Пасля нівеліравання яра назва «Успенская горка» распаўсюдзілася і на тэрыторыю Вострай Магілы, гэта значыць да раёна сучаснай вул. Путны [4].

Па меркаванні археолагаў, да XII ст. на гэтым месцы знаходзілася племянное капішча і адсутнічала расліннасць, таму ўзвышша і сталі называць Лысай гарой. Пасля хрышчэння тут была пабудавана праваслаўная царква Прачыстай Багародзіцы і гару сталі зваць Прачысценскай. У 1682 г. на гары заснавалі мужчынскі базыльянскі манастыр, а пазней пабудавалі царкву Успення Багародзіцы, і ўзгорак атрымаў новую, вядомую і цяпер назву – Успенская гара. У сярэдзіне XVIII ст. было пачата ўзвядзенне новай каменнай царквы, якую пазней перадалі праваслаўным і пераназвалі ва Успенскі сабор. Ужо ў XIX ст. у народзе хадзілі чуткі пра тое, што з Успенскага сабора пад Заходняй Дзвіной ідзе падземны ход [5].

У 1936 г. сабор быў разбураны савецкімі ўладамі, потым быў пабудаваны цэх завода заточных станкоў. У 1992 г. на горцы ўсталявалі крыж у імя св. Еўфрасінні Полацкай, а ў пачатку XXI ст. пачалі аднаўляць Успенскі сабор. Ён быў нанава адбудаваны, зроблены пляцоўка і ўсходы. Успенская гара зноў адрадзіла сваё гістарычнае аблічча і зараз вядома ўсім жыхарам горада.

Юр'ева горка (Сасоннік, Елагі) – лесапарк у заходняй частцы горада, у Чыгуначным раёне, памерам 22 га, адноснай вышынёй 15–20 м, пакрыты расліннасцю. Паўднёва-заходні працяг лесапарку завецца Залатой гарой. Юр'евай горкай лесапарк завецца з-за Георгіеўскай (Юр'евай) праваслаўнай царквы, якая знаходзілася тут да Вялікай Айчыннай вайны. Размоўныя варыянты Сасоннік і Елагі пайшлі ад дрэў, якія распаўсюджаны на ўзвышшы.

Не пазней за сярэдзіну XIX ст. Юр'ева горка стала месцам адпачынку гараджан. Да XX ст. лясны масіў прылягаў да Маркава манастыра, з 1950-х гг. да 1973 г. тут праводзіліся спаборніцтвы па мотакросе. У 1959 г. на гары размясцілі гарадскі радыётэлевізійны перадавальны цэнтр з тэлевежай [2].

На Юр'евай горцы б'юць дзве крыніцы, адна з іх асвячоная праваслаўнай царквой. У 2011 г. поруч была пабудавана купальня. Залатая гара часткова забудавана прыватнымі пабудовамі. У наш час Юр'ева горка не змяніла сваёй назвы і засталася адным з любімых месцаў адпачынку гараджан.

Здзейсніўшы агляд гісторыі ўзвышшаў Віцебска, можна зрабіць наступныя высновы:

– на сённяшні дзень зберагліся не ўсе ўзвышшы ў сваім першапачатковым выглядзе, галоўнымі зменамі сталі новыя пабудовы, як жылыя, так і адміністрацыйныя;

– кожнае з узвышшаў змяніла свой знешні выгляд: часткова горкі былі скапаны, змянілі свой рэльеф;

– большасць назваў узвышшаў і ўзгоркаў выйшла з паўсядзённага выкарыстання сярод жыхароў Віцебска, на іх месца прыйшлі назвы вуліц і будынкаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Бубенько, Т. С.** Средневековый Витебск : Посад – Нижний замок (X – первая половина XVI века) : монография / Т. С. Бубенько ; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова». – Витебск : Издательство ВГУ, 2004. – 276 с.

2. **Витебск** : энцикл. справ. / гл. ред. И. П. Шамякин. – Минск : БелСЭ им. П. Бровки, 1988. – 408 с.

3. **Левко, О. Н.** Витебск / О. Н. Левко. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 335 с.

4. **Памяць** : Віцебск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / [склад. А. І. Мацяюн ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.)]. – Мінск : БелЭн, 2002. – Кн. 2. – 677 с.

5. **Сапунов, А. П.** Витебская старина / А. П. Сапунов. – Витебск : Тип. Губерн. правления, 1883. – 683 с.

6. **Чарняўская, Т. І.** Архітэктура Віцебска : з гісторыі і планіроўкі забудовы горада / Т. І. Чарняўская. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 112 с.

Струнченко А.А. *(г. Витебск)*

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯКОВА ПЕТРОВИЧА КУЛЬНЕВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»)

Война 1812 г. между наполеоновской Францией и Российской империей является одним из важнейших событий в истории Европы XIX в. В это время белорусские земли стали ареной кровопролитных сражений. В 2017 г. исполнится 205 лет со дня победы русской армии в Отечественной войне 1812 г., поэтому привлечение внимания к различным ее сторонам сегодня становится особенно актуальным.

Известно, что первая победа над великой армией Наполеона в 1812 г. была одержана на Витебщине – возле деревни Клястицы Россонского района, в которой отличился русский полководец, генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 г. Яков Петрович Кульнев.

На страницах ежемесячного исторического журнала «Русская старина» (издавался в 1870–1918 гг. в Санкт-Петербурге) [3, с. 139] содержится информация о Я.П. Кульневе в биографическом очерке, написанном кадровым офицером русской императорской армии А.А. Калиновским, и статье «На могилахъ Кульнева» сотрудника журнала К.К. Детлова, которые были опубликованы в 1887 г.

Из биографического очерка известно, что «онъ <Я.П. Кульнев> родился в 1763 г.; дѣтство свое провелъ въ Люцинѣ (уѣздном городѣ Витебской губерніи), гдѣ жилъ вмѣстѣ съ матерью; отца лишился въ самомъ раннемъ возрастѣ…» [2, с. 377]. Родился он в небогатой семье, о чем свидетельствует А.А. Калиновский: «…происходя изъ дворянъ, но имѣя весьма ограниченное состояніе, мать Кульнева хлопотала объ опредѣленіи своего сына въ шляхетный кадетскій корпусъ на казенное содержаніе» [2, с. 377]. Старания матери не остались безуспешными: Кульнев был зачислен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, из которого был выпущен в 1785 г. поручиком «въ Черниговскій пѣхотный полкъ» [2, с. 377]. Вскоре был переведен в Санкт-Петербургский драгунский полк и всю дальнейшую судьбу провел в кавалерии. Свое боевое крещение он получил во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг., а в 1794 г. участвовал в нескольких сражениях в Польше под командой А.В. Суворова, о котором хранил благоговейную память до конца своих дней. Вот как описывает сражения в Польше А.А. Калиновский: «…находился при разбитіи польскихъ мятежниковъ подъ Кобриномъ 4 сентября, при окончательномъ пораженіи неприятельскіхъ войскъ у Брестъ-Литовска и, наконецъ, участвовалъ въ достопамятномъ штурмѣ Праги, гдѣ особенно выдѣлялся своимъ мужествомъ» [2, с. 378]. За отличие при штурме Праги Я.П. Кульнев был произведен в майоры, вскоре после этого переведен в Сумский гусарский полк. В самом начале кампании 1805 г. он перешел в

Гродненский гусарский полк. Здесь Я.П. Кульнев проявил себя в ряде сражений и особенно отличился в неудачной для России «…кровопролитной Фридландской битвѣ, в которой выказалъ всю свою неустрашимость» [2, с. 378]. За подвиги он был произведен в полковники, получил несколько боевых наград. Широкую славу принесли действия в Финляндии во время русско-шведской войны 1808–1809 гг., за время которой получил несколько наград и чин генерал-майора. В статье «На могилахъ Кульнева» К.К. Детлов отмечает, что «послѣ его подвиговъ въ Финляндіи, он былъ вполнѣ народнымъ героемъ» [1, с. 633].

По окончании войны со Швецией приглашен в Молдавию, где геройски сражался «…при блокадѣ Силистріи и въ знаменитой битвѣ при Шумлѣ… Вслѣд за этимъ онъ участвовалъ въ сраженіи при Рущукѣ и, наконецъ, при селеніи Ботикъ…», за что «получилъ золотую саблю съ надписью: “За храбрость”» [2, с. 379–380]. После этих событий эпитет «храбрый» становится неотделимым от его имени.

В начале войны 1812 г. Я.П. Кульнев со своим Гродненским полком вошел в состав корпуса графа П.Х. Витгенштейна. Во время военной кампании несколько раз разбивал французов (захватывал в плен). 19 июля «Кульневъ открылъ непріятеля въ селеніи при Клястицахъ, атаковалъ его, заставилъ обратиться въ бѣгство и преслѣдовалъ французовъ на нѣсколько верстъ…» [2, с. 380]. На следующий день, 20 июля 1812 г., Он наткнулся на главные силы маршала Удино и после жаркого боя был отброшен. Этот небольшой успех неприятеля сильно повлиял на Я.П. Кульнева, привыкшего к постоянным победам. А.А. Калиновский пишет: «…не смотря на жестокую канонаду, онъ сталъ со своимъ полкомъ и частью артиллеріи на берегу Дриссы и всѣми силами препятствовалъ непріятелю переправиться через рѣку… Но среди этого мужества роковое ядро поразило героя… Ядро оторвало ему обѣ ноги и онъ умеръ на мѣстѣ сраженія, умеръ смертью героя, недалеко отъ Люцина, гдѣ протекли первые годы его жизни…» [2, с. 380]. 21 июля 1812 г., на другой день после смерти Якова Петровича, «тѣло его было погребено въ шести верстахъ отъ Клястицъ, близ такъ называемого Сивошина перевоза. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ, поставленъ обелискъ с надписью…» [2, с. 387]. В 1816 г., указывает А. А. Калиновский, по просьбе братьев Николая, Михаила и Ивана Петровичей Кульневых, тело Якова Кульнева было перевезено с большой церемонией в деревню мужа родной его сестры и поставлено в часовне домашней церкви. Через некоторое время прах полководца с таким же почетом погребли в домашней церкви села Ильзенберг, принадлежавшего его родному брату Ивану Петровичу.

Русский поэт, один из командиров партизанского движения во время войны 1812 г. Д.В. Давыдов, который был знаком с Я.П. Кульневым, упоминал в своих мемуарах, что Наполеон, узнав о его гибели, писал Жозефине: «Вчера убит Кульнев, лучший русский офицер кавалерии» [4].

А.А. Калиновский в биографическом очерке приводит также отрывки из писем полководца к своей невесте, брату Ивану.

Следует отметить, что одной из выдающихся черт характера Я.П. Кульнева являлась беспредельная приверженность к вере, царю и Отечеству. Во время сражений он первым устремлялся в огонь и последним оставлял поле битвы, был постоянно тверд и никогда не предавался унынию.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Детловъ, К. К.** На могилахъ Кульнева / К. К. Детловъ // Русская старина. – 1887. – Т. 53. – С. 633–648.

2. **Калиновскій, А.** Яковъ Петровичъ Кульневъ / А. Калиновскій // Русская старина. – 1887. – Т. 53. – С. 377–388.

3. **Струнченко, А. А.** Журнал «Русская старина»: история создания, содержание и структура / А. А. Струнченко // Молодость. Интеллект. Инициатива : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 29 апр. 2016 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2016. – С. 139–140.

4. **200** лет назад русская армия потерпела тяжелую утрату [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russkiymir.ru/news/41662/ . – Дата доступа: 19.09.2016.

Титова Н.И. *(г. Витебск)*

ЛЮДИ С УЛИЦЫ ПОДВИНСКОЙ

У старых улиц завидная судьба. Они являются важнейшими хранителями прошлой и современной истории Витебска. Улица Подвинская, улица Графа Толстого, улица Толстого – так называлась раньше и называется теперь небольшая улочка длиной 200 м в центре города. Проходит она по правому берегу Витьбы, но ее название связано с Западной Двиной, у которой она заканчивается.

Покой улицы Толстого охраняют высокие берега Витьбы и склон Успенской горки. Это место красивое, укрепленное самой природой, а значит, безопасное для жизни. Археологи свидетельствуют, что уже в I тысячелетии здесь поселились люди. Дата появления улицы неизвестна, возможно, и начало города связано с ней. Можно предположить, что на месте впадения реки Витьбы в Западную Двину и могла остановиться киевская княгиня Ольга. По одной из гипотез местные племенные князья не позволили ей переночевать в укрепленном городище. Княгиня обложила местные племена данью, а затем перебила их и основала город.

Долгое время улица не была городской, она была просто улицей Завитебного посада, не имевшей своего названия. Она же упоминается и при даровании городу магдебургского права в 1597 г.

Особые изменения улицы начались со строительством Взгорского замка. Она вошла в городскую черту, в ее первую часть, известную тогда под названием Взгорской или Взгорья, и получила название Подвинской. Улица перешагнула через Западную Двину, берега которой некогда связывал деревянный мост.

В 1911 г. жители Витебска обратились к городским властям с просьбой о переименовании улицы Подвинской в улицу Графа Толстого. Это предложение было встречено с прохладцей: губернатор и часть гласных городской думы не спешили дать ответ. Однако горожане сумели отстоять свое предложение. На карте города появилась улица Графа Толстого. В советское время из названия улицы исчезло первое слово и оно получило современное звучание – улица Толстого.

Славна улица не только своей удивительной историей, но и людьми, которые здесь жили. Жителям Витебска хорошо знаком небольшой сквер на улице Толстого между домами № 4 и 8. Искусственность разрыва плотной городской застройки очевидна: здесь должен был стоять дом. Действительно, еще до революции здесь находился двухэтажный каменный дом постройки первой половины 1830-х гг., расположенный в глубине двора. Первоначально дом принадлежал витебской знаменитости – доктору Карлу Гибенталю, изобретателю гипсовой повязки, одному из первых врачей-эпидемиологов. Карл Филипп Врангель фон Гибенталь большую часть своей жизни провел в Витебске. 4 сентября 1816 г. он был назначен на должность инспектора Витебской губернской врачебной управы. Гибенталь был очень популярным врачом. К нему на лечение приезжали даже из отдаленных мест. В хирургической практике доктору помогало многообразие интересов и увлечений. Кроме русского он знал еще семь языков, охотно занимался сельским хозяйством, увлекался ваянием. Именно последнее увлечение натолкнуло его на мысль об использовании гипса при лечении переломов костей. Существует предание, согласно которому врач лепил бюст приятеля, но неожиданный визит прервал творческий процесс. Привезли травмированного работника. Оказалось, что на него упало дерево, повредившее ему руку. Работая с гипсом, Гибенталь замечал, что материал быстро затвердевает. Доктор решил провести эксперимент. Он составил переломанные кости, зафиксировал гипсовой повязкой. Больной ночь провел спокойно, а через месяц снова вернулся к работе: мог валить лес, не чувствуя никакого дискомфорта. После этого случая Карл Гибенталь стал использовать гипсовые повязки для лечения переломов. О первых удачных опытах он оповестил в 1812 г. Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. Однако недоброжелательное отношение к новому методу тогдашнего авторитета Ивана Буша не позволило его распространить. Понадобилось еще 40 лет, чтобы усовершенствованный метод доктора Гибенталя при поддержке хирурга Н. Пирогова получил широкое распространение в России.

Карл Иванович Гибенталь смело лечил новыми методами, изобретал новые инструменты. «Слава его, как знаменитого врача и магнетезера, – писал современник Карла Гибенталя М. Маркс, – распространялась далеко, и не только из соседних, но и из отдаленных местностей приезжали к нему для лечения».

Известен доктор Гибенталь и тем, что боролся с особо опасными инфекциями. Как писал в своих воспоминаниях М. Маркс, «…в конце июня 31 года явились первые заболевания холерою…». Врач был занят борьбой с этой болезнью. По свидетельству М. Маркса: «Народ падал на улицах. Число умерших в сутки доходило до 120…». Доктор Гибенталь возглавил в городе противохолерный комитет. Витебск был разбит на участки, к каждому из них был приставлен надзиратель и врач. В городе были введены строжайшие санитарные правила. Если в доме кто-то заболевал, то тут же устанавливалась стража, которая никого не впускала и не выпускала из дома. За пределами города были открыты две больницы, а в районе Песковатика выкопаны две большие ямы для погребения умерших. По ночам трупы людей заливались специальным раствором. Врачебная управа предписала витебским мещанам запастись хлорной водой, которая должна быть обязательно разлита по тарелкам и расставлена по комнатам, а также спиртовым настоем стручкового перца. Его использовать рекомендовалось при судорогах. Доктор считал, что хорошо лечит холеру и спиртовой раствор кофе. Результат – в его имении Карлове ни один человек холерой не заболел. Эти методы апробировали французские врачи в борьбе с эпидемией в Париже в 1832 г.

Злые языки связали имя Гибенталя со смертью великого князя Константина Павловича в Витебске в 1831 г. Среди жителей города существовало мнение, что великого князя отравили земляникой. Выполнить это мог только врач великого князя и помогавший ему доктор Гибенталь. Конечно, обвинить человека несложно. Опровергнуть тяжелое обвинение не так просто.

В 1839 г. Гибенталь ушел в отставку. Из Витебска он никуда не уехал, продолжал жить на улице Подвинской. Был избран почетным попечителем врачебной управы. Память о докторе Гибентале долго жила в городе после его смерти в 1858 г., однако в современном городе мало кто из горожан знает имя этого удивительного человека.

Заслуживает внимания удивительная, нелегкая судьба еще одного интересного человека – Лазаря Иосифовича Гинзбурга, более известного как Лазарь Лагин, который является автором знаменитой сказки «Старик Хоттабыч». В 1974 г. в Витебске в дни празднования 1000-летия основания города Лазарь Иосифович побывал вместе с дочерью Натальей. Будучи на высоком берегу Витьбы, на вопрос дочери о месте его проживания писатель махнул рукой на место несуществующего дома. Витебский скульптор Валерий Могучий по эскизу художника Сергея Сотникова создал проект памятника старику Хоттабычу.

В дом, в котором жили эти замечательные люди, в годы Великой Отечественной войны попала бомба. Восстановлению он не подлежал. Сейчас на его месте находится кафе «Николаевский хуторок». Ни мемориальных досок, ни памятников, посвященных этим удивительным людям, в Витебске нет. Память о докторе Гибентале и писателе-фантасте Лазаре Лагине осталась только у краеведов и ученых.

Улица Толстого связана и с организацией гостиничного дела в Витебске. С 1837 г. в городе появилась семья швейцарских эмигрантов Брози, которые открыли одну из самых известных витебских гостиниц. Желая иметь собственный бизнес, Христиан Брози арендовал дом у купчихи Федоры Ордынской (сейчас – дом № 33 по улице Ленина). Здесь он открыл кондитерскую и ресторацию. Первоначально гостиница была небольшой и небогатой. Однако покровительство витебского генерал-губернатора Павла Николаевича Игнатьева позволило расширить Христиану Брози свое дело. В Национальном историческом архиве Республики Беларусь хранится документ, содержащий такие строки: «Многие из господ приезжающих флигель-адъютантов при свидании со мной объявляли, что они, приезжая в Витебск во время обеденное и останавливаясь в гостиницах Федерлейна и Брейтшпрехера, получают весьма дурной стол и не пользуются хорошим помещением, хотя и платят за это весьма недешевую цену. На вопрос мой, почему они не останавливаются во вновь открытой в Витебске лучшей гостинице Христиана Брози, где можно иметь хорошие помещение и стол, отзывались, что им неизвестно о существовании оной». Циркуляр был размещен на всех почтовых станциях, и это имело хорошие последствия для гостиницы. В «Адресной и справочной книге г. Витебска» приводятся цены номеров в гостинице: от 50 коп. до 3 руб. в сутки. Цифры говорят, что гостиница была отнюдь недешевой.

В 1890 г. младший сын Христиана Брози Христиан Христианович открыл новую гостиницу в доме купца Виттенберга. Она располагалась напротив отцовской гостиницы на углу Смоленской и Подвинской улиц у каменного моста через реку Витьбу.

Это здание было одним из красивейших сооружений в городе. Его архитектура учитывала рельеф местности. Со стороны Смоленской улицы оно было трехэтажным, по второму этажу (бельэтаж) шла открытая галерея с ажурной металлической решеткой, создавая навес над входом в магазины первого этажа. Со стороны Воскресенской площади галерея переходила на уровень мостовой, здесь здание становилось двухэтажным. Со стороны реки Витьбы третьего этажа не было, вдоль реки шел длинный двухэтажный корпус. На уровне первого этажа к нему примыкала двухэтажная пристройка ресторана, первый этаж которой опускался еще ниже по оврагу.

В то время это была лучшая гостиница в городе. В «Адресной и справочной книге г. Витебска» перечислены услуги, которые предоставлялись в гостинице. В ней размещались бильярдная, кегельбан, первоклассный ре-

сторан с французской и русской кухнями. Любителям пива предлагали хорошее рижское пиво в бутылях и бочках. Здесь можно было сфотографироваться в ателье А. Маковского, купить в магазине Х. Шехтера современную мебель. В магазине Ш.З. Яхнина любители изящной словесности и местные художники могли приобрести писчебумажные и канцелярские товары, художественные краски и кисти. При этом магазине имелся склад Добрушской бумажной фабрики князя Паскевича. При гостинице работала скоропечатня. Под открытой террасой второго этажа гостиницы расположилась кондитерская Жана Альбера – любимое место витебской детворы и взрослых.

Здание гостиницы Брози интересно и тем, что в ней жили знаменитые люди. В бывшем доме Виттенберга целый этаж занимала семья Шмуля-Неуха Розенфельда, тестя всемирно известного художника Марка Шагала. На нижнем этаже находился магазин часов и ювелирных изделий отца Беллы. По словам М. Шагала, «… В витринах сияли, переливались разноцветными огнями кольца, броши и браслеты. Отовсюду звонили часы и будильники. Мне, привыкшему к другим интерьерам, все это казалось неземной роскошью».

К сожалению, в годы Великой Отечественной войны здание гостиницы было разрушено. Археологи в районе бывшей гостиницы Брози провели раскопки. Были найдены фрагменты керамики, изразцы витебского завода Лисовского конца XIX – начала XX в., которыми украшались комнаты гостиницы или лавок на первом этаже. Также подняли из-под земли металлическую дверь, вероятно, одного из хозяйственных помещений, возможно, принадлежавших семье Розенфельдов.

В 2006 г. был разработан проект восстановления гостиницы Брози, однако он так и не был осуществлен. Город навсегда потерял одно из своих самых красивых зданий. Потомки Брози по сей день живут в городе, они не связаны с гостиничным делом, зато основали династии железнодорожников, учителей, а последняя из Брози проживала в поселке Кировском Витебского района и отметила свое 90-летие.

В доме № 4, в здании бывшего земельного банка, с 1906 по 1910 г. располагалась частная прогимназия Ивана Романовича Неруша, выпускника Нежинского историко-филологического института князя Безбородко. «Адресная и справочная книга г. Витебска» сохранила имена преподавателей этого учебного заведения, многие из них получили образование в лучших университетах России. Русский язык и арифметику в приготовительном классе в 1906–1909 гг. преподавал Н.Я. Никифоровский. С августа 1908 г. в прогимназии работал отец известного белорусского композитора А.В. Богатырева: начинал надзирателем (воспитателем), а затем преподавал русский язык и литературу. В 1911–1912 гг. в гимназии работал Всеволод Антонович Кадыгоров, в то время председатель Витебской ученой архивной комиссии и инициатор открытия первого в городе высшего учебного заведения – Витебского отделения Московского археологического института.

Хотелось бы верить, что замечательная маленькая витебская улица Толстого сохранит своеобразие, городские власти не допустят ее «осовременивания», появятся новые мемориальные доски в честь знаменитых людей с улицы Подвинской.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Адресная** и справочная книга г. Витебска, 1907 // Витебщина : документальное наследие [Электронный ресурс] : краевед. изд. о Витебщине XIX – нач. XX веков. – Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2010.

2. **Алюнин, Г.** Сказка ложь, да в ней намек / Г. Алюнин // Народнае слова. – 2003. – 4 снеж. – С. 8.

3. **Волкова, Л.** Гостиница Брози и песочный торт «Александр» / Л. Волкова // Витьбичи. – 2009. – 31 янв. – С. 7.

4. **Грыцкевіч, В.** Урач Карл Гібенталь / В. Грыцкевіч // Віцебскі сшытак. – 1995. – № 3. – С. 3–16.

5. **Казлова, С.** Джын з вуліцы Падзвінскай / С. Казлова // Віцебскі рабочы. – 2003. – 9 снеж. – С. 4.

6. **Мазепова, Д. В.** Врач-новатор Карл Иванович Гибенталь / Д. В. Мазепова, Ю. С. Небылицын // Новости хирургии. – 2008. – Т. 16, № 4. – С. 2–8.

7. **Маркс, М.** Записки Старика / М. Маркс // Віцебскі сшытак. – 1995. – № 2. – С. 87–102 ; № 3. – С. 137–147.

8. **Подлипский, А. М.** Улица имени Графа Толстого / А. М. Подлипский // Народнае слова. – 2005. – 12 ліп. – С. 6.

Трусова Е.Г. *(г. Витебск)*

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ГНИЛОРЫБОВ: СУДЬБА В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

XX в. принес с собой несколько революций, войны, репрессии, появление ГУЛАГа. Эти события отразились на жизни каждого человека, изменили судьбы миллионов людей. Русская революция 1917 г. и Гражданская война – тяжелое, смутное, трагическое время. Людям приходилось делать выбор, оказываясь по ту или другую сторону баррикад. И за этот выбор в любом случае они платили огромную цену.

В связи с этим показательна судьба Михаила Николаевича Гнилорыбова, который в 1917 г. находился в Витебске. Он родился 30 октября 1884 г., происходил из дворян области Войска Донского. Казак станицы Калитвенская Донецкого округа (ныне Калитвенского сельского поселения Каменского района Ростовской области), сын хорунжего, он окончил Донской кадетский корпус (1902), Николаевское кавалерийское училище (1904), Александров-

скую военно-юридическую академию (1911) и с отличием – офицерскую кавалерийскую школу (1913). В 1908 г. Гнилорыбов был произведен в сотники, в 1911 г. – в подъесаулы, а затем в есаулы, подполковники (1917). Принимал участие в Первой мировой войне. С 23 июня 1916 г. по 17 апреля 1917 г. состоял в резерве чинов при штабе Двинского военного округа, а с 17 апреля 1917 г. исполнял обязанности юрисконсульта главного начальника Двинского военного округа [6].

Неоднократно имя М.Н. Гнилорыбова встречается в воспоминаниях Г.Я. Аронсона (1887–1968) [9]. Активный участник революционных событий, Григорий Аронсон в 1913–1918 гг. находился в Витебске, этот период он красочно описывает: «В 1913–1916 гг. общественная жизнь в Витебске получала порой бурное выражение, особенно под влиянием демократических слоев: социалистической интеллигенции, рабочих, затем ... офицерской среды, занесенных сюда вихрем войны» [7, с. 233–234]. Общественность города активно участвовала в импровизированных встречах, люди собирались, делились новостями, обсуждали их, выслушивали информацию приезжих. Проводились политические дискуссии, в которых участвовал весь «цвет» интеллигенции различных политических взглядов: кадеты, социалисты, беспартийные демократы. «Для полноты картины упомяну, – пишет Аронсон, – что в 1915–1916 гг. начала искать с нами связей небольшая группа прогрессивного офицерства, ютившегося при штабе Двинского военного округа. Наиболее активной и общественной фигурой был в этой среде казачий есаул М.Н. Гнилорыбов… Через посредство Гнилорыбова мы получили некоторое влияние на полковника Коренева, приближенное лицо к начальнику округа генералу Зуеву. Первые дела, по которым нам пришлось столкнуться с этой офицерской группой, – это были дела об арестах и высылках сионистов, о смертных приговорах для заподозренных в шпионаже. Но скоро в порядок дня стали другие вопросы, где мы получили неожиданное содействие Гнилорыбова и его товарищей: создание городских попечительств, воздействие на городскую Думу, создание межнационального кооператива, издание кооперативного журнальчика. Мы не раз имели общие с этой либеральной группой офицерства собрания, и чем грознее развивались события, тем теснее становились наши отношения. Но все же это были люди чужие… Требовался, видимо, стаж общественности для участия в наших собеседованиях – и офицеры не располагали этим стажем» [7, с. 237].

Г.Я. Аронсон вспоминает о Гнилорыбове в рукописи «В революционной провинции. «Корниловские дни» 1917 года в Витебске», хранящейся в Государственном архиве Витебской области. В ней он еще раз подчеркивает, что нельзя забыть «казачьего есаула М.Н. Гнилорыбова, такого действенного и бурнопламенного…». «На витебском фоне с именем Гнилорыбова тесно связана небольшая группа либеральных штабных офицеров… Гнилорыбов был самой яркой фигурой этого военного мирка, протянувшего свою руку

нашей провинциальной общественности». В 1916 г. Гнилорыбов внес в городскую Думу проект создания народных попечительств, избираемых всеми «квартиронанимателями», испугавший чиновников и купцов. Аронсон пишет: «Помню, после создания попечительств Гнилорыбов создал большой межнациональный потребительский кооператив на широких демократических началах, – он вызвал всеобщее удивление. У себя на дому ему удалось сплотить обширный кружок либеральной и радикальной интеллигенции, где наряду с изданием литературного журнальчика *(очевидно, имеется в виду журнал «Витебский край» – автор)*, беседовали на темы экономики и политики… И когда пришла революция, Гнилорыбов оказался одним из ее героев. Он принял на себя скромный труд – организации милиции, был первым комендантом города» [4, с. 17].

Аронсон рассуждает: «Казалось, ему предстоит большая дорога большой политики. Но для этого ему нужно было самоопределиться. Гнилорыбов не вступил ни в одну партию, не выяснил своего отношения к социализму, посвятил себя культурной работе, основав клуб интеллигентских профессий. Так постепенно он где-то стушевался. Но наступила новая полоса революции – органическая, творческая, выборы в Думу, Земство и в Учредительное собрание. Надо было позаботиться о будущем. И вот Гнилорыбов решил свой интеллигентский клуб превратить в клуб социалистический и от имени клуба выступать со списком кандидатов в гласные. Надо сознаться, мы подложили свинью бедному Гнилорыбову, послав письменное сообщение в клуб от лица главных социалистических партий о том, что между ними ведутся переговоры о блоке и что в списке клубных кандидатов никто из социалистов участвовать не может. Так была сорвана ставка Гнилорыбова на клубный социализм. Он после этого порвал с революционной демократией и в Думу всеобщего голосования он уже прошел по списку партии народной свободы» *(т. е. конституционно-демократической партии кадетов – автор)* [7, с. 16–17].

Что касается журнала «Витебский край», то это был еженедельный общественно-политический и литературный журнал либерального направления на русском языке, который начал выходить в Витебске после Февральской революции. Его редактором-издателем вначале был И.В. Васильев, а с 20 августа 1917 г. – М.Н. Гнилорыбов. Журнал приветствовал Февральскую революцию, осуждал подготовку вооруженного восстания против Временного правительства. «Витебский край» агитировал за единство всех наций, народов и классов в составе России, мирное решение социальных и национальных конфликтов. Вместе с тем журнал призывал к возрождению белорусской национальной культуры, освещал историю Беларуси, развитие белорусского языка и литературы, просветительскую деятельность Ф. Скорины, творчество Ф. Богушевича, возникновение легальной печати и национального книгоиздания, рассказывал об организации белорусских музыкально-

драматических кружков, творчестве Я. Купалы, М. Богдановича, З. Бядули, Т. Гартного и др. [10, с. 189–190].

Трудно не согласиться с Аронсоном, что Гнилорыбов – это яркая фигура. Он активно начал заниматься в Витебске общественной работой еще накануне Февральской революции. Листая сохранившиеся местные газеты, также убеждаешься в этом.

М.Н. Гнилорыбов председательствовал на совещании представителей кооперативов Витебска по вопросу издания обязательного постановления о вывешивании в лавках и магазинах цен на продукты первой необходимости. По его предложению совещание признало желательным учреждение комитета по борьбе с мародерством. Цель комитета – расследование жалоб о вздутии торговцами цен [1].

В ночь с 16 на 17 марта 1917 г. за подписью М.Н. Гнилорыбова, председателя советов рабочих депутатов Г.Я. Аронсона и председателя солдатских депутатов А. Тарле в Петроград была послана телеграмма об отстранении от должности Витебского губернского комиссара и аресте М.Л. Карташева, а также ходатайство о назначении на эту должность А.О. Волковича [2].

22 марта 1917 г. Витебским офицерским комитетом был организован объединенный митинг солдат и офицеров численностью до 2,5 тыс. человек под председательством М.Н. Гнилорыбова, на котором было единогласно принято постановление об отношении к войне. В постановлении сказано: «…Отказом от захватов временное правительство доказало, что оно поняло душу народа. Народ наш не хочет чужого рабства, но и себя поработить никому не даст… Мы не кончим эту жестокую войну, пока не почувствуем себя сильными, когда свободе нашей не будет угрожать опасность ниоткуда. А до тех пор к плугу, станкам, к оружию, товарищи!» [3].

М.Н. Гнилорыбов не принял Октябрьскую революцию. После прихода к власти большевиков он покинул Витебск, в январе 1918 г. вступил в ряды Донской армии, был участником известного Степного похода в качестве командира Офицерской боевой конной дружины в количестве 106 человек. Степной поход – это поход донских частей Белой армии в Сальские степи в феврале – мае 1918 г. Этим походом началась вооруженная борьба донского казачества против Красной Армии. С конца 1919 г. Гнилорыбов занимался работой по редактированию и изданию военной литературы в штабе Войска Донского. В марте 1920 г. попал в плен к большевикам, был мобилизован в Красную Армию, откуда однако вскоре дезертировал [9]. В марте 1920 г. прибыл в Польшу во главе делегации Донского казачества, попытался объединить казачьи группы за пределами России. Между Донской демократической группой (в лице М.Н. Гнилорыбова) и Б.В. Савинковым, создавшим Народный союз защиты Родины и Свободы (НСЗРиС), было заключено соглашение о международно-правовом объединении. Гнилорыбов также заключил договор о сотрудничестве с правительством Украинской

народной республики. Эти шаги были восприняты объединенным советом казачества Дона, Кубани и Терека отрицательно и донской атаман отменил решения «самозванца» Гнилорыбова. После заключения Советской Россией Рижского мирного договора с Польшей Михаил Николаевич оставался в эмиграции. В 1922 г. в кругах казачьей эмиграции в Польше стали раздаваться обвинения в адрес атамана Гнилорыбова о его участии в финансовых махинациях. В Постановлении Уполномоченных Донской Демократической группы от 12 июня 1922 г. читаем: «…решено просить Президиум Казачьего Съезда казаков в Польше установить факт обвинения М.Н. Гнилорыбова в присвоении и растратах денежных сумм, принадлежащих казакам» [5, л. 3]. Трудно сказать, действительно ли была растрата или это дело было инспирировано его противниками, но НСЗРиС выступил против широкой огласки «дела Гнилорыбова», так как это, полагали, могло скомпрометировать Б.В. Савинкова.

Среди казачества заметно было стремление вернуться на родину. В связи с этим позиция М.Н. Гнилорыбова, являвшегося начальником управления интернированных казачьих частей, изложена в его письме к Б.В. Савинкову: «…положение 30 000 казаков за границей в качестве “белых рабов” равновелико вполне рабскому положению в Красной Армии и если я совершенно бессилен дать выход из ужасающих условий жизни в эмиграции то пусть, по крайней мере, казаки едут домой к своим семьям и детям» [8]. Понимая, что казаки способны пешком уйти домой, Гнилорыбов вступил в переговоры с Советской Россией об условиях возвращения казаков, за этот поступок он был подвергнут осуждению со стороны Б.В. Савинкова. В этом же году, по существующей версии, М.Н. Гнилорыбов принял решение вернуться на родину, перешел границу с СССР и был арестован. Покаяние, однако, не спасло его от расстрела [6].

Таким образом, Михаил Николаевич Гнилорыбов был в числе тех, кто с энтузиазмом принял Февральскую революцию в России, активно включился в общественную жизнь и демократические преобразования. Не приняв власти большевиков, с 1918 г. он стал активным участником Белого движения, вынужден был покинуть родину в надежде на скорые перемены в стране. Покинув Россию, он пытался сохранить единство казаков, оказавшихся за границей, однако осознав, в каком сложном положении они находятся, вступил в переговоры с советской властью о возвращении. Судьба М.Н. Гнилорыбова – это поиск истины в непростое время, желание человека разобраться в исторических событиях. Фигура его подобна образу литературного героя шолоховского романа «Тихий Дон» Григория Мелехова. Его биография отражает метания российского казачества, оказавшегося перед выбором между Родиной и свободой.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебский** листок. – 1917. – 17 янв.
2. **Витебский** листок. – 1917. – 19 марта.
3. **Витебский** листок. – 1917. – 30 марта.
4. **Государственный** архив Витебской области. – Фонд 2816. – Оп. 1. – Д. 1. – С. 16–17.
5. **Государственный** архив Российской Федерации. – Фонд Р5831. – Оп. 1. – Д. 399. – Л. 3–9.
6. **Офицеры** русской императорской армии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria1914.info/index.php?title. – Дата доступа: 21.11.2016.
7. **Платонов, А. О.** Масонство и революция / А. О. Платонов. – Москва : Кислород, 2016. – С. 231–240.
8. **Симонова, Т.** Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vivovoco.ibmh.msk.su. – Дата доступа: 20.11.2016.
9. **Трусова, Е. Г.** Воспоминания Григория Аронсона – источник о революционных событиях в Витебске / Е. Г. Трусова // Віцебскі край : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 170-год. з дня нараджэння М. Я. Нікіфароўскага, 5 лістап. 2015 г., Віцебск. – Мінск, 2016. – Т. 1. – С. 101–105.
10. **Щавлинский, Н. Б.** Белорусская периодическая печать и книгоиздательство в годы Первой мировой войны (1914–1918) / Н. Б. Щавлинский // Сборник научных трудов сотрудников кафедры «История, мировая и отечественная культура». – Минск : БНТУ, 2014.

Хмельницкая Л.В. *(г. Витебск)*

ВНУЧКА ТОМАША ЗАНА – «КРУПНЕЙШЕЕ ЯВЛЕНИЕ СРЕДИ ВСЕХ ЛЮДЕЙ ПЕРА, ПИШУЩИХ ОБ ИНФЛЯНТАХ»

Исторически Инфлянтами или Польской Ливонией называли Латгалию, одну из историко-культурных областей современной Латвии, расположенную на востоке страны и граничащую с Беларусью и Россией. После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. и до 1918 г. Латгалия входила сначала в состав Двинской провинции Псковской губернии, спустя всего четыре года – уже Полоцкого наместничества, а затем – Белорусской и Витебской губерний. Без малого полтора столетия совместной истории тесно переплели судьбы жителей Витебщины и Латгалии. Территории, разделенные сегодня границами двух государств, некогда были единой ареной политической, общественной и повседневной жизни белорусов, латышей, русских, поляков, евреев, немцев и представителей других национальностей, живших на этих землях. За десятилетия советской власти совместное наследие было

основательно забыто. В постсоветское время новые трудности возникли с появлением государственных границ. Тем не менее, история приграничных территорий успешно изучается теперь уже представителями разных стран. И, следует отметить, особенно широко – нашими польскими коллегами.

Мне хотелось бы рассказать о судьбе известной польской поэтессы Казимиры Иллакович (1892–1983) (Дадатак 4). Автор четырех десятков поэтических сборников и обладательница многочисленных литературных наград и премий, последние 40 лет жизни она провела в Познани, там сейчас открыт ее музей. Родилась Казимира Иллакович 6 августа 1892 г. в Вильно, своей родиной считала Литву и Латгалию. В нынешней Латвии о ней знают мало, но, тем не менее, это имя известно. Признанием ее поэтического дара можно считать публикацию еще в 1996 г. в журнале «Даугава» переводов ее стихов на русский язык. Из латвийских интернет-публикаций начала 2010-х гг. можно узнать отдельные подробности биографии поэтессы.

В Беларуси имя Казимиры Иллакович абсолютно неизвестно, ни одно из ее стихотворений не переведено на белорусский язык. А она, между тем, является внучкой широко известного в Беларуси поэта-романтика Томаша Зана (1796–1851), друга Адама Мицкевича, известного основателя тайного студенческого общества филоматов и «Союза лучезарных» («Саюза прамяністых»), взявшего на себя всю вину после открытия общества царскими властями и тем спасшего своих товарищей от сурового наказания. Сам Т. Зан был отправлен в тюрьму в Оренбурге и после освобождения еще 13 лет провел в ссылке. Вернувшись на родину, он женился на Бригиде из рода Свентожецких и осел в имении Кохачин недалеко от нынешней деревни Смоляны в Оршанском районе Витебской области. У супругов родились четыре сына, один из которых умер в младенчестве. Сам поэт, едва достигнув 55-летия, умер, когда старшему Виктору исполнилось всего семь лет, среднему Абдону – шесть, а младшему Клементу – четыре. Виктор стал врачом и жил в имении Кохачин. Абдон поселился в Сувалкской губернии и женился на ирландке, отец которой был личным адъютантом Наполеона и прошел с ним весь путь от Парижа до острова св. Елены.

Младший Клемент (род. в 1852 г.), который становится героем нашего дальнейшего рассказа, был юристом, работал на Виленско-Петербургской железной дороге и имел адвокатскую контору в Вильно. Известно, что он поддерживал связи с народнической организацией «Земля и воля», переписывался с русским революционером-анархистом М. Бакуниным [1]. Клемент Зан был женат и имел троих детей, но страстью всей его жизни стала скромная учительница Барбара Иллакович, которая, несмотря на все притеснения, которым подвергались незаконнорожденные дети в Российской империи, решилась родить от него двух дочерей – Барбару и Казимиру. Адвокат собирался устроить будущее и своих незаконных дочерей, но не успел – был застрелен в поезде во время возвращения из Гродно в Вильно. Свидетели

этого убийства так и не были найдены, мотивы преступления остались неизвестными. Одни утверждали, что за убийством стояла царская охранка, другие – что адвокат погиб из-за проблем, связанных с профессиональной деятельностью [5, с. 213].

Молодая женщина с двумя маленькими дочерьми на руках оказалась в исключительно сложной финансовой ситуации. Все трое ютились на чердаке одного из домов в Вильно, уроками иностранного языка и музыки мать старалась заработать хоть какие-то деньги. Но вскоре она заболела туберкулезом и умерла. Девочек взяли на воспитание родственники, но разлучили их. Барбара оказалась у сестры матери, Казимира – у брата матери Якуба Иллаковича, который жил в Динабурге. В семье дяди девочке не уделяли никакого внимания, и сильно запущенного ребенка вскоре взяла на воспитание Софья Буйно из рода графов Плятер-Зибергов (1847–1909). Графиня, не имевшая собственных детей, привязалась к девочке, окружила ее заботой и вниманием. Та, обретя новый дом, ответила на заботу искренней привязанностью и всю жизнь считала взявшую ее на воспитание женщину приемной матерью. Жили Софья Буйно и Казимира Иллакович в окрестностях Краславы – сначала в имении Бальтин, потом перебрались в Станиславово.

Несколько лет, проведенных впечатлительной девочкой в Латгалии, оставили в ее душе глубокий след. Уже в конце жизни она признавалась: «Для меня родиной всегда останутся Литва и Латвия. Все остальное – и Варшава, и Познань – были и есть для меня заграницей» [3].

Воспитательница быстро заметила, что девочка была умна, и одного домашнего воспитания ей явно недоставало. Софья оправила ее в женскую гимназию в Варшаве, которой руководила еще одна представительница рода Плятер-Зибергов Цецилия. Затем были годы учебы в Петербурге (1904–1905, 1907), Женеве, Оксфорде (1908–1909) и Ягеллонском университете в Кракове (1910–1914), где Казимира изучала английскую филологию и полонистику.

Дебютировала она в 1905 г. стихотворением «Яблони» в варшавском «Tygodniku illustrowanym» («Иллюстрированном еженедельнике»). Первый поэтический сборник «Ikarowe loty» («Полеты Икара») вышел в Кракове в 1912 г. и сразу был замечен критикой. Казимира имела большой поэтический талант – это было очевидно. Но сама она всегда сомневалась в этом и считала творчество только дополнением к профессиональной карьере, а вся ее дальнейшая жизнь могла бы стать сюжетом увлекательного авантюрного романа.

В годы Первой мировой войны Казимира Иллакович служила санитаркой в российской армии и была награждена Георгиевским крестом за храбрость. С 1918 г. начала работу в польском Министерстве иностранных дел, куда женщин принимали мало и неохотно. С 1926 по 1935 г. была секретарем

по делам жалоб и прошений маршала Юзефа Пилсудского, сначала военного министра и генерального инспектора вооруженных сил, а затем премьер-министра Польши. Казимира считала это своим высшим жизненным достижением, чем вызывала непонимание у коллег по перу. Поэтические книги Казимиры продолжали регулярно выходить в свет, но сама она придерживалась того мнения, что «никогда не была писательницей, а просто писала стихи» [5, с. 216].

После смерти Ю. Пилсудского Казимира Иллакович снова перешла на службу в Министерство иностранных дел, а ее отношение к творчеству не поколебали ни Литературная награда Виленского университета, полученная в 1930 г., ни Золотой Лавр Польской Академии литературы в 1936 г. Годы Второй мировой войны она провела в Румынии, где в дополнение к немецкому, французскому, английскому и русскому языкам выучила еще венгерский и румынский. Вернулась в Польшу только в 1947 г. по совету и при поддержке одного из величайших польских поэтов Юлиана Тувима.

В послевоенной Польше тема личности Ю. Пилсудского находилась под запретом, и понятно, что его личная секретарша уже не могла найти работу в государственных структурах Польской Народной Республики. Перестали выходить и поэтические сборники. Иллакович поселилась в Познани и жила, главным образом, на помощь друзей. После смерти Сталина появилась возможность печатать переводы. Она переводила Гёте, Бёлля, Эмили Дикинсон, венгерских и румынских писателей. Большой успех принес ей блестящий перевод на польский «Анны Карениной». Снова стали выходить в свет поэтические сборники. Последние годы жизни Казимиры Иллакович, после нескольких операций на глазах, были омрачены слепотой.

До конца жизни она жила одна в небольшой комнате в коммунальной квартире в Познани, которая после смерти поэтессы в 1983 г. была превращена в музей. Похоронили ее согласно последней воле в Варшаве на кладбище Старые Повонзки. С 1983 г. в Польше ежегодно вручается премия Казимиры Иллакович за лучший поэтический дебют.

В стране своего детства – Латгалии – поэтессе после отъезда так и не довелось побывать. Ее приемная мать Софья Буйно умерла еще в 1909 г. и была похоронена в Ликсненской волости на кладбище Старые Патмали, где до наших дней сохранился некрополь графов Плятер-Зибергов. Однако в мыслях Илла, как звали ее близкие, часто возвращалась в окрестности Краславы, вспоминала о них не только в стихах, но и в прозе. В 1930 г. в Варшаве вышел сборник ее стихотворений «Popiół i perły» («Пепел и перлы»), в котором она много писала о крае, где провела детские годы. Книгу она посвятила своей приемной матери Софье Буйно из Плятер-Зибергов. После войны были написаны и изданы три тома биографической прозы. Эти книги согреты большой душевной теплотой и полны топографических и бытовых подробностей.

Современники считали Казимиру Иллакович одной из самых оригинальных и наиболее значительных польских поэтесс межвоенного двадцатилетия [4, с. 7]. Исследователи сегодняшнего дня называют одним из самых больших польских поэтов [2, с. 110]. Изучающие историю Латгалии признают автором, ставшим «крупнейшим явлением среди всех людей пера, пишущих об Инфлянтах» [3].

Внучка белорусско-польского поэта Томаша Зана, проведшая детство в Витебской губернии, среди всех культур, которые ее окружали, выбрала для себя польскую, навсегда сохранив память о крае, где выросла. Об этом Казимира Иллакович писала в одном из своих стихотворений, датированном 1947 г.:

И снова, снова любовь, бессмысленнейшая на свете,
к размокшим плоским полям, к березовым листьям этим,
к несчастным ветхим плетням, к распятиям придорожным
и к серым этим глазам, бесслезным и безнадежным.
<…>
Но снова все неизбежное меня обступило прошлым:
пепел костей сожженных льнет и липнет к подошвам,
каждый камень тяжел от обиды и каждый стебель – от грусти...
Оплела меня польская нежность и уже никогда не отпустит!

(*Перевод Н. Астафьевой***)**

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лютынскі, В.** Прыцягальны вобраз / В. Лютынскі // Голас Радзімы. – 2002. – № 3. – 9 студз. – С. 4.

2. **Польские** поэтессы : антология / сост., пер. с польск. Н. Г. Астафьевой. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. – 640 с.

3. **Durejko, A.** Pejzaż inflancki w twórczości Kazimiery Iłłakowiczówny / A. Durejko // Nasz Czas. – 2003. – Nr. 7.

4. **Kazimiera** Iłłakowiczówna : poradnik bibliograficzny / oprac. Urszula Bzdawk. – Wojewódzka Biblioteka Publiczna w Poznaniu. – Poznań, 1987.

5. **Koper, S.** Wielkie Księstwo Litewskie i Inflanty / S. Koper // Przewodnik historyczny. Śladami polskości kresów. – Warszawa : Wydawnictwo Bellona, 2014. – 200 s.

Чараўко В.У. *(г. Полацк)*

КЕРАМІКА ЯК МАТЭРЫЯЛЬНАЕ СВЕДЧАННЕ ПАМІНАЛЬНАГА АБРАДУ (ПА МАТЭРЫЯЛАХ РАСКОПАК МОГІЛЬНІКА КАЛЯ В. КЛЕШЧЫНО БЕШАНКОВІЦКАГА РАЁНА Ў 2013 г.)[1]

Познасярэдневяковы могільнік каля в. Клешчыно Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці быў выяўлены і апісаны ў 1995 г. кіраўніком этнаграфічна-археалагічнай экспедыцыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (ПДУ), кандыдатам гістарычных навук, дацэнтам У.А. Лобачам [10, с. 45, 48]. У 2013 г. археалагічнай экспедыцыяй ПДУ на могільніку праводзіліся раскопкі, падчас якіх было даследавана пяць пахаванняў. Антрапалагічную экспертызу касцяных парэшткаў праводзіла кандыдат біялагічных навук, дацэнт В.А. Емяльянчык.[2]

В.А. Емяльянчык было ўстаноўлена, што ў чатырох з пяці даследаваных пахаваннях прысутнічалі фрагменты шкілетаў дарослых і дзяцей [8, с. 28]. Парушэнне анатамічнага парадку костак у пахаванні 1, наяўнасць чатырох цвікоў двух варыянтаў ад труны (масіўных каваных і меншых, блізкіх да сучасных) і незвычайна вялікая колькасць цвікоў (31 адзінка) сведчылі аб падпахаванні памерлых дзяцей ва ўжо існуючыя магілы [13, с. 86–88]. У ходзе раскопак былі выяўлены шматлікія фрагменты сценак, донцаў і венцаў керамічнага начыння XVI–XX стст. – усяго 158 пазіцый [13, с. 88]. Шэсць фрагментаў керамікі было знойдзена ў пахаванні 1, астатнія – па-за магіламі: 10 фрагментаў – у пласце 1,92 – у пласце 2,50 – у пласце 3 (на глыбіні адпаведна да 0,2 м, 0,4 м і 0,6 м ад узроўню дзённай паверхні) [16, с. 38–45]. Размяшчэнне большай часткі фрагментаў керамічнага начыння па-за магіламі, нязначная глыбіня залягання сведчаць аб тым, што гэта не пахавальны, а памінальны інвентар.

Наяўнасць фрагментаў керамікі ў верхніх пластах культурнага слою адзначана на шэрагу пахавальных помнікаў Панямоння і Падзвіння (раскопкі А.В. Квяткоўскай), на познасярэдневяковых могільніках Новы Болецк Гарадоцкага раёна (раскопкі В.М. Ляўко), Туржэц 2 Полацкага раёна (раскопкі Д.У. Дука), Івесь і Доўгае Глыбоцкага раёна (раскопкі аўтара) і іншых [1, с. 136; 6, с. 262–263, 265; 9, с. 61; 14, с. 133; 15, с. 382]. Якім рэаліям пахавальна-памінальнай практыкі беларусаў Падзвіння адпавядаюць знойдзеныя фрагменты посуду?

---

[1] Работа выканана ў рамках навукова-даследчай работы «Фарміраванне антрапалагічнага складу і адаптыўнага статуса насельніцтва Полацкага Падзвіння ў XI–XIX стст.» у межах задання 1.1.02 «Сацыяльна-эканамічныя працэсы на тэрыторыі Беларусі ў IX – пачатку XXI ст.: крыніцазнаўства, гістарыяграфія, антрапалогія і іншыя спецыяльныя даследаванні» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» на 2016–2020 гг.

[2] Аўтар выказвае падзяку В.А. Емяльянчык за праведзеную антрапалагічную экспертызу.

У вачах нашых продкаў смерць і пахаванне чалавека не прыводзілі да аўтаматычнага выключэння яго з жыцця калектыву. Пераход памерлага ў статус «дзядоў» вымагаў часу і патрабаваў ажыццяўлення пэўных рытуальных дзеянняў, значная частка якіх адбывалася на могілках [11, с. 414]. На наступны пасля пахавання дзень адбываліся «траціны»: родныя паміналі памерлага на могілках, пакідаючы там частку рытуальных страў і посуд [3, с. 32–33; 11, с. 414]. Важнае значэнне меў абрад «прыкладзінаў», які выконваўся на працягу года пасля пахавання, уключаў упарадкаванне магілы і памінкі на могілках. Упарадкаванне магілы магло прымяркоўвацца да асенніх Дзядоў ці Радаўніцы [2, с. 148–149, 152; 11, с. 415–416]. Прыкладзіны завяршалі цыкл індывідуальнай памінальнай абраднасці і азначалі пераход памерлага ў катэгорыю «дзядоў» [2, с. 152; 3, с. 34; 11, с. 415–416].

Пахавальна-памінальныя абрады павінны былі не толькі дапамагчы нябожчыку трапіць у іншы свет, але і паспрыяць паступоваму выдаленню памерлага з сацыяльнай структуры і памяці людзей [5, с. 24–25]. Таму цыкл індывідуальнай пахавальнай абраднасці звычайна працягваўся прыкладна год. Пасля гэтага памерлы шанаваўся ў межах агульных памінальных дзён разам з іншымі дзядамі [3, с. 31]. Пры гэтым на Дзяды і Радаўніцу было прынята пакідаць на могілках частку рытуальных страў [4, с. 394; 7, с. 150]. Посуд, які бралі на памінкі, пакідалі на могілках, там жа часам разбівалі гаршкі з прынесеным вуголлем [7, с. 150; 12, с. 94].

Шматлікасць фрагментаў керамікі, выяўленых у пластах 1–3 у межах шурфа на могільніку каля в. Клешчыно (152 фрагменты на плошчы 21 м^2), указвае на шматразовае выкананне памінальных абрадаў. Інтэнсіўнасць рытуальных дзеянняў можа быць патлумачана дзіцячымі падпахаваннямі, пры якіх ужо існуючыя пахавальныя помнікі актуалізаваліся ў вачах мясцовага насельніцтва, вымагаючы выканання індывідуальных памінальных абрадаў.

Такім чынам, у выніку археалагічных даследаванняў на могільніку каля в. Клешчыно Бешанковіцкага раёна ў 2013 г. было даследавана пяць пахаванняў, чатыры з якіх утрымлівалі дзіцячыя падпахаванні. У шурфе было знойдзена 156 фрагментаў керамікі XVI–XX стст., 152 з якіх выяўлена ў верхніх пластах культурнага слою могільніка. Падобная з'ява назіраецца ў шэрагу іншых познасярэдневяковых могільнікаў беларускага Падзвіння. Наяўнасць фрагментаў посуду абумоўлена памінальнымі абрадамі беларусаў. Значная колькасць фрагментаў керамікі на невялікай плошчы ўказвае на працяглась і інтэнсіўнасць рытуальных дзеянняў, што тлумачыцца дзіцячымі падпахаваннямі ў існуючыя магілы. Вынікам гэтага было ажыццяўленне новых абрадаў індывідуальнага памінальнага цыкла.

ЛІТАРАТУРА

1. **Археалогія** Беларусі : у 4 т. / [рэдкал.: М. В. Біч (стар.) і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – Т. 4 : Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко [і інш.] ; пад рэд. В. М. Ляўко [і інш.]. – 597 с.

2. **Аўсейчык, У. Я.** Абрад «прыкладзіны» ў беларусаў Падзвіння / У. Я. Аўсейчык // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. II Міжнар. навук. канф. (да 20-годдз. археалагічных і этнаграфічных экспедыцый ПДУ), Полацк, 17–18 крас. 2014 г. : у 2 ч. – Наваполацк, 2014. – Ч. 1. – С. 144–156.

3. **Аўсейчык, У. Я.** «Прыватная» (індывідуальная) памінальная абраднасць беларусаў Падзвіння (па матэрыялах канца XX – пачатку XXI стагоддзяў) / У. Я. Аўсейчык // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2015. – № 9. – С. 31–37.

4. **Васілевіч, У.** Радаўніца / У. Васілевіч, Л. Дучыц, С. Санько // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад.: І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд.: Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск, 2011. – С. 394–395.

5. **Грунтов, С.** Проблеми та перспективи етнологічного дослідження меморіальних пам'ятників Білорусі XIX – початку XXI століття / С. Грунтов // Народна творчість та етнографія. – 2009. – № 6. – С. 24–26.

6. **Дук, Д. У.** Археалагічныя раскопкі на грунтовым могільніку Туржэц 2 Полацкага раёна / Д. У. Дук // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2008. – № 15. – С. 261–269.

7. **Дучыц, Л.** Дзяды / Л. Дучыц, І. Швед // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад.: І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд.: Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 150.

8. **Емяльянчык, В. А.** Вынікі антрапалагічнай экспертызы матэрыялаў пахаванняў з могільнікаў каля вв. Жарнасекава і Клешчыно Бешанковіцкага раёна, в. Івесь Глыбоцкага раёна Віцебскай вобласці / В. А. Емяльянчык // Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі. – Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага Навуковага архіва НАН Беларусі. – Спр. № 3153. – С. 27–28.

9. **Квятковская, А. В.** Ятвяжские могильники Беларуси (к. XI–XVII вв.). / А. В. Квятковская. – Вільнюс : Diemedžio, 1998. – 327 с.

10. **Лобач, У.** Да вынікаў археалагічна-этнаграфічнай экспедыцыі ў мястэчку Бачэйкава і яго ваколіцах / У. Лобач // Матэрыялы II Міжнароднай канферэнцыі па праблемах музеефікацыі ўнікальных гістарычных тэрыторый. – Полацк, 1996. – С. 45–48.

11. **Лобач, У. А.** Міф. Прастора. Чалавек : традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве / У. А. Лобач. – Мінск : Тэхналогія, 2013. – 510 с.

12. **Традыцыйная** сямейная абраднасць беларусаў: гісторыка-культуралагічны аспект : вучэб.-метад. комплекс / склад. і агул. рэд. В. І. Мішынай. – Наваполацк : ПДУ, 2007. – 220 с.

13. **Чараўко, В. У.** Археалагічнае вывучэнне грунтовых пахаванняў XVI–XVIII стагоддзяў на могільніку каля в. Клешчыно Бешанковіцкага раёна ў 2013 годзе / В. У. Чараўко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2015. – № 9. – С. 84–89.

14. **Чараўко, В. У.** Археалагічныя разведкі на грунтовым могільніку каля в. Доўгае Глыбоцкага раёна ў 2010 г. / В. У. Чараўко // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. прац Міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 21–23 крас. 2011 г. : у 2 ч. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 1. – С. 130–134.

15. **Чараўко, В. У.** Археалагічныя разведкі на грунтовым могільніку каля в. Івесь Глыбоцкага раёна ў 2010 годзе / В. У. Чараўко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2012. – Вып. 23. – С. 379–383.

16. **Чараўко, В. У.** Справаздача аб археалагічных раскопках на могільніках каля в. Жарнасекава Бешанковіцкага р-на, в. Івесь Глыбоцкага р-на і археалагічных разведках на тэрыторыі Бешанковіцкага і Полацкага раёнаў Віцебскай вобласці ў 2013 годзе / В. У. Чараўко // Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі. – Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага Навуковага архіва НАН Беларусі. – Спр. № 3153.

Шишанов В.А. *(г. Витебск)*

К БИБЛИОГРАФИИ ПУБЛИКАЦИЙ КАРЛА ГЮБЕНТАЛЯ И О НЕМ[1]

Личность Карла-Филиппа Врангеля фон Гюбенталя, или (на русский манер) Карла Ивановича Гюбенталя (1786?–1858), после долгих десятилетий забвения привлекла к себе внимание историков медицины в 1956 г. Именно тогда Григорий Перлин опубликовал статью, посвященную изобретению Гюбенталя – камнедробительному инструменту [43][2]. Вскоре появилось несколько публикаций Николая Оборина, касавшихся опытов медика-новатора в применении гипсовой повязки для лечения переломов и остеопластики [39; 40; 41]. Эстафету подхватил известный белоруссист, историк, культуролог Валентин Грицкевич, который глубоко занимался изучением биографии Карла Гюбенталя на протяжении многих лет [7; 8; 9; 10; 11], и в наиболее полном виде результат этих трудов был опубликован в 1997 г. в журнале «Віцебскі сшытак» [12]. К сожалению, многочисленные последующие публикации о Гюбентале носят главным образом компилятивный характер. Исключением являются недавние статьи российских исследователей Евгения Овечкина и Елены Юриновой [42] и белорусских – Николая Шумина [57], Людмилы Хмельницкой [55].

---

[1] Автор выражает глубокую благодарность за перевод текстов с немецкого и польского языков Олегу Лисовскому и Божене Пашковской.

[2] Библиографический список к статье представлен в приложении (Дадатак 5).

В работах историков главное внимание уделяется исследованиям Карла Гюбенталя в области медицины (применение гипсовой повязки, борьба с эпидемией холеры), отчасти в области сельского хозяйства. При этом перечень публикаций самого медика или о его работах не превышает нескольких десятков. Однако обращение к этой теме позволяет говорить о том, что ее библиография доходит до нескольких сотен записей. Причем только прижизненная библиография публикаций, связанных с Гюбенталем, или в которых есть упоминание о нем, трудно поддается учету. Этому, безусловно, способствовала не только широта интересов Гюбенталя, но и то, что он много писал и публиковался на немецком языке, что привлекало внимание к этим работам в германских государствах, Австрийской империи и в других странах.

В ходе нашего исследования не привлекались архивные источники, но библиографический поиск зачастую дает возможность сделать некоторые уточнения. Так, Валентин Грицкевич не приводит точной даты поступления Карла Гюбенталя на службу, сообщая, что через год после окончания в 1805 г. Марбургского университета медик стал лекарем в гвардейском егерском полку русской армии в составе сил антинаполеоновской коалиции. В «Списке гражданским чинам первых шести классом по старшинству» (1849 указывается дата 28 декабря 1805 г. [53, с. 135] Справочное издание «Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи» позволяет проследить перемещение Карла Гюбенталя по местам службы и занимаемые должности. Однако в справочнике не указано, что с июня 1811 по июль 1812 г. Гюбенталь работал оператором и одновременно инспектором Минской врачебной управы [12, с. 6]. Далее в издании фиксируется: 1813 г. – оператор [34, с. 623–624], с 1815 г. – инспектор Тверской врачебной управы [32, с. 671], с 1816 г. – инспектор Витебской врачебной управы [33, с. 713].

Справочные и периодические издания позволяют установить должности и членство Гюбенталя в различных учреждениях и обществах: мануфактур-корреспондент в Витебске департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов России (1829) [25], член-корреспондент Вольного общества любителей российской словесности (с 1817 г.) [47, с. 272; 54, с. 353], член Общества врачебных и физических наук при Московском университете (1817) [35, с. 547; 122, с. 177], Виленского медицинского общества (с 1820 г.) [234, с. 202], Белорусского вольного экономического общества (с 1827 г.) [36, с. 715], Витебского отделения Общества попечительного о тюрьмах (с 1830 г.) [37, с. 839], Прусского медицинского общества (с 1837 г.) [147], российского императорского Вольного экономического общества (с 1849 г.) [170].

Есть свидетельства, что Гюбенталь являлся главой лютеранской общины, и именно ему удалось добиться в 1833 г. передачи лютеранам закрытого костела пиаров в Витебске [146, с. 136]. К 1839 г. здание было перестроено и освящено, но в 1850 г. кирха пострадала от пожара, и Гюбенталь пожертвовал деньги на ее восстановление [85, с. 696].

По документам, выявленным В. Грицкевичем, первым выступлением Карла Гюбенталя в печати и одновременно началом его издательской деятельности, вероятно, было издание брошюры «в публику на польском диалекте для лучшего их пользования наставления» о борьбе с цингой, которая распространилась в начале 1812 г. в Минской губернии [12, с. 6]. Однако выявить экземпляр этого издания не удалось.

Следующий эпизод связан с обнаружением Гюбенталем источника минеральной воды на восточном берегу реки Тьмаки в городе Тверь. Информация об этом была опубликована первооткрывателем в «St. Petersburgische Zeitung» в конце 1815 г. [206]. В 1820 г. информация об источнике вместе с результатами анализа воды, выполненным Гюбенталем, была использована известным химиком, академиком Александром Шерером (1771–1824) в обзоре минеральных вод Российской империи [199, с. 94, 96, 109, 303]. Затем об этом упоминалось в издании «Europa und seine Bewohner» (Штутгарт, 1841) [109, с. 436], «Encyclopädisches wörterbuch der medicinischen wissenschaften» (Берлин, 1845) [107, с. 189–190], в «Полном, систематическом, практическом описании минеральных вод, лечебных грязей и купаний в Российской империи» (С.-Петербург, 1855). В последнем издании сообщалось, что источник имел специально устроенные ванну и бассейн, но после того как неосторожный житель упал в бассейн начальство распорядилось его уничтожить и место огородить [44, с. 277]. Позже источник был окончательно заброшен [37, с. 82–83].

Как известно, исследователи относят первое применение Карлом Гюбенталем гипсовой повязки к январю 1812 г. [12, с. 7; 29, с. 57]. Однако первая публикация медика об этом состоялась только в 1816 г. в немецкоязычном периодическом издании «Russische Sammlung für Naturwissenschaft und Heilkunst» [136].

Первенство Гюбенталя сразу же было поставлено под сомнение. Уже в редакторском комментарии указывалось, что о подобном методе, применявшемся в Персии, сообщалось в 1795 г. в письме английского консула Даниэля Итона в Басре (Ирак) к доктору Матвею Гутри в Петербурге, которое было опубликовано в эдинбургском журнале «Medical and Philosophical Commentaries» [59]. Причем позже, с легкой руки известного хирурга Юлия Шимановского (1829–1868), распространилась версия, что Гюбенталь лично побывал на Востоке [209, с. 15]. Сама по себе идея лечения переломов путем внешней иммобилизации и ее различные методики известны еще с древних времен, но в европейской медицине опыты в этом направлении начали активно проводиться только в начале XIX в. В 1814 г. гипсовую повязку применил голландец Петри Хендрикс из Гронингена и опоздавший с публикацией Гюбенталь в европейской библиографии стал вторым медиком, предложившим использовать гипс в качестве связующей субстанции отвердевающих индивидуальных повязок [2, с. 100–101]. Примечательно, что заявления о

приоритете Николая Ивановича Пирогова (1810–1881) в области применения гипсовой повязки вызвали недоумение другого известного медика Евгения Венцеславовича Пеликана (1824–1884): «Кто не знает, что Гюбенталь, Флорип, Мюттрей, Кейл, Клюге, Раух или особенно Диффенбах использовали гипс с большим или меньшим успехом?» [180, с. 181].

Тем не менее, экстракт публикации Гюбенталя о применении гипсовой повязки в 1817 г. был опубликован в «Allgemeine medizinische Annalen des neunzehnten Jahrhunderts» (Альтенбург – Лейпциг) [61], в 1819 г. в «Nouveau journal de mé́decine, chirurgie, pharmacie, ets.» (Париж) [178], и краткая информация в 1820 г. в «The London medical repository, monthly journal, and review» (Лондон) [47, с. 156]. Метод Гюбенталя имел хорошие отзывы от европейских медиков, в частности Жозефа Франсуа Мальгэня [161, с. 219–220; 31, с. 225–226], но так и не получил широкого распространения. Впрочем, даже после всех усовершенствований и опытов на протяжении XIX–XX вв. [28, с. 161–184] дискуссии вокруг иммобилизации гипсовой повязкой продолжаются.

В начале XIX в. на волне романтизма возродился интерес к учению Франца Антона Месмера (1734–1815) о «животном магнетизме». Считалось, что животный или «жизненный» магнетизм (флюид) может передаваться на любые живые и неживые объекты, действовать на любых расстояниях, может накапливаться или усиливаться за счет зеркал или звука. По мнению Месмера, неравномерное распределение флюида в организме вызывает болезни, а добиваясь гармонического перераспределения флюида, можно излечить болезнь. Магнетизеры предполагали, что в состоянии магнетического сна или транса некоторые люди могут предвидеть будущее и прозревать далекое прошлое, способны видеть внутренние органы – как свои, так и других людей, распознавать болезни, определять средства лечения и тому подобное.

Карл Гюбенталь не остался в стороне от практик месмеризма и в 1817 г. в Витебске издал брошюру «Описание жизнемагнетического лечения, произведенного на опыте <...>» [6]. Экземпляр издания обнаружить не удалось, но уже в конце января того же года его труд в переводе на польский язык был перепечатан в журнале «Pamiętnik Magnetyczny Wileński» [122]. В предисловии витебский медик говорит о своем стремлении побудить «белорусских медиков к занятию этим оздоровляющим явлением» и в тоже время предупреждает: «Нужно всегда помнить, что магнетизм проникает до самых скрытых глубин органической жизни, и имеет как исцеляющие последствия, так и страшные волнения и саму смерть. Поэтому неопытный врач пусть никогда не осмеливается проверять свои магнетические способности на слишком чувствительных особах <...>».

Далее автор сообщает, что к нему за помощью обратился отец 16-летней девицы Анны Лакис из Полоцкого уезда, которая с двух лет начала впадать в задумчивость, после чего испытывала «непрерывные конвульсии». Обращение ко многим врачам и прием «лучших медикаментов» не привели к

облегчению, и девушка стала впадать в каталепсию – состояние похожее на сон, во время которого отмечается значительное снижение или потеря чувствительности к любым внутренним и внешним стимулам.

В статье указывается, что первое посещение больной Гюбенталем состоялось 6 января 1817 г., но, очевидно, что это опечатка, и речь идет о событиях предшествующего года. Сеанс «магнетизирования» начался в 7 часов вечера и длился 15 минут: «<...> она [А. Лакис – *автор*] лежала, как обычно в пароксизме, и не знала, что с ней делают; припадок её болезни длился также 18 часов, по прошествии которых она жаловалась по-прежнему на боль в груди и сильную слабость». Далее описываются ежедневные сеансы на протяжении 20 дней, которые принесли результаты, и 25 января Гюбенталь обнаружил девушку «совершенно здоровой». В этот же день медик пригласил Анну к себе домой, где состоялся еще один сеанс в присутствии белорусского военного губернатора, герцога Александра Вюртембергского (1771–1833) и сопровождавших его лиц. Герцог Вюртембергский изволил сам расспрашивать «панну», находившуюся в состоянии гипнотического сна. В начале февраля Анна Лакис покинула Витебск в «наилучшем здравии».

Однако у Гюбенталя нашлись и завистники, которые при другом подобном случае с девицей Заблоцкой в 1819 г. пытались обвинить его в шарлатанстве и лишить звания врача [12, с. 8], несмотря на то, что Карл Иванович консультировался по этому случаю у таких знаменитостей, как лейб-медик прусского короля Кристоф Вильгельм Гуфеланд (1762–1836) и профессор Виленского университета Йозеф Франк (1771–1842). Как свидетельствуют архивные документы, обнаруженные Людмилой Хмельницкой, созданная в 1821 г. «для открытия истины» комиссия признала медика невиновным, а девица совершенно исцелилась [55, с. 79–80]. Тем не менее, весной 1824 г. Медицинским советом при Министерстве внутренних дел опрос был вынесен на рассмотрение Комитета министров и генерал-губернатор князь Николай Николаевич Хованский (1777–1837) вынужден был ходатайствовать за Гюбенталя перед Николаем Семеновичем Мордвиновым (1754–1845), на тот момент председателем Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета. Князь Хованский отмечал, что Гюбенталь приобрел в Витебске всеобщую любовь, доверие и уважение и за старания о распространении «во врачебной науке познания» заслуживает «не наказания, но вознаграждения» [3, с. 345–347; 4, с. 467–474].

Успехи Гюбенталя в области месмеризма получили отклик в европейских изданиях. 12 января 1820 г. краткая информация была помещена в «Bremer Zeitung». В этом же году в лейпцигском ежегоднике жизненного магнетизма главный штаб-лекарь московской полиции Антон-Отто-Леопольд фон Шульц называет витебского медика среди первых, кто в России на практике успешно применил жизненный магнетизм [203, с. 241]. Упоминаются положительные опыты Гюбенталя и в работах Йозефа Франка «Пра-

вила практической медицины», изданных в 1821 г. в Лейпциге на латинском языке [114, с. 552], и в работе «Внутренняя патология», изданной в 1844 г. в Мадриде на испанском [113, с. 71].

Успехи физиков в изучении электромагнетизма позволили объяснить его природу, и к середине XIX в. теория Месмера окончательно перешла в область лженауки. Однако Гюбенталь не отказался от результатов своей «жизнемагнетической» практики и в нескольких номерах литературного приложения к рижской газете «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland» выступил против насмешек над лунатизмом и ясновидением, доказывая, что эти нервные расстройства требуют серьезного внимания и лечения: «Радикальное лечение этой странной болезни помогает, как и при всех глубоко лежащих нервных заболеваниях, только в непосредственном вмешательстве, перенастройке и устранению тех аномальных действий нервной системы (** тут на первом месте стоит жизненный магнетизм, как одно из мощных средств, проникающих в глубину органической жизни. В моей тридцатилетней врачебной практике, которая привела ко мне более 80-ти тысяч больных, я часто был вынужден прибегать к этому средству. И даже сейчас, при сильной загруженности делами, жизненно-магнетическое лечение еще занимает часть моего времени), и поэтому требует полной внимательности врача».

Здесь же медик приводит в пример случай, напоминающий историю с девицей Заблоцкой, когда недоброжелатели предлагали отправить его в Архангельскую губернию: «Всего несколько лет назад я был обвинен в колдовстве одним местным жителем, потому что он видел как я несколькими движениями рук снова вернул к жизни его дочь, которая от долгого пребывания в церкви впала в каталепсию, и для которой уже были сделаны все приготовления к погребению, потому что он посчитал ее мертвой. Еще бы чуть-чуть, и за мое мастерство, которое на самом деле не было черной магией, я мог быть если не сожжен, то точно мог бы окоченеть. Больная, однако, после этого, несмотря на досадную тяжбу, которая принесла ей много горя, полностью выздоровела и позднее стала счастливой женой полковника» [134].

Повествует Гюбенталь и еще о нескольких случаях: «Я сам видел магнетически спящую, которая с крепко закрытыми глазами, довольно хорошо играла в карты. И даже сейчас тут в Витебске живет одна больная дама, которая в полной темноте, во время магнетического сна, распознавала ту страницу или ту картинку из ее молитвенника. Однако о предложенной чужой книге она не могла даже указать, на каком языке она написана. Доказательство тому, что больные этого типа в состоянии понять только то, что видит их внутренний глаз с помощью силы воображения. Таким образом, также проходит лунатик с неподражаемым проворством наиопаснейшие пути, если они ему знакомы в бодрствующем состоянии. Однако он неловко падает в мокрую ванну, которая была во время его сна поставлена перед кроватью, и – просыпается» [137]; «Пациентка, при ежедневном магнетизирова-

нии, уже больше года свободна от каких-либо приступов каталепсии, занята постоянно разнообразной женской работой, преимущественно рисованием маслом, посещает общества и театр и абсолютно, особенно для незнающих, не имеет никаких внешних признаков болезни» [135]. С точки зрения современной медицины, как считал Валентин Грицкевич, толкования Гюбенталя были ошибочны, но все-таки ему с успехом удавалось применять психотерапевтические методы лечения [12, с. 8].

1820 г. отмечен публикациями Гюбенталя о его исследованиях в петербургском химическом журнале «Allgemeine nordische Annalen der Chemie» («Общая северная хроника химии»), редактируемом А. Шерером.

В четвертом томе в обзоре последних падений метеоритов в России [172] приводятся сведения из отчета Гюбенталя о падении 12 июля 1820 г. метеорита в Ликсне (бывшее имение Пляттеров-Зибергов в 20 км от Даугавпилса) и результаты выполненного медиком химического анализа фрагментов «аэролита». В статье метеорит называется «Витебским», но в науке закрепилось название по месту падения, и это крупнейший метеорит, зафиксированный на территории современной Латвии. При падении он разделился на три части, из которых была обнаружена одна весом «более пуда», но позже найденные фрагменты оказались в различных учреждениях [58, с. 40]. «Главная масса» – 2592 г – хранится сейчас в Национальном научно-естественном музее НАН Украины [159]. В 2014 г. в Латвию из Великобритании был передан фрагмент весом 0,63 г [30].

В третьем томе «Allgemeine nordische Annalen der Chemie» появились статьи медика об изобретенном им прессе для химического и фармацевтического применения [140] и его модификации [139], фармацевтической ступке [142], в пятом – об аппарате для равномерной подачи воздуха новой конструкции [151]. Статья о прессе была перепечатана в лейпцигском [141] и брюссельском журналах [143].

В ноябре 1825 г. вышла другая известная работа Гюбенталя «Остеопластика или искусство восстанавливать потерянные куски кости». Статья была опубликована в берлинском журнале «Journal der practischen Heilkunde (Journal der practischen Arzneykunde und Wundarzneykunst)» («Журнал практической медицины»), выходившем под редакцией упомянутого лейб-медика Гуфеланда [131]. Но результаты опытов витебского медика по пересадке фрагментов кости почти не получили отзывов специалистов [110, с. 186)], хотя публикация и вошла в обзоры медицинской литературы и библиографические перечни статей Гюбенталя [92, с. 106; 93, с. 207–208; 149].

Гораздо больший отзвук имели сообщения о разработанных Гюбенталем медицинских инструментах.

В 1825 г. в берлинском журнале «Journal der Chirurgie und Augenheilkunde» («Журнал хирургии и офтальмологии») появилась статья об изобретенных витебским медиком турникете для жгутования, ноже и ножовке для ампутации, коническом напильнике для обработки шероховатостей [132].

В 1827, 1830, 1837 гг. также в берлинском журнале «Magazin für die gesammte Heilkunde» («Журнал всеобщей медицины») были опубликованы статьи о приспособлениях для трепанации [128], инструменте для удаления катаракты, инструменте для удаления камней из мочевого пузыря без «кровавой операции» [127], «машины для безболезненного заживления сломанной ключицы» [130].

После чего последовали в общей сложности 16 изданий с кратким изложением, упоминанием статей и инструментов, предложенных доктором, – Берлин [106; 164, с. 170–171; 215], Париж [99; 153], Копенгаген [64, с. 353–354], Лейпциг [78; 108, с. 53, 54; 207, с. 418], Вена [119, с. 505, 522; 213, с. 329–330], Инсбрук [112, с. 226], Санкт-Петербург [46, с. 57], Вюрцбург [155, с. 37], Утрихт [115, с. 2].

Казалось бы, незначительный эпизод лечения 12-летнего мальчика от задержки мочеиспускания Гюбенталем и рижским доктором Раммом перепечатывался медицинскими изданиями в Париже [65; 182; 183], Болонье [116], Лондоне [95], Нью-Йорке [96], Лексингтоне (штат Кентукки) [97].

Однако ни изобретение гипсовой повязки, ни другие новшества вряд ли превзойдут по количеству перепечаток и упоминаний в самых разных изданиях на протяжении многих лет историю участия доктора в борьбе с эпидемией холеры и его метод лечения от этой страшной болезни, наводившей панику на Европу с 20-х гг. XIX в.

С сентября по октябрь 1830 г. К. Гюбенталь участвовал в ликвидации эпидемии в селе Аркадак в Саратовской губернии, потом в Нижнем Новгороде и Вологде, а с марта по май 1831 г. на Волыни. Однако в мае того же года холера обнаружилась в Витебской губернии и с 5 июля в Витебске. Гюбенталь опять был на передовой борьбы с болезнью [48, с. 108–111].

Уже в январе 1831 г. в упоминавшемся берлинском журнале «Journal der practischen Heilkunde» («Журнал практической медицины») на 16 страницах появилась статья доктора о его борьбе с холерой в Аркадаке [129]. В названии, вероятно, для привлечения большего внимания, указывалось, что «сообщено с персидской границы», хотя от села до границы было около 2 тыс. км. В 1832 г. труд Гюбенталя в дополненном виде был издан отдельной брошюрой на немецком языке [138] в Санкт-Петербурге.

Но еще в сентябре 1831 г. работа была переведена на голландский язык и издана в Роттердаме. Брошюра помимо текста К. Гюбенталя включала предисловие К. Гуфеланда, роттердамского врача П. ван Вагенига и краткое изложение методов лечения еще трех медиков [133]. Издание активно рекламировалось в Голландии [187].

Известность витебского медика распространялась стремительно – выявлено более 30 прижизненных изданий с информацией о лечении Гюбенталем холеры – Лейпциг [62; 113, с. 371; 104, с. 662; 121, с. 335; 208, с. 509], Дерпт [75, с. 71–73, 162], Гамбург [105], Берлин [120, с. 52, 75, 29, 37, 53; 156, с. 226–227;

157, с. 226–227; 185, с. 50], Штутгарт [186, с. 224, 253], Париж [80, с. 55–57, 111; 82, с. 81–82, 93, 102, 107; 123, с. 18, 30, 37; 124, с. 35, 46–47; 152; 158, с. 37; 184, с. 7–9, 21], Копенгаген [179, с. 40, 54], Стокгольм [198, с. 119–120, 132–133], Лондон [212], Нью-Йорк [79, с. 32–33, 59–60; 160, с. 189], Мадрид [154, с. 74; 214, с. 144–147], Руан [94, с. 174], Инсбрук [148, с. 97], Амстердам [118, с. 132].

Причины и условия возникновения холеры оставались неясными до конца XIX в., соответственно, не удавалось выработать надежных методов ее лечения. Поэтому неудивительно, что в статье об эпидемии холеры в Витебске в 1853 г. врач городского госпиталя П. Шнакенбург отмечает, что «не было ни одного увенчанного опытом метода», но часто с успехом применялась «инспирация кислородного газа», предложенная Гюбенталем [200, с. 362; 201].

В деятельности доктора есть сторона, о которой сейчас вспоминают реже – изобретения и всякие усовершенствования в областях не связанных с медициной (агрономия, строительство и др.).

Так, в апреле 1838 г. Гюбенталь в санкт-петербургском «Журнале общеполезных сведений» опубликовал свое мнение о «новом устройстве ружья русского оружейного мастера Орлова» и в конце делает вывод, что сделанные им изменения, по сути, являются новым изобретением – «почему и замок его [К. Гюбенталя. – *Авт.*] (разумеется, ежели войдет в употребление) будет называться “Белорусским”» [26].

Насколько нам известно, «белорусский оружейный замок» так и не вошел в употребление. Не получили широкого распространения и некоторые другие проекты медика, которым пророчили большое будущее.

В 1833 г. Гюбенталь подал в Витебскую городскую думу заявления на строительство дома на Подвинской улице и водяной мельницы на Витьбе [55, с. 84]. Ход строительства мельницы и плотины через Витьбу, оригинальность их конструкции вызвали появление нескольких публикаций в «St. Petersburgische Zeitung» [225] и перепечаток в европейской прессе.

25 августа 1835 г. «St. Petersburgische Zeitung» сообщила о находке во время рытья котлована под мельницу каменного топора из серпентинита [69]. В ноябре пришло сообщение, что плотина мельницы Гюбенталя стала к удовольствию горожан удобным мостом через реку, но с наступлением морозов мельник мельницы, стоявшей выше по реке, открыл шлюзы и новая мельница сильно пострадала от большого напора воды [73]. Весна следующего года была необыкновенно ранней, а половодье настолько сильным, что Витьба размыла берег около плотины, но само сооружение устояло. После этого губернский предводитель дворянства граф И. Шадурский рекомендовал и в других местах строить плотины именно такой конструкции: «Во имя человечества, благодаря изобретателю!» [224].

Внимание прессы привлекла и оригинальность конструкции водяной мельницы, в которой использовались «плавающие рычаги»: «Считается,

что их можно использовать в увеличенном размере при приливах и отливах океана в качестве движущей силы больших механизмов. Но подобный эффект можно ожидать также и вдалеке от океана, там где имеет место хотя бы какое-то изменение водной глади» [193]. По сути, Гюбенталь предвосхитил принцип работы приливной гидроэлектростанции. Причем автор заявил, что не желает получать «привилегию» на изобретение для его общедоступности [227]. Сообщение было многократно перепечатано – Митава (Елгава) [226], Амстердам [189], Варшава («Gazeta Codzienna», 17 февраля 1835 г.), Вена [84], Инсбрук [176], Париж [60], Офен [171], Братислава (Пресбург) («Preßburger Zeitung», 3 февраля 1837 г.), Берлин [175], Гратц (Гродзиск-Велькопольский) [217].

Как «мостостроитель» Гюбенталь стал известен в июне 1837 г. В июле «St. Petersburgische Zeitung» сообщила: «Витебск, 1 июня. Вчера городская управа разрешила Гюбенталю навести плавучий мост его собственной разработки через р. Витьбу. К этому празднику горожан собралось достаточное количество прибрежных жителей. Установка моста произошла в невероятно короткое время – за 2 минуты 20 секунд. Осматривая в целом простую систему, по которой сконструирован этот мост, удивляешься, как подобное так долго оставалось не изобретенным. Два конических плота, основание которых касается берега, соединяются на середине реки своими вершинами и образуют, таким образом, развернутый против течения тупой угол, который мощно противостоит любой действующей силе течения. Дорогостоящие и ненадежные якоря, бакли и цепи обычных плавучих мостов тут полностью отпадают. Короче, о нем можно сказать: он самодостаточен. Возможность его быстрого наведения, его простота и надежность особенно рекомендуют этот мост в военных действиях, и с уверенностью предусмотрено, что подобные конструкции скоро полностью вытеснят громоздкие понтоны» [71].

Перспективная для использования военными конструкция вызвала необыкновенный интерес – Дерпт [223], Рига [168], Лейпциг [190], Вена [169], Братислава [194], Гамбург [220], Байройт [191], Стокгольм [197], Арнем [181], Утрехт [210], Лейден [188], Вена [195], Брно [216], Модена [144], Париж [83; 163], Клагенфурт [63], Любляна (Лайбах) [167]. Неожиданна и экзотична перепечатка в газете «Nieuwe Surinaamsche courant» [98], выходившей в Парамарибо, административном центре Голландской Гвианы (сейчас Суринам).

Устройство дорог, транспортных артерий, создание новых средств передвижения также не осталось в стороне от пытливого ума К. Гюбенталя.

На протяжении веков качество дорог и дорожного покрытия волновало цивилизованных людей. Но даже мощение дорог камнем имело свои недостатки. Выход был найден, очень выгодный для России с ее обилием лесов, – мостить улицы «торцами» – специально изготовленными деревянными шашками, уложенными так, что волокна дерева находились в вертикальном положении. После того как этот способ был предложен инженером В.П. Гу-

рьевым и проведен опыт торцевого мощения в 1820 г. в Санкт-Петербурге, такое покрытие получило распространение. Василий Петрович писал: «Все дома на Невском проспекте избавились от беспрестанного дрожания, которое повреждало их прочность. Жители успокоились от стуку, лошади ощутили новые силы и, не разбивая ног, возят теперь рысью большие телеги. Экипажи сохраняются, а здоровье людей, особливо нежного пола, получило новый быт от приятной езды…» [13]. В начале 1840-х гг. торцовые мостовые появились в Москве, а затем Лондоне, Париже и многих других крупных городах Западной Европы и Америки. С конца XIX в. конкуренцию торцам составил асфальт, однако торцы применялись в Советском Союзе и в 50-е гг. XX в.

Однако нашелся человек, который в августе 1838 г. в газете «Северная пчела» в пространной статье «О железных дорогах в России» вспомнил, что «истинно благодетельное изобретение» – торцевые мостовые – в первый раз введено было около 1820 г. в Витебске доктором Гюбенталем [1, с. 703].

Вскоре на страницах «Северной пчелы» появился отклик и самого витебского медика, который уточнил, что в 1816 г. перед своим домом на Соборной улице сделал «опыт» с торцевой мостовой и по 1829 г. «пешеходы с благодарностью по ней ходили». Гюбенталь очень пессимистично высказался по отношению к железным дорогам: «…пока мы имеем еще своих дюжих ломовых лошадей, то нет, кажется, необходимости ломать голову над железными дорогами», но заметил, что «как скоро будет решено, что введение железных дорог для России необходимо или полезно, то в Витебске оно должно иметь свое начало». Отмечается, что город мог бы стать и «центральной точкой водяной коммуникации», если соединить каналами реки и тем самым сделать возможным водное сообщение между Балтийским, Черным и Каспийским морями.

Гюбенталь восторженно пишет о геополитическом положении Витебска: «Если мы проведем прямую линию от восточного берега Новой Земли до Средиземного моря, во 150 верстах от восточного берега острова Мальта, то получим один из самых больших диаметров Европы, и если сию полученную линию пересечем другою горизонтальною линиею, коей оконечности терялись бы в Бергене, что в Норвегии, и в Астрахани, на Каспийском море, то увидим, что Витебск впадает в перекресток сих диаметров, и, следовательно, представляет собою самое средоточие Европы. В отношении России, Витебск лежит к югу от С.-Петербурга, к северу от Киева, к западу от Москвы, а к востоку от Риги – в равном расстоянии, следовательно, составляет средоточие главнейшей части Европейской России. К сему присовокупить должно еще то, что Витебск впадает в прямую линию, которая указует дорогу из С.-Петербурга к черноморскому порту – в Одессу. Обстоятельство, которое бесспорно назначает Витебск, если не столицею, то, по крайней мере, центральной точкой путей сообщения России» [20].

Помимо «оды» географическому положению Витебска, в статье привлекает внимание упоминание о месте жительства Гюбенталя. Как уже упоминалось, медик имел дом на Подвинской улице. Здание не сохранилось, но сама улица в путеводителях и экскурсах связывается с именем известного медика. Выявленная статья о торцевых дорогах подсказывает место, где Гюбенталь проживал с момента появления в Витебске, – Соборная улица. Такое название имела нынешняя улица Комиссара Крылова, до того как стала Успенской, и, вероятно, после этого название переместилось на улицу Гимназическую, нынешнюю Политехничекую. К сожалению, точное местонахождение «дома на Соборной», где жил Гюбенталь, пока установить не удалось.

Некоторые подробности устройства витебской торцевой мостовой раскрываются в статье в штутгартском «Polytechnisches Journal»: «Это было в 1816 г., когда я приказал вымостить деревянными блоками улицу перед моим домом в Витебске, чтобы шум проезжающих мимо транспортных средств не мешал мне в моей работе [см. «Северную пчелу», 1838, с. 703 и с. 813]. Поскольку затея отлично удалась, то я в том же году сделал предложение дирекции путей сообщения в С.-Петербурге вымостить таким образом улицы в Одессе, где нет булыжника, деревом. Благодаря этому, но еще больше благодаря гвардейскому полку, который в 1820 году квартировался в Витебске под командованием графов фон Бенкендорфа и Орлова (оба жили тогда в моем доме), этот тип дорожного мощения стал известен в С.-Петербурге, и позже был введен там благодаря стараниям статского советника Гурьева. Но главная идея в этом изобретении, простое и точное соединение деревянных блоков между собой, осталось тогда известным только мне» [228].

В этой же статье Гюбенталь предложил устраивать «призматические деревянные рельсы» – вкапывать в землю друг за другом в два ряда сваи, с обтесанными в виде призмы верхними частями по которым могли бы двигаться «локомотивы», приводимые в движение «сжатым воздухом»: «Я назвал эту машину в честь Отто фон Герике, известного изобретателя воздушного насоса и воздушной пушки, гериковым рычагом, и обещаю, что со временем она, если не вытеснит паровые машины, но решит мировую проблему: как ликвидировать поразительное потребление горючих материалов при современном уровне машин?» Статья была перепечатана в изданиях Австрийской империи – Триест [101], Вена [100; 103], Линц [102].

Шесть лет спустя в рижской газете «Blätter für Stadt und Land» Гюбенталь предложил метод покрытия тротуаров составом уже на основе асфальтовой мастики [230].

Не забывал Карл Иванович и нужды сельского хозяйства. В январе 1836 г. «St. Petersburgische Zeitung» сообщила о предложенном им «универсальном» плуге [68]. Ранняя зима помешала провести полноценное опробование в поле, и только в сентябре следующего года газета сообщила об их проведении. Испытания прошли в присутствии генерал-губернатора П.Н. Дьякова

(1788–1847) и «нескольких других высоких персон» на землях имения Залучосье, принадлежавшего Белорусскому вольно-экономическому обществу, арендатором которого был Гюбенталь. Плуг с легкостью тянула пара обычных крестьянских лошадей, и качество вспашки всех привело в восторг [72].

Сообщение о плуге появилось в венской «Allgemeine österreichische Zeitschrift für den Landwirth, Forstmann und Gärtner» [70], после проведения испытаний в немецкой «Gemeinnützige Blätter zur Belehrung und Unterhaltung» [166] и позже в санкт-петербургской «Земледельческой газете» [17].

Детали конструкции плуга, как и многое другое из опыта хозяйствования Гюбенталя, можно узнать из «Летописи Белорусского общества сельского хозяйства», изданной самим Карлом Ивановичем в 1841 г. [21]. Миниатюрная модель плуга была подарена Гюбенталем шведскому королю, и сейчас этот предмет хранится в стокгольмском Музее северных стран [81].

Рекламное сообщение о продаже миниатюрных моделей различных механизмов, сельскохозяйственных орудий и сооружений, изобретенных К. Гюбенталем, было помещено витебским инструментальным мастером Фридрихом Вильгельмом Андрée в «St. Petersburgische Zeitung»: водяная мельница (120 р. асс.); плуг (20 р. асс.); корморез (10 р. асс.); тележка для равномерного разбрасывания удобрений (15 р. асс.); борона для удобрений (12 р. асс.); циркуль-борона, вращающаяся вокруг своей оси (12 р. асс.); копер для забивания свай при строительстве гидросооружений (16 р. асс.); плавающий мост без якоря (40 р. асс.); деревянный мост с вертикальными балками с шаровыми соединениями (40 р. асс.); водочерпательная машина (18 р. асс.); водяное колесо с подвижными лопатками (40 р. асс.); машина для быстрой формовки кирпичей (40 р. асс.) – «все модели выполнены из красного дерева и тонко обработаны, металлические части из посеребренной бронзы» [222].

В «Летописи Белорусского общества сельского хозяйства» была помещена статья и о «новом роде кирпичей», изобретенном Гюбенталем. Они с одной стороны имели полусферические выступы, а с обратной выемки такой же формы, что конечно усиливало сцепление и, соответственно, прочность конструкции [22]. Первая информация об этом изобретении появилась еще в 1833 г. в «Libausches Wochenblatt» [218], в 1840 г. возникли еще три публикации – Дерпт [76], Прага [66], Лейпциг [229].

Неординарными способностями к изобретательству отличался и сын Гюбенталя Владимир (1829–1883), уже в 16 лет воспитанник юнкерского училища изобрел безопасное стремя [165]. Но в это же время наибольший успех в прессе имела, как сейчас мы бы сказали, пожарная колонка с насосом оригинальной конструкции юного новатора. В 1844 г. с подачи «St. Petersburgische Zeitung» об этом написали газеты в Риге [204; 205], Пярну (Тарту) [221], Митаве [219], Венеции [111], Граце [202], Вене [117; 150; 177; 196], Карлсштадте [192], Офене [74]. Правда, было сообщение, что в Венгрии нечто подобное уже применялось [211].

В 1830–40-е гг. статьи Гюбенталя регулярно появлялись на страницах рижских «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland», «Blätter für Stadt und Land» и петербургской «Земледельческой газеты».

Карл Иванович посылал в «Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland» небольшие заметки о способах уборки и хранении урожая [90], выращивании сахарной свеклы [233], использовании удобрений [232], «облагораживании» плодовых деревьев [231], применении парашюта при спасении с потерпевших аварию воздушных шаров и гребных колес на судах [86], отзвуках Бухарестского землетрясения и состоянии погоды [87], разных необычных явлениях и происшествиях: «Витебск, 21-е ноября. Также и наш город не беден на редкие явления природы. Так, совсем недавно у местной солдатской вдовы родился ребенок с двумя головами. Роды происходили безо всякой медицинской помощи, и ребенок появился на свет мертвым.

Теленок с одним глазом на лбу, настоящий циклоп, был найден в этом году в утробе забитой коровы.

Также к редким явлениям можно отнести пару обезьян (Simia cynomolgus), которая размножается здесь, несмотря на 55° северной широты. Вероятно, в природе нет ничего более мерзкого, чем этот обезьяний детеныш. Особенно отвратительно его безволосое, сморщенное лицо, с которым смешно контрастируют черные как сажа волосы головы. Детеныш не переносится на руках матери, как учит история природы, но он сам держится своими силами и напряжением всеми четырьмя руками за живот матери, и она повсюду таскает с собой драгоценный залог своей любви. Отцу редко удается провести короткое время с гадким сыночком, которого он, кстати, очень любит» [88].

Особое внимание привлекает заметка в «Blätter für Stadt und Land» за 8 ноября 1844 г.: «На сегодняшний день мы имеем в нашем городе три дагерротипа, но всего двух пекарей – доказательство тому, что человек больше беспокоится об образном, чем о телесном. Однако господа светохудожники при неудачном урожае ржи должны были довольствоваться овсяным супом. Один из них пытается теперь со скрипкой в руке привнести гармонию в свои домашние отношения.

Дагерротип, который недавно привлекал столько внимания и все еще находится на высоте популярности, по мнению одного знатока, абсолютно не заслуживает этого ажиотажа. Все изображения, которые производит эта машина, по его словам, являются искаженными и это потому, что из-за выпуклости стекол перспектива предметов (как в случае с camera obscura) слишком удлиняется, и, следовательно, неверно отображается. Изобразительное искусство, таким образом, ничего не выиграло благодаря дагерротипу, однако для химии он все еще остается весьма привлекательным изобретением, которое впоследствии может привести к чему-то более важному» [89].

Кажется невероятной столь ретроградная позиция Гюбенталя по отношению к такому революционному изобретению как фотография. Но если

обратиться к прессе того времени, то окажется, что многие весьма критично относились к столь сложному процессу получения изображения, и буквально через 10 лет (после официального обнародования в 1839 г.) дагерротип уступил место более простым и совершенным фотографическим процессам. Тем не менее, сообщение Гюбенталя – самое раннее известное на сегодняшний день свидетельство появления в Витебске мастеров светописи.

Не обошел вниманием Гюбенталь и открытие в Витебске театра. В первом номере «Blätter für Stadt und Land» за 1846 г. появилась заметка медика от 24 декабря предыдущего года. Карл Иванович пишет о перестроенном благодаря усилиям генерал-губернатора Андрея Михайловича Голицына (1792–1863) здании «нового храма муз» – «как по мановению волшебной палочки» [91]. Восторженно отзывается о «полном совершенной гармонии» представлении труппы Мориса Пиона [24] и игре шестилетней Камиллы Чехович, которая «привела зрителей в изумление».

В «Земледельческой газете» Гюбенталь опубликовал статьи о корнерезе собственной конструкции (для разрезания корней, оставшихся на поле после корчевания пней) [23], о «размножении благородных плодовых деревьев посредством отводков» [16], о глиномятной машине для «мятья» глины с целью использования для различного строительства [14], о мерах борьбы с «хлебным червем» [15], о ведении «прудового хозяйства» с целью удобрения почвы илом, образовавшимся из-за затопления на несколько лет полей [19], о влиянии малоснежных зим на посевы различных культур [27].

В 1846 г. в «Земледельческой газете» была напечатана серия корреспонденций о методах лучшей организации труда крестьян в помещичьих имениях. В одной из таких публикаций управляющий имением Е. Вонлярского в Смоленской губернии Семен Шишко обвинил помещиков Витебской и Могилевской губерний в ведении хозяйства «по старинному образцу» – «без урочного назначения в обработке земли, сенокосе, жниве, и прочих по сельскому хозяйству работ» [56]. Вскоре управляющий имением Гюбенталя дворянин Осип Врублевский решил опровергнуть такие представления и опубликовал выдержки из инвентаря с росписью видов работ, затрат времени и распределения исполнителей [5].

В 1848 г. К. Гюбенталь за предложенный способ «удобного и дешевого способа сушки и хранения хлеба в зерне и муке» был награжден российским Вольным экономическим обществом малой серебряной медалью. Сочинение Гюбенталя опубликовали в «Трудах» общества на русском [18] и немецком [125] языках и в венском издании «Niederösterreichisches Landwirthschaftliches Wochen-Blatt» [126].

Однако финансовое положение Гюбенталя не всегда было блестящим, и в связи с неурожаем и голодом Карл Иванович неоднократно получал ссуды под залог имения Королёво (Гюбенталь): 1836 г. – 3000 р. [49]; в 1845, 1846, 1847 гг. – всего на 742 р. 50 к. [51]; в 1854 г. – 403 р. 28 к. [52]. В 1840 г. был за-

ложен дом на Подвинской улице, оцененный в 5331 р. 89 к. («каменный двухэтажный дом, крытый железом, с погребами и землей» [50]).

В начале сентября 1858 г. из Витебска пришла печальная весть: «1-го сентября в Витебске на 73-м году жизни почил оплакиваемый всеми, проживший долгую жизнь бывший медицинский инспектор и почетный куратор витебской гимназии, др<октор> мед<ицины> статский советник Карл фон Гюбенталь. Проживая с 1814 г. в Витебске, он был непрестанно деятельным и готовым помочь на протяжении 43 лет; в городе и далекой округе не найти ни одной семьи, которой он не представал в качестве помощника и спасителя, и в сердцах всех он воздвиг себе возвышающийся над могилой вечный, нерушимый памятник любви и благодарности. 5-го числа его смертная оболочка в сопровождении старых и молодых из близких и далеких мест была предана месту последнего покоя». Такой некролог 15 сентября появился на первой полосе «Rigasche Zeitung» [145]. Вскоре его опубликовали в дерптской «Das Inland» [173] и петербургской «Medicinische Zeitung Russlands» [174].

В «Витебских губернских ведомостях» 29 ноября 1859 г. появилось сообщение о назначении пенсии вдове Гюбенталя Анне Иосифовне («1/2 из пенсии мужа») и двум малолетним сыновьям Карлу и Станиславу («по 1/3 из другой таковой половины») – «всему же семейству 381 р. 25 к. серебром в год, с 1 сентября 1858 года» [38].

Выявленные публикации позволяют расширить представления о деятельности Карла Гюбенталя, развитии медицины, науки и техники, городской жизни Витебска 1810–50-х гг.

Юрчак Д.В. *(г. Витебск)*

ВОССТАНОВЛЕНИЕ РАЗРУШЕННЫХ КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ ВИТЕБСКА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Как и любой древний белорусский город, Витебск когда-то украшали многочисленные храмы и соборы, являвшиеся архитектурными доминантами того или иного городского района. Но, к сожалению, антирелигиозная политика в годы советской власти и разрушения периода Великой Отечественной войны привели к тому, что облик города существенно изменился. С его лица исчезли многочисленные церкви, которые, к счастью, постепенно возвращаются на свои законные места. При этом речь уместно вести о научно-обоснованном восстановлении храмов, так как им после завершения работ присваивался статус историко-культурных ценностей.

В рамках данной статьи мы постараемся проследить судьбу восстановленных культовых зданий Витебска, которые в настоящий момент стали на-

стоящим украшением города и привлекательными туристскими объектами. Данный вопрос уже затрагивался в публикациях некоторых исследователей. В частности, проблеме восстановления Благовещенской церкви посвящена публикация научного руководителя проекта Г. Лаврецкого [4]. Общие вопросы восстановления религиозно-культовой архитектуры города затронуты в статье О. Лесной [5]. Более детально эти же вопросы рассмотрены Е. Степанцовой [7]. Кроме того, достаточно много информации о витебских храмах можно найти в уникальном интернет-проекте «Витебская энциклопедия», где представлена подробная информация о многих знаковых объектах города [1]. Тем не менее, стоит признать, что данный вопрос недостаточно исследован в отечественной историографии и требует дальнейшей глубокой проработки.

На сегодняшний день Витебск выступает прекрасным примером успешного восстановления и активного использования как в религиозных, так и туристских целях ранее разрушенных культовых объектов. Однако начиналось все не так радужно. И показательно, что в данном случае активная позиция общественности, впоследствии поддержанная местными властями, стала определяющей в судьбе города и его архитектурного наследия.

Первым примером восстановления объектов культовой архитектуры в Витебске стал Свято-Покровский собор, построенный в начале XIX в. как костел тринитариев. В 1831 г. он был закрыт и до 1852 г. здание не использовалось, пока не было передано православной церкви и не освящено в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В начале XX в. здание было перестроено в соответствии с православными архитектурными традициями. В годы советской власти храм был закрыт. Во время Великой Отечественной войны здание сильно пострадало (были повреждены башни, уничтожен купол и разрушена крыша), но невероятным образом отчасти руинированное культовое здание на центральной улице Витебска (ул. Ленина) не было разрушено и сохранилось до 1980-х гг.

Однако именно в этот период городские власти приняли решение о сносе здания и провели подготовительные работы. Но в условиях роста общественной активности и благодаря деятельности витебской интеллигенции, объединившейся в клуб «Узгор'е», храм удалось отстоять. Участниками организации было проведено 40 субботников, в которых добровольно принимало участие по 40–50 человек [2].

В 1986 г. было принято решение восстановить здание храма. А уже в следующем году начата реставрация (по проекту витебских архитекторов И. Ратько и Б. Ляденко). В результате 14 октября 1990 г. на праздник Покрова Пресвятой Богородицы в храме состоялось первое богослужение. Окончательно работы по реставрации Свято-Покровского собора завершились в 1992 г. Одновременно был передан православным и восстановлен монастырский комплекс, который вместе с храмом образует «комплекс бывшего монастыря тринитариев» и является памятником архитектуры.

В советский период также встал вопрос о реставрации костела святой Барбары. Он сохранился в разрушенном виде до 1980-х гг., в некоторых публикациях говорится о сильном разрушении. Однако по сравнению со Свято-Покровским собором его состояние было неплохим. Например, сохранились в первозданном виде, хотя и были повреждены, башни костела.

Костел святой Барбары был построен в 1795 г. за счет Антония Косова за городом в районе католического кладбища. В 1883–1885 гг. храм был существенно расширен и перестроен с использованием элементов неороманского стиля. В 1935 г. костел был окончательно закрыт и использовался в дальнейшем в качестве склада. Культовое здание сильно пострадало в годы войны, тем не менее, основные стены и башни с повреждениями дожили до начала перестройки. Во второй половине 1980-х гг. местными властями было принято решение о реставрации костела под концертный зал. Основные реставрационные работы были проведены в 1988–90 гг. Но активизация религиозной жизни после распада СССР привела к тому, что храм был возвращен верующим. Благодаря отцу Янушу Скечеку костел снова стал считаться действующим католическим храмом, а 7 февраля 1992 г. был официально зарегистрирован приход святой Варвары. С момента выделения Витебской епархии (13 октября 1999 г.) и до 18 июня 2011 г. в нем находилась кафедра витебского епископа [3].

Третьей по времени восстановления в Витебске стала старейшая церковь города и одна из самых древних в Беларуси – Благовещенская. Специалисты считают, что она была возведена в городе в первой половине XII в., правда, впоследствии несколько раз перестраивалась. Церковь сильно пострадала в годы Великой Отечественной войны, в 1961 г. по решению городских властей храм собирались снести. До конца довести эти планы не позволила категорическая позиция специалистов (включая П. Барановского), а также публичная критика действия городских властей авторами телевизионного сатирического журнала «Фитиль». Поэтому после того, как работы по демонтажу были прерваны, сохранились значительные фрагменты стен. В 1977 г. архитекторами С. Друщицем и В. Москалевым была произведена консервация руин церкви.

В 1992 г. было принято решение Витебского облисполкома о восстановлении Благовещенской церкви. Научным руководителем проекта стал известный минский архитектор Г. Лаврецкий. Основные работы начались в 1994 г. За основу реставрации был взят храм XII в., облик которого удалось восстановить по результатам археологических раскопок на месте нахождения церкви.

В 1998 г. основные работы по восстановлению храма были завершены. Для того чтобы открыть первозданный образ храма, строителям пришлось снять часть грунта вокруг объекта, сделав своеобразную врезку в ландшафт, так как с XII в. культурный пласт в городской черте существенно увеличил-

ся. Кроме того, там, где это было возможно, реставраторы сохранили кладку храма из плинфы и доломитовых валунов, позволяющую представить первозданный облик Благовещенской церкви.

26 сентября 1998 г. храм освятил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Первое богослужение прошло в храме на Рождество Христово в 1999 г. И с этого времени храм Благовещения является своеобразной визитной карточкой города и свидетельством его древности.

Четвертым по очередности восстановленным храмом Витебска стала Воскресенская церковь. Впервые православная Воскресенская церковь упоминается под 1558 г. В 1772 г. на месте неоднократно перестраиваемой деревянной церкви было закончено строительство каменного храма, который был освящен как униатский. Строилась церковь на деньги витебского купца Николая Смыка, из-за чего ее в народе иногда называли Смыковской. Кроме того, храм часто называли Рынковым, из-за расположения у его стен городского торга. Церковь была построена в стиле виленского барокко. Архитектором, по некоторым данным, являлся автор проекта витебской ратуши полоцкого Софийского собора И.К. Глаубиц.

В 1834 г. храм был передан православным. Несколькими годами позже, в 1841, была осуществлена перестройка церкви для соответствия канонам. В январе 1936 г. храм Воскресения Христова был разрушен по постановлению советских городских властей, так как по официальной версии здание «мешало» движению городского транспорта. Однако эта версия не выдерживает никакой критики.

Что касается восстановления утраченного наследия, то архитектор Б. Ляденко утверждал, что идея восстановления храма появилась еще в советское время, но так и не была реализована [7, с. 388]. Этот же вопрос поднимался клубом «Узгор'е», а затем и местной греко-католической общиной, которая не смогла найти средств на восстановление храма. В итоге было решено строить православный храм заново. Научным руководителем проекта восстановления являлся главный архитектор УП «Витебскжилпроект» И. Ротько. Было принято решение строить храм в оригинальном виде, таким, каким он был до перестройки в православный. За небольшим исключением: в середине кровли запланировали небольшую башенку с куполом и скрытый купол, видимый только изнутри. Проект создавался по рисункам художника Юзефа Пешки и фотографиям.

Строительные работы по восстановлению храма начались только в 2001 г. Восстановление храма частично велось на пожертвования предприятий города и горожан. Любой желающий на площадке перед храмом мог купить кирпич для постройки церкви, на котором писалось его имя. К 2005 г. были построены стены будущего храма, а в 2006 г. установлены барочные купола. В конце 2008 г. были закончены наружные отделочные работы, в нишах стен созданы образы Христа, Богоматери и святых. 10 июля

2009 г. Свято-Воскресенская церковь была торжественно освящена Митрополитом Минским и Слуцким Филаретом, Патриаршим Экзархом всея Беларуси. Это означало, что еще один утраченный храм Витебска восстал из небытия.

Пятым восстановленным храмом Витебска стал самый крупный собор города – Успенский. Изначально на этом месте существовал деревянный храм. В 1743 г. на прежнем месте было начато возведение новой каменной Успенской церкви и строений базилианского монастыря: трехэтажного корпуса, в котором по окончанию строительства находились кельи для монахов и школа. Строительство велось по проекту Иосифа III Фонтана. Завершить возведение храма удалось лишь к 1777 г. После установления в городе советской власти собор был закрыт. А в сентябре 1936 г. храм был взорван командой сапера П.Г. Григоренко.

В 1998 г. в рамках визита в Витебскую епархию Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершил закладку капсулы в основание фундамента восстанавливаемого Свято-Успенского кафедрального собора г. Витебска и преподал благословение на его строительство. Проект восстановления храма был подготовлен витебскими архитекторами И. Ротько (хорошо знакомым нам по ранее упомянутым проектам восстановления) и А. Михайлюковым. Строительные работы были начаты в июне 2000 г. Предварительно на месте храма XVIII в. археологами были проведены раскопки.

После завершения работ по возведению стен и башен 23 сентября 2008 г. были установлены купола и кресты башен-колоколен, а крест на главный купол был воздвигнут в конце декабря. 7 апреля 2011 г. в соборе прошла первая служба после реконструкции в честь православного праздника Благовещения. Храм стал действующим и был открыт для прихожан. Тем самым, были завершены работы по восстановлению пятого знакового культового объекта для города. 30 сентября 2011 г. Успенский собор освящен Митрополитом Минским и Слуцким, Патриаршим экзархом всея Беларуси Филаретом.

Показательно, что при восстановлении православных храмов старались ориентироваться на их первоначальные барочные прототипы, что неоднозначно воспринималось в православной среде, а сейчас активно используется некоторыми силами для идеологического противопоставления различных конфессий. Из-за этого, к сожалению, не всегда удавалось воссоздать первоначальный вид храмов. При этом нужно признать, что большая часть культовых сооружений из восстановленных ранее действительно принадлежали униатам либо католикам, поэтому в их архитектуре присутствуют «неправославные» стили. Насколько правомерен такой подход? Следует ли вычеркивать из архитектурного наследия православных храмов униатский период? Однозначно нет! Да, эти храмы являются немыми свидетелями не самого простого периода в истории православия в Беларуси, но они же свидетельствуют о возвращении в православную веру значительной части на-

селения, которая в силу различных причин на время отвернулась от веры своих предков. Так почему же не считать барочные православные церкви символом победы православия? Этот подход более конструктивен и имеет свою сильную идеологическую составляющую.

Восстановление разрушенных храмов в Витебске не осталось незамеченным как в республике, так и за ее пределами. В 2014 г. руководство Фонда имени князя Константина Острожского отметило заслуги Архиепископа Витебского и Оршанского Димитрия на Полоцкой и Витебской кафедрах, удостоив его одноименной премии. В частности, учредители премии отметили, что первые годы архипастырского служения владыки Димитрия совпали с началом возрождения Белорусской православной церкви, когда приходилось восстанавливать не только духовное наследие, но и материальную культуру. Когда он прибыл в Полоцкую епархию, там было 9 церквей и 12 священнослужителей. Только 2 церкви действовали в Витебске. С 1992 г. построено и восстановлено около 200 храмов [6], среди которых, безусловно, и восстановленные святыни древнего Витебска.

Однако, как показывает история, в Витебске в перспективе могут появиться и иные восстановленные культовые здания. Далеко не все места, где раньше были церкви и соборы, сегодня застроены, и возможность восстановления храмов не исключена. Особенно это касается тех объектов, которые внесены в Государственный список историко-культурного наследия и охраняются государством. Для Витебска это такие знаковые объекты, как Николаевский собор, располагавшийся на современной площади Свободы, и церковь Рождества Пресвятой Богородицы (ул. Зеньковой, 9), здание которой после войны было переделано и используется в настоящий момент как жилой дом.

Николаевский собор (бывший иезуитский костел святого Иосифа) некогда был знаковой архитектурной доминантой города. Барочный каменный храм на этом месте был построен иезуитами в 1716–1731 гг. на месте сгоревшего деревянного костела при иезуитском коллегиуме. Впоследствии храм был передан униатам, затем православным, был освящен в честь Николая Чудотворца, стал кафедральным, пережил масштабную реконструкцию, антирелигиозные движения, войну, но в 1957 г. был взорван. Сегодня этот храм включен в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь как памятник архитектуры. Последнее обычно вызывает удивление и недоумение. Как объект, который сегодня остался лишь фрагментарно в руинированном виде под землею, может быть памятником архитектуры? Однако у этого нонсенса есть свое объяснение. Если бы данный объект был памятником археологии (которым он пока defacto является), при его восстановлении могли возникнуть юридические сложности, что потребовало бы дополнительных действий (до вступления в силу Кодекса о культуре требовалось бы внесение изменений в постановление Совета Министров).

И это могло создать дополнительные сложности. Поэтому внесение Николаевского собора в Государственный список как памятника археологии – продуманный и дальновидный шаг. Правда, для реализации задумки на практике необходимо провести перетрассировку улицы Фрунзе (ее незначительное смещение в южном направлении и выравнивание с Замковой), что новым Генеральным планом города Витебска в перспективе предусмотрено.

Ситуация с церковью Рождества Пресвятой Богородицы немного иная. Здание сохранилось, но существенно перестроено и используется как жилой дом. В отличие от находившейся рядом церкви святых Петра и Павла, которая также разрушена и ее место застроено, данный храм может быть воссоздан на прежнем месте. Однако это потребует выселения жильцов, проживающих в настоящее время в доме по ул. Зеньковой, 9.

Из православных храмов, на наш взгляд, также перспективными для восстановления можно считать Спасскую церковь, располагавшуюся до 1950-х гг. на современной ул. Путна, и известную в городе «Черную Троицу» (церковь святой Троицы). Первая из них знаменита тем, что ее можно встретить на работах Марка Шагала, в частности, на одной из самых известных его работ «Над городом». Ее фундамент в настоящее время находится на территории школьного двора и функционально не используется. «Черная Троица» – деревянный храм на окраине города, располагался ранее на месте соединения современного проспекта Куйбышева и Староулановской улицы, напротив школы. Храм был разрушен в 1928 г. В настоящий момент место, где он находился, свободно от застройки. А в фотопроекциях витебского краеведа Виктора Борисенкова, соединяющего фотографии разных эпох, он прекрасно вписывается в существующие архитектурные реалии.

Из католических храмов, которые могут быть восстановлены в Витебске, на наш взгляд, необходимо отметить костел святого Антония, разрушенный в 1961 г., и часовню в Ботаническом саду. По первому из названных объектов разговоры ведутся давно, есть даже согласие городских властей. Однако начать официально процесс выделения земли и проектирования не позволяет отсутствие необходимых средств. А вести строительство без выполнения этого условия не даст местная власть, совсем не заинтересованная в появлении долгостроя в центре города.

Есть еще один важный момент, который нужно учитывать: восстановление костела возможно со смещением его от прежнего места расположения немного на восток (дальше от проезжей части). Последнее обусловлено расширением улицы Ленина и отсутствием иного архитектурного решения. Это отличает его от Николаевского собора, который может быть восстановлен на прежнем месте. Согласие Министерства культуры Республики Беларусь на смещение костела при его восстановлении уже получено.

Вторым знаковым католическим объектом в центре города может стать часовня Дунин-Слепцев (Дунин-Слепсцев), существенно перестроенная

в XX в. и расположенная в Ботаническом саду (ул. Урицкого, 25). Данный культовый объект был построен в середине XIX в. и известен по имени своего «фундатора». Однако из-за последующей перестройки о его существовании мало кто знал. О наличии в городе перестроенной часовни широким слоям населения стало известно только после того, как некоторые витебские СМИ опубликовали информацию о том, что неиспользуемое здание в Ботаническом саду, которое собирается снести собственник – ВГУ им. П.М. Машерова, на самом деле и есть бывшая часовня. Проверка приведенных аргументов позволила согласиться с этим утверждением и предпринять меры по сохранению здания.

К руководству университета с просьбой о сохранении и передаче здания обратился епископ Олег Буткевич. С целью сохранения объекта с такой же просьбой выступил глава Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры Антон Астапович. Однако пойти на это руководство вуза не могло, так как не имелось возможности для выделения отдельного земельного участка на территории Ботанического сада.

В связи с этой проблемой для сохранения здания необходимо было найти средства и автору данной статьи вместе с заведующим кафедрой истории Беларуси ВГУ им. П.М. Машерова А.Н. Дуловым. Пришлось в спешном порядке готовить заявку на Посольский фонд сохранения культурного наследия (США) по проекту «Реставрация здания бывшей католической часовни в Витебске под студенческий центр национальных культур». Функциональное назначение по проекту было обусловлено тем, что финансовые средства на восстановление культовых объектов для религиозных целей грантодателем не выделялись. К сожалению, данный проект не был поддержан американской стороной. Тем не менее, университет сумел оформить здание бывшей часовни как складское помещение, что давало возможность его сохранить без существенных затрат. В настоящий момент, судя по официальным заявлениям епископа Олега Буткевича, вновь прорабатывается вопрос о передаче часовни католикам.

Кроме того, могут быть восстановлены в Витебске и иудейские культовые объекты. В частности, до наших дней сохранилась отчасти руинированная коробка бывшей Большой Любавичской синагоги на ул. Революционной. К сожалению, последователей любавичского хасидизма (Хабад) в современном Витебске нет. Но хочется верить, что в ближайшее время найдутся спонсоры (возможно, не только в еврейской среде) и для этого разрушающегося аутентичного объекта, который также может стать украшением города и немым свидетелем еврейской страницы в истории Витебска. То же касается и Главной Хоральной синагоги на ул. Калинина, место расположения которой не застроено. А сам объект даже отмечен на Генеральном плане города как перспективный для восстановления. При этом, возможно, его функциональное назначение может быть изменено, но внешний облик приближен к первоначальному.

Для восстановления названных объектов необходимы значительные средства, поэтому пока вопрос о восстановлении большинства из них не стоит на повестке дня. Но это совсем не означает, что он не будет актуальным в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Таким образом, в Витебске на протяжении трех последних десятилетий проделана большая работа по восстановлению утраченного архитектурного наследия. Пять почти полностью или частично утраченных храмов восстановлены силами православной и католической церквей, местных властей и общественности. Они стали настоящим украшением и визитной карточкой города. Ежегодно тысячи туристов фотографируются на фоне древних храмов, которые являются свидетельством возрождения духовности на Витебской земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Витебская** энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://evitebsk.com/wiki.

2. «**Дай** Бог, каб у кожнага ў жыцці было такое «Узгор'е» : успаміны сябраў віцебскага клуба аматараў даўніны // Говорим.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://govorim.by/vitebskaya-oblast/vitebsk/novosti-vitebska/90416-day-bog-kab-u-kozhnaga-zhycc-bylo-takoe-uzgore-uspamny-syabra-vcebskaga-kluba-amatara-danny.html.

3. **История** костела // Костел Святой Варвары в Витебске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://svbarbara.by/history.html.

4. **Лаврецкий, Г.** «Свет невечерний» над Двиною / Г. Лаврецкий // Архитектура и строительство. – 1999. – № 6. – С. 16–17.

5. **Лесная, О. Ю.** Памятники религиозно-культовой архитектуры Витебска : реконструкция и развитие туристического потенциала / О. Ю. Лесная // Опыт сохранения историко-культурного наследия и трансграничное сотрудничество в сфере культурного туризма : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 24–25 окт. 2012 г. / Витеб. гос. ун-т. ; редкол.: А. П. Солодков [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2012. – С. 157–160.

6. **Пастернак, Т.** Архиепископ Витебский и Оршанский Димитрий стал лауреатом польской премии имени князя Острожского / Т. Пастернак // Витебские вести [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vitvesti.by/obshestvo/arkhiepiskop-vitebskii-i-orshanskii-dimitrii-stal-laureatom-polskoi-premii-imeni-kniazia-ostrozhskogo.html.

7. **Сцепанцова, К.** Аднаўленне культавых збудаванняў Віцебска ў кантэксце сучаснай тэорыі спадчыны / К. Сцепанцова // ARCHE. – 2014. – № 4. – С. 377–404.

Яшчанка А.Р. *(г. Гомель)*

ГАНДАЛЬ КНІГАМІ І КАНЦТАВАРАМІ Ў ГАРАДАХ БССР У ПЕРШЫЯ ПАСЛЯВАЕННЫЯ ГАДЫ

Спірыдон Собаль, як і іншыя асветнікі і арганізатары друкавання аўтарытэтных выданняў сваёй эпохі, пакінуў значны след у гісторыі культуры Беларусі, узняўшы кнігу на высокі і пачэсны п'едэстал. Праз стагоддзі, калі кнігі пачалі выпускацца мільённымі тыражамі і ператварыліся ў даступныя, будзённыя, а часам і неабходныя, напрыклад, у сістэме адукацыі, рэчы, мастацтва кнігі не знікла, былі знойдзены новыя сродкі мастацкай выразнасці для афармлення выданняў і бясконца ўдасканальвалася паліграфічнае мастацтва ў кніжным рамястве. Аднак усё большую ролю стала адыгрываць працэдура не толькі стварэння якаснай па змесце і прыгожай па афармленні кнігі, але і яе дастаўкі чытачу.

Зварот да тэмы аб гандлёвай дзейнасці ў гарадах БССР у перыяд пасляваеннага аднаўлення зусім не новы, створаны вялізныя агляды працэсаў рэканструкцыі гаспадаркі рэспублікі ў гэты час. Разам з тым канкрэтызацыя праблемы – продаж менавіта кніжнай прадукцыі – дазваляе, з аднаго боку, больш грунтоўна асэнсаваць функцыянаванне названай галіны, а з другога – сфарміраваць рэалістычнае ўяўленне аб спецыфіцы працы кніжных гандлёвых кропак і забяспечанасці ў кнігах розных узроставых і прафесійных груп. Крыніцамі для вывучэння гэтай тэмы з'явіліся архіўныя матэрыялы, сканцэнтраваныя ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь у фондах Міністэрства гандлю БССР.

Рост адукацыйнага ўзроўню, зацікаўленасць самых розных груп насельніцтва ў чытанні як адной з магчымасцей баўлення вольнага часу ў савецкі перыяд, форм асветніцтва, якія актыўна выкарыстоўваліся, прыводзіў да пільнай увагі да кнігагандлёвай дзейнасці. Адной з важных задач сістэмы гандлю лічылася не толькі запаўненне прылаўкаў магазінаў, але і разгалінаванне гандлёвай сеткі і стварэнне спецыялізаваных магазінаў па продажы асобных відаў тавараў, што ў тым ліку прывяло да адкрыцця новых, арыентаваных менавіта на продаж кніг, магазінаў.

У 1947 г. пры падвядзенні вынікаў дзейнасці Белкніжкультгандлю за 1946 г. адзначалася, што гандлёвая сетка разгорнута ва ўсіх гарадах БССР, дзе былі адчынены 32 магазіны, 7 ларкоў і 6 школьных кіёскаў. Разам з тым былі створаны абласныя аддзяленні, выканана значная праца па забеспячэнні школьнай сеткі гарадоў БССР наглядными дапаможнікамі да вучэбнага года.

Новым спосабам паляпшэння абслугоўвання ў першыя мірныя гады стала арганізацыя аддзела падпісных выданняў (прасоўванне кнігі поштай). Адной з праблем, было недастаткова хуткае перамяшчэнне тавараў з оптавых баз у гандлёвыя кропкі, таму ў мэтах задавальнення патрэб гараджан у

кнігах было ўведзена патрабаванне пакідаць тавары на складах у сярэднім не больш чым на 30 дзён. Некаторая частка кніг прызнавалася заляжалым таварам, які падлягаў тэрміновай рэалізацыі.

Адным з эфектыўных сродкаў павышэння якасці працы Белкніжкультгандлю ва ўмовах недастатковай вытворчасці кніг разглядалася адкрыццё спецыяльных магазінаў па скупцы ў насельніцтва і продажы букіністычных кніг. У пасляваенны час у рэспубліцы гэта была новая форма гандлю, якая давала магчымасць зрабіць асартымент кніг больш разнастайным пры адсутнасці рэзерваў для пашырэння аб'ёмаў іх стварэння на паліграфічных прадпрыемствах.

Таксама наладжваўся кантроль за дастаўкай вучням падручнікаў і сшыткаў, каб выключыць непрадуманае размеркаванне надзвычай неабходных для адукацыйнага працэсу рэчаў і пазбегнуць спроб спекуляцыі. Міністэрствам гандлю БССР ставілася задача па павелічэнні колькасці кніжных крам і магазінаў у гарадах і арганізацыі школьных кіёскаў ва ўсіх гарадскіх сярэдніх школах. Школьныя кіёскі імкнуліся забяспечыць у належных аб'ёмах таварамі першага запыту: пер'ямі, ручкамі, алоўкамі, чарнілам, сцёркамі і інш. [1, л. 73–75].

Асаблівае значэнне надавалася забеспячэнню падручнікамі і кнігамі для чытання дзіцячых дамоў. Паляпшэнне побыту дзяцей у дзіцячых установах адразу пасля вайны адбывалася запаволена, але для ўмоў рэспублікі, у вялікай ступені разбуранай, з яшчэ не адноўленай прамысловасцю і не ўзняўшайся сельскай гаспадаркай, гэты працэс працякаў няспынна і максімальна адпавядаў наяўнаму ўзроўню забеспячэння насельніцтва ўвогуле. Міністэрствам гандлю БССР сістэматычна маніторылася закупка для гэтых устаноў прадметаў першай неабходнасці (іголкі, ніткі, зубны парашок, шчоткі і інш.), а таксама чарніла, алоўкі, наглядныя дапаможнікі, дзіцячая літаратура і нават рэдка даступныя на той час цацкі і музычныя інструменты [1, л. 60–63]. Таму гэтыя творы размяркоўваліся ў дзіцячыя ўстановы ў першую чаргу.

У гандлёвую сетку траплялі і рэалізоўваліся тыя прадметы, якія суправаджалі навучанне школьнікаў, – канцылярскія тавары. Яны спецыяльна ўносіліся ў абавязковыя для выпуску прамысловасцю краіны планы і праграмы. Сярод тавараў для вытворчасці, прызначаных для рэалізацыі ў магазінах гарадоў БССР, у архіўных дакументах згадваюцца ручкі для вучняў, вучнёўскія пеналы, канторскі клей, акварэльныя фарбы, лінейкі і вугольнікі вучнёўскія з дзяленнямі, транспарціры і цыркулі вучнёўскія, дошкі для чарчэння, наканечнікі для алоўкаў і прыстасаванні дзеля іх папраўкі, скрэпкі, туш усіх колераў і інш. [2, л. 56, 62–64]. Ва ўмовах пасляваеннай разрухі, пры тым, што нярэдка ў школах пісалі на адваротах ужо выкарыстаных раней лістоў, паміж радкамі старых кніг, дэфіцытам былі чыстыя сшыткі, лісты для малявання і іншыя, пазней звыклыя ў штодзённасці

рэчы. Усё ж дзяржаўны заказ на вытворчасць кніжнай прадукцыі і імкненне рэгулярна пастаўляць у магазіны не толькі кнігі, але і канцылярскія вырабы адыгрывалі істотную ролю ў паляпшэнні дабрабыту гараджан, вяртанні да стандартаў мірнага жыцця і павышэнні культуры жыхароў рэспублікі.

Сёння складана аднавіць у дэталях працэс продажу кніг у асобных магазінах гарадоў БССР, захаваліся толькі некаторыя спісы кніжнай прадукцыі, рэалізаванай у першыя пасляваенныя гады канкрэтнымі магазінамі. З іх можна даведацца аб тым, што цікавая літаратура, айчынная і замежная класіка, рэдкія кнігі, кнігі для дзяцей не заставаліся доўга на паліцах гандлёвых кропак. Нягледзячы на нястачу і неабходнасць набыцця насельніцтвам перш за ўсё прадуктаў харчавання, дзяржава імкнулася забяспечыць хаця б мінімальную падтрымку адукацыйнага працэсу і кантралявала прапанову пакупнікам кніг на розны густ, а гарадскія сем'і выдзялялі на іх сродкі, аддаваўшы належную ўвагу чытанню як для павышэння адукацыі, так і для пашырэння кругагляду і магчымасці цікава бавіць вольны час.

ЛІТАРАТУРА

1. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 117. – Воп. 2. – Спр. 20. Пратаколы паседжанняў калегіі Міністэрства гандлю БССР. 1947 г.

2. **НАРБ**. – Фонд 117. – Воп. 2. – Спр. 194. Пратаколы нараду намесніка міністра Міністэрства гандлю БССР па пытаннях размеркавання тавараў шырокага карыстання. 1948–1949 гг.

ЛІТАРАТУРНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА І МАСТАЦКАЯ КУЛЬТУРА

Аляксеева Т.У. (*г. Віцебск*)

ФАЛЬКЛОР У ДРАМАТУРГІІ ФЁДАРА ПАЛАЧАНІНА

Узаемасувязь літаратуры і фальклору з'яўляецца актуальнай праблемай сучаснага літаратуразнаўства. У розныя перыяды свайго існавання літаратура звярталася да вуснай народнай творчасці, запазычвала матывы, вобразы.

Фёдар Антонавіч Палачанін – вядомы драматург на Віцебшчыне. Аўтар шырока выкарыстоўвае фальклорныя сюжэты, тэмы, мастацкія сродкі вуснай народнай творчасці. Вядома, што фальклор – адзін з важных сродкаў самавыяўлення народа, адбітак яго памкненняў, мараў наконт будучыні. Фальклорныя сюжэты выступаюць як характарыстыка народнага жыцця, псіхалогіі, маральных, філасофскіх і эстэтычных поглядаў народа. Зварот да традыцый фальклору дапамагае раскрыць нацыянальны каларыт, наблізіцца да вытокаў. У п'есах Ф. Палачаніна ўжываюцца элементы каляндарных і сямейных абрадаў, апрацоўкі паданняў і легендаў, малыя жанры фальклору, песенная творчасць.

Рэальна-бытавыя сцэны чаргуюцца з фантастычнымі ў п'есе «Дарога ў неба». У Докшыцкім краі (паміж вёскамі Краснікі і Жамойск) знаходзіцца прыродны помнік – Сцёп-камень, або камень Сцяпан. Вядома, што праз гэту мясцовасць пралягае Галоўны Еўрапейскі водападзел, які размяжоўвае басейны рэк Балтыйскага і Чорнага мораў. На аснове адной з легенд пра гэты помнік і напісаны дадзены твор. Аўтар уводзіць у сюжэт п'есы Чорта і Анёла. Тыпова, што Чорт падаецца ў абліччы казла. Характэрны для літаратуры і матыў продажу душы Чорту. Галоўны герой шавец Сцяпан пакахаў Вяльяну, хацеў з ёй хутчэй ажаніцца, таму звярнуўся да Чорта. За тое, што адрокся ад веры, стаў выконваць загад д'ябла (разбіваць крыжык), ператварыўся ў камень. Для перадачы элегічнага настрою ў творы ўжываюцца беларускія народныя песні «Ці ўсе лугі пакошаны…», «Ой, у полі крыніца». Ф. Палачанін выкарыстоўвае ў п'есе і галашэнне для перадачы душэўных пакутаў гераіні:

«Не кідай, Сцяпан, мяне!
Пакліч хутчэй да сябе!
Любы мой, цяжанька мне,
Жыццё няміла без цябе [1, с. 41].

Вяльяна вельмі сумавала, калі даведалася пра здзейсненае Сцяпанам. З яе «слёз з-пад каменя прабілася крыніца, якая разлілася па ваколіцах і ператварыла лагчыну ў непралазнае балота, якое людзі назвалі Шыленскім, або Кравецкім, і паплыла ў свет празрыстай рэчкай. Гэту рэчку спачатку назвалі ў памяць пра Вяльяну Вельяй, а пазней назва стала гучаць як Вілія» [1, с. 43].

Любоў да роднай зямлі, прыхільнасць да яе, ушанаванне святаў, абрадаў сваіх землякоў правяраецца часам. У меладраме «Кветкі дзяцінства» Ф. Палачаніна асэнсоўваецца жыццё беларусаў за межамі сваёй краіны, у Польшчы. Драматург заяўляе, што не трэба выракацца ўласных каранёў, мовы, культуры, як бы далёка не знаходзіўся чалавек ад Беларусі. Таму ён сімпатызуе гераіні п'есы Стасі, якая 40 гадоў на тэрыторыі іншай краіны памятае пра роднае Зарэчча на Глыбоччыне, спявае беларускія песні, вучыць дзяцей размаўляць па-беларуску. Жанчына пастаянна ўспамінае прыгожую прыроду, раку, лес, сцяжынкі, па якіх хадзіла ў дзяцінстве. Яна кажа: «Дома і сонца ярчэйшае і ласкавейшае. Там і дожджык цяплейшы. І птушкі званчэй і прыгажэй спяваюць. Там песні родныя гучаць… Здаецца, каб мела крылы, птушкай паляцела б на сваю старонку» [4, с. 110]. Пра прыхільнасць Стасі да фальклору, святаў і традыцый сваёй краіны сведчыць і той факт, што яна двойчы спявае песню на словы К. Буйло «Люблю наш край, старонку гэту…», а таксама ўзгадвае асобныя народныя прыкметы.

Гераіня распавядае пра свята Купалле, пра варажбу. Адзначае, што «вечарам у агародзе, не зрываючы, складвалі роўненька дзве перыны цыбулі і адначасова іх скусвалі. Адну лічылі горам, а другую – шчасцем. Раніцай глядзелі, што больш вырасла, тое і чакала чалавека ў жыцці… Моладзь найчасцей варажыла на вянках. Дзяўчаты і хлопцы апускалі іх на рачную плынь, загадваючы на будучага мужа і жонку, і пільна сачылі, чые вянкі злучацца, тая пара і павінна была пажаніцца» [4, с. 118]. Аўтар звяртае ўвагу, што з магнітафона заўсёды гучаць беларускія песні «Купалінка», «Калі каліна не цвіла», «Ой, сівы конь бяжыць», «Ой, у полі крыніца».

Меладрама насычана ёмістымі выказваннямі наконт роднага кутка, якія ўзбагачаюць мастацкі тэкст. Напрыклад, «Жыць на чужой старонцы, як на скале адзінокай сасонцы» [4, с. 112], «Няма смачнейшай вадзіцы, як з роднай крыніцы!» [4, с. 115], «На чужой старане і вясна не красна» [4, с. 110], «Радзіма – матка, чужына – мачыха» [4, с. 112]. Яны дапамагаюць больш поўна перадаць адчуванні і памкненні персанажаў, прыхільнасць да Бацькаўшчыны.

У п'есе «Даравальная нядзеля» распавядаецца пра даўняе свята (апошні дзень Масленіцы), у час якога варта прасіць ва ўсіх прабачэння. Фёдар Антонавіч пераконвае, што няма сэнсу чакаць свята, трэба пастаянна крочыць па жыцці сумленна і годна. Дакладна перадаць ход сюжэта, напружанасць дзеяння, эмацыйнасць дапамагае песня «Прысвоенае шчасце»:

«Шчасця моцна я жадала
І сустрэць яго пайшла,
Ды сцяжыначка чамусьці
У сад сяброўчын прывяла.
Райскі яблык адшукала
І сарвала неўпрыкмет,
А травіца на сцяжынцы
Затаіла грэшны след…» [1, с. 270].

Драматург удала выкарыстоўвае тут фальклорны матыў расплаты за дрэнныя ўчынкі.

У камедыі «Санаторная песня» для характарыстыкі месца адпачынку і лячэння, а таксама паказу бяздумнага баўлення часу пісьменнік актыўна карыстаецца прыпеўкамі. Персанажы падзелены на два полюсы. Першыя вядуць сябе прыстойна, застаюцца вернымі сям'і, другія ж падманваюць, не захоўваюць этычныя нормы. Пісьменнік асуджае такую схему паводзін, не прымае пошук героямі забаў і іх прынцып весела правесці час. Камічнымі падаюцца эпізоды, у якіх апісваюцца «захопніцкія» паходы жанчын. Пра гэта спяваецца ў прыпеўках:

«Санаторную пуцёўку
З цяжкасцю дастала.
Хоць шукала ухажора,
Яшчэ не спаткала» [4, с. 97].

«А мы любім весяліцца
І не любім мы драмаць.
Тут прыгожых хлопцаў многа,
Трэба хутчэй выбіраць» [4, с. 97].

«А я яшчэ не стары
І здароўе маю,
З маладымі дзяўчатамі
Яшчэ пагуляю» [4, с. 97].

Ф. Палачанін негатыўна ставіцца да такіх паводзінаў, сцвярджае, што трэба супрацьстаяць разбэшчанасці, у сям'і павінна панаваць шчырая і даверлівая атмасфера. Пра гэта сведчыць наступная прыпеўка, якую выконвае Аўдзееўна:

«Колькі лесам ні хадзіла,
Мацней дуба не знайшла.
Многа ёсць тут кавалераў,
А за мужа лепш няма» [4, с. 98].

Драматург карыстаецца і формай анекдота для перадачы адпаведнай атмасферы.

Апісвае Ф. Палачанін у сваіх творах і элементы вясельнага абраду. Непасрэдна сватанне адлюстравана ў п'есе «Пазычанае шчасце». Сваты прамаўляюць: «Купцы прыехалі… У вас ёсць тавар цудоўны... Мы ж не так прыехалі, а выкуп прывезлі» [1, с. 112]. Этап заручыны перададзены ў аднайменнай драме аўтара, а ў п'есе «Удава не пара хлопцу» падаецца само вяселле. На «вясковым двары вясельны рух і вясёлы гоман. Хтосьці выкрыквае: «Маладыя едуць!». Дзве жанчыны хуценька рассцілаюць на ганку дыван. З хаты на ганак выходзіць Ціміна. Яна трымае паднос, засланы прыгожым ручніком, на якім знаходзяцца хлеб-соль і дзве чаркі з віном… Па вясковай вуліцы, сігналячы, рухаецца вясельны картэж. Ён спыняецца каля двара, дзе шмат людзей… Маладыя накіроўваюцца да хаты, на ганку якой іх урачыста сустракаюць…» [1, с. 165]. Усе прысутныя на вяселлі заўважаюць, што насустрач маладым папаўзла гадзюка. Вядома, што гэта дрэнны знак. Сустракаем у творах і наступныя прыкметы: «Калі ў акно птушка стукалася, то чакалі або госця, або сватоў, калі была дзяўчына на выданні» [4, с. 126]. У цяжарнай жанчыны прыхіналіся да жывата і слухалі: «Калі спявае – то дачка будзе, а калі свішча – сын» [1, с. 159].

Дзіцячы фальклор прысутнічае ў драме «У смутку і ў радасці». Для супакаення дарослай дачкі маці спявае ёй калыханку:

«Сонейка стомлена села за лесам.
Змрок прыблукаў да двара.
Любай дачушцы і ўсім дзеткам
Спаць наступіла пара.
Спі, засынай, мая любая кветка!..
Нас акружае жыццёвае мора,
А ў ім заўжды неспакой.
Каб ты ніколі не ведала гора,
Здрады і крыўды людской!» [5, с. 197].

Тэкст калыханкі ўдала перадае клопат і трывогу маці, дапамагае дзяўчыне адчуць сябе патрэбнай грамадству, стаць больш упэўненай у заўтрашнім дні.

Мова твораў Ф. Палачаніна ўзбагачаецца выразнымі прыказкамі і прымаўкамі. У іх знайшлі сваё адлюстраванне ўяўленні пра стасункі ў сям'і, погляды на каханне, сяброўства, вернасць, здраду, маральныя якасці чалавека. У прыказках і прымаўках абагулены сацыяльна-гістарычны вопыт народа. Напрыклад, «Сілаю не заставіш быць мілаю» [5, с. 197], «Брат любіць сястру багатую, а мужык – жонку здаровую!» [5, с. 207], «Адклад не ідзе на лад» [2, с. 215], «Шыла ў мяшку не ўтоіш» [5, с. 141], «Жыццё пражыць – не поле перайсці» [5, с. 146], «І птушцы адной нудна» [3, с. 43], «Усюды добра, дзе нас няма» [3, с. 51], «Няма нічога тайнага, каб не стала яўным» [3, с. 60], «Маладосць прайшла – не развіталася, старасць прыйшла – не прывіталася!»

[4, с. 67], «Горка рэдзька, ды ядуць, дрэнна замужам, ды ідуць!» [4, с. 65], «Не ганьбуй старым ботам, пакуль новага не пашыў» [4, с. 65], «За добрым мужам і варона жона, а за кепскім і княгіня загіне» [1, с. 138], «У нашай вёсцы ў адным канцы кашлянеш, а ў другім пачуюць» [4, с. 67], «З жонкай, як з бараной у лесе!» [4, с. 56], «Калі рукі халодныя, дык сэрца гарачае!» [4, с. 58], «Жыццё – маліна, раскусіш – журавіна!» [4, с. 65], «З вачэй далоў і з сэрца вон» [1, с. 211], «Сівізна ў бараду, а чорт у ляжкі» [2, с. 207], «Грошы і камень б'юць» [1, с. 206], «Шчасце – не конь, у аглоблі не запражэш!» [1, с. 239], «Шчасце само ў рукі не ідзе» [1, с. 239], «Кожны чалавек свайго шчасця каваль» [1, с. 328] і іншыя.

Такім чынам, Ф. Палачанін у сваіх драматургічных творах карыстаецца разнастайнымі жанрамі фальклору. Гэта дапамагае ўзбагаціць мастацкі тэкст, выявіць аўтарскае асабістае стаўленне да традыцый і абрадаў беларусаў. Усе п'есы драматурга маюць шчаслівы казачны фінал: дабро перамагае, а зло застаецца пакараным.

ЛІТАРАТУРА

1. **Палачанін, Ф.** Дарога ў неба : драматургія / Ф. Палачанін. – Мінск : Кнігазбор, 2014. – 340 с.

2. **Палачанін, Ф.** Зраненае сэрца : драматургія / Ф. Палачанін. – Мінск : Кнігазбор, 2011. – 352 с.

3. **Палачанін, Ф.** Пазычанае шчасце : меладрамы / Ф. Палачанін. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2005. – 116 с.

4. **Палачанін, Ф.** Расплата за нелюбоў : п'есы / Ф. Палачанін. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 144 с.

5. **Палачанін, Ф.** Шлях да Бога : матэрыялы для выхаваўчай работы і драматычныя творы / Ф. Палачанін. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 212 с.

Бароўка В.Ю. *(г. Віцебск)*

ПАДЗВІННЕ Ў МАСТАЦКІХ ТВОРАХ В. ЛАСТОЎСКАГА: АКСІЯЛАГІЧНЫ РАКУРС

Беларуская літаратура пачатку XX ст. была літаратурай нацыі, якая «абуджалася да гістарычнага дзеяння» [1, с. 180]. У артыкуле «Нашы цэннасці» (1919) ураджэнец Віцебшчыны Вацлаў Ластоўскі адзначаў: «Калі мы хочам жыць і быць нацыяй, народам, мы павінны стварыць сваю літаратуру, навуку, сваё штукарства» [2, с. 323]. Сам ён у ліку першых узяўся за асваенне геапаэтыкі і гісторыі роднага краю, найперш Полаччыны і Дзісеншчыны.

Ластоўскага можна назваць песняром Полацка. На пачатку XX ст. Полацк быў невялічкім гарадком Расійскай імперыі, месцам, пазбаўленым бы-

лой велічы і былога ўплыву на палітычнае жыццё ўсходніх славян. Ластоўскі імкнуўся сфарміраваць у свядомасці суайчыннікаў вобраз Полацка як фундамента беларускай культуры і дзяржаўнасці. Дзеля гэтага пісьменнік выкарыстоўваў розныя жанры: лірычны верш, апавяданне, аповесць, драматычны абразок. Гістарычны лёс Полацка для Ластоўскага – лёс усёй Беларусі. Недвухсэнсоўна гэта даводзілася ў «нашаніўскім» артыкуле «Беларускі вечар у Полацку» (1910): «Але спіць край, спіць замершая сталіца і ўвесь беларускі народ…» [2, с. 246]. Полацк у В. Ластоўскага на пачатку XX ст. здалёку «выглядае казіста і горда, – вычуваецца нейкая ўкрытая веліч у гэтых руінах, што ляглі, як ранены рыцар, катораму час, быццам птахі-груганы, паскуматалі цела, – ляжыць спакойны, бязмоцны, але гордасць застыгла на абліччы яго, і, ступаючы па целу гэтага велікана з слаўнай мінуўшчынай, нехаця прыцішаеш голас, каб не збудзіць заснуўшага» [2, с. 245]. Зблізку ж там «драўляныя ліхія дамочкі з пачварнымі стрэхамі, з пакрыўленымі ваконцамі; увесь ён зліваецца ў нейкі шэры, гнойны колер, як бы дагніваючага трупа; кругом вее цішай смерці, толькі дзе-нідзе блісне купал царквы, манастыра, як абрыўка злоталітага саматкана ў разрытым кургане… Гэта замершы горад. Вымершая сталіца… Направа бачыш з гары дольнага замка бельчыцкія купалы, – гэта даўняя сяліба полацкіх князёў, там стаялі княжацкія харомы, гуляла дружына за цісовымі сталамі, распяваючы багатырскія песні пад звон гусляў, – цяпер колькі старушак-манашак дажываюць свой век у ліхім дамочку» [2, с. 246].

Апавяданне «Разбойнік» (1913) – мастацкая прыступка да стварэння вобраза Полацка. Там Полацк паказаны велічным гандлёвым і дыпламатычным цэнтрам на землях усходніх славян. Ранняе Сярэднявечча рэпрэзентавалася залатым перыядам у гісторыі крывічоў. Аўтар згадваў пра магчымае паходжанне назвы горада: «Мабыць, стаяў ён (камень. – *В. Б.*) так і ўзіраўся, калі сюдой варажскі род на маляваных ладдзях пад камандай Полтэса, вікінга-князя, ішоў у сутокі Палоты з Дзвіной, каб заснаваці там тын і зрубаці горад. Памятае ён, мабыць, старога Рагвалода і красуню Рагнеду з вольных дзён. Не раз, мабыць, услухаючыся, лавіў ён гучныя зыкі полацкага вечавога звону ад св. Сафіі і горды гоман вольнага крывічанскага веча. Не раз аб яго аціраліся ладдзі купецкага адважнага люду, што ішлі, нагружаныя воскам, мёдам ды несчыслёнымі саракамі кунічымі і бабровымі, у Рыгу, і на кгоцкі бераг, і к хамаву племю з паклонамі ад Крывічанскае зямлі, і полацкага вольнага веча, і ад залатога княжацкага пасада, і яго вернай дружыны – русі, просячы на замену гартоўных мячоў, каванага срэбра, золата і самацветаў» [2, с. 144]. Часы Сярэднявечча – трывожныя і разам з тым шчаслівыя для горада: «Дно Дзвіны золатам цякло, а берагі серабром былі мошчаны. А рубяжы адкрыты, і паміж князёў не было праўды. І чужацкія рукі выцягваліся па золата і па волю крывічанскую. Не раз Дзвіна мутна цякла, ускаламучаная капытамі літоўскіх коней. Прыходзілі яны ў багатую ста-

ронку, як мядзведзь да борці, і дзерлі скрылі залацістага мёду і душылі пчол. Не раз працавітыя пчолкі нанова выцягівалі вузу і налівалі соты, але бывала, што ўпадаў і гнілец у борць… Тады разляталіся пчолкі. А Дзвіною снавалі, як павукі, людзі з абасечанымі, двуручнымі мячамі ў чорных бурносах з нямецкім белым крыжом і апутывалі павучынай старонку, а па павучыні той паўзла «ганзіятыцкая» арава…» [2, с. 144]. Адмыслова згадваў апавядальнік пра Барысавы камяні: «На грудзях у Разбойніка (каменя – В. Б.) шчэрбы і равочкі кругам раскінуліся, а пасярод схімніцкі крыж. Гэта па смерці Барыса, Гінвілавага сына, на спамін па душы яго, з блізкай баровай пустэльні, што была на пясчыстым узгорку па той бок Дзісенкі, сівы мніх, прывёўшы каменаклёва, загадаў высеч, каб кожны, хто паедзе міма Дзвіной, уздыхнуў, да Бога кажучы: «Помозі, Божэ, рабу твоему князю Борысу…». Цяпер гэтыя пісьмёны злізаны раз'ятранай Дзвіной, і ніклы толькі след двох-трох літар віднее…» [2, с. 144]. Аўтар стварыў свой аповед пра Барысавы камяні як манументальны помнік эпіграфікі XII ст. Вядома, што чатыры вялікія валуны з высечанымі на іх шасціканцовымі крыжамі знаходзіліся ў рэчышчы Заходняй Дзвіны ніжэй Полацка. З гэтых камянёў захаваўся адзін, які знаходзіўся каля вёскі Падкасільцы ў пяці кіламетрах ад Полацка. Князя Барыса аўтар называе Гінвілавым сынам. У гісторыі вядомы Барыс Брачыслававіч, полацкі князь, унук Усяслава Брачыслававіча. Ён памёр у 1128 г. Надпісы на Барысавых камянях звязваюць менавіта з ім. Відаць, В. Ластоўскі быў знаёмы з тэкстам «Хронікі Вялікага княства Літоўскага і Жамойцкага», дзе гаварылася пра князя Мінгайлу, яго сына Гінвіла, пра Гінвілавага сына Барыса, які заснаваў горад Барысаў, пабудаваў храмы святой Сафіі, святога Спаса, жаночы манастыр, царкву ў Бельчыцах. Верагодна, што менавіта гэты князь фалькларызаваўся ў творы «Князь Барыс і чорт» (1923): «Князь Барыс мураваў у Полацку царкву і, ну, ведама, – гэткая будыніна! – запазычыўся і задаўжаўся кругом. Няма ўжо больш дзе пазычаць! Дык пайшоў урэшце да чорта і папрасіў у яго грошы, кажучы, што на вайну патрэбна. На нішто добрае чорт, ведама, не дасць, але на вайну – пазычыў» [2, с. 163]. Князь-дойлід паказваўся Ластоўскім дасціпным і спрактыкаваным правіцелем, заклапочаным будучыняй роднай зямлі.

Для рэпрэзентацыі знакавых мясцін і асоб В. Ластоўскі нярэдка звяртаўся да адвольнай падачы гістарычных фактаў. Апавяданне «Разбойнік» у жанравым плане – літаратурная апрацоўка легендаў пра Полацк і полацкую зямлю. Аўтар гранічна свабодна абыходзіўся з гістарычным матэрыялам, калі згадваў пра паломніцтва Еўфрасінні Полацкай у Святую зямлю: «Раным-рана зазванілі ў святой Сафіі, у арліным гняздзе на полацкім замку. Адклікнуліся ім званы ў Спаса і з княжай Сялецкай сялібы. Паваліў народ на замак да святой Сафіі – сумны, невясёлы. Чаго ж зажурыліся палачане? Ці вораг непашчадны з цёмных пушч літоўскіх хлынуў, ці слабоды смаленскія ўзбунтаваліся, ці Ольгавічы на Рагваложых унукаў паднялі меч? Не вораг

нахлынуў, і слабоды смаленскія пад ласкавым ды набожным князем у послуху, і Ольгавы ўнукі не паднялі мяча на Рагвалодавічаў, а дачка князева Прадслава з сястрой і братам выязджаюць у далёкую старонку на паклон да гроба Хрыстовага. Ужо ладдзі выразаныя, пазлачаныя стаяць пры беразе і трыццаць малайцоў-грабцоў сядзяць пры ясянёвых тачоных вёслах, і белыя парусы, як лебедзі, выгнулі грудзі. Пасыпалі палачане дарогу княжне Прадславе і сястры яе і брату Давіду чарнобыллем-зеллем, багаткамі пушнымі і шматфарбнымі кволымі краскамі ад св. Сафіі да каванага мосту і ад мосту да берага. Благаславіў уладыка і бацька-князь з княгіняю сесці ў ладдзю, ехаць у далёкую дарогу» [2, с. 145]. Еўфрасіння Полацкая, як вядома, адправілася ў паломніцтва ў канцы свайго жыцця, менавіта Еўфрасінняй, а не Прадславай, бо Прадслава – яе свецкае імя.

Падчас Першай сусветнай вайны Вацлаў Ластоўкі напісаў шэраг твораў, заснаваных на гістарычным матэрыяле, якія склалі цыкл «Беларуская мінуўшчына». У апавяданні «Князёўна Рагнеда» (1916) акцэнтавалася значнасць Полацка ў палітычным жыцці Сярэднявечча. Князь Уладзімір, што на момант сватання да Рагнеды быў наўгародскім князем, атэстуецца, магчыма, для надання большай значнасці Полацку кіеўскім князем. В. Ластоўскі акцэнтаваў два вобразы як рэпрэзентанты крывічанак: свабодалюбівай і непакорнай Рагнеды ды мудрай і богабаязнай Еўфрасінні. У апавяданні «Усяслаў» (1916) Ластоўскі апрацаваў паданні пра гэтага князя, надзеленага надзвычайнымі ўласцівасцямі: «Людзі забабонныя расказвалі, што князь Усяслаў перакідаецца ў ваўка і ноччу абягае сваё і суседнія княствы і бачыць усё, што і як робіцца, што вочы яго праз найтаўсцейшыя сцены бачаць і вушамі ён за соткі міль кожны голас чуе. Княжыў Усяслаў 87 гадоў, памёр у 1101 гаду» [2, с. 151]. Насамрэч, як сцвярджаюць гістарычныя крыніцы, Усяслаў княжыў у Полацку 57 гадоў з перапынкамі.

Думкамі пра дынаміку гістарычнага працэсу быў прасякнуты верш Ластоўскага «Дума на Полацкім замчышчы» (1923): «Цьмы-цьмоў і процьмы лет // на гэтым капішчы канодным, // складалі Дзеве чэсць.// Дзевін зваўся грод, // і Дзевіна рака ў стоп яго ручэла, // бажніца Дзеве ў чэсць // на сонцы дахам снела, // здобячы сабой накоп. // У бажніцы ж, перад Дзевы стодам, // хадзілі дзевы карагодам // ў кудзебны тан. // Святарны хор пявежнай мовай // магутаў племені ўслаўляў. // Збіраліся старцы тут // на раду й суд» [2, с. 208]. Аднак «лад пітомны // разбурыў крыжа знак», месца язычніцкіх багоў занялі хрысціянскія: «у почце грэчаскіх святых // засела Софас, // мясцовую сабой // змяняючы Паладу» [2, с. 208]. Пасля няўдалай спробы звярнуць увагу еўрапейскіх палітыкаў на лёс Беларусі на Генуэзскай канферэнцыі В. Ластоўскі напісаў верш «Генуэзскі рынак» (1923), у якім абвінаваціў еўрапейскіх палітыкаў у пастаянным патуранні рабству. У ліку першых рабоў, з працы якіх квітнела Генуя, ён назваў гордых жыхароў Полацка, некалі заваяваных князем Уладзімірам. Першым у беларускай

літаратуры Ластоўскі характарызаваў старажытны горад праз выдатных асветнікаў Еўфрасінню Полацкую і Францыска Скарыну. Драматычны абразок «Адзінокі» (1923) меў падзагаловак «Эпізод з жыцця Францішка Скарыны». Аўтар згадваў у ім пра віленскія старонкі жыцця першадрукара, акцэнтаваў духоўнае адзіноцтва чалавека высокіх памкненняў у асяроддзі прагматыкаў і ваяўнічых невукаў.

Кульмінацыйным момантам у стварэнні Ластоўскім вобраза Полаччыны аповесць з метафарычнай назвай «Лабірынты» (1923), дзе ўслаўляўся «сівагорбы Полацак». Самы старажытны беларускі горад прадставаў таямнічым месцам, у якім для апавядальніка час спыніўся, а для іншых людзей доўжыўся натуральна. Характэрна, што апавядальнік па сюжэце твора прыязджае з Вільні як адраджэнскага цэнтра ў праслаўлены перыяду Сярэднявечча горад, які быў некалі цэнтрам аб'яднання ўсходнеславянскіх зямель і актыўнага супраціву знешнім ворагам. Сімволіка сюжэтнай лініі ў аповесці надзвычай празрыстая: беларускае адраджэнне павінна грунтавацца на трывалай аснове гістарычнага досведу і асвеце. Полацкая інтэлігенцыя, прадстаўленая настаўніцтвам, чынавенствам, дваранствам і месцічамі, па-свойму захоўвае гістарычную памяць. Археолаг-аматар Іван Іванавіч узначальваў гурток прыхільнікаў даўніны – «Археалагічную вольную контрфратэрнію». Мінулае Полацка натхніла абруселага немца-чыноўніка збіраць матэрыялы па гісторыі краю. Акалічны памешчык цікавіўся дэманалогіяй, хоць яго бацька сябраваў з манахамі-васільянамі. Мешчанін Грыгор Н., маўклівы старац па мянушцы «Падземны чалавек», захапляўся легендамі пра падземныя хады і схаваныя там дзівы. Мясцовы настаўнік цікавіўся старажытнай язычніцкай культурай. Дзейнасць «Археалагічнай вольнай контрфратэрніі» спрыяла захаванню гістарычнай памяці. Падземны чалавек нагадваў пра Богінскае возера, пра паўвостраў Богіна са знакамітымі некалі бажніцамі. Возера і паўвостраў – сведчанне старадаўнасці горада: «У канцы возера ідуць валатоўкі бронзавага веку, на пяшчыстым урочышчы» [2, с. 52]. Ластоўскі першым у беларускай літаратуры напісаў пра полацкую бібліятэку і яе загадкавы лёс. Пафас «Лабірынтаў» зводзіўся да сцвярджэння паўнавартаснасці і старадаўнасці беларускай культуры, складанасці шляхоў нацыянальнай самасвядомасці.

Увагу пісьменніка прываблівалі таксама мястэчкі і вёскі. У апавяданні «Каменная труна» (1917) ішла размова пра старадаўні артэфакт, што знаходзіўся «непадалёк ад места Дзісны, з правай стараны тракту, што ідзе з Дзісны на Германавічы» [2, с. 103]», падкрэсліваліся старадаўнія карані мясцовай знаці (продкі Няміры «далёка славіліся між ворагаў», прымалі ўдзел у паходах легендарнага князя Алега) і вылучаліся жорсткасцю ў сямейным побыце. У «Старасельскім могільніку» (1924) успаміналася, што на старых могілках на берагах Дзісны шмат «памятак» даўніны, што курганы-валатоўкі ёсць напамін пра радавод крывічоў ад волатаў. У прыпавесці «Смерд і ваявода» Віцебск і Орша прадставалі значнымі гандлёвымі гарадамі.

Вацлаў Ластоўскі на пачатку XX ст. закладваў асновы эстэтычнага ўвасаблення прыдзвінскага краю ў беларускай літаратуры: акцэнтацыя ўвагі на мінулым, кантраснае супастаўленне слаўнага мінулага і бязрадаснай сучаснасці, артыкуляцыя старадаўнасці беларускай зямлі. Пры гэтым ён выказваў свае грамадскія і асобасна-патрыятычныя прыярытэты, разуменне гістарычнага працэсу, асноватворнай ролі гістарычнай памяці для жыццёвых перспектыў асобнага чалавека і для народа.

ЛІТАРАТУРА

1. **Казбярук, У. М.** Рамантычны пошук : назіранні над беларус. рамантызмам пач. XX ст. / У. М. Казбярук. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 183 с.

2. **Ластоўскі, В.** Выбраныя творы / В. Ластоўскі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – 512 с.

Генкин В.М. *(г. Витебск)*

ОЙКОНИМИЯ ВИТЕБЩИНЫ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ПО ИСТОРИИ РЕГИОНА

Термином *ойконимия* (от греч. *oikos* – дом, жилище + *onym* – имя) в современной ономастике обозначают совокупность *ойконимов* – названий населенных пунктов. Ойконимия каждого региона формируется на протяжении длительного периода и несет в себе уникальную лингвокультурологическую, географическую и историческую информацию, причем нередко эти сведения находятся на имплицитном, скрытом уровне, а их «расшифровка» требует особого исследовательского внимания.

С точки зрения этимологии и словообразования ойконимы достаточно разнородны. Значительная их часть образована от антропонимов (имен, фамилий, прозвищ людей); во многих топонимах отражены особенности ландшафта, растительности и других природных факторов. Но особенно следует выделить несколько групп названий, которые, по нашему мнению, являются носителями информации, наиболее важной именно с исторической точки зрения. Это ойконимы, в чьих основах отражены сведения о:

1) занятиях и укладе жизни населения;

2) его этническом составе;

3) отношении к религии (конфессии).

Ойконимы первой группы (характеризующие занятия и уклад жизни) на Витебщине не только широко распространены, но и весьма разнообразны, что свидетельствует в том числе и о высокой степени развития ремесел в регионе. Согласно историческим источникам уже к середине XVI в. здесь

фиксировалось не менее 40 ремесленных профессий. Их распространению способствовало, в частности, получение городами привилегий, освобождавших вновь прибывших на жительство от налогов и повинностей на 10 лет. В 1523 г. такое право получил Полоцк, а в 1531 – Витебск. Проведенная в 1557 г. земельная реформа, известная как «Устава на волоки», также оказала влияние на данный процесс: она поощряла проживание ремесленников при замках и дворцах и запрещала их использование на других работах. Изданный в 1596 г. королем Сигизмундом III Вазой указ освобождал ювелиров, портных, резчиков, гончаров, столяров и других ремесленников от замковой повинности. В XVII в. отмечалось значительное увеличение как числа лиц, живущих за счет ремесленной деятельности, так и количества самих ремесел, становившихся все более дифференцированными.

В численном отношении среди группы «профессиональных» ойконимов преобладают названия, связанные с профессией кузнеца (белорусское название «каваль»). Сегодня названия 33 населенных пунктов Витебской области прямо или косвенно указывают на нее: *Ковалевичи, Ковалёво* (5)*, Ковалевцы, Ковалевщина* (7)*, Ковалёнки, Ковали* (8)*, Ковалишки* (2)*, Ковальки* (3), *Кузнецовка*, *Кузнецово*, *Великая Ковалевщина*, *Малая Ковалевщина*. Этот количественный показатель говорит о повсеместной востребованности кузнечного ремесла. Вторую позицию занимают ойконимы, указывающие на занятия рыбака и косаря (по 7 населенных пунктов): *Рыбаки* (5 населенных пунктов), *Рыбалтово*, *Рыбачки*; *Косарево* (2), *Косаревщина*, *Косари* (2), *Косарёво*, *Косачи*.

На сегодня сохранились 6 населенных пунктов с названиями, указывающими на профессию рудника (*Рудаки* (3), *Рудаково* (2), *Рудники*) и по 4, чьи наименования связаны с занятиями бондаря (*Бондарево, Бондаревщина*, *Бондари*, *Бондарцы*), гончара (*Гончарово* (3), *Гончаровка*) и лесника (*Лесниково* (2), *Лесники* (2)).

Другие ремесла в ойконимии региона представлены еще меньшим числом названий. Так, например, три деревни носят название *Колесники* (колесник – мастер, изготовлявший колеса), две – *Санники* (санник – мастер по изготовлению саней). Говоря о численности тех или иных типов ойконимов, следует, естественно, принимать во внимание факт значительного уменьшения количества населенных пунктов в регионе: «В 1968 г. из 29 342 населенных пунктов Беларуси на долю Витебской области приходилось 9007. На 1 января 1977 г. область имела 7785 поселений» [1, с. 5]. К началу XXI в. эта цифра сократилась еще более чем на 1200 единиц. Тем не менее, как уже отмечалось, ойконимы данной группы весьма разнообразны. В них отражены такие виды занятий, как (приводим в алфавитном порядке) берник *(Берники)*, бортник (*Бортники* – 3 населенных пункта), войт *(Войты)*, дегтярь *(Дегтярёво, Дегтяры)*, дровосек *(Дровосеки)*, дударь *(Дударево, Дудари)*, жебентяй, задачей которого было обеспечение двора топливом и ос-

вещением *(Жебентяи)*, железник, занимавшийся выплавкой железа из руды *(Железняки)*, жерносек, который высекал жернова *(Жерносеки)*, кожемяка *(Кожемяки)*, коновал *(Коновалово, Коноваловщина, Коновалы)*, конюх *(Конюхово)*, кравец – мастер портняжного дела (*Кравцы*), круподёр *(Круподёры)*, кухарь *(Кухарёнки)*, кушнер – скорняк *(Кушнеровщина)*, ловец *(Ловцы)*, лопатник *(Лопатники)*, мельник, перевозчик *(Перевозники)*, пивовар *(Пивовары)*, писарь *(Писарево, Писарщина)*, православный или католический священнослужитель *(Попово, Поповка, Поповцы, Капланы)*, пушкарь *(Пушкари, Пушкаришки)*, сальник *(Сальники)*, сокольник, ухаживавший за ловчими птицами и принимавший участие в соколиной охоте *(Сокольники)*, судник, занимавшийся изготовлением деревянной посуды *(Судники)*, токарь *(Токарево)*, шубник *(Шубники)*, щитник *(Щитники)*.

В ойконимии региона отражены не только профессии, но и названия мест производства. Наиболее типичными для Витебщины являются ойконимы: *Буда* (4) – предприятие, занимавшееся добычей дегтя, смолы, выжиганием поташа, угля; *Гута* (3) – стекольное или металлургическое предприятие; *Поташня* (6) – предприятие по производству поташа, который изготавливался из золы растений и употреблялся в стекольном производстве, мыловарении и др.; *Рудница* (3), *Рудня* (8) – небольшое предприятие, занимавшееся производством железа из руды.

Следует также выделить ойконимы, связанные с названиями лиц по сословным признакам, воинским званиям и т. п.: *Боярово*, *Боярунишки*, *Боярщина* (3), *Бояры* (10), *Казаки* (3), *Казаково* (3), *Казачки*, *Капитаново*, *Княжино*, *Княжица*, *Княжицы*, *Князёво*, *Князи*, *Маёровщина* и др.

Национальный состав населения отражен, в первую очередь, в этнотопонимах, которые составляют важную часть топонимической системы Витебщины. Они несут информацию как о существующих, так и о ранее существовавших этносах. Ойконимы *Видзишки*, *Видзы*, *Видзы-Ловчинские* (три деревни расположены в Браславском районе), *Видзиничи* (Толочинский район) мотивированы лексемой *видзы*, которой обозначали жителей исторической области северной Латвии – Видземе. Вообще близость к Прибалтике, тесные контакты между белорусами, латышами и литовцами привели к распространению балтских элементов в ойконимии региона и формированию ряда этнотопонимов: *Латыгово* (4), *Латыголичи*, *Латыголь* (2), *Латышёво* (3), *Латыши* (5), *Латышки* (2), *Латышонки*, *Литовцы*, *Литовчики, Литовщина, Литовщина*.

На выходцев из Польши указывают основы ойконимов: *Ляхи* (2), *Ляховичи*, *Ляховка* (2), *Ляхово* (2), *Ляховщина*, *Мазурино* (5), *Мазурка*, *Мазурово*, *Мазуры*, *Полячки*.

Северо-западные районы Витебской области являются местом концентрации этнотопонимов, отражающих названия русского населения: *Москалевщина*, *Москалёнки* (2), *Москаленята*, *Москалишки*, *Московская Гора*,

Русаки (3), *Русины*, *Руски* (2), *Русский Заулок, Русское Село.* С учетом расположения населенных пунктов можно говорить о том, что данные наименования выполняют дифференцирующую функцию не только по этническому, но и по конфессиональному признаку: названия *русские* и *москали* используется еще и как обозначения православного населения, находящегося в преимущественно католическом окружении. Как отмечает автор большого исследования, посвященного этнотопонимии Беларуси, А. Ф. Рогалев, «собственно русских, в том числе и старообрядцев, которые проживали в Беларуси в XVII–XVIII вв., местное население называло *маскалямі*, *маскавітамі*, *масквічамі* и – реже – *рускімі* (этноним *маскалі* фиксируется с XVI в., когда стало очевидным, рельефным и государственно-политическое, и языковое, и этническое размежевание восточнославянского, русского в своих истоках населения Московской и Литовской Руси») [2, с. 21].

Другие названия этнического характера встречаются на территории региона значительно реже: *Гудово Земянское*, *Новое Гудово*, *Немцево*, *Прусиничи*, *Прусы*, *Татарские*, *Татары*, *Шведы* (2).

Гораздо сложнее установить религиозно-конфессиональные особенности населения, отраженные в ойконимии. Главная сложность состоит в том, что на территории региона доминирующими являются две христианские конфессии – православие и католицизм, для которых характерен во многом общий именник. Попутно заметим, что именно антропонимы послужили основой для формирования многих ойконимов. При этом лишь относительно небольшая часть имен может рассматриваться как конфессионально маркированная. Это позволяет выделить названия населенных пунктов, мотивированных такими сугубо католическими именами, как Альбин *(Альбиновка, Альбиновщина)*, Альбрехт *(Альбрехтово)*, Барбара *(Бабарино, Барбаришки)*, Вацлав *(Вацлавово)*, Винцент *(Винцентово)*, Герман *(Германовичи)*, Казимир *(Казимерцы, Казимирово)*, Мартин *(Мартиновцы, Мартинилевичи)*, Марьян или Марьяна *(Марьянполье)*. С другой стороны, к православным именам восходят ойконимы *Абрамово* (от Авраамий, Абрамий, Абрам), *Гавриловцы* (от Гавриил, Гаврила) и некоторые другие.

Как было отмечено выше, для рассмотрения выбирались группы географических названий, являющихся наиболее яркими носителями исторических сведений. Естественно, что и другие типы ойконимов способны послужить источником изучения истории и культуры любого региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Рапановіч, Я. Н.** Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці / Я. Н. Рапановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 504 с.

2. **Рогалев, А. Ф.** Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории) / А. Ф. Рогалев. – Гомель, 1993. – 168 с.

Горохова В.Ю. *(г. Витебск)*

ЖАНР СКАЗКИ В ПОЛЬСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Сказка – один из самых древних жанров народного творчества, который берет свое начало в мифах и легендах народов мира. Именно сказка всегда была средством обучения ребенка в семье правилам жизни. Она передает и колоссальный опыт народа, накопленный за века его развития и становления. Выделяют сказки о животных, волшебные и бытовые. Сказки о животных (животный эпос) отличаются тем, что в роли главных героев там выступают звери, птицы, рыбы, а также растения и явления природы. В таких произведениях человек либо играет второстепенную роль, либо занимает положение, равноценное животному. Подобных сказок в польском фольклоре большинство, чаще всего в них доминируют *волки* («Баран и волк», «Как пес волку сапоги справил», «Волк и баран», «Почему заяц мяса не ест» и т. д.), которые характеризуются как глупые, прожорливые и коварные хищники. В сказке «Не колет, не стреляет – а дух вышибает» волк противопоставляется другим животным, видится как зверь «битый», который «стал хитрить, зубы заговаривать» [3, с. 22]. Ловко поступает он и в сказке «Волк и баран», где наказывает глупого барана за его доброту и наивность. Польская сказка «Есть ли справедливость на свете» показывает, что добро наказуемо, ведь в ней лис наказан не только за свою хитрость, но и за пособничество куда более коварному мужику. *Лис* в сказках встречается не менее часто («Кот и курица», «Как улитка с лисом состязалась», «Почему заяц мяса не ест»), в них он описывается как зверь корыстливый, жадный, хитрый, но очень глупый – так, лисят выманивает из норы с помощью дудочки кот, а улитке удается провести лиса, который задумал с ней состязаться в беге. Часто в польских сказках встречаются домашние животные, которые постоянно находятся с человеком рядом, – это и овцы, и кони, и собаки, и коты, и петухи с курами.

Из диких животных в сказках фигурируют медведи, которые олицетворяют собой природную разрушительную силу, мощные кабаны, трусливые зайцы, иногда встречаются и львы, которые пользуются авторитетом у остальных обитателей звериного царства. Нередко польская сказочная традиция предпринимает попытку выяснить причины вражды тех или иных животных между собой, их необычное поведение или даже окраску. Например, в сказках «Сова и ястреб» народная смекалка объясняет нежелание совы летать днем тем, что некогда ястреб обозвал ее детушек уродливыми; в сказке «Как пес волку сапоги справил» вражда собаки и кота поясняется тем, что кот не сумел сберечь от мышей ценный документ, «вот с того-то времени и злится пес на кота. Как только кота увидит, так за ним в погоню: зачем допустил, чтобы мыши собачью правду съели? А кот на мышей сердит: где ни увидит мышь – цап! – и нет ее. Так и повелось: пес кота терпеть не может,

кот – мышей, а волк – пса» [3, с. 13]. В сказке «Сельдь и камбала» народное сознание обнаруживает взаимосвязь между поведением сельди в конфликте с камбалой и нынешним ее главенством в водах Балтийского моря, камбала в этом случае «навсегда осталась в своем фартуке с перекошенным от зависти ртом» [3, с. 18]. Животной сказке нередко присущ шутливый конец, который являет собой неожиданное разрешение конфликта. В сказке «Кот и курица» кот, который устал спасать свою подружку от коварной лисы, увидел, что лиса курочку зажарила, «заплакал <…>, совсем расстроился и сам ее съел, чтобы добро не пропадало» [3, с. 14]. Следует заметить, что часто животные появляются и в волшебных сказках. Во многих из них фигурируют волки, львы, змеи, утки, которые помогают главному герою в его свершениях или же являются обращенными в животных людьми. Нередко в сказках зачарованные девицы появляются в виде уток («Королева из яичка», «Благодарная змея»), лебедей («Про Аргелюса») и даже золотой рыбки («Золотая рыбка»). Не менее значительна в волшебной сказке *ипостась волка*: здесь он обладает такими же качествами, которые описаны в животных сказках, но в волшебной он часто помогает главному герою, а иной раз и вершит правосудие. Так, в сказке «Про птицу с золотыми крыльями» глупому сыну короля пособничает волк. О нем известно, что это дедушка королевского сына, который, помогая внуку, пытается искупить свои грехи, совершенные в мирской жизни. В сказке «Про лесного хозяина, бондаря и хромого волка» карлик наказывает волкам, чтобы те творили благие дела: «Ты, Косой, беги в ту сторону <…> и растерзай кабана, что с ночи у мужика картофельное поле разоряет. Ты, Лохматый, придуши бедняжку косулю, которая лежит под папоротниками в буковом лесу: когда она ела клевер, ее змея ужалила. Суровость моя вам, ведома, но зачем же зверю напрасные муки?..» [3, с. 34].

Часто в волшебной сказке встречается *образ горы*. Она характеризуется такими эпитетами как «высокая», «стеклянная» («О стеклянной горе», «Великаны и храбрый пастушок», «Как муж отыскал пропавшую жену»), «крутая, скользкая» («О стеклянной горе»), «большая» («Как старый кузнец смерть и чертей за нос водил»), «волшебная, высоченная» («Волшебная гора»). «Гора в мифологическом космогоническом контексте оказывается синонимична понятию ось мира, <…> именно на возвышениях (холм, гора, самое высокое место на равнине) строились древние славянские города, а также святыни языческих культов и потом святыни христианские – костелы, монастыри, часовни» [2]. В славянской мифологии горе отводится особое место, так как она, подобно мировому дереву, соединяет «верх» и «низ», мир мертвых и мир живых, небо и землю. Зачастую, поднявшись на ее вершину, главный герой обнаруживает там сокровища («Волшебная гора»), пленницу («О стеклянной горе», «Великаны и храбрый пастушок», «Про молодого мясника, который одним волом четырех зверей накормил»), иногда восхождение необходимо для перехода к следующему испытанию, иной раз именно на горе ты можешь

узнать ответы на интересующие тебя вопросы («Отчего Вильчеку не везло в хозяйстве»). В рамках образа горы значима присущая сказочной традиции любой страны мира троекратность осуществляемого действия, обретения, находки, достижения цели. Например, в сказке «Великаны и храбрый пастушок» во время первого испытания у Павлуши кафтан из серебряной парчи, а у его коня, когда тот впервые вскакивает на стеклянную гору, серебряная сбруя, узда и чепрак; во время второго подъема на гору на Павлуше надет кафтан из парчи золотой, а во время третьего нарядили его в кафтан, «…алмазами изукрашенный. Конь под ним масти каштановой, весь алмазами убран…» [3, с. 243]. В этом случае и дворец, и замок, и терем являются в языке фольклора символами, сходными по своей смысловой наполненности с архетипическим образом горы, которая, в свою очередь, становится прототипом лестницы в небо. Также в сказках горы могут быть маркером польской действительности: нередко они носят имена собственные, которые соотносятся с реальными (Карпаты, Татры). В сказке «Золотая девочка» именно с Карпатскими горами, возвращением на родину ассоциируется понятие воли.

Не менее значителен в польской волшебной сказке *образ золотой яблони*. Она в мифологии многих народов служит символом оседлости, достатка, мира. Яблоко рассматривается в данном контексте как плод древа жизни, то есть образ яблони, равно как и образ волшебной горы, соотносится у славян с мировым древом, так называемой осью мира. Такая яблоня встречается в большинстве волшебных сказок («Золотая девочка», «Про Аргелюса», «Про птицу с золотыми перьями», «О стеклянной горе»). Чаще всего этот образ характеризуется такими эпитетами как «золотая», «дивная», «развесистая». Практически во всех сказках, где такая яблоня упоминается, с утра она цветет золотыми цветами, а вечером плодоносит золотыми яблоками. Они обычно обладают волшебными целебными свойствами, называются молодильными. Например, «…такие яблоки, от которых люди сразу выздоравливают, это и есть самая чудесная вещь на свете» [3, с. 118] или «этими яблоками какую угодно хворь можно вылечить» [3, с. 48].

Как одну из особенностей, в волшебной сказке можно выделить присутствие *религиозных христианских мотивов*. Многие произведения описывают Пекло и Рай («Про батрака и волшебную скрипочку», «Как кузнец в рай попал»), отражают веру людей в бога и дьявола. В этой связи интересна сказка «Про дьявола и господа бога», в которой народ пытается анекдотически переосмыслить роль божественных и козни дьявольских сил в жизни людей. Отношение к богу и дьяволу, незримое их присутствие в языке народа можно проследить по таким речевым оборотам как «силен черт», «…поздняя женитьба – дьяволу потеха», «бог – свидетель», «упаси тебя бог», «давай бог ноги», «бог дал», «велел господь-бог», «бог послал» и т. п.

Нередко в сказках описывается таинство крещения («Ведьминский шабаш», «Кума-смерть», «Анушка – золотая коса»), исповеди («Мясо, хлеб да

вино – и все даром», «Ведьминский шабаш»), брака («Как нищий стал королем»). Однако следует отметить, что польский черт очень сильно отличается от русского беса, равно как черт, изображаемый католической церковью, совсем не похож на обитающего в сознании людей. В сказках дьявол описывается как «глупый», «побитый», «неудачник», «хромой». Отношение народа к нему иллюстрируют такие ироничные и стилистически сниженные выражения: «уволок», «забился», «черта всего скрючило», «…как он той палкой черта по заду хрястнул, черт света не взвидел», (черти) «уселись», «…с голодухи, как щепки, высохли», «взвыли» и т. п. В польском фольклоре дьявол оказывается глупее среднего крестьянина. Так, в сказке «Мазур черта хитрее» мужик обманул дьявола, когда заключил с ним договор о продаже души за деньги, но с тем условием, что отдаст ее, когда все зеленые листья с деревьев опадут. Когда же черт пришел по душу крестьянина, тот показал бесу вечнозеленую сосну и посмеялся над ним. Одно только название этой сказки говорит о том, что нечистый, который должен пленять и похищать человеческие души, со своей задачей не справляется. Попытки одурачить черта выявляются и в распространенном сюжете легенды о пане Твардовском, однако тому обмануть дьявола так и не удалось.

Есть в польском фольклоре произведения, в которых нечистая сила творит благие дела. Например, в сказке «О Добродневском» именно нечисть восстанавливает справедливость, наказывая злых и одаривая счастливой жизнью людей добрых. В сказке «Дар черного лешего» Водяной отчитывает Лешего за то, что тот украл краюху хлеба у бедняка, тем самым заступаясь за несправедливо обиженных. Желание восстановить справедливость не менее редко встречается в бытовой сказке, где часто обнаруживается мотив победы слабого над сильным и, что характерно, бедного над богатым. Зачастую в бытовой сказке именно народная предприимчивость, смекалка и хитрость помогают бедным или нищим справиться с нуждой. Так, в сказке «Как мужичок Бурачок пана в дураках оставил» народ в финальных ее строках выносит вердикт: «Куда там глупому пану с нашим мужичком Бурачком умом тягаться!» [1]. Польская бытовая сказка иронична и язвительна, она проникнута ненавистью народа к эксплуататорам, желанием восстановить справедливость. Однако стоит отметить, что в подобных произведениях тот самый мужичок может поступиться нормами морали не только по отношению к панам, но и к себе подобным.

Также в польской сказке довольно ярко отразилась народная привычка к труду, ответственное отношение поляков к работе. Например, в сказке «Великаны и храбрый пастушок» Павлуша переживает из-за убитых овец, которых ему было поручено пасти, а не о богатствах, которые ему неожиданно достались. Нередко разного рода социальные мотивы и детали, присущие бытовой сказке, попадают в сказку волшебную. К примеру, в волшебных сказках характерно смешиваются персонажи высокого социального положе-

ния – князья, короли – с героями-простолюдинами – пастухами, мельниками, кузнецами, рыбаками. Этот факт говорит об условности деления сказок только на животные, волшебные и бытовые, предполагает более широкую их классификацию.

Польскую фольклорную сказку от других отличает то, что в ней очень часто встречаются имена собственные, обозначающие названия польских городов (Варшава, Краков, Кельце, Олькуш), архитектурных объектов (Вавель, Мариацкая башня), есть и лексемы, отражающие реалии польской действительности разных эпох (вельможный пан, грамота, подати, воевода, грош, ксендз и т. п.). Также в ней обнаруживается склонность к числам и формулам, нередко встречаются числа 3, 6, 7, 12.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что польская сказка, несмотря на то, что похожа на сказки других славянских народов, все-таки имеет свои отличительные черты, по-своему интерпретирует используемые мотивы, образы и сюжеты. В ней отразились народные представления о мире и месте человека в нем, добре и зле, социальной справедливости. Именно эти выраженные в польских сказочных сюжетах надежды, мечты и чаяния роднят польские сказки со сказками всех народов мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Как** мужичок Бурачок пана в дураках оставил [Электронный ресурс] // Традиция : Русская энциклопедия. – Режим доступа: http://traditio.wiki/Как_мужичок_Бурачок_пана_в_дураках_оставил. – Дата доступа: 07.11.2016.

2. **Семантика** горы в польской народной сказке и лингвокультурологический контекст европейского фольклора // Cyberleninka : научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/semantika-gory-v-polskoy-narodnoy-skazke-i-lingvokulturologicheskiy-kontekst-evropeyskogo-folklora. – Дата доступа: 07.11.2016.

3. **Щербакова, А.** Польские народные сказки / А. Щербакова, Я. Мацюсович. – Ленинград : Худож. лит., 1980. – 328 с.

Лещинский М.А. *(г. Витебск)*

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН И АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КАЗАРСКИЙ

Парадоксально, но и спустя два столетия от начала творчества А.С. Пушкина выявляются все новые и пока малоизученные области и сферы его деятельности. У поэта было много точек соприкосновения с местами, которые относятся к современной Беларуси, с нашими этническими земляками. Писал ли он что-либо о наших предках, этнических витебских земляках? Как

белорусские темы и сюжеты отразились в творчестве поэта, что пишут об этом белорусские исследователи? Публикаций, дающих ответы на эти вопросы, немного, они разрознены, мнения их авторов расходятся. Некоторые из них увязывают творчество Пушкина с белорусами, упоминая только о местах следования поэта в южную ссылку в мае 1820 г. и обратно в 1824 г. Другие пишут только о проживавших в белорусских городах потомках этого известного рода, а также объектах, носящих имя поэта в Беларуси. Третьи, ближе подойдя к теме, даже указывают Павла Островского, обедневшего минского дворянина, сидевшего в витебском остроге, как прототип Дубровского – главного героя одноименного романа, что на наш взгляд бездоказательно.

Странно, что, изучая прототипы вымышленных героев в творческом наследии гения, многие исследователи не заметили нашего реального. Некоторые из них все же упоминали как бы, между прочим о том, что Пушкин писал что-то об известном офицере – моряке А. Казарском из местечка Дубровно. Не акцентировано внимание и на том, что в графике и письмах поэта, не вошедших в печатные издания, первым изображенным белорусом был наш земляк. Сравнительно недавно были выявлены наброски записей и черновиков поэта, его переписка, касающиеся интересующей нас темы. Они позволяют привести в докладе малоизвестные, но весьма любопытные свидетельства знакомства А.С. Пушкина и А.И. Казарского, их общения и, как следствие, отражения этого в творческом наследии гения.

А.С. Пушкин зачастую использовал графику. Отождествление изображенных поэтом персонажей и атрибутация его рисунков (пиктограмм) ведутся до сих пор. Первым из белорусов, изображенным А.С. Пушкиным на групповом портрете (Дадатак 6, мал. 2), а затем еще на двух стал наш земляк, до того малоизвестный моряк А. Казарский, будущий национальный герой России и Беларуси. Его же изображение найдено и в набросках черновиков романа «Евгений Онегин». Большинство портретных изображений – это современники поэта и, как на указанном рисунке, он сам среди них (в центре). Пушкин отмечал, что в большинстве случаев появление рисунков у него связано с неоконченным стихотворением. Когда не шла рифма, не давался эпитет, не находилось продолжение, возникали раздумья, как начать, тогда возникшая заминка разрешалась рисунком. Долгое время рисунок профиля Казарского не был отождествлен и атрибутирован. Вначале его относили к циклу графики поэта, объединенному в тему «Декабристы», без персонификации изображенных (А. Эфрос «Декабристы в рисунках Пушкина»), для чего были некоторые основания.

Когда и где Александр Пушкин и Александр Казарский, кстати, почти одногодки (1799 и 1798 г. р.), могли познакомиться? По заключению А.И. Золотухина, председателя Николаевского Пушкинского клуба, это произошло еще в 1823 г. во время его южной – одесской, а затем кишиневской – ссылки

поэта, когда Казарский не был известен. Будучи капитаном катера «Сокол», он чаще других офицеров-моряков плавал в то время в Одессу, посещал с другими офицерами негласно действовавший вокруг семейства братьев Далей и их матери литературный кружок в Николаеве, участники которого высоко ценили творчество Пушкина. Здесь и произошло знакомство Казарского с поэтом, ибо есть много свидетельств тому, что Пушкин весьма часто уклонялся от жандармской опеки, появлялся в «недозволенных» местах, «пропадал» на кораблях Черноморского флота, иногда и выпивал с моряками, и ночевал у них – вел «рассеянный образ жизни», как тогда выражались. Находясь под впечатлением от тех встреч, поэт запечатлел Казарского на своем групповом рисунке вместе с Карлом Далем (братом В.И. Даля), Фурнье, Сильво и поэтом-моряком Ефимом Зайцевским под неусыпным оком императора Александра I, изображенном вверху. Рисунок относится именно к данному периоду, он атрибутирован, его персонажи отождествлены. Над рисунком сделана латинская надпись «Q, F, D, S, Z.» – по заглавным буквам фамилий персонажей. Точная атрибутация Казарского на рисунке увязана с реальными персонами и их связями, а заключение основано на тщательно проведенном исследовании А.И. Золотухина, опубликованном в его книге «Пушкин и Николаевский край» (Николаев, 2001). Повторяет атрибуцию, а также добавляет новые аргументы и систематизирует имеющиеся сведения контр-адмирал Г.Н. Антонов в книге «Морские рисунки в графике Пушкина» (Санкт-Петербург, 2010). Нами было проведено самостоятельное исследование архивных документов в Николаеве, Санкт-Петербурге, Севастополе, Феодосии («Общий морской список», «Формулярный список о службе и достоинстве А.И. Казарского», шканечные журналы и др.), которое подтвердило имеющуюся информацию.

Помимо вышеупомянутого рисунка Пушкина были найдены еще два изображения профиля Казарского, один из них выполнен почти в одно и то же время, что и групповой (Дадатак 6, мал. 3). Данный рисунок первоначально был атрибутирован как безымянный «мужской профиль». Недавно выяснилось, что он нарисован в «Рабочих тетрадях Пушкина» и второй масонской тетради, на черновом листе, относящемуся к роману «Евгений Онегин», среди изображений других офицеров-моряков. Можно предположить, что Казарский был одним из прототипов в этом романе, однако прямых доказательств этому пока не найдено. Что касается места и времени появления рисунка, то пушкинистами он отнесен к периоду пребывания поэта в Одессе и датируется 1824 г. К сожалению, обоими авторами допущена ошибка – неверно указано звание Казарского в 1824 г.: звание «капитан-лейтенант» он получил только в 1828 г. Судя по архивным материалам, в годы ссылки Пушкина Казарский крейсировал по Черному морю не только на катере «Сокол», но и на других судах, бывал в разных городах и портах. Там, вероятно, и произошла их первая встреча.

Следующее интересующее нас изображение (Дадатак 6, мал. 4) первоначально также не было атрибутировано, но впоследствии – с подачи Т.Г. Цявловской (Москва, 1986) – оно уже фигурировало под названием «Молодой военный». Только после 2010 г. этот безымянный профиль стал связываться с именем Казарского. Нами сравнение рисунка на тождество производилось с литографическим портретом Казарского 1830 г., когда он, выйдя в отставку и получив звания капитана I ранга и флигель-адьютанта императора, переехал в Санкт-Петербург и вошел в свиту Николая I. Портрет был признан «схожим» с обликом самого героя, как утверждала в 1830 г. газета «Северная пчела», одна из ведущих и самых читаемых тогда в России. Извещая читателей о продаже портрета Казарского в книжной лавке Глазунова под № 25, газета писала: «Отцы и наставники: указывайте детям на портреты славных мужей своего Отечества и повторяйте повествования об их подвигах! Таким образом посевайте в душе семена величия, которые со временем приносят плоды. Цена портрета 2 рубля 40 копеек, с пересылкою 3 рубля. Относиться должно к управляющему лавкою Ивану Лисенкову. Портрет схож и хорошо отделан». Впоследствии об этом писал и В. Малышев, автор книги «Жизнеописания русских военных деятелей». Внешняя схожесть профилей на рисунках с портретом Казарского действительно имеется, впрочем, как и с его горельефами на памятниках в Севастополе (А.П. Брюллова) и Николаеве. Их подобие изучали и специалисты Следственного комитета Республики Беларусь, куда мы обращались за помощью в экспертизе на тождество. Несмотря на то, что официального заключения они не дали, схожесть отрицать не стали.

Какую же роль отводил Казарскому в своем литературном творчестве Пушкин, остается загадкой. Сопоставляя все то, что открылось в пушкинских связях с декабристами и масонами, можно прийти к выводу, что рукописи, наброски произведения (произведений) о Казарском, если они и существовали, постигла та же участь многих тетрадей поэта, которые были вынужденно уничтожены им после раскрывшегося заговора в декабре 1825 г. Об этом свидетельствует и запись, сделанная Пушкиным в 1830 г. в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов»: «В конце 1825 г. при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь свои тетради, которые могли замешать имена многих, а может быть и умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере: я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства».

Что касается других упоминаний Пушкина о Казарском, то следует вспомнить краткую, но емкую и точную по содержанию оценку, которую гениальный поэт дал нашему земляку: «…блистательный Казарский». Эти слова были обнаружены в неопубликованных ранее черновиках писем поэта: «Сегодня двору был представлен блистательный Казарский». Ниже находим загадочную фразу: «Держава в державе». Известно, что это была более позд-

няя оценка А.И. Казарского (не ранее 1830 г.). Что хотел сказать этой фразой великий русский поэт, так и не смогли расшифровать пушкинисты, но сама оценка нашего земляка весьма лестная.

Поэт-партизан, герой войны 1812 г. Д.В. Давыдов в стихотворении, посвященном поэту-моряку Зайцевскому, воспевает и Казарского, еще при жизни называя его «живой Леонид», сравнивая тем самым с царем древней Спарты. Восторженно приветствуя в послании за «два лавра», завоеванные бесстрашным Зайцевским, на военном и поэтическом поприщах, Давыдов призывает его мужаться (в связи с тяжелым ранением) и взять третий лавр, где его поджидает на пир славы Казарский: «Мужайся! – Казарский, живой Леонид, /Ждёт друга на новый пир славы.../ О, будьте вы оба Отечества щит. Перун вековечной Державы!». Послание Д.В. Давыдова было им передано для печатания в «Литературную газету». Но тут произошло досадное недоразумение, если его можно назвать недоразумением: цензура не дозволила печатать послание, не содержащее ничего крамольного, а наоборот, просто дышащее любовью к Отечеству, восторгом и гордостью за своих сыновей-героев. Цензору показалось подозрительным то, что состоявший в генеральском чине Д.В. Давыдов «в нарушение субординации дерзнул восторженно приветствовать» «каких-то» скромных чинов, капитан-лейтенантов, назвав их щитом Отечества, Перунами державы, и даже не упоминает «Его, Государя». Это было воспринято как посягательство на святое – на «Государя», попытка отнять у него «Единственного» право быть «Защитником», «щитом Отечества», «Перуном Державы». Так рассуждал цензор Щеглов.

Обоих героев А.С. Пушкин знал лично. Пророчески предвосхищая будущую оценку подвига Казарского, «чей высокий лик в грядущем поколенье поэта приведет в восторг и умиленье», он вмешался в издание стихотворного послания Д.В. Давыдова. В его письме от 4 февраля 1830 г., оформленном от имени издателей «Литературной газеты» на имя К.М. Бороздина, содержится просьба: «…дать другого менее своенравного цензора…» Бороздин был попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, а по должности еще и председателем Санкт-Петербургского цензорного комитета. Пушкин писал ему: «Давыдов в одном послании Зайцевскому и Казарскому говорит: “о будьте вы оба Отечества щит, / Перун вековечной Державы” Цензор усомнился, можно ли допустить называть таковым образом двух капитан-лейтенантов и вымарал приветствие не по чину». Этот случай приводится поэтом как «один из тысячи примеров». Послание Давыдова все же было опубликовано в № 9 «Литературной газеты» от 10 февраля 1830 г.

Еще одно свидетельство, подтверждающее интерес Пушкина к фигуре Казарского, стало известно после изучения неопубликованной ранее переписки Александра Сергеевича с поэтом, прозаиком и литературным критиком П.А. Вяземским. Первоначально она была ошибочно отнесена к переписке последнего с И.С. Тургеневым, но совсем недавно ошибка была выявлена.

Выяснилось, что по настоятельному совету Пушкина Вяземский встретился с Казарским, что подтверждается ответным письмом поэта-критика и его оценкой героя: «Я ознакомился с Казарским: одна идея живая посреди мертвых вещей. По крайней мере знаешь, что значит слово: Казарский». В своей работе «Неопубликованные письма П.А. Вяземского к Пушкину» по поводу этого высказывания исследователь В.Б. Сандомирская резонно заключает: «Вяземский не был поклонником исключительно воинской доблести, и самые выражения, в которых он передает свое впечатление от знакомства с Казарским, говорят, прежде всего, об его обаянии живого человека, а не о его славе. Но слова его приобретают особенное звучание благодаря содержащемуся в них противопоставлению: "…одна идея живая посреди мертвых вещей", которым подытоживаются впечатления Вяземского от пребывания в Москве Николая I».

Приведенные письма, рисунки, наброски и отклики Пушкина – первое упоминание поэта о конкретном, невымышленном белорусе А.И. Казарском. Они не утрачивают своего значения и сегодня, так как отражают разнообразие творчества, интересов, тем общения и дискуссий поэта, влияние их на тогдашнюю литературную жизнь. Гениальность А.С. Пушкина всемирно признана, а потому мы можем и должны гордиться тем, что наш земляк оказался увиденным, запечатленным в графике, черновиках и письмах, хоть и не отраженным в его известных произведениях. Что же касается значения творчества поэта, то для нас, белорусов, это связующее, объединительное звено, это то, что многие поколения белорусов и россиян пронесли и еще пронесут с собой по жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Анненков, Т. В.** Материалы для биографии А. С. Пушкина / Т. В. Анненков. – Москва : Современник, 1984. – 467 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности». Из литературного наследия).

2. **Антонов, Г. Н.** Морские рисунки в графике Пушкина / Г. Н. Антонов. – Санкт-Петербург : Сад искусств, 2010. – 120 с.

3. **Антонов, Г. Н.** Пушкин и флот / Г. Н. Антонов. – Санкт-Петербург, 2006. – 272 с. : ил.

4. **Вяземский, П. А.** Сочинения : в 2 т. / П. А. Вяземский. – Москва : Худож. лит., 1982. – Т. 1 : Стихотворения. – 462 с.

5. **Вяземский, П. А.** Сочинения : в 2 т. / П. А. Вяземский. – Москва : Худож. лит., 1982. – Т. 2 : Литературно-критические статьи. – 383 с.

6. **Друзья** Пушкина : переписка, воспоминания, дневники : в 2 т. / сост. В. В. Кунин. – Москва : Правда, 1986. – Т. 1. – 632 с.

7. **Друзья** Пушкина : переписка, воспоминания, дневники : в 2 т. / сост. В. В. Кунин. – Москва : Правда, 1986. – Т. 2. – 637, [2] с.

8. **Золотухин, А. И.** А. С. Пушкин и Николаевский край / А. И. Золотухин. – Николаев : Возможности Киммерии, 2001. – 140 с. : ил.

9. **Кисаров, И. В.** Казарский : память его из рода в род на вечные времена / И. В. Кисаров. – Николаев : Изд-во Ирины Гудым, 2009. – 288 с. : ил.

10. **Российский** государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). – Фонд 5.

11. **РГА ВМФ.** – Фонд 8.

12. **РГА ВМФ.** – Фонд 19.

13. **РГА ВМФ.** – Фонд 33.

14. **РГА ВМФ.** – Фонд 158.

15. **РГА ВМФ.** – Фонд 161.

16. **РГА ВМФ.** – Фонд 203.

17. **РГА ВМФ.** – Фонд 205.

18. **РГА ВМФ.** – Фонд 243.

19. **РГА ВМФ.** – Фонд 248.

20. **РГА ВМФ.** Формулярный список о Службе и Достоинстве Гвардейского Экипажа Фл. Адъ-та Его Императ. Вел-ва Кап. 2-го ранга Ал-ра Иванова Казарского. Генваря 1 дня 1830 Года.

21. **Северная** пчела. – 1830. – Февраль.

22. **Цявловская, Т. Г.** Рисунки Пушкина / Т. Г. Цявловская. – 4-е изд. – Москва : Искусство, 1986. – 44 с.

23. **Эфрос, А. М.** Декабристы в рисунках Пушкина / А. М. Эфрос // Литературное наследство. – 1834. – № 16/18.

Лісаў А.Г. *(г. Віцебск)*

ВІЦЕБСКІ «МАЛАДНЯК» У ЗБОРНІКУ «ПАЧАТАК» (ДА 90-годдзя ПЕРШАГА БЕЛАРУСКАГА ЛІТАРАТУРНАГА АЛЬМАНАХА Ў ВІЦЕБСКУ)

Віцебская філія беларускага літаратурнага аб’яднання «Маладняк» была ўтворана на ўстаноўчым сходзе 18 лістапада 1924 г. Ініцыятарамі яе арганізацыі з’яўляліся Алесь Дудар, Мікалай Каспяровіч, Язэп Мазуркевіч, Алесь Сянкевіч, Язэп Варпаховіч. Усе яны былі прадстаўнікамі нацыянальнай інтэлігенцыі, накіраванымі ў Віцебск для ўмацавання справы беларусізацыі ва ўсходніх рэгіёнах рэспублікі, далучаных да БССР у выніку яе ўзбуйнення. Віцебская філія не мела дастаткова моцных кадраў прафесійных літаратараў, практычна адсутнічаў мясцовы беларускамоўны друк. Арганізацыя стваралася з аўтараў-пачаткоўцаў. Тым не менш намаганнямі спачатку А. Дудара і М. Каспяровіча, а пазней Я. Мазуркевіча да лета 1926 г. філія складалася ўжо з 25 сяброў. Толькі асобныя з іх мелі пэўны вопыт літаратурнай дзейнасці. На працягу наступнага года гэтая колькасць паменшылася да 10 найбольш падрыхтаваных і таленавітых. У 1926–1927 гг. пры філіі была арганізавана

студыя «для разгляду фармальна-мастацкага боку ўласнай творчасці» літаратараў-пачаткоўцаў [4, с. 6]. Менш падрыхтаваныя ўдзельнікі філіі пераведзены ў лік студыйцаў. Беларускі літаратурны рух у Віцебскай акрузе аб'яднаў да гэтага часу больш за 100 чалавек у асноўным вучнёўскай моладзі. Былі арганізаваны шэсць гурткоў, з якіх тры – у горадзе і тры – у акрузе. Асабліва актыўнай з'яўлялася праца гурткоў у спецыяльных навучальных установах Віцебска – мастацкім, педагагічным і электрамеханічным тэхнікумах. У мастацкім тэхнікуме справа ладзілася намаганнямі М. Каспяровіча, у педагагічным пад кіраўніцтвам Я. Мазуркевіча.

Сярод кірункаў дзейнасці віцебскай філіі «Маладняка» вялікае месца займала выдавецкая справа. Значную ролю ў арганізацыі і стымуляванні мясцовага літаратурнага руху мела выданне першага літаратурнага зборніка віцебскай арганізацыі – альманаха «Пачатак». Ён быў выдадзены даволі вялікім накладам (1600 экзэмпляраў) у выдавецтве мясцовай газеты «Зара Захаду». Укладальнікам і рэдактарам выдання быў Я. Мазуркевіч, які ўзначаліў літаратурную арганізацыю пасля ад'езду з Віцебска спачатку А. Дудара, а потым М. Каспяровіча.

Я. Мазуркевіч быў адным з 11 прадстаўленых на старонках альманаха аўтараў і аўтарам уступнага артыкула «Віцебская філія "Маладняка"». Прадмовы (дзве) напісаны ад імя партыйнага кіраўніцтва. У першай адзначана, што зборнік – першы вопыт літаратурнай працы віцебскіх творцаў на беларускай мове. У тэксце ад імя сакратара Віцебскага акруговага камітэта ЛКСМБ Пыканава, датаваным 21 снежня 1926 г., падкрэслена, што «выпуск зборніка для Віцебшчыны з'яўляецца… новым дасягненнем у справе культурнага будаўніцтва і нацыянальнай палітыкі» [4, с. 3]. Аўтар прадмовы пераконвае, што «у такім невялічкім гарадку (як Віцебск – *Аўт.*) мець літаратурнае аб'яднанне і выдаваць яго творы» магчыма толькі пры савецкай уладзе. «Задача маладняка тварыць пралетарскую культуру, якая дапамагае ўзмацненню дыктатуры пралетар'яту» [4, с. 3–4], і адразу дадае, што «гэта патрабуе ад маладняка стройнай пралетарскай ідэолёгіі» [4, с. 3–4]. Ва ўступным артыкуле Мазуркевіч адгукаецца на гэтую заяву: «Сваю творчасць, нацыянальную па форме, мы стараемся зрабіць пралетарскай па зместу, па ідэолёгіі» [4, с. 6]. Як бачна, падкрэсленне нацыянальнай формы ў гэты час яшчэ адпавядае дырэктыўнам патрабаванням партыйных устаноў. І такімі дэкларацыямі маладнякоўцы падкрэсліваюць сваю рэвалюцыйнасць. Я. Мазуркевіч невыпадкова выбірае ў якасці эпіграфа для свайго артыкула ў зборніку радкі з верша А. Дудара «Мы дзеці рэвалюцыі / – Кастрычніка сыны, – / У дні радасці кіпучае / На свет з'явіліс мы». У зборніку вызначана галоўная задача аб'яднання: "Маладняк" павінен выхаваць сваіх сяброў у разуменні пралетарскай дыктатуры» [4, с. 1]. Не пройдзе і трох гадоў, як гэта дыктатура пачне знішчаць сваіх сыноў як носьбітаў варожай нацдэмаўскай ідэалогіі – усё ў адпаведнасці з вядомым выказваннем дзеяча французскай

рэвалюцыі Жоржа Дантона: «Рэвалюцыя, як бог Сатурн паглынае сваіх дзяцей». У 1937 г. былі расстраляны ўкладальнік зборніка Я. Мазуркевіч і аўтар афармлення вокладкі, у 1926 г. яшчэ студэнт Віцебскага мастацкага тэхнікума Раман Семашкевіч. Для той самай моладзі, якая пачынала сваю літаратурную дзейнасць на старонках выдання, 1930-я гг. зрабіліся балючым урокам.

Зборнік «Пачатак» аб'ядноўвае творы 11 аўтараў, неаднолькавых па літаратурным вопыце. На вялікі жаль, сёння мы можам гаварыць толькі пра палову (пяцярых з іх), імёны якіх не згубіліся ў гістарычным часе, захаваліся ў гісторыі літаратурнай творчасці, сферы літаратуры, навукі і адукацыі. Пра астатніх яшчэ трэба шукаць звесткі. Тыя біяграфічныя даведкі, якія змешчаны ў зборніку, – зусім невялікая таму дапамога.

Самымі вядомымі маладнякоўцамі з альманаха «Пачатак» Я. Мазуркевіч і А. Моркаўка. Празаік, крытык і краязнавец Іосіф Ігнатавіч Мазуркевіч друкаваўся ў зборніку пад уласным імем, а таксама пад псеўданімам Я. Цікавы. У выданні змешчаны два яго празаічныя творы, пад псеўданімам – драматычны эцюд «Камсамолка Галя». Звесткі пра Я. Мазуркевіча змешчаны ў біябібліяграфічным даведніку «Беларускія пісьменнікі» і шэрагу энцыклапедычных выданняў і слоўнікаў. Артыкул для даведніка «Беларускія пісьменнікі» зрабіў віцебскі філолаг М.Л. Зуеў [1]. Я. Мазуркевіч нарадзіўся ў 1887 г. у Ігуменскім павеце Мінскай губерні ў сям'і лесніка. Ранняя біяграфія яго звязана са шматлікімі пераменамі месца жыхарства ў Беларусі, эвакуацыяй у перыяд Першай сусветнай вайны ў Саратаўскую губерню. У час гэтых вандровак здолеў набыць адукацыю школьнага настаўніка, працаваў у Навагрудскім павеце на тэрыторыі, захопленай палякамі, трапіў у турму ў 1921 г., з якой збег на тэрыторыю савецкай Беларусі. У 1924 г. у адзін час з А. Дударам Я. Мазуркевіч скончыў у Мінску вышэйшыя курсы беларусазнаўства і быў накіраваны ў Віцебск. Тут прайшлі ўсе астатнія 13 год яго жыцця. Мазуркевіч выкладаў у савпартшколе, на вячэрнім рабфаку, у сярэдніх школах горада і пэўны час працаваў у мясцовым краязнаўчым музеі. Друкавацца пачаў у 1922 г., а ў 1924 г. першыя яго творы з'явіліся на старонках часопіса «Полымя». У кіраванні віцебскай філіяй Я. Мазуркевіч прыняў эстафету ад А. Дудара і М. Каспяровіча. Але і побач з імі ён быў даволі актыўным арганізатарам спраў аддзялення. У 1925 г. накіраваны дэлегатам 1-га Усебеларускага з'езда «Маладняка». Пасля выхаду ў свет альманаха «Пачатак» Мазуркевіч спрыяў выданню другога віцебскага зборніка маладнякоўцаў – «Світанне» – 1927 г. [8], а таксама зборніка, які быў надрукаваны ў Віцебску ўжо ў 1930 г. пад эгідай Беларускай асацыяцыі пралетарскіх пісьменнікаў (БелАПП). Арганізацыя была ўтворана пасля самаліквідацыі «Маладняка». Апошні зборнік меў назву «Рытмы будавання» [7]. Дарэчы, і ў мясцовай арганізацыі БелАПП Мазуркевіч працягваў актыўную працу, удзельнічаў у 1-м З'ездзе БелАПП і 1-м Усесаюзным з'ездзе пралетар-

скіх пісьменнікаў у Маскве. Абодва з'езды адбыліся ў 1928 г. У зборніку «Світанне» апублікаваны два яго празаічныя творы, і чатыры – у зборніку «Рытмы будавання». Мазуркевіч друкаваўся ў перыядычных выданнях як літаратурны крытык. Ён рабіў агляды дзейнасці «Маладняка» ў Віцебску на старонках газеты «Зара Захаду».

У № 4 часопіса «Маладняк» за 1929 г. змешчаны аглядавы артыкул «Літаратурны рух на Віцебшчыне» [2]. У гэтым артыкуле Мазуркевіч вызначыў тры этапы развіцця мясцовай літаратурнай творчасці. Першы этап (перадрэвалюцыйны) і другі (паслярэвалюцыйны і да 1924 г.) ахарактарызаваны адсутнасцю ў Віцебску сталай беларускай літаратурнай плыні і беларускамоўных выданняў. Пашырэнне беларускай культуры, уплыву беларускасці на літаратурную сферу ён звязвае галоўным чынам з утварэннем віцебскай філіі аб'яднання «Маладняк» і выданнем на той час двух зборнікаў – «Пачатак» і «Світанне». Галоўнымі задачамі працы аб'яднання ва ўмовах адсутнасці творчых сіл Мазуркевіч лічыць «паказ жывога чалавека», сапраўднага жыцця і вырашэнне праблемы ўдасканалення тэхнікі вершавання [2, с. 98].

Яшчэ адным з аўтараў зборніка «Пачатак», які меў некаторы літаратурны вопыт да ўдзелу ў віцебскім выданні, быў Аркадзь Андрэевіч Моркаўка, 1900 года нараджэння, з сялян Чэрвеньшчыны. Для яго паэтычная творчасць усё жыццё з'яўлялася захапленнем і не стала прафесійным заняткам. У 1916 г. скончыў курсы тэлеграфістаў, у 1924–1927 гг. быў навучэнцам Віцебскага электрамеханічнага тэхнікума, а ў 1930-я гг. студэнтам энергетычнага факультэта Беларускага політэхнічнага інстытута. Будучы інжынер у 1923 г. пачаў друкавацца ў часопісе «Полымя». Першыя яго публікацыі з «Полымя» – вершы «Крык вуліцы» і «Сцены» – разам з іншымі творамі надрукаваны і ў зборніку «Пачатак». 24 вершы А. Моркаўкі – найбольш прадстаўнічая частка паэзіі зборніка. Напрыканцы 1920-х і ў пачатку 1930-х гг. ён вельмі актыўна друкаваўся, быў членам рэдкалегіі часопісаў «Маладняк» і «Полымя». У 1928 г. выдаў уласны зборнік «Дым жыцця», што застаўся адзінай прыжыццёвай кнігай аўтара. У аглядзе, які зрабіў Я. Мазуркевіч у артыкуле «Пралетарская літаратура ў Віцебску» [3], творчасць паэта адзначана асабліва. З 1930-х гг. А. Моркаўка адышоў ад публічных выступленняў і друкавання твораў.

Яшчэ адным прадстаўніком гуртка Віцебскага электрамеханічнага тэхнікума, тры вершы якога былі надрукаваны ў зборніку, быў У. Кавалёў. Біяграфічныя звесткі пра яго ў даведцы вельмі сціслыя: вядома, што ён нарадзіўся ў в. Дабрамыслі. Напэўна, маецца на ўвазе вёска Аршанскага павета (зараз Лёзненскі раён), але ў даведцы гэта не ўдакладняецца. Трэба заўважыць, што населеныя пункты з такой назвай ёсць і ў іншых раёнах, напрыклад Чашніцкім. У. Кавалёў скончыў сямігодку. Як склаўся лёс маладога дэбютанта пасля «Пачатку» невядома.

Найбольш прадстаўнічым з'яўляецца аўтарства гурткоўцаў – выпускнікоў і навучэнцаў Віцебскага педагагічнага тэхнікума. Звесткі пра іх таксама вельмі кароткія. Сярод гэтых аўтараў – выпускнік тэхнікума, настаўнік Бабруйскага раёна А. Жукоўскі, які паходзіў з Гродзеншчыны; настаўнік вёскі Мяжа, таксама выпускнік тэхнікума А. Катановіч, пра якога паведамляецца, што ён паходзіць з Аршанскага павета; настаўнік і сын настаўнікаў С. Бакарэвіч; настаўнік Віцебскай акругі Янка Сівак, які скончыў педагагічны тэхнікум у 1926 г.; вучаніца тэхнікума 1904 года нараджэння Мялешкіна. Для ўсіх іх зборнік быў першым вопытам друкавання паэтычных твораў. Да прозвішча Мялешкінай мы зараз не можам нават далучыць ініцыял імя. У даведцы вызначана толькі яе паходжанне з Аршаншчыны, год нараджэння і статус вучаніцы педагагічнага тэхнікума на момант выдання зборніка.

У ліку самых маладых удзельнікаў альманаха трэба назваць вучняў сярэдніх школ Віцебска – Браніслава Люгоўскага і Ганны Базыленка (абодва 1908 года нараджэння). У кароткай даведцы ў зборніку пра Люгоўскага паведамляецца толькі тое, што ён вучань 5-й віцебскай школы-сямігодкі. Пра яго вядома няшмат: паходзіў з Віцебшчыны, з сялянскай сям'і, вучыўся ў Віцебску, працаваў токарам на віцебскім заводзе «Чырвоны металіст». Два вершы ў зборніку «Пачатак» – першая публікацыя. Друкаваўся таксама ў газетах «Зара Захаду» («Віцебскі пралетарый»), «Чырвоная змена». У другім зборніку віцебскага «Маладняка» – «Світанне» – змешчаны яшчэ чатыры яго творы паэзіі, а ў зборніку «Рытмы будавання» – найбольш значны твор – паэма «На рыштаванні». Пра гэтага аўтара пісалі ў сваіх аглядах літаратуры Віцебска Я. Мазуркевіч [3] і С. Раскін [6]. Апошні раз у друку імя Б. Люгоўскага ўзгадваецца ў 1940 г., і далейшы лёс яго невядомы.

Ганна Мартынаўна Базыленка, як і Б. Люгоўскі, была навучэнкай віцебскай школы. Нарадзілася ў сялянскай сям'і ў в. Арахі Аршанскага павета (зараз г. п. Арэхаўск). Яе раннія творы – пошук свайго слова ў розных літаратурных жанрах – паэзіі, прозе, драматургіі. Першыя публікацыі – у зборніках «Пачатак» і «Світанне». У шэрагу выпадкаў аўтар скарыстоўвае псеўданім Ганна Арахоўская. Г. Базыленка скончыла ў 1931 г. філалагічны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (БДУ). Усё жыццё займалася навуковай і выкладчыцкай дзейнасцю. Яе даследаванні марфалогіі беларускай мовы можна лічыць працягам той работы, якую ў юнацкія гады ў Віцебску вяла разам з іншымі вучнямі пад кіраўніцтвам Мікалая Каспяровіча. На чале з ім быў складзены і выдадзены ў 1927 г. «Віцебскі краёвы слоўнік».

У 1930-я гг. пасля заканчэння БДУ Г. Базыленка працавала ў Інстытуце мовы, літаратуры і мастацтва Акадэміі навук БССР, пасля Вялікай Айчыннай вайны абараніла дысертацыю, была выкладчыкам, дацэнтам, намеснікам дэкана філалагічнага факультэта БДУ. Прымала ўдзел у складанні слоўнікаў,

напісала шэраг манаграфій і падручнікаў. У 1962 г. з яе ўдзелам была выдадзена акадэмічная «Граматыка беларускай мовы». Вядомы беларускі мовазнаўца Г.М. Базыленка памерла ў 1980 г. Віцебскія зборнікі былі для яе пачаткам літаратурнай дзейнасці.

Вельмі складана і супярэчліва склаўся лёс яшчэ аднаго аўтара «Пачатку» – Зміцера Максімавіча Жыткевіча. Ён нарадзіўся ў 1904 г. у в. Халамер'е Гарадоцкага павета ў сям'і царкоўнага служачага. Зразумела, паходжанне сваё ў савецкі час замоўчваў. Застаўшыся без бацькоў у раннім узросце, выхоўваўся ў дзядзькі, настаўніка Халамерскай прыходскай школы, які вельмі паўплываў на пляменніка. Зміцер рана пачаў імкнуцца да навучання, скончыў усё тую ж Халамерскую школу, яшчэ падлеткам працаваў у валасной управе. Страціўшы родных у час Першай сусветнай вайны, разам з сястрой выхоўваўся ў дзіцячым доме. З 1921 г. у 17-гадовым узросце пачаў самастойна працаваць справаводам, карэспандэнтам газеты.

Першыя мастацкія творы З. Жыткевіча былі надрукаваны ў 1924 г. у «Віцебскай сялянскай газеце». У час, калі пачынала дзейнасць у Віцебскай акрузе філія «Маладняка», ён працаваў загадчыкам Езярышчанскага народнага дома, у якім спрабаваў наладзіць працу літаратурнага гуртка. У 1926–1931 гг. ён быў сакратаром газет «Віцебская сялянская газета» і «Віцебскі пралетарый» Віцебскага аддзялення БелАПП. У зборніку «Пачатак» надрукаваны два вершы Жыткевіча, у зборніках «Світанне» і «Рытмы будавання» – пяць і сем вершаваных твораў адпаведна. У «Світанні» некалькі яго вершаў падпісаны псеўданімам З. Гушчар. Пра З. Жыткевіча піша ў сваім нарысе пра віцебскіх пісьменнікаў Я. Мазуркевіч [3].

Пасля 1933 г. лёс З.М. Жыткевіча зрабіў рэзкі паварот. Член партыі, з адукацыяй і жыццёвым вопытам, ён быў прызваны на службу ў органы НКУС, у якіх праслужыў 22 гады да самай смерці ў 1955 г. У самыя горшыя часы, калі рэпрэсіравана была нацыянальная інтэлігенцыя – учарашнія аднадумцы з кола літаратараў, апынуўся ў лагеры знішчальнікаў. Біяграфіі З.М. Жыткевіча прысвечаны артыкул М.Х. Плавінскага [5].

Разгортванне школьнай адукацыі, краязнаўчай і літаратурнай працы ў Віцебску ў 1920-я гг. адыграла прынцыповую ролю ў справе ўкаранення нацыянальнай культуры ў грамадстве. Выданне першага віцебскага беларускага літаратурнага альманаха «Пачатак» спрыяла аб'яднанню намаганняў у той час даволі нешматлікай беларускай творчай інтэлігенцыі, школьнай і студэнцкай моладзі ў справе распаўсюджання нацыянальнай культурнай спадчыны. «Пачатак» быў неабходнай пляцоўкай для маладых літаратараў, якія патрабавалі свайго месца ў рэвалюцыйных культурных пераўтварэннях і павінны былі не забыцца пра традыцыю, былі вымушаны лічыцца з нарастаннем ідэалагічнага прэсінгу. Час «Пачатку» – гэта яшчэ час супадзення памкненняў нацыянальнай інтэлігенцыі і дзяржаўнай палітыкі. Ва ўмовах рэгіёна яно дало значныя творчыя з'явы.

ЛІТАРАТУРА

1. **Беларускія** пісьменнікі : біябібліягр. слоўнік : у 6 т. / рэд. А. В. Мальдзіс. – Мінск : БелЭн, 1992–1995. – 6 т.

2. **Мазуркевіч, Я.** Літаратурны рух на Віцебшчыне / Я. Мазуркевіч // Маладняк. – 1929. – № 4. – С. 93–98.

3. **Мазуркевіч, Я.** Пралетарская літаратура ў Віцебску / Я. Мазуркевіч // Віцебскі пралетарый. – 1930. – 8 лістап.

4. **Пачатак** : зб. Віцеб. філіі «Маладняка» / пад рэд. Я. І. Мазуркевіча. – Віцебск : Выд-ва «Зара Захаду», 1926. – 166 с.

5. **Плавінскі, М. Х.** Пяром і зброяй / М. Х. Плавінскі // Віцебскі рабочы. – 1984. – 7 лістап.

6. **Раскін, С.** Віцебскія пісьменнікі / С. Раскін // Віцебскі пралетарый. – 1937. – 12 крас.

7. **Рытмы** будавання : трэці літ.-маст. зб. Віцеб. філіі беларус. асац. пралетар. пісьменнікаў / пад рэд. Я. І. Мазуркевіча. – Віцебск : Выд. Віцебскай філіі «БелАПП», 1930. – 303 с.

8. **Світанне** : літ. зб. Віцеб. філіі «Маладняка» / пад рэд. Я. І. Мазуркевіча. – Віцебск : Выд. Віцебскай філіі «Маладняка», 1927.

Мясаедава С.М. *(г. Віцебск)*

«ЯЎРЭЙСКІ ДАЛЬ» ЗАЛМАН ХРАПКОЎСКІ

Уладзімір Іванавіч Даль набыў сусветную вядомасць дзякуючы складанню неверагоднага па аб'ёме «Тлумачальнага слоўніка жывой велікарускай мовы». На яго стварэнне ён выдаткаваў 53 гады свайго жыцця.

Залману Ісакавічу Храпкоўскаму адмераны быў усяго 41 год, каля паловы з якіх ён прысвяціў збіранню яўрэйскага фальклору, за што яшчэ пры жыцці некаторыя называлі яго «яўрэйскім Далем», лічылі калекцыю скарбам яўрэйскай літаратуры. Апошнія гады З. Храпкоўскі працаваў загадчыкам Аршанскага дзяржаўнага рабочага факультэта, увесь вольны час прысвячаў сістэматызацыі сабраных ім больш за 20 тыс. выразаў, прыказак і прымавак, больш 2 тыс. анекдотаў «з жывой яўрэйскай мовы». Памёр заўчасна, 14 жніўня 1924 г. [13], трапіўшы па неасцярожнасці пад вагон трамвая падчас службовай камандзіроўкі ў Маскву [1]. Храпкоўскі быў таленавітым педагогам, усебакова развітым чалавекам, цудоўным арганізатарам, аратарам, «рэдкіх душэўных якасцяў, рэдкай душэўнай чысціні чалавек» [13].

Згодна з аўтабіяграфіяй, нарадзіўся З.І. Храпкоўскі 31 снежня 1882 г. у г. Гарадок Віцебскай губерні (па некаторых дадзеных – у мястэчку Капыль на Міншчыне) [8] у патрыярхальнай яўрэйскай сям'і. Дзед з бацькоўскага боку быў дробным гандляром, бацька – бухгалтарам, маці – хатняй гаспадыняй. З дзяцінства хлопчык ацэньваў свае здольнасці як выдатныя, аднак у сям'і быў адмоўны погляд на агульную адукацыю [10]. Бацькі хацелі зрабіць з яго рабіна, таму старанна выхоўвалі ў яўрэйскім традыцыйным хедары. Плаціць за навучанне бацьку было цяжка, «але ў славу боскую ён з грахом напалову плату ўносіў». Употай ад бацькоў хлопчык самастойна вывучаў агульнаадукацыйныя прадметы, у прыватнасці, рускую мову, арыфметыку, многа чытаў свецкай літаратуры, паступова «рабіўся апікайрэсам», бязбожнікам. «Зловяць, бывала, за такім чытаннем – і даставалася мне!» – успамінаў З. Храпкоўскі [2].

На 16-м годзе жыцця З. Храпкоўскі паступіў у яўрэйскае народнае вучылішча, праз 3,5 гады скончыў і яго, і двухкласнае гарадское вучылішча. З класа ў клас пераходзіў з узнагародамі першай ступені, аднак за няплату яго перыядычна выключалі, так што Храпкоўскаму прыходзілася збіраць грошы і паступаць ізноў... «Тады ж вырашыўся і лёс маёй прафесіі: я выбраў народнае настаўніцтва». Працаваў спачатку ў мястэчку Лёзна Магілёўскай губерні, але быў адхілены ад пасады і больш за 2 гады не мог уладкавацца на работу [10].

І вось Залман Ісакавіч пераязджае ў губернскі горад Віцебск, паступае на працу ў талмуд-тору, пра работу дзе ён адгукаўся наступным чынам: «У талмуд-тору пайшоў я, можна сказаць, на подзвіг, бо ўмовы работы там былі прама пякельныя…» [2], бо тут «вучылася самая заўзятая бяднота» [10]. Заняткі працягваліся з 9 да 16 гадзін, у склад групы ўваходзіла 75 чалавек. Адначасова Храпкоўскі быў актыўным удзельнікам многіх грамадскіх аб'яднанняў Віцебска [4]. «Гэта былі адзіныя шчыліны, адзіныя форткі, праз якія можна было ў той змрочны час захоўваць сувязь з масамі і падтрымліваць у іх іскру людскасці» – успамінаў ён [10].

Па прычыне вайны ў 1916 г. З. Храпкоўскі пераехаў у Рыбінск Яраслаўскай губерні. Працаваў у маскоўскім саюзе спажывецкага таварыства, на млыне братоў Сібіравых, прымаў удзел у арганізацыі прафсаюза кручнікаў [10].

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. паўстала пытанне аб уступленні ў партыю бальшавікоў. Залман Ісакавіч доўга разважаў, супастаўляў плюсы і мінусы. Ён заўважаў няўдалыя прызначэнні на працу, выступаў катэгарычна супраць пакарання смерцю, але ўступіў у РКП(б) таму, што лічыў «патрэбным быць удзельнікам рэвалюцыйных працэсаў». У партыю яго прынялі без кандыдацкага стажу [15].

З.І. Храпкоўскі актыўна працаваў у аддзеле народнай адукацыі Віцебскага губвыканкама (губана): спачатку кіраваў дашкольным, школьным пададдзеламі [6], са снежня 1919 г. сумяшчаў пасады [6; 16], з 1920 г. узначаліў

губана. Ён уваходзіў у склад Віцебскага губернскага лектарскага бюро пры прафсаюзе працаўнікоў асветы і сацыялістычнай культуры (чытаў лекцыі па прыродазнаўстве). Па словах сучаснікаў, карыстаўся бязмежнай папулярнасцю сярод моладзі, працоўных, чырвонаармейцаў, мясцовага настаўніцтва; яго добра ведалі па шматлікіх выступах на сходах, адзначалі яго гумар. Як загадчык Віцебскага губана Храпкоўскі спрыяў выратаванню архіва Віцебскага губвыканкама, які знішчаўся «на паперу» [7, арк. 89]. Залман Ісакавіч прымаў удзел у рабоце камісіі па ахове помнікаў даўніны і мастацтва, прапаноўваў арганізаваць музеі дапаможнікаў, мастацкай [прамысловасці], узнімаў пытанне выратавання мастацкіх каштоўнасцей з маёнтка Мазалава [14].

У 1922 г. Храпкоўскі здаў справы зноў прызначанай загадчыкам Віцебскага губана Сары Ізраілеўне Шэйдлінай [7, арк. 156], а сам са студзеня таго ж году атрымаў пасаду загадчыка Аршанскага дзяржаўнага рабочага факультэта [17].

Як і раней, Залман Ісакавіч карыстаўся павагай сярод большасці калег і рабфакаўцаў, аднак былі ва ўзаемаадносінах і цяжкасці: «ненармальныя адносіны» з прафсаюзным камітэтам [11, арк. 48], нічым не абгрунтаванае ганенне з боку некаторых выкладчыкаў [3].

Залман Ісакавіч паступова ўсё менш увагі надаваў партыйнай і грамадскай працы, больш займаўся разборам і сістэматызацыяй калекцыі фальклорнага матэрыялу. У 1922 г. ён выпусціў у Віцебску невялікую кніжку «Вайсковы жарт», якая ўключала легенды, анекдоты, прыказкі і прымаўкі, галаваломкі, каламбуры і падобныя творы, якія тычыліся ў большай ступені Першай сусветнай вайны 1914–1918 гг. У прадмове да кнігі Храпкоўскі паведамляў, што ўсё гэта ён асабіста сабраў падчас экспедыцый па Віцебскім краі, з-за чаго падборцы ўласцівы некаторы «правінцыйны каларыт» [8].

Таварышы заўважалі абыякавасць Храпкоўскага да партыйнай работы. На пасяджэннях Аршанскага павятовага камітэта РКП(б) гучала крытыка ў яго адрас: яго называлі няважным работнікам як бальшавіка, малаактыўным, цяжкім на ўздым, казалі, што ён амаль не цікавіцца партыйнай працай, на пасяджэнні часта не прысутнічае, а калі з'яўляецца, то часам нават спіць. Іншыя адзначалі, што Храпкоўскі – значная навуковая сіла, як член партыі паводзіць сябе як належыць, мяшчанства за ім не назіраецца, а сон выкліканы тытунёвым дымам. Але на агульным пасяджэнні ячэйкі РКП(б) Дома Саветаў ад 24 красавіка 1924 г. т. Храпкоўскі з членаў павятовага камітэта РКП(б) быў пераведзены ў кандыдаты [18].

У гэты час у мэтах вычышчэння партыі ад сацыяльна чужых і іншых элементаў у СССР пачалася праверка асабовага складу ўстаноў, арганізацый, прадпрыемстваў. Пачатак кампаніі ў БССР быў запланаваны на 1–5 чэрвеня 1924 г. з разлікам скончыць праверку праз месяц. Закрануў працэс і Аршанскі дзяржаўны рабочы факультэт [19]. Вынікам мерапрыемстваў магло стаць адлічэнне з факультэта.

Падчас падрыхтоўчага да чысткі этапу некаторыя калегі ўказалі на мяккі характар Залмана Ісакавіча, з-за якога «не прайшла» чыстка ў 1923 г. Храпкоўскі ж сцвярджаў, што нельга быць мяккім з класавымі ворагамі, якіх, па яго словах, вельмі мала. Ён лічыў, што неабходны індывідуальны падыход да кожнага таварыша, што партыйцы не павінны карыстацца прывілеямі. «Рабіць выключэнне камуністам, а працоўнаму з недастатковым стажам не рабіць, так няможна» [11, арк. 49 адв. – 50, 54, 61]. Дзякуючы такой пазіцыі Залмана Ісакавіча многія рабфакаўцы засталіся ў гэтай навучальнай установе.

Пасля ліквідацыі Віцебскай губерні і арганізацыі акругаў у 1924 г. З.І. Храпкоўскі быў прымацаваны да другой групы работнікаў акруговага маштабу і такім чынам узняўся да загадчыка акруговага аддзела народнай адукацыі. Камісія па перападліку адказных працаўнікоў губернскага, павятовага і валаснога маштабу Аршанскай павятова-гарадской арганізацыі ад 23 ліпеня 1924 г. адзначала, што таварыш Храпкоўскі мае вялікі лектарскі стаж і здольнасці да гэтай працы [17].

14 жніўня 1924 г. падчас службовай паездкі ў Маскву Залман Ісакавіч Храпкоўскі трагічна загінуў пад коламі маскоўскага трамвая. Засталася сям'я: маці Хана Залманаўна (інвалід), сёстры Рахіль і Лея, браты Зіскін, Ханон.

25 жніўня 1924 г. адбыўся агульны сход ячэйкі КП(б)Б Аршанскага рабфака, на якім была арганізавана камісія ў складзе трох чалавек па ўшанаванні памяці Залмана Ісакавіча [12]. Пахаваны ён на Ваганькаўскіх могілках, дзе ўсталяваны помнік ад аршанскіх акружкама КП(б)Б, рабфака і родных.

Загадчык Віцебскага акруговага аддзела народнай адукацыі таварыш Рубін у верасні 1924 г. звярнуўся ў Народны камісарыят асветы БССР з просьбай узбудзіць хадайніцтва перад Народным камісарыятам сацыяльнага забеспячэння БССР аб прызначэнні сям'і таварыша Храпкоўскага персанальнай пенсіі за заслугі апошняга перад краінай. У лісце ўздымалася пытанне і далейшага лёсу калекцыі. Рубін адзначаў, што дзейнасць Залмана Ісакавіча не абмяжоўвалася толькі педагагічнай работай, ён быў вядомым у літаратурным свеце збіральнікам яўрэйскага фальклору. Адна частка працы была даведзена да канца і магла быць надрукавана, іншыя ж, з прычыны заўчаснай смерці яе стваральніка, мела патрэбу ў апрацоўцы акадэмічнай камісіяй [13], а звестак аб яе стварэнні і рабоце над калекцыяй Храпкоўскага не выяўлена. У лік персанальных пенсіянераў па Віцебскай акрузе сям'я дзеяча не трапіла.

Пры рабфаку ў 1925 г. быў арганізаваны клуб імя Храпкоўскага [9]. На памяць аб ім засталася невялікая кніга «Вайсковы жарт», выдадзеная ў Віцебску ў 1922 г. накладам у 2860 асобнікаў, якая захоўваецца ў Расійскай нацыянальнай бібліятэцы [8].

ЛІТАРАТУРА

1. **Аршанскі** рабфакавец // Витебщина : документальное наследие. – 1926 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 192.168.0.2./db_nasled/index.php. – Дата доступа: 20.10.2016.

2. **Аўтабіяграфіі** і асабістыя карткі членаў губвыканкама за 1921 г. // Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 1821. – Воп. 1. – Спр. 579. – Арк. 10–10 адв.

3. **Дырэктывы** Аршанскага павятовага камітэта і інш. за 1924 г. // ДАВВ. – Фонд 124-п. – Воп. 2. – Спр. 690. – Арк. 1.

4. **Загады** і выпіскі з загадаў Віцебскага губвыканкама, Віцебскага губернскага аддзела народнай адукацыі за 1919 г. // ДАВВ. – Фонд 2268. – Воп. 3. – Спр. 3. – Арк. 32.

5. **Загады** і пратаколы пасяджэнняў калегіі Віцебскага губернскага аддзела народнай адукацыі за кастрычнік-снежань 1919 г. // ДАВВ. – Фонд 2268. – Воп. 3. – Спр. 5.

6. **Загады** па Віцебскаму губернскаму аддзелу народнай адукацыі за 1919 г. // ДАВВ. – Фонд 2268. – Воп. 3. – Спр. 8. – Арк. 235–235 адв.

7. **Загады** па Віцебскаму губернскаму аддзелу народнай адукацыі за 1921 г. // ДАВВ. – Фонд 246. – Воп. 1. – Спр. 33.

8. **Кнорринг, В.** Фольклорист из Витебска / В. Кнорринг // Мишпоха. – № 30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mishpoha.org/n30/30a15.php. – Дата доступа: 14.10.2016.

9. **Копіі** пратаколаў рэвізійнай камісіі, спіскі студэнтаў рабфака і інш. за 1924–1925 гг. // ДАВВ. – Фонд 124-п. – Воп. 2. – Спр. 691. – Арк. 46.

10. **Пастановы** Віцебскага губернскага аддзела народнай адукацыі і інш. за 1918–1919 гг. // ДАВВ. – Фонд 2268. – Воп. 1. – Спр. 2. – Арк. 45–45 адв.

11. **Пратаколы** аб'яднаных сходаў ячэек КП(б)Б і ЛКСМБ, агульных сходаў і пасяджэнняў бюро ячэйкі КП(б)Б Аршанскага рабфака за 1923–1924 гг. // ДАВВ. – Фонд 124-п. – Воп. 2. – Спр. 687.

12. **Пратаколы** пасяджэнняў бюро, агульных сходаў ячэйкі № 11 і інш. за 1924 г. // ДАВВ. – Фонд 124-п. – Воп. 2. – Спр. 688. – Арк. 20.

13. **Пратаколы** пасяджэнняў калегіі Наркамасветы БССР і інш. за 1924 г. // ДАВВ. – Фонд 170. – Воп. 1. – Спр. 8. – Арк. 185. – 185 адв.

14. **Пратаколы** пасяджэнняў камісіі па ахове помнікаў даўніны і мастацтва за 1920 г. // ДАВВ. – Фонд 1947. – Воп. 1. – Спр. 2. – Арк. 2–2 адв.

15. **Пратаколы** пасяджэнняў камісіі па праверцы складу ячэйкі КП(б)Б Аршанскага рабфака за 1924 г. // ДАВВ. – Фонд 10062-п. – Воп. 1. – Спр. 68. – Арк. 23 адв. – 24.

16. **Пратаколы** пасяджэнняў РКК пры Віцебскім губана за 1920 г. // ДАВВ. – Фонд 2268. – Воп. 3. Спр. 14.

17. **Пратаколы** пленумаў, пасяджэнняў бюро Аршанскага павятовага камітэта РКП(б) за 1924 г. // ДАВВ. – Фонд 10065-п. – Воп. 1. – Спр. 627. – Арк. 135.

18. **Пратаколы** сходаў ячэек РКП(б) Аршанскага раёна за 1923–1924 гг. // ДАВВ. – Фонд 10065-п. – Воп. 1. – Спр. 448. – Арк. 98–99.

19. **Цыркуляры**, распараджэнні Аршанскага павятовага камітэта РКП(б) за 1923–1924 гг. // ДАВВ. – Фонд 124-п. – Воп. 2. – Спр. 686. – Арк. 100.

Падстаўленка В.Ф. *(г. Віцебск)*

АПОВЕСЦЬ «ГОЛЫ ЗВЕР» МІХАСЯ ЗАРЭЦКАГА ЯК УНІКАЛЬНЫ ЖАНРАВЫ ПРЫКЛАД

Пачынаючы з другой паловы 1920-х гг. у беларускай літаратуры (як і ва ўсёй савецкай у цэлым) адчуваецца моцны ўплыў тэорый «жывога чалавека», «зрывання масак», «псіхалагічнага рэалізму». Заканамерна, што ў сатыры гэтага часу заўважаецца інтэнцыя на псіхалагічныя прыёмы. Так, прынамсі, шырока практыкуецца творцамі псіхалагічны спосаб тыпізацыі («Сентыментальныя аповесці» М. Зошчанкі, апавяданні А. Аверчанкі і Тэфі). У беларускай сатырычнай плыні найбольш паказальным прыкладам гэтага спосабу тыпізацыі з'яўляецца сатырычная аповесць «Голы звер» М. Зарэцкага (1926). На падставе жанравых і канцэптуальна-метадалагічных агульнасцей, уласцівых названаму твору і «Сентыментальным аповесцям» М. Зошчанкі (1923–1929), мэтазгодна правесці супастаўленне асноўных мастацкіх рашэнняў, што выяўляюць непаўторныя карціны аўтарскіх стыляў.

Творчыя дыскурсы М. Зарэцкага і М. Зошчанкі вызначаюцца майстэрствам даследавання герояў у гранічна абвостраных і драматычна заглыбленых сітуацыях, у якіх мяняюцца светапоглядныя пазіцыі персанажаў. Але самі гэтыя змены маюць дыяметральна супрацьлеглы характар: калі асобных зошчанкаўскіх мастацкіх тыпаў выпадак прыводзіць да ўмацавання ў свядомасці маральных ідэалаў («Тамара і Апалон», «Страшная ноч»), то героі М. Зарэцкага ператвараюць асабістае жыццё ў амаральна-дэструктыўнае існаванне біялагічных адзінак.

Сюжэтнай дамінантай у творах становіцца непрадказальна-алагічны выпадак, з якога пачынаецца ланцуг трагікамічных (у Зошчанкі) і саркастычна-драматычных (у Зарэцкага) наступстваў. Пры гэтым падзейны рад успрымаецца толькі як фонавая «ілюстрацыя», сэнсавае тлумачэнне выбару персанажа. У цэнтры аповесцей – дынамічны працэс развіцця характараў герояў і раскрыццё ўнутранай логікі іх паводзін. Поліфанічнасць, лапідарнасць дыскурсаў сатырыкаў абумовіла сканцэнтраванасць экспрэсіўных сэнсава важкіх эпізодаў, інтанацыйнае вар'іраванне, эксперыментатарства з мастацкім часам. Дадаткова спынемся на апошняй стылёвай прыкмеце.

Храналагічны падыход у аповесцях М. Зарэцкага і М. Зошчанкі мае дыскрэтны, фрагментарны прынцып апісання, у якім, аднак, заўважаецца шэраг істотных асаблівасцей. «Сентыментальныя аповесці», у адпаведнасці з жанравай формай запісак, суб'ектыўна адлюстроўваюць мастацкі свет у выглядзе лагічна сканструяваных рэтраспекцый. У «Голым зверы» адбываецца камбінаванне спосабаў мастацкага паказу: у дамінуючае непасрэднае адлюстраванне (апісанне падзей, якія маюць месца ў цяперашнім для апавядальніка часе) уваходзяць рэтраспекцыі-ўспаміны герояў. Сінтэз лірычных і побы-

тавых абразкоў-замалёвак, прасякнутых іранічна-саркастычнымі фарбамі, спалучэнне розных спосабаў мастацкага паказу садзейнічаюць узнікненню моцнага эмацыянальнага «пасылу», паслядоўная градацыя якога суправаджае дзеянне да фіналу. Адной з асноўных стылёвых велічынь у аналізуемых творах з'яўляецца лірычнасць аповедаў. Менавіта яна заўважаецца ў падрадковых сэнсавых «падводках» да некаторых частак, дзякуючы чаму ўзрастае ступень аўтарскай актыўнасці і аўтарскай далучанасці да падзей.

Пры аналізе стыляў М. Зарэцкага і М. Зошчанкі нельга не сказаць аб майстэрстве дэталізацыі ў іх сатырычных творах.

У аповесці «Голы звер» з пункту погляду псіхалагічнай сатыры найбольш уражвае трапнасць характарыстычных апісанняў розных адценняў усмешкі «дзялка часоў нэпа» (Ю. Пшыркоў) Яроцкага: «салодка ўсміхнуўся», «заціснуў у вуснах тонкую ўсмешку», «усміхаўся ветла, адкрыта», «засмяяўся <...> жудасным смехам-сіпеннем», «застыла грымасай усмешка <...> у ёй разам пераплялося: і гэты дзікі незразумелы спалох, і слюнява-недалужная злосць <…> і зларадпасць дзікая», «засмяяўся сухім тым драўляным смехам» [1, с. 381–429].

Адзначаная партрэтная дэталь мае вялікі псіхалагічны сэнс. Яна не толькі на прыкладзе вобраза Яроцкага падагульняе аўтарскія спробы тэкстуальнага абыгрывання камічных матываў прыкідвання і гульні, але і, развіваючы сваю характаравызначальную функцыю, названая дэталь узбуйняецца да памераў гратэскава-метафарычнага вобраза-сімвала. Аргументуем тэкстуальнымі доказамі: «Смех шалёнай вужакай абвівае нутро і ціснецца-ціснецца вон, каб рассыпацца ў рогат гуллівы» [1, с. 381]. Такім чынам, у «Голым зверы» ўсмешка (як мастацкая дэталь) вызначае спецыфіку стасункавасці паміж персанажамі і канкрэтызуе стаўленне самога творцы да герояў.

У дачыненні да «Сентыментальных аповесцей» М. Зошчанкі адзначым, што ўласцівасцю стылю рускага сатырыка з'яўляецца практыкаванне рознатыповых камічных дэталей, мэта якіх – адлюстраванне «павуціння дробязей», якое ахутала жыццё герояў. Аб'ядноўвае празаікаў і ўжыванне сімвалізаваных мадэлей сатырычных дэталей, толькі ў М. Зошчанкі гэта дэталі побытава-рэчавага плана.

Наступная прыкмета дыскурсаў даследуемых аўтараў – кантраснасць – найбольш праяўляецца ў эмацыянальна-інтанацыйнай шматмернасці твораў. У «Голым зверы» пісьменнікам прымяняецца адкрытая кантэкстуальная амбівалентнасць:

а) супастаўленне лірычна-рамантычных, іранічна-саркастычных і драматычных эпізодаў у межах адной часткі;

б) на працягу ўсяго твора М. Зарэцкім апрабуюцца патэнцыяльныя мажлівасці ідэйна-мастацкай дыхатаміі «смех/гора (плач)».

Спакойны, мякка-іранічны аповед, які вызначае стыль «Сентыментальных аповесцей», кантрастуе з падтэкставай лірычна-спачувальнай рэакцыяй аўтара на апісаныя падзеі.

Стылістыка псіхалагічнай сатыры вымагае ад пісьменніка эклектычных сродкаў раскрыцця вобразаў. Таму сатырычныя персанажы аповесці «Голы звер» характарызуюцца і пры дапамозе камічных прыёмаў (гратэскава-іранічнае партрэтаванне, падкрэсліванне неадэкватнага рэальнаму стаўлення герояў да сябе, да іншых людзей, да рэчавага свету), і псіхалагічнымі прыёмамі (унутраныя маналогі, дэталізацыя), і выкрывальна-ацэначнымі заўвагамі.

Трэба таксама адзначыць, што для «Голага звера» характэрна выкарыстанне рознааспектных антаганістычных кампанентаў, таму паралельна з ужываннем драматычных матываў аўтарам уключаюцца і сатырычныя матывы гульні, прыкідвання, штучнасці. Мэта іх – змяншэнне памераў гіпербалічнага персаніфікаванага зла і дыскрэдытацыя «жывёльных» прынцыпаў існавання.

Рознааспектнасць аналізу сатырычнай аповесці «Голы звер» М. Зарэцкага пацвердзіла самабытнасць жанрава-стылёвых рашэнняў і адначасовую адпаведнасць яе традыцыям сатырычна-псіхалагічнай прозы.

ЛІТАРАТУРА

1. **Зарэцкі, М.** Кветка пажоўклая : апавяданні, аповесць / М. Зарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 2002. – 431 с.

Півавар К.С. *(г. Віцебск)*

РОЛЯ КРАЯЗНАЎСТВА Ў ДЗЕЙНАСЦІ СТУДЭНЦКАГА ЛІНГВІСТЫЧНАГА ГУРТКА ВІЦЕБСКА

Мэта артыкула: раскрыць краязнаўчы напрамак дзейнасці студэнцкага мовазнаўчага аб’яднання на прыкладзе гуртка «Мова ў кантэксце культуры», які функцыянуе на філалагічным факультэце ўстановы адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава». Як вынікае з назвы, ухіл даследавання мовы ў ім робіцца на перспектыўныя і запатрабаваныя сёння кірункі – сацыякультурны і лінгвакультуралагічны аспекты вывучэння беларускай мовы. Мова пры гэтым разумеецца як інструмент адлюстравання культуры народа і як феномен культуры. Зразумела, што пры такім падыходзе істотнае месца на занятках гуртка мае краязнаўчая праца. Выдзелім наступныя напрамкі дзейнасці студэнтаў па даследаванні роднага горада і вобласці ў межах названага гуртка:

1) вызначэнне дыялектных асаблівасцей беларускай мовы (у нашым выпадку – асаблівасцей паўночна-ўсходняга дыялекту);

2) даследаванне біяграфій і творчасці лінгвістаў – ураджэнцаў Віцебска, або тых, хто быў звязаны з нашым горадам у пэўныя перыяды жыцця;

3) выяўленне падзей, фактаў, важных у гісторыі беларускай мовы і звязаных з Віцебшчынай;

4) даследаванне мовы літаратурных твораў, у якіх узгадваецца Віцебск;

5) правядзенне экскурсій па мясцінах Віцебшчыны, звязаных з гісторыяй беларускай мовы, кнігі.

Разгледзім падрабязней кожны з азначаных аспектаў краязнаўчай працы студэнцкага лінгвістычнага гуртка.

1. Нягледзячы на выданне грунтоўнай працы «Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны» [5], у якім зафіксаваны дыялектызмы, адзначаныя ў розных раёнах Віцебскай вобласці падчас дыялекталагічных экспедыцый студэнтаў і выкладчыкаў Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, спыняць працу па зборы дыялектных асаблівасцяў беларускай мовы не варта. Запатрабаванымі для айчыннай навукі будуць даследаванні пэўных лексіка-семантычных груп дыялектызмаў, параўнальнае вывучэнне мясцовай лексікі сучаснага слоўніка і выдадзенага амаль стагоддзе таму – «Віцебскага краёвага слоўніка» М.І. Каспяровіча [4].

2. З Віцебскам звязаны імёны многіх беларускіх лінгвістаў, фалькларыстаў, пісьменнікаў. Прыгадаем імя выдатнага славяназнаўцы, пачынальніка беларускай, польскай, украінскай археалогіі, фалькларыстыкі, этнаграфіі і дыялекталогіі Зарыяна Якаўлевіча Даленгі-Хадакоўскага (сапр. Адам Чарноцкі; 1784–1825). Складзены ім чатырохтомны «Слоўнік назваў гарадзішчаў і ўрочышчаў» – першы вопыт такога роду ва ўсходнеславянскіх археолагаў. Выкарыстанне дадзеных тапанімікі ў гісторыі і археалогіі зараз звычайны метад. На тыя часы гэта не знаходзіла падтрымкі сярод даследчыкаў і З.Я. Даленгу-Хадакоўскаму прыходзілася шмат спрачацца і даказваць правату сваёй «гістарычнай сістэмы». У Віцебску на пачатку XIX ст. З.Я. Даленга-Хадакоўскі даследаваў Дзвінскае ўзвышша – старадаўняе балцкае гарадзішча.

Ураджэнец Гарадоччыны, Канстанцін Васільевіч Вераніцын, аўтар славутай паэмы «Тарас на Парнасе» вучыўся ў Віцебскай гімназіі (1845–1852). Зараз гэта будынак Віцебскай духоўнай семінарыі на былой Прачысценскай, цяпер вул. Камісара Крылова (дом № 7).

Сцены гэтага будынка бачылі не аднаго таленавітага сына Віцебшчыны. Так, гімназію ў 1832 г. закончыў ураджэнец Полацка, славуты вучоны-ўсходазнавец Каятан Андрэевіч Касовіч (1814–1883). Наш зямляк з'яўляўся найвыдатнейшым знаўцам сучасных і мёртвых усходніх моў, стаў заснавальнікам санскрыталогіі ў Расійскай імперыі.

З гэтым жа будынкам звязана імя этнографа, фалькларыста Паўла Васільевіча Шэйна (1826–1900). З 1865 па 1873 г. ён працаваў выкладчыкам у Віцебскай гімназіі. Пражываючы ў горадзе, ён займаўся зборам народнага

фальклору самастойна, а таксама стварыў шырокую сетку карэспандэнтаў, якія збіралі матэрыялы для яго. Сярод іншых былі як навучэнцы гімназіі, так і вядомыя даследчыкі, напрыклад, А. Багдановіч, Ф. Глінка, Л. Кандратовіч (Сыракомля), Я.Ф. Карскі, Ю.Ф. Крачкоўскі, Я. Лучына, М.Я. Нікіфароўскі, З.Ф. Радчанка, М. Рымскі-Корсакаў і інш. На жаль, не ўсе матэрыялы, сабраныя П. Шэйнам, пабачылі свет.

У 1876 г. будынак гімназіі быў перададзены духоўнай семінарыі, якую ў 1909 г. скончыў Анатоль Васільевіч Багдановіч (1888–1969), беларускі і рускі мовазнавец, кандыдат філалагічных навук. Выкладаў у школах і тэхнікумах Віцебска (1921–1926).

На гэтай жа вул. Камісара Крылова, у доме № 4, у 1924–1926 гг. жыў знакаміты краязнаўца, філолаг, гісторык, культуролаг Мікалай Іванавіч Каспяровіч, аўтар некалькіх мовазнаўчых артыкулаў і двух слоўнікаў: «Беларуска-расійскага слоўнічка» (1925), «Віцебскага краёвага слоўніка» і «Слоўнічка ўласных найменняў» (1927). Уласны досвед над «Віцебскім краёвым слоўнікам» потым абагульніў у інструкцыі «Як сабраць і ўкласці слоўнік мовы свайго раёна» (1928), ухваленай слоўнікавай і дыялекталагічнай камісіямі Аддзела гуманітарных навук Інбелкульта і рэкамендаванай усім мясцовым краязнаўцам у якасці практычнага дапаможніка.

Недалёка ад вул. Камісара Крылова, па адрасе вул. Талстога, 4, знаходзіцца будынак былой прыватнай гімназіі І.Р. Неруша, дзе выкладаў выдатны беларускі этнограф, фалькларыст Мікалай Якаўлевіч Нікіфароўскі (1845–1910). Пасля заканчэння Віцебскага духоўнага вучылішча ён працаваў настаўнікам у гімназіях у Віцебску і Віцебскай губерні. Знаёмства з дзейнасцю Паўла Шэйна абудзіла ў М.Я. Нікіфароўскага цікавасць да вывучэння побыту, культуры і творчасці народа. Больш як 20 гадоў ён быў карэспандэнтам П. Шэйна, а потым стаў выступаць з самастойнымі даследаваннямі. Сярод больш як 20 прац М.Я. Нікіфароўскага адзначым «Напаўпрыказкі-напаўпрыслаўкі, якія ўжываюцца ў Віцебскай Беларусі» (1910–1913), «Напаўпрыказкі-напаўпрыслаўкі» (1928), якія можна лічыць аднымі з першых фразеаграфічных прац па беларускай мове. Жыццё яшчэ аднаго знакамітага вучонага, які займаўся даследаваннямі беларускай мовы, – Еўдакіма Раманавіча Раманава, звязана з Віцебскам, дзе ў 1886–1894 гг. ён працаваў у якасці інспектара народных вучылішч. Віцебшчыне прысвечаны шэраг яго грунтоўных даследаванняў. Сярод іншых вылучаецца праца «Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд Велижский» (Магілёў, 1898). У працы падаецца падрабязнае, дэталёвае апісанне водных аб'ектаў, урочышчаў, назваў населеных пунктаў, помнікаў археалогіі ў іх наваколлях. Гэтае даследаванне ўяўляе сабой грунтоўны параўнальна-гістарычны аналіз тапанімічнага матэрыялу.

З 1921 г. пачаў дзейнічаць Віцебскі педагагічны інстытут. У 1920–1923 гг. тут працаваў Міхаіл Міхайлавіч Бахцін (1895–1975) – рускі філосаф, культу-

ролаг, тэарэтык еўрапейскай культуры і мастацтва. Даследчык мовы, эпічных форм аповеду і жанру еўрапейскага рамана. Аўтар некалькіх лінгвістычных прац, прысвечаных агульнатэарэтычным пытанням стылістыкі і тэорыі маўленчых жанраў.

У 1938–1941 гг. выкладчыкам беларускай мовы і літаратуры, загадчыкам навучальнай часткі Віцебскага педвучылішча працаваў Суднік Міхаіл Раманавіч (1910–1995), мовазнавец, кандыдат філалагічных навук, член-карэспандэнт АН Беларусі. Займаў пасады дырэктара Інстытута мовазнаўства АН БССР (1957–1983), старшыні Беларускага камітэта славістаў (1959–1985). Суаўтар вядомых перакладных, тлумачальных, арфаграфічнага слоўнікаў.

Віцебск звязаны са шматлікімі імёнамі таленавітых мовазнаўцаў. Аднак адсутнасць да пачатку XX ст. вышэйшых навучальных устаноў падштурхоўвала навукоўцаў з'язджаць з роднага горада. Напрыклад, пакуль не ўдалося ўстанавіць месца ў горадзе, пэўным чынам звязанае з імем Аляксандра Львовіча Пагодзіна (1872–1947), расійскага філолага-славіста, гісторыка, прафесара Варшаўскага, Пецярбургскага, Харкаўскага, Бялградскага ўніверсітэтаў. Менавіта яму прысвяціў свой славуты «Санет» («Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі…») Максім Багдановіч. Вядома дакладна, што радзімай лінгвіста з'яўляецца горад Віцебск.

3. На пл. Свабоды, якая знаходзіцца ў цэнтры горада, у сярэдзіне мінулага стагоддзя адбылася сенсацыйная знаходка не толькі для археолагаў, але і для лінгвістаў. У 1959 г. падчас правядзення земляных работ і разбору руін узарванага ў 1957 г. Мікалаеўскага кафедральнага сабора была знойдзена першая берасцяная грамата на тэрыторыі Беларусі. Датаваць дакладна грамату праблематычна (прыблізна XIII–XIV стст.), бо культурныя слаі былі перамяшаныя, зрэшты, і саму знаходку можна лічыць шчаслівай выпадковасцю. Грамата мае назву «Ад Сцяпану да Няжылы» («От Степана к Нежилови») і яе змест на сучаснай беларускай мове гучыць так: «Калі ты прадаў адзенне, то купі мне жыта за 6 грыўняў. А калі чаго не прадаў, то прышлі мне ў наяўнасці. Калі ж прадаў, то, дабрадзей мой, купі мне жыта» [3, с. 53]. Пасля аналізу манеры выкладання і цокаючага дыялекту вучоныя мяркуюць, што аўтар – наўгародскі купец, жыхар Паўночна-Заходняга рэгіёна. Цікавы той факт, што найбольш ранняя грамата (XI ст.), выяўленая ў Ноўгарадзе, – за аўтарствам Жыравіта, жыхара Полацка або Віцебска.

4. Каля ўзгаданай вышэй пл. Свабоды працякае невялікі ручай Дунай, а галоўная вуліца – Задунаўская (цяпер праспект Фрунзе) пачыналася ад маста, пад якім адбылася сустрэча двух д'яблаў, пакладзеная ў сюжэт для аднайменнай паэмы «Два д'яблы (д'яўлы)» К. Вераніцына: «Тут два д'яблы схамянуліс, / Верць туды-сюды хвастом / І з разгону апынуліс / Пад Задунайскім мастом» [2, с. 72]. Паэма – гэта водгук аўтара на так званы рух цвярозасці на нашых землях, які ўзнік супраць палітыкі спойвання народа. Па сюжэце, сатана адпраўляе д'яблаў у Віцебск і Гродна, каб тыя спакушалі

людзей піць алкаголь і тым самым губіць чалавечыя душы. Аднак у Гродна д'ябал не выканаў сваёй задачы – гарадзенцы былі непахісныя, да таго ж збілі яго. У той час як яго калега ў Віцебску меў поспех, бо ў гэтым горадзе працвітала п'янства. Паэма «Два д'яблы» была напісана ў 1860 г. і ўпершыню апублікавана толькі ў 1986 г. Для лінгвістыкі яна мае каштоўнасць як сведчанне станаўлення новай беларускай мовы. Яе стваральнік больш вядомы як аўтар славутай паэмы «Тарас на Парнасе», асноўныя падзеі якой, таксама, дарэчы, адбываюцца ў наваколлях Віцебска, каля в. Пуцявішча.

5. Карыснымі для студэнта-філолага будуць наведванне экспазіцый «Друкаваныя і рукапісныя дакументы з XIV ст. па 1917 г.» і «Друкаваныя і рукапісныя дакументы з 1917 г. па сённяшні час» у Віцебскім краязнаўчым музеі, экскурсіі ў Музей кнігадрукавання ў Полацку, музей гісторыі кнігі і друку ў СШ № 3 г. Мёры, музей імя Б. Эпімаха-Шыпілы ў Ветрынскай СШ Полацкага раёна.

Такім чынам, краязнаўчая гуртковая праца студэнтаў-філолагаў спалучае ў сабе разнастайныя сродкі і метады вывучэння роднай мовы і роднага краю ў іх цеснай узаемасувязі. Студэнт – будучы настаўнік, дзякуючы працы ў лінгвістычным гуртку, можа засвоіць метады сацыякультурнага навучання ў школе, пашырыць свае веды пра беларускую мову і Віцебскі край.

ЛІТАРАТУРА

1. **Германовіч, І. К.** Беларускія мовазнаўцы : нарысы жыцця і навуковай дзейнасці : у 2 т. / І. К. Германовіч. – Мінск : Універсітэцкае, 2006. – Т. 1. – 237 с. : фат.

2. **Германовіч, І. К.** Беларускія мовазнаўцы : нарысы жыцця і навуковай дзейнасці : у 2 т. / І. К. Германовіч. – Мінск : Універсітэцкае, 2008. – Т. 2. – 277 с.

3. **Заняпад** і адраджэнне : бел. літ. XIX ст. / уклад., прадм. і заўв. У. Казберука. – Мінск : Маст. літ., 2001. – 606 с.

4. **Кавалёў, С. А.** Віцебская берасцяная грамата / С. А. Кавалёў // Памяць. Віцебск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; склад. А. І. Мацяюн ; мастак Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – Кн. 1-я. – С. 53.

5. **Касьпяровіч, М. І.** Віцебскі краёвы слоўнік : (матэрыялы) / М. І. Касьпяровіч ; пад. рэд. М. Я. Байкова, Б. І. Эпімаха-Шыпілы ; [прадмова С. Запрудскага]. – 3-е выд., стэрэатып. – Смаленск : Інбелкульт, 2015. – 371 с.

6. **Рэгіянальны** слоўнік Віцебшчыны : [у 2 ч.] / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Віцеб. дзярж. ўн-т імя П. М. Машэрава, Каф. беларускага мовазнаўства ; [склад.: Л. І. Злобін і інш.]. – Віцебск : ВДУ, 2012. – Ч. 1. – 303 с.

7. **Рэгіянальны** слоўнік Віцебшчыны : [у 2 ч.] / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Віцеб. дзярж. ўн-т імя П. М. Машэрава, Каф. беларускага мовазнаўства ; пад рэд. А. С. Дзядовай ; [склад.: Г. К. Семянькова і інш.]. – Віцебск : ВДУ, 2014. – Ч. 2. – 357 с.

Пушкина О.И. *(г. Витебск)*

КОНТАМИНАЦИЯ ОБРАЗА РУСАЛКИ В МИФОЛОГИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Современный человек, воспитанный на ценностях и приоритетах культуры своих предков, выступает одновременно и реципиентом духовной культуры, и ретранслятором, способствуя формированию межпоколенной преемственности социокультурного наследия, сохраняя ментальное ядро культуры. Именно поэтому всестороннее исследование современных культурных процессов невозможно без осмысления фундаментальных основ духовной культуры, начиная с самых ранних ее форм. Мифологическая картина мира являлась системой ориентации для человека не только в пространстве и времени, но и в системе ценностных установок, в ней фиксировался социокультурный опыт предков. Образ русалки – один из восточнославянских мифологических образов, сохранившихся до наших дней, однако его истолкование сегодня является неполным и неоднозначным.

Контаминация (от лат. contaminatio – смешение) является смешением, слиянием разнородных факторов в новую совокупность, объединением в образе частей, принадлежащих к разным предметам. На наш взгляд, образ русалки достаточно сложен и обладает именно такими свойствами, что вызывает поливариативность его интерпретации.

В современной культуре русалки представляются как демонические существа, обладающие своеобразной красотой. Преимущественно это девушки, с распущенными длинными русыми или зеленоватыми волосами, обладающие стройной фигурой, большой грудью и рыбьим хвостом, которые заманивают людей в воду и топят. Даже в этом описании контаминация явно выражена, однако она не ограничивается только внешностью. В начале XX в. на контаминационный образ русалки обратил внимание русский ученый Е.Г. Кагаров, отмечая, что ее хтонический (связанный со смертью) характер сохранил многочисленные черты русалок как духов природы, в частности – рек [5, с. 7]. Однако, на наш взгляд, контаминация данного образа не исчерпывается только этим.

Согласно представлениям восточных славян русалками чаще всего представлялись души женщин и детей, погибших преждевременной или неестественной смертью [5, с. 9; 9, с. 55–56], а также те, кто умирал на так называемой «Граной» (Русальной неделе) – неделе, когда празднуется Купалье [16]. Ими могли стать девушки, проклятые кем-либо из родителей, уведенные нечистой силой в подводные селения и смешавшиеся со стихийными существами [9, с. 55; 10, с. 44]. В южной и южно-великорусской России их представляли юными девами с длинными, русыми распущенными волосами [4, с. 12; 5, с. 9; 6, с. 38; 15, с. 146], обнаженными или одетыми в белые одеж-

ды, заманивавшими к себе мужчин и юношей, для того, чтобы защекотать до смерти и утопить [18, с. 577]. В некоторых районах, преимущественно на севере России, русалок представляли в виде мстительных, уродливых, бледнолицых баб с отвисшей или с большой грудью, с растрепанными зелеными волосами [5, с. 9; 18, с. 253–254]. Во второй половине XIX в. в Саратовской губернии они описывались существами косматыми, горбатыми, с большим животом, острыми когтями и железным крючком, которым они ловили людей [10, с. 64; 18, с. 577].

В мифологии белорусов сохранился классический образ роковой для человека красавицы, водяной или лесной нежити, с распущенными волосами [4, с. 12–16; 9, с. 54–56; 11, с. 64–67; 13, с. 78; 19, с. 253–254]. Наши предки называли их водяницы либо купалки. В конце XIX в. исследователь А.П. Безсонов трактовал их как служительниц Купалы [3, с. 60]. На то, что русалки ранее могли занимать более высокий уровень в мифологии наших предков, указывают следующие данные. В ряде регионов существовали представления о том, что купаться на Русальной неделе до дня Купалы – грех, а тот, кто нарушал этот запрет или плавал после солнечного заката или в праздник, не давая воде отдыхать, также мог стать русалкой. [6, с. 37; 18, с. 578]. После праздника купание становилось не только полезным, но и животворным, поскольку воды, освященные солнцем, получали целебную силу также через воду, и земля достигала своей наивысшей производительности [2, с. 138]. Запреты на купание во время или после дождя в связи с тем, что там могли находиться русалки, фиксировались исследователями и в конце XX в. [9, с. 54–56]. Согласно записям А.В. Терещенко на некоторых территориях в течение недели, предшествующей празднику Купалы, не занимались никакой работой, боясь прогневать русалок, а также того, что скот мог родиться с кривыми ногами и головами [18, с. 593].

Приводимые примеры указывают на то, что русалки воспринимались как существа, оберегающие водную стихию и нормирующие поведение человека относительно ее использования. Систематизация разрозненных данных позволяет считать, что их образ также имел продуцирующий характер и был связан с плодородием и судьбой.

Выявленное внешнее сходство в изображении русалок с берегинями на резьбе [13, с. 83–85] и в вышивке [8, с. 93–94] указывает на их отождествление в народном мировосприятии. Следует отметить, что в вышивке русалка связывалась преимущественно с водной стихией, а в резьбе она выступала как покровительница жилища и женских домашних работ, поскольку ее изображения встречались на вальке, ткацком станке, дверях и фронтонах жилища, иногда с веретеном в руке. Данные образы также должны были оберегать путников от несчастных случаев [8, с. 171].

Русалки покровительствовали ряду домашних работ, особенно прядению и ткачеству, и могли влиять на судьбы людей. Согласно народным пове-

рьям русалки вместе с девушками принимали участие в гаданиях на Духов и Троицын дни. Предсказания касались не только вопросов брака, но и жизни и смерти как самой девушки, так и ее родственников [4, с. 14; 5, с. 50–51; 15, с. 144–145; 18, с. 584–593]. Несколько ниток, выпряденных левой рукой, в Великий четверг привязывали в лесу к березе так, чтобы на каждого члена семьи приходилось по нитке. Связывали их в Троицын день. Если завязанная на кого-нибудь из близких нитка потеряется, то тот человек в этом году умрет [1, с. 132]. С.В. Максимовым также были зафиксированы гадания о возможном замужестве, о своей доле, о родных, но также и о будущем урожае. Именно «русалочки» в народных играх магическим путем могли повлиять на рост льна. Молодые крестьяне-мужчины прятались во ржи, поджидая ряженых девушек и женщин, хлопали их кнутом, после чего спрашивали: «Русалоцки, как лен?». Ряженые указывали на длину кнута, на что мужчины отвечали: «Ох, умильные русалоцки, какой хороший!» [7, с. 612–615].

На то, что в мифологической картине восточных славян русалки изначально были связаны с культом плодородия и с аграрными циклами земледелия, свидетельствует их появление во время весеннего расцвета, а также в пору созревания злаковых культур. Согласно М.Д. Никифоровскому они появлялись с четверга Страстной недели и до четверга перед Троицыным (Духовым) днем находились в воде. По народным преданиям они могли плавать на яичной скорлупе [10, с. 64]. Яйцо всегда имело связь с идеей плодородия и зарождения/пробуждения жизни. В ряде обрядов в дар русалкам приносили яичницу [18, с. 583–584, 596]. В некоторых уездах существовал обычай бросать в реку скорлупу писанок для русалок и утопленников, а также люди ходили к реке христосоваться с русалками [17, с. 26], что свидетельствует о контаминации идеи возрождения и культа предков.

Поскольку русалки были духами воды, жизненной влаги, значит, и покровительницами растений и урожая. Будучи связанными с водой, они считались и божествами орошения, способствующими повышению урожая, увлажняющими землю туманами, росами и дождями [14, с. 630–657]. Длинноволосые русалки являлись берегинями, подательницами живой воды спеющему зерну. Они оберегали жито от «ведьминых» заломов, поили ростки росой. В Беларуси с ними не враждовали, а задабривали и тешили песнями [20], поскольку в аграрном обществе от наличия воды зачастую зависел весь урожай. Магические действия, производимые русалками, например, покачивание на ветвях деревьев, способствовали увеличению урожая, расчесывание ими волос могло означать высвобождение влаги. На ритуальных игрищах во время Русальной недели женщины исполняли танец плодородия, изображая из себя русалок. Эти ритуальные танцы имеют весьма давнюю историю. Изображения игрищ на миниатюре Радзивиловской летописи XI–XII вв., где главенство танцующей девушки подчеркнуто большими размерами по сравнению с иными персонажами, и народный ритуальный ко-

стюм для танца начала XX в. обладают целым рядом сходных черт, главная из которых – длинные, почти до щиколоток рукава. Языческий ритуальный характер подобной пляски отражает также сказка о Царевне-лягушке [14, с. 654–656].

В мифологии восточных славян фиксируется обряд «проводов русалки», связанный с семицкими и купальскими обычаями и игрищами. Именно в нем максимально сохранилась связь между образом русалки, девушками и женщинами. Во время данного обряда девушки и женщины делали чучело русалки, украшали его, а затем, разделившись на две группы, боролись за него. Борьба заканчивалась обычно разрыванием чучела и разбрасыванием его частей по полям. В ходе игры преимущественно девушки защищали чучело русалки, а замужние женщины нападали, стремясь разорвать его либо утопить в реке [2]. Существовали и другие формы данного обряда. В Беларуси выбирали самую красивую девушку, наряжали ее зелеными ветками и украшениями, остальные участницы обряда становились вокруг нее в кружок и так ходили по полю. В этот день девушки были без парней, которые не смели к ним подходить, чтобы не прогневать русалку.

В конце XX в. исследователи также фиксировали сохранение в Беларуси обряда проводов русалки. Как и 100 лет назад, ее образ персонифицировался в облике молодой девушки, которую наряжали в новую одежду, распускали косы, одевали венок и ветки березы до земли. Отмечается осознание значимости данного праздника для всего сообщества, поскольку того, кто не принимал участие в этих гуляниях, ожидало суровое наказание:

«А хто ня ўўшаў [вышел]
На купала, Штоб яго матка
Прыкапала!» [16].
«Ой, хто не выйдзе на Купальню,
Ой, той будзе пень-калода,
А хто пойдзець на Купальню,
А той будзе бел-бяроза!» [12, с. 70].

Отличительными особенностями данного обряда можно назвать следующие: строгая социальная дифференциация девушек и женщин; табуирование участия в обряде парней и мужчин; явно выраженная связь с миром мертвых через «утопление» «русалки» либо через разрывание ее чучела; осознание значимости происходящего для всех.

Таким образом, контаминация образа русалки проявляется не только во внешних особенностях, но и в неоднозначности трактовок и функций данного образа. В нем обнаруживается смешение хтонических качеств и продуцирующих свойств, явно выраженная защитная и нормативная функции, а также связь с долей, судьбой, жизнью девушек и женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Антипов, В. А.** Народные приметы, касающиеся погоды и сельского хозяйства / В. А. Антипов // Живая старина. – 1901. – Вып. 3/4. – С. 131–132.

2. **Балов, А.** К вопросу о характере и значении древних «купальских» обрядов и игрищ / А. Балов // Живая старина. – 1896. – Вып. 1. – С. 133–142.

3. **Безсонов, П. А.** Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / П. А. Безсонов. – Москва : Тип. Бахметова, 1871. – Вып. 1 : [Песни обрядные]. – LXXXI, II, 176 с.

4. **Добровольский, В.** Нечистая сила в народных верованиях (по данным Смоленской губернии) / В. Добровольский // Живая старина. – 1908. – Вып. 1. – С. 3–16.

5. **Кагаров, Е. Г.** Религія древнихъ славянъ / Е. Г. Кагаров. – Москва : Практическія знанія, 1918. – 72, [1] с.

6. **Ляцкий, Е. А.** Представления белоруса о нечистой силе / Е. А. Ляцкий // Этнографическое обозрение. – 1890. – № 4. – С. 25–41.

7. **Максимов, С. В.** Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – Смоленск : Русич, 1995. – 672 с.

8. **Маслова, Г. С.** Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник / Г. С. Маслова. – Москва : Наука, 1978. – 207 с., [3] л. ил.

9. **Мифологические** рассказы и легенды Русского Севера / Санкт-Петерб. гос. ун-т ; сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. – Санкт-Петербург, 1996. – 209, [2] с.

10. **Никифоровский, М. Д.** Русское язычество / М. Д. Никифоровский. – Санкт-Петербург : [Тип. духовного журн. «Странник»], 1875. – [2], 125, III с.

11. **Никифоровский, Н. Я.** Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе / Н. Я. Никифоровский. – Витебск : Издатель Н.А. Паньков, 1995. – 85 с.

12. **Нячаева, Г.** Ручнік-шлях / Г. Нячаева // Мастацтва. – 1998. – № 2. – С. 67–70.

13. **Померанцева, Э. В.** Мифологические персонажи в русском фольклоре / Э. В. Померанцева. – Москва : Наука, 1975. – 191 с.

14. **Рыбаков, Б. А.** Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – Москва ; София : Гелиос, 2001. – 739, [2] с.

15. **Сахаров, И. П.** Сказания русского народа : народный календарь / И. П. Сахаров. – Москва : Сов. Россия, 1990. – 175 с.

16. **Судник, Т. М.** Из полесской тетради 1975 года / Т. М. Судник // Живая старина. – 1997. – № 2. – С. 58–59.

17. **Сумцов, Н. Ф.** Писанки / Н. Ф. Сумцов. – [Киев] : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1891. – 49 с.

18. **Терещенко, А. В.** История культуры русского народа / А. В. Терещенко. – Москва : Эксмо, 2007. – 736 с. : ил.

19. **Толстой, Н. И.** Каков облик дьявольский? / Н. И. Толстой // Язык и народная культура : очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – Москва : Индрик, 1995. – С. 250–269.

20. **Хатэнка, А.** Русалкі, уладарніцы расы... / А. Хатэнка // Роднае слова. – 1995. – № 5. – С. 131–140.

Саматой І.В. *(г. Віцебск)*

ЖАНРАВА-СТЫЛЁВЫ АСПЕКТ ПРОЗЫ СЯРГЕЯ РУБЛЕЎСКАГА

Проза віцебскага літаратара Сяргея Рублеўскага – з'ява адметная, шматстайная, разнажанравая, якая даўно ўжо выйшла за рэгіянальныя граніцы, вызначаецца сваёй скразной філасофіяй, актыўнымі наватарскімі пошукамі, арганічна ўліваецца ў сучасны літаратурны працэс і дапаўняе яго.

Адзін з самых устойлівых архетыпаў беларускай літаратуры – ідэалагема дому, жытла – найперш звязаны з месцам нараджэння творцы. Малая радзіма С. Рублеўскага – в. Бабча Лепельскага раёна, дзе ён з'явіўся на свет 24 снежня 1954 г. у сялянскай сям'і. Вучыўся ў Бароўскай сярэдняй школе. У гэтыя гады пачаў пісаць свае першыя творы – вершы. У 1972 г. паступіў на фізіка-матэматычны факультэт Віцебскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута. Пасля вучобы працаваў настаўнікам у Капыльскім раёне Мінскай вобласці. З 1978 г. С. Рублеўскі – журналістыцы: спачатку ў бешанковіцкай раённай газеце «Зара» быў карэспандэнтам, потым (з 1980 па 1984 г.) з'яўляўся намеснікам рэдактара талачынскай газеты «Сцяг Ільіча», далей загадчыкам аднаго з аддзелаў у абласным выданні «Віцебскі рабочы», а з 1990 г. (з дня заснавання) галоўным рэдактарам абласной газеты «Народнае слова». У 2008–2013 гг. працаваў намеснікам начальніка галоўнага ўпраўлення юстыцыі – начальнікам аддзела па архівах і справаводстве Віцебскага аблвыканкама.

Ён аўтар наступных зборнікаў прозы: «Апостраф» (2000), «Азярод» (2003), «Абмытыя валуны» (2005), «Ў, тое, што мы скараціли» (2008), «Маўчанне на ўвесь белы свет» (2011), «Святло лускі» (2012), «Паспець надыхацца» (2012), «Мамін шэпт пад абразамі» (2016). Лаўрэат прэміі «Гліняны Вялес» (2012) за кнігу «Паспець надыхацца». З'яўляецца аўтарам шматлікіх публікацый у рэспубліканскай і абласной перыёдыцы.

Першая кніга пісьменніка мела назву «Апостраф» (тэксты аб праявах быцця). Апостраф – надрадковы знак у выглядзе коскі, які ў беларускай мове адпавядае цвёрдаму і мяккаму знакам у рускай мове. Сам аўтар патлумачыў назву кнігі ў творы, што змешчаны напрыканцы выдання пад аналагічнай назвай. «Апостраф – беларуская паўза ў сусветным Логасе», «Апостраф – імгненне паміж уздыхам і выдыхам, час, які, як мушка ў бурштыне, застыў паміж ваганнямі ківача» [2, с. 118]. Сапраўды, апостраф – гэта паўза, невялікі перапынак, што дае магчымасць спыніць рух, азірнуцца назад, больш пільна ўгледзецца ў звыклае і, на першы погляд, добра знаёмае, над чымсьці задумацца і паразважаць. Гэта своеасаблівы позірк на жыццё, аб'ектыўны пункт гледжання. Змест кнігі поўнасцю адпавядае арыгінальнаму найменню. Зборнік складаецца ў асноўным з невялікіх твораў, якія можна вызначыць як лірычныя мініяцюры ці абразкі на патрыятычную тэму («Мамін шэпт пад

абразамі»). Некаторыя больш упадабляюцца навеле («Сляпыя словы пра незваротна страчаны і нанова абяцаны рай», «Час засмактаў…»). У кожным творы, кожным радку праступае новы погляд на стары свет, адчуваецца аўтарскае светабачанне і ўласная філасофія. У анатацыі да гэтага зборніка адзначаецца, што «…з тэкстаў аб праявах быцця Сяргея Рублеўскага, з'яднаных «Апострафам», паўстае вобраз Беларусі ў канцы ХХ ст. Як праўдзівы беларус, што жыве побач і разам з намі, аўтар заўсёды «скарачае "у", але не ставіць кропак над "і": ён дакладны ў падрабязнасцях, але не навязвае чытачу-суразмоўніку свае думкі, а заклікае яго разважаць, пакідае яму прастору дзеля ўласных высноваў» [2, с. 2].

Арыгінальнай назвай вызначаецца і наступная кніга празаіка – «Азярод». Тлумачальны слоўнік беларускай мовы дае наступнае аначэнне гэтаму слову: «…прыстасаванне са слупоў і жэрдак для дасушвання збажыны, травы і пад.; пярэплат» [4, с. 205]. Як слушна зазначае літаратуразнавец С. Вераціла, «менавіта такую назву абраў для сваёй кнігі віцебскі празаік і павесіў на свой літаратурны азярод шэсцьдзесят невялікіх апавяданняў і эсэ, не хаваючы думак і перажыванняў» [3, с. 8]. Атрымаўся багаты рознакаляровы плыт з цікавымі апавяданнямі («Амар», «Хірургі»), дакладнымі назіраннямі («Хукі, як хоку», «Жвысь»), біяграфічнымі нататкамі («Чысціня ў чырвоным куце і ў кожным куточку душы») і трапнымі афарызмамі («Жменя самасейнай цыбулі»). Пісьменнік закранае ў зборніку тэмы Вялікай Айчыннай вайны, развіцця культуры і адукацыі, светлага пачуцця кахання, стасункаў чалавека і прыроды.

Назву трэцяй кнігі – «Абмытыя валуны» – аўтар патлумачыў на яе прэзентацыі ў Віцебскай абласной бібліятэцы імя У.І. Леніна і ў зборніку на апошняй старонцы. «Абмытыя валуны – гэта тыя, што ляжаць у рацэ, – восенню ападае ў небыццё, як аджылы ліст… <…> Усё адно ж верыцца, што на самай быстрыні, на самай сярэдзіне наравістай плыні часу ты, не раўнуючы як той тапелец ухопішся за саломінку вечнасці» [1, с. 223]. Кніга з'яўляецца грунтоўным працягам дзвюх папярэдніх, складаецца з адной аповесці «Спавядальныя дні ў чужым горадзе», апавяданняў з цыкла «Замовы з вучнёўскага сшытка», эсэ «Піва», «Крэсла» і іншых, дзённікаў «З мамай», «Уроссып».

«У літаратуразнаўстве ёсць паняцце – эстэтычная дыстанцыя, якое вызначае ступень нечаканасці літаратурнага роду крытэрыем вызначэння эстэтычнай каштоўнасці твора» [5, с. 7]. Гэтыя словы з артыкула Н. Якавенка цудоўна падыходзяць да творчай спадчыны С. Рублеўскага. Адны творы ўражваюць сваёй складанасцю, нават незразумеласцю пры абмалёўцы зусім звычайных рэчаў і з'яў, іншыя, наадварот, шчырасцю і ўвагай да дэталяў. У сваіх літаратурных працах пісьменнік імкнецца раскрыць сапраўдную існасць душы беларуса, вылучыць філасофскі складальнік разнастайных праяў чалавечага быцця.

Важнае месца ў творчай спадчыне С. Рублеўскага займаюць апавяданні, прысвечаныя розным падзеям з жыцця знаёмых і незнаёмых людзей. У іх адчуваецца і замілаванасць маленькай радзімай, і шчырыя сыноўнія пачуцці да маці і ўсіх вясковых жанчын, і цікавасць да актуальных пытанняў сучаснасці. Як правіла, арыгінальныя па змесце творы маюць нескладаны займальны сюжэт («Амар», «Два качагары», «Чорны дым у белы свет», «Ма бі-бі», «Дванаццатая ноч у Рэйнсбруку», «Смачныя цмочкі», «Смерць Ёселя»).

Неаднойчы літаратуразнаўцы А. Русецкі, Н. Якавенка падкрэслівалі такую рысу мастака слова, як пошук незвычайнага ў звычайным. У пацверджанне прыведзенай думкі разгледзім аўтарскія апісанні. Звычайнае піва аўтар «малюе» наступным чынам: «…як вечаровы вятрыска раздзімае асцё ячменных каласоў, так і піток струменем паветра з лёгкіх разганяе ў куфлі пену піва, маючы намер спажыць каламуць раскатурханай хмелем ячменнай бездані» [3, с. 38]; паэты паўстаюць пчалярамі: «наладжваюць хаджэнне пчолаў, прадаюць на базары мёд, а на выручку выдаюць свае зборнікі вершаў» [3, с. 68]; акуляры аўтар называе пратэзам, што як «мыліца надточвае нагу, так акуляры – вочы» [3, с. 75].

Нягледзячы на тое, што аўтар прыйшоў у літаратуру як паэт, замалёўкі, апавяданні, мініяцюры, эсэ з асаблівасцямі дзённікавых запісаў сталі сапраўднай вяршыняй яго творчасці. Асаблівай увагі заслугоўваюць дзённікавыя запісы аўтара («З мамай», «Уроссып» і інш.). Для іх характэрны адсутнасць храналагічнай паслядоўнасці выкладу матэрыялу і прывязка кожнай падзеі да канкрэтнай даты.

Калі чытаеш апавяданні, лірычныя замалёўкі, запісы С. Рублеўскага, звяртаеш увагу на аўтарскі стыль – дакладнасць, дасканаласць, паэтычнасць, майстэрства мастацкай дэталі, багацце вобразнай мовы. Усё гэта дазваляе сцвярджаць, што творчасць віцебскага празаіка мае шмат агульнага са спадчынай класіка беларускай літаратуры Я. Брыля. Абодва – лірыкі па спосабе адлюстравання рэчаіснасці, манеры пісьма; у іх творах выразна выяўляюцца адметнасці асобы, рэчы, з’явы, раскрываюцца індывідуальныя характары. Падобныя нават па назве зборнік мініяцюр Я. Брыля «Жменя сонечных промняў» і літаратурныя запісы С. Рублеўскага «Жменя самасейнай цыбулі».

Такім чынам, С. Рублеўскі творча самарэалізаваўся ў жанры малой прозы. Для яго самабытнага таленту характэрныя асаблівая назіральнасць, вытанчанасць успрыняцця, эмацыянальная чуйнасць, увага да тонкіх зрухаў чалавечага быцця, інтэлектуальна-стылёвая далікатнасць, асацыятыўнасць мастацкага мыслення. Заслугоўвае ўвагі і мова твораў празаіка, каларытная, жывая, якая ўяўляе сінтэз уласна беларускай, іншамоўнай, нейтральнай і стылістычна абмежаванай лексікі. А самае галоўнае, віцебскі празаік з’яўляецца выдатным знаўцам чалавечай душы, таленавітым мастаком нашага звычайнага і незвычайнага жыцця.

ЛІТАРАТУРА

1. **Рублеўскі, С.** Абмытыя валуны / С. Рублеўскі. – Мінск : Логвінаў, 2005. – 223 с.
2. **Рублеўскі, С.** Апостраф : тэксты аб праявах быцця / С. Рублеўскі. – Мінск : Асобны дах, 2000. – 216 с.
3. **Рублеўскі, С.** Азярод : апавяданні, эсэ / С. Рублеўскі. – Мінск : БДУ, 2003. – 193 с.
4. **Тлумачальны** слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агул. рэд. К. Крапівы. – Мінск : БелСЭ. – 1977. – Т. 1 : А – В / рэд. М. П. Лобан. – 605 с.
5. **Якавенка, Н.** Услед за Калумбам / Н. Якавенка // ЛіМ. – 2006. – 9 чэрв. – С. 7.

Свецік В.Л. *(г. Віцебск)*

СІСТЭМА МАРАЛЬНА-ЭТЫЧНЫХ КАШТОЎНАСЦЕЙ У ЖЫЦЦІ І ТВОРЧАСЦІ МАКСІМА ТАНКА

Калі задумваешся над гісторыяй развіцця беларускай нацыянальнай паэзіі XX ст., яе зместам і формай, міжволі прыходзіш да ўсведамлення асноватворнай місіі ў ёй народнага паэта Беларусі Максіма Танка (1912–1995). Шмат чаго ўмяшчае ў сабе паняцце «танкаўская паэзія»: узоры вершаў, выкананых на вышэйшым узроўні сучаснай паэтычнай культуры, праблемны матэрыял для разгадкі перадавых шляхоў, сапраўднага мастацтва і наватарскай сутнасці самога паэта. Тут яго ажыццяўленне важнейшых высноў эстэтычнай канцэпцыі, філасофія паэтычнай творчасці. Падчас складанага працэсу асэнсавання асаблівасцей жыццёвага шляху і творчага ўзыходжання М. Танка ўзнікла думка: паэт жыў у складаны час. Што ж давала яму духоўную падтрымку, моц, упэўненасць у сабе, нягледзячы на шматлікія выпрабаванні лёсу? Захацелася паглядзець на асобу паэта не толькі і не столькі як мастака, творцу, але як чалавека, сына, мужа, сваяка, увогуле, асобу.

Навізна даследавання. Лірыка М. Танка вывучалася многімі даследчыкамі, але тое, што фарміравала асобу творцы, натхняла і дапамагала жыць, служыла невычэрпнай крыніцай для асэнсавання ўласнага жыцця і грамадскага вопыту, чаму прысвечана мноства вершаў паэта, яшчэ не даследавана належным чынам.

Мэтай даследавання выступае сістэма маральна-этычных каштоўнасцей, яе ўплыў на фарміраванне асобы паэта і яго творчасць.

Матэрыялам даследавання з'яўляюцца вершы, дзённікавыя запісы М. Танка, эксклюзіўныя матэрыялы з сямейнага архіва сям'і Скурко: выданні ранніх кніг (арыгіналы), а таксама арыгіналы лістоў брату Фёдару, лісты М. Танка ягоным бацькам, віншавальныя паштоўкі да розных свят, напісаная

лацінкаю на беларускай мове паштоўка, якая адрасавана бацькам і падпісана імем Аўген, якое мы, хоць і прагледзелі шмат літаратурных крыніц, нідзе не сустрэлі.

Прадмет даследавання – сістэма маральна-этычных каштоўнасцей у асабістым жыцці і творчасці М. Танка. Для навуковага аналізу абраны прыёмы апісальнага і праблемна-пошукавага метадаў, а таксама аналізу і сінтэзу, абстрагавання, мадэлявання. Практычныя (эмпірычныя) метады даследавання: інтэрв'ю і гутарка, фатаграфаванне і відэаздымка.

Вынікі і іх абмеркаванне. У аснове даследчай працы ляжаць успаміны пляменніка паэта, Івана Фёдаравіча Скурко, які жыве ў Віцебску і з'яўляецца фактычна адзіным захавальнікам сямейнага котлішча М. Танка, хаты ў в. Пількаўшчыне, дзе нарадзіўся наш вялікі нацыянальны паэт. Успаміны пра сваю сям'ю, пра тое, што павінна быць цікавым і дарагім цэлай беларускай нацыі, а для яго з'яўляецца сямейнай гісторыяй; пра тое, што наталяла і акрыляла душу вялікага беларуса, што служыла яму апорай у цяжкія моманты жыцця і крыніцай натхнення на працягу амаль 60-гадовага паэтычнага шляху. Што ж такога асаблівага расказаў нам Іван Фёдаравіч? Усе прадстаўнікі сям'і Скурко падтрымліваюць цесныя сувязі паміж сабой. На вачах сямейнікаў разгортвалася ўся біяграфія народнага паэта. Стасункі творцы са сваімі дзядулем і бабуляй, маці і сёстрамі, шматлікімі родзічамі, сямейнае жыццё, адносіны з таварышамі па пяры, землякамі, якія часта бывалі ў гасцінным доме паэта, давалі матэрыялы для творчасці, філасофскіх абагульненняў. Аказваецца, самыя важныя маральна-этычныя каштоўнасці сям'і Скурко банальна простыя і зразумелыя ўсім: гэта вялікая павага да працы, бязмерная любоў да Беларусі і яе народа, Нарачы, роднай в. Пількаўшчыны, бацькоўскай хаты, якой больш за стагоддзе, што ўскалыхала не адно пакаленне немаўлят гэтага роду, да несамавітага сялянскага быту і, канешне, да самых блізкіх, прабабкі і бабулі, прадзеда і дзеда, дзядзькі Фадзея, маці, сясцёр і брата. Падчас сустрэчы з пляменнікам паэта, І.Ф. Скурко, нам была перададзена першая кніга маладога М. Танка – «На этапах» (Вільня, 1936). Кнігу канфіскавалі, засталося толькі некалькі экзэмпляраў, адзін з якіх трымалі ў руках. Бацькі ведалі пра паэтычную дзейнасць сына, непакоіліся аб ім. Пра гэта сведчыць паштоўка, якую даслаў паэт сваім бацькам. Мы запыталіся ў пляменніка паэта, якія, на яго думку, чалавечыя каштоўнасці выхавалі М. Танка як чалавека, паэта, грамадскага дзеяча. Ён адказаў, што гэта, у першую чаргу, яго сям'я, праца, дружба, Радзіма, родная вёска Пількаўшчына.

Мы вырашылі знайсці ў творчасці паэта адлюстраванне вобразаў гэтых каштоўнасцей шляхам аналізу выдання «Збор твораў», выдадзенага ў серыі «Бібліятэка Саюза пісьменнікаў Беларусі» ў 2010 г. Кніга ўключае ўсе вядомыя вершы і паэмы паэта. У аснову выдання пакладзены храналагічны прынцып. Гэта дае магчымасць прасачыць станаўленне творчай індывідуальнасці

М. Танка, убачыць, у чым людское шчасце вялікага песняра. Паэтава разуменне шчасця традыцыйнае для беларуса, для нашага народа. Родная зямля для М. Танка заўсёды з'яўлялася падмуркам станаўлення яго як чалавека і песняра. На працягу ўсяго свайго творчага шляху паэт пастаянна вяртаўся думкамі да роднай Мядзельшчыны. У «Зборы твораў» мы налічылі 32 вершы, прысвечаныя ёй.

Вобраз Радзімы ў паэзіі Максіма Танка

Перад тым як вымавіць тваё імя, Радзіма,
Я апранаю чыстую кашулю.
Максім Танк

Бацькаўшчына для М. Танка заўсёды з'яўлялася вытокам станаўлення яго як чалавека і песняра. Тут ён чэрпаў, як з цудоўнай крыніцы, прыгожае і мудрае, адлюстроўваў радзіму ў сваіх вершах і паэмах. Узгадаваны ў найпрыгажэйшых мясцінах Мядзельскага і Нарачанскага краёў, М. Танк быў улюбёны ў тутэйшую беларускую прыроду і імкнуўся засведчыць свае пачуцці ў паэтычных радках, каб убачанае і перажытае ім засталося наступным пакаленням: «Ёсць такая зямля: дзень адзін пражывеш, // І адступяць ліхія нягоды, // Будзеш марыць аб ёй, будзе сніцца табе, // Будзеш помніць яе ты заўсёды…» [4, с. 447].

У кожнага адметнага талента свой лёс, свой шлях. І можна лічыць удалай заканамернасцю, што жыццё і творчасць М. Танка надзвычай моцна знітаваны з Мядзельскім і Нарачанскім краямі: «Люблю твае, Нарач, затокі і тоні, // Як вецер густыя туманы развесіць! // Ці снежная пена на хвалях зазвоніць, // Цалуючы зоры, калышучы месяц» [4, с. 194].

Нам гэтыя чыстыя, адухоўленыя радкі кладуцца на вусны так, як і радкі Я. Коласа «Мой родны кут, як ты мне мілы!» або К. Буйло «Люблю мой край, старонку гэту». Максім Танк глыбока ўпэўнены, што «на зямлі бацькоў няма бяздумных дрэў, маўклівых валуноў, негаваркіх дарог, нязвонячых крыніц» [4, с. 132]. Паэт здабываў свае «вясняныя» песні з жыватворных крыніц роднай зямлі, скаваў іх з кужалю міготкіх вясёлак і зарніц, лавіў невадам «з рэк нашага краю» [4, с. 132]. «Выцягнуў сетку цяжкую і чую, – казаў ён у вершы «Зноў загарэліся сосны» – песня жывая трапечацца ў ціне» [4, с. 348]. Якраз Бацькаўшчына-Беларусь, Нарачанскі край, мілая і дарагая душы і сэрцу Пількаўшчына, краса і веліч родных абшараў і краявідаў, жыццё працоўнага люду з'яўляліся крыніцамі паэтычнай уражлівасці паэта. Ужо напрыканцы жыцця, у 1991 г., была выдадзена кніга яго перакладаў «На зорных шляхах». На працягу ўсяго свайго творчага шляху паэт пастаянна вяртаўся думкамі да роднай Мядзельшчыны. У першым пасляваенным зборніку «Каб ведалі» ён пісаў, што «песня адлюстравалася ў тонях, у сініх азёрах маёй Мядзельшчыны». Гэты зборнік, датаваны 1946 г., таксама прадаставіў нам І.Ф. Скур-

ко. Мы з затоеным дыханнем перагортвалі зрудзелыя ад часу старонкі гэтай сямейнай рэліквіі, да якой дакраналіся рукі самога паэта і які так беражліва захоўваецца ў сям'і. Будучы ўжо прызнаным паэтам, М. Танк зноў вярнуўся да тэмы Радзімы.

Аб гэтым гаворыць і І. Скурко: «Калі не з'езджу ў Пількаўшчыну, яна пачынае мне сніцца кожную ноч».

Паэт часта прыязджаў у Мядзельскі раён. Яго вабілі бары і лясы роднага краю, любімая Нарач, якая была калыскай ягоных мар і памкненняў. Там жылі бацькі паэта, якіх неаднойчы наведваў адзін і разам з жонкай, дзецьмі. Там было яго лецішча. Там былі аднадумцы і суразмоўцы. На малую радзіму заўсёды запрашаў сваіх сяброў-пісьменнікаў. Паэт так сфармуляваў сваё жыццёвае крэда: «Трэба, хоць раз у год, // Прайсці басанож баразною за плугам, // Каб аднавіць // Сваю даўнюю сувязь з раднёй, // Зямлёй, каменнямі, травой» [4, с. 574].

Някідкі, сціплы пейзаж родных мясцін трывала ўвайшоў у паэзію М. Танка. У «Зборы твораў» паэта мы налічылі 32 вершы, прысвечаныя Мядзельшчыне. У кожнага творцы ёсць свой куток, як кажуць, «зямля запаветная», праз прызму якой мастак глядзіць на свет. Такім месцам для будучага М. Танка стала в. Пількаўшчына, дзе пабудавалі хату яго бацькі. Малая радзіма была той крыніцай натхнення, якая жывіла яго ўсё жыццё. Глыбіннае адчуванне М. Танкам прыроды і пантэістычна-вобразная прысутнасць яе ў паэтавай лірыцы ідуць у нейкай ступені і ад тых рэчак дзяцінства, гоману навакольнага бору, пяшчотнай раскошы тоняў Нарачы, прачула апетай лірыкам. Па сутнасці, адчуванне паяднання зямлі і космасу было ў паэта на генным узроўні, перанятае ад роду спрадвечных земляробаў і рыбакоў: «Аслепшы, // Яшчэ можна з кульбакай // Дарогу дадому знайсці, // Аглухшы, // Яшчэ будзеш чуць // Скрып дзвярэй сваёй хаты… // Толькі страціўшы радзіму, // Будзеш, як камень, // Сляпы, і глухі, і нямы» [4, с. 392].

Даследуючы творчасць М. Танка, мы ўсвядомілі, што паэт глыбока перакананы: уся яго творчасць, усе яго песні – ад роднай зямлі: «І калі пачаў я – // Жменьку за жменькай // Прасяваць нашу зямлю, // Убачыў на дне рэшата // песні» [4, с. 196].

У сям'і Скурко больш за ўсе цанілася працавітасць: «Усе вартасці, ісціны меру // Я мужыцкім аршынам – працай». Значную прастору ў паэзіі М. Танка займаюць аўтабіяграфічныя творы. Шмат вершаў прысвяціў ён сваім блізкім: бабулі Ульяне, дзеду, бацьку, маме, каханай жонцы, сваім дзецям і ўнукам. Паэт даражыў кожнай дробяззю, кожным імгненнем, звязаным са сваімі блізкімі. Гэта мы вызначылі шляхам аналізу твораў М. Танка. Вобраз маці будзе сілкаваць сацыяльна-маральную энергетыку паэта ўсё яго жыццё. «Матчына малітва… не раз вяртала» мастака «нават з-за свету» [4, с. 241].

Прааналізавана больш за 100 вершаў М. Танка з розных этапаў яго творчасці. У выніку праведзенага даследавання маральна-этычных каштоўна-

сцей у паэзіі песняра былі зроблены наступныя высновы. З малалецтва чалавек як асоба фарміруецца ў сям'і. Станаўленне асобы паэта адбывалася на аснове прынцыпаў сямейнай педагогікі сям'і Скурко: павагі да свайго роду, бацькоў, вернасці сямейным традыцыям, радзіме, хлебу як плёну чалавечых рук. Гэта спрыяла духоўнаму і інтэлектуальнаму развіццю ў першую чаргу чалавека, а таксама мастака слова. Сістэму маральна-этычных каштоўнасцей Танка-чалавека і Танка-творцы складаюць простыя ісціны: вялікая любоў і падзяка роднаму краю, роднаму кутку, роднай мове, хлебу, хаце, што ўзгадавала, і самым блізкім людзям – сваёй сям'і.

ЛІТАРАТУРА

1. **Арочка, М.** Максім Танк: жыццё ў паэзіі / М. Арочка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 351 с.

2. **Калеснік, У.** Максім Танк : нарыс жыцця і творчасці / У. Калеснік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 273 с.

3. **Мікуліч, М.** На скразняках стагоддзя / М. Мікуліч. – Мінск : Маст. літ., 1937. – 359 с.

4. **Танк, М.** Збор твораў / М. Танк ; прадм. М. Мікуліча. – Мінск : Маст. літ., 2010. – 1008 с. – (Бібліятэка Саюза пісьменнікаў Беларусі).

Синкевич Т.И. *(г. Витебск)*

НАЗВАНИЯ ОЗЕР – КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАШИХ ПРЕДКОВ

Названия озер – это своеобразные знаки, понять содержание и значение которых можно, опираясь на разнообразные исторические, типологические и лингвистические данные. При этом важно изучать как сами объекты, так и окружающий их ландшафт, а также источники нематериального наследия традиционной культуры, которые позволяют понять развитие и изменение этнических стереотипов отношения с окружающей средой.

Озеро Балдучица расположено в Поставском районе Витебской области, в 32 км на юго-запад от Постав, примерно в 0,9 км на северо-запад от д. Вайшкуны, относится к Балдукской группе озер, на территории ландшафтного заказника «Голубые озера», созданного в 1972 г. для сохранения природного комплекса, называемого «белорусской Швейцарией» в Белорусском Поозерье. Относится озеро к бассейну р. Страча. Местность там грядисто-холмистая, большей частью густо заросшая лесом и кустарником, местами болотистая. Озеро окружено широкой (до 100 м) заболоченной поймой, поросшей водно-болотной растительностью. Берега преимущественно низ-

кие, песчаные, поросшие кустарником, местами лесом. Мелководье узкое, песчаное, глубже дно илистое и сапропелистое. Зарастает озеро умеренно. У этого озера, как и у многих озер на территории Белорусского Поозерья, есть своя легенда. Она существует с древних времен. А звучит она так: «Жил в этих красивых местах могучий кузнец Балдук со своей миниатюрной женой Балдучицей. Здесь же в дремучих лесах обитал злой колдун, желавший выжить людей из этих мест. Наслал он злые чары на селян, а те, перессорившись, схватились за топоры и ножи. И лишь Балдук с Балдучицей не поддались колдовству. Спасая односельчан от массовой резни, они взялись за руки, чтобы усилить свою духовную связь, и превратили всех людей в журавлей. Те разлетелись и, приземляясь, вновь обретали человеческий облик, основывали новые поселения. А Балдук с Балдучицей, потеряв всю свою силу, энергию, превратились в два озера. Ну, а их руки, за которые они держались, стали протокой между озерами. Дух злого колдуна не оставляет их в покое и поныне: насылает водную растительность на узкую протоку, чтобы заросла она полностью и разъединила его обидчиков». Действительно, к поздней осени протока совершенно зарастает, но весной сбрасывает она колдовские покровы, вновь веселым журчанием воды говорит людям о том, что колдун не смог победить великую силу добра. Это лишь одна из красивых легенд.

Совсем недавно ученые обследовали территорию близ озера Балдучиц и само озеро. В результате исследования к каким-либо однозначным выводам ученые не пришли. Но они уверены, что в районе уникального озера находится аномальная зона. Специалисты утверждают, что озеро является так называемым сакральным местом. Да и местные жители заметили, что с водоемом что-то не так. Сюда не залетают птицы и не заходит домашний скот. Есть еще одна легенда, которая повествует об этом озере. «Когда-то жили в тех местах несколько семей. Среди них – богатырь Ячменек. Золотые он руки имел: дом себе построил, любая работа у него спорилась. Делал он напиток хмельной да соседей угощал – от того и прозвище свое получил. И вот однажды на ярмарке, выпив напитка Ячменька, люди танцевали – да один поселянин своей соседке на ногу наступил. Прощения попросил, но не стала она слушать: «Балда ты, Балдук!» – кричит. И он в долгу не остался: «Ах, так! Значит ты – Балдучица, злая волчица!». Поссорившись, разошлись, но не помирились. И чтобы отгородиться друг от друга, принялись пруды копать, а из земли той насыпали холмы. И ни один от другого отстать не хочет. Балдук выкопал водоем большой, а Балдучица – поменьше. Но сама природа словно хотела их помирить: образовалась между озерами Балдук и Балдучица протока, которая словно просила: «Протяните же друг другу руку примирения!». Но Балдук рассердился и к колдовству прибег: с тех пор к осени зарастает та протока, но с каждой весной вновь освобождается. Мало ему показалось – позвал на помощь нечистую силу и дальше принялся ко-

пать, командуя: «Глубже, глубже!». Вода быстро заполнила яму – и родилось озеро Глубля. Балдучица вслед за ним выкопала озеро Глубельку – маленькое, зато красивое. Балдук рассердился – и принялся стрелы из лука на холм соседки пускать. Но падали те стрелы на землю и тут же прорастали, становясь деревьями. От злости потекли из глаз Балдука слезы и затопили небольшую впадинку. Получилось озерцо, но мертвое, так как слишком много гнева было в тех слезах. До сих пор в озерце Мертвом нет рыбы, а вода его иссиня-черная. Увидев, как воюют соседи, испугался Ячменек и тоже водоем себе выкопал. Но спешил, и получился он совсем маленьким, как раз в форме зернышка Ячменя. Тогда богатырь придумал защититься от соседей мечами. Нес их домой, да положил мечи на берегу своего озерца, чтобы передохнуть, а тут ветер налетел – мечи в волнах и утонули. Произошло чудо: все оружие превратилось в меч-траву. Кстати, это растение занесено в Красную книгу Республики Беларусь и встречается только в заказнике «Голубые озера». Балдучица тем временем стала бросать в воду известковые камни, чтобы на зависть соседям сделать свои озера самыми красивыми. И стали они голубыми. Увидел это Балдук и понял, что нужно примириться, а Балдучица и сама рада была повиниться. Обнялись они и прослезились, а из тех слез появилась река Страча. В честь примирения выкопали соседи еще одно озеро – и назвали его Болтиком…, а по форме оно напоминает сердце».

Какова же этимология названия озера Балдук, какая примета, особенность выделяет его из ряда других, ему подобных? Славянское это название или нет? Надо отметить, что озера с таким названием встречаются на территории не только современной Беларуси, но и на территории России, Польши, Словакии, Литвы. Как мы полагаем, названия озер Балдук и Балдучица содержат в своем составе одинаковый корень – балд (болт-) – ср. также польск. bolt «болт» заимств. из нж.-нем. bolt(e) или голландск. bout; см. Маценауэр 115 и сл., Преобр. 1,35; Корбут 402; 457; русск. «болт» – «шест для ботанья рыбы» (на Чудском озере), к-е Бенекер 1,118. возводит к слав. *bьlt см. болтать – «приводить в движение». То есть в названиях озер мы, возможно, найдем отражение связи названия озера с рыболовным промыслом, процветавшим некогда здесь, а может быть в основу наименования была положена просто физико-географическая примета – движение воды, «болтанка» [5].

Названия озер, будучи гидрографическими объектами, характеризуются, прежде всего, по своим качествам, признакам, форме и т. д. Мотивирующими ориентирами в процессе номинации является воздействие естественной реалии на органы чувств человека, степень ее утилитарности для человека, роль водного объекта в жизни коллектива. Часто в семантике лимнонимов находят отражение и первообразные смыслы, представленные древними исходными лексемами, отражающими первичные этапы познания окружающего естественного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Вашкевич, Н.** Утраченная мудрость : истоки древних цивилизаций, тайны слова, именное кодирование / Н. Вашкевич. – Москва, 1966.

2. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Москва, 1976.

3. **Иванов, В. В.** Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. И. Топоров. – Москва, 1984.

4. **Словарь** русского языка XI–XVII вв. / гл. ред.: С. Г. Бархударов (вып. 1–6), Ф. П. Филин (вып. 7–10), Д. И. Шмелев (вып. 11–14), Г. А. Богатова (вып. 15–26), В. Б. Крысько (вып. 27–). – Москва : Наука, 1975.

5. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – Москва, 1987. – Т. 3. – С. 585.

6. **Этимологический** словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. – Москва : Наука, 1974.

7. **Hydronimia** Odry : Wykaz nazw w ukladzie hydrograficznym / pod red. H. Borka. – Opole, 1983.

Слесарева Т.П. *(г. Витебск)*

ЭПИТЕТ-КОЛОРАТИВ КРАСНЫЙ В ПЕСЕННЫХ ТЕКСТАХ ВИТЕБСКОГО ПООЗЕРЬЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Цвет всегда имел и имеет большое значение в жизни человека, поэтому в литературе слова-цветообозначения становятся своеобразными символами, а каждый отдельно взятый колоратив занимает свое определенное место в цветовой картине художественного произведения, так как известно, что «каждый языковой факт, подчиненный художественному заданию, становится поэтическим приемом. Предварительная работа с цветописью не вызывает особых затруднений, а выстраивание логических цветовых параллелей, соотнесение их с событиями и образами героев, позволяет повысить уровень языковой зоркости и аналитического мышления. Лингвистический анализ художественного текста дает возможность увидеть то взаимодействие изобразительно-выразительных средств, которое представляет собой динамическое единство и ощущается в живом движении контекста» [1, с. 25].

В настоящее время существуют многочисленные исследования, посвященные описанию функционирования цветообозначений в художественных текстах, цветовой символике отдельных цветообозначений в языке писателей и поэтов, особенностям цветообозначения в аспекте перевода.

В фольклоре эпитет характеризует, оценивает, индивидуализирует предмет или явление, переносит на него свое значение, участвуя в создании

художественного образа. Поэтому эпитет является важным элементом стилистики народнопоэтического текста.

Цветообозначения играют важную роль, поскольку они составляют языковую основу зрительно-цветовой образности. В изобразительно-выразительной функции колоративы призваны привлечь внимание адресата. Они нужны, чтобы картины, нарисованные пером художника слова, были как можно более верно и точно восприняты органами чувств читателя, а психологический настрой, эмоции, испытываемые героями, стали более близки ему.

Колоративы в изобразительной функции способствуют созданию наглядной, живописной художественной реальности, отличающейся богатством красок.

Вводя колоративы в текст произведений и используя их в той или иной функции, авторы опираются на фоновое знание о символических значениях тех или иных цветов в культуре. Их неоднократное упоминание вызывает определенные ассоциации у читателя.

Северную часть территории республики занимает Белорусское Поозерье, которое в административном отношении включает Витебскую, северо-восток Гродненской и север Минской областей. Своеобразие культуры Поозерья во многом обусловлено ее более тесными связями с соседними русскими регионами. Свое влияние оказала и общая древняя этноплеменная основа – культура кривичей.

Очень важное место в фольклоре занимает народная поэзия. Именно в ней глубоко и полно выражается отношение народа к жизни, переданы чувства и настроения.

Нами проанализирована 491 песня, собранная на Витебщине за 1985–2005 гг. Все материалы, как указывает редактор-составитель антологии «Народная лирика Витебского Поозерья» Валентина Поклонская, оригинальны, их нет в печатных источниках [2].

Из военно-патриотических, семейно-бытовых, любовных, удалых и философских песен путем сплошной выборки нами выписаны 22 эпитета-колоратива: *красный* (22 словоупотребления), *белый* (20), *зеленый* (16), *голубой (11), черный (10), синий* (7), *серый (6), лазоревый (2), золотой (2)* и по одному словоупотреблению таких прилагательных, обозначающих цвет, как *зелененький, алый, аленький, багряно-красный, вишневый, карий, темный, желтый, прозрачно-желтый, золотистый, пестрый, пунцовый и розовый.* Всего, таким образом, нами зафиксировано 109 словоупотреблений эпитетов-колоративов, которые в текстах сочетаются с разными существительными, реализуя при этом различные значения.

Языковой материал позволяет отметить, что самым распространенным эпитетом в песенных текстах является эпитет *красный* (22 словоупотребления, или 20%), который сочетается с такими именами существительными,

как *девица* (11 сочетаний), *сапожки* (2), *солнце* (2), *весна, лето, рябина, калина, розы, смородина* (по 1 сочетанию).

Никакой другой цвет не отражает в своей символике такие сильные противоречия, как *красный*. Красный цвет был особенно популярен с древности. Считается, что он легко узнается и выделяется людьми из-за своей яркости, насыщенности. Это очень эмоциональный и символичный цвет, возможно, поэтому во многих языках для обозначения красного цвета и его оттенков имеется большое количество лексем, как, например, в русском.

Иерархия значений эпитета *красный* в песенных текстах примерно такова: 1) значение цвета (*красные сапожки (2), красные розы*):

А сапожки-то сафьяновые,
сафьяновые, красные [2, с. 97];
Зацвели твои красные розы [2, с. 139]*;*

2) «красивый» (*красные девицы* (11)):

А ему навстречу
Красна девица:
«Красна девица,
Дай воды напиться» [2, с. 126];
Может, встречу во широком поле
Судьбу свою, судьбу свою –
Красну девицу [2, с. 63];
Не дали мне на волюшке пожить,
красных девушек любить [2, с. 90];

3) ясный, светлый (нар.-поэт.) (*красное солнце* (2)):

Поднялося солнце красное [2, с. 101];

4) в сочетании с фитонимами реализует значение «спелый» (*красная калина, красная рябина, красная смородина*)*:*

Уж в лесу калина красная налилася соком [2, с. 144];
А коли рябина красна,
Знай: скоро наступит ненастье [2, с. 176];
Красная смародзіна,
Ці баішся ты марозу? [2, с. 100].

Зафиксированы нами также такие характерные для фольклорных жанров сочетания колоратива *красный* с существительными, называющими пору года, как *лето красное* и *весна красная:*

Пусть лето красное
Опять воротится [2, с. 184].

Одно словоупотребление, отмеченное нами, обнаруживает прилагательное *красный* в составе имени собственного (*Красная горка):*

Отчего на Красной горке
Все ребята – женихи? [2, с. 147].

Как видно из примеров, значение эпитета *красный* в песнях немного расходится со значением этого прилагательного в современном русском языке.

Среди оттенков красного цвета в песенных текстах нами выделены следующие: *розовый:*

Как будто в розовом бутоне
Мое сердечко заперто [2, с. 136];

вишневый:

Я наброшу на плечи
Ту вишневую шаль,
Что дарил ты когда-то,
Может, скрою печаль [2, с. 125];

пунцовый:

Вновь пунцовою стала рябина [2, с. 141];

багряно-красный:

Дарил ты розы мне
Багряно-красные [2 с. 183];

алый / аленький:

Как пойду я во садочек,
Сорву аленький цветочек [2, с. 119].

Приведенные материалы и наблюдения показывают, насколько богато и разнообразно в песенном фольклоре применение эпитета-колоратива *красный*, который способствует точному и четкому обозначению, создает яркие зрительные образы путем выделения отличительных качеств.

Народная память сохранила историческую семантику в данном колоративе, хотя в современном русском литературном языке семантика прилагательного *красный* значительно шире.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Маслова, В. А.** Филологический анализ поэтического текста / В. А. Маслова. – Мінск : Выш. шк., 1997. – 220 с.

2. **Народная** лирика Витебского Поозерья : антология / ред.-сост. В. Н. Поклонская. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2007. – 256 с.

КУЛЬТУРНА-АСВЕТНЫЯ ЎСТАНОВЫ Ў СІСТЭМЕ СУЧАСНАГА КРАЯЗНАЎСТВА

Дедюлина Л.Б. *(г. Полоцк)*

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ «ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПОЛОТЧИНЫ XVI – НАЧАЛА XXI в.» КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ О ПОЛОЦКЕ

Любая страна, любой город имеют свою насыщенную событиями и людьми историю. Памятники архитектуры и увековеченные в камне выдающиеся личности, рукописные летописи, памятные даты – все это является теми корнями, которые питают человека, без которых он не может двигаться вперед. Наш Полоцкий край особенно богат своей историей, изучением которой занимались многие исследователи, и каждый полочанин должен знать историю нашего древнего города и гордиться ею.

В 2010 г. совместно с заведующей Краеведческим музеем Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника И.П. Водневой было проведено мероприятие, посвященное 110-летию со дня рождения полоцкого краеведа И.П. Дейниса, и, готовясь к этому вечеру, мы решили собрать материал об исследователях Полоцка.

К 1150-летию Полоцка в Центральной городской библиотеке им. Ф. Скорины и был создан биобиблиографический указатель «Исследователи Полотчины XVI – начала XXI в.».

При подготовке указателя использовались данные, включенные в краеведческую картотеку Центральной городской библиотеки им. Ф. Скорины, где собрано более 30 тыс. записей о Полотчине, а также «Новыя кнігі: па старонках беларускага друку», «Кніжны летапіс», «Летапіс газетных артыкулаў», «Летапіс часопісных артыкулаў», «Новая літаратура па гісторыі і гістарычных навуках» (1990, 1991, 1992, 1993) и другие источники.

Вторым человеком, имеющим отношение к созданию ресурса, был полоцкий краевед В.Р. Карасев. Он подарил нашей библиотеке книгу кандидата исторических наук Н.В. Пивовара «Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г.». Это и стало отправной точкой в создании биобиблиографического указателя. Когда велась работа по поиску персоналий, вышла вторая книга Н.В. Пивовара «Краязнаўцы Віцебшчыны 2-й паловы XX – па-

чатку XXI ст.». Побывав на презентации книги в Полоцком районном центре ремесел и национальных культур, мы поняли, что находимся на правильном пути, и продолжили работу над созданием пособия.

При подборе литературы использовались электронные каталоги Национальной библиотеки Беларуси, Витебской областной библиотеки им. В.И. Ленина, библиотеки Полоцкого государственного университета и др.

В поиске материалов помогли многие российские сайты, на которых размещена информация об исторических личностях.

Основа персоналий была взята из книг Н.В. Пивовара, но в процессе работы, когда появлялись рецензии на пособие, мы постоянно дорабатывали этот список, включая все новые имена.

За пять лет указатель четырежды дополнялся. Первоначально он представлял собой одну книгу, включающую информацию о 150 персоналиях. Издание содержало материалы как на русском, так и на белорусском языках и состояло из четырех частей: первая рассказывала об изучении Полоцка в XVI – первой половине XIX в.; во второй части освещались вопросы исследования Полоцка во второй половине XIX – первой половине XX в.; в третьей представлена информация об изучении Полоцка во второй половине XX – XXI в.; четвертая часть посвящена полоцким краеведам.

Каждая фамилия сопровождается краткими биографическими данными, а также списками материалов, изданных данным автором, и источников, в которых отражаются сведения о жизни и деятельности исследователя.

В 2012 г. указатель разделили на 4 части (279 персоналий), в 2014 г. мы его доработали и исправили – в нем стало 5 частей (376 персоналий). Материалы в издании расположены в алфавите персоналий.

В 2016 г. мы возобновили работу и дополнили список новыми персоналиями, теперь указатель будет состоять из 7 частей (500 персоналий). В преддверии празднования 500-летия белорусского книгопечатания были добавлены в указатель персоналии, которые занимались изучением скоринианы.

В биобиблиографическом пособии собрана информация о жизни и деятельности людей, которые изучали историю Полоцка, Полоцкого района, исторических личностей: Евфросинии Полоцкой, Симеона Полоцкого, Франциска Скорины, полоцких князей.

По различным вопросам политической истории, культурной жизни, археологических исследований Полотчины написано огромное количество работ. Свои исторические труды и литературные произведения Полоцку посвящали ученые, историки, археологи, краеведы, архивисты, музейные работники, путешественники и коллекционеры, писатели, журналисты, а также учителя и библиотекари.

Наибольший вклад в исследование жизни и деятельности Франциска Скорины, великого белорусского просветителя, его изданий внесли русские и белорусские скориноведы, такие, как Е. Карский, В. Пичета, П. Владими-

ров, А. Флоровский, а в наше время – В. Агиевич, Н. Алексютович, П. Алексеев, В. Аниченко, М. Ботвинник, А. Белый, В. Болбас, С. Брага, А. Булыко, Г. Голенченко, В. Дорошкевич, И. Дворчанин, Я. Дроздович, В. Колесник, В. Короткевич, А. Кавко, Г. Киселев, А. Клышко, В. Конон, Ю. Лабынцев, В. Лиходедов, О. Лойко, С. Майхрович, А. Мальдис, А. Надсан, Е. Немировский, С. Подокшин, А. Петрашкевич, Н. Прашкович, И. Саверченко, Н. Садкович, Б. Сапунов, М. Судник, А. Суша, К. Усович, В. Чапко, В. Шалькевич, В. Шматов и др.

Среди персоналий, включенных в биобиблиографический указатель, такие историки, как Л. Алексеев, Г. Голенченко, К. Говорский, Н. Пивовар, С. Тарасов, В. Чаропка, Г. Штыхов, Н. Ермолович, Э. Загорульский.

Свои литературные произведения посвятили Полоцку его уроженцы В. Орлов, П. Васюченко, П. Бровка, В. Лукша, Т. Хадкевич, а также почетные граждане древнейшего города Беларуси А. Савицкий и Н. Гальперович.

Полочанин В.А. Лиходедов много сделал для сохранения истории, коллекционируя старые почтовые открытки. Его собирательское радение в России отмечено медалью «За большой вклад в развитие коллекционного дела в России». По словам К. Ладутько, «…ведь неизмеримо больше частный коллекционер, патриот своей страны, сделал не для России, а для родной Беларуси, для Полоцка, где он родился и вырос. И, наверное, по сути своей общественной работы, по сути своих неравнодушных исторических поисков Владимир Алексеевич много сделал для Полоцка, увековечения памяти о полоцкой истории. По праву ему носить бы и звание почетного гражданина древнего города. Впрочем, это решать самим полочанам…».

Изучением наследия Симеона Полоцкого занимались Г. Гайдук, С. Гаранин, Л. Звонарева, Л. Сазонова, Л. Сидорович, О. Шульченко и др.

Достояние Евфросинии Полоцкой исследовали Л. Горошко, М. Дубровский, В. Ковтун, Н. Кузьмич, Л. Левшун, А. Мельников, К. Сербинович, иеромонах Сергий, Н. Серегина, Э. Ярмоленко и др.

Важный вклад в изучение Полоцкого края внесли местные краеведы В.И. Лихачев, Н.А. Манис, С.А. Клоков, И.С. Вильчинский, В.Р. Карасев, Л.Ф. Данько, И.И. Калиновский, С.И. Поляков, И.П. Дейнис, С. и В. Глушковы и др.

Наше издание мы рекомендуем историкам, краеведам, преподавателям, аспирантам, студентам, библиотекарям, школьникам, всем тем, кто интересуется историей Полоцка.

В биобиблиографическом пособии свои автографы и пожелания оставили Н. Гальперович, А. Савицкий, В. Карасев, А. Соловьев, А. Суша, Л. Малашеня, И. Шупенько, Н. Сергеенко, В. Крюк, Алексей и Андрей Буховецкие.

Археологические исследования в Полоцке продолжаются, интереснейшие открытия еще ожидаются впереди, и появятся новые люди, которые будут изучать историю древнего города, и, возможно, дополнят наш био-

библиографический указатель в будущем. Каждый человек должен знать и помнить историю того места, где он родился, любить свой край, знать тех, кто занимался изучением истории малой родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ладутько, К.** Старая почтовая открытка : уроки любви к истории и Отечеству / К. Ладутько // Нёман. – 2013. – № 7. – С. 215–217.

2. **Півавар, М. В.** Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г. : даведнік / М. В. Півавар. – Віцебск : Віцеб. абл. друк, 2006. – 176 с.

3. **Півавар, М. В.** Краязнаўцы Віцебшчыны другой паловы XX – пачатку XXI ст. : біябібліягр. даведнік / М. В. Півавар. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – 372 с.

Ермалёнак В.А. *(г. Мёры, Віцебская вобласць)*

СТАРЫЯ БЕЛАРУСКІЯ ВЫДАННІ Ў МУЗЕІ КНІГІ І ДРУКУ ДУА «МІЁРСКАЯ СЯРЭДНЯЯ ШКОЛА № 3 ІМЯ ГЕРОЯ САВЕЦКАГА САЮЗА ЯГОРА АНДРЭЕВІЧА ТОМКІ»

Беларускія друкаваныя выданні змешчаны ў чатырох раздзелах экспазіцыі музея: «Старая беларуская кніга», «Часопісы», «Газеты», «Календары».

Якім чынам траплялі беларускія выданні на Мёршчыну і Дзісеншчыну? Перш за ўсё дзякуючы намаганням прадстаўнікоў нацыянальна-вызваленчага руху, што паходзяць з нашай мясцовасці: Пятра Простага (І. Бобіча), Янкі Пачопкі, Флора Манцэвіча, Браніслава Туронка, Язэпа Малецкага, Чэслава Сіповіча, Міколы Шкялёнка, Кузьмы Крука, Яўгена Аніські і шмат іншых. Вялікую ролю ў распаўсюджванні такіх выданняў адыгралі гурткі Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры, якія актыўна дзейнічалі ў міжваенныя гады ў Шальцінах, Павяцці, Мілашове, Дрыгучах і іншых мясцінах.

У гады Рэчы Паспалітай шмат карэспандэнтаў з Дзісеншчыны пісалі вершы, артыкулы, замалёўкі ў беларускія выданні: Генадзь Дзямешка, Павел Сушко, Пятро Ларычонак, Мікола Дварэцкі і інш. У якасці ганарару ім дасылаліся беларускія газеты і часопісы.

Пасля вайны большая частка выданняў на беларускай мове была знішчана як непатрэбная, бо не адлюстроўвала сацыялістычную рэчаіснасць, ды і ўсе несавецкія выданні лічыліся варожымі, пры Сталіне толькі за іх захоўванне можна было атрымаць да 10 гадоў лагераў.

Тым не менш, нягледзячы на небяспеку, людзі збераглі шматлікае. Дзякуючы іх падарункам і нашай пошукавай дзейнасці ў фондах музея захавалася дастаткова вялікая колькасць асобнікаў беларускага друку першай паловы XX ст.

Цалкам прысвечаны такім выданням раздзел «Старая беларуская кніга», дзе змешчаны дакументы канца XIX – 50-х гг. XX ст. на беларускай мове, набраныя кірыліцай і лацінкай. Частка кніг знаходзіцца ў навукова-дапаможных фондах музея. У адрозненне ад іншых раздзелаў музея тут няма шыкоўных выданняў у скураных вокладках з залатым цісненнем літар.

Сярод беларусаў не было мецэнатаў, таму работу над выпускам першых выданняў беларускія адраджэнцы здзейснілі ў незвычайна цяжкіх умовах. Беларусь знаходзілася пад жорсткім прыгнётам Расійскай Імперыі, дзе наогул да 1905 г. забаранялася друкаваць беларускія кнігі, адсутнічалі беларускія школы. Але, не зважаючы ні на што, вялікай была прага народа да роднага слова, – і такія выданні з'явіліся. Большасць з іх – тонкія, сціплыя кніжачкі, надрукаваныя на самай таннай жоўтай паперы, якія і разлічаны былі на сялянства або вясковую інтэлігенцыю. Самая старая беларуская кніга, якая змешчана ў гэтым раздзеле – «Дудка беларуская». Напісана яна славутым Францішкам Багушэвічам і выдадзена ў Кракаве на лацінцы ў 1891 г. Пра тое, што беларускі народ любіў паэзію Багушэвіча, сведчыць і перавыданне яго твораў у Заходняй Беларусі. Побач змешчана віленскае выданне «Дудкі беларускай» 1924 г. Пасля царскага маніфеста 1905 г. беларускія кнігі было дазволена выдаваць і ў Расійскай Імперыі. Галоўнымі выдавецкімі цэнтрамі сталі «Загляне сонца і ў наша ваконца» ў Пецярбургу і друкарня Марціна Кухты ў Вільні.

Менавіта з апошняй друкарні і паходзяць асноўныя экспанаты нашай музейнай калекцыі. Там жа была выпушчана ў 1914 г. і кніга нашага земляка Пётры Беларуса (Пётры Яленскага) з в. Міранкі ля Узмёнаў пад назвай «Якім Бяздольны». У ёй аўтар расказвае аб трагедыі беларускага селяніна ў тыя часы. З 1913 г. аўтар быў актыўным карэспандэнтам «Нашай нівы», дзе змяшчаліся яго творы «У кузні», «Чуткі з-пад Дзісны», «Забойства» і інш. Першая кніга Максіма Гарэцкага «Рунь» гэтага ж года выдання таксама знаходзіцца ў экспазіцыі музея. Рарытэтам з'яўляецца надрукаваная ў выдавецтве Марціна Кухты ў 1915 г. кніжка Сцёпкі Бірылы «Стражнік». Аднак шасцітомная энцыклапедыя «Беларускія пісьменнікі» не згадвае біяграфіі гэтага аўтара. Памяць аб ім захавалася толькі з-за існавання гэтага выдання. Брашура Пётры з Арлянят «Што было і што павінна быць» пабачыла свет таксама ў друкарні М. Кухты ў 1918 г. Хоць выдадзена яна ва ўмовах нямецкай акупацыі, у ёй гучыць гарачы заклік любіць родную беларускую мову, каб быць годным у свеце народам. Для нас асабліва важным з'яўляецца тое, што на яе вокладцы змешчаны запіс знакамітай віленскай пісьменніцы і паэткі Зоські Верас «У падарунак С. С. Панізніку. 1982 год». «Пётра з Арлянят» – псеўданім выдатнага грамадскага дзеяча БССР Пятра Вікенцьевіча Ільючонка (1891–1945). На жаль, жыццё гэтага палымянага патрыёта абарвалася ў сталінскім ГУЛАГу.

У 1912 г. у Вільні было заснавана выдавецтва «Belarus», дзе выходзілі кнігі пераважна на лацінцы. Тут у 1914 г. была надрукавана і брашура нашага

земляка з в. Дзедзінцы Пятра Простага «Нашто беларусам газеты?», якая таксама знаходзіцца на паліцы раздзела. Аўтар у сваёй працы пераканаўча даказвае значэнне беларускіх газет у развіцці самасвядомасці беларускага народа. У Расіі не існавала беларускіх школ, навучанне адбывалася толькі на рускай мове, але, незважаючы на гэта, выдатныя дзеячы беларускай культуры разумелі неабходнасць выданняў для дзяцей. Вось чаму Якуб Колас і Алаіза Пашкевіч у 1908 г. надрукавалі кніжкі для маленькіх беларусаў: «Першае чытанне для дзетак беларусаў» і «Другое чытанне для дзетак-беларусаў». Абодва выданні занялі дастойнае месца ў нашай экспазіцыі. Самы знакаміты дзеяч беларускага Адраджэння пачатку XX ст. – Вацлаў Ластоўскі (1883–1938), дзіцячыя гады якога прайшлі ў в. Стары Пагост, дзе ён пачуў шмат легенд і паданняў, якія пазней былі ім апублікаваныя. Сапраўдным подзвігам можна назваць яго выданне «Кароткая гісторыя Беларусі», якое было надрукавана асобнай кніжкай у 1910 г. Аўтар упэўнены, што беларусы, як і іншыя народы, маюць сваю ўласную гісторыю. Акрамя гэтай кнігі ў нашай экспазіцыі прадстаўлены і «Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік», выдадзены ў Коўне ў 1924 г. Выданне змяшчае не толькі агульную лексіку, але і асабовыя імёны. Змест брашуры В. Ластоўскага «Што трэба ведаць кожнаму беларусу?», надрукаванай у Менску ў 1918 г., не састарэў да сённяшняга дня. Па-ранейшаму актуальным з'яўляецца адказ на пытанне, што заключана ў назве кнігі: «Каб быць беларусам, трэба ведаць і любіць беларускую мову, размаўляць на ёй, ведаць сваю сапраўдную гісторыю і ганарыцца ёю». У музейнай экспазіцыі знаходзіцца зборнік вершаў таленавітага паэта і ўдзельніка нацыянальна-вызваленчага руху Алеся Гаруна «Матчын дар» – таксама менскае выданне 1918 г.

Як бачым, нягледзячы на нямецкую акупацыю ў Мінску, у гэты час друкавалася шмат беларускамоўных выданняў. У музейных фондах знаходзіцца і першы падручнік па геаграфіі Беларусі, што быў выдадзены ў Вільні ў 1919 г. выдатным навукоўцам і грамадскім дзеячам Аркадзем Смолічам. На кнізе пячатка Мікалая Талеркі, які быў актывістам беларускага руху ў Латвіі. У экспазіцыі музея змешчаны цікавы зборнік Я. Фарботкі «Беларусь у песнях: літаратурна-гістарычны нарыс», які пабачыў свет у Мінску ў 1920 г. Аўтар упершыню грунтоўна прааналізаваў развіццё беларускай паэзіі на фоне нацыянальна-вызваленчай барацьбы беларускага народа. Унікальнае выданне 1920 г. – пераклад на беларускую мову твора У. Караленкі «Лес шуміць». Аўтар гэтага перакладу – дзеяч нацыянальна-вызваленчага руху, паэт, публіцыст Макар Краўцоў (Касцэвіч) – вядомы і тым, што сачыніў гімн Беларускай Народнай Рэспублікі «Мы выйдзем шчыльнымі радамі».

Як вядома, па Рыжскім мірным дагаворы сучасны Мёрскі раён увайшоў у склад Рэчы Паспалітай, улады якой праводзілі палітыку паланізацыі: зачынялі беларускія школы і гімназіі. Але нягледзячы на жорсткі нацы-

янальны ўціск, актывісты нацыянальнага адраджэння, якія засталіся ў Беларусі, працягвалі самаахвярную працу, каб беларускі народ атрымаў сваё роднае друкаванае слова.

Выключную ролю ў выдавецкай дзейнасці адыграў створаны ў Вільні Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры. Гурткі гэтага таварыства актыўна дзейнічалі і на Мёршчыне. У экспазіцыі музея знаходзіцца кніга з пячаткай гуртка БІГІК з в. Цяцеркі (цяпер Браслаўскі раён) – п'еса пісьменніка-святара Казіміра Сваяка «Янка Канцавы», надрукаваная ў 1924 г. у Вільні. За ўласны кошт выдаваў там жа кнігі кампазітар, педагог, фалькларыст Антон Грыневіч. У зборах нашага музея знаходзіцца яго зборнік «Дзіцячы спеўнік», які пабачыў свет у 1925 г. Для нас асаблівае значэнне маюць запісы песень з Дзісенскага павета, што былі занатаваныя вядомымі беларусамі Сымонам Рак-Міхайлоўскім і нашым земляком Янкам Пачопкам. У раздзеле музея прадстаўлена яго грунтоўнае выданне «Пчолы», надрукаванае ў Вільні ў 1922 г. Рарытэтным з'яўляецца віленскае выданне 1929 г. А. Навіны (псеўданім Антона Луцкевіча) «Галоўныя накірункі ў беларускай паэзіі», дзе аўтар падрабязна характарызуе творчасць беларускіх паэтаў першай чвэрці XX ст. У выдавецтве «Сялянская Ніва», што дзейнічала ў Вільні, у 1926 г. было надрукавана і вершаванае апавяданне Казіміра Сваяка «Чарку дай, браце».

Каб пашырыць ужыванне беларускай мовы ў святынях, былі надрукаваны малітоўнікі на беларускай мове. Гэта выданне ксяндза Я. Станкевіча «Голас душы» 1927 г. Для азнаямлення дзетак-беларусаў з Бібліяй на роднай мове ў 1936 г. у Вільні пабачыла свет «Свяшчэнная гісторыя Новага Запавету. Падручнік для беларускіх школ і самаадукацыі». Яе аўтар – вядомы багаслоў і педагог Сяргей Паўловіч. У Заходняй Беларусі адным з напрамкаў папулярызацыі беларускай мовы былі пераклады папулярных расійскіх паэтаў. Так, у навукова-дапаможных фондах музея знаходзіцца паэма А.С. Пушкіна «Казка аб рыбаку і рыбцы», надрукаваная ў 1935 г. у Вільні лацінкай у выдавецтве С. Глякоўскага і Я. Найдзюка. Пераклад выкананы Вінцуком Адважным, аб чым сведчаць лацінскія літары V. A.

Асобны раздзел музея прысвечаны старым беларускім часопісам, найбольшая частка якіх адносіцца да сельскагаспадарчай тэматыкі. Перш за ўсё ў нашай мясцовасці распаўсюджваўся часопіс «Саха», рэдактарам якога быў А. Уласаў. У фондах музея захоўваюцца асобныя нумары выдання за 1927–1929, 1931 гг. Ёсць у экспазіцыі і часопіс для пчаляроў «Беларуская борць», які выдаваў Беларускі кааператыў пчалярства «Пчала». Рэдактарам выдання з'яўлялася Зоська Верас. Рарытэтам музея з'яўляецца часопіс «Беларускі дзень», які выходзіў толькі ў 1927 г. Не менш каштоўным выданнем з'яўляецца часопіс «Крывіч», што быў падораны краязнаўцам з Латвіі Міколам Паўловічам. Друкаваўся ён у сталіцы даваеннай Літвы нашым знакамітым земляком, вучоным і грамадскім дзеячам Вацлавам

Ластоўскім у 1923–1927 гг. Наш музей кнігі і друку атрымаў у дар чацвёрты нумар гэтага выдання за верасень – кастрычнік 1923 г. Яшчэ адным часопісам, прэзентаваным нам краязнаўцам з Латвіі, з'яўляецца «Калоссе», які друкаваўся ў Вільні ў 1935–1939 гг. Калекцыя музея ўзбагацілася № 3 за 1939 г. Рэдактарам яго ў гэты час быў Янка Шутовіч. У склад рэдакцыі ўваходзіў і наш зямляк, гісторык і грамадскі дзеяч Мікола Шкялёнак. Адным з самых цікавых па змесце з'яўляецца падшыўка маладзёжнага часопіса за 1929 г. «Шлях моладзі», які быў перададзены ў музей актыўным удзельнікам гуртка Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры Пятром Кашкурам з в. Рачнёва. Цікавая замалёўка з Мёраў надрукавана ў сёмым нумары часопіса: аўтар Янка Пачопка пісаў пад псеўданімам «Стары дзядзька» аб пераследзе польскімі ўладамі беларускай прэсы. У перыяд фашысцкай акупацыі таксама выдаваліся часопісы на беларускай мове. У нашых фондах знаходзяцца некалькі нумароў часопіса «Беларуская школа» за 1942–1943 гг. Нягледзячы на акупацыйны рэжым, выданні захавалі свой патрыятычны накірунак па выхаванні менавіта не нямецкага, а беларускага патрыятызму, любові да роднай гісторыі, прыроды і культуры.

У раздзеле музея «Газеты» захоўваюцца асобнікі беларускіх газет. Найбольш каштоўным з'яўляецца для нас выданне «Беларуская крыніца», якую выпускала Беларуская хрысціянска-дэмакратычная партыя. Захавалася ў фондах музея поўная падшыўка гэтай газеты за 1926 г. У гэты час яе рэдактарам быў наш зямляк Браніслаў Туронак. У выданні, якое належала беларускай хрысціянскай дэмакратыі, змешчаны артыкулы разнастайнай тэматыкі. З заходнебеларускіх газет у нашай экспазіцыі маюцца асобнікі газет «Наша справа» і «Наша праўда» за 1927 г. У гэты час якраз праходзіў суд над дзеячамі Беларускай сялянска-рабочай грамады, таму газеты прысвячалі асноўныя старонкі менавіта гэтай тэме. Папулярнымі ў насельніцтва Заходняй Беларусі ў міжваенны час былі беларускія календары. У экспазіцыі і фондах музея знаходзяцца самыя разнастайныя іх тыпы. Так, «Беларускі каляндар на 1929 год» утрымлівае звесткі па гісторыі, палітыцы, школьнай справе, змяшчае юрыдычныя кансультацыі, сельскагаспадарчыя парады і г. д. Але найбольш значным для нас з'яўляецца «Беларускі каляндар на 1933 год», надрукаваны на сродкі нашага земляка, выдатнага дзеяча нацыянальна-вызваленчага руху Язэпа Малецкага. У міжваенны перыяд друкавалася і шмат календароў для сялян. У фондах музея знаходзіцца «Беларускі сялянскі каляндар на 1937 год».

У сваім артыкуле мы прааналізавалі толькі асобныя беларускія выданні, якія знаходзяцца ў фондах нашага музея. Грунтоўнае іх вывучэнне патрабуе новых даследчых прац.

Карновіч М.А. *(в. Курына, Віцебскі раён)*

БІБЛІЯТЭЧНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА ЯК ФАКТАР ЗАХАВАННЯ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ КУЛЬТУРЫ І ГІСТОРЫІ

Сучасная бібліятэка – гэта не толькі збор кніг, часопісаў, газет, але і сацыякультурны цэнтр па задавальненні інфармацыйных патрэб грамадзян. У невялікіх населеных пунктах бібліятэка на сённяшні дзень з'яўляецца найбольш даступным сацыяльным інстытутам, які можа задаволіць патрэбы грамадства ў інфармацыі. У сувязі з патрабаваннямі часу такая інфармацыйная прастора прадстаўлена, у першую чаргу, у гісторыка-краязнаўчым фармаце. А бібліятэкі выступаюць цэнтрамі па зборы, захаванні і папулярызацыі краязнаўчых матэрыялаў.

Дзейнасць сучаснай бібліятэкі цесна звязана з усімі формамі і кірункамі краязнаўства, а ўвесь комплекс работ установы ў гэтай галіне параўнальна нядаўна атрымаў у прафесійнай лексіцы такі тэрмін як бібліятэчнае краязнаўства – галіна бібліятэчнай дзейнасці, накіраваная на задавальненне краязнаўчых патрэб сродкамі бібліятэкі. Аб'ектам яго вывучэння з'яўляецца прырода, насельніцтва, гаспадарка, гістарычнае мінулае, мастацтва, культура вызначанага краю.

Курынская сельская бібліятэка вядома ў Віцебскім раёне як цэнтр адраджэння і захавання нацыянальнай спадчыны і развіцця агратурызму. Спалучэнне традыцыйных форм бібліятэчнай работы з культурна-дасугавай і музейнай дзейнасцю дало магчымасць накіраваць яе работу на развіццё сельскага турызму і прыцягненне шырокага кола наведвальнікаў.

Работа ў гэтым кірунку звязана з дзейнасцю на тэрыторыі Курынскага сельскага Савета ў в. Задзвінне агратурыстычнага комплексу – сядзібы «Задзвінне», якая належыць сям'і Тулякіных. Гаспадары і госці сядзібы наведваюць бібліятэку, знаёмяцца з экспанатамі этнаграфічнага кутка. У свой час установу наведвалі ўдзельнікі Міжнароднай экспедыцыі на байдарках «Заходняя Дзвіна», удзельнікі сумеснай экспедыцыі газеты «Рэспубліка» і тэлеканала АНТ.

Распрацаваная комплексная праграма «Тут карані, адсюль вытокі», па якой Курынская сельская бібліятэка працуе з 2009 г., дазволіла сабраць і зберагчы для будучых пакаленняў багаты духоўны матэрыял па гісторыі і культуры роднай старонкі, стварыць калекцыю краязнаўчых інфармацыйных рэсурсаў.

Пошукава-збіральніцкая дзейнасць па назапашванні дакументаў пра гістарычнае мінулае в. Курына прывяла ў свой час да высновы аб неабходнасці стварэння пры бібліятэцы этнаграфічнага кутка. Этнаграфічныя экспедыцыі па вёсцы і яе ваколіцах далі магчымасць сабраць даволі багатую этнаграфічную калекцыю, вельмі разнастайную па змесце: рэчы гаспадарчага і хатняга ўжытку, адзенне, прадметы дэкаратыўна-прыкладнога

мастацтва – даматканыя посцілкі, вырабы, вязаныя кручком, спіцамі, вышытыя сурвэткі, ручнікі і г. д. Прадметы этнаграфічнай спадчыны ўнесены ў «Спіс экспанатаў этнаграфічнага кутка», усе яны падпісаны з указаннем назвы прадмета і яго ўладальніка (калі гаспадар вядомы). На сённяшні дзень этнаграфічны куток налічвае 134 экспанаты.

Для вядзення краязнаўчай работы, стварэння бібліятэчна-бібліяграфічных рэсурсаў па тэме бібліятэкарамі нашай установы выкарыстоўваюцца два напрамкі дзейнасці.

Першы напрамак прадугледжвае шматпланавую работу **з існуючымі краязнаўчымі крыніцамі**, да якіх адносяцца:

– літаратура (мастацкая, навуковая, публіцыстычная, даведачна-бібліяграфічная) з фонду бібліятэкі, якая змяшчае краязнаўчую інфармацыю пра дадзены рэгіён;

– артыкулы перыядычных выданняў з краязнаўчымі матэрыяламі пра вёскі Курынскага сельскага Савета і іх жыхароў.

Другі напрамак бібліятэчнай дзейнасці скіраваны **на самастойнае вывучэнне** роднага краю, пошук раней невядомых звестак аб ім і стварэнне краязнаўчых інфармацыйных рэсурсаў. Так, за апошнія пяць гадоў у Курынскай бібліятэцы назапашаны краязнаўчы матэрыял па асноўных напрамках жыцця аднавяскоўцаў, які прадстаўлены ў друкаванай і электроннай формах. Сярод **друкаваных краязнаўчых рэсурсаў** можна вылучыць наступныя:

1. «Летапіс вёскі Курына Віцебскага раёна», які змяшчае запісы сустрэч са старажыламі, успаміны, фотадакументы, копіі матэрыялаў з дзяржаўных і сямейных архіваў, краязнаўчага музея г. Віцебска, фондаў Віцебскай абласной бібліятэкі імя У.І. Леніна, Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі. Матэрыял, назапашаны ў летапісе, кожны год дапаўняецца і выкарыстоўваецца падчас правядзення мерапрыемстваў.

2. Старонкі гісторыі Вялікай Айчыннай вайны знайшлі сваё адлюстраванне ў міні-даследаванні «Страчаныя вёскі на тэрыторыі Курынскага сельскага Савета», турыстычным маршруце «Па партызанскіх мясцінах Курынскай зямлі», зборніку інфармацыйных матэрыялаў па грамадзянска-патрыятычным выхаванні дзяцей і моладзі «За гэтай сцяною стогне зямля…». Ён быў выдадзены сумесна з ДУА «Курынская дзіцячы сад – базавая школа Віцебскага раёна» і сістэматызуе ўсю біяграфічную інфармацыю пра малалетніх вязняў в. Курына.

3. Краязнаўча-бібліяграфічны паказальнік «Родны край, ты мне мілы спрадвеку: што чытаць пра Курынскі край», які складаецца з чатырох раздзелаў: а) «Зямля, нам дадзеная лёсам» – раскрывае гісторыю в. Курына з часоў першага ўпамінання ў летапісных дакументах да нашых дзён; б) «Курынскі край у гады Вялікай Айчыннай вайны»; в) «Героі – нашы землякі», г) «Матэрыяльная і духоўная спадчына Курынскага краю». Бібліяграфічны паказальнік ілюстраваны, змяшчае шэраг фотаздымкаў.

4. Творча-краязнаўчая работа «З гісторыі аднаго фотаздымка», якая распавядае пра гісторыю царквы Мікалая Цудатворца, што калісьці ўпрыгожвала цэнтральную вуліцу в. Курына.

5. Даследчыя працы «Семантыка арнамету рушнікоў вёскі Курына» і «Гісторыя праса: з сівой даўніны да нашых дзён». Аб'ектамі даследавання ў гэтых работах сталі экспанаты этнаграфічнага кутка пры бібліятэцы.

6. Краязнаўча-творчы праект «Мая сям'я – мой гонар», які быў рэалізаваны ў 2016 г., меў на мэце вывучэнне гісторыі і сучаснасці сямей в. Курына ў кантэксце перадачы сямейных традыцый, творчасці, працоўнага вопыту ад старэйшага пакалення да малодшага.

Адным з перспектыўных напрамкаў дзейнасці бібліятэкі з'яўляецца стварэнне электроннай калекцыі краязнаўчых матэрыялаў. Сярод іх можна вылучыць:

– відэаэкскурсію «Мая малая Радзіма»;
– відэатэку «Жывыя галасы мінуўшчыны»;
– краязнаўчы праект «Ад вытокаў – да вечнага»;
– візітную картку населенага пункта «Фотапартрэт вескі Курына»;
– відэапрэзентацыю «Гарэў мой край у полымі вайны»;
– відэаролік аб рабоце аматарскага аб'яднання «Уцеха».

Усе гэтыя матэрыялы ўвайшлі ў электронную поўнатэкставую базу дадзеных «Курына», якая змяшчае інфармацыю пра гісторыю, сучасны стан вёскі, сацыяльна-культурныя аб'екты краю, знакамітых асоб. У бібліятэцы краязнаўчыя матэрыялы дэманструюцца на разгорнутай выставе «Тут карані, адсюль вытокі».

Асобнае месца ў краязнаўчай рабоце Курынскай сельскай бібліятэкі займае дзейнасць аматарскага аб'яднання «Уцеха», якое было створана ў 1995 г. Удзельнікі гуртка асвойваюць народныя рамёствы: саломапляценне, бяростапляценне, лозапляценне. Усе гэтыя віды народных промыслаў мелі месца ў дзейнасці нашых аднавяскоўцаў, таму асноўная задача аматарскага аб'яднання – адрадзіць старадаўнія віды рамяства, якія сведчаць пра духоўны і матэрыяльны светапогляд нашых продкаў. На занятках удзельнікі таксама знаёмяцца з народным фальклорам, звязаным з рамёствамі, з літаратурай па тэме пасяджэння, здзяйсняюць інтэрнэт-візіты да вядомых майстроў Беларусі і Расіі, удзельнічаюць у этнаграфічных падарожжах, экскурсіях, творчых вечарах. Для ўсіх жадаючых наведвальнікаў бібліятэкі праводзяцца майстар-класы па саломапляценні і берастапляценні. Штогод члены аматарскага аб'яднання «Уцеха» прадстаўляюць свае вырабы падчас правядзення раённых святаў.

Краязнаўства – гэта не толькі тое, што пакінулі нам нашы продкі, але і тое, што застанецца пасля нас. Таму значнае месца ў Курынскай сельскай бібліятэцы адводзіцца камунікацыі з падрастаючым пакаленнем. Перадача досведу продкаў, фарміраванне цікавасці да гістарычнай і культурнай спадчыны народа ажыццяўляецца праз разнастайныя формы масавай работы.

Адным з напрамкаў краязнаўчай масавай дзейнасці выступаюць экскурсіі ў этнаграфічным кутку пры бібліятэцы на разнастайныя тэмы: «З далёкага мінулага», «Стракатыя матывы курынскіх вышыванак», «Рамёствы роднага краю», «Умелі бабулі ствараць прыгажосць», «Прадметы побытавай культуры нашых аднавяскоўцаў» і інш. Экспанаты этнаграфічнага кутка шырока выкарыстоўваюцца пры правядзенні мерапрыемстваў, часам і самі становяцца прычынай для іх правядзення. Так, напрыклад, ва ўстанове праводзяцца этнаграфічныя квэсты «Ад прадзедаў спакон вякоў нам засталася спадчына…», мэта якіх бліжэй пазнаёміць падлеткаў з прыладамі працы, якімі карысталіся нашы продкі.

Тэма Вялікай Айчыннай вайны і Перамогі мае асаблівую афарбоўку для жыхароў Курынскага краю. Формы правядзення мерапрыемстваў на гэту тэматыку самыя разнастайныя. Штогод бібліятэка сумесна з ДУА «Курынская дзіцячы сад – базавая школа Віцебскага раёна» і Курынскім сельвыканкамам праводзяць мітынгі памяці на воінскім захаванні ў в. Задзвінне. Падчас вызвалення в. Курына ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў (25 снежня) штогод у бібліятэцы праводзяцца мерапрыемствы, прысвечаныя гэтай падзеі: вечары-сустрэчы «Дзеці вайны: боль і адчай», гадзіна-ўспамін «Памяці героя-земляка» (пра першага сярод камсамольцаў Героя Савецкага Саюза М.Ф. Сільніцкага), літаратурны набат па кнізе «Лагерь смерти Освенцим: живые свидетельства Беларуси», завочная экскурсія па карціннай галерэі Вялікай Айчыннай вайны «Пэндзаль і аловак раскажуць пра вайну», набат памяці «Хатынь – памяць сэрца» з электроннай прэзентацыяй «12 крокаў па Хатыні», буктрэйлер «Кніга пра вайну: новы фармат» і інш. Усе гэтыя мерапрыемствы накіраваны на ўшанаванне імёнаў землякоў, зберажэнне памяці ваенных старонак свайго краю.

Веданне мінулага свайго краю – важны падмурак у фарміраванні асобы юнага чытача, які закладваецца падчас правядзення ў бібліятэцы гадзін краязнаўства, прысвечаных людзям і важным гістарычным падзеям курыншчыны, квэст-арыентавання «Вёска, у якой ты жывеш», віртуальнага падарожжа «Зямля бацькоў – зямля святая».

Правядзенне народных святаў і захаванне фальклорных традыцый – яшчэ адзін напрамак краязнаўчай дзейнасці бібліятэкі. Сумесна са школай-садам былі праведзены фальклорна-этнаграфічныя святы «Саракі», «Свята сонца і агню», абрадавае ўшанаванне расфарбаванага яйка «Яйка маленькае, ды свята вялікае», гадзіна народных традыцый «Мы заўем вянкі, ды на ўсе святкі…», этнападарожжа «Загадкавы свет лялек» і інш. Пры правядзенні такіх мерапрыемстваў шырока выкарыстоўваюцца экспанаты этнаграфічнага кутка і мастацка-творчы патэнцыял аматарскага аб’яднання «Уцеха».

Важным напрамкам краязнаўчай работы ў сучасных умовах з’яўляецца дзейнасць па адраджэнні беларускай мовы і папулярызацыя беларускамоўных твораў. Гэтаму спрыялі наступныя мерапрыемствы: вечар роднай

мовы «Музей бабуліных слоў», вусны часопіс «Сэрцам роднага слова краніся», лінгвістычныя гульні і даследаванні, літаратурныя святы, чытацкія канферэнцыі па кнігах беларускіх аўтараў, творчая лабараторыя «Узаемаадносіны сучасных падлеткаў, або Тэст на першае каханне» па творах В. Гапеева і В. Кадзетавай і інш.

Далучыць дзяцей і падлеткаў да свету прыроды, да разумення яе каштоўнасцей у жыцці кожнага чалавека – галоўная мэта ўсіх экалагічных мерапрыемстваў, што праводзяцца ў бібліятэцы і за яе сценамі. Эколага-краязнаўчаму напрамку дзейнасці былі прысвечаны Дзень сямейнага чытання «Усе мы з хат, усе мы з цішыні…», цыкл мерапрыемстваў «Не спазніся выратаваць свет», плэнэр «Прыгожае побач», пазнавальная гульня «Падарожжа па экалагічнай сцяжынцы», экалагічны дыспут «Зялёная спадчына, альбо Чорная няўдзячнасць».

На сённяшні дзень краязнаўчая дзейнасць Курынскай бібліятэкі не спыняецца: вядзецца работа ў рамках праектаў «Гісторыя і сучаснасць сем'яў, пражываючых у в. Курына», «Загадкавы свет батлейкі» з пастаноўкай п'есы «Цар Ірад», электронны праект «Курынскія маладагвардзейцы».

Такім чынам, краязнаўчая дзейнасць Курынскай сельскай бібліятэкі па рэалізацыі задач сацыяльна-культурнага выхавання, фарміраванні патрыятычных і грамадскіх каштоўнасцей асобы, далучэнні да мясцовых культурных традыцый, развіцці мастацкіх народных рамёстваў займае сваё месца ў выкананні агульнадзяржаўных задач рэгіёна, адказвае запатрабаванням сённяшняга дня і стварае падмурак для будучыні нашых нашчадкаў.

Корникова Н.В. *(г. Гомель)*

ПОСЕЩЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕГИОНАХ БЕЛАРУСИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ В НАЧАЛЕ XXI в.

На территории Беларуси насчитывается множество памятников историко-культурного и природного наследия, выступающих в качестве достопримечательностей, имеющих высокий туристический потенциал. Такие объекты, как Несвижский и Мирский замки, Государственный национальный парк «Беловежская пуща», мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», музей М. Шагала и Летний амфитеатр в Витебске, Гомельский дворцово-парковый ансамбль стали не только общепризнанными символами белорусских городов и регионов, но также важной составляющей частью культурного имиджа нашего государства. Ежегодно они привлекают множество посетителей как из-за рубежа, так и внутри страны. Знакомство с

крупнейшими достопримечательностями регионов Беларуси в значительной степени способствует познанию истории и культурных традиций нашей республики. Среди посетителей объектов историко-культурного и природного наследия как одну из крупных групп можно выделить интеллигенцию. В силу высокой степени приобщенности к вариативным формам общественного и культурного досуга интересным представляется охарактеризовать специфику, связанную с посещением представителями данной социопрофессиональной группы памятников истории, культуры, природы, а также достопримечательных мест в различных регионах Беларуси.

Изучение культурных традиций представителей различных слоев городского и сельского населения, в том числе основных форм и особенностей общественного и культурного досуга интеллигенции, проводилось исследователями как в советский период, так и на современном этапе. Можно отметить такие работы, как 6-й том «Грамадскія традыцыі» многотомного издания «Беларусы» [1], «Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі» [2] и пр. Некоторые публикации автора посвящены исследованию туристических поездок интеллигенции в страны дальнего зарубежья [3]. Однако стоит отметить, что тематика, связанная с посещением представителями интеллигенции Беларуси объектов отечественного историко-культурного и природного наследия, не является широко изученной.

Цель исследования – характеристика посещения памятников историко-культурного и природного наследия в регионах Республики Беларусь интеллигенцией в начале XXI в.

Источниками для написания работы послужили материалы полевого этнографического исследования, проведенного в городских населенных пунктах Гомельщины, поэтому изучение посещения объектов историко-культурного и природного наследия Беларуси интеллигенцией на современном этапе проводилось на примере представителей данной социопрофессиональной группы из Гомельского региона. Был опрошен 71 человек в возрасте от 22 до 76 лет, представляющий различные сферы занятости.

Результаты исследования показали, что посещение памятников истории, культуры и природы в различных регионах страны является одной из актуальных форм культурного досуга и реализации познавательной активности представителей интеллигенции в начале XXI в. и осуществляется как в результате самостоятельных путешествий по лично разработанному маршруту, так и благодаря выездам в составе организованных экскурсионных групп. Респонденты указывали, что поездки, связанные с посещением объектов историко-культурного и природного наследия Беларуси, могут различаться по длительности и в большинстве случаев предполагают программу осмотра достопримечательностей в течение от одного до нескольких дней.

Среди памятников историко-культурного наследия и достопримечательностей в регионах республики, посещенных в результате туристических и

целевых поездок проинтервьюированными представителями интеллигенции, были названы дворцово-парковые ансамбли, замковые комплексы, музеи различных профильных групп, мемориальные комплексы, культовые памятники, исторические части городов, объекты инфраструктуры, природные ландшафты, имеющие статус национальных парков и заповедников.

Можно отметить, что в результате реализации познавательной активности представителей интеллигенции, связанной с поездками в различные регионы Беларуси, происходит их знакомство как с памятниками, являющимися общепризнанными туристическими символами нашего края, так и с достопримечательностями, имеющими локальный масштаб. Кроме того, зачастую респонденты отмечали, что совмещали осмотр объектов историко-культурного наследия с культурным времяпрепровождением (например, посещением концертных программ в рамках фестивалей «Музыкальные вечера в Мирском замке» в г. п. Мир, «Рубон» в Полоцке, «Славянский базар в Витебске», спектаклей в театрах Минска и пр.).

Большинство опрошенных также отметили, что имели опыт знакомства с достопримечательностями, представляющими для них большой познавательный интерес, в одном или нескольких регионах Республики Беларусь.

Как свидетельствуют результаты опросов, множество популярных памятников истории, культуры и природы, посещенных проинтервьюированными представителями интеллигенции, находятся в Витебской области. В качестве примеров были названы культовые памятники, музейные учреждения, достопримечательности, связанные с развитием культуры, природные объекты, расположенные как в Витебске, так и в других городах региона. Респонденты отмечали, что ознакомились с такими памятниками областного центра, как архитектурный ансамбль Ратушной площади, Свято-Успенский кафедральный собор, Свято-Воскресенская церковь, Дом-музей и Арт-центр Марка Шагала, мемориальный комплекс в честь советских воинов-освободителей, партизан и подпольщиков Витебщины, Летний амфитеатр, памятник М. Шагалу и др. Также привлекательными для гостей оказались Софийский собор в Полоцке, Свято-Ефросиньевский монастырь, памятник Ефросинии Полоцкой, памятник букве «Ў», Полоцкий музей белорусского книгопечатания, оршанские этнографический музей «Мельница» и музей В.С. Короткевича, музей-усадьба И.Е. Репина «Здравнёво» в Витебском районе, дворец Тизенгауза и парк в Поставах и т. п. К примеру, бывший начальник отдела связи предприятия «Гомельдрев», 1957 г. р., отметила: «Я познакомилась с Витебском, когда гостила у своих родственников, проживающих там. Для меня это город с древней историей и богатой культурой. Я, конечно, посетила его известнейшие достопримечательности – Ратушу, музей М. Шагала, Свято-Успенский собор, городскую набережную. Отдельно мне запомнились памятники и скульптурные композиции на улицах Витебска, которые придают городу неповторимый облик. Интересно также было посетить и увидеть

своими глазами знаменитый амфитеатр, где проходит фестиваль “Славянский базар в Витебске”, который я неоднократно видела по телевидению». Заметный интерес опрошенная интеллигенция проявляла и к природным объектам области: респонденты рассказывали о посещении Национального парка «Браславские озера» и Государственного природоохранного учреждения «Березинский биосферный заповедник».

Большое количество объектов историко-культурного наследия опрошенные также посетили в приграничных с Витебщиной регионах. Так, респонденты назвали такие достопримечательности Гродненщины, как Старый и Новый замки, Кафедральный костел Святого Франциска Ксаверия, Свято-Борисо-Глебская Коложская церковь, Аптека-музей, архитектурный ансамбль Советской площади в Гродно, Мирский и Лидский замки, музей-усадьба М.К. Огинского в Залесье, музей-усадьба Ф. Богушевича «Кушляны». В Могилевской области среди посещенных объектов культурного наследия опрошенные представители интеллигенции назвали Ратушу, Собор Трех Святителей, Кафедральный собор Святого Станислава, Областной краеведческий музей им. Е.Р. Романова, мемориальный комплекс «Буйничское поле», «Белорусскую этнографическую деревню XIX века» в д. Буйничи, Бобруйскую крепость.

На территории Брестчины опрошенные представители интеллигенции посетили Государственный национальный парк «Беловежская пуща», мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», музей «Спасенные художественные ценности», Свято-Николаевский собор, археологический музей «Берестье», музей «Каменецкая башня», дворец Пусловских в Коссово, дворец Бутримовича в Пинске и пр. Завуч средней образовательной школы № 7 Жлобина, 1985 г. р., отметила: «Я совершала экскурсионную поездку в Брест вместе с учениками. Мы, конечно же, посетили мемориальный комплекс “Брестская крепость-герой”, Беловежскую пущу, музей “Берестье”. Считаю, что эти достопримечательности смело можно назвать визитными карточками Беларуси».

Опрошенные также рассказали о знакомстве со многими историко-культурными и природными памятниками Гомельщины. Как наиболее популярные были отмечены Гомельский дворцово-парковый ансамбль, Гомельский областной музей военной славы и музей криминалистики, музей истории г. Гомеля, усадьба Козел-Поклевских и Мемориал детям – жертвам Великой Отечественной войны в д. Красный Берег, Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций им. Ф.Г. Шклярова, Свято-Рождество-Богородичный Юровичский мужской монастырь, городище X–XIII вв. и каменные кресты на Борисоглебском кладбище в Турове, Национальный парк «Припятский», Кафедральный собор Михаила Архангела и Замковая гора в Мозыре. Так, инженер предприятия «Гомельэнерго», 1958 г. р., рассказала: «Мне очень запомнилась поездка в г. Туров. Во время четырех экскурсий я увиде-

ла “растущие из-под земли кресты” на Борисоглебском кладбище, раскопки на Замковой горе с фундаментом церкви XI–XII вв. и памятником Кириллу Туровскому, церковь Всех Святых, а также Музей природы. Отдельно могу отметить посещение Национального парка “Припятский”, где поучаствовала в настоящем сафари. В открытых вагончиках мы перемещались по парку, слушая экскурсовода. Хоть я и не любитель зоопарков, но такая идея мне очень нравится. И в целом просто интересно посмотреть на живых кабанов, оленей, лосей, косуль!».

Популярным направлением, по которому осуществляются поездки интеллигенции с целью знакомства с историко-культурными наследием, является также Минский регион. О турах к памятникам истории и культуры на территории Минска и Минской области рассказало подавляющее большинство респондентов. В сердце Беларуси предпочтение отдается костелу Святого Симеона и Святой Елены, Национальному академическому Большому театру оперы и балета, Государственному музею истории Великой Отечественной войны и парку Победы, мемориалу «Остров слез», Национальной библиотеке Беларуси, Национальному художественному музею Республики Беларусь, Центральному ботаническому саду Национальной академии наук Беларуси, Дворцово-парковому ансамблю в Несвиже, Государственному мемориальному комплексу «Хатынь», историко-культурному комплексу «Линия Сталина», Белорусскому государственному музею народной архитектуры и быта в д. Озерцо, музею старинных народных ремесел и технологий «Дудутки», Национальному парку «Нарочанский» и др. Например, юрист из Речицы, 1978 г. р., высказал мнение: «Я часто бываю в Минске и знаком с многими достопримечательностями города. Посещал также знаменитый Несвижский замок. Но настоящим открытием для меня стал Музей народной архитектуры и быта в д. Озерцо. Оказалось, что это интереснейший музей под открытым небом, который “вживую” рассказывает о культуре и традициях белорусского народа».

Таким образом, посещение памятников историко-культурного и природного наследия в различных регионах страны на современном этапе представляет одну из важных форм культурного досуга интеллигенции. Результаты исследования свидетельствуют, что представители данной социальной группы знакомы с тематически разнообразными памятниками истории и культуры, расположенными в различных областях Республики Беларусь. Подобный опыт в значительной степени способствует развитию интереса к отечественной истории, традициям и культуре белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Беларусы** : у 12 т. / рэдкал.: В. М. Бялявіна (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1994–2009. – Т. 6 : Грамадскія традыцыі / В. А. Бялявіна [і інш.]. – 2002. – 606 с.

2. **Грамадскі** быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / рэд. В. К. Бандарчык. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 248 с. : іл.

3. **Корникова, Н. В.** Посещение памятников истории и культуры в странах Европы интеллигенцией Гомельщины в начале 21 в. / Н. В. Корникова // Европа : актуальные проблемы этнокультуры : материалы VII Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 21 янв. 2013 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол. : В. В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГПТК полиграфии, 2014. – С. 216–218.

Кузьмина А.С. *(г. Брест)*

«БЕРЕСТЕЙСКИЕ КНИГОСБОРЫ» КАК ПРИМЕР РЕГИОНАЛЬНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ПРОЕКТА

Идея уникального для Беларуси краеведческого проекта Брестской областной библиотеки им. М. Горького «Берасцейскія кнігазборы: праблемы і перспектывы даследавання» родилась из осмысления проблем возрождения духовного наследия, составной частью которого является и книжная культура региона.

Вопросы реституции культурных ценностей находятся в компетенции руководителей государств и правительств. Для нас же первоочередной задачей является получение информации о том, в фондах каких библиотек, архивов, музеев Беларуси и зарубежных стран находятся оригиналы документов, имеющие отношение к историческому наследию Брестчины. Вторая важная задача – возвращение этих культурных ценностей на историческую родину в виртуальном, оцифрованном виде.

Основные направления научных исследований и практической библиографической деятельности включают:

– поиск и описание берестейских изданий;

– учет всех сохранившихся экземпляров брестских типографий XVI в. и пинской типографии XVIII в.;

– реконструкцию репертуара типографий Брестчины XIX–XX вв.;

– историческую реконструкцию старосветских библиотек Брестчины (частных, церковных, монастырских, государственных, общественных);

– изучение «биографики» – судеб книгописцев, печатников, владельцев книг.

В рамках проекта состоялись уже три конференции (2008, 2012, 2015 гг.), один круглый стол (2013 г. – «Брэсцкая Біблія – унікальны помнік культуры XVI стагоддзя: да 450-годдзя выдання»).

Участниками мероприятий становились ведущие ученые, специалисты-книговеды и историки из разных стран: Беларуси, России, Украины, Литвы,

Латвии, Польши, Казахстана. В работе конференций принимали участие сотрудники Национальных Академий Наук Литвы, России, Беларуси; Национальных библиотек Латвии, Украины, России, Казахстана, Беларуси; Государственного исторического музея (Москва), ведущих национальных университетов (в том числе МГУ), Музея истории книги и печати (Острог, Украина), Российской государственной библиотеки, Ягеллонского университета и Центра Исследований Польской библиографии Эстрейхеров (Краков), Президентской библиотеки Республики Беларусь и др.

В рамках научно-практических конференций состоялись презентации четырех книг: «Из прошлого в будущее. Библиотеки Беларуси» (ч. 1) Р.С. Мотульского, «Гісторыя беларускай кнігі» (т. 2) Н.В. Николаева, «Kościoly i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa brzeskolitewskiego» (под редакцией Яна Островского), которую представил доктор Мартин Зглиньски и «Святар у беларускім соцыуме: прасапаграфія ўніяцкага духавенства 1596–1839 гг.» Д. Лисейчикова.

По итогам трех проведенных конференций и международного круглого стола изданы сборники материалов и докладов, включающие порядка 150 статей. Статьи напечатаны на белорусском, украинском, польском и русском языках. Для удобства тех читателей, кто не владеет польским языком, рядом со статьей размещается сокращенный перевод на белорусском языке. Как известно, индекс цитирования является наилучшей отметкой опубликованных материалов. Отслеживая информацию «берестьеведческой» тематики в других изданиях, мы отмечаем многочисленные ссылки и цитирование из статей наших сборников. Значит, наша тема актуальна и востребована.

Вся информация, полученная в ходе выступлений и обсуждений на конференциях, старательно анализировалась и формировалась в ряд проектов областной библиотеки.

«Брэсцкая Біблія – унікальны помнік культуры XVI ст.»

Проект родился в ходе одноименного круглого стола, который прошел в мае 2013 г. и был посвящен 450-летию одной из самых знаменитых книг Средневековья. Как известно, «Брестская» или «Радзивилловская» Библия была напечатана в Берестье в 1563 г. «за счет Несвижского князя, виленского воеводы, маршалка и канцлера Великого Княжества Литовского Николая Радзивилла».

Партнером Брестской областной библиотеки стал Центр исследований польской библиографии Эстрейхеров Ягеллонского университета (г. Краков, Польша). Проведение оригинальных исследований позволило найти экземпляры Брестской Библии в книгохранилищах России, Великобритании, Польши, Франции, США, Украины, Литвы и Швеции.

В 2015 г. по итогам работы был издан сборник «Брэсцкая Біблія – унікальны

помнік культуры XVI стагоддзя: новыя даследаванні і матэрыялы». Издание включает новаторские статьи руководителя Центра исследований польской библиографии Эстрейхеров Вацлава Валецкого и сотрудника Центра Станислава Сиесс-Кшишковского, которые рассматривают Брестскую Библию как европейский PR-проект Николая Радзивилла Черного и впервые обобщают данные о современном существовании и распространении типографских вариантов Брестской Библии в крупнейших мировых книгохранилищах, а также библиографический указатель материалов о Брестской Библии на 14 языках с использованием кириллической и латинской графики.

С помощью коллег из Центра Эстрейхеров сборник поступил в крупнейшие библиотеки, музеи, архивы Польши, Литвы, Украины, России.

Вершиной этого проекта можно назвать приобретение фрагмента Брестской (Радзивилловской) Библии, представляющий собой части книги (с. 83, 85–91, 121–134, 481–512, 514–527) во владельческом переплете предположительно XVIII в. Подлинность фрагмента подтверждена квалифицированными экспертами: сотрудником отдела редкой книги Национальной библиотеки Беларуси Т. Рощиной, заведующим отделом редкой книги Центральной научной библиотеки им. Я. Коласа А. Стефановичем, заведующим отделом редкой книги Российской национальной библиотеки Н. Николаевым, руководителем Центра исследований польской библиографии Эстрейхеров Ягеллонского университета В. Валецким. Нужно отметить, что в публичных, музейных, семинарских, монастырских библиотеках Европы и Америки находится свыше 130 экземпляров Брестской библии, из которых одна треть – экземпляры полные или с небольшими потерями. Неизвестное количество книг находится в частных коллекциях. В Беларуси неполный экземпляр Брестской Библии имеет только Центральная научная библиотека им. Я. Коласа НАН Беларуси, и теперь – Брестская областная библиотека им. М. Горького.

«Кніжныя зборы роду Сапегаў»

Проект осуществлялся в 2011 г. под эгидой ЮНЕСКО совместно с Национальной библиотекой Беларуси и Российской национальной библиотекой (Санкт-Петербург). Основная его цель – реконструкция книжного собрания знаменитого белорусского рода политиков, дипломатов и экономистов Сапег, которое собиралось несколькими поколениями этой семьи в Ружанах (территория современной Брестской области), Кодени (территория Республики Польша) и Деречине (территория Гродненской области). Как результат – создание электронного ресурса, который включает оцифрованную часть коденьской книжной коллекции Сапег, находящейся сегодня в Российской национальной библиотеке, материалы по генеалогии и библиографию по истории рода Сапег и их библиотек.

«Віртуальная рэканструкцыя спадчыны Ю.І. Крашэўскага»

Международный проект, осуществленный в 2012–2014 гг., был также поддержан ЮНЕСКО и посвящен Юзефу Игнацию Крашевскому – одному из уникальных творцов XIX в., писателю, историку, художнику, редактору, издателю, академику Краковской академии наук, которому в 2012 г. исполнилось 200 лет. Жизненный и творческий путь Крашевского связан с Беларусью, Украиной и Польшей.

Инициатива Брестской областной библиотеки была поддержана профессиональными партнерами: Национальной библиотекой Беларуси, Бяла-Подлясской городской публичной библиотекой, Музеем-усадьбой Ю.И. Крашевского в Романове (Польша), Ровенской областной универсальной научной библиотекой (Украина).

Созданный электронный ресурс представляет собой комплект из двух DVD-дисков (содержит 8 Гб информации) с интерфейсом на четырех языках: белорусском, польском, русском и украинском. На дисках представлены научная монография об Ю.И. Крашевском, хроника его жизни и творчества, обширный библиографический материал, электронная коллекция изобразительных, музыкальных и литературных произведений автора.

Проект положил основу для дальнейшего приграничного сотрудничества библиотек и музеев Беларуси и Польши в области использования информационных технологий, а также формирования туристичексих маршрутов Прибужского региона.

Проект «Віртуальная бібліятэка»

С 2011 г. библиотека приступила к созданию электронной базы данных «Краязнаўства Берасцейшчыны» (www.kb.brl.by), которая в итоге стала частью сайта Брестской областной библиотеки (www.brl.by). Электронный продукт представляет собой систему баз данных:

– «Кнігі “Памяць”» – уникальная, единственная в стране ЭБД, включает все районные и городские книги «Память» по Брестской области в оцифрованном виде. Пользователи имеют возможность осуществлять поиск сведений по именным и географическим признакам;

– «Спадчына» – объединяет развернутую информацию о знаменитых людях, событиях, значительных датах Брестчины. Содержит порядка 500 статей с библиографическими списками;

– «Брэсцкі мір» – полнотекстовая база данных объединяет документы, книги, статьи, фотографии, карты из фонда Брестской областной библиотеки, библиотек и музеев Беларуси, России и Украины. В планах библиотеки – разработка и создание ЭБД «Брэсцкая Біблія», «Брэсцкая унія» і «Брэсцкая крэпасць».

В заключении можно сказать, что региональные книговедческие исследования способствовали изучению особенностей историко-культурного на-

следия Брестчины, ретроспективы создания, бытования, распространения и сохранения книжного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Берасцейскія** кнігазборы : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. «Берасцейскія кнігазборы: праблемы і перспектывы даследавання», Брэст, 30–31 кастр. 2008 г. / Брэсцкі аблвыканкам, Абласная б-ка імя М. Горкага ; [склад.: А. М. Мяснянкіна, Т. С. Кавенька ; пад агул. рэд. М. В. Нікалаева]. – Брэст : Паліграфіка, 2010. – 463 с.

2. **Берасцейскія** кнігазборы: праблемы і перспектывы даследавання : матэрыялы і даклады II Міжнар. навук.-практ. канф., Брэст, 31 мая – 3 чэрв. 2013 г. / Брэсцкі абл. выканаўчы камітэт, Брэсцкая абл. б-ка імя М. Горкага, Брэсцкі дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна ; [склад.: А. М. Мяснянкіна, Т. С. Кавенька] ; пад агул. рэд. М. В. Нікалаева. – Брэст : [БрДУ], 2013. – 464 с.

3. **Берасцейскія** кнігазборы: праблемы і перспектывы даследавання : матэрыялы і даклады III Міжнар. навук.-практ. канф., Брэст, 22–25 верас. 2015 г. / Брэсцкі абл. выканаўчы камітэт, Брэсцкая абл. б-ка імя М. Горкага ; [склад.: А. М. Мяснянкіна] ; пад агул. рэд. М. В. Нікалаева. – Мінск : [БудМедыяПраект], 2016. –440 с. : іл.

4. **Берасцейскія** кнігазборы. Брэсцкая Біблія – унікальны помнік культуры XVI стагоддзя : да 450-годдзя выдання : матэрыялы і даклады Міжнар. круглага стала, Брэст, 29–31 мая 2013 г. / Брэсцкі абл. выканаўчы камітэт, Брэсцкая абл. б-ка імя М. Горкага, Брэсцкі дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна ; [склад.: А. М. Мяснянкіна, Т. С. Кавенька] ; пад агул. рэд. М. В. Нікалаева. – Брэст : [БрДУ], 2014. – 247 с.

5. **Брэсцкая** Біблія – унікальны помнік культуры XVI стагоддзя : новыя даследаванні і матэрыялы = Biblia Brzeska – unikatowy zabytek kultury XVI wieku : nowe badania i materiały / Брэсцкі абл. выканаўчы камітэт, Брэсцкая абл. б-ка імя М. Горкага ; [склад. А. М. Мяснянкіна ; пад агул. рэд. В. Валецкага]. – Мінск : Паліграфкамбінат імя Я. Коласа, 2015. – 272 с.

6. **Книжное** собрание рода Сапег [Электронный ресурс] / Нац. б-ка Беларуси, Рос. нац. б-ка ; сост.: Л. Г. Кирюхина, К. В. Суша ; под науч. ред. Н. В. Николаева, Т. И. Рощиной. – Минск : Нац. б-ка Беларуси, 2011. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

7. **Мяснянкина, А. М.** Брестская Библия – уникальный памятник культуры XVI века / А. М. Мяснянкина // Бібліяпанарама. – Брэст, 2013. – Вып. 17. – С. 20–21.

8. **Мяснянкіна, А. М.** Кнігі і кніжнасць Берасцейшчыны / А. М. Мяснянкіна. – Брэст, 2016. – 17 с. – Машынапіс. экз.

9. **Мяснянкина, А. М.** Наследие Ю. И. Крашевского как школа корпоративного взаимодействия. Брестская областная библиотека им. М. Горького в сотрудничестве с библиотеками, архивами, музеями Польши и Украины / А. М. Мяснянкина // Бібліяпанарама. – Брэст, 2014. – Вып. 18. – С. 68–72.

10. **Мяснянкина, А. М.** Собрать «унесенное ветром» … / А. М. Мяснянкина // Бібліяпанарама. – Брэст, 2008. – Вып. 13. – С. 31–34.

11. **Юзаф** Ігнацый Крашэўскі (1812–1887) [Электронны рэсурс] / Брэсцкая абл. б-ка імя М. Горкага [і інш.] ; склад. : Л. В. Гарбачова, А. М. Мяснянкіна ; пад навук. рэд. Т. В. Кузьмініч. – Мінск : Нац. б-ка Беларусі, 2013. – 2 электрон. апт. дыскі (CD-ROM).

Ладожина Т.Н., Царегородцева М.Л. *(г. Смоленск, Россия)*

ПЕРСОНАЛИИ СМОЛЕНСКО-ВИТЕБСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ СМОЛЕНЩИНЫ

Для Смоленского региона, расположенного на стыке границ Российской Федерации и Республики Беларусь, как и для других приграничных территорий, характерна сложная полиэтническая среда, в которой происходят процессы взаимообогащения культур. Интеграционные проблемы изучаются в работах профессоров Смоленского государственного университета (СмолГУ) А.П. Катровского [3], И.А. Королевой [4], А.Ф. Гавриленкова [1] и других смоленских ученых [5].

Изучение персоналий, связывающих своей деятельностью смоленскую и белорусскую земли, – это одна из составляющих такой интеграции. Этот вопрос впервые был рассмотрен в работах смолян Т.Н. Жаровой (Ладожиной), М.В. Иванова, Л.Л. Степченкова, опубликованных в России и Беларуси [2]. Работа по данной теме ведется также белорусским ученым В.Г. Хомяковым [6].

С началом реализации в 2015 г. на базе библиотеки СмолГУ проекта «Белорусские смоляне, смоленские белорусы» появилось больше возможностей совместной деятельности для исследователей обоих государств по выявлению персоналий, составлению библиографического справочника на русском и белорусском языках, формированию корпоративной реферативно-полнотекстовой базы данных. Проект, суть которого заключается в разделении поиска информации по источникам двух государств, направлен на развитие интеграционных процессов, укрепление российско-белорусских связей.

В ходе партнерской работы библиотеки СмолГУ и Витебской областной библиотеки им. В.И. Ленина выявлено более 200 персоналий смоленско-витебского приграничья. Приведем лишь 19 кратких биографических справок, составленных на основе смоленских источников. В числе деятелей – представители разных профессий.

Агнистиков Алексей Никифорович (1909–1975) – военный деятель, уроженец д. Ляховик (ныне Лиозненский р-н Витебской обл.). Учился в Объединенной школе им. Всероссийского центрального исполнительного комитета (ныне Московское высшее военное командное училище), на химических курсах усовершенствования командного состава. Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Полковник в запасе (с 1960 г.). Жил в Смоленске. Награжден орденом Отечественной войны 1 степени (1943), двумя орденами Отечественной войны 2 степени (1944, 1945), многими медалями. Похоронен в Смоленске.

Анисимова Таисия Венедиктовна – радиотележурналист, краевед. Родилась в Лиозно Витебской обл. в 1933 г. Закончила отделение журналистики филологического факультета Белорусского государственного университета (1956). Главный редактор радио ГТРК «Смоленск» (1976), участник Глинковских фестивалей, начиная с первого (1958). Заслуженный работник культуры РФ (1978).

Белецкий Василий Георгиевич (1902–1973) – врач-эпидемиолог, уроженец д. Лазуки (ныне Шумилинский р-н Витебской обл.). Окончил Московский государственный университет (1925). Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Заведующий кафедрой общей гигиены Смоленского государственного мединститута (1946–1973). Член правления Всероссийского научного общества гигиенистов и санитарных врачей в течение двух созывов. Автор свыше 70 научных публикаций, в том числе 2 монографий. Похоронен в Смоленске.

Большакова Мария Николаевна (1911–1996) – животновод, уроженка д. Смольяны Оршанского р-на Витебской обл. С 1919 г. жила в д. Теренино Ельнинского р-на Смоленской обл. Заведовала молочно-товарной фермой совхоза «Первомайский» в Руднянском р-не (1934–1938), была бригадиром свиноводческой фермы совхоза «Кайдаковский» Вяземского р-на Смоленской обл. (1947–1979). Герой Социалистического труда (1966). Награждена орденами Ленина, Трудового Красного Знамени (1971), медалями. Похоронена в д. Кайдаково Вяземского р-на Смоленской обл.

Будников Петр Андреевич (около 1848–1913) – купец, общественный деятель, меценат, выходец из мещан Витебской губернии. Владелец кафельно-изразцового завода в Смоленске.

Волгин (Рябчиков) Федор Матвеевич (1888–1971, по другим данным 1972) – заслуженный артист РСФСР (1933), уроженец г. Невеля Витебской губ. Начал трудовую деятельность наборщиком в типографии отца. Работал в труппе Показательного театра Политуправления Западного фронта (1919–1921), в театрах Смоленска, Перми, Костромы, Ульяновска, Астрахани (1921–1928). Актер Смоленского областного драматического театра (1928–1965).

Гавриленкова Евгения Павловна – музейный деятель, педагог, родилась в с. Высочаны Лиозненского р-на Витебской обл. в 1929 г. Окончила Смоленский пединститут (1953). Преподавала в средней школе в г. Духовщина (1954–1957), пос. Слобода (ныне Пржевальское) Демидовского р-на Смоленской обл. (1957–1977). Организатор (1968) и руководитель (1970) Пржевальского краеведческого музея. Вместе с супругом В.М. Гавриленковым была инициатором создания Дома-музея Н.М. Пржевальского в пос. Пржевальское, потом – его директором (1977–2011). Заслуженный работник культуры РФ (1997), почетный гражданин Демидовского района (2009).

Жиркевич Александр Владимирович (1857–1927) – юрист, писатель, уроженец г. Люцина Витебской губ. Окончил Виленское пехотное юнкерское училище (1880), Санкт-Петербургскую военно-юридическую академию (1885–1888). Военный следователь в Смоленске в 1903–1908 гг. Почетный член Смоленской ГУАК (с 1908 г.).

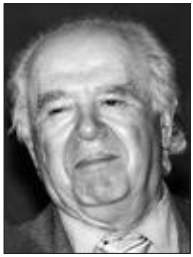
Зысманов Михаил Гаврилович (1937–2012) – административно-хозяйственный деятель, уроженец пос. Аниболево Оршанского р-на Витебской обл. Окончил Московский институт инженерного хозяйства (1959). Глава администрации (мэр) Смоленска (1991–1997). Работал инженером, главным конструктором в организации «Смолпроект», директором института «Смоленсксельхозпроект» и проектно-конструкторского управления Смоленского проектно-строительного объединения крупнопанельного домостроения. Похоронен в Смоленске.

Камельчик Михаил Степанович (1921–2006) – военный деятель, педагог, уроженец д. Бушмин Толочинского р-на Витебской обл. Окончил Оршанский железнодорожный техникум (1939), Одесскую авиационную школу пилотов (1941), Краснодарскую высшую офицерскую школу штурманов (1953), Смоленский государственный пединститут (1967). Участник Великой Отечественной войны с 1941 г. Подполковник запаса с 1958 г. Преподаватель Смоленского государственного медицинского института с 1970 г. Герой Советского Союза (1946), заслуженный работник культуры РФ (1983). Награжден несколькими орденами и медалями. Почетный гражданин Познани и Лодзинского воеводства (Польша). Похоронен в Смоленске.

Комешко Кирилл Константинович (1903–1973) – акушер-гинеколог, педагог, уроженец г. Копысь (ныне г.п. Копысь) Оршанского р-на Витебской обл. Окончил медицинский факультет Смоленского государственного университета (1928). В годы Великой Отечественной войны – старший ординатор, начальник хирургического отдела, начальник эвакогоспиталя. После демобилизации (1946–1948) работал доцентом в Северо-Осетинском мединституте, доцентом (1948–1960), заведующим (1960–1973) на кафедре акушерства и гинекологии Смоленского медицинского института. Автор более 70 научных работ. Кандидат (1941), доктор медицинских наук (1966), профессор. Заслуженный врач РСФСР. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Похоронен в Смоленске.

Комиссаров Александр Николаевич (1930–2006) – педагог, уроженец с. Веретея Дубровенского р-на Витебской обл. Окончил Черновицкий государственный университет (1954), аспирантуру Московского областного пединститута им. Н.К. Крупской (1964–1967). Работал директором школ Смоленской обл.: средней школы в г. Демидове (1954–1955), Ново-Яковлевичской неполной средней школы в Глинковском р-не (1958), инспектором школ Смоленского р-на (1958–1962). С 1962 г. в Смоленском пединституте: ассистент кафедры марксизма-ленинизма (1962–1964), старший преподаватель кафедры истории КПСС (1967–1973), доцент (1972–1996). Кандидат исторических наук (1968). Награжден знаком «Отличник народного просвещения РСФСР» (1980).

Кореневский Сергей Александрович – педагог. Родился в 1948 г. в д. Заболотье Толочинского р-на Витебской обл. Окончил Смоленский государственный институт физической культуры (1974). Прошел путь от старшего преподавателя до ректора Смоленского государственного института физической культуры. Автор около 80 научных публикаций. Кандидат педагогических наук (1982), профессор (1993). Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Заслуженный работник физической культуры РФ.



Меркин Геннадий Самуйлович – педагог. Родился в 1940 г. в Витебске. Окончил Могилевский пединститут (1962), аспирантуру Смоленского государственного пед-

института (1965). В 1962–1981 гг. работал в г. Вязьме Смоленской обл.: завучем в школе рабочей молодежи, заведующим методическим кабинетом гороно, учителем СШ № 6, директором СШ № 5. Доцент (1981–1995), заведующий кафедрой литературы и методики ее преподавания СГПИ (1999–2009). Кандидат филологических наук (1979), доктор педагогических наук (1996), профессор (1998). Заслуженный учитель РФ (2000). Автор свыше 450 научных статей, более 20 книг.

Новиков Кирилл Иванович (1913–1994) – деятель в области народного хозяйства, уроженец д. Литвиново Дубровенского р-на Витебской обл. Окончил Вяземский сельскохозтехникум (1933). Работал директором Мишинской машинно-тракторной станции в Гжатском (ныне Гагаринском) р-не Смоленской обл. Во время Великой Отечественной войны возглавлял комсомольско-молодежный партизанский отряд «Победа» (1942), действовавший на территории Смоленщины и Беларуси, позже вошедший в состав партизанского отряда «Тринадцать». В послевоенные годы находился на партийной и хозяйственной работе. Награжден несколькими орденами и медалями. Похоронен в Смоленске.

Панисяк Викентий Иосифович (1897–1978) – педагог, уроженец г. Орши Витебской губ. Окончил Смоленский государственный университет (1925), в котором работал ассистентом кафедры биохимии (1925–1934). В Смоленском государственном мединституте заведовал кафедрой биохимии (1934–1938, 1944–1964). В 1938–1944 гг. – заведующий кафедрой биохимии Туркменского госмединститута. Автор более 70 научных работ, доктор медицинских наук, профессор. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Похоронен в Смоленске.

Петрачкова Валентина Тимофеевна – лауреат Государственной премии БССР (1984), заслуженная артистка БССР (1984). Родилась в 1939 г. в г. Рудня Смоленской обл. Окончила студию Белорусского театра им. Я. Коласа в Витебске (1958). Актриса Национального академического драматического театра им. Я. Коласа (с 1958 г.). Принимала участие в киносъемках на студии «Беларусьфильм». Роли в кино: «Полесская хроника» (1981–1982), «Тревоги первых птиц» (1985), «Знак беды» (1986), «Плач перепёлки» (1990), «Белые одежды» (Беларусь, Россия, 1992), «В августе 44-го» (Беларусь, Россия, 2001) и др.

Шейдлина Сарра Израилевна (1898–1937) – журналист, партийный деятель, уроженка г. Двинска Витебской губ. Обучилась на Московских высших женских курсах (1916–1917), историко-партийном отделении Института красной профессуры (1928–1931). Создатель Витебской организации большевиков (1917). Работала военным комиссаром санчасти, редактором армейской газеты «Луч Правды» и закордонной газеты политотдела Южного фронта (1919–1921), редактором газеты «Заря Запада» в Витебске (1921–1923). Была инструктором отдела печати ЦК ВКП(б), заместителем редактора журнала «Красная печать» (1923–1927). Печаталась в газетах «Правда», «Коммунистическая революция», «Известия ЦК», «Коммунистка». Преподавала в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. Сталина. В Смоленске работала заместителем редактора газеты «Рабочий путь» (1932), ответственного секретаря газеты (1932–1936). Репрессирована в 1937 г., реабилитирована в 1956 г.

Перечисленные персоналии – это лишь несколько примеров, выявленных одной из библиотек-партнеров по местным источникам. Результаты совместного проекта помогут более глубоко осмыслить историю приграничных территорий, особенно влияние персонологического фактора на их развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гавриленков, А. Ф.** Трансформация религиозного сознания : на материалах Смоленского края в X – начале XXI в. / А. Ф. Гавриленков. – Смоленск : Смядынь, 2007. – 343 с.

2. **Жарова, Т. Н.** Исторический аспект диалога культур в приграничных регионах : к вопросу создания корпоративных информационных ресурсов Смоленщины и Беларуси / Т. Н. Жарова, М. В. Иванов, Л. Л. Степченков // Бібліятэчнае краязнаўства : прастора вялікіх магчымасцей і перспектыў : зб. навук. арт. / Нац. б-ка Беларусі ; склад. Т. В. Кузьмініч. – Мінск, 2013. – С. 165–171 ; **Ладожина (Жарова), Т. Н.** Белорусские смоляне, смоленские белорусы : к вопросу изучения межкультурных связей в приграничных регионах / Т. Н. Ладожина (Жарова), Л. Л. Степченков // Материалы II Международного конгресса «Библиотека как феномен культуры» (Минск, 22–23 окт. 2014 г.) / Нац. б-ка Беларуси ; сост. А. А. Суша ; науч. ред. Р. С. Мотульский. – 2-е изд., перераб. – Минск, 2014. – С. 223–231 ; **Ладожина, Т. Н.** Белорусские смоляне, смоленские белорусы : из истории межкультурных взаимодействий на смоленской земле в начале XX века / Т. Н. Ладожина, Л. Л. Степченков // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2015. – № 1. – С. 46–50.

3. **Катровский, А. П.** Граница пока не разделила людей / А. П. Катровский // Российская Федерация сегодня. – 2005. – № 23. – С. 57–59 ; **Катровский, А. П.** Приграничное положение как фактор развития малых городов Смоленской области / А. П. Катровский // Малые города Смоленской области : сб. материалов конф. / Смол. гуманитар. ун-т ; под ред. А. П. Катровского. – 2006. – С. 11–17.

4. **Королева, И. А.** Русско-белорусское приграничье : межкультурная коммуникация и ее роль в организации межнациональных отношений / И. А. Королева // Теория и практика интеграционных процессов в региональном развитии : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / Рос. ун-т кооперации, Смолен. филиал ; Белорус. торг.-экон. ун-т потреб. кооперации. – Смоленск, 2016. – С. 85–89.

5. **Российско-белорусское** приграничье : двадцать лет перемен / В. В. Гриценко [и др.]. – Смоленск, 2012. – 289 с.

6. **Хомяков, В.** Государственные и политические деятели Беларуси – уроженцы Смоленщины / В. Хомяков // Край Смоленский. – 2015. – № 1. – С. 37–38.

Лапотка К.А. *(г. Мінск)*

ПРАЕКТНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ ЯК СРОДАК ЗАХАВАННЯ І ПАПУЛЯРЫЗАЦЫІ КНІЖНАЙ СПАДЧЫНЫ

Асаблівасцю сучаснага стану развіцця культуры (як і грамадства ўвогуле) з'яўляецца дынаміка працэсаў, якая бесперапынна павялічваецца. Высокая хуткасць працэсаў, якія адбываюцца, прад'яўляе новыя патрабаванні да суб'ектаў культуры і механізмаў ажыццяўлення дзейнасці як прафесійнай, так і паўсядзённай. У сувязі з гэтым шырокае распаўсюджванне атрымлівае такі механізм, як праектная дзейнасць, што ўжо даўно ўвайшоў у практыку спецыялістаў розных сфер дзейнасці. Першапачаткова гэта былі распрацоўкі праектаў розных аб'ектаў, збудаванняў і тэхнічных прыстасаванняў. Прадуктам, вынікам, праектнай дзейнасці з'яўляецца праект.

Праектнае кіраванне стала адным са значных кірункаў, які сфарміраваўся ў менеджменце XX ст. і выкарыстоўваецца да гэтага часу ў розных мадыфікацыях. Праектнае кіраванне прымяняецца і ў культуры. Існуе шэраг падыходаў да вызначэння паняцця «праект».

У «Кодэксе ведаў аб кіраванні праектамі» праект вызначаецца як некаторая задача з пэўнымі зыходнымі данымі і вынікамі (мэтамі), што патрабуюцца, і абумоўліваюць спосаб яе вырашэння. Праект уключае ў сябе задуму (праблему), сродкі рэалізацыі (рашэнне праблемы) і вынікі, якія планіруецца атрымаць у працэсе рэалізацыі [1].

Пад праектнай дзейнасцю ў сферы культуры разумеецца арганізацыйна-кіраўніцкая актыўнасць суб'ектаў культуры, накіраваная на распрацоўку комплексу мерапрыемстваў, якія спрыяюць эфектыўнаму вырашэнню актуальных праблем культуры ва ўмовах пэўных часовых рамак [2]. Праектная дзейнасць з'яўляецца спецыфічнай формай рэгулявання культурных працэсаў, а таксама спосабам арганізацыі, выяўлення і павелічэння рэсурс-

нага патэнцыялу сферы культуры, сродкам узаемадзеяння з органамі ўлады, грамадскасцю і партнёрамі.

У апошнія гады праектная дзейнасць становіцца адметнай рысай арганізацыі работы ў навуцы, адукацыі, культуры і іншых абласцях дзейнасці, у якіх існуе пастаянная патрэба ў інавацыях, ініцыятыве, уменні прыцягваць дадатковыя рэсурсы і прымаць кіраўніцкія рашэнні. Менавіта гэтыя якасці становяцца паказчыкамі ўстойлівасці і развіцця сферы культуры. У праектную дзейнасць уключаюцца ўсе ўстановы культуры. Актыўна асвойваюць яе механізмы і бібліятэкі. Яны могуць выступаць у якасці пляцоўкі для ажыццяўлення праекта і быць ініцыятарамі сваіх праектаў.

Рэалізацыя праектаў спрыяе прыцягненню ўвагі не толькі шырокай аўдыторыі, але і органаў улады, розных аб'яднанняў, прадпрымальніцкіх структур да кніжнай культуры і кніжнай спадчыны, да пытанняў захавання, рэтрансляцыі і папулярызацыі кніжнай спадчыны. Акрамя гэтага, праектная дзейнасць спрыяе развіццю не толькі сферы ці арганізацыі, але і персаналу, які займаецца рэалізацыяй праектаў, павышэнню яго прафесійнага ўзроўню.

Вяртаючыяся да вышэйсказанага, здаецца відавочным, што распаўсюджванне праектнай дзейнасці як механізма работы ў сферы культуры з'яўляецца тэндэнцыяй сучаснасці. Яе неабходна прытрымлівацца не толькі таму, што гэтага ад нас патрабуе сучаснасць, але і таму, што гэта можа быць выгадна як для ініцыятараў праектаў, так і для аўдыторыі, якая прыцягваецца. І тут акцэнт робіцца не на фінасавых выгодах. У рэалізацыі любога праекта ў галіне кніжнай культуры самае галоўнае – гэта ідэя, канцэпцыя, мэта і праблема, якую ён вырашае. Вынікі праекта з'яўляюцца асновай для прыцягнення ўвагі, павышэння зацікаўленасці да праблем кніжнай культуры і кніжнай спадчыны, кнігі ўвогуле. Праекты павінны быць накіраваны на тое, каб прыцягнуць шырокую аўдыторыю да кніжнай культуры і кніжнай спадчыны Беларусі, а не збіраць толькі круг спецыялістаў і даследчыкаў, якія займаюцца гэтымі кірункамі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Булавина, Д. М.** Проектная деятельность в сфере культуры как механизм реализации культурной политики : дис. … канд. культурологии : 24.00.01 / Д. М. Булавина. – Москва, 2007. – 167 с.

2. **Project** Management Institute [Electronic resourse] / Association for the Project Membership. USA. – Philadelpfia, 2016. – Mode of access: http://www.pmi.org/. – Date of access: 15.09.2016.

Півавар М.В. *(г. Віцебск)*

ФЕНОМЕН КУРЖАЛАВА: МЕСЦА І РОЛЯ АСОБЫ Ў РАЗВІЦЦІ КРАЯЗНАЎСТВА БЕЛАРУСІ

Асаблівасцю краязнаўства Віцебскай вобласці можна лічыць яго «школьны» характар. Галоўным асяродкам краязнаўства тут доўгі час з'яўляўся сектар краязнаўства ў Віцебскім абласным пазашкольным аб'яднанні. Пад метадычным кіраўніцтвам Рэспубліканскага цэнтра турызму і краязнаўства навучэнскай моладзі ў вобласці створана сістэма школьных гурткоў, музеяў, дзе пад кіраўніцтвам вопытных педагогаў прышчэпку гістарычнай свядомасці і нацыянальнай самасвядомасці разам з фарміраваннем грамадзянскіх якасцей атрымліваюць тысячы дзяцей Прыдзвінскага краю. У межах розных кірункаў усебеларускай экспедыцыі «Наш край», якая мае годны працяг у рэспубліканскай акцыі «Жыву ў Беларусі і тым ганаруся», на Віцебшчыне, як і ў іншых мясцінах рэспублікі, але на больш высокім узроўні, праводзіцца вельмі патрэбная праца па вывучэнні лакальнай гісторыі і культуры – ад сям'і, вуліцы, школы, вёскі да горада і вобласці.

З самага пачатку нацыянальнага адраджэння ў другой палове 1980-х гг. Віцебская вобласць амаль заўсёды займае першыя месцы на рэспубліканскіх спаборніцтвах, якія ладзяцца Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь з мэтай ацэнкі стану краязнаўчай працы і падвядзення яе вынікаў у краіне.

Што з'явілася прычынай «школьнага» характару віцебскага краязнаўства? Тое, што па шэрагу аб'ектыўных і суб'ектыўных прычын ні музей, ні ВНУ не сталі цэнтрамі краязнаўчых даследаванняў, што аб'ядноўваюць. Але ў галіне школьнай адукацыі такі цэнтр узнік. Галоўную ролю ў арганізацыі дзейнасці створанай сістэмы школьнага краязнаўства адыгрываў загадчык сектара краязнаўства пры Віцебскім абласным аб'яднанні пазашкольнай работы Алег Васільевіч Куржалаў.

Нарадзіўся ён 18.10.1953 г. у Віцебску. Скончыў СШ № 29, гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І. Леніна (1975). У ВНУ разам з ім вучыліся асобы, якія сталі пазней вядомымі даследчыкамі гісторыі Беларусі, – У. Арлоў, Э. Зайкоўскі, Г. Кулажанка і інш. З 1975 па 1978 г. працаваў загадчыкам арганізацыйнага аддзела Бешанковіцкага райкама ЛКСМБ.

Праца ў Беларускім добраахвотным таварыстве аховы помнікаў гісторыі і культуры

У 1978 г. пераехаў у Віцебск, дзе стаў працаваць адказным сакратаром Кастрычніцкага раённага савета таварыства аховы помнікаў, і па родзе службы прыйшлося займацца мемарыяльным краязнаўствам. Давялося рыхтаваць адпаведныя дакументы – інфармацыйныя даведкі, гістарычныя

запіскі, абгрунтаванні, – неабходныя для ўзяцця пад ахову выяўленых аб'ектаў. Вычытваў і пісаў абгрунтаванні на дасланыя гранкі другога тома «Збору помнікаў гісторыі і культуры», прысвечанага Віцебскай вобласці. Па ініцыятыве А. Куржалава было ўсталявана некалькі мемарыяльных дошак, у тым ліку ў гонар паўстання 1863 г. на будынку ратушы (знята і не адноўлена з пачатку рэстаўрацыі будынка).

Абарона помнікаў і канфлікт з уладай

У першай палове 1980-х гг. працягнулася руйнаванне старой забудовы Віцебска. Былі знішчаны будынкі па вул. Леніна, старая аптэка на пл. Свабоды. Як кіраўнік раённага аддзялення таварыства аховы помнікаў А. Куржалаў выказаўся супраць акцый па знішчэнні аб'ектаў, што ахоўваліся, пачаў пісаць дакладныя ў гарвыканкам, не паставіў подпіс пад рашэннем аб зносе будынка аптэкі.

У 1984 г. пачаліся падрыхтоўчыя працы па разбурэнні Пакроўскай царквы, на месцы якой планавалася пабудаваць шматпавярховы дом. Сталі нават свідраваць сцены царквы з мэтай закладкі толавых шашак. А. Куржалаў зрабіў шэраг захадаў, каб не дапусціць гэтага. Даслаў запыт у «Белрэстаўрацыю» аб гістарычнай каштоўнасці гэтага помніка архітэктуры. Звярнуўся да аднаго з архітэктараў Віцебска Я. Калбовіча з прапановай распрацаваць праект стварэння ў будынках манастыра карціннай галерэі, залы арганнай музыкі. Падрыхтаваныя матэрыялы даслаў у Маскву, у Міністэрства культуры СССР. Не чакаючы адказу, стаў збіраць калектыўныя лісты супраць зносу будынка. Такія лісты былі сабраны ад некаторых арганізацый, будаўнікоў, што ў той час працавалі на рэстаўрацыі ратушы [8].

Нарэшце прыйшоў адказ з Масквы ў Міністэрства культуры БССР, Рэспубліканскі савет Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры (БДТАПГіК) і Дзяржбуд, у якім станоўча ацэньвалася ініцыятыва стварэння культурнага комплексу ў будынках былога манастыра. Працы па разбурэнні былі прыпынены, а потым і згорнуты ўвогуле. Новы кіраўнік вобласці В.Г. Грыгор'еў пераглядзеў справу аб зносе будынкаў манастыра і праз пэўны час прыняў рашэнне аб перадачы будынка праваслаўнай царкве. Аднак А. Куржалава, дзейнасць якога супярэчыла жаданням абласнога кіраўніцтва, вырашылі ўзорна пакараць. Ён быў выкліканы на парткам і звольнены з працы з фармулёўкай «за неўзгадненне дзейнасці з кіраўніцтвам». Але яшчэ некалькі гадоў А. Куржалаў працягваў дзейнасць па ахове помнікаў. Напрыклад, у сувязі з узвядзеннем у ахоўнай зоне будынка статыстычнага цэнтра (на вул. Леніна) разам з С. Цярэнцевым былі напісаны дзясяткі лістоў у адпаведныя інстанцыі, міністэрствы, пракуратуру аб тым, што будаўніцтва шматпавярховага будынка скажае гістарычную забудову, змяняе гістарычныя дамінанты горада. Атрымаўшы планы ахоўных зон, даказваў неправамоцнасць такога будаўніцтва.

Аб'яднанне «Узгор'е»

На другую палову 1980-х – пачатак 1990-х гг. прыходзіцца актыўны ўдзел А. Куржалава ў дзейнасці віцебскага гісторыка-культурнага таварыства «Узгор'е». Дзейнасць аб'яднання была шматпланавай: вывучэнне гісторыі Беларусі, дапамога ў правядзенні археалагічных раскопак, прапаганда і папулярызацыя беларускай мовы, прыцягненне ўвагі да вострых экалагічных пытанняў на Віцебшчыне. Члены таварыства ладзілі вандроўкі па цікавых, славутых мясцінах Беларусі, суботнікі па падрыхтоўцы помнікаў да рэстаўрацыі. У розных акцыях аб'яднання прымалі ўдзел ад дзясяткаў да сотні чалавек. Сярод тых, хто найбольш актыўна ўдзельнічаў у працы клуба, былі В. Арлоў, Л. Вакар, А. Мемус, М. Паўлаў, С. Цярэнцьеў, Л. Хмяльніцкая, Т. Цаль, І. Цішкін, Ю. Якімовіч [7]. Адным з арганізатараў і найбольш актыўных удзельнікаў быў А. Куржалаў.

Нацыянальнае адраджэнне канца XX ст.

Пасля звальнення ў 1985 г. з пасады кіраўніка раённага аддзялення БДТАПГіК А. Куржалаў працаваў загадчыкам аддзела экскурсій Віцебскай абласной станцыі юных турыстаў. З 1992 г. аддзел быў рэарганізаваны ў Віцебскае абласное аб'яднанне па арганізацыі пазашкольнай работы, у якім з восені 1995 па лета 2011 г. ён займаў пасаду загадчыка аддзела краязнаўства і беларусазнаўства. Менавіта тут раскрыўся арганізатарскі талент А. Куржалава, які дазволіў стаць адным з найлепшых арганізатараў школьнага краязнаўства на Віцебшчыне і ў справе нацыянальнага адраджэння Беларусі канца XX ст.

У 1989/90 навучальным годзе ён з'явіўся адным з ініцыятараў і арганізатараў правядзення першай значнай справы па нацыянальным адраджэнні ў галіне народнай адукацыі на Віцебшчыне. Былі здзейснены экскурсійна-навучальныя спаборніцтвы настаўнікаў Віцебска «Літаратурная Віцебшчына». У выніку гэтага мерапрыемства да краязнаўства далучылася значная колькасць настаўнікаў. Гісторыяй сваёй мясцовасці зацікавілася шырокае кола жыхароў горада і вобласці. Шматлікія матэрыялы, сабраныя падчас конкурсу (у тым ліку лісты В. Быкава, якія былі адшуканы на гарышчы бацькаўскай хаты ў в. Бычкі), былі перададзены ў фонды абласнога краязнаўчага музея.

Стваральнік сістэмы пазітыўнай канкурэнцыі

На працягу кіравання аддзелам краязнаўства і беларусазнаўства А. Куржалавым створана добра арганізаваная сістэма школьнага краязнаўства, якая вывела педагогаў Віцебшчыны на першыя месцы ў рэспубліцы. Сістэмная метадычная праца з выкладчыкамі, арганізацыя конкурсаў, канферэнцый, пошук сярод педагогаў таленавітых, здольных на актыўную працу над праектамі, падтрымка настаўнікаў, вучняў і іх праектаў на ўсіх узроўнях

падрыхтоўкі, выдавецкая дзейнасць сталі важнейшымі чыннікамі поспеху. Галоўную ролю ў выніковасці віцебскіх настаўнікаў, арганізаваных А. Куржалавым, на нашу думку, адыграла і стварэнне сістэмы пазітыўнай канкурэнцыі. Сярод краязнаўцаў, якія, як правіла, займаюцца даследаваннямі аднаго краю на адным матэрыяле, часта існуе пэўная канкурэнцыя, зайздрасць, рэўнасць, якія часта пераходзяць ад узроўню ціхай непрыязі да ўзаемнай непавагі, адмовы ў сумеснай працы і г. д. А. Куржалаву ўдалося пазбегнуць гэтага. Пастаянна арганізуючы канферэнцыі, семінары, агляды музеяў, вывучэнне і распаўсюджванне лепшага досведу, ён змог скласці пэўнае кола лепшых настаўнікаў краю, якія змаглі арганізаваць выдатныя музеі ў сваіх школах, рыхтаваць для рэспубліканскіх конкурсаў пераможныя работы. Склалася сітуацыя, калі краязнаўцы не супернічалі, а спаборнічалі, дапамагалі адзін аднаму. На традыцыйныя зборы, якія арганізоўваў аддзел беларусазнаўства і краязнаўства, а таксама канферэнцыі, якія ладзіліся Рэспубліканскім цэнтрам турызму і краязнаўства стараліся прыехаць усе школьныя краязнаўцы з новымі знаходкамі, выдадзенымі кнігамі, падрыхтаванымі даследаваннямі, метадычнымі распрацоўкамі.

Семінары і канферэнцыі даюць магчымасць абмяняцца думкамі, падзяліцца досведам, праблемамі, шляхамі іх вырашэння. Тут адбываецца генерацыя ідэй, робяцца метадалагічныя абагульненні не толькі мясцовага, рэгіянальнага, але больш шырокага характару, выпрацоўваюцца рэкамендацыі абагульняльнага характару. Такія мерапрыемствы садзейнічаюць існаванню здаровага спаборніцтва між краязнаўцамі-педагогамі, далучэнню да сістэмнай працы ў галіне школьнага выхавання маладых педагогаў. Для ўдзельнікаў гэта добрая магчымасць атрымаць новы досвед, уражанні, удакладненні і, вярнуўшыся, на новым узроўні працягваць працу па даследаванні роднага краю. Вынікам мерапрыемстваў з'яўляюцца новыя школьныя музеі, метадычныя распрацоўкі, кнігі, альбомы, занальныя і рэгіянальныя канферэнцыі.

Важнейшай прычынай паспяховасці сістэмы школьнага краязнаўства, створанай на Віцебшчыне, з'яўляецца сістэмнасць. Мала зацікавіцца тэмай, напісаць артыкул, стварыць летапіс школы, падрыхтаваць паведамленне і арганізаваць дзяцей для выступлення. Праз некаторы час прыходзіць стомленасць, іншыя інтарэсы. Каласальная заслуга і ў многім прычына паспяховасці А. Куржалава – сістэмнасць працы. Пастаянны інтарэс падпітваецца комплексам мерапрыемстваў. Так, актывізацыі краязнаўчай працы спрыяе пастаяннае правядзенне канферэнцый, конкурсаў, семінараў па розных тэмах – ад методыкі выкладання заняткаў гуртка да арганізацыі і правільнай прэзентацыі вынікаў працы школьных музеяў.

Сярод лепшых адзначым В. Бандарэвіча (Сянно), А. Бубалу (Верхнядзвінск), В. Грыбко (Чашніцкі раён), В. Ермалёнка (Мёры), Д. Карасёва (Полацкі раён), Л. Нікіціну (Віцебскі раён), І. Пракаповіча (Паставы),

В. Пячонкіна (Орша), Р. Шарыпкіна (Глыбоцкі раён) і іншых педагогаў вобласці.

Формы і метады працы

Менавіта дзякуючы аддзелу краязнаўства і беларусазнаўства пад кіраўніцтвам А. Куржалава ўпершыню ў Беларусі ўзнікла ідэя распрацоўкі і выдання школьных дапаможнікаў па краязнаўстве. На цяперашні момант такія кнігі выпушчаны і выкарыстоўваюцца ў розных аб'ёмах у шэрагу раёнаў вобласці – Аршанскім, Віцебскім, Пастаўскім [9], Полацкім, Сенненскім [2], Ушацкім, Чашніцкім [5], Шумілінскім. На розных стадыях падрыхтоўкі навучальныя дапаможнікі яшчэ ў некалькіх раёнах.

Важнай ініцыятывай Віцебшчыны стала выданне першых у краіне тэматычных зборнікаў, падрыхтаваных з удзелам сталых і юных краязнаўцаў: «Святкуем угодкі», «Гонар і слава Віцебшчыны» [4], «Свой край у пашане мець прымусь», «Легенды і паданні Віцебшчыны» [6], «Алімпіяда па беларусазнаўству і краязнаўству» [1; 3] і інш.

У 1995 г. А. Куржалаў арганізаваў правядзенне краязнаўчых чытанняў педагагічных работнікаў Віцебскай вобласці па тэме «М.Я. Нікіфароўскі і Віцебшчына» ў в. Вымна Віцебскага раёна, на радзіме даследчыка (у сувязі з 150-годдзем з дня яго нараджэння). Дапамагаў у арганізацыі і правядзенні шэрагу рэспубліканскіх і абласных краязнаўчых канферэнцый. Напрыклад, чытанняў, прысвечаных 140-годдзю Б.І. Эпімаха-Шыпілы (в. Ветрына, 1999), архіўных чытанняў, прысвечаных 150-годдзю А.П. Сапунова (Віцебск, 2001) і інш.

Дзякуючы краязнаўчым экспедыцыям, семінарам, сустрэчам з вядомымі землякамі, арганізаваным А. Куржалавым, многія школьныя музеі (у тым ліку найлепшыя ў краіне, такія як гісторыка-краязнаўчы музей у ДАСШ № 3 г. Мёры, гісторыка-этнаграфічны музей у в. Заронава Віцебскага раёна) папоўніліся каштоўнымі экспанатамі. Пры непасрэдным удзеле Алега Васільевіча падрыхтаваныя экспазіцыі, прысвечаныя знакамітаму этнографу і фалькларысту М.Я. Нікіфароўскаму ў Вымнянскай СШ Віцебскага раёна, выдатнаму дзеячу беларускага адраджэння Б.І. Эпімаху-Шыпілу ў Ветрынскай СШ Полацкага раёна, праведзена рэканструкцыя этнаграфічнага музея «Хата ў жыцці беларуса» ў ДАСШ № 5 г. Наваполацка. Асобна адзначым яго важную ролю ў распрацоўцы зместу экспазіцыі музея У. Караткевіча ў Оршы. Адзін з лепшых краязнаўцаў Віцебшчыны Л. Нікіціна ўпэўнена ў тым, што менавіта дзякуючы метадычнай дапамозе і парадам А. Куржалава музей «Гісторыя Заронаўскага краю», утвораны ёю, знайшоў сваё месца ў сістэме школьных музеяў краю і цяпер з'яўляецца ўзорным.

Доўгі час разам з А. Куржалавым у аддзеле працавалі яго калегі і аднадумцы, якія зрабілі вялізны ўклад у фарміраванне сістэмы школьнага

краязнаўства Віцебшчыны, – В. Арлоў, Н. Зайцава, Л. Сіманёнак, А. Чарнышова і інш. [11]. Вопыт стварэння сістэмы школьнага краязнаўства знайшоў пэўнае адлюстраванне ў дысертацыі, падрыхтаванай І. Пракаповічам [10].

Арганізатар і даследчык

Акрамя арганізатарскіх здольнасцей, трэба адзначыць прафесіяналізм і глыбокія веды А. Куржалава. Па доўгу службы ён рабіў мноства рэкамендацый і кансультацый пры стварэнні летапісаў устаноў адукацыі і населеных пунктаў, радаводаў, турысцкіх маршрутаў, распрацоўцы краязнаўчых гульняў і заняткаў. Аўтар ідэі і галоўны рэдактар «Зборніка матэрыялаў аб дзейнасці музеяў навучальна-выхаваўчых устаноў Віцебшчыны». Мае шэраг публікацый у мясцовым і рэспубліканскім друку, прысвечаных пытанням развіцця краязнаўства, аховы помнікаў.

Займаецца вывучэннем легенд і паданняў Віцебшчыны, гісторыяй роду Гуркаў-Рамейкаў і асабліва постаццю генерал-фельдмаршала І.У. Гуркі, лепельскімі каранямі паэта Т. Кляшторнага. Дапамагаў настаўнікам Ветрынскай СШ у даследаваннях па вывучэнні біяграфіі Б. Эпімаха-Шыпілы. З'яўляецца рэдактарам шэрагу кніг і брашур, падрыхтаваных аддзелам краязнаўства і беларусазнаўства абласнога аб'яднання па арганізацыі пазашкольнай працы.

Што маем – не шануем

На жаль, летам 2011 г. А. Куржалаў па шэрагу аб'ектыўных і суб'ектыўных прычын вымушаны быў сысці з пасады загадчыка аддзела краязнаўства і беларусазнаўства. Але школьнае краязнаўства Віцебшчыны, дзякуючы створанай сістэме, працуе і прыносіць добрыя вынікі. Як кажуць, вынікі працы кіраўніка найлепш бачны пры яго адсутнасці. А якімі маглі б быць тыя вынікі, калі б школьным краязнаўствам працягваў кіраваць А. Куржалаў? Але гэта ўмоўны лад, якога, як вядома, гісторыя не ведае.

ЛІТАРАТУРА

1. **Алімпіяда** па беларусазнаўству і краязнаўству і яе месца ў сістэме працы з адоранымі дзецьмі і фарміраванні ў навучэнцаў грамадзянскасці і патрыятызму / А. В. Куржалаў, А. А. Чарнышова, Л. Сіманёнак. – Віцебск : выданне УА «ДААпАППДіП», 2008. – 182 с. – Захоўваецца ў бягучым архіве УА «ДААППДіП»

2. **Бандарэвіч, В. В.** Экскурсія да вытокаў г. Сянно : краязн. маршрут па раён. цэнтры Віцебс. вобл. / В. В. Бандарэвіч. – Віцебск : Віцеб. абл. друкарня, 2000. – 216 с.

3. **Віктарына** па краязнаўству // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – № 2. – С. 190–193.

4. **Гонар** і слава Віцебшчыны : зб. матэрыялаў конкурсу «Гісторыя вядомых родаў Беларусі» / уклад. Л. Сіманёнак. – Віцебск, 2001. – 92 с.

5. **Грыбко, В. В.** Гістарычна-краязнаўчы курс «Наша Чашніччына» (Чашніказнаўства) / В. В. Грыбко. – Мінск : Медисонт, 2007. – 228 с.

6. **Легенды** і паданні Віцебшчыны : зб. матэрыялаў абл. конкурсу «Легенды і паданні роднага краю» / склад. Н. Зайцава. – Віцебск : [б. в.], 2002. – 143 с.

7. **Навумчык, С.** «Закрытых паседжанняў не робім» / С. Навумчык // Чырвоная змена. – 1989. – 7 студз. – С. 3.

8. **Півавар, М.** Краязнаўцы Віцебшчыны 2-й пал. XX – пач. XXI ст. / М. Півавар. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – 372 с.

9. **Пракаповіч, І.** Чароўны край – Пастаўшчына : гіст.-краязн. курс «Паставызнаўства» / І. Пракаповіч. – Мінск : Кнігазбор, 2009. – 304 с.

10. **Прокопович, И. М.** И край родной откроет тайны : система шк. краеведения / И. М. Прокопович. – Мінск : Четыре четверти, 2006. – 124 с.

11. **Шпакоўская, Г. І.** Даследчыкі мінуўшчыны [настаўнікі, пераможцы конкурсу краязнаўцаў] / Г. І. Шпакоўская // Народнае слова. – 2005. – № 132. – С. 1.

Подлипский А.М. *(г. Витебск)*

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КЛУБ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ им. В.И. ЛЕНИНА

Инициатива создания Краеведческого клуба при Витебской областной библиотеке им. В.И. Ленина принадлежала автору этих строк. Вторая половина 1980-х гг. была временем неслыханных перемен в жизни СССР. Слово «перестройка», произнесенное тогдашним руководителем страны, генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачевым, было у всех на устах. По мысли ее зачинателя и вдохновителя, она должна была коснуться не только общественно-политической и экономической жизни страны, но и культуры и науки. Что касается краеведения, то в стране господствовало устоявшееся и далеко не всегда соответствовавшее действительности представление о прошлом, особенно советского периода. Существовали негласно запрещенные или нежелательные темы и личности. Имевшаяся в БССР единственная краеведческая организация – Белорусское республиканское общество охраны памятников истории и культуры – находилось под полным контролем партийных органов и Министерства культуры и, несмотря на целый ряд положительных явлений в его работе, все же не могло удовлетворить интерес народных масс к своему прошлому. Перестройка в этом отношении сыграла положительную роль. Она фактически раскрепостила людей, дала возможность им объединяться в клубы по интересам. По всей стране стали создаваться различные неформальные объединения и организации. В Витебске одной из таких и стал Краеведческий клуб при областной библиотеке им. В.И. Ленина.

Место его создания было мною избрано, конечно, не случайно. Будучи читателем этой библиотеки чуть ли не с 14-летнего возраста (книгу получал на абонемент сестры), я с первых дней работы ее в новом помещении

на улице Ленина (1967 г.) был одним из самых активных посетителей. Ко второй половине 1980-х гг. не только я хорошо знал практически все отделы библиотеки, но и меня знали ее работники. Инициативу поддержала и тогдашний директор библиотеки Л. Гуделева. И на протяжении всего периода существования Клуба она оказывала ему всяческую поддержку и содействие. Работа в нем осуществлялась на общественных началах, помощь мне, его руководителю, оказывали Т. Гончарова, О. Дорофеева и другие работника отдела белорусской и краеведческой литературы, в зале которого и проходили библиотечные мероприятия.

Началом работы Клуба стала весна 1986 г. К этому времени было подготовлено и издано типографским способом тиражом 150 экз. «Приглашение», в котором приводился план работы на 1986 г. и информационная подборка «В 1986 году исполняется…». Оформил издание витебский художник А. Чмиль. *«Всех, кого интересует прошлое Витебска, его настоящее и будущее, приглашает на свои встречи краеведческий клуб при отделе белорусской и краеведческой литературы Витебской областной библиотеки им. В.И. Ленина*, – говорилось в «Приглашении». – *Они будут проходить каждый последний четверг месяца в 19 часов. В клубе вы услышите интересные лекции и сообщения по различным вопросам истории Витебска, встретитесь с партийными и советскими работниками, историками, краеведами, писателями и поэтами, архитекторами и художниками, коллекционерами и другими интересными людьми. Вас ожидают увлекательные диспуты, выставки, поездки по памятным местам Витебска и его окрестностей*».

Первое заседание состоялось 24 апреля 1986 г. Затем они повторялись в установленном порядке до конца календарного года. Таким образом, за первый (1986) год существования Краеведческий клуб провел шесть мероприятий. Вот их содержание:

24 апреля 1986 г.

1. Организационные вопросы.

2. Наши предшественники. Из истории краеведения г. Витебска (провел А. Подлипский, член Союза журналистов СССР).

3. Сообщение: «Литература о Витебске послевоенных лет» (Т. Гончарова, старший библиотекарь отдела белорусской и краеведческой литературы областной библиотеки).

29 мая 1986 г.

1. Государственный архив Витебской области. История создания и деятельность (Л. Исаченко, заведующая отделом госархива).

2. Сообщения:

а) Витебский архив древних актов. К 135-летию открытия (А. Подлипский);

б) Издания 1987 г. по краеведению (Е. Ермакова, заместитель заведующей магазина «Глобус»).

26 июня 1986 г.

1. Встреча с автором книги «Витебское подполье», кандидатом исторических наук, доцентом Витебского пединститута Н.И. Дорофеенко.

2. Сообщения:

а) Почетный гражданин Витебска, генерал И. Людников (В. Плысов, экскурсовод Витебского бюро путешествий и экскурсий);

б) Писатель В. Карпов в Витебске (А. Подлипский).

24 июля 1986 г.

Художник И. Репин на Витебщине (А. Подлипский).

Выезд в Здравнево.

25 августа 1986 г.

1. Археологические раскопки в Витебске за последние годы (Т. Бубенько, младший научный работник Института археологии АН БССР).

2. Сообщения:

а) Витебские летописи. К вопросу об основании г. Витебска (А. Подлипский);

б) 125-летие отмены крепостного права в России (по материалам Витебской губернии) (В. Плысов).

25 сентября 1986 г.

1. Витебск в творчестве художника А.С. Корженевского (А. Лисов, преподаватель пединститута).

2. Сообщения:

а) Янка Купала и Якуб Колас на Витебщине (Н. Зуев, преподаватель пединститута);

б) П. Шейн – этнограф Белоруссии (Д. Григорьев, краевед);

в) Гербы Витебска (В. Плысов).

В 1987 г. Краеведческий клуб начал свою работу с самого начала года. Вновь было типографским способом издано «Приглашение», которое также оформил художник А. Чмиль. Оно было подготовлено по тому же принципу, что и предыдущее (информации «План работы» и «В 1987 году исполняется…»), а также содержало стихотворение витебского поэта В. Кондратишко «Город, которому десять веков». Вот полный перечень мероприятий:

29 января 1987 г.

1. План регенерации застройки старой части Витебска (Е. Фарберов, архитектор института «Белгипроторг»).

2. Сообщения:

а) 130-летие книготорговли в Витебске (В. Плысов);

б) Витебский фотограф С.А. Юрковский (А. Подлипский).

26 февраля 1987 г.

Витебский художник Ю.М. Пэн (1854–1937):

а) Жизнь и творчество (М. Медведева, кандидат медицинских наук, доцент мединститута, А. Лисов, преподаватель пединститута);

б) Слово об учителе и друге (И. Боровский, художник, член Союза художников СССР).

26 марта 1987 г.

1. Витебский историк и краевед В. Г. Краснянский (1863–1930):

а) Жизнь и научная деятельность (А. Подлипский);

б) Воспоминания внучки (Н. Хруцкая).

2. Сообщения:

а) В. Маяковский в Витебске (В. Плысов);

б) Витебский экслибрис (Н. Гугнин, кандидат искусствоведения, доцент пединститута).

28 мая 1987 г.

1. Встреча с участницей витебского партийно-патриотического подполья А. Киташовой (в кругом зале ГДК по адресу ул. Комиссара Крылова, 7).

2. Сообщения:

а) Памятник архитектуры Витебска начала XIX в. (здание бывшей гимназии) (А. Подлипский);

б) Интернациональные связи витеблян (Р. Семенюк, заведующий кафедрой иностранных языков ветинститута).

Кроме этого были подготовлены книжные выставки: «Витебску десять веков» (24 апреля 1986 г.), «Во имя Родины» (26 июня 1986 г.), «Великий русский художник И. Репин» (24 июля 1986 г.), «Голоса далеких предков» (25 августа 1986 г.), «Народные песняры» (25 сентября 1986 г.), «За сизой дымкой веков» (29 января 1987 г.). Были проведены и другие выставки: филателистическая «Витебск на почтовых конвертах» (24 апреля 1986 г.), дореволюционных почтовых открыток Витебска из коллекции А. Подлипского (29 января 1987 г.), репродукций произведений Ю. Пэна, витебского экслибриса из коллекции Н. Гугнина (26 марта 1987 г.).

Деятельность Краеведческого клуба была неожиданно приостановлена по устному указанию идеологических работников Витебского обкома КПБ в середине июня 1987 г. Дело в том, что на 25 июня этого года было назначено мероприятие, посвященное приближающему (6 июля) 100-летию со дня рождения уроженца Витебска, художника Марка Шагала. Предполагалось, что о творчестве земляка расскажет преподаватель пединститута (ныне кандидат искусствоведения, доцент ВГУ, член Союза художников Беларуси) А. Лисов, а о Витебске на полотнах художника – автор этих строк. К мероприятию готовилась большая выставка репродукций работ М. Шагала. Если учесть, что тогда с его творчеством большинство жителей Витебска (и не только его!) были малознакомы, а то и не знакомы вообще, то следует особенно отметить и следующий факт. Узнав, что в Витебске готовится такое мероприятия, изъявила желание поучаствовать в нем и младшая сестра Марка Шагала Мария Захаровна, жившая тогда в Ленинграде. Она и ее дочь Софья Захаровна даже заранее приобрели билеты на поезд Ленинград–Киев. Но после моего звонка

о том, что мероприятие запретили, они билеты сдали.

Никаких итогов работы, а также аналитических материалов деятельности Краеведческого клуба при Витебской областной библиотеке имени В.И. Ленина, произведено не было. Единственным документальным свидетельством его работы стали выпускаемые почти к каждой встрече специальные буклеты-приглашения. В них приводилась программа заседания, тезисы сообщений, тематическая библиография и т. д. В моем архиве сохранились буклеты только первых шести заседаний. Издавались ли они и на другие, не помню. По-видимому, выпускались, ибо их небольшой тираж, как правило, быстро расходился – каждый из участников встреч стремился их сохранить на память.

Отражение работы Клуба краеведов нашлось и на страницах областной газеты «Віцебскі рабочы». 18 июля 1986 г. в ней была опубликована заметка журналиста В. Закирова. Вот ее содержание (в переводе на русский язык): «В общественном клубе краеведов – люди самых разных профессий, возрастов, но объединяет их общее увлечение – история своего родного края. На очередном заседании, которое состоялось в библиотеке имени В.И. Ленина, члены клуба познакомились с историей витебского подполья, с жизненным путем Героя Советского Союза генерал-полковника И.И. Людникова, с деятельностью Героя Советского Союза, бывшего военного разведчика, редактора журнала «Новый мир», писателя В. Карпова. Почетной гостью краеведов была кандидат исторических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы БССР Н.И. Дорофеенко – один из авторов книги «Витебское подполье». Бывшая подпольщица и партизанка рассказала о деятельности витебского патриотического подполья в тылу врага, о сложностях жизни в прифронтовом городе, о большой работе по восстановлению фамилий руководителей и участников витебского подполья. Интересным было выступление участников клуба: экскурсовода В. Плысова и краеведа А. Подлипского. Очередное заседание клуба краеведов состоится 24 июля в помещении областной библиотеки им. В.И. Ленина. На нем можно будет познакомиться с творчеством И.Е. Репина, состоится поездка в Здравнево».

Много лет спустя Витебская областная библиотека предприняла попытку воссоздания Краеведческого клуба. 27 марта 1999 г. областная газета «Народнае слова» опубликовала мою информацию об этом: «Спустя почти 12 лет после того, как партийными органами области и города был запрещен краеведческий клуб областной библиотеки им. Ленина (из-за готовящегося вечера к 100-летию со дня рождения М. Шагала), он вновь собирает своих верных друзей. На текущий год запланировано десять встреч с учеными, артистами, поэтами, посещение музеев, презентации новых книг и т. д. Созданный областной библиотекой совместно с краеведческим фондом имени А. Сапунова, клуб начал свою работу со встречи с витебским поэтом Б. Белиженко, который представил свою новую книгу. Встречи в клубе будут проходить ежемесячно в последний четверг».

В моем архиве сохранился пригласительный билет Краеведческого клуба «Сустрэчы». Насколько мне помнится, на этом он и закончил свою работу.

Шнер Н.О. *(г. Витебск)*

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

Краеведение в школе – это изучение учащимися природы, экономики, истории и культуры своей местности – микрорайона, города, села, района, области. Оно предполагает приобретение учащимися знаний о крае из рассказа учителя или изучения пособия, самостоятельное добывание знаний, изучение родного края в процессе исследования, представляющего познавательный и научный интерес. Полученные знания помогают учащимся лучше усваивать исторический материал, начиная со времен появления древнего человека, заканчивая современной историей города, области и страны в целом.

В последнее время все больше внимания в образовательном процессе стало уделяться воспитанию патриотизма среди подрастающего поколения. Государству нужна молодежь, которая ценит родину, знает и чтит историческую память своего народа и стремится к улучшению благосостояния страны. Краеведение как особое направление в образовании способствует формированию этих качеств у учащихся. Знания родного края помогают юным гражданам оценить по достоинству свою страну. Ведь знакомство с родиной начинается со знакомства ребенка со своим двором, улицей, районом, в котором он живет.

Для знакомства с микрорайоном Тарный Витебска был разработан краеведческий алфавит, в основу которого положены краткие краеведческие сведения об истории населенного пункта. Приведем некоторые из них.

А – АВТОБУС, АВТОСТОЯНКА, АУТЛЕТ. Автобусное сообщение в пос. Тарном представлено маршрутами автобусов № 3, 11, 15, 15а, 20, 20а. Первым автобусным маршрутом, связавшим город с поселком, стал № 11 с конечными остановками: СШ № 24 – пл. Победы;

Автостоянка грузовых машин. Строительство длилось около четырех лет на месте небольшого болота, вдоль тропы между меховым комбинатом и детским садом № 91, завершилось в 2015 г.;

«Аутлет Марко». 17 декабря 2015 г. состоялось торжественное открытие первого в Витебской области центра распродаж «OUTLET Marko» по адресу: г. Витебск, Бешенковичское шоссе, д. 54. Эта торговая площадка помогает производителям быстро реализовывать остатки сезонных коллекций по сниженным ценам, а покупателям приобрести брендовые вещи со значительной скидкой.

Б – БЕЛИЦКИЙ. Ул. Белицкого (бывшая ул. 1-я Жданова) расположена в центральной части «старого» поселка. Улице присвоено имя воина-интернационалиста капитана Л.Н. Белицкого.

В – ВОЕННЫЙ ГОРОДОК. Военный городок № 78 был построен во второй половине 30-х гг. XX в. Со слов местных жителей в разное время тут размещались 130-й инженерно-саперный батальон, батальон связи 103-й витебской воздушно-десантной дивизии, российские части космической связи, батальон внутренних войск и др.

Г – ГЕРНГРОСС. Федор Каспарович Гернгросс – потомок немецкого дворянского рода, участник Семилетней войны 1756–1763 гг., ротмистр русской армии, генерал-лейтенант, первый известный владелец имения Телятники.

Д – ДЕТСКИЙ САД. Детский сад № 91, построенный в послевоенное время, является единственным дошкольным учреждением на территории микрорайона.

Ж – ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА. Железная дорога Витебск – Орша – Могилев – Жлобин прошла в 1902 г. по территории имения Телятники и разделила его на 2 части, в 1920–30-х гг. служила границей между Шумнянским и Селютским сельсоветами.

З – ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ. Зеленый шум – территория пос. Тарный. В настоящее время – от начала пер. Прибережного до конца ул. 1-й Заречной, на которой располагался первый двухэтажный барак для специалистов тарного комбината. Получил название за большое количество растущих вокруг деревьев и шумной жизни в бараке.

И – ИМЕНИЕ. Имение Нижние Телятники – территория, на которой образовался рабочий поселок, а затем микрорайон Тарный.

К – КЛАДБИЩЕ, КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА. На территории поселка находятся два закрытых кладбища: Тарное-1 и Тарное-2. Кладбище Тарное-1 расположено около перекрестка Бешенковичского шоссе и ул. Заречной, считается старообрядческим. Кладбище Тарное-2 находится за очистными сооружениями. Самое раннее захоронение, которое удалось найти на нем, датируется 1906 г.;

На территории поселка во время Великой Отечественной войны находилось несколько конспиративных квартир. По адресам: пос. Тарного комбината, 2 (М.Т. Цветкова), пос. Тарного комбината, 5 (Л.Н. Овсянкина) располагались квартиры подпольной группы В.Д. Шелухо; в квартире сестер Вишневских (пос. Тарного комбината, 6) – квартира армейского разведчика В.И. Чиркова [4, с. 207–208; с. 127–132].

Л – ЛАГЕРЬ. После захвата Витебска немецко-фашистскими захватчиками на территории пос. Тарный был организован трудовой лагерь, в который были заключены местные жители.

М – МЕХОВОЙ КОМБИНАТ. Унитарное производственное предприятие (УПП) «Витебский меховой комбинат» введено в строй 30 октября 1975 г.

Специализировалось по выработке шкурок серебристо-черной лисицы, норки, песца, кролика, изготавливало воротники и пластины из пушнины и каракуля, шило женские и детские пальто, мужские полупальто, головные уборы. УПП «Витебский меховой комбинат» сейчас является главным предприятием в Республике Беларусь и одним из ведущих в СНГ по выделке натурального меха и пошиву готовых изделий из него. Комбинат выполняет полный производственный цикл от выделки сырья до пошива готовых изделий. Коллекции меховых изделий, разработанные лучшими специалистами предприятия, неоднократно становились призерами и лауреатами международных конкурсов модельеров-дизайнеров.

Н – НАСЕЛЕНИЕ. Население микрорайона составляет более 3 тыс. человек.

О – ОЧИСТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ. В 1967 г. с северной стороны пос. Тарный были построены первые сооружения механической очистки – песколовки, а в 1973 г. – сооружения биологической очистки. Это позволило собрать все сточные воды Витебска в одну систему городской канализации и избежать экологической катастрофы.

П – ПОДПОЛЬНАЯ ГРУППА. Подпольная группа В.Д. Шелухо в 1942–1943 гг. выполняла задания подпольного райкома партии и партизанской бригады «Алексей» в пос. Тарного комбината, по соседству с военным городком, где располагался 20-й стрелковый немецкий полк. Связь с партизанами осуществляли В.Д. Шелухо, Л.Н. Овсянкина, М.Т. Цветкова. Через них передавались в Витебск задания партизанского командования, листовки, а из города – разведданные и медикаменты.

Р – РУДЕНКО. Юрий и Татьяна Руденко – выпускники СШ № 24, известные художники, чьи работы находятся в музеях и частных коллекциях Беларуси, России, Израиля, Польши, Германии, Швеции, Финляндии, США.

С – СТАРООБРЯДЦЫ. На территории Селютского и Шумнянского сельсоветов (в последствии на территории пос. Тарный) проживали представители религиозной старообрядческой общины [2, л. 62–63].

Т – ТАРНЫЙ КОМБИНАТ. Тарный комбинат – предприятие, выпускавшее деревянную тару для безопасного перемещения снарядов. Комбинат был основан в 1934 г. недалеко от реки, обеспечивающей быструю транспортировку готовой продукции и леса – материала необходимого для производства деревянных ящиков и бочек. Предприятие включало в себя здание комбината, где непосредственно изготавливалась продукция, два сарая для хранения готовой тары, сарай для хранения древесины, кузницу, мастерскую, гараж, здания столовой, конторы, общежития, амбулатории и проходной. Здание комбината и некоторые относившиеся к нему постройки были уничтожены во время немецкой бомбежки 10 июля 1941 г.

У – УЛИЦЫ. Улицы микрорайона имеют разнообразные названия. В память о павших воинах-интернационалистах некоторым улицам пос. Тарный

присвоены фамилии героев: ул. Белицкого, ул. Тувальского, ул. Маврина, ул. Даниленко, ул. Гуринова. Фамилии Героев Советского Союза носят улицы Маскаева и Ромашкина. О социалистическом прошлом говорят такие названия улиц и переулков, как ул. Парижской Коммуны, Профсоюзная, пер. Дружбы. Внешние особенности улиц отражают такие названия, как ул. Ясная, Ягодная, Рассветная и др. Больше всего в поселке названий, отражающих физико-географический характер местности. К ним относятся улицы Береговая, Заречная, Лесная, Набережная, Прибережная, Загорьевская и другие, а также переулки Прибережный, Загорьевский, Заречный и Лесной.

Ф – ФЕРМА. На территории бывшего имения Верхние и Нижние Телятники в 1920 г. была организована молочная ферма для удовлетворения потребностей в молочных продуктах лечебных и детских учреждений Витебска, просуществовавшая до начала 30-х гг.

Х – ХРАМ. На ул. Заречной в 2016 г. завершилось возведение православного храма во имя мученика Меркурия Смоленского. Первая Божественная литургия в нем прошла 5 мая 2013 г.

Ц – ЦЕРКОВЬ. В с. Телятники имелась штатная церковь Преображения Господня 1837 г. постройки. Была она деревянная, холодная (то есть без отопления). В 1906 г. А.П. Сапунов в «Списке населенных мест Витебской губернии» отмечал, что в Щербинской волости в с. Телятники есть православная церковь и часовня. К Телятниковскому приходу относились на тот момент 63 населенных пункта, среди которых были село и имение Телятники. С приходом к власти большевиков, церковь была закрыта. 17 марта 1925 г. с аукциона местным жителям для личного пользования были проданы все принадлежащие ранее церкви постройки [1, л. 1–3].

Ч – ЧОРБА. Настасья Степановна Чорба – вдовствующая жена генерала, первая известная владелица с. Телятники с д. Воробьева, Шавелки, Павловичи, Лутикова, Рудакова, Башкова, Ступищи, Якушова, Камарова [3, л. 2].

Ш – ШКОЛА. Средняя школа № 24 г. Витебска начала функционировать с 1 сентября 1937 г. как семилетняя школа. В 1946 г. исполнительный комитет Первомайского районного совета определил микрорайон школы: «1–8-я ул. Тарные, Набережная, Лесной переулок, 1-я и 2-я Прибережная, ул. Парижской Коммуны, поселок Тарного комбината, 5-й км железнодорожного пути Витебск – Орша». В 1961 г. введено в эксплуатацию здание новой школы на 500 мест по ул. 2-я Прибережная Витебска. В этом здании на 01.09.2016 получали знания 250 учащихся.

Э – ЭКОНОМИКА. Экономическое развитие микрорайона определяют два промышленных предприятия, перенесенные на территорию пос. Тарный в первой половине 70-х гг. XX в. – ОАО «Витебский мясокомбинат» и УПП «Витебский меховой комбинат».

Ю – ЮЗОВ. Георгий Минович Юзов – старший сержант, партизан, с 16 лет воевал в 6-м отряде бригады Н.А. Щорса «За Советскую Белоруссию», житель пос. Тарный.

Я – Я. Я, мой отец, мои бабушка и прабабушка являемся коренными жителями рабочего пос. Тарный, ставшего в 1995 г. одноименным микрорайоном. Благодаря рассказам старшего поколения и знакомству с известным витебским краеведом Н.В. Пивоваром, было собрано много интересных фактов о микрорайоне, который стал еще ближе и дороже.

В целом, можно сделать вывод, что разработка и изучение такого рода алфавитов местностей может послужить стимулом к изучению учащимися истории своей семьи, позволит, соприкасаясь с историей своего региона, лучше запомнить события, происходившие на этой территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Государственный** архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 571. – Оп. 1. – Д. 626. – Л. 13. Дело о ликвидации построек бывшего имения Ново-Телятники Селютского сельсовета за 1925 г.

2. **ГАВО.** – Фонд 2073. – Оп. 1. – Д. 575. – Л. 145. Договоры на сдачу в аренду земли организациям и частным лицам за 1942–1943 гг.

3. **Национальный** исторический архив Беларуси. – Фонд 1437. – Оп. 1. – Д. 141. – Л. 42. Описание города Витебска и его уезда. Экономическое примечание Витебского уезда за 1784 г.

4. **Памяць** : гісторыка-дакументальная хроніка : у 2 кн. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭН, 2002. – Кн. 1. – 648 с.

Буле М.В. *(г. Лудза, Латвия)*

Всему свой час, и время всякому делу под небесами:
Время родиться и время умирать...
Время разрушать и время строить...

Соломон

ЛУДЗЕНСКАЯ БОЛЬШАЯ СИНАГОГА: ИСТОРИЯ, РЕСТАВРАЦИЯ, РАЗВИТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Лудза – город, в котором пульс современной жизни сливается с таинственным и волнующим дыханием древности. Среди садовой зелени старого города виднеются крыши домов, гордо возвышаются башни и купола церквей. На узких городских улочках, словно на страницах книги, записана многовековая история Лудзы. Неповторимое очарование городу придают замок Ливонского ордена и исторический центр города с деревянной архитектурой, где располагается и так называемый еврейский квартал.

Лудза всегда была многонациональным и многоконфессиональным городом. Наследие евреев – неотъемлемая часть культурно-исторической мозаики города, которую необходимо сохранить для будущих поколений. В начале XX в. Лудзу называли Латвийским Иерусалимом, однако сегодня носителей еврейской культуры и традиций в нашем городе становится все меньше. Однако мы не вправе допустить, чтобы наследие Лудзенской еврейской общины кануло в небытие. Надо отметить, что в XVIII в. около 63% населения Лудзы были евреи [8]. На 1937 г. в Лудзе находилось 3 синагоги и 5 молитвенных домов, в их числе была и Лудзенская Большая синагога, построенная около 1800 г. [1]. После восстановления права собственности синагога принадлежала Лудзенской еврейской общине. Здание синагоги многие годы находилось в аварийном состоянии, поскольку небольшая еврейская община не могла должным образом содержать его и обжить. В связи с плохим техническим состоянием здания долгие годы в синагоге не проводились богослужения, а у туристов не было возможности ее посещать. Однако нельзя забывать о том, что разрушенная святыня – незаживающая рана в сердцах религиозных людей. Было необходимо найти решение и сохранить эту важную часть еврейской культуры.

Лудзенская еврейская община передала Большую синагогу Лудзенскому краевому самоуправлению. В 2013 г. синагога была включена в список культурных памятников как уникальное здание деревянного зодчества, яв-

ляющееся частью государственного памятника градостроительства – исторического центра города Лудзы.

В 2014 г. была разработана и принята Стратегия развития Лудзенской Большой синагоги на 2014–2018 гг. Лудзенское краевое самоуправление приняло решение отреставрировать синагогу и в качестве структурной единицы передать Лудзенскому Краеведческому музею.

Лудзенская Большая синагога, учитывая количество сохранившихся оригинальных деревянных деталей, является старейшей синагогой не только в Латвии, но и в Северо-восточной Европе. Большая синагога, которая, по материалам Государственного исторического архива Латвии, построена около 1800 г. и Резекненская Зеленая синагога (возведена около 1845 г.) фактически являются уникальными памятниками еврейской культуры Северо-восточной Европы, при том, что в других регионах Европы подобное наследие было утрачено в XX в. Сохранились сведения о том, что за 700 лет в Восточной Европе было построено около 700 синагог. Число сохранившихся до наших дней зданий деревянных синагог (в особенности с оригинальной мебелью), по данным Государственной инспекции по защите памятников в Европе, сегодня не превышает четырех-пяти.

В конце XIX в., когда техническое состояние здания ухудшилось, оно было облицовано красным кирпичом. Лудзенская Большая синагога (Дадатак 7, фото 1) – одно из немногих зданий, которое уцелело во время пожара в Лудзе в 1938 г., когда выгорел практически весь центр города. О событиях 13 июня 1938 г. писал корреспондент газеты «Jaunākās ziņas» следующее: «В субботу утром жители города начали свою обычную и тихую повседневную жизнь. Еврейские магазины были закрыты. Старшее поколение было в синагогах, а молодежь ушла купаться, и вдруг кто-то увидел, что чердак дома М. Бунимовича уже охвачен огнем [М. Бунимович – владелец магазина канцелярских принадлежностей]» [9]. В результате пожара сгорело 371 здание, в том числе 194 жилых дома, 119 магазинов и 126 хозяйственных построек. Огонь уничтожил католический храм, здание полиции и молитвенный дом «Миниан Зиски Леви», где в свое время останавливалась Екатерина Великая. Из 5600 жителей города треть осталась без крова. Жар вокруг горевших домов создал нечто вроде вихря, который поднимал пыль, песок и искры. Почти сразу все колодцы были вычерпаны досуха. Пожар тушили 14 часов пожарные команды из Карсавы, Даугавпилса, Мадоны, Екабпилса и Риги. Было так жарко, что сотни людей смотрели на свое горящее имущество, стоя часами по шею в воде и держа над головой маленьких детей и ценные вещи. После пожара многие евреи, оставшиеся без крова и средств к существованию, переехали в другие районы Латвии, а также в Америку и Африку [9]. Во многом благодаря тому, что здание синагоги было обложено кирпичом, оно не пострадало во время пожара.

Во время Второй мировой войны синагога находилась на территории гетто. По рассказам очевидцев, в ней какое-то время располагались гаражи и конюшня. Для этих целей была выбрана часть стены. Посетители и сейчас могут увидеть, что война оставила свой след в куполе синагоги, в котором отчетливо видны два пулевых отверстия.

После Второй мировой войны, когда еврейское население города вернулось из эвакуации, в Лудзенской Большой синагоге вновь зазвучала молитва.

До середины 1980-х гг. в синагоге проходили религиозные обряды, сохранилась первоначальная планировка помещений – прихожая (13,9 м²), молитвенный зал (94,5 м²), женская половина (50,3 м²), комната для изучения священных писаний (32,9 м²), лестничное помещение (18,7 м²), туалет (3,6 м²) [7]. Сохранились также элементы внутренней отделки и мебель: бима со столом для свитка, Арон Кодеш, где хранилась Тора, столы и скамьи. Более 20 лет синагога пустовала. Богослужения не проходили по причине малочисленности членов общины. С каждым годом техническое состояние здания ухудшалось и достигло аварийного.

В конце 2014 г. самоуправление Лудзенского края начало реализацию проекта «Реставрация Лудзенской Большой синагоги и возрождение еврейского духовного наследия» [11]. Главными задачами проекта были реставрация здания синагоги, создание экспозиций, обмен опытом с партнерами проекта из Норвегии (Хордаландским Музейным центром). В сотрудничестве с экспертами из Норвегии для более точного определения возраста реставрируемого здания была проведена работа по подготовке образцов древесины, необходимых для дендрохронологического датирования. В результате проведенных исследований констатировано, что сравнительно самое молодое из годичных колец образца древесины относится к 1781 году [11].

Реставрационные работы Лудзенской Большой синагоги длились неполный год – с 20 марта 2015 г. по 22 января 2016 г. В результате реставрационных работ:

– укреплен фундамент здания;

– демонтирован красный облицовочный кирпич;

– заменены и укреплены нижние венцы здания

– утеплены и обшиты деревянной доской стены сруба.

В ходе реставрационных работ для покраски фасада использовалась грунтовка льняным маслом холодного отжима, а при тонировке – минеральные пигменты льняного масла холодного отжима. Сохранена и восстановлена жестяная кровля, привезенная из Австралии в 30-х гг. прошлого века. Лестничная пристройка демонтирована, а затем построена заново на новом фундаменте с использованием аутентичных отделочных материалов. Часть окон отреставрирована, а те, которые невозможно было восстановить, изготовлены снова по оригинальным образцам.

Во внутренних помещениях синагоги проведена масштабная работа по воссозданию оригинального интерьера. В женской половине на втором этаже отреставрирован дощатый пол и двери. В прихожей на первом этаже пол выложен кирпичом, демонтированным с фасада. На первом этаже настелен новый дощатый пол, сложены три печи. В целом сохранено около 65% оригинальной стенной штукатурки, укреплены слои сохранившейся краски, фрагменты полихромии сохранены и частично отреставрированы. В молитвенном зале воссоздан уникальный, единственный сохранившийся в Прибалтике деревянный дощатый купол, построенный в традициях польских синагог XVII–XVIII вв. По предположению архитектора Петериса Блумса, возможно, сохранились только два подобных купола: один в синагоге Piatra Neamt в Румынии и второй в Лудзенской Большой синагоге [5]. До реставрации купол изнутри был обклеен газетами (печатные издания до 1918 г.), картоном и покрашен масляной краской в серый цвет. Во время реставрации купол был очищен от бумаги и картона, вымыт – и звезды синагоги засияли в первоначальной красе, ведь, как выяснилось, они изначально были посеребрены [11]. В результате реставрационных работ в здании заменена электропроводка и проведены водопровод и канализация, а также установлены сточная система, громоотвод, противопожарная и охранная сигнализации. Был сохранен оригинальный облик синагоги (фасад здания, планировка помещений и интерьер). Таким образом, Лудзенская Большая синагога имеет огромную культурно-историческую ценность.

Чтобы сохранить культурно-историческое наследие и популяризировать его в обществе, в начале 2016 г. была закончена реставрация здания и созданы экспозиции, повествующие об истории Лудзенской еврейской общины.

11 августа 2016 г. состоялось открытие Лудзенской Большой синагоги (Дадатак 7, фото 2). На этом торжественном мероприятии присутствовали чрезвычайный и полномочный посол Государства Израиль в Латвии г-жа Лирон Бар-Садэ, чрезвычайный и полномочный посол Королевства Норвегии в Латвийской Республике Стейнар Эгил Хаген, представители Министерства финансов и Министерства культуры Латвийской Республики, а также представители различных учреждений и организаций, председатели еврейских общин Латвии, выходцы из Лудзы, ныне проживающие в государстве Израиль. В день открытия состоялось торжественное освящение синагоги, во время которого раввин из Риги закрепил мезузу на дверном косяке здания и впервые за последние почти 30 лет совершил богослужение. Выходцы из Лудзы и гости города преподнесли ценные реликвии, которые стали неотъемлемой частью экспозиции.

В течение двух лет сотрудники музея работали над созданием экспозиций. Вниманию посетителей представлен молитвенный зал, в котором отреставрирована большая часть оригинальной мебели и восстановлен интерьер. В помещении библиотеки создана экспозиция, посвященная семье Франков –

фотографу Вульфу Франку, являвшемуся одним из первых фотографов в Лудзе (Люцине), благодаря которому мы знаем, как выглядел наш город в начале XX в., и его сыну – всемирно известному кинодокументалисту, режиссеру Герцу Франку. По воспоминаниям Герца Франка работники музея воссоздали интерьер павильона фотомастерской начала XX в., а также была организована мультимедийная выставка работ Вульфа и Герца Франков. Информация представлена на трех языках – латышском, русском и английском, что значительно расширяет аудиторию выставки. В экспозиции посетители могут увидеть историческую реконструкцию улиц Лудзы времен 30-х гг. XX в. При создании реконструкции была использована фотография Вульфа Франка. Для достоверного изображения работники музея изучили описание города за 1938 г., где указаны точные адреса и имена владельцев магазинов. В результате проведенной работы была создана точная реконструкция городской улицы, которая позволяет посетителям представить, как выглядел город в 30-е гг. XX в. Были разработаны компьютерные игры и задания на трех языках для разновозрастной аудитории, которые знакомят приходящих в синагогу с историей Лудзенской еврейской общины и традициями еврейской культуры. На втором этаже синагоги в женской половине находится экспозиция, которая повествует об истории Лудзенской еврейской общины. В соответствии с еврейскими религиозными традициями мужчины и женщины молятся отдельно. Дабы продемонстрировать историческое предназначение этого помещения, в экспозиции представлен образ женщины, которая склонила голову в молитве перед пультом, на котором находится еврейский молитвослов. Во время работы над выставочным проектом накопился большой документальный архив. Чтобы гости могли ознакомиться с собранными материалами, была создана аудиовизуальная экспозиция, которая вызывает живой интерес, особенно у граждан государства Израиль, предки которых некогда проживали в нашем городе. Об этом повествует раздел выставки «Еврейские семьи». В экспозиции можно найти сведения о количестве еврейского населения в городе, о раввинах Лудзенской еврейской общины, в ней также отражен период репрессий и Холокоста. Информация доступна на трех языках: латышском, русском и английском. Поскольку одним из главных занятий евреев была торговля, в экспозиции представлена реконструкция еврейской лавки.

Общая стоимость реставрации составила 414836,52 евро (175658,97 евро проектное финансирование, 15500 евро финансирование Rietumu Banka), создание проекта финансировало Лудзенское самоуправление. Общая стоимость составила 32661,36 евро.

В день открытия синагоги состоялось подписание трехстороннего договора о сотрудничестве между Лудзенским Краеведческим музеем, Музейным центром Хордаланда (Норвегия) и обществом «Лудзенский ремесленник». Подписывая договор, партнеры подтвердили желание и в дальнейшем

сотрудничать в области сохранения и исследования культурного наследия, участвовать в разработке и реализации общих проектов, организации обучающих мероприятий и продвижении совместных туристических продуктов.

Восстановление Лудзенской Большой синагоги – значимое событие в истории города, которое вызвало интерес у горожан и гостей Лудзы. В августе и сентябре синагогу посетило более 2 тыс. человек. Это свидетельствует о том, что у данного объекта большой потенциал. На базе экспозиций создаются музейно-педагогические программы, запланированы выставки и концертные программы.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Латвийский** Государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 1370. – Оп. 1. – Д. 2367.

2. **ЛГИА.** – Фонд 1370. – Оп. 1. – Д. 2772.

3. **Личный** архив М. Буле.

4. **Материалы** Лудзенского Краеведческого музея.

5. **Проект** интерьера синагоги. – Рига : Konvents, 2015.

6. **Шнейер, А.** Лудза – моя память и боль / А. Шнейер // Еврейский Камертон. – 1998. – 24 июля.

7. **Ēkas** kadastrālās uzmērīšanas lieta. – VZD : Rēzekne, 2015.

8. **Ludza.** The encyclopedia of Jewish Communities from their foundation till after Holocaust. Editor Dov Levin. – Jerusalem : Yad Vachem, 1988.

9. **Ludza** postošo liesmu varā // Jaunākās Ziņas. – 1938. – 13 jūnijā.

10. **Moreins, M.** Reiz bija sinagogas ... / M. Moreins // Literatūra un Māksla. – 1988. – 25 novembrī.

11. **Rimša, I.** Pabeigti Latvijas vecākās sinagogas restaurācijas darbi / I. Rimša // Ludzas novada vēstis. – 2016. – 3 martā.

12. **Salnais, V.** Ludza / V. Salnais, A. Maldups // Pilsētu apraksti. – R. : Latvijas Valsts statistikas pārvalde, 1936.

Василицына Л.А. *(г. Витебск)*

УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ЦЕРКОВНОМ КРАЕВЕДЕНИИ: ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СТАРОЖИЛОВ

Современные исследователи все чаще обращаются к источникам устной истории. Ценность человеческих воспоминаний особо возрастает в тех случаях, когда сохранилось недостаточное количество архивных документов. Главной сложностью в изучении истории советского периода Православной церкви Беларуси в целом и монастырей в частности является практически полное уничтожение всех церковных архивов. Документы делопроизводства

церковных институтов после 1917 г. имеют фрагментарный характер, они разрознены и рассредоточены по различным не тематическим фондам областных и районных архивов Беларуси. В связи с этим возрастает актуальность обращения к устным источникам. Цель работы – показать важность использования воспоминаний старожилов на примере Тадулинского Свято-Успенского монастыря.

Несмотря на то, что устная история базируется на воспоминаниях, получаемых в ходе беседы исследователя с респондентом, операционные возможности этого метода предполагают использование не только устных свидетельств очевидцев, но и других видов источников: эпистолярных, мемуарных, фотографических. Устные свидетельства изначально субъективны. Особенность устного исторического источника состоит в том, что он содержит двойную информацию: фактологическую и оценочную, раскрывающую отношение опрашиваемого к проблеме, осмысление им истории [2]. В исследовательском поле устной истории значительной является роль исследователя, интерпретирующего данные, полученные в результате опроса. Следует также отметить необходимость правильного использования методики создания исторического источника на основе исследовательской беседы, что предполагает правильное проведение опроса и оформление записи для введения в научный оборот. Мы рассмотрим применение метода устной истории на примере изучения истории Тадулинского монастыря.

Свято-Успенский Тадулинский монастырь, основанный в середине XVIII в. как мужской униатский, в середине XIX в. был передан православным, а в 1888 г. преобразован из мужского в женский. В 20-х гг. XX в. обитель закрыли. В связи с принятым в 2011 г. решением о возрождении монастыря особое внимание стало уделяться восстановлению его истории. Наряду с изучением литературы и архивных источников важным этапом является реконструкция исторических событий по воспоминаниям старожилов – людей, чей жизненный путь каким-либо образом соприкасался с судьбой Свято-Успенского монастыря.

Первым к воспоминаниям местных жителей об истории Тадулинского монастыря обратился витебский краевед Дмитрий Романович Газин. Еще в середине 1990-х гг. он напечатал в районной газете «Жыццё Прыдзвіння» обширную статью под названием «Вымнянская жамчужына», в которой эпизод разрушения монастырских храмов и построек осенью 1943 г. описан со слов А.П. Кузнецовой и А.П. Соколовой, жительниц соседних деревень Тадулино и Рыбаки. По их воспоминаниям, небывалой силы взрыв со стороны монастыря раздался, когда эвакуированные жители окрестных деревень находились на возвышении возле деревни Острейково. Когда осело желто-красно-серое облако пыли, то присутствующие поняли, что исчез величественный монастырский собор [1].

На протяжении 2013–2014 гг. нами проводились опросы жителей д. Слобода и близлежащих деревень с целью уточнения имеющихся сведений по истории монастыря, получения новой информации. Мы столкнулись с тем, что средний возраст жителей этих населенных пунктов хоть и являлся преклонным, но назвать старожилами их было сложно – в основной массе это были послевоенные переселенцы из другой местности. Наиболее ценные сведения содержатся в воспоминаниях В.Т. Лебедевой [5], Р.И. Кудевич [4], А.Н. Захаровны [3], З.К. Ткачевой [6]. Зачастую сохранились не собственные впечатления, а рассказы родителей, бабушек.

Сведения, полученные в результате бесед, касались различных аспектов жизнедеятельности монастыря. Мы услышали передаваемую из уст в уста легенду об основании обители князем Фаддеем Огинским в благодарность за спасение от разъяренного медведя во время охоты [3]. Однако основной объем информации касался периода с середины 1920-х гг. Опрашиваемые рассказали, что местное население было в хороших отношениях с монахинями и, кроме посещения богослужений, женщины учились у них рукоделию, пользовались монастырской библиотекой [6]. В рассказах о монастырском хозяйстве отмечались большие площади огородов [5].

Нам повезло встретиться с родственницей одной из насельниц Тадулинского монастыря. Вера Тимофеевна Лебедева поделилась своими воспоминаниями о количестве монашествующих, об их отношениях с местным населением, описала интерьер жилого монастырского корпуса и самих келий: «Монахинь было порядочно, и в хоре пели на клиросе, и пели там моя мама, тетя. Бабушка Павла меня очень любила и все время подкармливала. Она смолоду была в монастыре, авторитетная. Помню келью м. Павлы. Келий много-много, бабушкина от церкви – самое первое помещение. Маленькая келья, стояла кровать, стол и стул – узенькая келья» [5].

Особо ценным при очередной беседе стало наличие старых семейных фотографий. Например, в альбоме Раисы Ивановны Кудевич оказались ранее нам известная фотография Успенского собора и фото монастырского звонаря С.А. Соколова, родного брата монахини Павлы. Он также работал сапожником в соседней деревне, умер в 1940 г. [4].

На вопрос о судьбе насельниц после закрытия обители Вера Тимофеевна указала на то, что все монахини разошлись по родственникам. Их семья приютила монахиню Павлу и ее келейницу монахиню Веру, которые вместе с ними уехали в г. Витебск и проживали во времянке. Во время войны они содержались в концлагере «5-й полк», где монахиня Павла скончалась от тифа [5]. Одна послушница вышла замуж за местного жителя, они жили в маленькой баньке, неподалеку от монастыря [3].

Подтвердилась версия о том, что уходя из монастыря, сестры забирали с собой иконы и святыни, спасая их от поругания. Так, по воспоминаниям, монахиня Павла привезла с собой много икон, ими от пола до потолка была

заставлена небольшая жилая времянка. Однако во время войны они пропали [5]. О чтимых монастырских иконах Богородицы и Святителя Николая нам ничего узнать не удалось.

Информация о внешнем облике монастыря также значительно пополнилась сведениями из бесед. Надежда Захаровна Антонова по памяти на ватмане нарисовала, а позже указала на местности расположение всех монастырских построек: церквей, корпусов, здания училища, хозяйственных строений [3].

Старожилам запомнился величественный Успенский собор с большими иконами на белых стенах, в котором, по утверждению Раисы Ивановны, в 1938–1940 гг. еще совершались таинства крещения. В башне собора располагалась узенькая колокольня. По воспоминаниям, местный житель, охотно вызвавшийся сбросить колокола, после этого сильно заболел и скоропостижно скончался. Односельчане говорили, что Бог его наказал [3; 4; 5].

Об Александро-Невской церкви было сказано, что она стояла сбоку от собора, ближе к дороге, была каменной. После закрытия монастыря в здании церкви содержали коров, а во время войны там было отхожее место [5; 6].

Обстановка военного времени опрашиваемым запомнилась отчетливо, особенно процесс эвакуации и возвращения, а также то, что много местных ушло в полицию. Были семьи, где один брат был в партизанах, другой – в полиции. В деревне ситуация была такая: ночью партизаны в Слободе, а днем – немцы. Тогда же, как утверждают респонденты, и был взорван Успенский собор, потому что он мог стать местом укрепления [3; 5].

В послевоенных воспоминаниях описывается полуразрушенное здание Успенского собора, в нишах столбов входного проема-арки которого сохранялись фрески. Пожилые женщины помнят, как в юности спускались в подвалы корпусов, искали подземный ход к озеру, катались с монастырской горы на пленке, которая постоянно рвалась о кирпичи, разбросанные по холму. А также то, что в 1960-х гг. разбирали монастырские руины и этим кирпичом стелили дорогу на ферму [3; 4; 5; 6].

До сегодняшнего дня сохранилась часть монастырского кладбища с безымянными захоронениями. Только две могилы мы можем предположительно атрибутировать. По воспоминаниям, монастырское кладбище было большим, на могилах были и кресты, и памятники. Ходили легенды о спрятанных там золотых слитках, поэтому могилы раскапывались [6]. Так, например, была разорена могила первой настоятельницы монастыря – игуменьи Аристоклии: «Знаю, что разорили могилу матушки Аристоклии. Пришли мы – вырытая могила, и даже не зарытая – там искали золото. Там очень много сирени, это могила игуменьи монастыря» [5].

Таким образом, воспоминания старожилов являются ценным источником, который дает дополнительную информацию и позволяет посмотреть на объект изучения через призму историй отдельных семей, конкретных судеб.

Нами записаны свидетельства очевидцев событий, связанные с последним периодом существования Тадулинской обители. В воспоминаниях В.Т. Лебедевой, Р.И. Кудевич, Н.З. Антоновой, З.К. Ткачевой, чьи детство и юность прошли в окрестностях монастыря, содержится информация о внешнем виде храмов и событиях, связанных с их разрушением, сведения о месторасположении строений монастырского комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Газін, Д.** Вымнянская жамчужына / Д. Газін // Жыццё Прыдзвіння. – 1994. – 30 ліп. – С. 4 ; 30 жн. – С. 3 ; 6 верас. – С. 4 ; 10 верас. – С. 2 ; 17 верас. – С. 2.

2. **Томпсон, П.** Голос прошлого [Электронный ресурс] / П. Томпсон // Открытый текст : электронное периодическое издание. – Режим доступа: http://www.opentextnn.ru/history/familisarchives/tompson/. – Дата доступа: 21.03.2016.

3. **Транскрипция** интервью Антоновой Надежды Захаровны, 1922 г. р., 14.05.2014 г., д. Высочаны, Лиозненский р-н // Архив Свято-Успенского женского монастыря в д. Слобода Витебского р-на.

4. **Транскрипция** интервью Кудевич Раисы Ивановны, 1938 г. р., 17.03.2013 г., г. Витебск // Архив Свято-Успенского женского монастыря в д. Слобода Витебского р-на.

5. **Транскрипция** интервью Лебедевой Веры Тимофеевны, 1924 г. р., 20.02.2013 г., г. Витебск // Архив Свято-Успенского женского монастыря в д. Слобода Витебского р-на.

6. **Транскрипция** интервью Ткачевой Зинаиды Кузьминичны, 1941 г. р., 09.01.2014 г., г. Витебск // Архив Свято-Успенского женского монастыря в д. Слобода Витебского р-на.

Верамееў С.Ф. *(г. Гомель)*

ЯЗАФАТ КУНЦЭВІЧ: ПАРТРЭТ НА ФОНЕ ЭПОХІ

Адной з самых вядомых асоб, звязаных з гісторыяй Віцебшчыны, з'яўляецца ўніяцкі арцыбіскуп Язафат Кунцэвіч. Яго асоба ўжо не адно стагоддзе з'яўляецца прадметам для дыскусій і спрэчак навукоўцаў і прадстаўнікоў грамадскасці. У беларускім гістарычным дыскурсе Я. Кунцэвіч у большасці выпадкаў атаясамліваецца з цемрашальствам і рэлігійным фанатызмам. Вельмі крытыкуюць яго і праваслаўныя аўтары. У сваю чаргу, у каталіцкай супольнасці Беларусі Я. Кунцэвіч шануецца і лічыцца святым, а пры заснаванні Віцебскай каталіцкай епархіі ў 1999 г. ён быў абвешчаны яе заступнікам. Кім жа быў на самой справе Я. Кунцэвіч? Ці маюць рацыю тыя, хто выказвае абвінавачванні ў яго адносінах? Паспрабуем разабрацца ў гэтым у рамках дадзенага артыкула.

Кожнае навуковае ўяўленне аб мінулым павінна грунтавацца на даследаваннях і верыфіцыруемых фактах. Трэба адзначыць, што ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі практычна няма спецыяльных прац, прысвечаных постаці Я. Кунцэвіча. Паказальным з'яўляецца той факт, што артыкул пра яго ў «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» (т. 4), змяшчае спасылкі пераважна на літаратуру XIX ст. [1]. Выключэнне на дадзены момант складаюць зборнік дакументаў «Эпісталяцыя Сьвятога Язафата», у якім разглядаецца пытанне аб фальсіфікацыі перапіскі полацкага арцыбіскупа і Л. Сапегі, і праца сучаснага беларускага святара А. Хацеева, мэта якой, як вынікае з яе зместу, – выкрыццё «сомнительной святости» Кунцэвіча [4]. У гэтым сэнсе карысна звярнуцца да навейшых даследаванняў украінскіх гісторыкаў па разглядаемай тэме, а таксама прааналізаваць вядомыя факты [2].

Ян Кунцэвіч нарадзіўся каля 1580 г. у г. Уладзімір Валынскі ў збяднелай праваслаўнай шляхецкай сям'і. У гістарыяграфіі адзначаецца, што бацька будучага святара быў выхадцам з беларускіх зямель, а ў вышэйназваным горадзе займаўся гандлем, да якога імкнуўся далучыць і свайго сына [1; 3, с. 4–6]. У 16-гадовым узросце Ян Кунцэвіч быў накіраваны сваім бацькам ў Вільню, дзе вучыўся гандляваць у купца Я. Паповіча. У вольны час юнак чытаў рэлігійную літаратуру, палемічныя творы, а таксама прыслужваў у царкве і спяваў у царкоўным хоры.

Якраз у тыя часы была заключана Берасцейская ўнія, якая выклікала шырокі розгалас у тагачасным грамадстве і падзел праваслаўных вернікаў на яе прыхільнікаў і праціўнікаў. Малады Я. Кунцэвіч далучыўся да ліку першых. Вядома, што найбольшы ўплыў на яго ў гэтым плане аказаў Генадзь Хмяльніцкі з Турава, на той момант семінарыст, які на працягу ўсяго жыцця Я. Кунцэвіча заставаўся ягоным сябрам і спавядальнікам.

Адмовіўшыся ад прапановы жаніцца на дачцэ купца Я. Паповіча і стаць спадкаемцам яго справы, Я. Кунцэвіч у 24-гадовым узросце ўступіў у манастыр Св. Троіцы ў Вільні, дзе прыняў манаства з імем Язафат, а таксама пачаў вучобу ў семінарыі. Трэба меркаваць, што пэўны ўплыў на яго фармацыю аказаў харызматычны дзеяч уніі Язэп Вельямін Руцкі, які ў тыя часы з'яўляўся рэктарам семінарыі і адначасова выкладаў у ёй. У хуткім часе Я. Кунцэвіч стаў дыяканам і намеснікам Я. Руцкага па гаспадарчых справах.

У 1608 г. (па іншых звестках у 1609 г.) Я. Кунцэвіч быў высвечаны на святара, а таксама яму быў даручаны нагляд за семінарыяй. У 1609 г. адбыўся замах на тагачаснага ўніяцкага мітрапаліта І. Пацея. Мітрапаліт застаўся жывы, аднак страціў пальцы, а злачынец быў прысуджаны да пакарання смерцю. Цікава, што Я. Кунцэвіч з уласнай ініцыятывы пайшоў у турму, каб спавядаць яго напярэдадні выканання прысуду.

У 1613 г. памёр мітрапаліт І. Пацей. Новым уніяцкім мітрапалітам стаў Я. Руцкі, які прызначыў Я. Кунцэвіча ігуменам манастыра ў Быцені. У Быцені Я. Кунцэвіч заснаваў навіцыят для жадаючых прыняць манаства.

Адначасова святар разам з быценьскімі манахамі аднавіў царкву і манастыр у Жыровічах, дзе знаходзілася вядомая ікона Маці Божай. У 1614 г. адбылося чарговае прызначэнне ў кар'еры Я. Кунцэвіча – Я. Руцкі паставіў яго на чале манастыра Св. Троіцы ў Вільні. У той час ён разам з І. Руцкім стаў адным з заснавальнікаў ордэна базыльян.

У 1617 г. Я. Кунцэвіч стаў віцебскім біскупам, намеснікам полацкага арцыбіскупа Гедэона Бральніцкага, які быў ужо ў вельмі сталым узросце (90 год), а пасля смерці апошняга ён узначаліў Полацкую кафедру. Новы арцыбіскуп правёў пэўныя рэформы ў падначаленай яму епархіі. Так, ён напісаў працу «Рэгулы і канстытуцыі», у якой былі вызначаны абавязкі святароў (штодзённыя малітвы, рэгулярныя споведзі духоўных асоб і вернікаў, бясплатнае выкананне царкоўных рытуалаў, ужыванне ў набажэнствах роднай для вернікаў мовы і г. д.). Заслугай Я. Кунцэвіча з'яўляецца таксама адбудова Сафійскага сабора ў Полацку, аднаўленне і будаўніцтва цэркваў у Віцебску, Оршы і іншых гарадах. У 1623 г. І. Руцкі прызначыў яго сваім намеснікам [3, с. 14–50]. Фактычна, у той час Я. Кунцэвіч з'яўляўся правай рукой мітрапаліта і другім чалавекам ва ўніяцкай іерархіі [5, с. 6].

Несумненна, што Я. Кунцэвіч валодаў красамоўствам і талентам пераконваць сваіх суразмоўцаў, што праявіў яшчэ ў першыя гады свайго святарства. Праціўнікі, як вядома, называлі яго «душахватам». Як адзначае гісторык В. Пануцэвіч, аднойчы, пачуўшы гэта, Я. Кунцэвіч адказаў: «Дай Божа, каб я ўсіх вас перахапіў для святой Царквы». Я. Кунцэвіч праявіў сябе і ў літаратурнай дзейнасці. Ён з'яўляецца аўтарам шэрагу рэлігійных твораў: «Аб хросце Уладзіміра», «Аб мніхах і іх шлюбах», «Аб святасці святарскага сану і выжшасці бязжанімства», «Жыцці святых», «Абарона Уніі» і інш. [3, с. 16, 29].

Я. Кунцэвіч на працягу ўсяго свайго святарскага і біскупскага служэння знаходзіўся ва ўмовах жорсткага супрацьстаяння з той часткай духавенства і вернікаў Кіеўскай мітраполіі, якая не прыняла Берасцейскага аб'яднання. Сутыкнуўся ён з гэтым і ў Полацкай епархіі. Становішча Я. Кунцэвіча яшчэ больш ускладнілася пасля таго, як у 1620 г. была адноўлена праваслаўная іерархія, а полацкім праваслаўным арцыбіскупам стаў М. Сматрыцкі, таленавіты аўтар палемічных твораў, які ўсімі сіламі і сродкамі імкнуўся вярнуць насельніцтва беларускіх зямель у новаствораную епархію. Праваслаўныя пад яго кіраўніцтвам распачалі маштабную антыўніяцкую кампанію. Месцамі антыўніяцкіх місій і настрояў сталі Віцебск, Орша, Мсціслаўль, часткова Полацк [2, с. 113–114]. Ва ўмовах тагачаснага рэлігійнага супрацьстаяння ў якасці эфектыўнага сродка вырашэння канфлікту разглядалася забойства апанента. Сярод жыхароў Віцебска ўзнікла змова с мэтай забойства Я. Кунцэвіча, былі знойдзены тыя, хто гатовы быў стаць выканаўцамі забойства. Адначасова адбываліся і спантанныя замахі на жыццё ўніяцкага арцыбіскупа [2, с. 113–115]. У гістарыяграфіі вядома шмат фактаў пра няўдалыя спробы забойства Я. Кунцэвіча [3, с. 50–51, 65–66, 88].

Як паводзіў сябе ў гэтай складанай сітуацыі сам полацкі арцыбіскуп? Відавочцы адзначалі, што ён не губляў прысутнасці духа. Па сведчанні І. Касаноўскага, у 1621 г. пры выездзе Я. Кунцэвіча з Варшавы стала вядома аб рыхтуючымся на яго замаху. Даведаўшыся аб гэтым, ён толькі ўсміхнуўся і спакойна працягнуў свой шлях [2, с. 118].

Забойства Я. Кунцэвіча адбылося ў нядзелю 12 лістапада 1623 г., падчас яго наведвання Віцебска. Яно было загадзя падрыхтавана. Напярэдадні змоўшчыкі абгаварылі план забойства арцыбіскупа. У якасці правакатара выступіў праваслаўны святар Ілля, які публічна абражаў арцыбіскупа каля царквы Багародзіцы. Слугі Кунцэвіча затрымалі яго і адвялі ў арцыбіскупскі палац. Гэта стала штуршком для імклівага развіцця падзей. Раз'юшаны натоўп штурмам узяў палац Кунцэвіча і разрабаваў яго. Сам арцыбіскуп быў зверскі забіты, а цела яго знявечана і скінута ў Дзвіну.

Экстраардынарная падзея выклікала неадкладную рэакцыю ўлад Рэчы Паспалітай і Ватыкана. У Віцебск была накіравана каралеўская камісія на чале з Л. Сапегам з мэтай правядзення расследавання і пакарання забойцаў, па выніках якога 19 чалавек былі пакараны смерцю, а сам горад быў пазбаўлены магдэбургскага права і страціў усе каралеўскія прывілеі. Трэба адзначыць, што да моманту прыбыцця камісіі частка арганізатараў і ўдзельнікаў забойства ўжо паспела пакінуць горад і таму пазбегла пакарання [3, с. 90–104].

Я. Кунцэвіча прынята атаясамліваць з жорсткімі паводзінамі ў адносінах да праваслаўных. Між тым, у ходзе беатыфікацыйнага працэса, што адбываўся на працягу 1628–1637 гг., было апрошана шмат сведкаў тых падзей. Усе яны павінны былі пад прысягай прынародна даць адказ на пытанні: «Ці ведае сведка, што рабіў Язафат, каб навярнуць іх да рэлігійнай еднасці і праўдзівай веры? Ці выкарыстоўваў ён пагрозы, крыўдзіў каго або пераследваў, ці хутчэй лагоднымі словамі, перакананнямі дасягаў мэты? Ці помсціў ён сваім крыўдзіцелям? Ці можна назваць іншыя неправамерныя дзеянні Язафата, якія здзяйсняў ён у адносінах да нез'яднаных?» (праваслаўных. – *Аўт.*). На гэтыя пытанні адказвалі не толькі каталікі ці прыхільнікі Кунцэвіча, але і праваслаўныя, прадстаўнікі іншых веравызнанняў і нават яго праціўнікі. З іх адказаў адназначна вынікала наступнае: Я. Кунцэвіч нікога не навяртаў сілай, не чыніў крыўды, лагодна ставіўся да людзей. Прычынай усіх канфліктаў вакол яго асобы з'яўлялася яго прыналежнасць да Каталіцкай царквы і падпарадкаванне Папе Рымскаму [2, с. 120]. Дарэчы, у свой час і сам Я. Кунцэвіч у адным са сваіх лістоў да Л. Сапегі катэгарычна адмаўляў абвінавачванні ў жорсткасці да праваслаўных [5, с. 89].

Праз 20 гадоў пасля забойства Я. Кунцэвіча папа Урбан VIII абвясціў яго блажэнным пакутнікам Каталіцкай царквы. На працягу XVII–XVIII стст. адбывалася фарміраванне культу полацкага арцыбіскупа на беларускіх і ўкраінскіх землях. Замойскі сабор 1720 г. усталяваў свята ў яго гонар. У

красавіку 1867 г. папа Пій IX абвясціў Я. Кунцэвіча святым [1]. У XX ст., пры адкрыцці II Ватыканскага сабору, папа Ян XXIII назваў яго заступнікам гэтага сабору. На сённяшні час Я. Кунцэвіч – адзіны беларускі святы, мошчы якога знаходзяцца ў галоўным храме Каталіцкай царквы – храме Св. Пятра ў Рыме.

ЛІТАРАТУРА

1. **Казуля, С.** Кунцэвіч Іасафат / С. Казуля // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 305.

2. **Кречун, П.** Святий Йосафат Кунцевич (1580–1623) як свидок вири / П. Кречун. – Львів : Місіонер, 2013. – 276 с.

3. **Пануцэвіч, В.** Сьвяты Язафат, архіяпіскап полацкі / В. Пануцэвіч. – Полацак : Сафія, 2000. – 274 с.

4. **Хотеев, А.** Переписка канцлера Льва Сапеги и архиепископа Иосафата Кунцевича [Электронный ресурс] / А. Хотеев // Западная Русь. – Режим доступа: http://zapadrus.su/bibli/geobib/perepiska-kants-sapegi-i-arkh-kuntsevicha.html#a7a. – Дата доступа: 29.10.2016.

5. **Эпісталяцыя** Сьвятога Язафата : збор дакументаў / уклад. М. Баўтовіч. – Полацак : Грэка-каталіц. парафія Сьвятапакутніка Язафата, 2006. – 144 с.

Гавриленков А.Ф. *(г. Смоленск, Россия)*

«СМОЛЕНСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КОНФЕССИЙ В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1865–1918 гг.

Епархиальные ведомости представляют собой ценный краеведческий источник, так как в них находили отражение вопросы духовной жизни епархий Русской Православной церкви второй половины XIX – начала XX в. История епархиальных ведомостей в России берет свое начало с выхода 8 марта 1860 г. «Ярославских епархиальных ведомостей». Газета состояла из двух частей – официальной и неофициальной. В первой части публиковались правительственные и местные распоряжения и известия, во второй части – «публиковали проповеди и назидательные сочинения, местные исторические, биографические, краеведческие и библиографические материалы» [34, с. 21].

«Смоленские епархиальные ведомости» – официальная газета Смоленской епархии, выходила с 1865 по 1918 г. Первый номер газеты вышел в свет 1 января 1865 г. [30, с. 315]. Без преувеличения можно сказать, что подавляющая часть материалов была посвящена повседневной жизни православных

верующих – это строительство храмов и история приходов, назначения и перемещения священно- и церковнослужителей, данные о численности верующих, о переходе верующих из других религий (ислам, иудаизм, католицизм, униатство, лютеранство, старообрядчество) в православие.

Однако «Смоленские епархиальные ведомости» можно с полной уверенностью определить как исторический источник, который освещал не только историю православия, Русской Православной церкви на территории Смоленской губернии (епархии), но и других конфессий, так как вопрос о распространении религий «нетрадиционных» для губернии имел важное идеологическое значение. Так, влияние Православной церкви было намного сильней в Смоленской губернии, чем в соседних Витебской и Могилевской губерниях, входивших в состав Западного края Российской империи. Очевидно, что здесь РПЦ действовала совместно с государственной властью, контролировавшей процессы появления и распространения религий в Российской империи. Однако известно, что удельный вес православного населения в губернии (епархии) хотя медленно, но снижался. Так, если в 1858 г. православное население губернии составляло 99,02% от общей численности населения, то в 1897 г. – 97% [18]. В 1913 г. эта цифра снизилась до 96,49%. Снижение в росте православного населения за 56 лет составило 2,53% [6, с. 99]. Государственную власть и Православную церковь такая ситуация не могла не беспокоить.

Русскую Православную Церковь в стране в целом и на территории губернии интересовала проблема уровня и состояния просвещения населения губернии (епархии). Здесь же периодически публиковались списки учащихся и преподавателей Смоленской духовной семинарии.

Особое место на страницах «Смоленских епархиальных ведомостей» занимала проблема борьбы со старообрядчеством (до 1905 г. – расколом) и сектантством как в губернии в целом, так и в отдельных ее уездах. Публикация статей о старообрядцах и сектантах свидетельствовала о том, что у епархиального ведомства Православной Церкви было стремление разобраться в многообразии их организаций – старообрядцев описывали по толкам и согласиям, сектантов – по происхождению (зарубежные и отечественные). В то же время данные материалы являли собой попытку представить историю сектантства и старообрядчества на Смоленщине.

На территории Смоленской губернии (епархии) во второй половине XIX – начале XX в. продолжился рост численности старообрядцев различных толков и согласий.

На страницах «Смоленских епархиальных ведомостей», прежде всего, публиковали материалы по тем вероисповеданиям, которые вызывали тревогу у местных властей. Это касалось русского сектантства (духоборчества, молоканства, христововерия, скопчества), вновь появившихся сект (иоаннитства, лубковщины) [4, с. 273–279; 12, с. 769–776; 31, с. 629–642].

Статьи о сектантстве публиковались начиная с 70-х гг. XIX в. На страницах епархиальных ведомостей находили отражение вопросы истории возникновения, догматов, обрядов и статистики отечественных сект. В течение 1908, 1910 г. на страницах «Смоленских епархиальных ведомостей» публиковались материалы о секте иоаннитов [9, с. 254–257; 19, с. 455–465; 20, с. 505–518; 21, с. 543–555; 22, с. 575–590]. Авторы публикаций стремились донести до жителей губернии/епархии информацию о секте, особенностях ее появления и вероучения, познакомить с основными представителями.

В то же время не меньший интерес у епархиальных властей проявлялся и к сектам, пришедшим из Западной Европы, – баптизму, пашковщине, штундизму. Так, например, периодически на страницах «Смоленских епархиальных ведомостей» публиковались материалы православных миссионеров, рассказывавших о деятельности пашковцев и штундистов на территории губернии/епархии [2, с. 845–864; 3, с. 898–912; 11, с. 143–164; 17, с. 639–641; 35, с. 259–260; 36, с. 619–631; 37, с. 663–669].

Пик публикаций о старообрядцах и сектантах приходится на период после издания Манифеста о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., когда был провозглашен принцип свободы совести. Епархиальные ведомости не только публиковали статистические данные, но и старались разъяснить населению особенности как старообрядчества, так и различных направлений сектантских организаций [1, с. 426–434; 5, с. 586–590; 7, с. 495–507; 8, с. 463–473; 13, с. 470–485; 14, с. 872–886; 15, с. 964–973; 16, с. 1110–1115; 23, с. 375–388; 24, с. 539–549; 25, с. 630–637; 26, с. 687–691; 27, с. 728–743; 28, с. 769–781].

Важнейшая проблема, освещавшаяся на страницах «Смоленских епархиальных ведомостей», – это история религиозного вопроса в те периоды истории Смоленского края, когда он находился в составе Великого княжества Литовского и Русского (1404–1514) и Речи Посполитой (1611–1654). Исследователи изучали деятельность римско-католической и униатской церквей в 1611–1654 гг., особенности развития просвещения в указанные периоды истории Смоленского края [29, с. 58; 32, с. 159–163; 33, с. 205–212]. В епархиальных ведомостях публиковали информацию о переходе из католицизма или униатства в православие, крещении младенцев (когда родители были разных вероисповеданий), о случаях смерти представителей католицизма, униатства: «Замечательные случаи: а., 1832 года 28 февраля, живущий в сельце Мишуков губернский регистратор Иван Игнатьев Шульц, из униатов, присоединен к православию. в, 1864 года апреля 16 чрез таинство миропомазания присоединен к православию из униатов дворянин Виленской губернии, Дисненского уезда, Трайан Казимиров Игнатович, с именем Трофим. В 1868 году крещены два младенца женского пола, отцы которых православного, а матери католического вероисповедания.

Умершие неестественной смертью. л, 1859 года 9 февраля умер от натуральной болезни дворянин Витебской губернии Полоцкого уезда сельца

Каровятки Казимир Антонов Игнатович, 55 лет, он был католического вероисповедания» [10, с. 480–481].

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что «Смоленские епархиальные ведомости» являлись источником по истории конфессий, действовавших на территории Смоленской губернии, с момента возникновения ведомостей в 1865 г. и до их закрытия в 1918 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Брянцев, Я.** О расколе Сычевского уезда / Я. Брянцев // Смоленские епархиальные ведомости. – 1880. – № 16. – С. 426–434.

2. **Брянцев, Я.** О штунде / Я. Брянцев // Смоленские епархиальные ведомости. – 1893. – № 17. – С. 845–864.

3. **Брянцев, Я.** О штунде / Я. Брянцев // Смоленские епархиальные ведомости. – 1893. – № 18. – С. 898–912.

4. **Буткевич, Т.** Новый Израиль или Лубковцы / Т. Буткевич // Смоленские епархиальные ведомости. – 1910. – № 8. – С. 273–279.

5. **Виноградов, И.** К истории раскола в Смоленской епархии / И. Виноградов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1893. – № 11. – С. 586–590.

6. **Гавриленков, А. Ф.** Трансформация религиозного сознания (на материалах Смоленского края в X – начале XXI в.) : монография / А. Ф. Гавриленков. – Смоленск : Смядынь, 2007. – 300 с.

7. **Данные** миссионерских отчетов о состоянии старообрядчества и сектантства в Смоленской епархии к 1911 г. // Смоленские епархиальные ведомости. – 1911. – № 14. – С. 495–507.

8. **Извлечения** из отчетов уездных миссионеров о состоянии старообрядчества и сектантства в Смоленской епархии к 1908 году // Смоленские епархиальные ведомости. – 1908. – № 11. – С. 463–473.

9. **Иоанниты** в Духовщинском уезде // Смоленские епархиальные ведомости. – 1908. – № 6. – С. 254–257.

10. **Историко-статистическое** описание прихода села Щербина, Ельнинского уезда Смоленской губернии // Смоленские епархиальные ведомости. – 1874. – № 13. – С. 465–483.

11. **Клитин, Н.** У досуговских штундистов / Н. Клитин // Смоленские епархиальные ведомости. – 1910. – № 5. – С. 143–164.

12. **Куляшев, А.** Современные течения в русском сектантстве / А. Куляшев // Смоленские епархиальные ведомости. – 1910. – № 23. – С. 769–776.

13. **Миссионерские** данные о состоянии старообрядчества и сектантства в Смоленской епархии к 1910 году // Смоленские епархиальные ведомости. – 1910. – № 14. – С. 470–485.

14. **Некоторые** данные о состоянии раскола в Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. – 1901. – № 18. – С. 872–886.

15. **Некоторые** данные о состоянии раскола в Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. – 1901. – № 20. – С. 964–973.

16. **Некоторые** данные о состоянии раскола в Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. – 1901. – № 22. – С. 1110–1115.

17. **Орлов, М. С.** Носково Краснинского уезда / М. С. Орлов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1909. – № 18. – С. 639–641.

18. **Россия** в конце XIX века / под общ. ред. В. И. Ковалевского. – Санкт-Петербург, 1900.

19. **Секта** иоаннитов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1910. – № 14. – С. 455–465.

20. **Секта** иоаннитов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1910. – № 15. – С. 505–518.

21. **Секта** иоаннитов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1910. – № 16. – С. 543–555.

22. **Секта** иоаннитов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1910. – № 17. – С. 575–590.

23. **Соколов, Н.** Раскол в Смоленской епархии / Н. Соколов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1888. – № 9/10. – С. 375–388.

24. **Соколов, Н.** Раскол в Смоленской епархии / Н. Соколов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1888. – № 13. – С. 539–549.

25. **Соколов, Н.** Раскол в Смоленской епархии / Н. Соколов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1888. – № 15. – С. 630–637.

26. **Соколов, Н.** Раскол в Смоленской епархии / Н. Соколов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1888. – № 16. – С. 687–691.

27. **Соколов, Н.** Раскол в Смоленской епархии / Н. Соколов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1888. – № 17. – С. 728–743.

28. **Соколов, Н.** Раскол в Смоленской епархии / Н. Соколов // Смоленские епархиальные ведомости. – 1888. – № 18. – С. 769–781.

29. **Сперанский, И.** Завоевание Смоленска Литвою и краткий очерк его церковного состояния во время зависимости от Литвы : 1404–1514 г. / И. Сперанский // Смоленские епархиальные ведомости. – 1871. – № 4. – С. 58.

30. **Степченков, Л. Л.** Газета «Смоленские епархиальные ведомости» и ее редакторы / Л. Л. Степченков, Ю. А. Балбышкин // Вестник Церковной истории. – 2010. – № 1/2 (17/18). – С. 314–320.

31. **Хлысты** в Ельнинском уезде // Смоленские епархиальные ведомости. – 1908. – № 16. – С. 629–642.

32. **Церковная** уния в Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. – 1907. – № 4. – С. 159–163.

33. **Церковная** уния в Смоленской епархии // Смоленские епархиальные ведомости. – 1907. – № 5. – С. 205–212.

34. **Шимолин, В. И.** У истоков белорусской печати : епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. / В. И. Шимолин. – Минск : БГУ, 2010. – 199 с.

35. **Штунда** в Рославльском уезде // Смоленские епархиальные ведомости. – 1911. – № 7. – С. 259–260.

36. **Штундо-баптисты** // Смоленские епархиальные ведомости. – 1910. – № 18. – С. 619–631.

37. **Штундо-баптисты** // Смоленские епархиальные ведомости. – 1910. – № 19. – С. 663–669.

Карпекін К.Р. *(г. Віцебск)*

ІЎДЗЕЙСКАЯ АБШЧЫНА ОРШЫ Ў СЯРЭДЗІНЕ 1940-х – 1970-я гг.[1]

Орша, як і іншыя гарады Беларусі, у XX ст. з'яўлялася месцам пражывання значнай колькасці прадстаўнікоў яўрэйскай нацыянальнасці. Паводле вынікаў перапісу 1926 г. у дадзеным населеным пункце налічвалася амаль 6780 яўрэяў. Але ў наступныя дзесяцігоддзі іх лік скарачаўся: у выніку масавых забойстваў, учыненых нямецка-фашысцкімі войскамі ў 1941–1944 гг., было знішчана каля 3 тыс. яўрэяў. Праз міграцыйныя працэсы, якія мелі месца ў пасляваенны час, да 1970 г. колькасць яўрэяў Оршы знізілася прыкладна да 1 тыс. [1, с. 113; 13, с. 205]. Паколькі яўрэі традыцыйна спавядалі іўдаізм, змяншэнне іх колькасці непасрэдным чынам адбілася на дзейнасці іўдзейскай абшчыны горада. Дарэчы будзе адзначыць, што ў другой палове XX ст. аршанская іўдзейская супольнасць паводле ліку сяброў была адной з самых масавых на Віцебшчыне (апроч яе ў межах рэгіёна функцыянавалі абшчыны з колькасцю ў некалькі дзясяткаў вернікаў: у Верхнядзвінску, Віцебску, Лепелі і Полацку).

Мэтай дадзенага даследавання з'яўляецца аналіз дзейнасці іўдзейскай абшчыны Оршы ў сярэдзіне 1940-х – 70-х гг.

Ужо ў першыя гады пасля вызвалення Оршы ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў іўдзейская абшчына горада імкнулася легалізаваць сваю дзейнасць. У пачатку 1946 г. вернікі-іўдзеі падалі ўпаўнаважанаму Савета па справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў БССР па Віцебскай вобласці хадайніцтва пра рэгістрацыю малітоўнага дома і абшчыны, але атрымалі адмоўны адказ [15, арк. 227; 17, арк. 259].

У верасні 1946 г. іўдзеі горада правялі агульны сход, на якім абралі кіруючы орган абшчыны. Старшынёй духоўнага савета стаў Іцка Бенцыянавіч Пячэрскі, вучоным сябрам савета – Пінхус Мееравіч Свярбілаў, казначэем – Арон Пейсахавіч Нодаў (усяго ў склад савета ўвайшло сем сяброў) [7, арк. 2].

У гэты час паводле рэгістрацыйнага спіса іўдзейская абшчына налічвала 32 вернікі (24 мужчыны і 8 жанчын). Самымі шматлікімі сярод мужчын былі асобы ад 60 да 69 гадоў (29% ад агульнага ліку мужчын), ад 50 да 59 і ад 70 да 79 гадоў (па 21%). Вернікі ад 30 да 39 і ад 40 да 49 гадоў налічвалі па 12,5%. Асобы старэйшыя за 80 гадоў складалі толькі 4%. Што тычыцца жанчын, то палова з іх мела ўзрост ад 50 да 59 гадоў, на другім месцы паводле колькасці знаходзіліся вернікі ад 40 да 49 гадоў (37,5%), затым – ад 30 да 39 гадоў (12,5%). Прафесійны склад аршанскай іўдзейскай абшчыны ўяўляў

1 Матэрыялы з Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь сабраны дзякуючы праграме цэнтра «Сэфер» па падтрымцы даследаванняў у вобласці іўдаікі (грант Genesis Philanthropy Group).

сабой наступнае: сярод мужчын значную частку складалі пенсіянеры (63%) і рабочыя (33%), астатнія (4%) з'яўляліся работнікамі сферы абслугоўвання. Пераважная большасць жанчын (62,5%) былі хатнімі гаспадынямі, астатнія прафесійныя групы (рабочыя, работніцы сферы абслугоўвання, інваліды) паводле сваёй колькасці з'яўляліся раўназначнымі (па 12,5%) [7, арк. 8].

Да восені 1946 г. з вуснага дазволу старшыні аддзела камунальнай гаспадаркі Аршанскага гарвыканкама на месцы былой сінагогі вернікі паспелі ўзвесці сцены для новага малітоўнага будынка, але ў верасні Аршанскі гарсавет забараніў завяршэнне будаўніцтва. Вернікі былі вымушаны звярнуцца ў Віцебскі аблвыканкам па дазвол дабудаваць сінагогу. Паколькі ён атрыманы не быў, падчас восеньскіх навагодніх святаў 1946 г. вернікі збіраліся ў прыватным доме Софры Сойкінай, які размяшчаўся па вул. Савецкай, 84 [7, арк. 3, 6].

5 снежня 1946 г. сябры абшчыны правялі чарговы сход па перавыбранні кіраўніцтва. Рабінам быў прызначаны Пінхус Мееравіч Свярбілаў, сябрамі выканаўчага органа – Іцка Беніямінавіч Пячэрскі, Янкель Абрам-Лейбавіч Хшыва і Арон Пейсахавіч Нодаў, сябрамі рэвізійнай камісіі – Іосіф Нохімавіч Рыўкін, Самуіл Беніямінавіч Позін і Марыя Аронаўна Свірман. Тады ж абшчына заключыла з рабінам дамову на прадмет арэнды яго дома па вул. Калгаснай, 10 (зараз вул. Хігрына) і выкарыстання ў якасці малітоўнага памяшкання. Тэрмін арэнды мусіў доўжыцца 3 гады, плата складала 150 руб. штомесяц, прычым ацяпленне і асвятленне ажыццяўляліся за кошт сяброў абшчыны [7, арк. 9–10].

Вясной 1947 г. вернікі прасілі дазволіць ім арандаваць для малітоўных сходаў згаданы вышэй будынак па вул. Калгаснай, 10. Упаўнаважаны Савета па справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў БССР і Віцебскі аблвыканкам былі схільны даць дазвол і ў маі 1947 г. накіравалі адпаведны ліст у Маскву [15, арк. 237]. У жніўні 1947 г. Савет па справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў СССР паведаміў, што ён не бачыць неабходнасці адчыняць у Оршы іўдзейскі малітоўны дом, бо там не пражывае дастатковая колькасць вернікаў і не маецца свабодных будынкаў. Пасля гэтага вернікі пачалі пісаць скаргі не толькі кіраўніцтву БССР, але і І.В. Сталіну [14, арк. 164, 187].

Усяго ў гэты час у горадзе пражывала каля 2 тыс. паўналетніх яўрэяў, з якіх сябрамі іўдзейскіх абшчын, паводле розных дадзеных, з'яўляліся ад 300 да 400 чалавек [17, арк. 259].

Да восені 1947 г. сябры абшчыны ўласнымі сіламі ўзвялі будынак па вул. Калгаснай, 23, які яны планавалі выкарыстоўваць для малітоўных сходаў, і ў канцы кастрычніка 1947 г. накіравалі ўпаўнаважанаму Савета па справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў БССР чарговае хадайніцтва пра адкрыццё ў Оршы сінагогі, якое падпісалі 360 чалавек. У пачатку лістапада 1947 г. заяву аналагічнага зместу вернікі накіравалі старшыні Савета

Міністраў БССР П.К. Панамарэнку. Па ўсёй верагоднасці, дазвол дадзены не быў, бо напрыклад, у лютым 1948 г. сябры іўдзейскай абшчыны на малітоўныя сходы збіраліся ў кватэры Арона Шаевіча Чарняка, якая размяшчалася па вул. Калгаснай, 8. Будынак жа, які меркавалася арандаваць, ніякім чынам не выкарыстоўваўся [14, арк. 136–138, 141, 223, 250, 352].

У сакавіку 1949 г. паводле рашэння Савета па справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў СССР іўдзейскай абшчыне горада было адмоўлена ў адкрыцці сінагогі ў доме па вул. Калгаснай, 25, які належаў Іосіфу Рыўкіну [16, арк. 63].

У 1949 г. аршанская іўдзейская абшчына налічвала прыкладна 360 вернікаў, як і раней, на набажэнствы яны збіраліся ў доме па вул. Калгаснай, 8, іх кіраўніком з'яўляўся Пінхус Мееравіч Свярбілаў [18, арк. 30].

Паводле звестак, сабраных мясцовымі органамі ўлады, да 1955 г. аршанская іўдзейская абшчына налічвала каля 60 асоб, якія рэгулярна збіраліся на набажэнствы ў доме, размешчаным на рагу вул. Калгаснай і Кірава. У гутарцы з намеснікам упаўнаважанага Савета па справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў БССР, які ў 1955 г. наведваў Оршу, А.П. Нодаў – адзін з актывістаў абшчыны – заявіў, што вернікі не маюць намеру рэгістраваць сваю абшчыну, бо ў іх няма ні сінагогі, ні рабіна, ні дастатковай колькасці сяброў. У сваю чаргу намеснік упаўнаважанага трактаваў дадзеную заяву, як імкненне замаскіраваць дзейнасць рэлігійнай абшчыны [20, арк. 144–145].

У 1957 г. вернікі Оршы збіраліся ў памяшканні па вул. Калгаснай, 10. У сярэднім 2 разы на тыдзень на малітоўныя сходы прыходзіла ад 10 да 50 вернікаў, кіраўніком групы з'яўляўся І.Б. Пячэрскі [10, арк. 32].

Падобнае становішча захоўвалася і ў пачатку 1960-х гг. У прыватнасці, у кастрычніку 1961 г. незарэгістраваная іўдзейская абшчына Оршы налічвала 40–50 вернікаў, уласнага малітоўнага дома яна не мела [8, арк. 283].

У 1962 г. аршанская абшчына ажыццяўляла свае сходы ў прыватным доме па адрасе вул. Калгасная, 23, яе дзейнасцю кіраваў І.Б. Пячэрскі (на той час ён з'яўляўся пенсіянерам). Паводле слоў І.Б. Пячэрскага ён набыў згаданы будынак у Рыўкіна ў 1945 ці 1946 г., і з той пары жыў там разам з жонкай. Нагадаем, што паводле іншых звестак дом па ўказаным адрасе быў пабудаваны спецыяльна для малітоўных сходаў. Набажэнствы праходзілі раніцай і вечарам па суботах (на іх збіралася каля 10–15 чалавек), а таксама па рэлігійных святах (наведвала каля 30 вернікаў). За карыстанне памяшканнем сябры абшчыны ўзялі на сябе абавязак ацяпляць дом [6, арк. 12; 11, арк. 47].

Нягледзячы на тое, што пра дзейнасць іўдзейскай абшчыны Оршы было вядома, упаўнаважаны Савета па справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў БССР па Віцебскай вобласці лічыў немэтазгодным рэгістраваць яе, бо сходы адбываліся пераважна з нагоды найбольш важных рэлігійных

святаў і наведваліся асобамі сталага ўзросту. Адначасова службоўцы апасаліся, што выдача дазволу на афіцыйную рэгістрацыю пацягне за сабой актывізацыю іўдзеяў не толькі ў Оршы, але і ў іншых раёнах вобласці [12, арк. 247].

У сваю чаргу ўпаўнаважаны Савета па справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў БССР крытыкаваў сваіх падначаленых за тое, што яны імкнуцца замоўчваць факты функцыянавання ў гарадах іўдзейскіх абшчын, што нібыта гэта дрэнна адбіваецца на рэпутацыі той ці іншай вобласці. Упаўнаважаны лічыў недапушчальнымі выпадкі, калі рэлігійныя абшчыны пазбаўляліся рэгістрацыі і з таго часу за імі не вялося назіранне з боку мясцовых улад. Неабходна адзначыць, што такой крытыцы падвергся і ўпаўнаважаны Савета па Віцебскай вобласці адносна аршанскай іўдзейскай абшчыны [19, арк. 120–121].

У сярэдзіне 1960-х гг. вернікі-іўдзеі Оршы падтрымлівалі кантакты з абшчынамі замежных краін, якія аказвалі ім некаторую дапамогу. Так, напярэдадні свята Песах у 1965 г. у Оршу прыбыла адна пасылка з Ізраіля і адна – з ЗША (усе гэтыя пасылкі актыўна адсочваліся савецкімі органамі) [9, арк. 74].

У 1966 г. паводле афіцыйных даных аршанская іўдзейская абшчына налічвала 20–25 вернікаў [3, арк. 26]. У 1967 г. з мэтай абмежавання яе дзейнасці міліцыя зрабіла папярэджванне незарэгістраванай групе вернікаў, якія сабраліся на малітоўны сход 21 мая 1967 г. у доме І.Б. Пячэрскага па вул. Калгаснай, 23 [2, арк. 155].

З пачатку 1970-х гг. дзейнасць аршанскай абшчыны стала менш актыўнай: сходы вернікаў-іўдзеяў праводзіліся радзей, яны па-ранейшаму не мелі ўласнага малітоўнага дома. Да таго ж у 1972 г. памерлі А.П. Нодаў і І.Б. Пячэрскі, якія з'яўляліся асноўнымі каардынатарамі абшчыны [4, арк. 314]. Яе новым кіраўніком стаў Лазар Шэхтар, які пражываў па вул. Маякоўскага, 9. У 1976 г. іўдзейскае аб'яднанне налічвала 20–25 чалавек, свае сходы яны праводзілі ў памяшканні па вул. Калгаснай, 23 [5, арк. 40].

Такім чынам, нягледзячы на адсутнасць афіцыйнай рэгістрацыі, аршанская іўдзейская абшчына функцыянавала на працягу ўсяго даследуемага перыяду. Паводле розных даных яе колькасць вагалася ад некалькіх дзясяткаў асоб (якіх можна лічыць найбольш актыўнымі сябрамі) да некалькіх соцень. Асноўную частку вернікаў складалі мужчыны ва ўзросце пасля 50 гадоў. Калі ў першыя пасляваенныя гады абшчына імкнулася да легалізацыі сваёй дзейнасці, то пазней яна абрала тактыку ўтойвання яе ад органаў мясцовай улады. У сваю чаргу супрацьдзейнічанне апошніх іўдзейскай абшчыне было дастаткова пасіўным і праяўлялася галоўным чынам у недапушчэнні яе рэгістрацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Витебщина** освобожденная : октябрь 1943 – декабрь 1945 : документы и материалы / сост. Н. В. Воронова [и др.]. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2009. – 584 с.
2. **Дзяржаўны** архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 1439. – Воп. 1. – Спр. 3.
3. **ДАВВ.** – Фонд 1439. – Воп. 1. – Спр. 11.
4. **ДАВВ.** – Фонд 1439. – Воп. 2. – Спр. 27.
5. **ДАВВ.** – Фонд 1439. – Воп. 2. – Спр. 38.
6. **ДАВВ.** – Фонд 1439. – Воп. 3. – Спр. 177а.
7. **ДАВВ.** – Фонд 4029. – Воп. 1. – Спр. 2.
8. **ДАВВ.** – Фонд 4029. – Воп. 1. – Спр. 13.
9. **ДАВВ.** – Фонд 4029. – Воп. 1. – Спр. 19.
10. **ДАВВ.** – Фонд 4029. – Воп. 2. – Спр. 7.
11. **ДАВВ.** – Фонд 4029. – Воп. 2. – Спр. 13.
12. **ДАВВ.** – Фонд 4029. – Воп. 2. – Спр. 14.
13. **Краткая** еврейская энциклопедия : в 11 т. / ред. совет: Х. Бейнарт [и др.]. – Иерусалим : Еврейский ун-т, 1992. – Т. 6 : Обеты – Пять свитков. – 940 с.
14. **Нацыянальны** архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 952. – Воп. 1. – Спр. 7.
15. **НАРБ.** – Фонд 952. – Воп. 1. – Спр. 8.
16. **НАРБ.** – Фонд 952. – Воп. 1. – Спр. 17.
17. **НАРБ.** – Фонд 952. – Воп. 2. – Спр. 11.
18. **НАРБ.** – Фонд 952. – Воп. 2. – Спр. 21.
19. **НАРБ.** – Фонд 952. – Воп. 2. – Спр. 27.
20. **НАРБ.** – Фонд 952. – Воп. 2. – Спр. 51.

Лаўрык Ю.М. *(г. Мінск)*

ДА ПЫТАННЯ ПРА КРЫНІЦЫ СКАРЫНАВАГА ПЕРАКЛАДУ БІБЛІІ

Савецкі гісторык Яраслаў Шчапаў, калі вывучаў у 1970-х гг. славянскія рукапісы ў фондах польскіх бібліятэк, выявіў у зборах былой Ардынацыі Замойскіх рукапісныя кнігі з правененцыямі полацкага Сафійскага сабора. Ім жа было вылучана і некалькі манускрыптаў, якія, хоць такіх правененцый не мелі, аднак, верагодна, таксама паходзілі з Полацка. Паводле грунтоўна аргументаванага меркавання Я. Шчапава гэтыя кнігі трапілі ў бібліятэку Яна Замойскага пасля заваявання горада войскам Стэфана Баторыя ў 1579 г. [6]. Кнігазнаўчае апісанне рукапісаў навуковец даў у каталогу «Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики» [5].

З беларускіх даследчыкаў непасрэдным вывучэннем гэтых выданняў займаўся мінскі гісторык Васіль Варонін, які ўслед за Шчапавым аб'яднаў

згаданыя рукапісы па іх знешнім выглядзе і прысутных інскрыпцыях у адзіны кніжны комплекс полацкага паходжання [3].

На дадзены момант нас цікавіць толькі адзін помнік з названага комплексу – а менавіта канвалют, які ўключае кнігі Старога Запавету: Ісуса Навіна, Суддзяў, Руф, чатыры кнігі Царстваў і Эсфір. Той факт, што сабраныя ў ім рукапісы датуюцца апошняй чвэрцю XV ст., а ў збор Замойскіх яны трапілі ў 1579 г., дае нам права дапусціць, што яны маглі знаходзіцца ў Полацку ўжо напачатку XVI ст.

Гэтая акалічнасць бачыцца вельмі важнай з той прычыны, што склад канвалюта супадае з кнігамі, надрукаванымі Скарынам напрыканцы 1518 г. (жнівень–снежань) і ў 1519 г. Акрамя таго, на старонках Кнігі Эсфір прысутнічаюць глосы да паасобных слоў у тэксце, што можа з'яўляцца слядамі падрыхтоўкі тэксту да публікацыі – а гэта значыць, наўпрост указвала б на манускрыпт як на адну з крыніц Скарынавага перакладу.

Паколькі раней ніхто з даследчыкаў згаданы канвалют з дзейнасцю першадрукара не звязваў, аўтар гэтых радкоў палічыў неабходным напярэдадні юбілейнага года айчыннага кнігавыдання прыцягнуць увагу навуковай грамадскасці да магчымага выкарыстання нашым першадрукаром прысутных у канвалюце манускрыптаў пры падрыхтоўцы перакладу Бібліі. У гэтым кантэксце перад намі стаялі наступныя задачы:

1) праверыць, ці ўлічаны згаданыя глосы ў выданнях Скарыны – а таму, ці могуць належаць апошняму;

2) выявіць ступень уплыву царкоўна-славянскага тэксту на пераклад;

3) праверыць тэкст названых рукапісаў на прадмет супадзення з тэкстам пражскіх выданняў – такім чынам высветліць, ці маглі яны выкарыстоўвацца Скарынам пры перакладзе Бібліі.

Доступ даследчыкаў да тэкстаў канвалюта на сёння спрошчаны дзякуючы размяшчэнню поўнафарматнай лічбавай копіі помніка на сайце «Cyfrowa Biblioteka Narodowa "Polona"» [1]. Пры аналізе тэкстаў пражскіх друкаў я карыстаўся факсімільным выданнем Скарынавай Бібліі [2].

Параўнанне глосаў з тэкстам выдання Кнігі Эсфір паказала, што Скарына іх не выкарыстоўваў. Напрыклад, у манускрыпце прысутнічае выраз «от одуда же и до хусъ», які на палях патлумачаны «отъ Індѣи до Куш» – друкар жа перадае фрагмент, як: «Ѿинъдии Доеѳиопии». Падобнае назіраецца і з імёнамі асобаў: імя «Вафесъ» патлумачана, як «Терешь», у той час як Скарына ўжывае форму «Таресъ». Між іншым, рэдактар манускрыпта ў некаторых выпадках рабіў спробы прывесці тэкст да аднастайнасці: у адным месцы да слова «староста» ён дапісаў на палях слова «тивунъ», а ў іншым, наадварот, да слова «тивуна царева» – «старосты». Для нас, аднак, важна тое, што ані першага, ані другога слова ў Кнізе Эсфір Скарына не ўжывае зусім. Такім чынам, прысутныя на старонках Кнігі Эсфір маргінальныя глосы ў выданні Скарыны не выкарыстаны, а значыць не з'яўляюцца яго праўкамі.

Аднак гэты факт не азначае, што рукапісы канвалюта не маглі быць выкарыстаны Скарынам пры падрыхтоўцы пражскіх выданняў. Каб зразумець ступень уплыву царкоўна-славянскага тэксту, найперш прыгледземся да паслядоўнасці Скарынавага перакладу. Яшчэ Пётр Уладзіміраў паказаў, што ў аснову выданняў Скарыны пакладзены тэкст Чэшскай Бібліі 1506 г., заснаваны на Вульгаце [4, с. 129]. Якую ролю ў такім выпадку адыграў тэкст царкоўнаславянскі?

Разгледзім сказ з пачатку канвалюта: «[…] же братæ вашеæ весь крѣпокъ и поборите по них дондеж҃ покои б҃гъ братю вашю æкож҃ и вас» [1, слайд 1]. У выданні Скарыны гэты фрагмент з Кнігі Ісуса Навіна (I, 14–15) гучыць наступным чынам: «[Вы пакъ сами идите] предъ братиею вашею сынъми израилевыми вси мужи сильныи возброи, и воюйте пред ними дондеже дасть господь богъ ѿпочинение братии вашей, æкоже и вамъ прежде далъ есть» [2, т. 1, с. 743].

На жаль, Чэшская Біблія 1506 г. у мінскіх музейных ды бібліятэчных зборах адсутнічае; не ўдалося таксама выявіць яе поўнафарматнай копіі ні ў *Manuscriptorium*'е, ні на сайтах буйных бібліятэк – таму мы не можам у поўнай меры выкарыстаць яе для параўнання. Аднак для нашай цяперашняй мэты дастаткова і Вульгаты, тэкст якой паслужыў падставай для чэшскага перакладу. Паводле яе цытаваны фрагмент выглядае наступным чынам: «[vos autem transite] armati ante fratres vestros omnes fortes manu et pugnate pro eis donec det requiem Dominus fratribus vestris sicut et vobis dedit».

Зрабіўшы параўнанне пададзеных версій фрагмента, мы бачым, што сапраўды у аснове перакладу Скарыны ляжыць тэкст, заснаваны на Вульгаце, а ўплыў царкоўнаславянскага тэксту – мізэрны і праяўляецца хіба толькі ў даданні паводле рукапісу злучнікаў «дондеже» і «æкоже».

У большай ці меншай меры падобны вынік мы атрымалі і пры выбарачным параўнанні іншых месцаў у тэкстах канвалюта са Скарынавымі выданнямі і Вульгатай. У асобных выпадках ступень прысутнасці царкоўнаславянскага тэксту была большай, але найчасцей яна абмяжоўвалася некалькімі словамі ці зваротамі, што былі ўстаўлены ў тканку заснаванага на Вульгаце перакладу; прычым і вельмі вялікія фрагменты выкарыстоўваліся толькі ў выпадку іх сэнсавага супадзення са згаданым выданнем.

Такім чынам, да кірылічных рукапісаў Скарына звяртаўся ўжо post factum: зрабіўшы найперш пераклад на старабеларускую мову паводле Чэшскай Бібліі, ён ужо пасля выбіраў характэрныя царкоўнаславянскія выразы-«маркеры», якія ўстаўляў у адпаведныя месцы падрыхтаванага тэксту. Інакш кажучы, царкоўнаславянскі пераклад кніг Бібліі ўжываўся ім выключна ў «дэкаратыўных» мэтах – каб зрабіць мову сваіх выданняў больш звыклай для вока айчыннага чытача.

Тым не менш, каб не падпасці пад абвінавачванне ў карыстанні неадпаведнымі крыніцамі, для далейшага аналізу возьмем цытаты з Чэшскай Бібліі

1506 г., пададзеныя ў манаграфіі П. Уладзімірава [4]. У гэтым кантэксце наша праца аблягчаецца яшчэ і тым, што даследчык суправадзіў цытаваныя фрагменты паралельнымі месцамі з Генадзеўскай і Астрожскай Біблій, што дае магчымасць адразу параўнаць іх з тэкстам нашых рукапісаў. Ніжэй мы падаём толькі цытаты з Астрожскай Бібліі, якую выбралі з-за рэдакцыйнай блізкасці да рукапісаў нашага канвалюта.

Кніга Ісуса Навіна (V, 9)

Чэшская Біблія 1506 г.: «Y rzekl ge pán buoh k Yozue. Dnesť gsem odyal poganienje Egipské od wás» [4, с. 150].

Астрожская Біблія: «И рече ґь Къисүсү въд҃нешній д҃нь, ѿринүхъ оукоризнү Египетскү ѿвасъ» [4, с. 150].

Полацкі рукапіс: «Иреч҃ ґь Къисүс҃ въд҃нешнїй д҃нь ѿринүхъ оукоризнѫ Египетскү ѿвасъ» [1, сл. 11].

Выданне Скарыны: «Иреч҃е гс҃дь КоИсүсу днесь есмъ ѿнѧлъ үкоризну Египетъскую ѿвасъ» [2, т. 1, с. 743].

Кніга Суддзяў (XIX, 22)

Чэшская Біблія 1506 г.: «Akdyž gsú gedli a po czestie odpočžijwali» [4, с. 131].

Астрожская Біблія: «Иегда възвеселисѧ срд҃це ихъ» [4, с. 131].

Полацкі рукапіс: «иѣдоша ипиша. сихже веселѧщихсѧ срд҃цемъ» [1, сл. 172].

Выданне Скарыны: «Иегда наелисѧ ипочали почивати поүтружании путѧ» [2, т. 2, с. 86].

Кніга Руф (I, 22)

Чэшская Біблія 1506 г.: «Y przyssla gest Noemi s Rúth newiestú swú z zemie Moabské: kdežto byla po hostinu do Bethléma we žni, gdyž nayprw žali geczmen» [4, с. 150].

Астрожская Біблія: «ивъзвратисѧ ноемминь, ирүѳа сноха еѧ снею, ѡбращаюшисѧ съ села моавлѧ, ипридоста въ виѳлеомъ вначало жатвы ѣчменѧ» [4, с. 150].

Полацкі рукапіс: страчаны аркуш з адпаведным фрагментам (павінен знаходзіцца паміж арк. 183 і 184).

Выданне Скарыны: «Ипришла ест Ноеми Зруѳомъ невестъкою своею изъземли Моавъское Довиѳълеома Іюдина вначало жатвы ѣчменѧ» [2, Т. 2, с. 106].

Кнігі Царстваў (1, XIV, 44)

Чэшская Біблія 1506 г.: «toto mi vcžyn pan buoh: a nadto przyday: žeť gest nelze než vmrzyeti Jonato» [4, с. 131].

Астрожская Біблія: «да смертію үмреши днесь іонаѳан» [4, с. 131].

Полацкі рукапіс: «тако створи ми б҃гъ исе приложи ми ида смер҃тию үмреши днес҃» [1, сл. 257].

Выданне Скарыны: «сие ми үчини боже инадто придаи, ижеть есть нельзе токмо үмрети Енаѳо» [2, Т. 2, с. 175].

Кніга Эсфір (VIII, 9)

Чэшская Біблія 1506 г.: «Tehdy powolawsse kanczlérzuow a pijsarzuow králowských» [4, с. 166].

Астрожская Біблія: «ивозвани быша пѣсцы цр҃вы» [4, с. 166].

Полацкі рукапіс: «и возвани быша писцы цр҃вы» [1, сл. 702].

Выданне Скарыны: «Тогда позвали диаковъ ипсаревъ Царевыхъ» [2, Т. 2, с. 679].

Такім чынам, пераклад біблейскіх кніг у выданнях Францішка Скарыны ажыццяўляўся паводле Чэшскай Бібліі 1506 г., а царкоўнаславянскія рукапісы выкарыстоўваліся толькі з мэтай надання тэксту звыклага для чытача выгляду.

Прысутныя ў Скарынавым перакладзе фрагменты царкоўна-славянскага тэксту паказваюць, што рэдагаванне, верагодна, адбывалася паводле рукапісаў той самай рэдакцыі, што прысутнічаюць у Полацкім канвалюце. Аднак наяўны матэрыял не дазваляе на дадзены момант выявіць індывідуальныя рысы выкарыстаных друкаром рукапісаў.

Інакш кажучы, хоць непасрэдных сведчанняў пра тое, што рукапісы з канвалюту польскай Нацыянальнай бібліятэкі ў Варшаве BOZ 105 выкарыстоўваліся Скарынам, не выяўлена, аднак яны дэманструюць тэкстуальныя супадзенні з перакладам біблейскіх кніг у выданнях першадрукара. Гэта дае падставы меркаваць, што Скарына мог пры перакладанні карыстацца Полацкім канвалютам – ці падчас непасрэднай працы з тэкстам, ці загадзя зрабіўшы з іх копію.

Тым не менш, каб выказацца на гэты конт больш катэгарычна, неабходна ажыццявіць больш дэтальнае супастаўленне Скарынавых выданняў з тэкстам Чэшскай Бібліі, з аднаго боку, і з іншымі царкоўнаславянскімі рукапісамі адпаведных старазапаветных кніг – з другога.

ЛІТАРАТУРА

1. **BOZ** 105 [Электронны рэсурс] : Biblia. Księgi Starego Testamentu. – S. l., ca 1475 – ca 1500 // Cyfrowa Biblioteka Narodowa «Polona». – Рэжым доступу: https://polona.pl/item/8629319. – Дата доступу: 13.10.2016.

2. **Біблія** : факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 гг. : у 3 т. / [адказ. рэд. С. В. Кузьмін]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл. імя Петруся Броўкі, 1990–1991. – Т. 1–3.

3. **Варонін, В. А.** «Книга светого Софея» : (да гісторыі полацкіх кніжных збораў XV–XVI стст.) / В. А. Варонін // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 3. – С. 46–51.

4. **Владимиров, П. В.** Доктор Франциск Скорина : его переводы, печатные издания и язык / П. В. Владимирова. – [Санкт-Петербург] : Тип. Императ. Акад. наук), 1888. – [10], XXVI, [2], 351 с., [1] л. фронт., [11] л. : ил. – (Общество любителей древней письменности).

5. **Восточнославянские** и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской народной республики : в 2 ч. / сост. Я. Н. Щапов. – М., 1976. – Ч. 1, 2.

6. **Щапов, Я. Н.** Библиотека полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской / Я. Н. Щапов // Очерки русской истории, источниковедения, археографии / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук. – М. : Наука, 2004. – С. 297–313.

Макараў М.Д. *(г. Мінск)*

НОВАЯ КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ВАСКРАСЕНСКАЙ РЫНКАВАЙ ЦАРКВЫ Ў ВІЦЕБСКУ

Васкрасенская Рынкавая царква – адзін з найпрыгажэйшых будынкаў гістарычнага цэнтра Віцебска і архітэктурных сімвалаў горада. Узвядзенне мураванага храма было завершана ў 1772 г. На жаль, пра гісторыю царквы ў больш ранні час захавалася адносна мала звестак. Вядома, што ў другой палове XVI – першых дзесяцігоддзях XVIII ст. храм быў драўляным, размяшчаўся на рагу вул. Падзвінскай (сучасная вул. Талстога) і Узгорскай (сучасная вул. Суворава), усходняй алтарнай часткай выходзіў на Рынкавую плошчу [3, с. 54–55].

Падчас вывучэння захаваных кніг віцебскага магістрата, што зберагаюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў Мінску, намі быў выяўлены дакумент, які дадае да гісторыі Васкрасенскай Рынкавай царквы некалькі істотных, раней невядомых дэталяў. Гэта ліст аб продажы ў 1733 г. мешчанінам зямельнага ўчастка, што непасрэдна прылягаў да храма, царкоўнаму брацтву [1, арк. 410 – 412 адв.]. Тэкст крыніцы змешчаны ў канцы артыкула.

Дакумент асвятляе наступную сітуацыю. 20 верасня 1733 г. віцебскі мешчанін Сымон Фелінскі Лытка прадаў старастам брацтва Васкрасенскай Рынкавай царквы (віцебскім райцам Сымону і Міхалу Лапам, бурмістру Цімафею Мушчынку, райцу Даніэлю Бабурку) свой пляц у Віцебску, размешчаны побач з храмам. Грошы, неабходныя для набыцця зямельнага ўчастка (115 талераў), былі выплачаны мяшчанкай Таццянай Бонічаўнай і яе мужам Ільёй Лускіным са сродкаў памёрлага брата Таццяны, віцебскага мешчаніна Яна Тэадоравіча Боніча, згодна з тастаментам апошняга. Царкоўнае брацтва атрымала права свабодна распараджацца згаданым пляцам: магло пабудаваць на ім шпіталь для бедных або адвесці яго пад могілкі. За гэта яно павінна было ўпісаць імёны самога Яна Боніча, яго бацькі Тэадора і сястры Таццяны ў сінодзік-памяннік (брацкі каталог) Васкрасенскай Рынкавай царквы. Усе ўмовы трансакцыі, несумненна, былі агавораны яе ўдзельнікамі яшчэ пры жыцці мецэната.

Як вынікае з тэксту крыніцы, набыты на карысць царквы зямельны ўчастак знаходзіўся непадалёк ад Рынкавай плошчы на вул. Суражскай. Такую назву ў другой палове XVII – першай палове XVIII ст. магла мець пракладзеная з рынку ў паўночным напрамку вул. Узгорская, бо менавіта яна выводзіла да Суражскай брамы Узгорскага замка. Пляц Лыткі меў форму няправільнага чатырохвугольніка, прычым, як вынікае з апісання, рэльеф мясцовасці на ім значна паніжаўся ў кірунку з усходу на паўднёвы захад. Сваім галоўным усходнім бокам, што меў даўжыню каля 39 віленскіх локцяў, пляц выходзіў на вул. Суражскую насупраць зямельных участкаў віцебскай ратушы і будынка гарадской важніцы. Паўднёвым бокам (звыш 30 локцяў) участак непасрэдна прылягаў да Васкрасенскай Рынкавай царквы. Яго заходняя, дакладней паўднёва-заходняя мяжа (амаль 46 локцяў), бегла па схіле гары ўздоўж размешчанай ніжэй, ужо на вул. Падзвінскай, зямлі бурмістра Цімафея Мушчынкі. Паўночным бокам (37 ½ локцяў) пляц прылягаў да ўчастка пад назвай «Кабак», што належаў каталіцкай царкве і выходзіў на тую ж вул. Суражскую.

Дакумент сведчыць пра тое, што на момант продажу пляца (20 верасня 1733 г.) на прылеглым да яго з паўднёвага боку царкавішчы не існавала ніякага будынка храма. Тут знаходзіўся толькі «закладзены падмурак згарэлай віцебскай Васкрасенскай Рынкавай царквы». Вызначыць, калі здарыўся пажар, што знішчыў большую частку драўлянай забудовы Узгор'я разам з царквой, няцяжка. У Летапісе Аверкі і Панцырнага паведамляецца, што 31 мая 1733 г. па старым календары (11 чэрвеня 1733 г.) «горад Віцебск, рынак, крамы і цэрквы выгарэлі ад вялебных айцоў бернардынаў, якія рабілі арган і зайгралі на ўвесь свет» [2, с. 200]. У запісе пра гэты пажар на палях экзэмпляра рукапіснай «Кнігі прывілеяў Віцебска», што захоўваецца ў Кракаве, Васкрасенская Рынкавая царква згадваецца сярод знішчаных агнём будынкаў [4, арк. 227]. 11 чэрвеня 1733 г. старая царква перастала існаваць, а ўжо праз 3 месяцы (да 20 верасня) працы па закладцы на яе месцы падмурка новага храма былі завершаны. Сціслыя тэрміны выканання будаўнічых работ схіляюць да высновы, што размова ідзе пра падмурак драўлянага, а не магутнага мураванага будынка. Можна ўпэўнена казаць пра тое, што пасля пажару 1733 г. храм на рынку быў яшчэ раз адноўлены з дрэва.

Археолаг І. Цішкін на падставе матэрыялаў раскопак 1991–1994 гг. выказаў меркаванне, што ўзвядзенне арыентаванай апсідай на поўнач мураванай Васкрасенскай Рынкавай царквы «пачалося недзе на мяжы 40-х – 50-х гг. 18 ст.». Ім было таксама ўстаноўлена, што «на пагорку з паўночнага боку (старой драўлянай. – *М. М.*) царквы знаходзіліся могілкі», а «новы мураваны храм быў пастаўлены на тэрыторыі старых могілак», і «падчас закладкі падмуркаў будаўнікі натыкаліся на пахаванні, рэшткі якіх былі сабраны імі і перазахаваны ў адмыслова зробленай дзеля гэтага нішы ў цэнтры падмурка алтарнай апсіды» [3, с. 54–55]. Неабходна нагадаць, што ўмовы перадачы

Сымонам Фелінскім Лыткам свайго пляца старастам царкоўнага брацтва прадугледжвалі магчымасць арганізацыі на ім могілак. Не выключана, што пахаванні на былым мяшчанскім агародзе з'явіліся толькі пасля 1733 г.

Такім чынам, зямельны ўчастак, пра які ідзе размова, непасрэдна прылягаў да старога драўлянага будынка Васкрасенскай Рынкавай царквы з паўночнага боку. Пасля перадачы царкоўнаму брацтву ён некаторы час выкарыстоўваўся як могілкі. Гэты пляц можна ўпэўнена лакалізаваць. У нашы дні на ім узвышаюцца паўночная частка асноўнага аб'ёму і апсіда мураванага храма. Дакумент не дае магчымасці дакладна датаваць, калі тут пачалося быдаўніцтва з цэглы, аднак, несумненна, трансакцыя 20 верасня 1733 г. адыграла выключнае значэнне ў пазнейшай гісторыі царквы. У яе выніку зямельны ўчастак на рынку ў Віцебску, што належаў храму, значна павялічыўся і набыў выцягнуты ўздоўж вул. Узгорскай з поўдня на поўнач выгляд. Дзякуючы гэтаму праз некалькі дзесяцігоддзяў пры ўзвядзенні мураванай царквы невядомы нам дойлід атрымаў магчымасць адмовіцца ад традыцыйнай арыентацыі будынка апсідай на ўсход, развярнуць яго корпус па асі поўдзень–поўнач і арганічна ўпісаць галоўным фасадам у архітэктурны ансамбль Рынкавай плошчы.

1733 г. кастрычніка 2. г. Віцебск. – Актыкацыя мешчаніну г. Віцебск Сымону Фелінскаму Лытку ліста 1733 г. верасня 20. г. Віцебск. аб продажы ім за грошы мешчаніна г. Віцебск Яна Боніча старастам брацтва Васкрасенскай Рынкавай царквы Сымону і Міхалу Лапам, Цімафею Мушчынку і Даніэлю Бабурку зямельнага ўчастка на вул. Суражскай у г. Віцебск.

«*[410]* Zeznania zapisu wieczysto przżedażnego od szlachetnego pana | Symona Felinskiego szlachetnym panom starostom | cerkwi Woskresenskiey Rynkowey witebskiey da|nego, służącego y należącego. |

Roku tysiąc siedemsetnego trzydziestego trzeciego | m(ie)s(ią)ca octobra dnia wtorego. |

Przede mną Antonim Pioro, skarbnikiem woie|wodzstwa, lantwoytem witebskim od iasnie wiel|możnego j(ego)mosci pana Marcijana Michała z | Kozielska Oginskiego, woiewody y woyta witeb|skiego, borysowskiego, przżewalskiego, babilickiego | et c(etera) starosty, pułkownika J(ego) K(rólewskiej) M(o)sc(i) ustanowionym. Y | przed nami burmistrżami, raycami, ławnikami | y cało rado magistratu miasta J(ego) K(rólewskiej) M(o) sc(i) Witebska na | sądach maydeburij w ratuszu zasiadaiącymi. |

Stanowszy oczewisto szlachetny pan Symon Felin|ski Łytko, burmistrżowicz witebski, zapis swoy | wieczysto przżedażny szlachetnym panom Symo|nowi y Michałowi Łapom, raycom, Danielowi | Boburce, raycowi, witebskim, fundatorom sta|rostom cerkwi Woskresenskiey Rynkowey witeb|skiey dany, służący y należący przżyznał, a przyznawszy | prosił nas urżędu aby był do akt xiąg mieskich ratusz|nych witebskich przyięty y wpisany.

Iakoż mi, urząd, ony | przyiowszy y ogłondawszy że wszytko rzeczo w nim in|serwowaną wpisac w akta zlecilismy. Który wpisuiąc | słowo do słowa tak się w sobie ma. || *[410 адв.]*

Ia, Symon Felinski Łytka, burmistrzowicz wi|tebski, czynię wiadomo y iawno zeznawam tym | moym dobrowolnym przedażnym zrzeczonym listem | nieodzownym zapisem, komu

by o tym wiedziec będzie | należało teraznieyszego y napotym będocego wieku | ludziom.

Iż ja maiąc w mocy, władzy, w spokoynym | wieczystym dzierżeniu y uzywaniu moim od w Bogu | zeszłych dobrodzieiow rodzica y matki mey Felins|kich Łytkow po rozdzieleniu placow z bracią mo|ią Felinskami Łytkami na moią częsc plac z | ogrodem naturalnym prawem przyrodzonym wiecz|noscią na moią osobe successive spadły leżący w | miescie Je(g)*o* Kr(ólewskiej) M(oś)c(i) Witebskim przy ulicy Suraz|kiey niedaleko od Rynku, mianowicie idąc z | targu żytnego obok cerkwi Woskresenskiey Ryn|kowey witebskiey z jedney strony, z drugiey strony | obok placu kapitulnego Kabakiem nazwa|nego szynkownego, na którym mieszka żyd Mow|sza Ickowicz, prżodem do ulicy Surazkiey prze|ciwko placow mieskich ratusznych witeb|skich y ważnicy, tyłem ku dołowi przyległy | do placu szlachetnego pana Tymofieja Musz|czynki, burmistrża y kupca miasta Je(g)*o* Kr(ólewskiej) | M(oś)c(i) Witebska, na którym mieszka sławetny pan | Niceta Abramowicz, ławnik miasta Je(g)*o* Kr(ólewskiej) M(oś)ci | Witebska, łokciową miarą wilensko z przodu od | ulicy Surazkiey od placu kapitulnego Kabackiego | do fundamentu założonego zgorżałey cerkwi Wos|kresenskiey Rynkowey witebskiey wdłuż łokci trzy|dziescie dziesięc y pułczwierci, tym fundamentem | cerkiewnym z jedney strony od placu szlachetnego | pana Muszczynki poprżek szyrżyni od ulici wdoł | łokci trzydziescie y trzec, od ulici od | placu pana Muszczynki poprzek łokci | trzydziescie siedem y puł łokcia w | klin, z tyłu od fundamentu około placu | pana Muszczynki wdłuz do płacu Kabaku w klin łokci | cztyrydziescie || *[411]* czty(r)dziescie pięc y czwierci trzy. Który ten plac do | daty tego listu mego dobrowolnego wieczysto | przedażnego zrzeczonego nikomu ni w czym | niepienny, niewinny, przewodami prawnemi, | długami, zapisamy obligacijnemi niobciążony, | wolny y swobodny, pod jurizdykcią mieską pod | przysądem prawa maydeburskiego zostaiący. | A będąc ja teraz pilno potrzebnym summy pie|niędzi na rożne potrzeby y expensa moie, przeto | nie z żadnego przymusu y ludzkiey namowy, lecz | sam po swey dobrey woli, ten plac z ogrodem | przedałem prawem wieczystym dla przyle|głosci onego, ku chwale Bożey na cerkiew | Woskresenską Rynkową witebską na ten | czas będącom fundatorom szlachetnym panom | Symonowi y Michałowi Łapom, szlachetnym | panom Timofiejowi Muszczynce, burmis|trżowi, Danielowi Boburce, raycowi, starostom | y successorom po nich następuiącym za sum(m)ę | w Bogu zeszłego sławentnego pana Theodoro|wicza Bonicza, raycowicza witebskiego, | przed zeysciem z tego swiata za żywota | na kupienie placu mego testamentem za|pisał sławetnemu panu Heliaszowi Łuskinie, | szwagrowi, y siestrze swey rodzoney, Tatianie | Boniczownie Heliaszowey Łuskinczyney, | małżonkom, opiekunom, aktorom y possessorom, | roskazuie onym, aby według stargowaney | summy ten plac zapłacili y na cerkiew Wos|kresenską Rynkową witebsko obrocili y | przyłączyli na wieczne potomne czasy. Na tą | intenciją aby fundatorowie starostowie teraz|nieyszy y sukcessorowie po nich następuiące w | modłach swych codziennych braterskich y | Służbach Bożych kapłanskich za dusze | zmarłych Theodora Bonicza, Tatjany | Boniczowey, y legatora tey summy Jana Bonicza, y wszystkich krewnych, tak żywych, || *[411 адв.]* jako y umarłych, wpisawszy do katałogu bra|terskiego zbawieniu dusz swiadczyc raczyli. | Za ktory plac z legacij summy Jana Bonicza | z wiernych rąk od pana Heliasza Łuskinki y | pani Tatiany Boniczowny Heliaszowey Łus|kinczyney, małżonkow, odliczyłem y odebrałem, | to iest talarow bitych sto y piętnascie, y urzędo|wnie przez ła(w)nika y sług mieskich ratusznych | witebskich na wiecznosc do cerkwi Woskresenskiey | Rynkowey witebskiey podałem y instromi|towałem. Wolni tedy y mocny będą wiż pomie|nioni fundatorowie starostowie y successorowie | onych ten plac spokoynie trzymac, szpitał dla | ubogich stawic, na cmentarz ku pogrzebowi z|marłych ludzi

chrżescianskich obrocic, pożytki | wynayduiąc odbierac, a odbieraiąc pod sum|nieniem na chwałę Bożą potrzebnę cerkwi | obracac, jednak ten plac od cerkwi Rynkowey | wiecznemi czasy nie ma byc odłączony, bez żad|ney ode mnie samego, krewnych y obczych ludzi | przeszkody y interessacij, ktorey czynic nie mam | y successorowie moi nie powinni będą, ale owszem | od każdego wstępuiącego turbatora, by y o nay|mnieyszo cząstkę u każdego sądu prawa swoim | groszem y nakładem ewinkowac, bronic, chronic, | oczyszczac y zastępowac powinien będę pod za|ręko talarow bitych stu y piętnastu y pod nag(ro)dze(niem) | szkod, kosztow, utrat y nakładow prawnych. O | którą zaręke, szkody, koszty, utraty y nakłady | prawne, jako y o naruszenie tego listu przedażnego | zrżeczonego, w ktorym kolwiek punkcie y para|grafie wyżey y niżey opisanym mnie samego | pozwem pozwac, zakazem zakazac, a gdzie ja | będąc zapozwanym lub zakazanym, nie schodząc | z izby sądowey zaręki, szkody, koszty, utraty, na|klady prawne zapłacic powinien będę pod toż | zaręką wyż opisaną. Spraw żadnych sta|rych nie mam w siebie gwoli drugich placow || *[412]* przedaznych szlachetnemu panu Tymofiejowi | Muszczynce, burmistrzowi witebskiemu, jednak | respektem obrony y ochrony uprosiwszy u pana | Muszczynki dodawac powinien będę.

Y na to ja, | Symon Felinski, burmistrżowicz witebski, dałem szlachetnym panom Symonowi y Michałowi, | raycom, Łapom, Tymofiejowi Muszczynce, bur|mistrżowi, Danielowi Boburce, raycowi, fun|datorom starostom cerkwi Woskresenskiey | Rynkowey witebskiey y successorom po nich na|stępuiącym, ten moy list dobrowolny przedazny | wieczysto zrżeczony zapis przy pieczęci z pod|pisem ręki moiey własney y z podpisem rąk | panow piczętarżow ode mnie ustnie y oczewisto pro|szonych.

Pisan w Witebsku roku tysiąc siedemset|nego trzydziestego trżeciego m(ie)s(ią)ca septembra dwu|dziestego dnia.

U tego zapisu podpisy rąk tak | samych aktorow, iako y panow piczętarżow timi | słowy. Tymofiey Muszczynko, burmistrz witebski, | ręko swą. Symon Felinski Łytka, ręko swą | własną. Ustnie oczewisto proszony pieczentarż | od osoby wysz wyrażoney do tego prawa wieczystego | przedażnego zrzeczonego podpisuię się podług pra|wa, Gabriel Awierka, burmistrz witebski. Ust|nie y oczewisto proszony pieczentarz od szlachet|nego pana Symona Felinskiego Łytki, burmi|strżowicza miasta J(ego) Kr(ólewskiej) M(o)sc(i) Witebska do tego | prawa wieczystego przedażnego zrzeczonego na | plac do cerkwi Rynkowey Woskresenskiey wi|tebskiey z legacij w Bogu zeszłego słł(awetneg)*o* pana | Jana Bonicza kupionego, do ktorego prawa wie|czystego podpisuię się, Symon Ziemkowicz, ławnik | J(ego) K(rólewskiej) M(ości) Witebska. Ustnie y oczewisto proszony od | osoby wiż wyrażoną do tego jego prawa dobrowolnego | przedaznego wieczysto zrzeczonego zapisu podług | prawa iako pieczętarz podpisuię się, Artemi Pawło|wicz, rayca witebski. Ustnie y oczewisto proszony pie|czentarz od osoby w tym liscie wyrażoney do tego jego | prawa wieczysto przedażnego podług prawa pod||*[412 адв.]*pisuię się, Niceta Abramowicz. Który to takowy za|pis za ustnym y oczewistym onego zeznaniem jest | do aktu xiąg mieskich ratusznych przyięty y w|pisany. | Wypis wydany» [1].

ЛІТАРАТУРА

1. **Нацыянальны** гістарычны архіў Беларусі. – Фонд 1805. – Воп. 1. – Спр. 2. – Арк. 410 – 412 адв.

2. **Полное** собрание русских летописей. Хроники : Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи : Баркулабовская, Аверки и Панцырного / АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва : Наука, 1975. – Т. 32. – 234 с.

3. **Цішкін, І.** Храм на Рынку ў Віцебску / І. Цішкін // Віцебскі сшытак. – 1996. – № 2. – С. 54–56.
4. **Biblioteka** PAU/PAN w Krakowie. – Rękopis 3143.

Мыслівец Г.М. *(г. Полацк)*

СТАНАЎЛЕННЕ АГУЛЬНАЦАРКОЎНАГА КУЛЬТУ ЕЎФРАСІННІ ПОЛАЦКАЙ (1910–1917)

Падчас кіравання расійскага імператара Мікалая II (1894–1917) адбылася актывізацыя дзейнасці ў кананізацыйным працэсе, дзякуючы чаму колькасць праслаўленых святых узрасла. Яшчэ ў 1908 г. на Усерасійскім місіянерскім з'ездзе, які праходзіў у Кіеве, была прынята рэзалюцыя аднавіць хадайніцтва аб перанясенні з Кіева-Пячэрскага манастыра ў Полацк святых астанкаў Еўфрасінні [8]. У адпаведнасці з пастановай Кіеўскага з'езда члены полацкага брацтва ў гонар святіцеля Мікалая і прападобнай Еўфрасінні і віцебскага Свята-Уладзімірскага брацтва, тысячы вернікаў на чале з епіскапам Полацкім і Віцебскім Серафімам (Мешчараковым) (1902–1911) у красавіку 1909 г. звярнуліся з прашэннем у Святейшы сінод [19]. Нарэшце (у сёмы раз), прашэнне, выказанае ад прадстаўніка Полацка-Віцебскай епархіі, было задаволена і 8 чэрвеня 1909 г. зацверджана Святейшым сінодам [6, с. 30].

Для таго, каб належным чынам сустрэць святыню, пастанавілі паўсюдна арганізоўваць хрэсныя хады, вызначыўшы загадзя маршруты іх накіравання. На ўсім шляху шэсця працэсіі са святымі мошчамі святары павінны былі прамаўляць пропаведзі, каб вернікі змаглі адчуць значнасць падзеі. У самім Спаса-Еўфрасіннеўскім манастыры была створана адпаведная інфраструктура для ўладкавання вернікаў падчас паломніцкіх візітаў: за адносна кароткі перыяд былі ўзведзены гасцінныя дамы, адрэстаўрыраваны храмы, манаскія карпусы і інш. У сваю чаргу, Савет полацкага брацтва разгарнуў актыўную падрыхтоўку да свята перанясення па ўсёй тэрыторыі Полацка-Віцебскай епархіі: сярод насельніцтва былі распаўсюджаны 5 тыс. экзэмпляраў брашур аб жыцці Еўфрасінні аўтарства членаў брацтва М. Дуброўскага і М. Зорына, складзены і выдадзены ў колькасці 1 тыс. экзэмпляраў «Путеводитель по г. Полоцку». Ва ўсе храмы епархіі былі дасланы іконы Еўфрасінні, а таксама брашуры са службай і акафістам святой з яе выявай, якія прызначаліся для бясплатнай раздачы паломнікам падчас свята. Так, вернікам Полацка-Віцебскай епархіі раздалі да 4 тыс. іконных выяў Еўфрасінні Полацкай на воблаку з шасціканцовым крыжам у руцэ, надрукаваных са старажытнай манастырскай іконы [15].

19 красавіка 1910 г. мошчы Еўфрасінні былі перакладзены ў новую кіпарысавую труну і вынесены з лаўрскіх пячор у Свята-Успенскі сабор. Старая рака з часціцай мошчаў (рука святой) засталася на былым месцы «для утешения братии Киево-Печерской Лавры» [10]. 22 красавіка мошчы перанеслі на прыстань да парахода «Галавачоў». У насавой частцы парахода, куды паставілі грабніцу пад балдахінам, была ўладкавана капліца з пасярэбраным купалам. Звонку верхняя частка парахода была абвіта гірляндамі з жывых кветак, а на мачце ўзведзены крыж з электрычных лямпачак [14, с. 19].

Сустрэча працэсіі адбылася 20 мая 1910 г. прыкладна ў 2 км ад Полацка, за так званай Віцебскай заставай, куды былі накіраваны хрэсныя хады з Полацка і вакольных мясцін [7, с. 4]. каля чыгуначнага віядука была ўладкавана засень, аздобленая жывымі кветкамі і нацыянальнымі флагамі. Рака з мошчамі, размешчаная пад парчовым балдахінам, была пакрыта аксамітным малінавым покрывам. Тканіна абабіта рэдкім гарнастаевым мехам, які выкарыстоўваўся з мэтай аздаблення мантый дзяржаўных асоб і з'яўляўся сімвалам улады. Як слушна заўважыў Л. Гарошка, «…тагачасная расейская ўлада і Царква аддавалі св. Еўфрасінні сапраўды царскія почасці» [2, с. 57]. Падчас правядзення Свята-Еўфрасіннеўскіх урачыстасцей мітрапаліт Флавіян завочна блаславіў расійскага імператара іконай Еўфрасінні Полацкай, асвячонай на яе мошчах [3, с. 138].

Акрамя Канстанціна Канстанцінавіча, вядомага пад паэтычным псеўданімам К. Р., у свяце перанясення мошчаў прыняў актыўны ўдзел шэраг іншых прадстаўнікоў дома Раманавых (Лізавета Фёдараўна, каралева Грэцыі Вольга Канстанцінаўна, Ігар Канстанцінавіч, Алег Канстанцінавіч). Трэба падкрэсліць выключную ролю Лізаветы Фёдараўны, якая падчас правядзення свята ў Полацку (20–23 мая) пасялілася ў Спаса-Еўфрасіннеўскім манастыры. У ноч на 23 мая 1910 г. яна асабіста прысутнічала пры пераапрананні мошчаў Еўфрасінні Полацкай перад пакладаннем іх у новую сярэбраную раку. Падчас знаходжання мошчаў у манастырскім Крыжа-Узвіжанскім саборы княгіня ў белым манаскім адзенні «…всю ночь, не сменяясь, простояла у раки преподобной, оправляя ее покров и служа крестьянам – подавая им иконки, вату, омоченную елеем из лампады» [3, с. 189–190]. 22 мая 1910 г. мошчы Еўфрасінні былі ўнесены ў Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр і першапачаткова пакладзены ў Крыжа-Узвіжанскім саборы [5, с. 50]. 23 мая 1910 г. мошчы Еўфрасінні Полацкай канчаткова пакладзены ў Спаса-Праабражэнскай царкве перад іканастасам між калонамі (падлога ў алтары была спецыяльна ўзнята на 18 см разам з прастолам). Такім чынам, труна была размешчана ў адным з найбольш значных месцаў храма, што з'яўлялася дэманстрацыяй неабходнасці шанавання і значнасці святой.

Перанясенне мошчаў Еўфрасінні Полацкай з Кіева ў Полацк у 1910 г. спрыяльным чынам адбілася на павелічэнні колькасці паломнікаў у ма-

настыр. У 1915 г. епіскап Кірыён (Садзагелаў) (1915–1917) у справаздачы ў Свяцейшы сінод пазначаў: «Наиболее благотворным влиянием своей благочестивой жизнью на окружающее население отличается Спасо-Евфросиньевская обитель, в которой почивают мощи святой преподобной Евфросинии Полоцкой <…> Эта святыня в течении всего года привлекает многочисленных богомольцев не только из разных мест епархии, но даже из-за ее пределов» [18].

Факт перанясення мошчаў Еўфрасінні Полацкай таксама паўплываў на рост колькасці насельніц (у манастыры была прадстаўлена ўся еўрапейская частка Расіі) і даходаў манастыра [4]. Акрамя таго, адкрытасць мошчаў прападобнай мела вызначальнае значэнне для паспяховага існавання ўнутрыманастырскага культу. Адкрытыя мошчы (не знаходзяцца «пад спудам» у глуха запячатаных раках) давалі пачуццё блізкасці і відавочнай прысутнасці святой асобы, з'яўляліся крыніцай моцнага эмацыянальнага ўздзеяння на вернікаў. Згодна з высновамі мітрапаліта Яўлогія (Георгіеўскага), які прымаў удзел у перанясенні мошчаў: «Все это полоцкое торжество, несомненно, имело большое значение для местного населения, создало великий подъем его духа и укрепило его в преданности Православной Церкви и противостоянии соблазнам католичества» [3, с. 190]. Такім чынам, перанясенне мошчаў з узвядзеннем спецыяльнага мемарыяла над імі ў Спаса-Праабражэнскай царкве (рака, ківорый) стала завершанай формай царкоўнага шанавання Еўфрасінні Полацкай.

Усплёск у шанаванні прападобнай Еўфрасінні, абумоўлены перанясеннем мошчаў, стаў сур'ёзным штуршком для наступнага развіцця шматвобразнай іканаграфіі святой. Важнае месца пачалі займаць парныя выявы, у якіх падбор святых, як правіла, з'яўляўся адбіткам устойлівых сувязяў гістарычнага, сацыяльнага ці іншага характару. На абразе 10-х гг. XX ст., што знаходзіцца ў Мінскім Кафедральным саборы ў гонар Сашэсця Святога Духа, Еўфрасіння Полацкая была адлюстравана ў так званым «васняцоўскім» стылі разам з Ганнай Кашынскай [13, с. 17]. Святыя падзвіжніцы прадстаўлены не ў франтальным павароце, а нібыта звернутымі падчас гутаркі адна да адной. Позірк Еўфрасінні накіраваны ўверх, рукі складзены ў малітоўным звароце. Спалучэнне гэтых дзвюх святых на абразе можна патлумачыць тым фактам, што шанаванне Ганны Кашынскай, дэканізаванай Маскоўскім саборам 1677–1679 гг., было адноўлена ў 1909 г., за год да перанясення мошчаў Еўфрасінні з Кіева-Пячэрскай лаўры ў Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр.

У гонар свята перанясення мошчаў былі ўзведзены храмы Еўфрасінні Полацкай у Карсаве (Латвійская Рэспубліка) і Санкт-Пецярбургу (Расійская Федэрацыя). У 1913 г. у Івянцы (Мінская вобласць) епіскап Мінскі і Тураўскі Мітрафан (Краснапольскі) пры Свята-Троіцкім храме заснаваў Еўфрасіннеўскі жаночы манастыр. 7 мая 1915 г. там быў асвячоны аднай-

менны храм [11, с. 181]. Акрамя таго, абнаўляліся і адраджаліся былыя храмы Еўфрасінні Полацкай. Так, напрыклад, намаганнямі мясцовага прычту і валаснога пісара С. Хадчынскага 28 лістапада 1910 г. быў адноўлены храм-капліца Еўфрасінні Полацкай у в. Бабынічы (Віцебская вобласць), які згарэў у 1906 г. Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр са свайго боку падараваў капліцы абразы і неабходнае царкоўнае начынне, а былы яраслаўскі губернатар А.А. Рымскі-Корсакаў ахвяраваў іканастас [16, с. 168–170]. Як вядома, феномен мошчаў заключаецца ў тым, што іх святасць і цудадзейная моц не памяншаецца падчас драбнення і застаецца раўназначнай па гаючай сіле ўсяму касцяку святой асобы.

Пасля таго, як 22 мая 1910 г. Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр цалкам прыняў цялесны склад Еўфрасінні Полацкай, прычт і прыхаджане Свята-Мікалаеўскага кафедральнага сабора хадайнічалі перад архіепіскапам Полацкім і Віцебскім Савай аб перанясенні часціцы мошчаў (сярэдні перст правай рукі) прападобнай у Віцебск [9]. Пасля задавальнення хадайніцтва Духоўная кансісторыя выпрацавала падрабязны цырыманіял і маршрут перанясення мошчаў [12]. 24 мая 1911 г. каўчэг з часціцай быў пакладзены пад спецыяльна падрыхтаваную засень і пранесены на руках праз шэраг населеных пунктаў Віцебскай губерні (Расоны, Язна, Невель, Гарадок, Рудня) [20]. Згодна з вызначаным маршрутам у вёсках Пустошы, Сухі Бор і Арцейкавічы былі ўладкаваны аркі, аздобленыя каляровымі ручнікамі і абразамі, пад якімі былі пастаўлены сталы з хлебам і соллю. 11 чэрвеня 1911 г. епіскап Полацкі і Віцебскі Серафім з працэсіяй сустрэў каўчэг на ўскраіне Віцебска. Месца сустрэчы святыні, як і Свята-Мікалаеўскі сабор, дзе пасля памясцілі куфар з часціцай мошчаў, былі ўпрыгожаны жывымі кветкамі і флагамі [1; 20]. У 1912 г. епіскап Холмскі і Люблінскі Яўлогій (Георгіеўскі) хадайнічаў у Свяцейшы сінод аб перадачы Турковіцкай жаночай абшчыне (з 1912 г. Турковіцкі жаночы манастыр на Холмшчыне, Украіна) часціцы мошчаў Еўфрасінні Полацкай для новазбудаванага храма ў імя полацкай ігуменні [17]. Вядома, што да 1915 г. часціцы ад мошчаў прападобнай былі таксама аддзелены для праваслаўных храмаў Рыгі, Варшавы і Новачаркаска [21].

З пачатку Першай сусветнай вайны на тэрыторыі Беларусі Полацк апынуўся ў ваенным становішчы прыфрантавога горада. Свянцянскі прарыў германскіх войскаў каля станцыі Маладзечна прывёў да пагрозы захопу горада, і ваенныя ўлады выдалі загад аб эвакуацыі Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра. Прыярытэт быў нададзены святыні і людзям. Згодна з загадам Свяцейшага сінода рака з мошчамі ў суправаджэнні ігуменні і сясцёр манастыра была накіравана ў Растоў Вялікі (Яраслаўская вобласць, Расійская Федэрацыя). Вяртанне мошчаў Еўфрасінні на радзіму было зацягнута рэвалюцыйнымі падзеямі. Акрамя таго, з лютага па лістапад 1918 г. Полацк захоплены нямецкімі войскамі, а з верасня 1919 па май 1920 г. левабярэж-

ная частка горада апынулася пад польскай акупацыяй. За гады «растоўскай эвакуацыі» была знішчана большая частка манастырскай маёмасці, канфіскаваны царкоўныя рэліквіі (старажытныя абразы, каштоўныя рызы, аклады, еўхарыстычныя сасуды).

Такім чынам, мясцовае шанаванне Еўфрасінні Полацкай, захаванае ў народнай традыцыі ў межах Полацка, працягнута на якасна новым узроўні з 1840-х гг., калі культ набывае епархіяльныя рысы. У 1893 г. Сінод зацвердзіў службу ў гонар святой, а ў пачатку XX ст. быў складзены акафіст. Адсутнасць мошчаў Еўфрасінні Полацкай замарудзіла працэс трансляцыі культу з полацкага манастыра Святога Спаса, але не спыніла яго наогул. З моманту аднаўлення дзейнасці Спаса-Еўфрасіннеўскага жаночага манастыра ў 1841 г. і заснавання пры ім вучылішча для дзяўчын духоўнага чыну культ прападобнай пачаў актыўна пранікаць на тэрыторыю Расійскай Імперыі.

Паваротным момантам у развіцці культу Еўфрасінні Полацкай з'яўляецца яго выхад за межы Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра. Пасля аднаўлення яго дзейнасці ў імя прападобнай Еўфрасінні на тэрыторыі Віцебскай губерні быў як узведзены, так і пераасвячоны шэраг храмаў (в. Бабынічы, Бароўка, Росіца, Сакалішча, г. Полацк). У пачатку XX ст. адбываецца ўздым шанавання памяці святой, звязаны з падзеямі перанясення яе мошчаў (поўны цялесны склад) у Полацк.

Урачыстае перанясенне мошчаў у Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр у 1910 г. стала падзеяй, якая прадвызначыла безумоўны росквіт шанавання святой і канчатковае афармленне яе культу пры архіепіскапе Полацкім і Віцебскім Серафіме (Мешчаракове). Маштаб урачыстасцей (красавік – май 1910 г.) паказаў, якога развіцця дасягнуў культ Еўфрасінні Полацкай, што некалі з'яўляўся выключна манастырскай традыцыяй. Той факт, што манастыр наведвалі прадстаўнікі дынастыі Раманавых, сведчыць аб тым, што культ святой канчаткова набыў дзяржаўнае значэнне.

ЛІТАРАТУРА

1. **Встреча** частицы св. мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1911. – № 25. – С. 564.

2. **Гарошка, Л.** Святая Еўфрасіння-Прадслава, патронка Беларусі : нарыс жыцця і дзейнасці : артыкулы / уклад., прадмова У. А. Арлова. – Мінск : Маст. літ., 1996. – 124 с.

3. **(Георгиевский)**, Евлогий. Путь моей жизни / Евлогий (Георгиевский). – Москва : Моск. рабочий : Всецерков. православ. молодеж. движение, 1994. – 621 с.

4. **Григорович, А.** Полоцкие торжества 20–24 мая 1911 г. / А. Григорович // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1911. – № 41. – С. 904–912.

5. **Довгялло, Д. И.** Перенесение святых мощей преподобной Евфросинии из Киева в Полоцк : подробное описание церковно-народных торжеств по пути следования св. мощей с изобр. преподобной Евфросинии и многими рисунками / Д. И. Довгялло. – Вильна : Полоцкое церковное братство, 1910. – 80 с.

6. **Зорин, Н. И.** Преподобная Евфросинья, княжна Полоцкая : (к торжеству перенесения св. мощей преподобной Евфросиньи из Киево-Печерской Успенской лавры в Полоцкий Спасо-Евфросиньевский женский монастырь / Н. И. Зорин. – Санкт-Петербург : Типография «Сельского вестника», 1910. – 32 с.

7. **Кайгородов, Н.** О достопамятных Свято-Евфросиниевских днях в Полоцке, 20–23 мая 1910 г. : воспоминания паломника / Н. Кайгородов. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1910. – 10 с.

8. **К вопросу** о перенесении св. мощей пр. Евфросинии княжны Полоцкой // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1909. – № 10. – С. 180–181.

9. **К предстоящему** торжеству в г. Полоцке // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1911. – № 41. – С. 892–900.

10. **Крэйц, Ю.** Якой мовай уславіць памяць Еўфрасінні! Памінальны дзень Еўфрасінні Полацкай (успаміны) / Ю. Крэйц // Царкоўнае слова. – № 6. – 1997. – С. 10.

11. **Кулагін, А. М.** Праваслаўныя храмы Беларусі : энцыкл. давед. / А. М. Кулагін. – Мінск : БелЭн, 2007. – 653 с.

12. **Маршрут** перенесения частицы св. мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из Невельского уезда чрез Городокский и Витебский уезды в г. Витебск // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1911. – № 22. – С. 207–208.

13. **Мінскі** Свята-Духаў кафедральны сабор / А. А. Ярашэвіч. – Мінск : Беларусь, 2006. – 87 с.

14. **Митроцкий, М.** Торжественное перенесение святых мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из Киева в Полоцк (19 апр.–22 мая 1910 г.) / М. Митроцкий. – Киев : Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1913. – 69 с.

15. **Новые** изображения лика Преподобной Евфросинии // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1910. – № 10. – С. 266.

16. **Освящение** Бобыничской церкви // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1911. – № 8. – С. 168–170.

17. **Отделение** частицы св. мощей Преподобной Евфросинии Княжны Полоцкой для Холмской епархии // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1912. – № 20. – С. 394.

18. **Расійскі** дзяржаўны гістарычны архіў (РДГА). – Фонд 796. – Воп. 442. – Спр. 2292. – А. 33, 62. Приложение к отчету Преосвященного Серафима. 1908–1909 гг.

19. **РДГА.** – Фонд 796. – Воп. 445. – Спр. 341. – А. 1–6. Представления Полоцкого архиерея о разрешении перенести мощи преподобной Евфросинии из Киева в Полоцк в целях укрепления православия в Белоруссии. 1909 г.

20. **Торжество** перенесения частицы св. мощей преподобной Евфросинии, Княжны Полоцкой, из г. Полоцка в Витебский кафедральный собор // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1912. – № 17. – С. 311–313.

21. **Уделение** частиц св. мощей преп. Евфросинии княжны Полоцкой // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1911. – № 46. – С. 1056.

Шевкун П.В. *(г. Витебск)*

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ЛИКВИДАЦИИ БРЕСТСКОЙ УНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛОЦКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЕПАРХИИ (1833–1840 гг.)

В первой половине XIX ст. в сфере конфессиональных отношений на территории Беларуси произошли знаковые перемены. В 1840 г. были объединены с православными Белорусская и Литовская униатские епархии. Для более глубокого понимания произошедших событий перспективным представляется использование наработок в рамках теории коммуникации[1], раскрывающей важнейшие аспекты социального взаимодействия. Характер информации, пути ее передачи и достигаемый эффект во многом и определяли не только мотивы, на основании которых принимались решения, но и набор реальных, а не мнимых (т. е. существующих в представлении исследователя) альтернатив.

Цель работы – раскрыть коммуникативную составляющую процесса перевода униатов в православие на примере Полоцкой православной епархии в 1833–1840 гг.

На протяжении последней трети XVIII – начала XIX в. были выработаны правила обращения в православие. Согласно Указу Сената от 1 февраля 1800 г. при представителе конфессии, из которой совершался переход, для удостоверения «добровольности» согласия, с желающих присоединиться брали подписки о соблюдении всех правил православного вероисповедания. Распоряжением Св. Синода от 10 февраля 1800 г. было определено, что лицо, принимавшее требы от православного священника, должно считаться православным [11, с. 564].

С сегодняшних позиций данные нормы выглядят вполне демократично и могут рассматриваться едва ли не как проявление свободы совести. Вместе с тем, если мы посмотрим на возможности коммуникации того времени, то станет ясно, что либеральный взгляд не историчен. Абсолютное большинство подданных были неграмотны, отсутствовали средства массовой информации. В силу этого альтернативные сведения религиозного плана не могли быть систематическими, а значит, эффективными. Фактически приведенные выше положения о переходах подразумевали незыблемость религиозных объединений, поскольку данным путем невозможно было преодолеть корпоративную солидарность. Соответственно, конфессиональные отношения, даже с учетом возможности конфессиональной конверсии, подразумевали

[1] Коммуникация – это передача информации от одной социальной системы к другой, обмен информацией между различными системами посредством символов, знаков и образов [1, с. 372].

корпоративно-традиционалистскую коммуникацию. Она имела персонифицированный (священник), наглядно-образный (церковь) характер.

Вместе с тем все эти черты, которые можно назвать традиционалистским информационным кодом, не во всем согласовывались с принципом «добровольно выраженного согласия». Он, пусть и в исключительных случаях, но допускал разрыв корпоративных связей. Единичные переходы в православие фиксируются после принятия февральских указов 1800 г. Впрочем, даже в таких случаях это облекалось в привычные формулировки восстановления истины, а исключение, как известно, подтверждает правило. Можно лишь утверждать, что этот принцип обладал серьезным разрушительным потенциалом, который мог реализоваться при определенных обстоятельствах.

В 1830 г. произошли революции во Франции и Бельгии. На их фоне вспыхнуло восстание в Царстве Польском, затронувшее и российские территории бывшей Речи Посполитой. Были случаи открытого участия в восстании католического, униатского духовенства и монашества [14, с. 80]. Правительство Николая I в рамках осмысления произошедшего и обоснования роли государства в социальной системе империи прибегает к ранненационалистическим формулировкам. Они подразумевали взгляд на православие, как на существо «природных свойств народа». Эти представления, хотя и не выходили за рамки традиционалистского кода, поскольку не подразумевали индивидуального самоопределения, тем не менее способствовали вольной трактовке традиции и могли легитимизировать вмешательство государства в жизнь религиозных институтов. Ликвидация униатской церкви казалась очень удобным вариантом воплощения этих представлений. Легитимность прагматических соображений об улучшении функциональных возможностей, повышении статуса православных епархий региона утверждалась идеей восстановления попранной в конце XVI в. православной традиции.

В 1833–1835 гг. Николай I инициировал массовые присоединения униатов. Во многом они носили форму эксперимента и происходили по преимуществу на территории Полоцкой православной епархии (Виленская, Витебская и Курляндская губернии). Никаких громких воззваний не делалось, а, наоборот, подчеркивалось, чтобы присоединения униатов происходили по возможности тихо. 23 сентября 1833 г., затем 6 января 1834 г. Николай I указал Св. Синоду «подтвердить (Полоцкому епископу. – *Ш. П.*) действовать осторожно и неторопливо» [15, с. 19–21]. Это позволяет утверждать, что император не стремился к разрушению униатских общин, которые, вероятно, рассматривались как по существу православные, надо было лишь изъять из них ненужные элементы и заменить новыми (одно духовенство на другое).

Происходит максимальная мобилизация коммуникативных ресурсов православных епархий и царской администрации в регионе. На аудиенции у императора назначенный на Полоцкую кафедру Смарагд (Крыжановский) получил наставления о необходимости энергичных действий по присоединению

униатов [1, с. 76, 77, 467]. Генерал-губернатор и Витебский военный губернатор Н.И. Шрёдер по указаниям центральных властей обязаны были оказать миссионерам государственную поддержку. Губернское руководство следило за действиями служащих, чтобы не возникало проволочек в расследовании или исполнении государственных решений [7, л. 1, 4 об., 24, 25, 27 об.].

На благоустройство церквей и монастырей казна выделила десятки тысяч рублей [1, с. 79, 97, 112]. В 1834 г. Комиссия духовных училищ приняла решение об открытии в Полоцке духовного училища первого разряда [9, л. 116]. Приспособление бывших униатских храмов и каплиц к православному богослужению было сопряжено со значительными расходами казенных средств. В русле этой политики ремонтировались и строились церкви, выделялись деньги на «первоначальные нужды» присоединенных к православию церквей [1, с. 133, 473; 12, л. 29].

Уже в первый месяц нахождения Смарагда на кафедре было присоединено более трех тысяч униатов [12, л. 2]. В январе 1834 г. епископ разрешил осуществлять без его предварительного согласия. Переписка существенно затягивала процедуру. Специфика же информации, заключавшей в себе традиционалистский код, состояла в ее неэластичности, в неспособности взаимодействовать с различного рода «посторонними» данными, рождать индивидуальные парадигмы поведения. Поэтому важно было быстро, под личным нажимом, добиться нужного согласия и провести процедуры, после которых возврат к прежнему состоянию был невозможен. В начале 1834 г. количество приходов епархии превысило 90 [1, с. 122, 125].

Тем не менее картина выглядела не слишком обнадеживающе. Переходы происходили в основном в имениях некатолических помещиков. Таких владений в крае было мало. Православных помещиков в регионе имелось не более 2%, поэтому основной упор был сделан на крестьян казенных, арендных и старостинских имений [4, с. 56]. Подобная практика являлась следствием не только прагматических соображений. Рамки традиционалистской коммуникации, даже при условии внесения в нее национальных коннотаций, не позволяли радикально преобразовать конфессиональное пространство. Присоединения в имениях помещиков-некатоликов еще раз подтверждают, что у властей в Санкт-Петербурге не было стремления разрушать униатские общины, в которых ключевую роль наряду с духовенством играли владельцы имений. Уровень воздействия миссионеров на униатскую паству не подразумевал, в представлении высших властей, значимых противоречий с ними, поскольку ожидалось, что будет зафиксировано массовое желание униатов принять православие. Когда 7 декабря 1834 г. было составлено обращение дворянства Витебской губернии к императору, подписанное 172 помещиками, о злоупотреблениях в процессе обращения униатов в православие, власти не предприняли никаких репрессивных действий. Фактически виновниками были признаны миссионеры. Министр внутренних дел Д.Н. Блудов отметил,

что основания к такому посланию дали «неосмотрительные» действия, совершенные «некоторыми духовными и светскими лицами» [16, с. 154].

Стремление действовать в соответствии с правительственными установками ограничивалось и наличными коммуникативными ресурсами, важнейшим среди которых являлось духовенство. Было сложно проводить ответственную миссионерскую работу, когда на месте прежней униатской создавалась полноценная православная община. Уже с 1833 г. епископ Смарагд начал обращаться к соседним архиереям, а затем и в Св. Синод о присылке священно- и церковнослужителей в епархию, так как уже при ее открытии ощущалась потребность в 10 священниках, 16 диаконах и 75 причетниках. Однако низкая привлекательность служения в Беларуси обусловила соответствующую результативность этих попыток.

Указанные выше обстоятельства обусловили проблемы в новообразовавшихся приходах. Общины оказывались неустойчивыми. В июле 1834 г. было разослано указание архиереям, чтобы «в отвращение могущих произойти каких-либо неприятных последствий» духовенство не приступало самостоятельно к присоединению целой униатской деревни, а сообщало гражданской администрации [6, л. 1]. В этом же году волнения происходили в Витебске, Городке, Езерище, Крапутах, Заборье, Шерстове [3, с. 1026].

К 1836 г. наличные коммуникативные ресурсы, при условии сохранения общин, были исчерпаны. Перед правительством стояла дилемма: либо отказаться от проводимой политики, либо задействовать дополнительные ресурсы, а они имелись в наличии только у униатской стороны[2]. В первом случае это означало бы признание неспособности государства к трансформации корпоративных структур и фактического отказа в значимой сфере социальных отношений от своей модернизирующей функции. Вместе с тем униатский проект законодательно не был предусмотрен, поскольку допустимыми рассматривались лишь переходы в результате миссионерской деятельности. Согласие на «униатский проект» означало, что государство вынуждено нарушить обязательство по сохранению корпоративных структур, данное, в частности, католической стороне, поскольку униатские епархии являлись составной частью католической церкви.

Вместе с тем И. Семашко и его сторонники постарались показать корпоративное единство. Выразилось это сбором расписок с духовенства о соглашении на присоединение к православию. В них специально оговаривалось, что священник дает свое согласие только при условии коллективного иерархического перехода. Такие подписки собирались до конца 1839 г.

[2] В рассматриваемое время наиболее активная часть высшей униатской иерархии выступила с идеей централизованного вхождения в состав православной церкви империи. Наиболее активный сторонник и ее фактический автор Литовский епископ Иосиф (Семашко) прилагал максимальные усилия с целью убедить высшее российское руководство в перспективности именно такого варианта решения униатского вопроса.

[1, с. 347]. В результате в Санкт-Петербурге возобладала линия, признающая роль и значение униатской иерархии. Ограниченность коммуникативных ресурсов, неспособность выйти за рамки традиционного информационного кода, несмотря на использование ранненационалистических формулировок, обусловили отказ правительства от миссионерского проекта в пользу униатского. Институциональное выражение это нашло в смене должностных лиц. Осенью последовали отставки и местных государственных чиновников. 15 сентября вместо Н.Н. Хованского генерал-губернатором был назначен П.Н. Дьяков. 17 сентября на место Витебского губернатора Н.И. Шрёдера был прислан И.С. Жиркевич. 5 июня 1837 г. архиепископ Полоцкий Смарагд был переведен в г. Могилев [1, с. 235].

В это время был решен вопрос и о подчинении греко-униатской коллегии, которая 1 января 1837 г. была переведена в ведомство обер-прокурора [8, с. 1]. В записке от 4 января 1837 г. И. Семашко отметил, что наступает новая эпоха [13, с. 3–5]. С этого момента правительство взяло на себя ответственность за сохранение униатской иерархии. Окончательное решение о вхождении униатских епархий в состав православной церкви принималось на заседаниях Секретного комитета по делам греко-униатов 22 и 26 декабря 1838 г. [5, с. 446–451]. 28 декабря император принял решение о присоединении [10, с. 247]. В феврале-марте 1839 г. был оформлен переход униатской иерархии и прихожан в православие, а в 1840 г. объединены епархии.

Для определения произошедших событий стал использоваться термин «воссоединение». Он имел компромиссный характер. С одной стороны, была привязка к модным представлениям о возможности «корректировки» традиции. «Отторгнутые насилием 1596 воссоединены любовью 1839» – гласила надпись на медали, отчеканенной в память об этом событии. Также католической стороне давали понять, что отношение к униатству не является прецедентным и носит чрезвычайный характер. С другой стороны, нивелировались демократические иллюзии, поскольку «воссоединение» касалось церквей, а не массового народного движения.

Только во второй половине XIX в. «воссоединение» было вписано в националистическую триаду «Православие. Самодержавие. Народность». Однако сделано это было путем представления униатского плана как технически более удобного, в определенных исторических обстоятельствах, выражения русскости. Разумеется, в рассматриваемое время подобных смысловых оттенков не существовало.

Таким образом, на протяжении 1830-х гг. на территории западных губерний Российской империи вначале были проведены мероприятия по объединению Белорусской и Литовской униатских епархий с православными. Действия участников во многом определялись коммуникативными возможностями, а также ценностными установками, «закодированными» в информационных потоках того времени. В 1833–1835 гг. на территории специально образован-

ной Полоцкой православной епархии происходили активные миссионерские действия в отношении униатов. В силу отсутствия иных коммуникативных возможностей (средств массовой информации) и безграмотности населения, права выбора, основанного на индивидуальном самоопределении, не существовало. Миссионерские действия являлись своего рода «игрой», целью которой было обеспечить, с одной стороны, соответствие принятым ранее законам, с другой – воплотить идею о православии как сущностной характеристике народа. В результате перед миссионерами стояла просто невыполнимая задача – обеспечить массовый переход в православие, не нарушая устоявшихся корпоративных связей. В силу этого, переходы в абсолютном большинстве произошли лишь в государственных имениях и имениях, принадлежавших некатолической аристократии. В 1836 г. правительство было вынуждено склониться к плану, предлагаемому лояльно настроенными к российской власти и православной церкви униатскими иерархами. В итоге в 1839–1840 гг. было оформлено присоединение униатских епархий к православной церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бабосов, Е. М.** Общая социология : учеб. пособие для вузов / Е. М. Бабосов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Минск : ТетраСистемс, 2010. – 608 с.

2. **Глубоковский, Н. Н.** Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский, (–1863.11.11) его жизнь и деятельность / Н. Н. Глубоковский. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1914. – 558 с.

3. **Дело** о перешедших из унии в православие : 1834 г. // Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов : в 2 т. – Санкт-Петербург : Синод. тип., 1907. – Т. 2. – Д. 3348. – С. 1026.

4. **Луговцова, С. Л.** Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. Л. Луговцова. – Минск, 1999. – 18 с.

5. **Мнение** митрополита Филарета о воссоединении греко-униатской церкви в России с восточно-кафолической российской церковью : 16 дек. 1838 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета Митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам : в 6 т. / под ред. архиеп. Саввы. – Санкт-Петербург : Синод. тип., 1885. – Т. II. – С. 446–451.

6. **Национальный** исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 1901.

7. **НИАБ.** – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 4461.

8. **О заведывании** всеми духовными делами Греко-Унитского исповедания Обер-Прокурору Св. Синода : Именной указ, данный Сенату, 1 янв. 1837 г., № 9825 // Полное собр. законов Рос. империи : собр. 2-е с 12 дек. 1825 г. по 28 февр. 1881 г. : в 55 т. – Санкт-Петербург : Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XII, ч. I, 1838. – С. 1.

9. **Обзор** духовно-училищных обозрений по ведомству Православного исповедания с 1832 по 1845 гг. / сост. Г. И. Савваитов // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Фонд 550.

10. **Письмо** от 28 декабря 1838 г. // Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I (1838–1839 гг.) / под ред. Л. Г. Захаровой, С. В. Мироненко. – Москва : РОССПЭН, 2008. – С. 247.

11. **Российский** государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 796. – Оп. 78. – Д. 998.

12. **РГИА.** – Фонд 796. – Оп. 114. – Д. 711.

13. **Семашко, И.** Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора : в 3 т. / И. Семашко. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1883. – Т. 1. – 745 с.

14. **Филатова, Е. Н.** Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. / Е. Н. Филатова. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 192 с.

15. **Чистович, И. А.** Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православною церковью западно-русских униатов / И. А. Чистович. – Санкт-Петербург : Синод. тип., 1889. – 64 с.

16. **Шавельский, Г. И.** Последние воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / Г. И. Шавельский. – Санкт-Петербург : Тип. «Сельского вестника», 1910. – 494 с.

Юркевич Г.А. *(г. Орша)*

КУТЕИНСКАЯ ЛАВРА – ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР В XVII в.

XVII в. – особый период в истории Свято-Богоявленского Кутеинского мужского монастыря. Славе и процветанию обители способствовали небесное покровительство Пресвятой Богородицы и труды настоятеля Кутеинского монастыря Иоиля (Труцевича), простых жителей Орши и Могилева – членов православных братств – тогдашних религиозно-благотворительных и культурных объединений городского населения.

Кутеинский монастырь – это место Богом избранное, сберегающее высокие духовные ценности, которые своими корнями уходят глубоко в века. В монастыре было и благочестие, и подвижничество. Люди это понимали, любили его и в большом количестве приходили на богослужения и для получения наставлений в духовной жизни, общения с монахами, что укрепляло их веру. Монастырь был ярким светочем христианского учения, источником просвещения и грамотности. Наиболее значительные события в истории Кутеинской лавры относятся к середине XVII в.

Руководил монастырем иеромонах Иоиль (Труцевич) – член могилевского православного братства, который при содействии благотворителей устроил целую группу Кутеинских монастырей (вследствие этого Кутеинская обитель получила у современников статус Лавры), организовал общежитий-

ное монашество в них и руководил ими около 30 лет. Он собрал в главном Кутеинском Богоявленском монастыре ученое братство, устроил типографию и со своею братией ревностно работал над изданием церковно-богослужебных, религиозно-назидательных и отчасти учебных книг.

Игумен Иоиль (Труцевич) был высокообразованным человеком и хорошо понимал необходимость просветительской деятельности. Как предполагается, именно его стараниями удалось убедить Богдана Стеткевича-Завирского, других известных феодалов и даже Киевского митрополита Петра Могилу в необходимости открытия при монастыре типографии, ибо недостаток книг был в то время одной из главных проблем в образовании, в сохранении национального языка и культуры. Для ее открытия в монастыре были относительно хорошие условия: находился он в трех верстах от города, вблизи проходили водные и сухопутные пути. Имелись здесь и образованные монахи.

Посетив в 1630 г. Киев, Богдан Стеткевич-Завирский ближе ознакомился с типографским делом, пригласил Спиридона Соболя для организации типографии и наладки ее работы при Кутеинской лавре. Приглашение было принято.

Из Киева Спиридон Соболь привез в Кутейно часть типографского оборудования: два шрифта вместе с несколькими десятками больших и малых инициалов, две рамки для титульных листов, тринадцать досок-заставок, в том числе и доску-заставку Ивана Федорова, три доски-концовки. Монахами и мастеровыми людьми Оршанщины вскоре было изготовлено остальное необходимое для типографии оборудование. В обители Спиридон Соболь пробыл около двух лет.

Первыми книгами, изданными в Кутейно, стали «Брашно духовное» (1630 г.) и «Молитвы повседневные от многих святых отец на общую ползу собраныи и з друку выданыи в Кутейне з друкарни Спиридона Соболя. Року 1631. 12^{0}».

В Кутеинском монастыре Спиридону Соболю, целью которого была просветительская миссия, представилась возможность осуществить свою давнюю мечту – создать книгу, которая служила бы делу популяризации родного языка и была бы главным пособием для начинающих учиться. «Букварь» (полное название «Букварь сиречь, начало учения детям, начинающим чтению извыкати. В Кутейне изобразися в типографии Спиридона Соболя року 1631. 8^{0}») для удобства пользования был издан небольшим по размеру. Печатник постарался сделать его недорогим и в то же время красивым: титульный лист был украшен орнаментом, нарядной делали книгу гравюра с изображением Христа, красивые заставки и инициалы перед каждым разделом.

Единственный экземпляр Кутеинского «Букваря» сохранился в Национальном музее имени Андрея Шептыцкого г. Львова (Украина). Изданием активно пользовались не только в Беларуси, но и в России, Украине, в даль-

нем зарубежье. Об этом свидетельствуют пометки на немецком и английском языках.

18 сентября 2014 г. в день празднования иконы Оршанской Божией Матери наместнику Богоявленского Кутеинского монастыря игумену Сергию (Константинову) в торжественной обстановке было передано факсимильное издание букваря, воссозданное благодаря совместным усилиям сотрудников Национальной академии наук Беларуси и Издательства Белорусского Экзархата. В этот же день был открыт памятный знак, посвященный «Букварю».

Следует отметить, что в Кутеинской типографии также был издан «Букварь языка славеньска» (1653 г.). До наших дней дошло три экземпляра издания. Они находятся в Национальной библиотеке Польши (Варшава), библиотеке архиепископа Марша (Дублино, Ирландия) и Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург, Россия). Автором учебника признают игумена Иоиля (Труцевича). Содержание данного «Букваря» характерно для учебных книг того времени: имеется вводная молитва, буквы старославянского алфавита в прямом и обратном порядке, слоги, молитвы, Символ веры первого Никейского и второго Константинопольского соборов и др. «Букварь» красиво оформлен: имеются ксилографические заставки с растительным орнаментом, страницы заключены в линейные рамки, на одной из них помещена гравюра с изображением святого Григория Богослова.

Объединив вокруг себя образованных монахов, взаимно обогатившись опытом в печатном деле и определив дальнейшее направление работы здешних просветителей, Спиридон Соболь покинул Кутейно. Игумен Иоиль (Труцевич) возглавил монастырскую типографию. Около двадцати изданий тиражом в сотни экземпляров стали результатом почти четвертьвековой истории ее деятельности. Изданные в Лавре просветительские, литургические, духовно-нравственные, религиозные книги предназначались для православных братств и для широкого круга городского населения. Организационными вопросами занимался непосредственно игумен. Именно он подбирал для печати книги, которые соответствовали требованиям времени и места. Данной теме посвящена монография Юрия Николаевича Лаврика «Кнігі і кнігазборы Куцеінскага манастыра ў сярэдзіне XVII стагоддзя».

В монастыре существовала мастерская по переписке книг и изготовлению переплетов. Так, в числе немногих известных белорусских книгописцев XVII в. упоминаются и кутеинские. Заслуживает внимания книга преподобного отца нашего Кассиана Римлянина об уставах монастырских, в которой на титульном листе указано: «начата писати в Кутеинском монастыре в 1641 г., а закончена 1649 месяца января в 12 день». Она представляет собой одно из лучших руководств для иноков, находящихся в общежительном монастыре. Книга Четьи-Минеи Кутеинского монастыря списана писцом Паисием в 1669 г. Синодик Кутеинского монастыря включает в себя братию и ктиторов обители XVII–XVIII вв., туда же включены и сестры Кутеинского Успенского

монастыря. Писан он двумя чернилами, имеет кожаный переплет.

Печатались в монастырской типографии и ноты. Кутеинский ирмологий свидетельствует о наличии в монастыре песенной традиции. В надписании сказано, что он предназначался в Барколабовский монастырь: «Всесильнаю благодатию благословением же всечестнаго Господина отца Иоиля Труцевича игумена Кутеенскаго».

Все изданные книги признаны выдающимися образцами печатного искусства своего времени. Их с охотой заказывали Москва и Краков, Киев и Вильно, ими пользовались в Англии и Германии. Сегодня библиотеки Оксфорда и Кембриджа, Варшавы и Копенгагена, других знаменитых университетских центров Европы гордятся наличием «друков» кутеинских мастеров.

В XVII в. большое распространение получили эпиграммы, которые сопровождали изображения гербов славных магнатов и городов. Их написанием занимались и представители известной Кутеинской типографии. Почетное место среди поэтов кутеинской литературной школы занимал Иоиль (Труцевич). Вызывает интерес эпиграмма еще одного кутеинского поэта и книгоиздателя Иосифа Паловки: «На стародавный и пресветлый герб ясневелможных их милостей панов Могилов

Як небо, слонце, месяц з светлыми звездами,
Так тот клейнот сияет з своими знаками,
Здавна светячи в дому Могиловпрезацных,
Набытый з веры, цноты и дел их отважных.
В болшойтепероздобе тот сяоглядает,
Кгды Пётр Могила церковверне управляет».

Эпиграмма включена в книгу «Гисторыя, албо Правдиво выписание святого Иоанна Дамаскина о житии святых преподобных отец Варлаама, Иосифа…», написанную в Кутейно в 1637 г.

При Свято-Богоявленском Кутеинском монастыре существовала богатая библиотека, которая упоминается с 1665 г. Она располагала сотнями томов, среди которых находились издания, не только напечатанные в монастыре, но также выпущенные в типографиях Киева, Москвы, Чернигова. В фонде библиотеки имелись и рукописные книги. Об этом свидетельствуют Четьи-Минеи, вывезенные в 1866 г. А.В. Рачинским из монастыря в Виленскую публичную библиотеку. Четьи-Минеи были написаны на старобелорусском языке в 1669 г. Историю этой рукописи во многом раскрывают надписи, сделанные на разных ее страницах: «Сия книга монастыра Кутеинского, списанна за игумена Иова Молочки, року 1669» или «Сию книгу глаголемую житие святыхъ отец на монастырь Кутеенский панъ Иванъ Кособуцкий мещанин Шкловскій».

В настоящее время ученые занимаются исследованием рукописных книг кутеинских Богоявленского и Успенского монастырей. Одним из них является Ю.Н. Лаврик.

В письменных источниках конца XVI–XVII вв. сохранились сведения о деятельности на территории Оршанского повета православных братств, создаваемых вокруг церквей или монастырей и объединенных идеей общего духовного и культурного наследия. Можно предположить, что к деятельности типографии, школы, госпиталя Кутеинского монастыря были причастны представители Оршанского братства, поскольку направлениями работы братств были выпуск печатной продукции для православного населения, организации школ, забота о монахах. Строгое общежитие при умелом и мудром руководстве, традиционной духовной практике, основанной на старческом руководстве и послушании, а также внутреннем умном делании, привело к развитию церковно-декоративного искусства и ремесел. Многочисленное монастырское братство включало в себя иконописцев, резчиков по дереву, граверов, кузнецов, мастеров изразцового дела, переводчиков, книгопечатников и др. Монастырь был не только духовным, но и культурно-просветительским центром.

В XVII в. в братских школах и духовных училищах с молитвой о просвещении ума и благодарением Богу, постигая ученую премудрость по Псалтири и Часослову, возрастали русские дети в славных мужей, сильных духом и рассудительных, верой и добродетелями которых стояло наше Отечество.

18 сентября 2014 г. в день празднования иконы Божией Матери Оршанской в Свято-Богоявленском Кутеинском мужском монастыре был открыт духовно-просветительский центр «Вера», включающий музейный уголок, библиотеку, воскресные школы для взрослых и детей, кинозал для просмотра фильмов православной тематики. Кутеинский монастырь – это пядь святой земли. Здесь ощущаешь себя частью, звеном неразрывной цепи, идущей от предков к потомкам. Человек, посетивший монастырь, уходит с открытием для себя, начинает видеть то, чего раньше не видел.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кутеинские** чтения : материалы науч.-практ. конф., Орша, 22 сент. 2005 г. – Орша, 2005. – С. 99–108, 113–118.

2. **Кутеинские** чтения : материалы науч.-практ. конф., Орша, 17 сент. 2006 г. – Минск, 2007. – С. 38–43, 56–63.

3. **Могилевские** епархиальные ведомости. – 1889. – № 19/20. – С. 294.

4. **Могилевские** епархиальные ведомости. – 1891. – № 8. – С. 102–106.

5. **Могилевские** епархиальные ведомости. – 1891. – № 9. – С. 120–134.

6. **Оршанскій** Богоявленскій Кутеинскій монастырь -) или (- древняя Белорусская Лавра. Г.В. – Могилевъ на Днепре : Губерн. тип., 1912. – 19 с.

7. **Памяць**. Орша. Аршанскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі : у 2 кн. – Мінск, 1999. – Кн. 1. – С. 83–93, 100–109.

8. **Шинкевич, А.** Кутеинская лавра : страницы истории / А. Шинкевич. – Орша, 1992.

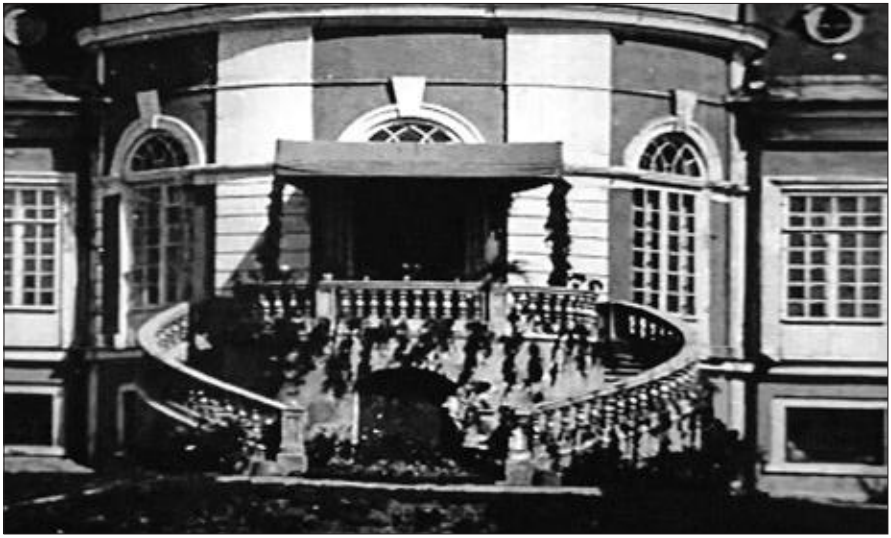
ДАДАТКІ

Дадатак 1

Да матэрыялу А.Г. Арловай

Кадры з кінафільма «Джэнтльмен і певень»

Фота 1. Выгляд палаца Цеханавецкіх у 1928 г.



Фота 2. Выгляд палаца Цеханавецкіх у 1928 г.

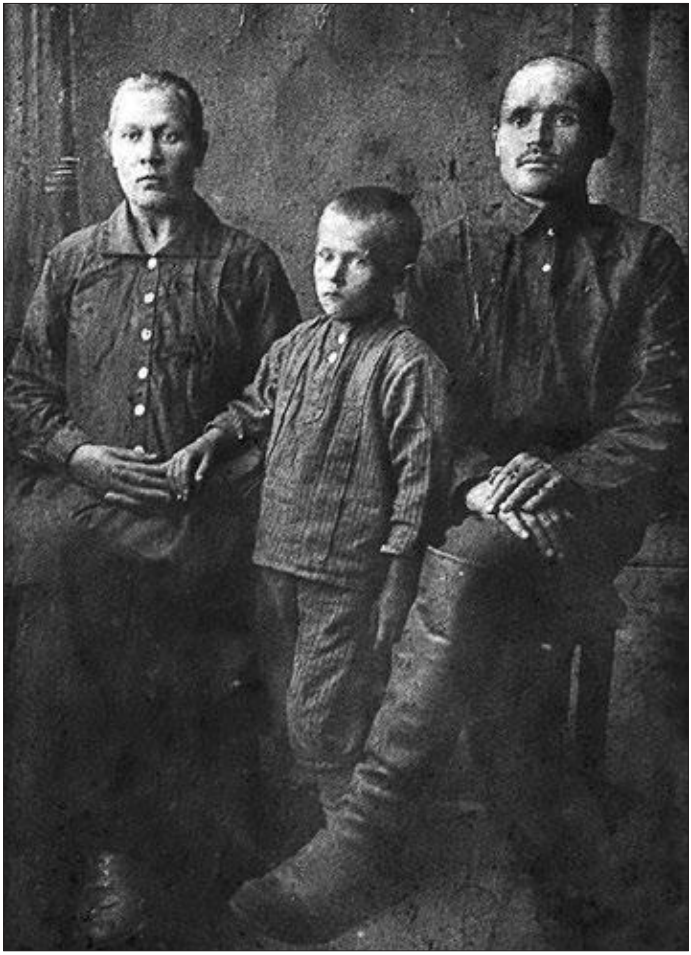
Фота 3. Выгляд палаца Цеханавецкіх у 1928 г.

Фота 4. Луг, на заднім плане – аранжарэя

Фота 5. Выхаванцы дзіцячага дома ў масоўках

Дадатак 2

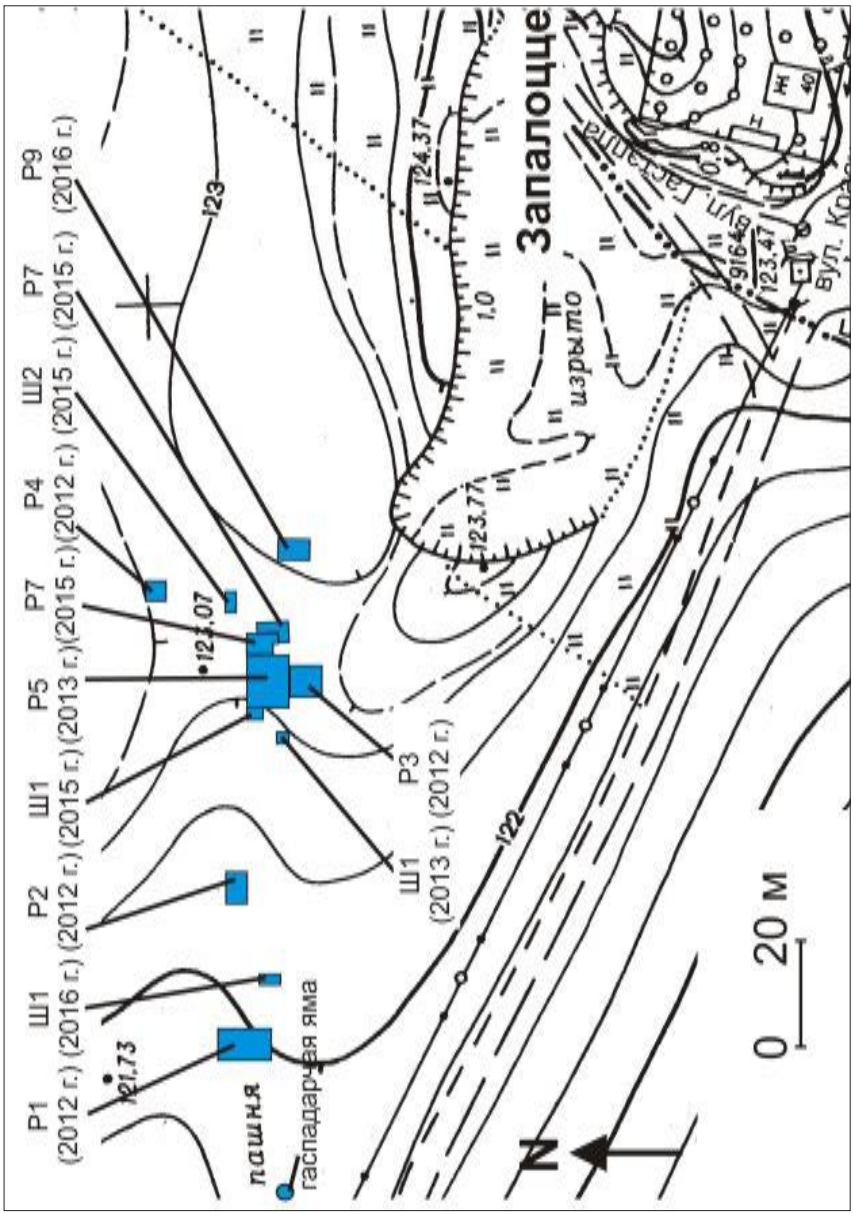
Да матэрыялу А.В. Бараноўскага



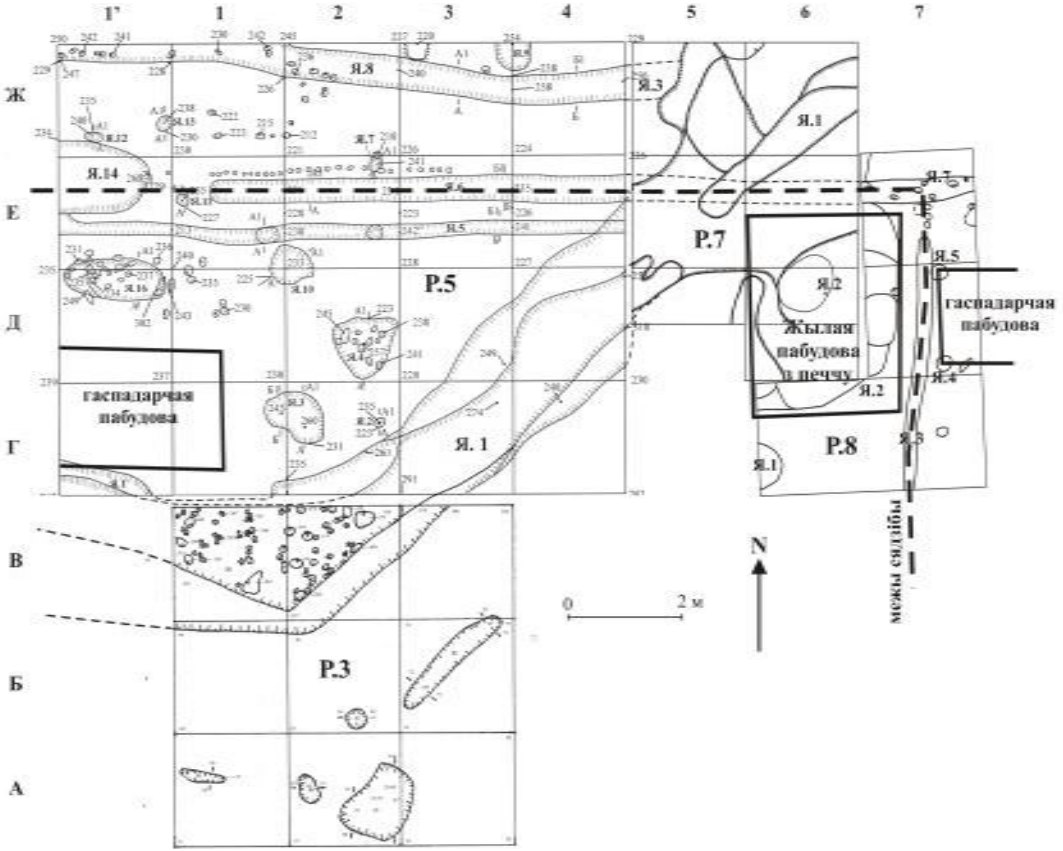
Матруна Маркевіч з сям’ёй

Дадатак 3

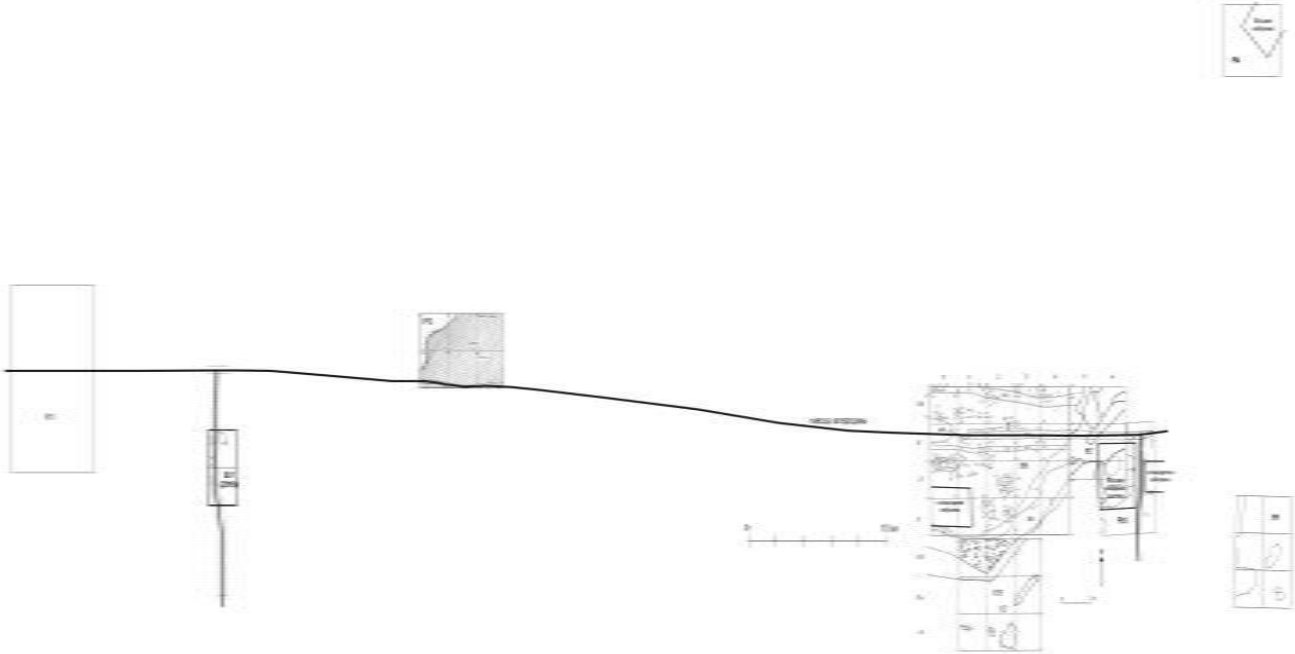
Да матэрыялу А.Л. Коца



Мал. 1. План раскопаў 2012–2013 і 2015–2016 гг. на тэрыторыі Запалоцкага пасада



Мал. 2. Пазначэнне зафіксаваных слядоў забудовы Запалоцкага пасада ў межах раскопаў 3 (2012 г.), 5 (2013 г.), 7 (2015 г.) і 8 (2016 г.)



Мал. 3. Сляды выяўленых агароджаў і пабудоў на тэрыторыі заходняй часткі Запалоцкага пасада

Да матэрыялу Л.У. Хмяльніцкай

Казіміра Ілаковіч (1892–1983)

Дадатак 5

Да матэрыялу В.А. Шышанава

Герб роду Урангеляў фон Гюбенталяў

Партрэт К. Гюбенталя. Не раней за 1831 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **А. Хр-въ.** О железных дорогах в России / А. Хр-въ // Северная пчела. – 1838. – 5 авг. (№ 176). – С. 703–704.

2. **Абдулрахим, М.** Исторический обзор внешней иммобилизации / М. Абдулрахим [и др.] // Гений ортопедии. – 2014. – № 4. – С. 98–103.

3. **Архив** графов Мордвиновых : в 10 т. / предисл. и примеч. В. А. Бильбасова. – Санкт-Петербург : Тип. Н. И. Скороходова, 1901–1903. – Т. 4. – 1902. – L, 676 с.

4. **Архив** графов Мордвиновых : в 10 т. / предисл. и прим. В. А. Бильбасова. – Санкт-Петербург : Тип. Н. И. Скороходова, 1901–1903. – Т. 6. – 1902. – XIV, 700 с.

5. **Врублевский, О.** Уроки сельских работ / О. Врублевский // Земледельческая газета. – 1846. – 25 июня (№ 51). – С. 415–418.

6. **Гибенталь, К.** Описание жизнемагнетического лечения, произведенного на опыте Карлом фон Гибенталем / К. Гибенталь (Гюбенталь). – Витебск, 1817. – 34 с.

7. **Грицкевич, В. П.** Видный врач Белоруссии К. И. Гибенталь : (к 175-летию со дня рождения) / В. П. Грицкевич, Г. Р. Крючок // Здравоохранение Белоруссии. – 1962. – № 3. – С. 64–66.

8. **Грицкевич, В. П.** Впервые в европейской медицине / В. П. Грицкевич // Нёман. – 1965. – № 4. – С. 157–160.

9. **Грицкевич, В. П.** Передовой провинциальный врач К. И. Гибенталь (1786–1858) : (новые биографические данные) / В. П. Грицкевич // Советское здравоохранение. – 1974. – № 4. – С. 74–79.

10. **Грицкевич, В. П.** С факелом Гиппократа : из истории белорусской медицины / В. П. Грицкевич. – Минск : Наука и техника, 1987. – С. 153–171.

11. **Грыцкевіч, В. П.** Віцебскі вынаходнік гіпсавай павязкі / В. П. Грыцкевіч // Беларусь. – 1961. – № 1. – С. 32.

12. **Грыцкевіч, В. П.** Урач Карл Гібенталь / В. П. Грыцкевіч // Віцебскі сшытак. – 1997. – № 3. – С. 3–16.

13. **Гурьев, В. П.** Об учреждении торцовых дорог и сухопутных пароходов в России посредством компании / В. П. Гурьев. – Санкт-Петербург : Тип. Э. Праца и К°, 1836. – XII, 92 с. : 16 л. цв. ил., карт.

14. **Гюбенталь, К.** Замечание на глиномятню / К. Гюбенталь // Земледельческая газета. – 1840. – 21 июня (№ 50). – С. 399–400.

15. **Гюбенталь, К.** Замечания на статью о хлебном черве / К. Гюбенталь // Земледельческая газета. – 1840. – 20 сент. (№ 76). – С. 605–606.

16. **Гюбенталь, К.** Новый способ размножения благородных плодовых деревьев / К. Гюбенталь // Земледельческая газета. – 1839. – 24 янв. (№ 7). – С. 55–56.

17. **Гюбенталь, К.** Ответ на вопрос, в № 77 «Земледельческой газеты» сего года, каким плугом можно при пахании по желанию углубиться в подпочву / К. Гюбенталь // Земледельческая газета. – 1840. – 31 дек. (№ 105). – С. 835–836.

18. **Гюбенталь, К.** Ответ на задачу об изыскании удобного и дешевого способа сушки и хранения хлеба в зерне и муке / К. Гюбенталь // Труды императорского Вольного экономического общества. – 1848. – Ч. 1. – С. 232–244.

19. **Гюбенталь, К.** Прудовое хозяйство / К. Гюбенталь // Земледельческая газета. – 1842. – 9 янв. (№ 3). – С. 17–19.

20. **Гюбенталь, К.** О торцевых дорогах / К. Гюбенталь // Северная пчела. – 1838. – 12 сент. (№ 204). – С. 813–814.

21. **[Гюбенталь, К.]** Новый плуг, изобретенный издателем «Летописи» / [К. Гюбенталь] // Летопись Белорусского общества сельского хозяйства. – Санкт-Петербург, 1841. – Кн. 1. – С. 5–8.

22. **[Гюбенталь, К.]** Новый род кирпичей / [К. Гюбенталь] // Летопись Белорусского общества сельского хозяйства. – Санкт-Петербург, 1841. – Кн. 1. – С. 8–11.

23. **[Гюбенталь, К.]** Корнерез / К. Гюбенталь // Земледельческая газета. – 1835. – 1 нояб. (№ 88). – С. 699–700.

24. **Ендрыхоўскі, Е.** Тэатральнае жыццё Віцебска ў 1845–1849 гадах / Е. Ендрыхоўскі // Віцебскі сшытак. – 1997. – № 3. – С. 60–70.

25. **Журнал** мануфактур и торговли. – 1829. – № 2. – С. 107.

26. **К. В. Ф. Г.** [Гюбенталь, К.]. Нечто о новом устройстве ружья русского оружейного мастера Орлова // Журнал общеполезных сведений. – 1838. – 22 апр. (№ 17). – С. 138–139.

27. **К. В. ф. Г.** [Гюбенталь, К.]. Нечто о нынешней зиме / К. Гюбенталь // Земледельческая газета. – 1843. – 19 марта (№ 23). – С. 181–182.

28. **Кракиновская, Е. М.** Физическая антисептика и лечение ран : очерк по истории русской хирургии / Е. М. Кракиновская. – Москва : Медгиз, 1960. – 204 с.

29. **Ландшевский, А. А.** Исторический очерк кафедры Академической хирургической клиники Императорской Военно-медицинской (бывшей Императорской Медико-хирургической) академии (1798–1898 гг.) : дис. … д-ра мед. А. Ландшевского / А. Ландшевский. – Санкт-Петербург : Тип. Е. Евдокимова, 1898. – 288 с.

30. **Ликсна** возвращается в Латвию на совсем [Электронный ресурс] // Meteoriti.lv. – Режим доступа: http://www.vatp.lv/ru/meteoritilv-liksna-vozvrashchaetsya-v-latviyu-nasovsem. – Дата доступа: 18.11.2016.

31. **Мальгень, Ж. Ф.** Учение о переломах костей / Ж. Ф. Мальгень. – Санкт-Петербург : Тип. Ф. Королькова, 1850. – VIII, 851 с.

32. **Месяцеслов** с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1815. – Санкт-Петербург, 1815. – Ч. 1. – XXXVIII, [2], 744 с.

33. **Месяцеслов** с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1816. – Санкт-Петербург, 1816. – Ч. 1. – XXXVIII, [2], XXII, 792, [1] с.

34. **Месяцослов** с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от рождества христова 1813. – Санкт-Петербург, 1813. – Ч. 1. – XXVIII, [2], 688 с.

35. **Месяцослов** с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от рождества христова 1819. – Санкт-Петербург, 1819. – Ч. 1. – XL, 927 с.

36. **Месяцослов** с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от рождества христова 1830. – Санкт-Петербург, 1830. – Ч. 1. – XLVII, 728, 16 с.

37. **Месяцослов** с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1834. – Санкт-Петербург, 1834. – Ч. 1. – L, 866, XLII с.

38. **О назначении** пенсии // Витебские губернские ведомости (Официальная часть. Отдел 1). – 1859. – 28 нояб. (№ 48). – С. 587.

39. **Оборин, Н. А.** О первом в Европе применении гипса для лечения переломов костей / Н. А. Оборин // Вопросы истории медицины и здравоохранения БССР : тез. докл. науч. конф. / редкол.: Г. Р. Крючок [и др.]. – Минск, 1960. – С. 32–33.

40. **Оборин, Н. А.** О первом в Европе применении гипса для лечения переломов костей / Н. А. Оборин // Новый хирургический архив. – 1961. – № 1. – С. 83–89.

41. **Оборин, Н. А.** Первое в России применение гипса для лечения переломов костей / Н. А. Оборин // Хирургия. – 1956. – № 9. – С. 87–88.

42. **Овечкин, Е. Г.** Дворяне Врангели фон Гюбентали : к истории семьи в Беларуси и России в XIX–XX вв. / Е. Г. Овечкин, Е. Д. Юринова // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 90-год. з дня нараджэння Л. В. Аляксеева, 28–29 кастр. 2010 г., Віцебск / Упр. культуры Віцеб. аблвыканкама, Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск : Медисонт, 2012. – С. 336–347.

43. **Перлин, Г. И.** Историческая заметка о камнедробителе К. И. Гибенталя / Г. И. Перлин // Урология. – 1956. – № 1. – С. 58–59.

44. **Полное**, систематическое, практическое описание минеральных вод, лечебных грязей и купаний в Российской империи, с присовокуплением Краткого описания известных заграничных минеральных вод и патологии хронических болезней : в 2 ч. / сост. К. Грум-Гржимайло. – Санкт-Петербург : Тип. Деп. внеш. торг., 1855. – Ч. 1 : Минеральные воды, лечебные грязи и купанья в Российской империи. – [2], VIII, 412 с.

45. **Прошлое** и настоящее г. Твери / сост. В. Колосов. – Тверь : Губерн. тип., 1917. – 186 с.

46. **Савенко, П. Н.** Очерк главнейших камнекрушительных происшествий / П. Н. Савенко. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вингебера, 1840. – XVI, 328 с.

47. **Сведения** о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Императорской Академии наук в 1904 году / [сост.] В. И. Срезневскаго. – Санкт-Петербург : Тип. Император. Акад. наук. – 1907. – 403 с.

48. **Сементовский, А. М.** Витебск : ист. очерк / А. М. Сементовский // Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вульфа, 1864. – С. 43–116.

49. **Сенатские** объявления о запрещениях на имения. – 1837. – 15 янв. (№ 6). – С. 494.

50. **Сенатские** объявления о запрещениях на имения. – 1840. – 24 авг. (№ 34). – С. 2975.

51. **Сенатские** объявления о запрещениях на имения. – 1853. – 28 янв. (№ 8). – С. 1343.

52. **Сенатские** объявления о запрещениях на имения. – 1854. – 10 янв. (№ 9). – С. 282.

53. **Список** гражданским чинам первых шести классов по старшинству 1849 г. – Санкт-Петербург, [1849]. – 470, 45 с.

54. **Труды** высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. – Санкт-Петербург, 1820. – Ч. IX, кн. 1–3. – 364 с.

55. **Хмельницкая, Л. В.** «Неутомимый прожектер» (новые сведения к биографии Карла фон Гюбенталя) / Л. В. Хмельницкая // Невельский сборник : статьи, письма, воспоминания : по материалам 22 Невельских Бахтинских чтений, (26–28 июня 2015 г.) : к 120-летию со дня рождения М. М. Бахтина / Администрация Невельского

района, Музей истории Невеля ; [отв. ред. Л. М. Максимовская]. – Санкт-Петербург : Лема, 2016. – Вып. 22. – С. 78–86.

56. **Шишко, С.** Об уроках работ / С. Шишко // Земледельческая газета. – 1846. – 7 мая (№ 37). – С. 306–310.

57. **Шумин, Н. С.** Жизнь под девизом Гиппократа / Н. С. Шумин // Здравоохранение. – 2012. – № 2. – С. 74–76.

58**. Эйхенвальд, Э.** Метеоритные камни, преимущественно упавшие в России / Э. Эйхенвальд // Библиотека для чтения. – 1845. – Т. 70. – С. 25–50.

59. **Account** of the Arabian mode of curing Fractured Limbs. Communicated to Dr. Guthrie of Petersburg, by Mr. Eaton, formerly Consul at Bassora // Medical and Philosophical Commentaries. – 1795. – Decade 2. – V. IX. – P. 292–297.

60. **Agriculture**. Industrie. Commnerce // La Presse. – 1835. – № 214. – 12 Fevr. – P. 3.

61. **Allgemeine** medizinische Annalen des neunzehnten Jahrhunderts. – 1817. – Hf. 1. – Januar. – Sp. 229–230.

62. **Allgemeine** medizinische Zeitung. – 1831. – Nr. 28. – 6. Apr. – S. 442.

63. **Altes** und Neues // Carinthia. – 1837. – Nr. 35. – 2. Sept. – S. 144.

64. **Anticritik** // Bibliothek for läger. – Bd. 10. – S. 351–411.

65. **Anurie** // Journal des progrès des sciences et institutions médicales en Europe, en Amérique, Amérique, etc. –1829. – T. 25. – P. 224–225.

66. **Archiv** der teutschen Landwirthschaft // Oekonomische Neuigkeiten und Verhandlungen. – 1840. – № 70. – 13. Nov. – S. 553.

67. **Auszug** aus den Protokollen der 1sten bis 6ten Sitzung sämmtlicher Aerzte Riga's, in Betreff der daselbst herrschenden Cholera-Epidemie, vom 30. Mai bis 4. Juli 1831. Hamb. 1831. (Vrgl. Nr. 14. u. 20. des Extrablattes.) // Cholera orientalis : Extrablatt zum allgemeinen Repertorium der gesammten deutschen medizinisch-chirurgischen Journalistik. – 1831. – № 24. – S. 369–371.

68. **B. Der** Staatsrath von Hübenthal in Witebsk… // St. Petersburgische Zeitung. – 1836. – № 13. – 17. (29.) Jan. – S. 54.

69. **B. In Witebsk**… // St. Petersburgische Zeitung. – 1835. – № 191. – 25. Aug. (4. Sept.). – S. 838.

70. **B. Universal** Pflug // Allgemeine österreichische Zeitschrift für den Landwirth, Forstmann und Gärtner. – 1836. – Nr. 47. – 21. Nov. – Spt. 1121–1123.

71. **B. Witebsk**, 1. Juni // St. Petersburgische Zeitung. – 1837. – № 149. – 6. (18.) Juli. – S. 660.

72. **B. Witebsk**, 17. September // St. Petersburgische Zeitung. – 1837. – № 224. – 5. (17.) Okt. – S. 987.

73. **B. Witebsk**. vom 8. November // St. Petersburgische Zeitung. – 1835. – № 261. – 1. (27.) Nov. – S. 1137.

74. **Beachtenswerthe** Grfindung eines Knaben // Gemeinnützige Blätter zur Belehrung und Unterhaltung. – 1844. – № 48. – 16. Juli. – S. 189–190.

75. **Beobachtungen** und Erfahrungen über die epidemische Cholera. – Riga ; Dorpat : Verlag der E. Franzenschen Buchhandlung, 1831. – 172 s.

76. **Bericht** über die Livländischen Jahrbücher der Landwirthschaft / Das Inland. – 1840. – № 46. – 13. Nov. – Spt. 728–729.

77. **Bock.** Eine neue Maschine zur schmerzlosen Heilung des gebrochenen Schlüsselbeins; von Hübenthal // Jahrbücher in- und ausländischen gesammten Medicin. – 1838. – Bd. 19. – № 1. – S. 71.

78. **Bock.** Eine neue Maschine zur schmerzlosen ung des gebrochenen Schlüsselbeins von v. Hübenthal // Jahrbücher der in- und ausländischen gesammten Medizin / hrsg. Carl Christian Schmidt. – Leipzig, 1838. – Bd. 19. – Nr. 1. – S. 71.

79. **Boisseu, F. G.** A treatise on cholera morbus / F. G. Boisseu. – New York : Collins & Co., 1832. – VII, [1], [9], 148 p.

80. **Boisseu, F. G.** Traité du choléra-morbus considéré sous le rapport médical et administratif... / F. G. Boisseu. – Paris : J.-B. Baillière, 1832. – VII, [1], [9], 148 p.

81. **Brabanterplog** [Electronic resourse] // Nordiska museet. – Mode of access: http://digitaltmuseum.se/011023835068?query=Hübenthal&pos=0. – Date of access: 18.11.2016.

82. **Buet, J.-A.** Histoire générale du choléra-morbus depuis 1817 jusqu'en août 1831 / J.-A. Buet. – Paris : Imprimerie de C. E. F. Panckoucke, 1831. – 112 p.

83. **Bulletin** statistique, industriel, commercial, agricole scientifique, ets. // Le Constitutionnel. – 1837. – Nr. 235. – 23 août. – P. 8.

84. **Buntes** aus der Zeit // Allgemeine Theaterzeitung und Originalblatt. – 1835. – № 38. – 23. Febr. – S. 151.

85. **Busch, E. H**. von. Ergänzungen der Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-Luth: Gemeinden in Russland / E. H. von Busch: Bd. 1–2. – Leipzig; St. Petersburg : G. Haessel, 1867. – XXX, 1276 s.

86. **C. W. v. H.** [Carl Wrangel von Hübenthal]. Miscellen / Carl Wrangel von Hübenthal // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. – 1837. – № 38. – 23. Sept. – S. 150–151.

87. **C. W. v. H.** [Carl Wrangel von Hübenthal]. Miscellen / Carl Wrangel von Hübenthal // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. – 1837. – № 11. – 17. März. – S. 43.

88. **C. W. v. H.** [Carl Wrangel von Hübenthal]. Notizen / Carl Wrangel von Hübenthal // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. – 1838. – № 49. – 8. Dez. – S. 194–195.

89. **C. W. v. H.** [Carl Wrangel von Hübenthal]. Witebsk , vom 26. Sept. / Carl Wrangel von Hübenthal // Blätter für Stadt und Land. – 1844. – № 45. – 8. Nov. – S. 180.

90. **C. W. v. H.** [Carl Wrangel von Hübenthal]. Witebsk, am 12ten Aug. / Carl Wrangel von Hübenthal // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. – 1837. – № 33. – 19. Aug. – S. 130–131.

91. **C. W. v. H.** [Carl Wrangel von Hübenthal]. Witebsk, am 24. December // Blätter für Stadt und Land. – 1846. – № 1. – 3. Jan. – S. 3.

92. **C...n.** Journal der practischen Heilkunde. – 1825. – Bd. 61. – St. 5 // Allgemeine medizinische Annalen des neunzehnten Jahrhunderts. – 1826. – Januar-Marz. – S. 96–106.

93. **Callisen, A. C. P.** Medicinisches Schriftsteller-Lexicon der jetzt lebenden Aerzte, Wundärzte, Geburtshelfer, Apotheker, und Naturforscher aller gebildeten Völker / A. C. P. Callisen : in 33. Bd. – Copenhagen : kgl. Taubstummen Inst. in Schleswig, 1830–1845. – Bd. 9. – 1832. – 524 s.

94. **Carault, M. E.** Quelques vues générales sur le Choléra / M. E. Carault // Séance publique de la Société libre d'émulation de Rouen. – 1832. – P. 172–232.

95. **Complete** suppression of urine for seven weeks // The Medico-chirurgical review and Journal of practical medicine (New series). – 1831. – № 28. – 1 jan.–1 apr. – P. 468–469.

96. **Complete** suppression of urine for seven weeks // The New York Medical Journal. – 1831. – V. 2. – № 1. – P. 189.

97. **Complete** suppression of urine for seven weeks // Transylvania journal of medicine and the associate scientes. – 1831. – V. 4. – P. 594–595.

98. **De Duitsche** Courant van Petersburg… // Nieuwe Surinaamsche courant. – 1837. – № 82. – 14. Okt. – S. 1.

99. **Description** de deux nouveaux instrumens de trépan; par le Dr Hubenthal , méd. à Witepsk ; avec fig. (Rust, Magazin für die ges. Heilkunde; tom. XXIII, 3e cah., p. 476) // Bulletin des sciences médicales. – 1828. – Bd. 13. – P. 267.

100. **Die** prismatische Holzbahn // Der Adler. – 1840. – Nr. 205. – 28. Aug. – S. 1636–1637.

101. **Die** prismatische Holzbahn // Journal des österreichischen Lloyd. – 1840. – Nr. 68. – 2. Aufl. – S. 2.

102. **Die** prismatische Holzbahn // Linzer Zeitung. – 1840. – Nr. 144. – 7. Sept. – S. 575.

103. **Die** prismatische Holzbahn // Wiener Zeitung. – 1840. – Nr. 237. – 27. Aug. – S. 1646.

104. **Dierbach, J. H.** Die neuesten entdeckungen in der materia medica / J. H. Dierbach : in 2 Bd. – 2. Aufl. – Heidelberg ; Leipzig : Verlag von Karl Groos, 1837–1847. – 2. Bd. – 1843. – XVIII, 784 s.

105. **Dyrsen, L.** Kurzgefasste Anweisung die orientalische Cholera zu verhu ̈ten : zu erkennen und zu behandeln; nach praktischen Erfahrungen / L. Dyrsen. – Hamburg : J. P. Erie, 1831. – 182 s.

106. **Eine** neue Maschine zur schmerzlosen Heilung des gebrochenen Schlüsselbeins; v. Staatsrathe, Dr. v. Hübenthal in Witebsk // Berliner medicinische Central-Zeitung. – 1837. – St. 47. – 24. Nov. – Spt. 934–935.

107. **Encyclopädisches** wörterbuch der medicinischen wissenschaften / hrsg. C. F. v. Gräfe, C. W. Hufeland, H. F. Link : in 37. Bd. Berlin : Verlag von Veit et Comp., 1829–1849. – Bd. 34. – 1845. – 684 s.

108. **Encyklopädie** der gesammten Medicin, im Vereine mit mehreren Aerzten / hrsg. von Carl Christian Schmidt : in 6. Bd. – 2. Ausg. – Leipzig : Verlag von Otto Wigand, 1843–1844. – 6. Bd. – 1849. – 552 s.

109. **Europa** und seine Bewohner. Ein Hand- und Lesbuch für alle Stände / hrsg. von Karl Friedrich Vollrath Hoffmann: in 8. Bd. – Stuttgart : Literatur-Comptoir,1840–1841. – Bd. 8. : Die Königreiche Schweden und Norwegen, das Kaiserthum Russland und Königreich Polen, und Freistaat Krakau / Paul Anton Fedor Possart. – Theil 2 : Das europäische Rußland. Topographie. – 1841. – 974, LXXXII s.

110. **F. r. Journal** der practischen Heilkunde. – 1825. – Bd. 61. – St. 5 // Kritisches Repertorium für die gesammte Heilkunde. – 1826. – Bd. 13. – Hf. 2. – S. 181–186.

111. **Farragine** // Il Gondoliere. – 1844. – Nr. 27. – 6 luglio. – P. 215.

112. **Fortsetzung** der im vorigen Nro. abgebrochenen Anzeige: Magazin für die gesammte Heilkunde u. s. w. herausgegeben von Dr. Joh. Nep. Rust u. s. w. // Medicinisch-chirurgische Zeitung. – 1832. – Nr. 92. – 15. Nov. – S. 225–227.

113. **Frank, J.** Patología interna / J. Frank : in 18 t. – Madrid : se hallará en la Librería de la Señora Viuda de Calleja é Hijos, 1841–1846. – T. IX. – 1844. – 441, 76 p.

114. **Frank, J.** Praxeos medicae universae praecepta / J. Frank : in 3 ps. – Lipsiae [Leipzig] : Sumptibus Bibliopolii Kuehniani, 1821–1843. – Ps. 2, vol. 1, sect. 2 : Continens doctrinam de morbis columnae vertebralis, singulorum nervorum aliisque ex variis systematis nervosi partibus ortum habentibus nec non oculorum, aurium, narium et cavitatum nasalium. – 1821. – [2], XXVIII, 1029, [1] p.

115. **Fritze, H. E.** Armamentarium akiurgicum, of Afbeeldingen van de bloedige heelkundige werktuigen / H. E. Fritze. – Utrecht : C. van der Post Jr, 1845. – 52 s.

116. **G. A.** Soppressione completa della secrezione urinaria. Osserservazione del Dott. Ramm di Riga. (Journal des Progrès etc. T. XV. Anno 1829) // Bullettino delle scienze mediche. –1829. – Ser. 1. – V. 1. – P. 267–268.

117. **Geschwind**, was gibt‘s anderwärts Neues? // Allgemeine Theaterzeitung. – 1844. – № 138. – 8. Juni. – S. 576.

118. **Guttceit, H. L.** von. Bijdrage tot de juiste kennis, voorbehoeding en behandeling der cholera in 1847–1848 / H. L. von Guttceit. – Amsterdam : J. C. Loman Jn., 1848. – 160 s.

119. **Hager, M.** Die chirurgischen Operationen / M. Hager. – Wien: Cedruckt und im Verlage bei Carl Gerold, 1831. – 527 s.

120. **Hasper, M.** Die Behandlung der epidemischen Cholerera auf Theorie und Erfahrung gestützt / M. Hasper // Journal der practischen Heilkunde. – 1831. – Bd. 73. – St. 3. – S. 33–81. – St. 4. – S. 16–55.

121. **Heidler, C. J.** Die epidemische cholera; ein neuer versuch u̇ber ihre ursache, natur und behandlung, ihr schutzmittel und die furcht vor derselben / C. J. Heidler. – Leipzig : F. A. Brockhaus, 1848. – XVI, 431 s.

122. **Hibental, K.** von. Opisanie wyleczenia przez magnetyzm zwierzęcy / K. von Hibental // Pamiętnik Magnetyczny Wileński. – 1817. – T. 2. – Nr. 5. – 30 stycznia. – S. 177–193.

123. **Histoire** du cholera morbus, ou Tableau synoptique du choléra oriental et du choléra indigène en Europe. – Paris : Chez Lecointe, libraire, quai des Augustins, 1831. – 57 p.

124. **Histoire** générale du choléra-morbus depuis 1817 jusqu‘en août 1831, par le docteur Buet (Deuxième et dernier article) // Journal complémentaire des sciences médicales. – 1831. – T. 41. – P. 3–52.

125. **Hübenthal, [C.].** Ueber das Dörren und Aufbewahren des Getreides / [Carl von Hübenthal] // Mittheilungen der Kaiserlichen Freien Ökonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg. – St. Petersburg. – 1848. – S. 398–410.

126. **Hübenthal, [C.].** Uiber die Aufbewahrung des Mehles / [Carl von Hübenthal] // Niederösterreichisches Landwirthschaftliches Wochen-Blatt. – 1849. – № 23. – S. 197–198.

127. **Hübenthal, C. P. W.** Abbildung und Beschreibung zweier neuen Instrumente / C. P. W. Hübenthal // Magazin für die gesammte Heilkunde. – 1830. – Bd. 30. – N. F. : Bd. 6. – Hf. 3. – S. 474–479.

128. **Hübenthal, C. P. W.** Beschreibung zweier neuen Trepanations-Instrumente / C. P. W. Hübenthal // Magazin für die gesammte Heilkunde. – 1827. – Bd. 23. – S. 476–480.

129. **Hübenthal, C. P. W.** Darstellung und Behandlung der Orientalischen Cholera / C. P. W. Hübenthal // Journal der practischen Heilkunde. – 1831. – Bd. 72. – St. 1. – S. 88–103.

130. **Hübenthal, C. P. W.** Eine neue Maschine zur schmerzlosen Heilung des gebrochenen Schlüsselbeins / C. P. W. Hübenthal // Magazin für die gesammte Heilkunde. – 1837. – Bd. 37. – N. F. : Bd. 7. – Hf. 1. – S. 143–146.

131. **Hübenthal, C. P. W.** Osteoplastik, oder die Kunst, verlorene Knochenstücke künstlich zu ersetzen / C. P. W. Hübenthal // Journal der practischen Heilkunde. – 1825. – Bd. 61. – St. 5. – S. 108–110.

132. **Hübenthal, C. P. W.** Ueber einige neu angegebene und modificirte Amputations-Instrumente / C. P. W. Hübenthal // Journal der Chirurgie und Augenheilkunde. – 1825. – Bd. 7. – Hf. 3. – S. 382–385.

133. **Hübenthal, C. P. W.** van. Schets en behandeling van den oosterschen braakloop (cholera oriëntalis), van de Perzische grenzen medegedeeld / C. P. W. van Hübenthal. – Rotterdam : Bij T. J. Wijnhoven Hendriksen, 1831. – 27 s.

134. **Hübenthal, C.** von. Lieber das Hellsehen / C. von Hübenthal // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. – 1837. – Nr. 47. – 25. November. – S. 94. (Literarischer Begleiter).

135**. Hübenthal, C.** von. Miscelleu / C. von Hübenthal // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. – 1838. – Nr. 3. – 20. Januar. – S. 8. (Literarischer Begleiter).

136. **Hübenthal, C.** von. Neue Behandlungsweise der Knochenbrüche / C. von Hübenthal // Russische Sammlung für Naturwissenschaft und Heilkunst. – Riga ; Leipzig, 1816. – Bd. 1.– Hf. 4. – S. 592–593.

137. **Hübenthal, C.** von. Noch einmal über das Hellsehen / C. von Hübenthal // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. – 1838. – Nr. 1. – 6. Januar. – S. 2–3. (Literarischer Begleiter).

138. **Hübenthal, C.** von. Darstellung und Behandlung der Orientalischen Cholera / C. von Hübenthal. – S.-Petersburg, 1832. – 20 S.

139. **Hübenthal, C.** von. Beschreibung einer Auflösungspresse in Verbindung eines Hebels, als Modification der Presse mit der Schraube zum chemischen und pharmaceutischen Gebrauch / C. von Hibenthal // Allgemeine nordische Annalen der Chemie für die Freunde der Naturkunde und Arzneiwissenschaft, insbesondere der Pharmacie, Arzneimittellehre, Physiologie, Physik, Mineralogie und Technologie im Russischen Reiche. – 1820. – Bd. 2. – S. 339–345.

140. **Hübenthal, C.** von. Beschreibung einer einfachen und soliden Auflösungspresse zum chemischen und pharmaceutischen Gebrauch / C. von Hibenthal // Allgemeine nordische Annalen der Chemie für die Freunde der Naturkunde und Arzneiwissenschaft, insbesondere der Pharmacie, Arzneimittellehre, Physiologie, Physik, Mineralogie und Technologie im Russischen Reiche. – 1820. – Bd. 2. – S. 118–120.

141. **Hübenthal, C.** von. Beschreibung einer Extractionspresse, die mit einem Hebel verbunden ist / C. von Hibenthal // Magazin der neuesten Erfindungen, Entdeckungen und Verbesserungen für Fabrikanten, Manufakturisten, Künstler... nach den neuesten in- und ausländischen Weken, nebst Originalaufsätzen; in Verbindung mit mehreren Sachverständigen (Neue Folge). – 1820. – Bd. 2. – Hf. 2. – S. 21–23.

142. **Hübenthal, C.** von. Beschreibung eines Mörsers zur schadlosen Zermalmung heftig wirkender Arznei Substanzen / C. von Hibenthal // Allgemeine nordische Annalen der Chemie für die Freunde der Naturkunde und Arzneiwissenschaft, insbesondere der Pharmacie, Arzneimittellehre, Physiologie, Physik, Mineralogie und Technologie im Russischen Reiche. – 1820. – Bd. 2. – S. 345–347.

143. **Hübenthal, C.** von. Description d'une presse a extraction, combinée avec un levier / C. von Hibenthal // Annales générales des sciences physiques (Bruxelles). – 1820. – T. 6 – P. 103–105.

144. **Impero** Russo // La Voce della verità. – 1837. – № 943. – 17 ag. – P. 82.

145. **Inländische** Nachrichten // Rigasche Zeitung. – 1844. – № 213. – 15. (27.) Sept. – S. 1.

146. **Is draudschu** dsihwes – preeksch draudschu dsihwes // Baznīcas Vēstnesis. – 1901. – Nr. 3. – 3 marts. – L. 136–137.

147. **Jahrbücher** in- und ausländischen gesammten Medicin. – 1837. – Bd. 15. – № 2. – S. 272.

148. **Journal** der practischen Heilkunde // Medicinisch-chirurgische zeitung. – 1835. – № 965. – 22. Jan. – S. 97–98.

149. **Journal** der practischen Heilkunde. – 1825. – Bd. 61. – St. 5 // Medicinisch-chirurgische Zeitung. – 1826. – 30. Nov. – S. 305–306.

150. **Konversations** – Stoff // Der Sammler. – 1844. – № 118. – 23. Juli. – S. 480.

151. **Kugelgebläse** vom Hofrathe v. Hübenthal // Allgemeine nordische Annalen der Chemie für die Freunde der Naturkunde und Arzneiwissenschaft, insbesondere der Pharmacie, Arzneimittellehre, Physiologie, Physik, Mineralogie und Technologie im Russischen Reiche. – 1820. – Bd. 5. – Hf. 2. – S. 244–245.

152. **L. C…z.** Description traitement du cholera oriental, par le docteur C. P. de Hubenthal, conseiller impérial de la Russie, inspecteur medical d l' Arkatak, sur la frontière de la Perse, en 1830 (octobre) // Journal de médecine et de chirurgie pratiques. – 1831. – T. 2. – P. 205–210.

153. **L. Description** de deux nouveaux instrumens de trépan; par le Dr Hubenthal , méd. à Witepsk ; avec fig. (Rust, Magazin für die ges. Heilkunde; tom. XXX, 3e cah., p. 474) // Bulletin des sciences médicales. – 1831. – Bd. 25. – P. 185.

154. **La Mare-Picquot.** Observaciones sobre el cólera-morbo de la India, hechas en Bengala y en la Isla de Francia / La Mare-Picquot. – Madrid : Imprenta de D. M. de Burgos, 1832. – XVI, 232 p.

155. **Leisnig, A. F.** Ueber Trepanation: nebst Beschreibung der zu dieser Operation von mir erfundenen Messer-Krone… / A. F. Leisnig. – Würzburg : Druck von F. E. Thein, 1844. – 91 S.

156. **Lichtenstädt, J. R.** von. Die asiatische Cholera in Russland in den Jahren 1830 und 1831 : nach russischen Aktenstücken und Berichten / J.s R. von Lichtenstädt. – Berlin : Haude und Spenerschen Buchhandlung, 1831. – XIII, 392 S.

157. **Lichtenstädt, J. R.** von. Die asiatische Cholera in Russland in den Jahren 1830 und 1831 / J. R. von Lichtenstädt. – Berlin : Haude und Spener Buchhandlung, 1832. – XIII, 390 S.

158. **Littré, E.** Traité du choléra oriental, rédigé principalement d'après les documens publiés par les médecins allemands / E. Littré. – Paris : Germer-Baillière, 1832. – 164 p.

159. **Lixna** [Electronic resourse] //wiki.meteoritica.pl. – Mode of access: http://wiki.meteoritica.pl/index.php5/Lixna#cite_note-34. – Date of access: 18.11.2016.

160. **Macneven, H.** Remarks on the mode by which cholera is propagated ; being an attempt to reconcile the conflicting opinions of medical writers in relation to its contagious or non-contagious character / H. Macneven // The New York journal of medicine and the collateral sciences (New series). – 1849. – V. 2. – P. 186–208.

161. **Malgaigne, J.-F.** Traité des fractures et des luxations / J. -F. Malgaigne: in 2 vol. – Paris : J.-B. Baillière, 1847. – V. 1. – 842 p.

162. **Martini, E.** Some Therapeutic. Facts, translated from the Russian Physico-Medical Repository / E. Martini // The London medical repository, monthly journal, and review. – Vol. 13. – 1820. – Nr. 73–78 (Jan. – June). – P. 155–157.

163. **Mélanges** // Revue germanique (III série). – 1837. – T. 11. – Août. – P. 201–202.

164. **Meyer, G.** Die Lehre von den Fracturen / G. Meyer. – Berlin : Albert Förstner, 1843. – XII, 324 s.

165. **Miscellen** // Dörptsche Zeitung. – 1844. – № 41. – 23. Mai. – S. 477.

166. **Miscellen** // Gemeinnützige Blätter zur Belehrung und Unterhaltung. – 1837. – № 90. – 9. Nov. – S. 568.

167. **Miscellen** // Illyrisches Blatt. – 1837. – Nr. 35. – 2. Sept. – S. 140.

168. **Miszellen** // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. – 1837. – № 30. – 29. Juli. – S. 118.

169. **Miszellen** und Notizen // Neue militärische Zeitschrift. – 1837. – Bd. 4. – Hf. 11. – S. 228.

170. **Mittheilungen** der Kaiserlichen Freien Ökonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg. – 1849. – S. 328.

171. **Nach** russische Blättern… // Gemeinnützige Blätter zur vereinigten Ofner und Pester Zeitung. – 1837. – № 21. – 12. März. – S. 167–168.

172. **Nachricht** von dem neuesten in Rußland gefallenen Meteorsteine // Allgemeine nordische Annalen der Chemie für die Freunde der Naturkunde und Arzneiwissenschaft, insbesondere der Pharmacie, Arzneimittellehre, Physiologie, Physik, Mineralogie und Technologie im Russischen Reiche. – 1820. – Bd. 4. – S. 46–49.

173. **Nekrolog** / Das Inland. – 1840. – № 40. – 6. Okt. – Spt. 656.

174. **Nekrolog** / Medicinische Zeitung Russlands. – 1858. – № 43. – 25. Okt. – S. 344.

175. **Neue** Art Wassermühle // Allgemeine landwirthschaftliche Monatsschrift. – 1841. – 5. Bd. – S. 355.

176. **Neue** Erfindung // Kaiserlich-Königlich privilegirter Bothe von und für Tirol und Vorarlberg. – 1835. – № 10. – 2. Febr. – S. 40.

177. **Neue** Erfindungen // Oesterreichischer Beobachter. – 1844. – № 165. – 13. Juli. – S. 648.

178. **Nouveau** journal de médecine, chirurgie, pharmacie, ets. – 1819. – Juillet. – P. 210–213.

179. **Otto, C.** Yderligere bidrag til kundskab om den epidemiske cholera / C. Otto. – Kjöbenhavn : C. Graebe & Søn., 1831. – 123 s.

180. **Pelikan, E.** Bemerkungen über den Artikel des Herrn Prosektors Dr. Schultz: «Pirogoff"s Gypsklebeverband» / E. Pelikan // Medicinische Zeitung Russlands. – 1854. – № 24. – Juni. – S. 180–181.

181. **Petersburg**, den 19-den Junij // Arnhemsche courant. – 1837. – № 90. – 1. Aug. – S. 1.

182. **Ramm, J.** von. Suppression complète de i a sécrétion urinaire pendant sept semaines / J. von Ramm // L'Abeille médicale ou journal analytique de médecine et de sciences accessories. –1829. – № 10. – Oktobre. – P. 24–25.

183. **Ramm, J.** von. Suppression complète de i a sécrétion urinaire pendant sept semaines / J. von Ramm // Archives générales de médecine. –1829. – T. 23. – P. 121–122.

184. **Regnier, J.-V.** Moyen simple, avéré spécifique dans une partie de la Haute-Marne contre le fléau de Calcutta ou scorbut asiatique (choléra)… / J.-V. Regnier. – Paris : Imprimerie de P. Dupont et G. La. Guionie, 1832. – 28 p.

185. **Richter, A. G.** Geschichte der Cholera bis zu ihrem ersten Auftreten in Frankreich / A. G. Richter. – Berlin : Nicolaischen Buchhandlung, 1836. – 226 s.

186. **Riecke, V. A.** Mittheilungen über die morgenländische Brechruhr / V. A. Riecke : in 3 Bd. – 2. Auflage. – Stuttgart : Carl Hoffmann, 1831–1832. – 1. Bd. – 1831. – VIII, 348 s.

187. **Rotterdamsche** courant. – 1831. – № 125. –18 Okt. – S. 2.

188. **Rusland** // Leydsche courant. – 1837. – № 95. – 9. Aug. – S. 1.

189. **Russie** // Journal de La Haye. – 1835. – № 46. – 23 Fevr. – P. 4.

190. **Rußland** // Allgemeine Militär-zeitung. – 1837. – Nr. 66. – 19. Aug. – Spt. 523–524.

191. **Rußland** // Bayreuther Zeitung. – 1837. – № 179. – 30. Juli. – S. 751.

192. **Russland** // Der Pilger. – 1844. – Nr. 56. – 13. Juli. – S. 471.

193. **Rußland** // Preßburger Zeitung. – 1837. – № 10. – 3. Febr. – S. 98.
194. **Rußland** // Preßburger Zeitung. – 1837. – № 64. – 11. Aug. – S. 631.
195. **Rußland** // Wiener Zeitung. – 1837. – № 174. – 1. Aug. – S. 997.
196. **Rußland** // Wiener Zeitung. – 1844. – № 158. – 9. Juni. – S. 1232.
197. **Ryssland** // Kungliga Krigsvetenskapsakademiens Tidskrift. – 1837. – № 8. – Aug. – S. 308.
198. **Sammandrag** af Läkarnes asigter och erfarenhet af den epidemiska choleran uti Asien och Europa. – Stockholm : Ecksteinska boktryckeriet, 1831. – XII, 204 s.
199. **Scherer, A.-N.** Versuch einer systematischen Übersicht der Heilquellen des russischen Reichs / A.-N. Scherer. – St.-Petersburg, 1820. – 340 s.
200. **Schnakenburg, P.** Einige Mittheilungen über den Gang und Charakter der Cholera im Jahre 1853 in der Sladt Witebsk / P. Schnakenburg // Medicinische Zeitung Russlands. –1853. – № 46. – Nov. – S. 361–363.
201. **Schnakenburg** : Einige Mittheilungen über den Gang und Charakter der Cholera im Jahre 1853 in der Sladt Witebsk. (Med. Zeit. Russl., №. 96) // Neue medicinisch-chirurgische Zeitung. – 1854. – Nr. 21. – 27. Mai. – S. 378.
202. **Schöpfbrunnen** als Feuerspritzen // Stiria ein Blatt des Nüßlichen und Schönen. – 1844. – № 72. – 15. Juni. – S. 175.
203. **Schultz, O.** Der Magnetismus in Rußland / O. Schultz // Jahrbücher für den Lebens-Magnetismus oder neues Asklaepieion: allgemeines Zeitblatt für die gesammte Heilkunde nach den Grundsätzen des Mesmerismus. – 1820. – Bd. 3. – Hf. 2. – S. 238–244.
204. **St. Petersburg**… // Blätter für Stadt und Land. – 1844. – № 21. – 24. Mai. – S. 81.
205. **St. Petersburg**… // Rigasche Zeitung. – 1844. – № 114. – 19. Mai. – S. 4.
206. **St. Petersburgische** Zeitung. – 1815. – Nr. 58. – S. 626.
207. **Summarium** des Neuesten aus der gesammten Medicin… : in 3. Bd. – Leipzig, 1828–1831. – Bd. 1. – Hf. 1. – 1830. – 746 s.
208. **Summarium** des Neuesten aus der gesammten Medicin… : in 3. Bd. – Leipzig, 1828–1831. – Bd. 1. – 1831. – 638 s.
209. **Szymanowski, J.** Der Gypsverband, mit besonderer Berücksichtigung der Militair-Chirurgie / J. Szymanowski. – St. Petersburg : Eggers & Co., 1857. – 232 s.
210. **Te Witebsk** (Rusland) is… // Utrechtsche courant. – 1837. – № 94. – 7. Aug. – S. 2.
211. **Technisches** // Gemeinnützige Blätter zur Belehrung und Unterhaltung. – 1844. – № 64. – 11. Aug. – S. 255.
212. **The Foreign** quarterly review. – 1831. – V. 8. – P. 484.
213. **Theoretisch-praktisches** Handbuch der Chirurgie: mit Einschluss der syphititischen und Augen-Krankheiten in alphabetischer Ordnung / hrsg. Johann Nepomuk Rust : in 12 Bd. – Wien ; Berlin : Th. Chr. Fr. Enslin, Carl Gerold, 1830–1836. – 11 Bd. – 1834. – 732 s.
214. **Torres Villanueva, R. de.** Tratado homeopático teórico-práctico del cólera asiático / R. de Torres Villanueva y Pío Hernández y Espeso. – Madrid : Imprenta de la viuda de Sanchiz e hijos, 1848. – 247 p.
215. **Trepanation**// Kritisches Repertorium für die gesammte Heilkunde. – 1827. – Bd. 70. – Hf. 3. – S. 414–415.
216. **Vermischte** Nachrichten // Brünner Zeitung. – 1837. – № 222. – 14. Aug. – S. 2.
217. **Vermischte** Nachrichten // Grätzer Zeitung. – 1837. – № 23. – 9. Feb. – S. 3.
218. **Vermischte** Nachrichten // Libausches Wochenblatt. – 1833. – № 26. –1. Apr. – S. 3.

219. **Vermischte** Nachrichten // Mitauische Zeitung. – 1844. – № 43. – 29. Mai. – S. 215. (Beilage zur Mitauischen Zeilung).

220. **Vermischtes** // Hamburger Nachrichten. – 1837. – № 178. – 29. Juli. – S. 3.

221. **Vermischtes** // Pernausches Wochenblatt. – 1844. – № 22. – 27. Mai. – S. 175.

222. **Von** den vielen werthvollen Erfindungen… // St. Petersburgische Zeitung. – 1837. – № 129. – 12 (24). Juni. – S. 559. (Intelligenzblatt).

223. **Witebsk**, 1. Juni // Dörptsche Zeitung. – 1837. – № 80. – 10. Juli. – S. 534.

224. **Witebsk**, im März 1836 // St. Petersburgische Zeitung. – 1836. – № 73. – 4. (16.) Apr. – S. 312.

225. **Witebsk**, vom 20. Dezember // St. Petersburgische Zeitung. – 1835. – № 13. – 16 (28.). Jan. – S. 53.

226. **Witepsk** // Mitauische Zeitung. – 1835. – № 15. – 2. Febr. – S. 11. (Beylage zur Mitauischen Zeitung. № 6).

227. **Wrangel von Hübenthal, C.** Anzeige für Mühlenbesitzer / C. W.l von Hübenthal // St. Petersburgische Zeitung. – 1837. – № 191. – 8. (20.). Mai. – S. 272. (Intelligenzblatt).

228. **Wrangel von Hübenthal, C.** Die prismatische Holzbahn / C. W. von Hübenthal // Polytechnisches Journal. – 1840. – Bd. 77. – Nr. 39. – S. 163–164.

229. **Wrangel von Hübenthal, C.** Eine neue Art Ziegelsteine / C. W. von Hübenthal // Archiv der teutschen Landwirthschaft und landwirthschaftlichen Technologie. – 1840. – Bd. 1. – S. 302.

230. **Wrangel von Hübenthal, C.** Etwas über die Fußwege (Trottoir) / C. W. von Hübenthal // Blätter für Stadt und Land. – 1846. – № 46. – 14. Nov. – S. 184.

231. **Wrangel von Hübenthal, C.** Miscellen / C. W. von Hübenthal // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. – 1838. – № 49. – 8. Dez. – S. 194.

232**. Wrangel von Hübenthal, C.** Ueber das Bedenken eines Chemikers in Nr. 2. d. Prov. Bl. / C. W. von Hübenthal // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. – 1838. – № 5. – 3. Febr. – S. 18.

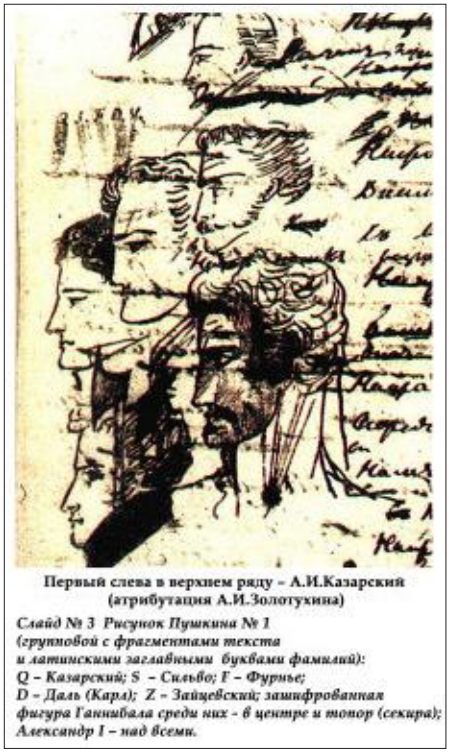
233. **Wrangel von Hübenthal, C.** Witebsk, den 4ten Sept. / C. W. von Hübenthal // Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland. – 1837. – № 37. – 16. Sept. – S. 146.

234. **Zahorski, W.** Zarys dziejów Cesarskiego Towarzystwa Lekarskiego w Wilnie (1805–1897) / W. Zahorski. – Warszawa, 1898. – 306 s.

Дадатак 6

Да матэрыялу М.А. Ляшчынскага

Мал. 1. А.І. Казарскі, 1830 г.



Мал. 2

Второй слева, снизу – летенант А.И.Казарский (ошибочно указывают – капитан-лейтенант). Атрибутация А.И.Золотухина.

Мал. 3

Атрибутация рисунка - Золотухин А.И. Справа Казарский А.И.

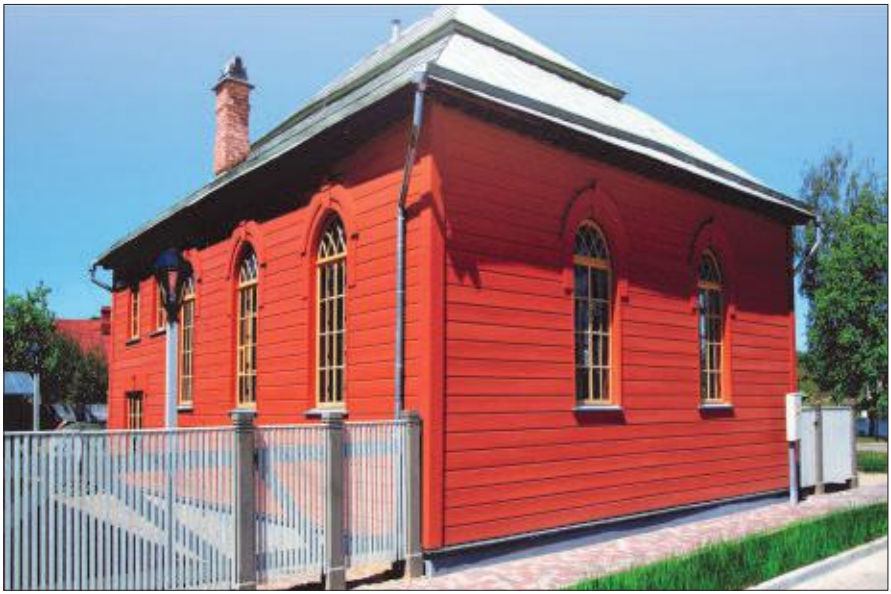
Мал. 4

Мал. 5. Першы помнік А.І. Казарскаму ў Севастопалі. 1839 г.

Дадатак 7

Да матэрыялу М. Буле

Фота 1. Лудзенская Вялікая сінагога. 30-я гг. XX ст.



Фота 2. Лудзенская Вялікая сінагога. 2016 г.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Агароднікаў Аляксандр Аляксандравіч	Выкладчык кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта
Агееў Аляксандр Рыгоравіч	Дацэнт Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова, к. г. н., дацэнт
Аляксеева Таццяна Уладзіміраўна	Старшы выкладчык кафедры літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Анісяеў Міхаіл Андрэевіч	Вядучы навуковы супрацоўнік навукова-даследчага аддзела Інстытута нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь
Арлова Ала Генадзьеўна	Краязнаўца
Базарэвіч Ганна Хасеніеўна	Аспірантка кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, магістр гіст. навук
Бараноўскі Аляксандр Віктаравіч	Магістрант кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Бараноўскі Андрэй Леанідавіч	Галоўны бібліёграф навукова-даследчага аддзела бібліяграфіі інфармацыйнага цэнтра Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі
Бароўка Ванда Юльянаўна	Прафесар кафедры літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, д. філал. н., прафесар
Белюкоў Дзмітрый Анатольевіч	Дэкан сацыяльна-гуманітарнага факультэта Вялікалукскай дзяржаўнай акадэміі фізічнай культуры і спорту, к. г. н., дацэнт (Расія)
Буле Мілана Валер’еўна	Дырэктар Лудзенскага Краязнаўчага музея (Латвія)
Валахановіч Ігар Аляксандравіч	Начальнік кафедры Інстытута нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь, к. г. н., дацэнт
Васіліцына Любоў Аляксандраўна	Архіварыус Свята-Успенскага жаночага манастыра в. Слабада Віцебскага раёна
Верамееў Сяргей Фёдаравіч	Дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, к. г. н., дацэнт
Гарохава Валерыя Юр’еўна	Студэнтка філалагічнага факультэта Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Гаўрыленкаў Аляксей Фёдаравіч	Прафесар кафедры сацыялогіі і філасофіі Смаленскага дзяржаўнага ўніверсітэта, д. г. н., дацэнт
Генкін Уладзімір Максімавіч	Дацэнт кафедры агульнага мовазнаўства Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. філал. н., дацэнт
Дзядзюліна Людміла Барысаўна	Загадчык інфармацыйна-бібліяграфічнага аддзела Цэнтральнай бібліятэкі імя Ф. Скарыны Полацкай РЦБС
Ермалёнак Вітольд Антонавіч	Настаўнік гісторыі, кіраўнік музейнага аб’яднання Міёрскай сярэдняй школы № 3 імя Героя Савецкага Саюза Ягора Андрэевіча Томкі

Іванова Таццяна Пятроўна	Дацэнт кафедры правазнаўства і сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Віцебскага філіяла УА ФПБ «Міжнародны ўніверсітэт «МИТСО», к. г. н., дацэнт
Капліеў Аляксей Аляксандравіч	Аспірант Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
Карновіч Марыя Аляксандраўна	Бібліятэкар Курынскай сельскай бібліятэкі Віцебскай цэнтралізаванай бібліятэчнай сістэмы
Карпекін Канстанцін Рыгоравіч	Галоўны захавальнік фондаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, к. г. н.
Кобрынец Валерый Арсеньевіч	Навуковы супрацоўнік Музея Беларускага Палесся (Пінск)
Корнікава Наталля Віктараўна	Старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны
Корсак Вольга Валер'еўна	Аспірантка гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
Косаў Аляксандр Пятровіч	Загадчык аспірантуры, дацэнт кафедры агульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. г. н., дацэнт
Коц Аляксей Леанідавіч	Выкладчык кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, магістр гіст. навук
Краско Генадзь Генадзьевіч	Прафесар кафедры Інстытута нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь, к. г. н.
Кузьміна Ала Сцяпанаўна	Галоўны бібліятэкар сектара рэдкай кнігі Брэсцкай абласной бібліятэкі імя М. Горкага
Кулінок Святаслаў Валянцінавіч	Загадчык аддзела інфармацыі і выкарыстання дакументаў Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі, к. г. н.
Ладожына Таццяна Мікалаеўна	Загадчык аддзела электронных рэсурсаў бібліятэкі Смаленскага дзяржаўнага ўніверсітэта, к. пед. н.
Лапотка Кацярына Аляксандраўна	Аспірант кафедры культуралогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў, магістр культуралогіі, вядучы метадыст сектара навукова-праектнай работы навукова-даследчага аддзела кнігазнаўства Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі
Лаўрык Юры Мікалаевіч	Вядучы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь, магістр тэалогіі
Ліпава Ганна Валер'еўна	Старшы навуковы супрацоўнік Віцебскага раённага гісторыка-краязнаўчага музея
Лісаў Аляксандр Генадзевіч	Дацэнт кафедры агульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. мастацтвазнаўства, дацэнт
Ляшчынскі Міхаіл Аляксандравіч	Намеснік старшыні Віцебскага абласнога савета ветэранаў
Макараў Максім Дзмітрыевіч	Старшы навуковы супрацоўнік РІУП «Навукова-тэхналагічны парк БНТУ "Палітэхнік"», к. г. н.
Марціновіч Сяргей Віктаравіч	Галоўны захавальнік фондаў Віцебскага раённага гісторыка-краязнаўчага музея

Махіня Вольга Уладзіміраўна	Намеснік дэкана па выхаваўчай рабоце гістарычнага факультэта Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Мыслівец Галіна Міхайлаўна	Старшы выкладчык кафедры гісторыі і турызму кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, к. г. н.
Мясаедава Святлана Мікалаеўна	Вядучы архівіст Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці
Нікіціна Людміла Канстанцінаўна	Захавальнік музейных каштоўнасцей народнага музея «Гісторыя Заронаўскага краю», краязнаўца
Падліпскі Аркадзь Міхайлавіч	Краязнаўца
Падстаўленка Віталь Феліксавіч	Дацэнт кафедры літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. філал. н., дацэнт
Півавар Кацярына Сяргееўна	Аспірант кафедры беларускага мовазнаўства Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, магістр філал. навук
Півавар Мікалай Васільевіч	Дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. г. н., дацэнт
Пушкіна Вольга Іванаўна	Старшы выкладчык кафедры агульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Пятрэнка Анатоль Уладзіміравіч	Старшы выкладчык кафедры філасофіі і паліталогіі Віцебскай дзяржаўнай акадэміі ветэрынарнай медыцыны, аспірант кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Пятрэнка Наталля Аляксандраўна	Магістрант кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, настаўнік гісторыі і грамадазнаўства сярэдняй школы № 24 г. Віцебска
Саматой Ірына Вацлаваўна	Старшы выкладчык кафедры літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Свецік Вікторыя Леанідаўна	Вучаніца 11 класа гімназіі №1 г. Віцебска
Сінкевіч Таццяна Іванаўна	Старшы выкладчык кафедры агульнага і рускага мовазнаўства Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Слесарава Таццяна Пятроўна	Дацэнт кафедры агульнага і рускага мовазнаўства Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава, к. філал. н., дацэнт
Струнчанка Андрэй Андрэевіч	Вядучы метадыст Віцебскага абласнога метадычнага цэнтра народнай творчасці
Трусава Алена Рыгораўна	Старшы выкладчык кафедры філасофіі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава
Хмяльніцкая Людміла Уладзіміраўна	Гісторык, гісторык мастацтваў

Царагародцава Марына Леанідаўна	Бібліятэкар аддзела электронных рэсурсаў бібліятэкі Смаленскага дзяржаўнага ўніверсітэта
Цітова Наталля Іванаўна	Настаўнік гісторыі і грамадазнаўства гімназіі № 9 г. Віцебска
Чараўко Віктар Уладзіміравіч	Старшы выкладчык кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, магістр гіст. навук
Шаўкун Павел Віктаравіч	Дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных навук Віцебскага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта, к. г. н., дацэнт
Шнэр Наталля Алегаўна	Вядучы архівіст Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці, магістр пед. навук
Шышанаў Валерый Аляксеевіч	Намеснік дырэктара па навуковай рабоце Віцебскага абласнога краязнаўчага музея
Юркевіч Галіна Андрэеўна	Бібліятэкар бібліятэкі Свята-Богаяўленскага Куцеінскага манастыра
Юрчак Дзяніс Валер'евіч	Галоўны спецыяліст галоўнага ўпраўлення ідэалагічнай работы, культуры і па справах моладзі Віцебскага аблвыканкама, к. г. н.
Яшчанка Аксана Рыгораўна	Загадчык кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны, к. г. н., дацэнт

ЗМЕСТ

Прадмова 3

ГІСТАРЫЧНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА

Агееў А.Р. Дзейнасць Спірыдона Собаля ў кантэксце беларуска-ўкраінскіх школьных сувязей канца XVI – XVII ст. 4

Анисяев М.А. Организация борьбы с дезертирством на Западном фронте в 1919–1920 гг. 8

Арлова А.Г. Адлюстраванне гістарычнага і культурнага мінулага в. Бачэйкава ў мастацкім фільме «Джэнтэльмен і певень» (1928 г.) 13

Базарэвіч Г.Х. Культурна-адукацыйныя і забаўляльныя мерапрыемствы Віцебска як крыніца даходаў для галадаючых Паволжа ў 1921–1923 гг. 17

Бараноўскі А.В. Матруна Маркевіч – аўтар узору, узятага за аснову арнаменту на дзяржаўным сцягу Беларусі 21

Барановский А.Л. Железнодорожное строительство в военном городке Боровка Лепельского района: неизвестные страницы истории . . 23

Белюков Д.А. Из истории краеведения: И.М. Пульхеров – священник, просветитель, краевед 28

Валаханович И.А. Организация и деятельность Витебской областной оперативно-чекистской группы НКВД 32

Иванова Т.П. Роль исторического краеведения в гражданско-патриотическом воспитании и развитии исторического образования школьников 37

Каплиев А.А. Истоки формирования службы скорой медицинской помощи в городе Витебске в первой четверти XX столетия 43

Кобринец В.А. К вопросу об источниках поступления русских монет на территорию Беларуси 47

Корсак О.В. Краеведческое направление деятельности Витебского губернского статистического комитета (60–80-е гг. XIX в.) . . 52

Косов А.П. Международные связи Витебщины в 2000-е гг. в контексте развития интеграционных процессов 55

Коц А.Л. Да пытання аб забудове Полацкага Запалоцкага пасада ў XI–XII стст. (па матэрыялах археалагічных раскопак 2012–2013 і 2015–2016 гг.) 59

Краско Г.Г. Деятельность органов НКГБ – МГБ среди репатриантов . 66

Кулинок С.В. Разоблачение партизанами Витебщины немецкой агентуры в годы Великой Отечественной войны 70

Марціновіч С.В. З гісторыі кінафікацыі Віцебскага і Суражскага раёнаў у 1920–1930-я гг. 74

Марціновіч С.В., Ліпава Г.В. З гісторыі калгаса імя Ланцуцкага і в. Агароднікі Віцебскага раёна 79
Махиня О.В. Краеведение как средство патриотического воспитания студенческой молодежи 83
Нікіціна Л.К. Школьная адукацыя ў Заронаўскім краі ў XIX – першай палове XX ст. 87
Огородников А.А. Мероприятия советской власти в отношении памятников истории и культуры в 1917–1941 гг. (на примере Полоцка) 92
Петренко А.В. Изменение организационной структуры армий Западного фронта в 1915–1917 гг. на примере 10-й армии 96
Пятрэнка Н.А. Сем узгоркаў Віцебска. 98
Струнченко А.А. О жизни и деятельности Якова Петровича Кульнева (по материалам журнала «Русская старина»). 103
Титова Н.И. Люди с улицы Подвинской 105
Трусова Е.Г. Михаил Николаевич Гнилорыбов: судьба в русской революции 110
Хмельницкая Л.В. Внучка Томаша Зана – «крупнейшее явление среди всех людей пера, пишущих об Инфлянтах» 115
Чараўко В.У. Кераміка як матэрыяльнае сведчанне памінальнага абраду (па матэрыялах раскопак могільніка каля в. Клешчыно Бешанковіцкага раёна ў 2013 г.) 120
Шишанов В.А. К библиографии публикаций Карла Гюбенталя и о нем 123
Юрчак Д.В. Восстановление разрушенных культовых объектов Витебска: история и перспективы 138
Яшчанка А.Р. Гандаль кнігамі і канцтаварамі ў гарадах БССР у першыя пасляваенныя гады. 147

ЛІТАРАТУРНАЕ КРАЯЗНАЎСТВА І МАСТАЦКАЯ КУЛЬТУРА

Аляксеева Т.У. Фальклор у драматургіі Фёдара Палачаніна 150
Бароўка В.Ю. Падзвінне ў мастацкіх творах В. Ластоўскага: аксіялагічны ракурс 154
Генкин В.М. Ойконимия Витебщины как источник сведений по истории региона 159
Горохова В.Ю. Жанр сказки в польском фольклоре 163
Лещинский М.А. Александр Сергеевич Пушкин и Александр Иванович Казарский 167
Лісаў А.Г. Віцебскі «Маладняк» у зборніку «Пачатак» (да 90-годдзя першага беларускага літаратурнага альманаха ў Віцебску) 173

Мясаедава С.М. «Яўрэйскі Даль» Залман Храпкоўскі 179
Падстаўленка В.Ф. Аповесць «Голы звер» Міхася Зарэцкага як унікальны жанравы прыклад 184
Півавар К.С. Роля краязнаўства ў дзейнасці студэнцкага лінгвістычнага гуртка Віцебска 186
Пушкина О.И. Контаминация образа русалки в мифологии восточных славян. 191
Саматой І.В. Жанрава-стылёвы аспект прозы Сяргея Рублеўскага . 196
Свецік В.Л. Сістэма маральна-этычных каштоўнасцей у жыцці і творчасці Максіма Танка. 199
Синкевич Т.И. Названия озер – культурно-историческое наследие наших предков. 203
Слесарева Т.П. Эпитет-колоратив *красный* в песенных текстах Витебского Поозерья: семантический аспект 206

КУЛЬТУРНА-АСВЕТНЫЯ ЎСТАНОВЫ Ў СІСТЭМЕ СУЧАСНАГА КРАЯЗНАЎСТВА

Дедюлина Л.Б. Биобиблиографический указатель «Исследователи Полотчины XVI – начала XXI в.» как один из источников сохранения исторической информации о Полоцке 210
Ермалёнак В.А. Старыя беларускія выданні ў музеі кнігі і друку ДУА «Міёрская сярэдняя школа № 3 імя Героя Савецкага Саюза Ягора Андрэевіча Томкі» 213
Карновіч М.А. Бібліятэчнае краязнаўства як фактар захавання нацыянальнай культуры і гісторыі 218
Корникова Н.В. Посещение памятников историко-культурного и природного наследия в регионах Беларуси интеллигенцией в начале XXI в. 222
Кузьмина А.С. «Берестейские книгосборы» как пример регионального краеведческого проекта 227
Ладожина Т.Н., Царегородцева М.Л. Персоналии смоленско-витебского приграничья: по материалам печатных источников Смоленщины *232*
Лапотка К.А. Праектная дзейнасць як сродак захавання і папулярызацыі кніжнай спадчыны 238
Півавар М.В. Феномен Куржалава: месца і роля асобы ў развіцці краязнаўства Беларусі 240
Подлипский А.М. Краеведческий клуб Витебской областной библиотеки им. В.И. Ленина 246
Шнер Н.О. Краеведческий алфавит 251

РЭЛІГІЙНАЕ ЖЫЦЦЁ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Буле М.В. Лудзенская Большая синагога: история, реставрация, развитие, перспективы 256
Василицына Л.А. Устные источники в церковном краеведении: история монастыря по воспоминаниям старожилов 261
Верамееў С.Ф. Язафат Кунцэвіч: партрэт на фоне эпохі 265
Гавриленков А.Ф. «Смоленские епархиальные ведомости» как источник по истории конфессий в Смоленской губернии в 1865–1918 гг.. 269
Карпекін К.Р. Іўдзейская абшчына Оршы ў сярэдзіне 1940-х – 1970-я гг. 274
Лаўрык Ю.М. Да пытання пра крыніцы Скарынавага перакладу Бібліі 278
Макараў М.Д. Новая крыніца па гісторыі Васкрасенскай Рынкавай царквы ў Віцебску 283
Мыслівец Г.М. Станаўленне агульнацаркоўнага культу Еўфрасінні Полацкай (1910–1917) 288
Шевкун П.В. Коммуникативный аспект ликвидации Брестской унии на территории Полоцкой православной епархии (1833–1840 гг.) 294
Юркевич Г.А. Кутеинская Лавра – духовно-просветительский центр в XVII в. 300

Дадаткі 305
Звесткі пра аўтараў 329